Академик Всеволод Николаев

АЛЕКСАНДР II

ЧЕЛОВЕК НА ПРЕСТОЛЕ

Историческая биография

В Ленинграде на канале Грибоедова стоит необычная для XIX века, исполненная пронзительной красоты, заколоченная церковь... Если этот значительный, но безликий ныне городской пейзаж мысленно подставить под свет истинной истории, то, как в волшебном фонаре, перед нами предстанет один из красивейших уголков Санкт-Петербурга, где на Екатерининском канале, на месте убийства Царя-Освободителя возвышается храм "Спас на Крови". Одновременно три этих названия напомнят нам о трех правителях царского дома Романовых, чьи заслуги перед Россией (и чем ближе время их царствования к революционной границе, тем больше) не любит вспоминать советская историческая наука. Напомнят нам, в частности, об императоре Александре Втором, за которым, как пишет историк С.Ф. Платонов, "навсегда останется имя великого преобразователя, принесшего русскому народу неведомые ему дотоле блага гражданственности".

Пожалуй, ни один из его предшественников на троне, верша преобразования в стране и занимаясь международной политикой, в такой степени не руководствовался в своих действиях идеями Добра, истинного Блага и христианского Милосердия, как этот государь... Пожалуй, ни один из царевичей дома Романовых не воспитывался с такой идеалистической убежденностью, ни у кого другого с детства так тщательно не подбирались учителя и наставники, призванные не только преподать своему воспитаннику всевозможные науки на самом высоком для того времени уровне и подготовить к наследованию монархической власти, которая на Руси издревна считалась абсолютной и Богоданной, но и объяснить всю ответственность монарха за благоденствие подданного ему народа.

Вот как звучал один из первых манифестов этого императора: "При помощи небесного Промысла, всегда благодеющего России, да утверждается и совершенствуется ее внутреннее устройство. Правда и милость да царствуют в судах ее. Да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов, для всех равно

справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодами трудов невинных".

Унаследовав власть, Александр умело провел крупнейшие преобразования в стране, навсегда отменив крепостное владение душами, реорганизовав суды и другие правительственные учреждения. "Если, – пишет А.А.Кизеветтер, – искусство править состоит в умении верно определять назревшие потребности эпохи, открывать свободный выход таящимся в обществе жизнеспособным и плодотворным стремлениям, с высоты беспристрастия умиротворять взаимно-враждебные партии, то нельзя не признать, что Александр Николаевич верно понял сущность своего призвания в достопамятные 1855-61 годы своего царствования". Позже безвременная смерть государя помешала ему дать стране конституцию, которая несомненно во многом бы изменила грядущую судьбу России.

О всем сложном жизненном пути этого русского императора, начиная от раннего детства до трагической его гибели на Екатерининском канале от руки террориста-народовольца, о его преобразованиях и реформах, военных походах и дипломатических встречах, поступках и побуждениях, о его насыщенной и неспокойной личной жизни рассказывает книга американского профессора В.А.Николаева, начавшего свою исследовательскую деятельность еще на родине, в Болгарии, а позже вынужденного покинуть ее из-за господствующего там коммунистического режима. В своих трудах профессор Николаев всегда уделял большое место исследованиям по русской истории, многие из этих материалов печатались в газете "Новое Русское Слово" (США), отдельной книгой на русском языке вышел также его исторический труд "Александр Первый – старец Феодор Кузмич". Исторический период, которому посвящен настоящий том, особенно интересен и дорог исследователю еще и потому, что именно при Александре Втором, при горячем участии этого императора, как и всего русского народа, была освобождена от многовекового турецкого владычества Болгария.

Историческая биография

АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ — ЧЕЛОВЕК НА ПРЕСТОЛЕ

Prof. Dr. Vsevolod Nikolaev

ALEXANDER II — THE MAN ON THE THRONE

Historical Biography

Munich
— 1 9 8 6 —

Академик Всеволод Николаев

АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ — ЧЕЛОВЕК НА ПРЕСТОЛЕ

Историческая биография

Мюнхен
— 1986 —

V.A. Nikolaev. Alexander II – The Man On The Throne.

Редактор Нина Бодрова.

Copyright © 1985 by the Author

Tous droits réservés pour tous pays
Alle Rechte vorbehalten
All rights reserved. No part of this publication may be translated, reprinted, reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording or any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Author.

Distributed by A. Neimanis Buchvertrieb GmbH
Bauerstr. 28, 8000 Munich 40, West Germany
Druck: E. Zeuner 8000 München 50

Посвящается доктору Георгию А. Табакову, американо-болгарскому патриоту, не переставшему оказывать мне последние два года моральную и материальную поддержку, способствуя выходу в свет второго тома моих работ по русской и болгарской истории.

А также всем моим многочисленным читателям, своей поддержкой и интересом вдохновивших меня на это издание.

Всеволод А. Николаев

Академик Всеволод А. Николаев

Вместо предисловия

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ О ПЕРВОМ ТОМЕ

После выхода в Америке в сентябре 1984 года первого тома моих исторических трудов — "Александр Первый — старец Феодор Кузмич", тираж которого разошелся в несколько месяцев, я получил лично и через редакцию "Нового Русского Слова" более двухсот читательских писем с восторженными отзывами и просьбами об издании второго тома — "Александр Второй — человек на престоле", публиковавшегося с марта 1983 по июнь 1985 г. дважды в месяц в воскресных номерах газеты. Эти письма сыграли для меня решающую роль при издании второго тома.

7 апреля 1985 года в "Новом Русском Слове" была опубликована обстоятельная положительная рецензия одного из авторитетнейших специалистов по русской истории в Америке — доктора исторических наук Леонида Тарасюка — о первом томе моих трудов. Рецензия называлась "Тайна императора Александра".

"Один из виднейших специалистов по русской литературе профессор Джон Глэд, удостоенный нескольких премий за переводы сочинений современных русских писателей, — пишет рецензент, — считает, что недавно вышедший труд академика Всеволода Николаева "Александр Первый — старец Феодор Кузмич" является одной из лучших книг по истории России, опубликованных за последние пятьдесят лет. Успех издания, которое вышло в свет в сентябре 1984 года и теперь уже почти полностью распродано, подтверждает как высокое качество этого труда, так и несомненный интерес к нему со стороны широких читательских кругов. Жизнь выдающегося русского царя, ставшего после победы над Наполеоном вершителем судеб Европы, рассказана автором с

большим мастерством, в духе повествований лучших русских историков-классиков".

Рецензент дает такую оценку психологическому состоянию царя в конце его царствования: "...Громадное напряжение сил во всех дипломатических и военных испытаниях, пагубное влияние наследственности и пережитая в молодости трагедия постепенно разрушали, по мнению автора, здоровье Александра, который все больше и больше впадал в болезненный мистицизм. Это душевное состояние и привело царя в конце концов к решению оставить трон и удалиться в отшельническую жизнь..."

Далее доктор Тарасюк пишет: "Конечно, и прежде были авторы, старавшиеся доказать тождественность старца Феодора Кузмича с императором Александром, но никто, пожалуй, не смог столь убедительно изложить эту поразительную гипотезу, как академик Николаев, которому удалось сконцентрировать целый ряд красноречивых фактов и логических выводов, говорящих в пользу этого предположения". И рецензент заключает: "...Хотя автор не скрывает своей глубокой симпатии к личности императора Александра, он, как подлинный ученый, рассказывает о тех явлениях, которые отнюдь не льстят ни правлению этого монарха, ни его личному образу. Объективность и прямота исследователя проявляются и в той беспристрастности, с которой он критически рассматривает взгляды советских историков и официальных историографов дореволюционной России".

Добавлю, что рецензия эта дает весьма объективное объяснение моей концепции *исторической биографии*, основанной на фактах, но синтетически обработанной для читателя с целью предоставить ему достоверный и интересный рассказ о жизни и деятельности данной исторической личности, рассказ не обремененный ссылками и историческими примечаниями. Я стараюсь в своих трудах придерживаться заветов французского историка Фюстеля де Куланжа: "Всю жизнь аналитические изыскания, лишь полчаса синтеза..."

...Отвечаю на просьбы некоторых моих читателей — рассказать о моей работе в исторической области здесь,

в Америке. Ей предшествовали долгие аналитические изыскания в Болгарии в бытность мою старшим научным сотрудником Болгарской академии наук, а впоследствии директором Института Истории при ней. Уже в тот период публиковались мои статьи и книги по русской и болгарской истории.

Позже, когда я освободился из под гнета коммунистического режима — попал из Болгарии на Запад, я был избран профессором русской истории и литературы в самом большом бельгийском университете в Лувене. Оттуда в 1960 году я переехал в Соединенные Штаты и несколько месяцев работал в качестве университетского библиографа в Блумингтонском университете (штат Индиана). Затем я принял профессорство в Нью-Йоркском университете, а позже, из-за несогласия с методами преподавания в нем, организовал свой собственный институт славяноведения в Нью-Йорке. С апреля 1975 года я начал сотрудничество в газете "Новое Русское Слово", публикуя в ней свои статьи по истории России, Византии и Болгарии. Это позволило мне наконец продолжить свою деятельность писателя-историка, то есть последовать своему настоящему призванию, чему помешала в свое время коммунистическая власть в Болгарии.

Поначалу характер публикуемых мной статей был довольно разнородный — о советизации болгарской Церкви, о Папе Иоанне XXIII, о Сперанском, о "Софье, Премудрости Божией" и т.д. Ни одной из этих статей главный редактор газеты Андрей Седых ни разу не вернул мне и даже не требовал каких-либо существенных изменений, разве иногда сокращая текст из-за недостатка места в газете. Учитывая интерес редакции к моим статьям, я начал обращаться и к более значительным и обширным историческим темам, когда один материал предназначался сразу для нескольких номеров газеты. Так в 1975 году я опубликовал обширную работу о богомилах в Болгарии, об их проникновении в Россию и на Запад. На нее пришло много читательских откликов. В 1976 году я опубликовал здесь несколько статей под рубрикой "Об истоках русской литературы", где были затронуты вопросы истории возникновения славянской

письменности в Болгарии; "Преславской школы" в Дунайской Болгарии, а также история славянских просветителей Кирилла и Мефодия. С августа 1976 года я начал писать и публиковать новую серию — "Дипломатия Ивана Грозного", а в октябре того же года следующую — "Софья Палеолог — Великая княгиня Московская". Судя по многочисленным положительным отзывам читателей газеты, серия эта имела успех.

В это же время я получил от Андрея Седых письмо, отрывок из которого мне хотелось бы привести: "...Ваши исторические статьи, опубликованные в нашей газете, вызвали большой интерес наших читателей. Среди наших подписчиков немало видных ученых, специалистов в области русской литературы и истории. Нами получено несколько писем, в которых читатели выражают интерес к Вашим статьям... Последние две главы "Софьи Палеолог" по решению редакции выйдут в специальных воскресных номерах, начиная с будущей недели февраля и первого воскресенья марта. Желательно, чтобы Ваши интересные статьи выходили бы хотя бы два раза в месяц в этих наших воскресных изданиях. Мы надеемся на Ваше сотрудничество в будущем.

Я уверен, что если бы Вы издали эти Ваши статьи отдельными книгами, в особенности Ваш труд "Софья Палеолог" — и не только по-русски, но и по-английски, — это бы стало значительным вкладом в гуманитарные науки..."

Ободряющее письмо главного редактора газеты, его положительная оценка моих статей по русской истории во многом определили мой будущий путь — я с жаром отдался дальнейшим изысканиям в области русской историографии...

И вот прошло уже десять лет с тех пор, как я начал постоянное сотрудничество с "Новым Русским Словом", публикуя здесь множество отдельных статей и разделенных на серии больших работ. Кроме уже упомянутого, я напечатал в этой газете следующие материалы: "Детство и юность Ивана Грозного" (1977), "Опричнина" (1977-1978), "Детство и юность Екатерины Великой" (1978), "Борис Годунов и Лжедмитрий" (1980), "История жиз-

ни императора-узника Иоанна Антоновича" (1980), "Молодые годы Петра Великого" (1980), "Судьба императрицы Екатерины Первой" (1980), "Трагедия императора Павла Первого" (1981), "История жизни и царствования императора Александра Первого" ("Александр Первый — старец Феодор Кузмич") (1981-1983), "Александр Второй — человек на престоле" (1983-1985).

29 декабря 1982 года я получил второе письмо от Андрея Седых с приглашением "продолжать — по его выражению — столь выдающееся сотрудничество" между мной и "Новым Русским Словом": "Ваш последний труд, посвященный жизни Александра Первого, — писал он мне, — особенно Ваша оригинальная интерпретация его тайного ухода с престола и выбора им пути русского отшельника, произвел большое впечатление на читателей и заслуживает быть изданным отдельной книгой, как на русском, так и на английском языке".

Одновременно с этой оценкой маститого критика, журналиста и писателя я стал получать предложения от разных издателей выпустить собрание моих трудов, ранее публиковавшихся в "Новом Русском Слове". Очень теплое письмо такого характера я получил от владельца издательства "Глобус" в Сан-Франциско — Владимира Николаевича Азара. Он предложил мне издать за счет своего издательства все десять томов моих трудов по истории. К прискорбию моему, этот замечательный человек и убежденный мой почитатель скоропостижно скончался в июле 1984 года, успев издать, и надо сказать, весьма удовлетворительно, только первый том из намеченных, а именно "Александр Первый — старец Феодор Кузмич".

Том этот разошелся почти полностью всего лишь за несколько месяцев: читатели, знакомые с моими публикациями в "Новом Русском Слове", буквально расхватали книгу. Я знал, что многие из них, как сообщали они мне в своих письмах, вырезали эти статьи из газеты и сохраняли их. Однако они постарались приобрести и книгу, памятуя о том, что газетная бумага недолговечна — быстро желтеет, а потом и вообще рассыпается в прах...

После выпуска первого тома я получил в общей сложности более двухсот писем с восторженными благодарностями, в которых отмечалось и то, что издание прекрасно выполнено.

Из-за недостатка места, к сожалению, я не имею возможности привести полностью все эти столь драгоценные для меня отзывы. Приведу здесь лишь немногие, самые типичные, выражающие мнение большинства.

В первую очередь мне бы хотелось назвать здесь моих читателей Александру Ивановну и Платона Александровича Малоземовых из Гринича (Коннектикут), которые много сделали для того, чтобы первый том вышел в свет, а также существенно помогли мне советами и материальными пособиями при издании второго. Александра Ивановна пишет мне: "Поздравляю Вас с выпуском Вашей чудной книги. Предвкушаю удовольствие прочитать биографию Александра Первого вновь. Русская история вообще интересна, а описываемый Вами период мой самый любимый. Сердечное Вам спасибо. Теперь буду с нетерпением ждать второго тома — "Александр Второй — человек на престоле".

Я с большой благодарностью получил субсидию от Толстовского фонда и от Американо-болгарского эмигрантского Мак-Гахановского фонда на издание второго тома — это мой труд об Александре Втором, Царе-Освободителе.

Глубоко тронула меня и моя читательница из Нью-Йорка Зинаида Дробчек: "Читала я в газете и теперь с радостью перечитываю каждую страницу Вашей интересной и значительной книги. До нее и других Ваших трудов, опубликованных в "Новом Русском Слове", русская история, переписанная современными историками, казалась мне такой сухой, тусклой, действующие лица в ней такими безжизненными, схематичными. Не чувствовалось никакой взаимосвязи между историческими событиями, происходившими в России и в других государствах в одну эпоху. Личность, характер определенного исторического лица как бы не играли особой роли, а на самом ведь деле как часто обаяние какого-нибудь человека меняло весь ход истории!.. Да, все казалось мне

раньше сухим, скучным, неинтересным в истории. Вы же пишете с любовью и вниманием, описываете людей как живых, объективно рассматриваете события. Ваш стиль оживляет все и всех — все делается ясным, понятным, человечным. В наше время еще никто так не писал. Прочитав так написанную русскую историю — нельзя ее забыть! Спасибо Вам за это, и дай Вам Бог сил и здоровья продолжить этот труд. Я горжусь тем, что наш государь защищал братские славянские народы — это ведь одна семья... Но печально читать, что его великодушием пользовались западные державы, в то время как русским солдатам приходилось проливать кровь". Эти строки в письме моей читательницы указывают на то, что она успела уже в газете ознакомиться и с личностью императора Александра Второго.

Эта милая читательница заканчивает свое содержательное письмо советом, который я с радостью принимаю на будущее: "Очень хочется, чтобы и во второй том Ваш попало так же много портретов и литографий: так приятно видеть лица тех, о ком пишется в книге. Даже если это поднимает цену на книгу. Я уверена, что большинство читателей с готовностью оплатят этот необходимый для них расход. Ведь мы живем в Америке, и где найти нам такие ценные и редкие иллюстрации, придающие Вашему труду еще большую ценность".

К сожалению, мне не довелось встретиться лично с этой эрудированной и тонкой моей читательницей, приславшей мне чеки на два первых тома моих работ, причем не только для себя, но и для своей дочери Нади Моховой из Флашинга (Нью-Йорк). Добавлю, что, как она и надеялась, настоящий второй том не разочарует ее — он, как и первый, содержит немало ценных иллюстраций к описываемому историческому материалу.

* * *

С особой радостью вспоминаю я здесь многочисленных моих читателей из числа американцев болгарского происхождения, неоднократно писавших мне и дававших весьма положительную оценку моим изысканиям в

области русской истории, так часто неразрывно связанной — в особенности в течение всего 19-го века — с историей Болгарии. (Как известно Царь-Освободитель Александр Второй в результате Освободительной войны 1877-1878 годов создал при помощи своих ближайших сотрудников, прежде всего посла в Константинополе графа Н.П. Игнатьева, на основе Сан-Стефанского мирного договора свободную независимую Болгарию.

Особое место среди этих моих друзей-единомышленников принадлежит доктору Георгию Табакову, одному из основателей "Мак-Гахановского американо-болгарского фонда" в Акроне и Нью-Лексингтоне (штат Огайо), оказывавшему мне на протяжении всех последних лет моральную и материальную помощь при издании моих работ на русском языке. Без этой его поддержки я вряд ли бы смог взяться за осуществление столь важного для меня дела. Не раз присланные им денежные пособия сопровождались письмами, проникнутыми духом беззаветного служения как Соединенным Штатам, так и будущей демократической свободной Болгарии. Неоднократно напоминал он мне, что я должен включить в мои исторические публикации повествование о судьбе многострадального болгарского народа и дать ей справедливую историческую оценку.

Немалый интерес к этим моим трудам, и в частности ко второму тому "Александр Второй — человек на престоле", проявил и другой мой соотечественник, Христо Бояджиев, бывший болгарский дипломат, порвавший еще в 1946 году с коммунистическим режимом и опубликовавший с тех пор несколько сборников рассказов и статей. Он издает с 1961 года в Рио-де-Жанейро один из самых значительных среди болгарской эмиграционной прессы журналов — "Bulgarian Review", отстаивающий вот уже 25 лет права Болгарии на свободное и независимое существование. Письмо его произвело на меня глубокое впечатление, и мне хотелось бы его здесь частично процитировать: "Очень тебе благодарен за биографию Александра Первого, царя-мистика. Первые сто пятьдесят страниц прочел не отрываясь, а теперь и закончил чтение твоего замечательного труда. В тексте масса лю-

бопытных неизвестных фактов. Замечательно вырисовано общество времен Александра; его соратники, зачастую пролившие на поле боя реки крови, все же оставались великодушными людьми. Между строк ощущается твоя любовь к русскому народу, исполненному врожденной благости и мистичности, к толстовскому и чеховскому барину и мужику, которые нам, болгарам, ближе всех остальных народов мира. Все они как бы оживают в твоих произведениях. Поздравляю тебя с выходом этого ценного и большого труда — это значительный вклад, внесенный болгарином в общечеловеческую сокровищницу науки. Теперь будем ждать "Александра Второго", великая память о котором для нас, болгар, омрачена последующей политикой императора Александра Третьего..."

* * *

Меня очень радует, что поток теплых и сердечных писем не прекратился, а продолжался все последующие за выходом книги месяцы и теперь число их уже перевалило за вторую сотню. Приведу из этой лавины посланий лишь несколько наугад взятых писем.

Вот письмо, полученное мной через "Новое Русское Слово", от русской турчанки Чичкаи Ерканоз, пенсионерки, живущей на Толстовской ферме, бывшей воспитанницы и сотрудницы Александры Львовны Толстой. Она пишет: "Приношу Вам глубокую благодарность за Ваше интересное описание русской истории, насыщенное эпизодами и фактами, о которых я до того никогда не слышала. Великий труд, в который Вы вкладываете так много сил и времени, дорог нам, старым эмигрантам из России, но я уверена, что еще больше его оценят наши дети, которые или знакомы с русской историей очень поверхностно, или совсем не знают ее..."

Н.П. Суханова, преподавательница русского языка в Кенсингтонском колледже (штат Мэриленд), пишет: "Большую часть Ваших исторических статей я читала в "Новом Русском Слове", а теперь с увлечением читаю "Александр Первый — старец Феодор Кузмич", первый

том Ваших трудов по русской истории. Все это замечательно интересно. Как полезно будет напечатать Ваши труды отдельными томами, и не только по-русски, но и по-английски. Это был бы незаменимый учебный материал как для преподавателей, так и для студентов американских университетов. Я лично преподаю русский язык и настоятельно советую своим студентам приобретать Ваши труды как на русском, так и на английском. Немало наших студентов уже достали первый том — мы с большим интересом читаем эту Вашу книгу..."

Я отвечал тогда любезной моей читательнице, что мои исторические работы, опубликованные перед моей эмиграцией на Запад, в бытность мою директором Института Истории при Болгарской академии наук, находятся в Америке в библиотеке Конгресса в Вашингтоне и в Нью-Йоркской публичной библиотеке. На Западе же я издал пока только две книги — известный ей первый том, пока еще не переведенный на английский, и изданную совместно с профессором Альбертом Парри — "The Loves of Catherine the Great" — книгу, вышедшую на английском языке в 1982 году. Она представляет собой психологическую и историческую монографию о первых трех увлечениях Екатерины Второй. Тираж книги полностью распродан. Что касается моих трудов по византийской, русской и болгарской истории, то они напечатаны пока лишь в нью-йоркской газете "Новое Русское Слово". Второй же том — "Александр Второй — человек на престоле" — выходит сейчас в издательстве А.Нейманиса в Мюнхене. Третьим томом выйдет вероятно в будущем году моя историческая работа "Софья Палеолог — Великая княгиня Московская".

Доктор Игорь Стутцер из Лондона (провинция Онтарио в Канаде) очень интересуется русской историей. Он написал мне два письма, в которых выражает желание увидеть в отдельном издании все мои работы, напечатанные в свое время в "Новом Русском Слове": "Меня особенно интересуют, — пишет он, — Ваши труды, описывающие проникновение христианства на Киевскую Русь, а также история возникновения первой славянской письменности и славянской литературы. Я готов, — добавляет

он, — уже сейчас выслать Вам сумму, которую Вы укажете, как абонемент на те книги, которые Вы намереваетесь издать в будущем".

В. Н. Гертели из Мильтона (штат Массачусетс) прислал мне несколько писем с заказом на первые два тома: "Ваша интереснейшая книга произвела на меня огромное впечатление, читаю и перечитываю ее с наслаждением. Я показал Ваш труд многим моим знакомым и они намерены его приобрести. Жду второго тома с нетерпением".

Моя читательница Альбина Поплавская из Флинта (штат Мичиган) прислала мне чек на оба тома, прибавив такой же чек "в фонд Ваших будущих изданий". Она пишет: "Читала и второй раз перечитываю Ваш необыкновенно интересный первый том — это редкая и чудная книга".

Не так давно получил я любезное письмо от архиепископа Серафима Чикагского и Детройтского, достойнейшего иерарха православной церкви в Америке. Оно пришло одновременно с заказом на первый том моих трудов. — "Прошу Вас выслать мне Вашу книгу "Александр Первый — старец Феодор Кузмич". Я довольно много прочитал на эту тему, но книга Ваша, по-видимому, судя по числу страниц и иллюстраций, самая обстоятельная. Мы с Вами когда-то встречались, но это было давно-давно... Я читаю Вашу эпопею о русских императорах в "Новом Русском Слове". Есть в ней кое-что для меня новое".

Галина фон Ланг из Нью-Меррика (штат Нью-Йорк) пишет: "С душевной благодарностью за Вашу прекрасную книгу, которую я ждала всю жизнь — мне сейчас 77 лет, — никогда не веря в кончину Александра в Таганроге..."

Вот отрывок из письма Владислава Идри из Бруклина: "Поздравляю Вас с большой творческой удачей. Прошу прислать мне Вашу книгу-бестселлер — "Александр Первый — старец Феодор Кузмич", которую читал в газете, затаив дыхание..."

Князь С.Г Трубецкой, секретарь Американской православной митрополии, пишет мне из Си-Клиффа (штат Нью-Йорк): "Очень прошу Вас выслать мне Вашу книгу,

буду особенно благодарен за Ваш автограф. Мы с женой хотим сделать подарок сыну на праздники..."

Е.Провэ из Манчестера (штат Коннектикут) адресовала свое письмо редактору "Нового Русского Слова" А.Седых: "Я готова выслать Вам деньги вперед на все тома, которые будут издаваться академиком Всеволодом Николаевым. Эти прекрасные книги, содержание которых я знаю по Вашей газете, сохраню я для детей и внуков, чтобы знали они настоящую историю России..."

Ольга Александровна Михалевская из Спрингфилда (штат Вашингтон) пишет: "Всегда с большим интересом читаю Ваши исторические статьи в газете. Узнала о создании фонда издания Ваших трудов отдельными книгами. Захотелось приобрести Ваш труд, посвященный жизни и деятельности императора Александра Первого на английском языке. Эту книгу я предназначаю для моих внуков и внучек — они, к сожалению, не читают по-русски, но очень интересуются прошлым нашей родины, которое Вы так правдиво и увлекательно описываете..."

Привожу здесь и весьма интересное письмо Нади Боткиной из Глен-Кова (штат Нью-Йорк), в котором она делится со мной своими воспоминаниями об эмигрантской жизни в Югославии, где она после революции оказалась со своим супругом, сыном известного доктора Боткина, разделившего трагическую участь царской семьи. Прибыв в Америку и получив магистерскую степень по библиотечному делу, она стала библиотекарем в Питсбургском университете, где сотрудничала с несколькими видными специалистами в области славяноведения, например, с профессором Джемсом Кларкэ, болгарином по происхождению. Она тоже дает весьма положительную оценку моим статьям в "Новом Русском Слове", предсказывает успех русскому многотомному изданию, но еще большего успеха ждет от моих трудов при издании их на английском языке.

Несколько писем я получил от Бориса Митрохина из русского православного монастыря Новое Дивеево в Спринг-Валли (штат Нью-Йорк). Он заказал мне два первых тома на русском языке и два на английском (очевидно, для себя и для библиотеки монастыря). В

ответ на мое предостережение, что английское издание запоздает, он пишет: "Я понимаю все Ваши трудности с английскими изданиями Ваших трудов, но буду терпеливо ожидать их выхода. Пришлите мне, пожалуйста, второй экземпляр первого тома "Александр Первый — старец Феодор Кузмич". Если английское издание задержится, прошу прислать мне второй том русского издания "Александр Второй — человек на престоле", когда эта Ваша книга будет напечатана".

Несколько писем я получил и от читателя Игоря Журкина, который, прислав заказ на оба тома, пишет: "Меня также интересуют Ваши труды, опубликованные в "Новом Русском Слове" о Екатерине Второй, Павле Первом и др. Изданы ли они в отдельных книгах? Я бы очень хотел их приобрести и, если они еще не вышли, не забудьте меня, когда они будут напечатаны".

Два очень теплых письма получил я вместе с заказами на первый и второй тома от профессора Ивана Ивановича Балуева, читающего лекции в Массачусетском университете, родного племянника профессора Н.С.Арсеньева, моего помощника в Институте славяноведения: "С огромным интересом и восхищением, — пишет он, — прочитал Вашу книгу об Александре Первом. В семье моей матери, урожденной Арсеньевой, твердо верили в то, что Феодор Кузмич — Александр Первый. Действительно мой прадедушка в молодости был по службе в контакте с купцом Хромовым, когда тот приехал в Санкт-Петербург после смерти Феодора Кузмича. Пожалуйста, пришлите мне по выходе с Вашим автографом книгу "Александр Второй — человек на престоле".

Этим отрывком я кончаю публикацию столь дорогих для меня читательских писем. Недостаток места, как я уже сетовал, не позволяет мне опубликовать их все.

Как и хотят мои читатели, мои труды, опубликованные в "Новом Русском Слове" и часть моих книг, изданных Болгарской академией наук, будут опубликованы здесь, на Западе. Третьим томом я предполагаю выпустить в будущем году мою работу "Софья Палеолог — Великая княгиня Московская".

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ КО ВТОРОМУ ТОМУ

Второй том моих исторических исследований в Америке посвящен самому блестящему монарху 19-го столетия – просвещенному и гуманному императору Александру Второму, отдавшему жизнь за преобразования и реформы в своей стране, сделавшему из отсталого государства страну, ни в чем не уступающую остальным великим державам мира. В самый день его убийства фанатиками "Народной воли" конституция государства Российского, написанная при посредничестве его ближайшего сотрудника и министра Лорис-Меликова, лежала на письменном столе государя.

Император Александр Николаевич достиг выдающихся успехов и на международном поприще: жертвенно помог освободиться родной по крови Болгарии от пятивекового турецкого ига и содействовал освобождению других народов, порабощенных Оттоманской империей. В области мировой политики Александр Второй спас США от разгрома, помешав интервенции Англии и Франции, бывших на стороне Юга в гражданской войне 1863 года. Наконец, он спас Францию от второго германского вторжения, подготовляемого Бисмарком в 1877 году.

Если бы, повинуясь своим чувствам и идя навстречу страстному увлечению его сверстницы английской королевы Виктории, он бы на ней женился и стал принцем-консортом в Англии, его жизнь протекла бы среди комфорта и английской стабильности и не была бы, конечно, прервана трагической гибелью. Но, прислушавшись к советам отца и собственному внутреннему голосу, он предпочел оставаться наследником российского престола и по смерти Николая Первого занял его трон, принесший ему столько несчастий и трагическую кончину.

Уже в четырнадцать лет Александр чувствовал себя совершенно иным человеком, чем его грозный и деспотичный отец. Отчасти его характер был порождением извечного конфликта "отцов и детей". Несмотря на то, что его детство прошло в атмосфере военного абсолютизма, столь характерного для эпохи Николая Первого, "культ личности" отца был ему совершенно чужд.

Когда царь спросил сына: "Ну, Саша, а как бы ты наказал декабристов?" – цесаревич ответил:

– Я бы их простил, папа.

Очевидно такой ответ весьма озадачил Николая, требовавшего ото всех, включая, конечно, и собственных детей, безусловного одобрения своей расправы с врагами престола.

Но еще удивительнее то спокойствие, с которым царь принял мнение сына, будучи обычно категоричен и нетерпим к критике своих действий. Педантизм Николая отлично иллюстрирует, например, такой случай: когда берлинский придворный портретист поднес в дар государю его портрет, писаный маслом, Николай прищурился и пересчитал на портрете пуговицы мундира. Увидев, что одной не хватает, он вернул изумленному берлинцу портрет. Александр отлично знал характер отца, с не меньшей скрупулезностью следившего и за пуговицами своих офицеров. И все же он нашел в себе достаточно прямоты, чтобы высказать то, о чем он думал на самом деле. Наверное, после этого разговора Николай понял, что наследник его будет править иначе.

Но не исключено, что и сам Николай понимал, что наступают новые времена, и сознательно хотел подготовить к ним цесаревича...

Николай Павлович, при всей деспотичности его характера, не был тем посредственным солдафоном, каким его изображает советская историография. Конечно, его взгляды были абсолютистскими, а идеалом для него служил образ Людовика XIV. Царскую власть он понимал Богоданной. Россия казалась ему непригодной для европейских нововведений. Он почитал себя столпом абсолютизма в Европе и, борясь с крамолой, был уверен, что тем самым способствует укреплению монархии. Он жил памятью о 1825 годе и, загипнотизированный страхом перед возможностью мятежа, стремился заморозить время. Но Николай понимал, что такая "консервация" станет невозможна, когда на престол вступит его сын. Предвидя в будущем политические перемены, он стремился подготовить к ним своего наследника. В этом я вижу причины его терпимости к либеральным настроениям сына и смысл его усилий привить сыну некоторые демократические принципы.

Именно поэтому и окружил он Александра такими либеральными воспитателями, как В.А. Жуковский и М.М. Сперанский. Среди преподавателей Александра были даже лишенные университетских кафедр за вольнодумство профессора К.И. Арсеньев и П.А. Плетнев. Даже Закон Божий и Священное Писание преподавал цесаревичу известный своими либеральными настроениями протоиерей Г.П. Павский, на увольнении которого настоял, однако, впоследствии митрополит Филарет.

Поэтому неудивительно, что, имея таких наставников, Александр стал государем либеральным, освободившим крестьян и

от души поддерживавшим Авраама Линкольна в его борьбе за отмену рабства в Америке.

И если б судьба предоставила Александру вместо России любой европейский трон, он бы и на нем стал славен как один из величайших монархов новейшей истории.

Дореформенное положение российских крестьян было тяжелым. В то время как в Западной Европе, благодаря влиянию католицизма и соперничеству римских пап с королями, крестьяне получали все больше прав и их зависимость стала ограничиваться отдачей помещикам одной десятой с их поземельных доходов и строго оговоренными повинностями, в России крестьяне были имуществом помещиков, наделенных в отношении крепостных неограниченной властью. Никакие законы не предусматривали ограничение господского произвола вплоть до времен Петра Первого. Начиная с его царствования и особенно при Екатерине Второй под влиянием западноевропейского общественного устройства были изданы указы, в силу которых помещики стали, наконец, весьма серьезно наказываться за жестокость в отношении крепостных. Но сами крестьяне были практически лишены возможности жаловаться государю на жестокое обращение, так что наказание могло производиться лишь по личной инициативе губернской администрации. Тогда и возникла на Руси поговорка "До Бога высоко, до царя далеко". Хотя Николай Первый предпринимал в отношении регламентации отношений между помещиками и крепостными некоторые законодательные меры, цельного и твердого законодательства в России на этот счет не существовало. Помещик наказывался лишь в случае, когда губернская экспертиза устанавливала, что потерпевшему крепостному нанесено серьезное физическое увечье.

Конечно, при такой системе помещикам не составляло труда воздействовать на карательные инстанции подкупом и иного рода давлением. И все же к концу царствования Николая Первого более 200 дворянских поместий европейской России находились под государственной опекой вследствие констатации жестокого обращения их владельцев со своими крепостными. Мы знаем, например, что мать И.С. Тургенева превратила жизнь своих подданных в ад кромешный, постоянно их истязая; что за невыносимые преследования крепостные графа Аракчеева убили его наложницу.

"Старый суд, – пишет в своей интересной монографии "Россия в XIX веке" известный историк С.Г. Пушкарев, – был одним из самых темных пятен дореформенной России. Взяточничество и вымогательство, произвол, лицеприятие, волокита, бесконечное хождение по инстанциям, судопроизводство под покровом канце-

лярской тайны составляли его характерные черты. Для каждого сословия существовал отдельный суд с выборными, но невежественными и плохо оплачиваемыми судьями. Фактически вершителями дел в судах были не судьи, а судебные канцелярии со всемогущими секретарями во главе, ибо только они плавали, как рыба в воде, в безбрежном бумажном море неясных законов, запутанных инструкций и противоречивых решений высших инстанций".

Вот что еще пишет Пушкарев о прежнем суде в России: "Карательная система была чрезвычайно жестокой: тяжкие уголовные наказания, вроде ссылки на каторгу или на поселение, обязательно сопровождались мучительными телесными наказаниями: наложением клейма, кнутом или плетью для лиц гражданского ведомства; палками, шпицрутенами или "кошками" – для военных. Иногда эти жестокие телесные наказания означали в действительности мучительный вид смертной казни".

Эпоха 60-х гг., проникнутая гуманными и либеральными стремлениями, разрушила мрачное и жестокое царство старого суда и создала на месте его "суд скорый, правый, милостивый, равный для всех". Последние слова о суде, нужном России, принадлежат самому императору Александру.

Александр Второй стал во главе преобразовательных реформ, открывших новую эпоху в истории России.

Один из лучших знатоков истории жизни и царствования императора Александра Второго С.Татищев, оценивая его значение в истории России, пишет: "Император Александр Николаевич всегда и во всем желал добра и не раз говорил, что единственная и главная его цель "сделать народ свой счастливым, просвещенным и охраняемым в своем развитии твердыми законами и ненарушимым правосудием". В этих словах – вся его программа и вся цель его управления. "Нет в мире большего величия, чем величие нравственное, – пишет Татищев. – Александр Николаевич пал жертвой своего доброжелательства, своего доверия к людям, своего человеколюбия и кротости. Гуманный и чуткий ко всему и ко всем, Александр проявлял непоколебимую стойкость и последовательность в этой своей политике не только в отношении России, но и всего мира".

Столь же положительно судит о нем и известный американский историк Стефен Грэхем, называющий Александра Второго в своей о нем книге "Царем Свободы", творцом "новой демократии в России, созданной освобождением крестьян, введением в стране всенародного образования и созданием журналистики..."

В настоящем труде я знакомлю читателей с этим необыкновенным российским государем, и на троне остававшимся человеком.

Всеволод Николаев

"В Царствование Александра Второго, Императора Всероссийского, волею и любовью Его освобождена Болгария"

(Надпись, высеченная русскими воинами на воздвигнутом ими гранитном обелиске в Софии в 1878 году и уничтоженная коммунистами в 1944 году.)

"Я с особым удовольствием поднимаю бокал за здоровье государя... В сущности никому другому, а ему и только ему обязаны мы освобождением крестьян..."

(Лев Толстой. Тост на торжественном банкете тульского дворянства по случаю отмены крепостного права.)

Император Александр Второй в августе 1856 года.
Шел ему тогда 38-й год, и был он в расцвете своих умственных и физических сил. Государь изображен в генеральской гвардейской форме с лентой и звездой ордена Св. Андрея Первозванного. Накинутая на плечо горностаевая мантия указывает, что портрет был сделан во время коронации (официальная гравюра 1856 года).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО
(1818-1834)

Глава первая

САША

Родителями будущего императора Александра Второго были брат Александра Первого великий князь Николай Павлович и дочь прусского короля Фридриха-Вильгельма Третьего принцесса Шарлотта, ставшая после принятия православия великой княгиней Александрой Феодоровной. Александра была родной племянницей и крестной дочерью английской королевы Шарлотты, супруги короля Георга Третьего и, таким образом, родственницей будущей английской королевы Виктории.

Отмечу, что в то время у Николая не было никаких шансов взойти на русский престол, так как он был лишь младшим братом императора Александра Первого и великого князя Константина Павловича, второго брата царя. Цесаревич — наследник престола — Константин, казалось, самой судьбой был определен стать царем России, так как Александр не имел наследника: его супруга, императрица Елизавета Алексеевна, родила ему лишь двух дочерей, умерших еще в раннем возрасте. Константин же, будучи семнадцатилетним юношей, по повелению своей бабушки Екатерины Второй женился на принцессе Юлии Сакс-Кобург-Готтской, родной сестре матери Виктории. Юлии тогда было лишь пятнадцать лет. Брак этот был весьма неудачным, и Константин, не имея детей, развелся с ней и женился морганатическим браком на своей любовнице — польке, получившей по милости царя титул княгини Лович.

Александр согласился на этот развод и на этот второй морганатический брак своего брата при непременном условии: полное отречение Константина от всех прав на русский престол для себя и своего будущего потомства.

Акт отречения, подписанный Константином и скрепленный подписью царя, содержался в абсолютной тайне, как и указ Александра Первого, назначающий младшего брата, Николая Павловича, наследником престола. Секретный акт этот был положен в специальную шкатулку и, по распоряжению царя, поставлен московским митрополитом в тайник Успенского собора, находящийся в алтаре храма. Ни мать государя, императрица Мария Феодоровна, ни даже сам великий князь Николай Павлович ничего не знали об этом решении Александра. Константин по приказанию царя хранил полную тайну о своем отречении до самой предполагаемой смерти Александра, объявленной официально лишь в декабре 1825 года. Это обстоятельство и стало причиной замешательства и бунта 14 декабря 1825 года.

Ничего подобного не знает мировая история: два брата, наследники престола, спорили друг с другом не о том, кто захватит власть, как это всегда бывало на Западе, а наоборот, отказывались от трона один в пользу другого. И в то время, когда Николай и за ним двор присягали в Петербурге Константину Павловичу, тот в Варшаве присягал Николаю. И лишь когда Константин открыл тайну своего отречения, Николай согласился вступить на русский престол.

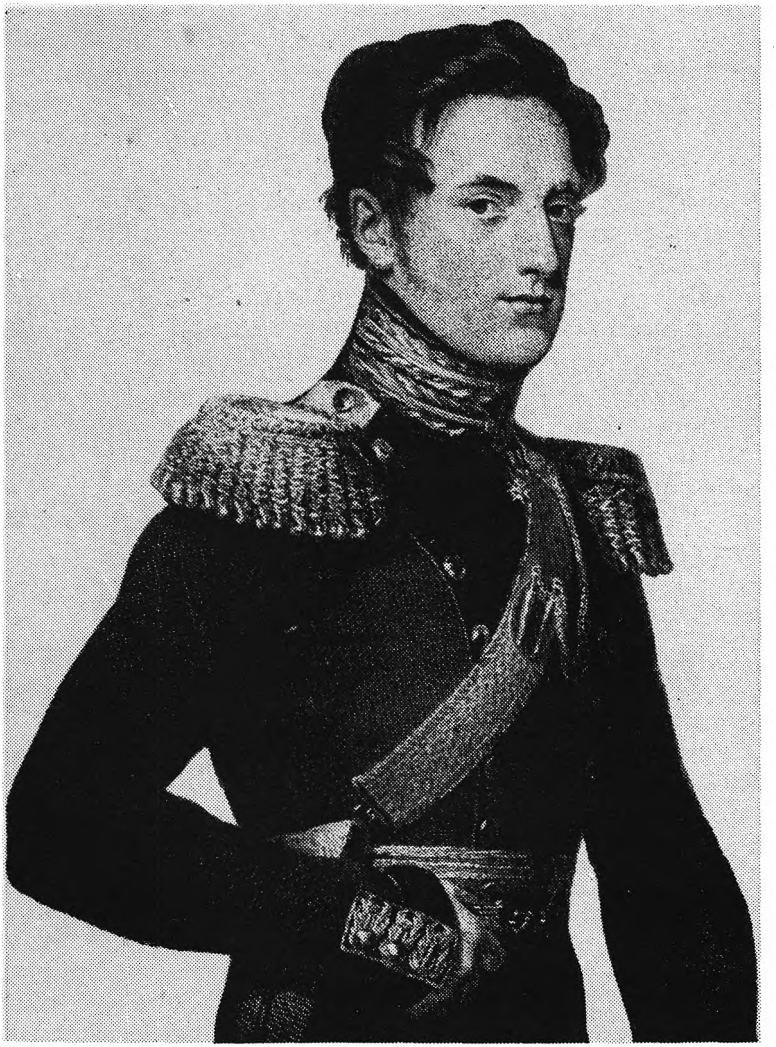
Таким образом переменился весь ход российской истории: Николай Первый стал императором, а его старший сын Александр, будущий император Александр Второй, стал цесаревичем и наследником престола. (Император Александр Первый официально был объявлен умершим в Таганроге 19 ноября, по новому стилю 1 декабря, 1825 года.)

14 декабря (по новому стилю 26 декабря) этого же 1825 года в Петербурге вспыхнула настоящая революция, так называемое восстание декабристов. Воспользовавшись замешательством правительства, офицеры, члены тайного революционного Северного общества, решили объявить царем "законного государя Константина Павловича" и одновременно провозгласить конституцию. Однако мятеж этот полностью провалился, с одной стороны, из-за весьма плохой организации его, с другой

— ввиду отказа присоединиться к восставшим остальных столичных полков, оставшихся верными новому императору. Этого поражения декабристов не произошло бы, если бы новый царь, молодой император Николай Первый, не проявил исключительного самообладания, несомненного мужества и личной инициативы. Николай с маленькой свитой верных ему гвардейцев-офицеров, верхом на коне явился перед толпой взбунтовавшихся солдат и офицеров, собравшихся на Сенатской площади. Не испугавшись направленных на него ружей и тяжелых орудий, Николай врезался в толпу и начал громко уговаривать бунтарей разойтись. Несмотря на это, мятежники оставались на площади, но никто из них не осмелился посягнуть на жизнь молодого царя, так внушительны были его личная отвага и решительность. А он тем временем послал за подкреплениями и вызвал конную гвардию — два полка, которые оставались ему верны и немедленно явились на его призыв. На толпу мятежников навели пушки, но солдаты мешкали и, хотя офицеры подавали команды, видимо, не хотели стрелять в своих товарищей. Николай продолжал увещевать мятежников, которые пребывали в растерянности, не смея атаковать молодого царя.

Короткий зимний день шел к концу, был большой мороз, а общее замешательство все продолжалось. В это время молодой гвардейский офицер Бакунин, родной дядя знаменитого революционера-анархиста Михаила Бакунина, приказал своим солдатам выстрелить из пушки в восставших и, видя, что солдаты медлят, сам подбежал к орудию и сделал один за другим три выстрела. Последовало еще несколько пушечных залпов.

Николай продолжал, сидя на коне, наблюдать за начавшейся пальбой. Его решительное поведение подействовало на мятежных офицеров и солдат, быть может, более, чем пушечные выстрелы. Толпа мятежников вдруг дрогнула и, несмотря на отчаянные призывы своих вождей, которые сами не смели стрелять в царя, бросилась врассыпную. Офицеры и солдаты, прежде примкнувшие к мятежу, массами торопливо покидали площадь. В то же самое время верные царю полки, выстроенные за

Великий князь Николай Павлович – будущий император, отец Саши. (Современная гравюра с оригинала Г. Дау.)

Великая княгиня Александра Феодоровна, будущая императрица, супруга императора Николая Первого, мать Саши, в костюме русской боярыни. (Современная немецкая литография.)

ним плотными шеренгами, оставались на площади, очищенной от восставших. Так окончился пресловутый декабрьский мятеж 1825 года.

Вернемся, однако, на несколько лет назад, к только что обручившимся великому князю Николаю Павловичу и великой княгине Александре Феодоровне. Жизнь их текла весьма обыкновенно, ничем не отличаясь от жизни остальных членов императорского дома. Александра Феодоровна писала старшему брату Вильгельму, ставшему впоследствии первым германским императором: "Жизнь наша совсем банальная (она употребляет французский термин "буржуазная", т.е. обыкновенная, не царская — В.Н.). Мы выходим в свет весьма редко... обыкновенно по воскресеньям обедаем у мама (вдовствующей императрицы Марии Феодоровны — В.Н.) и по вечерам сидим дома и играем в макао (модная тогда карточная игра — В.Н.). На этих вечерах собирается общество страшно старых людей в стиле "рококо". Это преимущественно престарелые, полуслепые сенаторы и видные вельможи времени императрицы Екатерины... но наш собственный мир — между нашими сердцами..."

Они были влюблены друг в друга и, невзирая на столь скучное окружение, по признанию Александры, весьма счастливы. Они вместе читали английские и французские романы, увлекались Вальтером Скоттом и мадам де Сталь, которая стала особенно популярной в России после ее конфликта с Наполеоном и приезда в Россию, где она имела несколько встреч с императором Александром. Ее "Дельфина" и "Корина" были при дворе любимыми книгами. Однако с особым вниманием читали они ее трактат "О Германии", в котором мадам де Сталь восхищалась нравами и традициями феодальной Германии, что импонировало им обоим. Александра обожала романтическую обстановку феодальной Германии, с ее опрятными уютными домиками и готическими соборами на площадях, перед которыми били окруженные зеленью фонтаны. Она и в Петербурге в своих комнатах держала в горшках экзотические цветы, за которыми сама ухаживала. Кроме того, по обычаю немецких хозяек, как в своих комнатах в Берлине, держала она в осо-

бых немецких клетках канареек и других певчих птиц, которых сама кормила и за которыми сама присматривала.

В этой обстановке она чувствовала себя словно на родине, и это еще более украшало ее жизнь с любимым мужем. Очевидно, Николаю нравилась эта домашняя жизнь и, видимо, под ее влиянием он стал заниматься музыкой и сочинял не только популярные полковые марши, но и церковные гимны и даже оперные арии.

В этой счастливой атмосфере стали у них рождаться дети: в 1818 — Александр, в 1820 — Мария, в 1822 — Ольга. Позднее в июне 1825 года родилась у них еще одна девочка — Александра, а после восшествия Николая на престол, между 1826 и 1831 годами, — еще четыре мальчика: Константин, Михаил, Владимир и Алексей. Это многочисленное потомство само по себе говорит о весьма счастливой семейной жизни Николая и Александры.

* * *

Маленького обаятельного великого князя Александра Николаевича с самого дня рождения родители и все в его семье, и не только в семье, а и во всей необъятной Российской империи звали Сашей. Так русские люди любовно выражали свою приязнь к красивому, приветливо улыбающемуся мальчику, правнуку великой Екатерины, которому суждено было сесть на российский престол и прославиться гуманными реформами. Думаю, что читателям будет небезынтересно перенестись со мною в эту далекую историческую эпоху и присутствовать при самом рождении будущего императора.

В начале апреля 1818 года члены императорской фамилии, соблюдая древнюю русскую традицию, прибыли в Москву, чтобы в первопрестольной столице встретить светлые пасхальные праздники. Удалясь от придворной суеты Санкт-Петербурга, хотели они провести последние предпаспальные недели в кремлевских соборах в посте и молитвах, как тогда еще строго практиковалось на Руси. Отсутствовал лишь сам император Александр Первый,

занятый поездкой по южной Руси и по предложению своего всесильного временщика графа Аракчеева посещавший основанные им "военные поселения", которым Александр, впрочем, ошибочно, предрекал блестящее будущее.

Императрица Мария Феодоровна, вдова императора Павла, которая после смерти супруга полновластно распоряжалась всей жизнью царской семьи, настояла на том, чтобы все члены династии прибыли в Москву, совместно говели, исповедовались и причащались на пасхальной заутрене. Зная о значительном уже сроке беременности великой княгини Александры Феодоровны, супруги ее любимого сына великого князя Николая Павловича, она решила предоставить им удобное и богато обставленное помещение рядом с ее собственными покоями в Архиерейском доме, находящемся при Чудовом монастыре в самом центре Кремля, который впоследствии, после восшествия на престол Николая Павловича, стал называться Николаевским дворцом.

Тут в Светлую Среду, 17 апреля 1818 года, в 11 часов утра и родился будущий император Александр Второй. Вот как в своих воспоминаниях будущая императрица Александра Феодоровна описывает это событие: "Тогда я услыхала первый крик моего первого ребенка. Ники целовал меня, заливаясь слезами, и вместе мы возблагодарили Бога, не зная еще, даровал ли Он нам сына или дочь..." Очевидно, доктора и сестры милосердия унесли новорожденного сейчас же, чтобы его обмыть и уложить в колыбель... "Тут, — продолжает свой рассказ Александра Феодоровна, — вошла матушка (вдовствующая императрица Мария Феодоровна — В.Н.) и, подойдя к нам, сказала: "Поздравляю вас с сыном..."

Как тогда было заведено, при рождении младенца царствующего дома пушечный салют (201 залп) возвестил москвичам о счастливом событии. На следующий день — это был Светлый Четверг, 18 апреля, — преосвященным Августином, тогда еще архиепископом Московским, совместно со всеми соборными предстоятелями Кремля в Успенском соборе был отслужен торжественный благодарственный молебен в присутствии членов

императорской фамилии, всего двора и всех высших военных и гражданских чинов империи, пребывавших в первопрестольной столице. Придворный поэт Василий Андреевич Жуковский, ставший впоследствии главным воспитателем Александра, поднес родителям ребенка торжественную оду, восхваляющую рождение великого князя.

Александр Первый направлялся в то время в Варшаву, где он должен был открыть польский Сейм, а на обратном пути посетить южные губернии России. В день рождения племянника, названного в его честь Александром, царь открывал тронной речью польский Сейм. Потом он продолжил свое путешествие, намереваясь посетить Одессу и Крым. Сообщение, посланное ему Николаем и Александрой, получил он лишь вечером 27 апреля в Бессарабии, в местечке Бельцы, где готовился провести ночь.

Во время торжеств по поводу рождения Александра, как сообщают источники, его родителями из Бессарабии было получено от императора поздравление и одновременно назначение новорожденного шефом лейб-гвардейского гусарского полка.

5 мая в Чудовом монастыре духовник двора протопресвитер Криницкий совершил крещение младенца в присутствии обеих императриц — Елизаветы Алексеевны и Марии Феодоровны, — членов императорской семьи и двора. Новорожденного внесла в храм статсдама графиня Ливен, по правую руку которой поддерживал подушку главнокомандующий Москвы генерал Тормасов, а по левую — действительный статский советник князь Юсупов. После окончания обряда Крещения и Миропомазания, совершенного московским архиепископом Августином, во время пения "Тебе Бога хвалим" начали торжественную пальбу пушки, поставленные в Кремле у Алексеевского монастыря, которые произвели опять 201 пушечный залп. Одновременно зазвонили колокола всех кремлевских соборов и московских церквей. Вечером императрица Мария Феодоровна, по обычаю, дала торжественный ужин, на котором присутствовали члены высшего духовенства, двор и высшие сановники. Всю

Чудов монастырь, в котором был крещен великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр Второй.

ночь Москва и Кремль были иллюминированы. Состоялись всенародные угощения и гуляния.

Тормасов, а по левую — действительный статский советник князь Юсупов. После окончания обряда Крещения и Миропомазания, совершенного московским архиепископом Августином, во время пения "Тебе Бога хвалим" начали торжественную пальбу пушки, поставленные в Кремле у Алексеевского монастыря, которые произвели опять 201 пушечный залп. Одновременно зазвонили колокола всех кремлевских соборов и московских церквей. Вечером императрица Мария Феодоровна, по обычаю, дала торжественный ужин, на котором присутствовали члены высшего духовенства, двор и высшие сановники. Всю ночь Москва и Кремль были иллюминированы. Состоялись всенародные угощения и гуляния.

Император Александр прибыл в Москву лишь

1 июня. Он с радостью посетил любимого своего брата Николая и невестку Александру, которые представили ему новорожденного.

3 июня приехал в Москву прусский король Фридрих-Вильгельм с двумя своими сыновьями — кронпринцем Вильгельмом и принцем Карлом. Он поднес внуку самый высокий прусский орден — звезду и ленту Черного Орла, который красовался на второй подушке рядом с осыпанным крупными бриллиантами орденом Св. Александра Невского, поднесенным императором Александром.

Торжества эти завершились лишь к концу июня, когда члены царского дома возвратились в Санкт-Петербург.

Глава вторая

ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Первые годы своей жизни до семилетнего возраста маленький Саша жил со своими родителями в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге, где семья великого князя Николая Павловича обыкновенно проводила зиму. Но как только наступало лето, Саша с родителями переезжал в Павловск, к бабушке, вдовствующей императрице Марии Феодоровне. Эта волевая женщина, которая после смерти мужа стала руководить всеми семейными делами Романовых, с присущей ей немецкой методичностью, по примеру своей свекрови Екатерины Великой, взяла в руки все заботы о воспитании внука, к которому она сильно привязалась. Она ревниво руководила выбором наставниц и нянек для любимого внука. Так главной наставницей Саши Мария Феодоровна назначила дочь ближайшей своей приятельницы графини Адлерберг — Ю.Ф. Баранову, брат которой состоял адъютантом при отце мальчика. Уход за Сашей был поручен старшей надзирательнице — Н.В. Тауберг и трем боннам-англичанкам А.А. Кристи, Е.И. Кристи и М.В. Касовской, бывшей за-

мужем за русским. Очевидно, чопорная немка Мария Феодоровна не доверяла русским нянькам и предпочитала английских профессиональных бонн, слывших лучшими в Европе благодаря своей опрятности и внимательному уходу за детьми.

Родители Саши дважды за это время были за границей, проведя в Западной Европе почти целый год в первом своем путешествии (с сентября 1820 до августа 1821 года) и целую осень — во второй поездке. Эти поездки необходимы были для лечения Александры Феодоровны. Во время пребывания родителей за границей Саша оставался на попечении бабушки, которая нежно заботилась о внуке.

Летом 1824 года Саше пошел седьмой год, и, по установленной традиции, было начато его военное воспитание. Назначение его первого военного воспитателя, капитана Мердера, состоялось по личному выбору отца Саши. Николай хорошо знал этого отличного гвардейского офицера, прославившегося в походах 1805 и 1807 годов и долгие годы служившего воспитателем в Первом кадетском корпусе. В настоящее время был он ротным командиром в школе гвардейских прапорщиков, состоявшей под попечительством Николая Павловича, который, как уже говорилось, попросил императора Александра назначить Мердера военным гувернером Саши. Итак, 8 июля 1824 года капитан Мердер приступил к своим обязанностям.

Мальчик с ранних лет очень любил военные игры и сразу привязался к своему наставнику. Уже на второй день, 9 июля, одетый в гвардейскую военную форму, в сопровождении своего воспитателя он прибыл на маневры гвардейских полков, которые состоялись в присутствии императора Александра Павловича. Увидев племянника с Мердером, государь с ласковой улыбкой громко приветствовал их обоих: "Здравствуй, брат Мердер! — воскликнул он. — Ты с твоим молодцом уже здесь! Он, я знаю, охотник до всего военного..."

Можно себе представить, как польстило внимание государя маленькому великому князю, боготворивше-

Император Николай Первый с супругой императрицей Александрой Феодоровной и сыном цесаревичем Александром Николаевичем, будущим императором Александром Вторым. (Миниатюра Дж. Дау по гравюре Т. Райта, 1826 г.)

му дядю и слышавшему о его походах против Наполеона от бабушки и от отца.

Надо отдать Мердеру справедливость, с первых дней своего назначения он оправдал доверие Николая Павловича. Отношение к нему будущего императора видно из письма, которое Николай собственноручно написал Мердеру в сентябре 1824 года из Берлина, где он с семьей был в гостях у Сашиного дедушки короля Фридриха-Вильгельма: "Мне весьма приятно слышать, сколь матушка довольна успехами Александра Николаевича и вашим с ним обхождением... Добрые вести о сыне моем меня душевно радуют, и я молю Бога, дабы укрепил Он его во всем добром. Продолжайте с тем же усердием, с которым вы начали новую свою должность, утвердите и оправдайте мое о вас мнение..."

Скоро великий князь Николай Павлович взошел на русский престол под именем императора Николая Первого. Сейчас же после своего воцарения манифестом 12 декабря 1825 года он провозгласил сына, цесаревича и великого князя Александра Павловича, наследником престола. Саша, глубоко взволнованный, услышал это известие от флигель-адъютанта Кавелина в присутствии воспитателя Мердера. Мердер вспоминает, что чувствительный мальчик заплакал, когда Кавелин читал ему манифест отца.

14 декабря, услышав от Кавелина, что мятежные полки столкнулись на Сенатской площади с оставшимися верными Николаю гвардейскими полками, Саша снова залился слезами, видимо, страдая за отца, который лично командовал войсками, вышедшими против мятежников. Кавелин застал Сашу за раскрашиванием литографии, изображавшей поход Александра Македонского. В этот исторический день, когда были слышны артиллерийские залпы с Сенатской площади, Сашу, по приказу императора, посадили в обыкновенную извозчичью карету и перевезли из Аничкова дворца в Зимний дворец, охраняемый гвардией. Престолонаследника в сопровождении Кавелина и Мердера без каких-либо осложнений подвезли к крыльцу со стороны набережной. Саша был в гвардейской форме корнета и в первый раз в жиз-

ни надел синюю ленту и звезду ордена Св. Александра Невского.

Сашу ввели в Голубую гостиную Зимнего дворца, где находились обе императрицы — Мария Феодоровна и Александра Феодоровна,— сидевшие в креслах в окружении маленькой свиты самых близких к ним придворных. Властная, всегда владеющая собой Мария Феодоровна казалась спокойной и ласково улыбалась, приветствуя внука. Однако Саша сразу почувствовал большое волнение матери, которая боялась за судьбу мужа. Александра Феодоровна была очень бледна, губы ее и рука, поданная сыну, слегка дрожали. В гостиной были слышны выстрелы с Сенатской площади, звуки которых старались заглушить громкими разговорами придворные дамы, казавшиеся тоже взволнованными.

Вдруг забили барабаны гвардейцев, стоявших на карауле в коридоре, у входа в Голубую гостиную. Александра Феодоровна сразу успокоилась и, усадив сына на диван около себя, радостно сказала ему по-французски: "Sacha, c'est papa!"

Настроение у всех мгновенно переменилось, и, конечно, мальчик почувствовал эту радостную перемену. Сердце его забилось, когда распахнулись обе двери и вошел император Николай Павлович. Он подошел к матери и жене и расцеловался с ними. Потом взял сына на руки и расцеловал его в обе щеки. Он казался спокойным, хотя все еще был очень бледен. Сын навсегда запомнил эту сцену: возвращение с Сенатской площади торжествующего отца.

Однако их характеры были уже тогда совсем различны. Через несколько лет, когда Саше пошел тринадцатый год, как-то раз император вошел в комнату сына, где воспитатель Жуковский давал ему урок истории по Декабрьскому восстанию 1825 года. "Саша, — спросил его отец, узнав от Жуковского, что речь шла о подавлении бунта декабристов, — как бы ты наказал их?" Мальчик потупил глаза, подумал мгновение и спокойно ответил императору: "Я бы их простил". Николай Павлович, смущенный этим неожиданным ответом, тяжело вздохнул и, не сказав ни слова, вышел из комнаты.

Мне хочется подчеркнуть, что этот эпизод весьма реально рисует глубокую разницу между твердым, непоколебимым Николаем Первым и его наследником. Конечно, можно не без основания предположить, что именно в этом духе воспитывал его Жуковский. Замечу, что Николай Павлович знал о либеральных настроениях своего придворного поэта и все-таки назначил его главным воспитателем сына. Может быть, сам отец в глубине души чувствовал все несовершенство своего авторитарного управления и понимал, что сын будет царствовать в другие времена.

Но вернемся к событиям 14 декабря этого столь памятного для маленького Саши 1825 года.

После короткого разговора с матерью и женой, а также с придворными, находившимися с ними в Голубой гостиной, император велел стоявшему у дверей камердинеру матери Гримму вывести Сашу к выстроенному во дворе Зимнего дворца гвардейскому саперному батальону. Гримм, взяв на руки престолонаследника, снес его по внутренней лестнице во двор. Царь обратился к саперам с речью, прося их "любить сына, как сам он любит их". Потом, взяв Сашу на руки, передал мальчика георгиевским кавалерам, только что получившим эту награду за отвагу и верность в подавлении восстания, и приказал каждому правофланговому солдату в каждой роте подойти и поцеловать его сына. Можно себе представить восторг и ликование солдат, целовавших престолонаследника России, будущего императора... Конечно, эти события на всю жизнь остались в душе мальчика.

Пять дней спустя весьма довольный поведением сына Николай назначил его шефом лейб-гвардии Павловского полка, а 30-го числа того же месяца — канцлером Александровского университета в Финляндии. Этими столь ранними отличиями царь, очевидно, стремился не только даровать сыну высокое положение в империи, но и внушить ему самому чувство ответственности.

Из отечественных источников мы узнаем, что Саша проводил лето 1826 года в Царском Селе с обеими своими сестрами, великими княжнами Марией и Ольгой. Весь его придворный штат состоял из воспитателя капи-

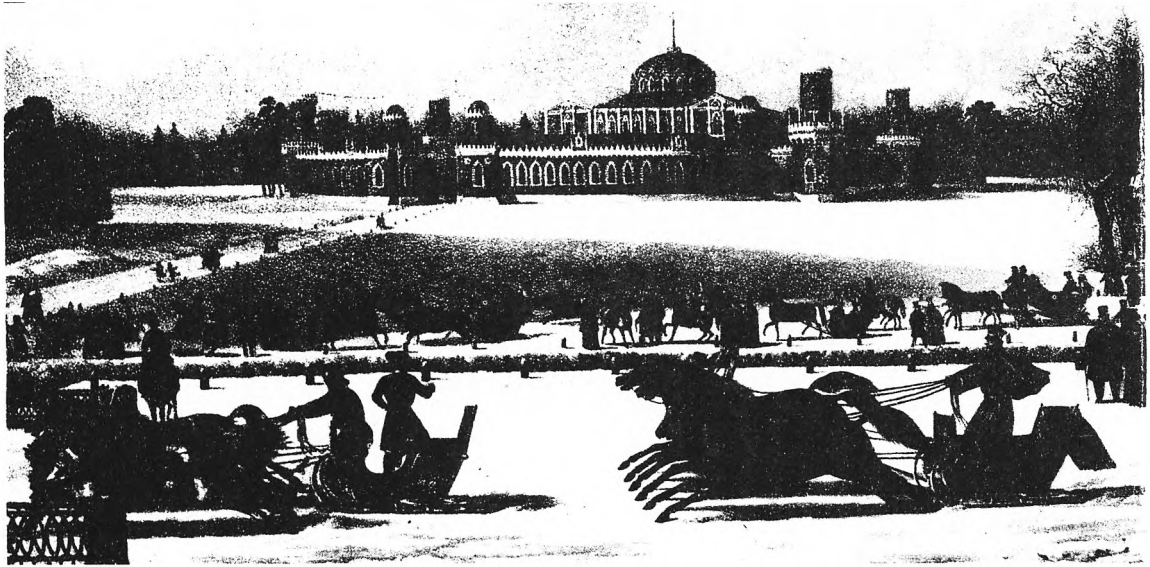

Екатерининский дворец в Царском Селе. (Фотографический снимок XIX века.)

тана Мердера и г-на Жилля, французского швейцарца, который начал учить его французскому языку.

Чрезвычайный посол французского короля Карла X маршал герцог де Мармон пишет в своих мемуарах, что его крайне удивило отсутствие всякой пышности в окружении русского престолонаследника — особенно в сравнении с многочисленным двором и торжественным этикетом, которыми был окружен во Франции малютка герцог Бордосский, внук короля. Герцог де Мармон не без удивления записал и свой разговор с императором Николаем, который ему сказал: "Хочу воспитать в моем сыне человека, прежде чем сделать из него государя..." Отправляя французского посла в Царское Село и разрешив ему встретиться с наследником и его сестрами, Николай особенно настоятельно просил его "не вскружить голову сыну", если "маршал, командовавший армиями, вдруг станет ему оказывать почтение". Герцога очень удивила "обаятельная простота Александра, его самообладание, хладнокровие и уверенность в себе", когда мальчик весьма удачно маневрировал лодкой, катая по реке в Царском Селе именитого французского гостя.

10 июля 1825 года цесаревич Александр Николаевич отбыл из Царского Села в Москву, чтобы присутствовать на коронации отца. Сопровождали его главный воспитатель Мердер, гувернер Жилль и учитель рисования, известный живописец Зауэрвейд. Эти трое учителей великого князя оставили записки, сделанные ими во время путешествия. Из этих источников мы узнаем, что Александр со своими спутниками останавливался по пути для обеда, ужина и ночлега в городах, через которые они проезжали, и конечно пользовался этими остановками для ознакомления с городскими достопримечательностями. Так, в Новгороде Александр со своими спутниками осматривал знаменитый Софийский собор и исторические места города: дом Марфы Посадницы и старинный мост через Волхов. Мердер, преподававший в кадетском корпусе русскую историю, рассказал своему воспитаннику о походе Ивана Грозного и о казнях новгородских бояр. В Вышнем Волочке Александр особенно интересовался устройством шлюзов на каналах. В

Петровский дворец

Торжке он восхищался местными произведениями народного искусства и весьма обрадовал торговцев, накупив многочисленные подарки родителям и родственникам: парчовые, вышитые золотом и серебром пояски, сафьяновые сапоги и прочее. В Твери особенно поразил его вид на Волгу, который зарисовал в нескольких картинах его учитель Зауэрвейд. Наконец, на седьмой день этого памятного для Александра путешествия карета наследника подъехала к первопрестольной столице. Москва поразила Александра своим чисто русским видом, величием золотых куполов соборов и живописностью старинных дворцов. Все это было совсем непохоже на Санкт-Петербург и его окрестности, с которыми так свыкся мальчик. Всюду народ восторженно приветствовал цесаревича и толпился вокруг его кареты.

В двух верстах от Петровского дворца Александра встретила сама вдовствующая императрица Мария Феодоровна. Встреча с любимой бабушкой была, как описывают очевидцы, очень сердечной. За Марией Феодоровной последовал Александр со своими спутниками в Петровский дворец, где они должны были ожидать прибытия императора Николая Павловича и императрицы Александры Феодоровны. Наконец 26 июля состоялся их торжественный въезд в Москву. За каретами царской семьи двигались многочисленные дворцовые экипажи. По обеим сторонам пути несметные толпы народа приветствовали царскую чету и их сына. Оглушительный трезвон колоколов всех соборов и пушечные салюты придавали особенную торжественность въезду. Все это врезалось в память мальчика, напоминало ему о величии страны, в которой царствовал его отец и в которой, Александр хорошо это сознавал, предстояло царствовать и ему.

Однако императрица с сыном провели в Кремле всего три дня. Очевидно, атмосфера Кремлевского дворца тяготила Александру Феодоровну, привыкшую к западным удобствам Санкт-Петербурга. На четвертый день своего пребывания в Москве Александра Феодоровна переехала на дачу графини А.А. Орловой-Чесменской, в ее имение Нескучное, где они пробыли три неде-

ли перед коронацией, отложенной из-за нездоровья императрицы. Богатейшая библиотека этой резиденции, впоследствии переименованной в Александровский дворец в честь пребывания здесь Александра, служила ему классной комнатой.

Утро он проводил в этой комнате, занимаясь со своими учителями, а остальное время посвящал военным упражнениям, осмотру достопримечательностей первопрестольной столицы, прогулкам по московским садам и окрестностям города. Александр посещал московские святыни и молитвенно поклонялся мощам чтимых по всей России чудотворцев. Побывал он также во всех московских соборах, посетил и знаменитые монастыри — Чудов, Донской и Данилов, где разговаривал с монастырскими старцами, с радостью встречавшими его.

Побывал Александр и в Оружейной палате, куда приходил несколько раз, восхищаясь старинным русским оружием и ценностями, находившимися там. Не забыл посетить и некоторые известные заводы и фабрики, удивляя своей любознательностью управляющих и надзирателей, которые показывали ему производство, устройство машин. Наконец, он участвовал в соколиной охоте, про которую наслышался от своих учителей и которой Русь славилась с давних времен. Верхом ездил Александр на Воробьевы горы, в Останкино и Архангельское, присутствовал на военных маневрах, проходивших в окрестностях Москвы.

На торжественном параде, состоявшемся 30 июля, не по летам ловкий наездник вызвал восторг всех присутствовавших и заслужил нескончаемые овации многотысячной толпы. Ему восторженно аплодировали, когда он на фланге лейб-гусарского полка проскакал мимо императора и, подъехав к нему, ловким, уверенным движением остановил своего коня, приветствуя отца, как это сделал бы самый опытный наездник-офицер. Французский посол герцог де Мармон восхищался мальчиком, когда Саша — как он тоже начал его называть — в пехотном строю командовал взводом гренадеров, вдвое выше его ростом. Он записал свой разговор с импера-

ром, которого сердечно поздравил с необыкновенно успешным воспитанием сына.

22 августа в древнем Успенском соборе происходила коронация императора Николая и императрицы Александры. Александр присутствовал на этом незабываемом торжестве, где русские иерархи возложили короны на головы новых царя и царицы России. Торжественное пение хора, золотые и серебряные парчовые ризы епископов и священников, клубы фимиама, возносящиеся к куполу собора, обряд Миропомазания, совершенный столичным митрополитом, присутствие всех членов императорской семьи, двора, высших военных и гражданских чинов, дипломатического корпуса — все это казалось маленькому Саше чудной сказкой, в которой сам он участвовал. Присутствовал он и на царском торжественном обеде в Грановитой палате со всеми остальными членами императорской семьи.

Вечером весь Кремль и вся Москва были богато иллюминированы; Александр выехал в открытой карете со своим воспитателем Мердером, чтобы полюбоваться иллюминацией. "Едва показался наследник престола, — пишет Мердер в своем дневнике, — раздалось радостное "Ура!" Народ толпою бросился к коляске. Власть полиции исчезла; все уступает толпе радостного народа; подобно морскому валу воздымающемуся, люди лезут друг на друга, падают, вскакивают, бегут, хватаются за колеса, рессоры... Все кричат: "Ура! Ура, Александр Николаевич, наш московский князь! Ура! Ура!" Трогательная картина!.."

В блестящих балах, маскарадах и приемах, данных во дворце, в Большом театре, в Дворянском собрании, в домах русской аристократии и представителей иностранных государств, маленький Александр не принимал участия. Однако в его присутствии зажгли грандиозный фейерверк и начались всенародные празднества.

30 августа отпраздновал Александр свои именины в резиденции графини Орловой-Чесменской, которая по этому поводу пригласила его сверстников — десять девочек и десять мальчиков, детей московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, графов Виельгорско-

Театральная площадь в Москве. С литографии О. Кадоля.

го и Толстого, князя Гагарина и отпрысков других знатных семейств. Дети пили чай, играли в разные игры в комнатах и в саду. Саша получил множество подарков; бабушка Мария Феодоровна подарила ему прекрасного арабского скакуна чистых кровей. В этот же день император назначил сына шефом Польского Первого конно-егерского полка. 21 сентября Александр, простясь с родителями, выехал со своими спутниками из Москвы и 27 того же месяца вернулся в Царское Село.

Глава третья

ВОСПИТАНИЕ САШИ

Надо отдать справедливость императору Николаю Павловичу: воспитание старшего сына в качестве наследника престола он считал своей постоянной и неотложной задачей. Был он хорошим отцом, строгим, взыскательным и достаточно проницательным, чтобы полностью разглядеть необыкновенные природные способности Саши, который уже в раннем возрасте напоминал умом свою великую прабабушку — Екатерину Вторую. Несмотря на свой деспотичный характер, Николай смотрел на воспитание сына весьма объективно. Он сумел выбрать и назначить его наставниками-воспитателями многих выдающихся людей и блестящих специалистов в различных областях. Его военные инструкторы, преимущественно русские немцы, были превосходными знатоками своего дела, однако людьми весьма ограниченными, без общего образования и даже без элементарной культуры, обыкновенно требующейся для придворной службы. Таким был военный воспитатель мальчика Карл Карлович Мердер. Тем не менее, до самой своей смерти оставался он при наследнике престола в качестве военного воспитателя. Саша был к нему очень привязан и часто величал в разговоре и письмах своим "бесценным другом".

Учителя языков: французского — швейцарец Жилль, немецкого — секретарь императрицы Александры Феодоровны Шамбо, английского — Альфри, польского — капитан Юрьевич, — тоже были, конечно, знатоками своего дела, но особого влияния на своего воспитанника не имели, как, впрочем, и учителя математики, физики, химии, естественной истории. Это были академики и преподаватели наук в столичных корпусах и школах. Исключение составлял преподаватель Закона Божия протоиерей Павский, человек европейски образованный и культурный, который, однако, позволял себе довольно свободно толковать Евангелие и православные догматы, что оставило несомненный след в сознании мальчика и позволило ему самому впоследствии довольно широко понимать и исповедовать православную веру. Но Павский своими писаниями навлек на себя недовольство влиятельного и ультраконсервативного санкт-петербургского митрополита Филарета и впоследствии был смещен и заменен более ортодоксальным протоиереем Баженовым.

Однако главными воспитателями Саши были исключительно русские люди — высокообразованные, либерально-прогрессивных взглядов. Василий Андреевич Жуковский, его учитель русского языка и русской истории, известный поэт, сыграл важнейшую роль в воспитании своего подопечного. Громадное свое влияние на царственного воспитанника Жуковский использовал весьма успешно, передав ему собственные умонастроения и взгляды и, в частности, свое отрицательное отношение к крепостничеству.

Впоследствии Николай Первый назначил воспитателями и учителями сына троих других, не менее образованных и либеральных русских ученых, которые, как и Жуковский, оказали на будущего императора колоссальное влияние и сформировали Александра Второго как человека и государя. Это были профессор Санкт-Петербургского университета Константин Иванович Арсеньев, историк, географ и статистик, прежде уволенный попечителем университета Руничем "за безбожие и революционные идеи", и профессор русской словесности того же

Санкт-Петербургского университета, известный своими умеренно либеральными убеждениями, Петр Александрович Плетнев, друг Пушкина, который после его смерти продолжил издание журнала "Современник". Еще позднее, когда Александру шел шестнадцатый год, император назначил ему воспитателем и советником знаменитого русского государственного деятеля, вдохновителя либеральной политики Александра Первого в начальные годы его царствования и автора "Свода полного собрания законов Российской империи" Михаила Михайловича Сперанского, отстраненного еще в 1812 году от государственной службы по настоянию реакционной части русского дворянства, которая опасалась влияния Сперанского на царя в вопросе освобождения крестьян. Позже, после долгих лет опалы, он был вновь приближен ко двору.

Несомненно, эти либерально настроенные русские писатели, ученые и государственные деятели имели весьма существенное влияние на юношу Александра, он во многом воспринял их идеи, в особенности касающиеся крепостного права в России, о чем я расскажу позднее.

Добавлю, что если император Александр Второй стал одним из самых передовых и образованных людей своего времени, по своему уму, знаниям и культуре, несомненно, далеко превосходящим всех современных ему монархов и правителей мира, этим был он обязан, конечно, не только своим природным дарованиям, но и воспитанию. Отец его, император Николай Первый, человек волевой, хотя и несколько ограниченный, был строгим и взыскательным родителем, как это видно из записок Жуковского, Мердера и других современников. При этом стремился он дать сыну не только техническое и военное образование, которое получил сам, но и подготовить его как можно лучше к роли своего будущего заместителя на престоле Российской империи.

Александр, несомненно, был одарен от природы значительными способностями, особыми качествами ума и сердца, но в то же время унаследовал он романовскую сверхчувствительность и их природную нервозность, что мешало его успехам и усвоению знаний путем методич-

В.А. Жуковский. Портрет времени, когда он был назначен главным воспитателем великого князя Александра Николаевича.

ных усилий, которых требовали от него и отец, и учителя-воспитатели. До некоторой степени мешали этому и назначенные ему отцом военные руководители, самым типичным среди которых был обрусевший немец Карл Карлович Мердер, человек ограниченный, протестант по религии, в сущности, чуждый русской культуре и русским традициям, хотя и безгранично преданный своему делу. Был он крайним педантом, регулярно доносившим

императору обо всех даже самый малейших проявлениях воли в поступках его сына. При этом он не имел никакого общего образования, столь необходимого каждому воспитателю. И, конечно, лишь личное влияние Жуковского на царя смогло нейтрализовать это ограниченное прусское, даже скорее унтер-офицерское влияние капитана Мердера на его воспитанника. К счастью для самого Александра и для России, не капитан Мердер, а несколько выдающихся русских ученых, тоже ставших воспитателями Александра, помогли формированию императора, ставшего известным в русской и мировой истории под именем "Царя-Освободителя".

Добавлю, что двор и все окружение императора Николая Первого, за исключением его супруги, императрицы Александры Феодоровны, которая знала и уважала своего учителя русского языка, были удивлены назначением Жуковского главным воспитателем-наставником наследника престола.

Василий Андреевич Жуковский (1783-1852), сыгравший важнейшую роль в образовании и формировании характера будущего императора Александра, был выдающимся русским поэтом и писателем, одним из основоположников русского романтизма. Его происхождение, несомненно, наложило свой характерный отпечаток на всю его личность. Был он внебрачным сыном богатого помещика А.И. Бунина и пленной турчанки Сальхи, которую некоторые источники называют Фатимой. Сознание незаконности своего рождения, из-за которого ему даже пришлось принять чужую фамилию — бедного помещика, соседа его отца, — и которое позднее не позволило ему жениться на любимой девушке, его родственнице М.Протасовой, несомненно, способствовало его либеральным воззрениям и отрицательному отношению к крепостничеству.

Отец не оставил его, обеспечив его существование. Окончив гимназию в Туле, Жуковский поступил в Благородный пансион при Московской университете. Он был принят туда как сын дворянина, помещика Жуковского. Затем он вступил в "Дружеское литературное общество", члены которого занимались самообразова-

нием, где сблизился с другими видными писателями — такими как А.И. Тургенев, А.Ф. Мерзляков, А.Ф. Воейков и др. Все они усиленно занимались проблемами русского языка, литературой, историей, читали и обсуждали различные доклады. С 1802 года он начал печатать свои стихи в "Вестнике Европы" Карамзина, а впоследствии стал издателем-редактором этого журнала и, конечно, продолжал печатать там свои произведения. К 1808 году творчество Жуковского приняло отчетливо выраженный романтический характер. Тогда же появились его баллады "Людмила" (1808), "Кассандра" (1809). Во время Отечественной войны он поступил в действующую армию и напечатал свою патриотическую оду "Вождю победителей" в честь М.И. Кутузова (1812).

В 1814 году Жуковский написал свое послание "Императору Александру", которое обратило на себя внимание царя, и в 1815 году он был приглашен ко двору в качестве чтеца императрицы Елизаветы Алексеевны, получив вслед за тем ежегодную пенсию. Жуковский не переставал писать, и в эти годы вышли его лучшие баллады: "Эолова арфа" (1814), "Ахилл" (1814), "Вадим" (1817), поэма "Двенадцать спящих дев" и другие произведения, принесшие ему большую известность во всей России. Переехав в Петербург, он принял участие в литературной жизни, став активным членом карамзинского литературного кружка "Арзамас", и даже был избран его секретарем. Несмотря на свои монархические убеждения, Жуковский сблизился с литературной молодежью своего времени, охваченной революционными настроениями и связанной с тайными обществами будущих декабристов: М.Ф. Орловым, Н.И. Тургеневым, А.С. Пушкиным и даже К.Ф. Рылеевым. Однако, как и Пушкин, декабристом он не стал. Позднее, используя свое влияние при дворе и свою близость к императору Николаю, Жуковский не раз заступался за некоторых сосланных в Сибирь декабристов, хлопотал о смягчении условий ссылки Пушкина, Лермонтова, содействовал освобождению Тараса Шевченко и делал многое другое.

Уже в 1817 году, благодаря своим связям при дворе, Жуковский стал преподавать русский язык невесте

великого князя Николая Павловича, ставшей великой княгиней Александрой Феодоровной. Это обстоятельство особенно способствовало сближению поэта с ее супругом, ставшим после 1826 года императором Николаем Первым. В этом же году царь назначил Жуковского главным воспитателем и учителем своего старшего сына, поручив ему выработать подробный план обучения наследника престола на все последующие годы его отрочества и юности.

Надо признать, что Жуковский вполне оправдал возложенное на него императором поручение. Смотрел он на образование и воспитание наследника очень серьезно, несмотря на расстроенное свое здоровье, которое принуждало его не раз уезжать за границу лечиться в Баден-Бадене, Эмсе и на других западноевропейских курортах. Одновременно использовал он эти свои поездки для ознакомления с западными педагогическими методами, для покупки научной литературы и встреч с учеными. Известны, например, его длительные беседы со знаменитым швейцарским педагогом Песталоцци.

Об этих его усилиях можно судить, например, из письма, написанного им своей племяннице А.П. Елагиной непосредственно после лечения на знаменитом немецком курорте Эмсе, откуда он должен был отправиться в Дрезден (там он намеревался провести зиму, чтобы, общаясь с немецкими учеными, подготовиться к предстоящей педагогической деятельности): "Работы у меня много, на руках моих важное дело. Мне не только надобно учить, но и самому учиться, так что не имею права и возможности употреблять ни минуты на что-нибудь другое... По плану учения Великого Князя, мною составленному, все лежит на мне. Все его лекции должны сходиться в моей, которая объединяет все остальные: другие учителя должны быть только дополнителями и репетиторами. Можете из этого заключить, сколько мне нужно приготовиться, чтобы лекции могли идти без всякой остановки. С этой точки зрения, болезнь моя является для меня счастливой возможностью: она предоставила мне целых шесть месяцев свободных, и я провел их, посвятив свои мысли главной цели, около которой

вертится вся моя деятельность... Могу сказать, что настоящая положительная моя деятельность началась с той минуты, в которую я вошел в тот круг, в котором я теперь заключен..."

Еще более конкретно писал Жуковский о своих концепциях относительно воспитания Александра его матери, своей ученице императрице Александре Феодоровне: "Мое положение действительно счастливое: я поглощен одною мыслию, которая всюду мне сопутствует, хотя и не тревожит меня. Эта мысль, основанная на любви, оживляет мое существование. Каждое утро просыпаюсь я рано и сразу приступаю к своей работе. На вид она кажется сухою: я составляю исторические таблицы; но она имеет для меня всю прелесть моих прежних поэтических работ. Весь мой день ей посвящен... Я почти никого не вижу и не желаю видеть. Я нахожусь здесь, в Дрездене, не в качестве путешественника. Как в Петербурге, я должен здесь всецело принадлежать моему труду. Чего же я могу больше желать! В настоящем — занятие, наполняющее душу; в будущем — продолжение в течение нескольких лет того же занятия, которое будет шириться и становиться все более и более разнообразным по мере своего продвижения вперед. И какая цель в конце всего этого пути! Да, у меня не осталось уже ничего личного..."

Результатом всех этих глубоких размышлений и интенсивных трудов Жуковского явился составленный им "План учения" — разработанная до самых мельчайших подробностей программа нравственного воспитания и умственного развития вверенного ему императором собственного сына. Осенью 1826 года обширный этот план был окончательно готов, и Жуковский через русское посольство в Берлине отправил его лично императору в Петербург.

Небезынтересно ознакомиться с главными мыслями Жуковского, выраженными в этом докладе: целью воспитания и учения он провозглашает "образование для добродетели" — ознакомление своего питомца с тем, что его окружает, с тем, что он сам есть, с тем, кем он должен стать как существо нравственное, с тем, для чего

он предназначен Богом как существо бессмертное. Все это достигается развитием прирожденных добрых качеств, искоренением дурных побуждений и наклонностей. Сообразно этим принципам, учение подразделяется на три конкретных периода: отрочество, от восьми до тринадцати лет — учение подготовительное; юность, от тринадцати до восемнадцати лет — учение подробное; первые годы молодости, от восемнадцати до двадцати лет — учение применительное.

Особенное внимание обращает автор на метод преподавания, предпочитая разговорную форму, возбуждающую самостоятельность мышления ученика. Однако следует соблюдать постепенность и меру и всячески облегчать труд ученика, делая само преподавание занимательным и интересным.

Автор считает важным обучение иностранным языкам: французскому, немецкому, английскому и польскому, рекомендуя прежде всего правильное произношение, легкие упражнения в навыке говорить и понимать собеседника. Этот способ практически осваивать иностранные языки, очевидно, оказался весьма успешным для способного мальчика, который, как известно, превосходно говорил и писал по-французски, по-немецки и по-английски. И, конечно, благодаря Жуковскому, блестяще знавшему все тонкости русского языка, Александр Николаевич лучше своих предшественников на престоле и даже многих своих министров устно и письменно изъяснялся на родном языке. В сущности, как пишет один из его биографов, ко времени своей зрелости он стал блестящим лингвистом, и в этой области с ним не мог сравниться ни один из современных ему европейских монархов.

К специальному разделу преподавания относил Жуковский развитие природных дарований своего питомца: изучение рисования, музыки, гимнастику, занятия ручными работами. Эта программа поражает нас передовым, почти современным взглядом на педагогику ее автора и, конечно, объясняет положительные результаты, достигнутые во всех областях способным учеником.

Не менее оригинальным и современным был под-

ход Жуковского к освоению его питомцем русской и иностранных литератур, вообще к чтению. Однако он требует считаться с возрастом ребенка: "Надо читать мало, — пишет он в своем докладе, — в порядке одного полезного: нет ничего вреднее привычки читать все, что ни попадает в руки. Это приводит в беспорядок мысли и портит вкус. Для детей множество написано книг. Есть много хорошего на немецком, английском и французском языках, но почти нет ничего на русском. Почитаю необходимым сделать строгий выбор из сего множества материалов; многое перевести на русский, нужное написать по-русски... все привести в порядок, сообразуясь с планом учения, и, таким образом, составить избранную библиотеку детского чтения для первого периода".

Позднее, рекомендует он, когда его питомец подрастет и значительно разовьется, следует ему основательно ознакомиться с произведениями русских авторов, а также с лучшими произведениями иностранных литератур...

Жуковский советует, однако, не слишком перегружать ученика и тщательно распределяет по часам занятия в учебные дни, рекомендуя для неучебных дней специальное время для практического освоения военного искусства и физических упражнений. Под неучебными днями разумеет он воскресные дни и все религиозные праздники и, прежде всего, первые четыре дня Пасхи и Святки, от Рождества до Нового года, а также гражданские праздники: дни рождения и именин государя, обеих императриц и самого наследника. Сверх того, ежегодно полагались летние каникулы с середины июня по 1 августа.

Весьма трезв взгляд Жуковского на освоение его питомцем ратного дела, которое он считает необходимым для будущего государя России, однако без обычных вредных преувеличений. Он считает, например, что слишком раннее участие Александра в военных парадах и смотрах может отразиться неблагоприятно на умственном и нравственном развитии мальчика. По поводу появления наследника верхом на лошади на военных торжествах во время коронации в Москве, несмотря на хор придворных льстецов и настроения самого царя,

Жуковский весьма смело пишет лично императрице Александре Феодоровне: "...Эпизод этот, Государыня, совершенно лишний... Ради Бога, чтобы в будущем не было подобных сцен. Конечно, зрители должны были восхититься появлением прелестного мальчика, но какое же ощущение произвело подобное явление на его разум? Не понуждают ли этим его выйти преждевременно из круга детства? Не подвергается ли он опасности мнить себя уже взрослым? Все равно, если бы восьмилетнюю девочку стали обучать всем хитростям кокетства! К тому же, эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением? Должен ли он быть только воином, действовать единственно в сжатом горизонте генерала?"

Можно лишь удивляться независимости и смелости Жуковского, который решается критиковать действия Николая Первого, от отца унаследовавшего влечение к немецкой муштре и всему военному. Он осмеливается излагать супруге царя беспристрастную критику Романовых — Петра Третьего, Павла Первого, отчасти даже Александра Первого и современного ему Николая: "Когда же, — пишет он в том же письме императрице, — будут у нас законодатели? Когда же государи наши будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, на просвещение, на нравственность? Государыня, простите мои восклицания, но страсть к военному ремеслу стеснит его (Александра — В.Н.) душу: он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве — казарму..."

Нет более объективной и сильной критики военного режима Николая Первого, чем эти смелые, честные мысли, высказанные воспитателем его сына в письме к его супруге. Конечно, Жуковский великолепно знал, что Александра, которая всем делилась с Николаем, прочтет это его письмо царю.

Впрочем, и самому императору Жуковский писал, говоря о военном воспитателе царевича: "Он должен быть не простым знатоком фрунта, привыкшим видеть в солдате одну машину, но просвещенным знатоком военного дела, способным понимать, что во власти его —

душа будущего повелителя миллионов, может быть, предназначенного некогда поставить перед русской армией и решать судьбы народов". И Жуковский заключает свои советы царю, относительно воспитания сына: "Как Петр Великий, он должен знать высокое назначение воина не из военного устава, но из всемирной истории, из дел Аннибала, Юлия Цезаря, Густава-Адольфа, Фридриха Великого".

Жуковский советует императору создать для ознакомления юноши с ратным делом "по примеру Петра Великого, потешный полк, который, хотя и представлял забаву, но такую, что создала Полтавского героя". Он предлагал "образовать подобный потешный полк из благовоспитанных детей, числом в 100 или 200, снабдив его всем, что входит в состав армии... Таким образом, — заключает он, — Великий Князь, играя и переходя все степени военные, от солдата до генерала, ознакомился бы со всеми требованиями военной службы, подготовясь постепенно к высшим военным наукам, тактике и стратегии, заняться которыми можно с успехом, не ранее как основательно изучив математику". Однако и в этом предостерегает он от излишнего рвения: военные эти занятия-забавы должны происходить "исключительно в вакационное время, то есть не более шести недель в году, от половины июня до конца июля... Эти игры не должны нисколько смешиваться с остальным учением, которое в противном случае будет совершенно расстроено..." И заключает: "Военное воспитание Великого Князя почитаю я одной из самых важных частей его образования — и, явно намекая на бывших несчастных предшественников Николая — императоров Петра Третьего и Павла Первого, — будущий государь может быть или навсегда испорчен, т.е. обращен в мелочного солдата, или стать истинным героем, делающим честь своему веку, на честь и славу России".

Получив этот доклад Жуковского, император внимательно его прочитал, однако не все советы принял: некоторые, как, например, изучение латинского языка и чтение в оригинале классических латинских авторов, он отбросил. Вместо образования специального полка "по-

тешных" царь просто решил в вакационные месяцы посылать сына в Первый кадетский корпус, находящийся в Петербурге, в качестве обыкновенного школьника-кадета. Были внесены и другие изменения в проект Жуковского.

Личный состав преподавателей-воспитателей наследника был также определен самим царем. Жуковского назначил он надзирателем всего учения Александра в звании "наставника", преподавателем русского языка и впоследствии — русской литературы и русской истории: дисциплин, которые Николай считал самыми важными в учении и воспитании сына. Впрочем, сам Жуковский в своем докладе оставлял за собой эти первостепенные предметы: "Главною наукою Наследника Престола, сокровищницей царского просвещения, — настаивал он, — следует считать историю, наставляющую опытами прошедшего и ими объясняющую настоящее, предсказывающую будущее, знакомящую государя с нуждами его страны и его века. Освященная религией, — добавляет он, — история воспламенит в нем любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству... Верь, что власть Царя происходит от Бога, — как будто советует Жуковский самому Николаю, — но верь сему, как верили Марк Аврелий и Генрих Великий (Генрих Четвертый, король Франции — В.Н.), но ведь, — поучает он Николая, — веру сию имел и Иоанн Грозный, но в душе его она была губительной насмешкой над Божеством и над человечеством. Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон пренебрегаемый царем, не будет храним и народом. Люби и распространяй просвещение — оно сильнейшая опора благонамеренной власти. Народ без просвещения — это народ без достоинства: им кажется легко управлять только тому, кто хочет властвовать для самой власти, но из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядка и законов".

К сожалению, один Александр старался претворять в жизнь эти спасительные принципы. Если бы его отец и его наследники следовали его примеру, Россия пошла бы

по совсем иному пути, и ужасов и абсурдов революции не знал бы русский народ, не испытала бы их и сама династия Романовых...

И Жуковский продолжает свое нравоучение царям в духе принципов, воспринятых уже в некоторых передовых государствах Запада и, в первую очередь, Англии: "Уважай общее (в смысле "общественное" — В.Н.) мнение — оно часто бывает просветителем Монарха; оно — вернейший помощник его, ибо является строжайшим и беспристрастнейшим судьей исполнителей его воли... Люби свободу, то есть правосудие, ибо в нем и милосердие и свобода народов: свобода и порядок — одно и то же... Владычествуй не силою, а порядком: истинное могущество Государя — не в числе его воинов, а в благоденствии народа... Окружай себя достойными тебя помощниками: слепое самолюбие Царя, отделяющее от него людей превосходных, предает его на жертву корыстлюбивым рабам, губителям его чести и народного блага. Уважай народ свой: тогда он сделается достойным уважения..." Жуковский заключает эти поистине удивительные советы, написанные русским человеком в эпоху Николая Первого, воззванием, опять-таки относящимся как к сыну, так и к отцу: "Люби народ свой: без любви Царя к народу нет любви народа к Царю. Не обманывайся на счет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного — верь добродетели! Сия вера есть вера в Бога! Она защитит душу твою от презрения к человечеству, столь пагубного в правителе людей".

Конечно, маленький Саша не мог еще читать эти наставления, да они и были написаны не для него, а для самого Николая, которому предназначен был в сущности этот план воспитания сына. Так, очевидно, понимал это и сам царь, читая с большим вниманием наставления русского писателя. Впрочем, Николай хранил в своем сознании те же мысли, почерпнутые им в творениях западной литературы, которую он читал с большим усердием. К сожалению, однако, он находил эти принципы приложимыми лишь к Западу, а Россию, считал — как признавался неоднократно — страной особенной, еще не готовой к этим идеалам.

Почему же тогда Николай все же не отстранил Жуковского, носителя либеральных и демократических идей Запада, от роли воспитателя сына? Очевидно, потому что считал будущую эпоху — время, когда его сын унаследует престол, — совершенно отличной от эпохи, в которую жил сам. Не назначила ли Екатерина Великая — столь типичный образец просвещенного абсолютизма и столь ярый противник французской революции 1789 года — демократа и республиканца Лагарпа воспитателем своего внука, будущего Александра Первого, потому что считала, что время его правления будет радикально отличным от ее времени? Очень вероятно, что это было так. Вдобавок, Жуковский был весьма близок ко двору, к императрице Александре Феодоровне да и к самому Николаю еще со времени, когда тот был лишь великим князем и сам, как и никто иной иной в России, не считал вероятным свое восшествие на русский престол.

То, что Николай принял решение назначить Жуковского воспитателем сына, явствует хотя бы и из того, что перед возвращением поэта в Россию император уже начал осуществлять его воспитательный план. Тотчас же после переезда двора из Москвы в Царское Село, осенью 1826 года, начались занятия Саши по предметам первоначального образования.

Замечу, что император, несмотря на свое уважение к Жуковскому, отнюдь не принял его совета назначить военным воспитателем наследника человека просвещенного, члена генерального штаба, и заменить капитана Мердера, бравого офицера, не имевшего, однако, образования, необходимого на этом ответственном посту. Царь очень ценил в капитане Мердере его преданность, чисто немецкую аккуратность и исполнительность рядового гвардейца-офицера, проявившего эти качества на поле боя. Он ставил их выше, чем образовательный и культурный ценз. Однако царь все же назначил помощником Мердера его товарища по Первому кадетскому корпусу капитана Юрьевича, человека культурного и воспитанного в европейском духе. Был он польского происхождения и царь назначил его, кроме того, преподавать царевичу и польский язык. Очевидно, Николай

считал, что будущему королю польскому, носящему польскую корону одновременно с русской, необходимо владеть польским языком.

Преподавателем французского языка, как я уже писал, был назначен швейцарец Жилль, немецкого — личный секретарь императрицы Александры Феодоровны Шамбо, английского — Альфри. Если к этому прибавить занятия Саши русским языком под руководством самого Жуковского, программа эта, несомненно, была слишком перегружена для восьмилетнего ребенка. Единственным оправданием этой нагрузки является то обстоятельство, что как Жуковский, так и остальные его учителя, и сам отец Саши, считали мальчика очень одаренным.

Учителем арифметики Саши стал академик Коллинз, известный ученый, читавший лекции по высшей математике офицерам-артиллеристам. Законоучителем, как я уже писал, был назначен по выбору самого императора выдающийся богослов, настоятель Андреевского собора протоиерей Г.П. Павский.

В отсутствие Жуковского Мердер, вероятно, по указанию самого царя, поручил Павскому написать доклад "Мысли о преподавании Закона Божия", вручив ему копию "Плана учения" Жуковского. Получив это поручение 22 октября 1826 года, Павский через неделю вручил Мердеру свой доклад, который заслуживает нашего внимания: "Не учение внешнее и наслышка, — писал он, — а внутреннее обдумывание и ознакомление с опытом и наблюдением опытнейших в этом деле мужей научили меня сему образу мыслей, конечно, образу не всеобщему, но, по моему убеждению, единому и правильному. И если я должен буду преподавать свои мысли о религии, то по совести могу передать не иные, как изложенные здесь. Благоразумие может позволить иногда иное не договорить, иное вовсе умолчать, но сказать противное тому, в чем я уверен, воспрещает совесть... В таком важном деле, по моему мнению, поступать надобно открыто и по совести... О! Если бы по сим высоким, благородным и светлым идеям образовались мысли и характер надежды российского государства!" — заключает этот просвещенный богослов, оценивая этими словами

общий "План учения" Жуковского. Несомненно, прочитав этот доклад, император решил назначить Павского законоучителем сына и 30 ноября подписал это назначение.

Жуковский, однако, все еще пребывал за границей, завершая одновременно с лечением длительную подготовку к ответственному поприщу. В письме императрице Александре Феодоровне настаивал он, по скромности своей, назначить главным воспитателем царевича не его самого, не Мердера, а "как в монархической Франции на должность воспитателей дофинов, всегда назначались высшие государственные сановники,.. способнейшего из сподвижников государя..." Он, однако, указывает, что даже Екатерина Великая ошиблась, выбрав "способнейшего из своих сподвижников графа Н.И. Панина", и вспоминает, как ошибочно были впоследствии назначены воспитателями императоров Александра Первого и самого Николая Первого графы Салтыков и Ламсдорф: "Одно лишь громкое имя недостаточно..." Такое назначение "только испортило бы то немногое, что мы уже имеем... подобная личность погубила бы все".

Любопытно, что Жуковский в этом своем письме указывает императрице и императору, что считает единственным подходящим человеком на это поприще графа Каподистрию. Но этому пожеланию не суждено было осуществиться: в то время, когда Жуковский писал это свое послание, народное собрание в Греции, только что сбросившей с себя турецкие оковы, избрало графа Каподистрию своим правителем. Все же царь счел целесообразным прислушаться к этому внушению Жуковского: Николай назначил главным воспитателем наследника генерал-лейтенанта П.П.Ушакова, бывшего особенно близким к царю, но, конечно, далеко не отвечавшего идеалу Жуковского.

Жуковский, однако, медлил с возвращением в Россию. Здоровье его значительно поправилось, но он все еще нуждался в лечении и отдыхе. Зиму и весну он провел в Дрездене, а летом 1827 года отправился снова на воды в Эмс. Окончив этот последний курс лечения, Жуковский прибыл в Лейпциг, а затем посетил Париж для

закупки целой библиотеки учебников, карт и других учебных пособий, необходимых, чтобы поставить занятия со своим питомцем на требуемую высоту. Наконец, побывал он в течение нескольких недель и в Швейцарии, чтобы подробно ознакомиться с вошедшими тогда в моду педагогическими методами знаменитого Песталоцци, которые считались лучшими в мире. Обо всем этом он докладывал в личных донесениях — царю, в письмах — императрице и в обширных посланиях — своим коллегам Мердеру и Жиллю. Осенью, перед отъездом в Россию, побывал он также и в Берлине, где был принят королем Фридрихом-Вильгельмом, пожелавшим через него переслать несколько книг своему внуку.

Тем временем Саше исполнилось девять лет, и 25 июня 1827 года Николай специальным приказом зачислил своего старшего сына кадетом в Первый кадетский корпус. Однако из-за его юных лет, практическое обучение Саши военным лагерным дисциплинам было отложено на два года. 20 октября император назначил сына атаманом всех казачьих войск и шефом Донского атаманского полка. Это назначение было встречено с восторгом всеми казачьими кругами, которые приняли его как особую к ним милость царя.

Наконец, когда осенью Жуковский возвратился в Петербург, начался подлинно новый период в жизни Саши: курс его обучения. По распоряжению Николая, вместе с сыном должны были учиться два его сверстника: граф Иосиф Виельгорский и Александр Паткуль, которые водворены были на жительство в Зимний дворец. Саша и два его товарища вставали в 6 часов утра, и времяпрепровождение всех троих было скрупулезно определено воспитателями во главе с Жуковским и одобрено самим царем. Встав и окончив свой утренний туалет, мальчики шли в дворцовую часовню, где совершали краткую утреннюю молитву, после чего им подавался завтрак. Некоторое время они готовились к утренним занятиям, затем брали свои учебники и тетрадки и отправлялись в классную комнату. Классы начинались точно в 7 часов утра и кончались в полдень, однако между 9 и 10 часами у детей был отдых. Окончив занятия,

они шли вместе на двухчасовую прогулку и, вернувшись во дворец, обедали в 2 часа. Потом гуляли или отдыхали до 5 часов. От 5 до 7 часов снова проходили классные занятия. От 7 до 8 шли занятия гимнастикой и разные игры. В 8 часов подавался ужин, после которого мальчики посвящали остаток вечера обозрению прошедшего дня и писали свои дневники. Наконец, в 10 часов они шли спать. Так проходили будни Саши и двух его сверстников. По воскресеньям и по праздникам часы, отведенные для занятий, посвящались назидательному чтению, ручному труду, гимнастическим упражнениям и играм.

Большую часть занятий проводил сам Жуковский: это были русский язык и грамматика, начальные понятия физики, химии и естественной истории. Этим предметам Жуковский придавал особенное значение. В одном из писем Жиллю он пишет: "Ребенок всегда лучше поймет то, что говорит его глазам, нежели то, что действует лишь на его разум. Рассуждая о произведенном опыте, представляешь ему нечто реальное, осязаемое и приучаешь к размышлению, заинтересовав внимание, возбудив любопытство. Самая история не может быть столь же привлекательна для ребенка, как физика и естественная история. Душа его еще недостаточно развита, чтобы заинтересоваться судьбами людей и народов, которые он видит лишь в воображении, тогда как явления физические и химические у него перед глазами, произведения природы — налицо, и он легко может найти случай применить то, чему его учат, к тому, что его окружает..." Он добавлял, что все эти дисциплины крайне необходимы для правильного понимания истории и являются для наследника как бы начальной ступенью к ней. Жуковский был во всем этом ревностным последователем Песталоцци и так же, как швейцарский педагог, воспринял правило: "...не должны мы гоняться за блестящим успехом, а должны стремиться дать ученику ясные понятия в последовательной связи и приохотить его к занятиям... лучше мало, но хорошо, чем много и худо".

Весною 1828 года, с наступлением отрочества Саши, ему предстояло первое испытание — разлука с родителями, к которым он был глубоко привязан. Император

Николай Павлович отбыл в армию, выступившую в поход против турок, а мать Саши, императрица Александра Феодоровна, чтобы быть ближе к супругу, уехала на лето в Одессу, взяв с собой и старшую дочь. Сашу же, его двух младших сестер и шестимесячного Константина родители оставили, как обычно при своем отъезде, на попечение бабушки, вдовствующей императрицы Марии Феодоровны.

Первым отбыл отец, после торжественного молебна, отслуженного в Казанском соборе 26 апреля. Александра Феодоровна провела целый день с детьми в Царском Селе и отбыла в Одессу на следующий день, 27 апреля. Разлука с обоими родителями произвела на Сашу глубокое впечатление. Как большинство первенцев, Саша страстно был привязан к матери. Весьма показательно его поведение, о котором и сам он, и его сестры писали в своих детских дневниках. Стоя на балконе, Саша долго провожал взором открытую коляску, в которой сидела мать. Он продолжал стоять на балконе до тех пор, пока карета матери не исчезла из виду, потом побежал в церковь, где, став на колени, долго и усердно молился.

Мысль о родителях не покидала его весь день. Во время прогулки, как записал Мердер в своем дневнике, Саша увидав полевой цветок, побежал сорвать его и сказал своему воспитателю: "Я пошлю его мамá". Проходя по комнатам царскосельского дворца, который он должен был покинуть, чтобы ехать к бабушке в Павловск, Саша с грустью повторял: "Вот тут папа и мама обедали, здесь сидел папа, а тут мама. Где-то они теперь?"

В первую же свободную минуту после приезда в Павловск Саша сел писать матери и сестре письма, которые передал бабушке вместе с сорванными им цветами, прося ее переслать их. Он не хотел играть со своими двумя сверстниками и едва сдерживал перед ними слезы. В тот же день, Александр записал в своем дневнике: "27 апреля — день для меня памятный: милая моя мама и Мери уехали в Одессу. Я много плакал". Привожу я все эти домашние свидетельства, потому что они рисуют подлинный характер будущего императора. С самых ран-

Императрица Мария Феодоровна, супруга императора Павла, бабушка Саши, которая занималась его воспитанием в первые годы. (Гравюра с портрета Г. Кюгельгена, 1801 г.)

них лет был он и на всю жизнь остался глубоко сентиментальным, чувствительным человеком.

В Павловске жизнь Саши и его сверстников шла обычным чередом под наблюдением бабушки. Совершали они частые прогулки по парку и окрестностям Павловска. Любили играть на воздухе в походной форме и

Император Павел Первый – дедушка Саши. В костюме Гроссмейстера Мальтийского Ордена, после восшествия на престол в 1796 году. (Современная гравюра с официального портрета.)

амуниции около некогда построенной императором Павлом миниатюрной крепости. Вместе с детьми местных военных и дворцовых служащих они то защищали ее, то брали приступом.

Саша, как и все члены царской семьи, с нетерпением ждал вестей с фронта. Однажды пришло им в голову начертить на карте Дунай со всеми находящимися на нем крепостями и обозначить позиции русских и турецких войск. Помощник Мердера, капитан Юрьевич, с большой готовностью пошел им навстречу и сидел с ними часами, руководя исполнением этой затеи, которая сама по себе красноречиво говорит о переживаниях Саши и его сверстников после получения вестей с русско-турецкого фронта.

Жуковский в письме к императрице Александре Феодоровне в ярких красках описывает, с каким шумным восторгом принял Саша, его сестры и сверстники новость о взятии великим князем Михаилом Павловичем Брайлы и Анапы, дошедшую до них 25 июня. Между прочим, он пишет: "Нынешний день весьма кстати, как достойный подарок России в день рождения ее Императора, получили мы известие о взятии Анапы. Оно было сообщено нам самым приятным образом. Все были собраны в Греческой зале после обеда, когда Государыня Императрица Мария Феодоровна изволила откланяться и выйти из залы с Великим Князем, который обедал со всеми. Через минуту опять вбегает Великий Князь и кричит: "Анапу взяли!" В ту же минуту внесли и Константина Николаевича, которого старший брат начал целовать, поздравляя его с победою".

Глава четвертая

ОТРОЧЕСТВО САШИ

Уже в эти ранние годы Саша поражал воспитателей своими способностями и необыкновенной для его возраста сообразительностью. В начале июля 1828 года начались первые полугодовые экзамены, предусмотренные в "Плане учения" Жуковского, и длились они четыре дня. Значение этих испытаний видно из того обстоятель-

ства, что на них присутствовала сама вдовствующая императрица Мария Феодоровна, и проводились они в следующем порядке: Жуковский экзаменовал мальчика по своим предметам — русскому языку, грамматике и физике; Жилль — по французскому языку и географии; Коллинз — по арифметике и геометрии; Эртель — по немецкому, Альфри — по английскому и Юрьевич — по польскому языку; по Закону Божию — протоиерей Павский.

Капитан Мердер дал в своем дневнике весьма интересное описание этих первых экзаменов Саши: "Подстрекаемый желанием отличиться в присутствии любимой бабушки, Александр Николаевич не терял ни на минуту бодрости и даже все более и более оживлялся... Он удивлял экзаменаторов живостью и ясностью своих ответов, убеждая их в мнении, что он одарен необыкновенными способностями..." Сам Жуковский в письме императрице Александре Феодоровне давал ту же положительную оценку: "Великий Князь, — писал он, — во все время этих экзаменов, был чрезвычайно внимателен, доказал, что может владеть собою, выражался с живостью и ясностью, словом, хотел сделать что должно и сделал... Я теперь гораздо больше на него надеюсь: вижу, что он имеет ум здравый, что в этом уме все врезывается и сохраняется в ясном порядке".

Однако Мердер, который из-за постоянного общения со своим питомцем уже довольно точно подметил в характере мальчика некоторое отсутствие воли и склонность легко поддаваться разочарованию, писал в своем дневнике: "...Великий Князь, от природы готовый на все хорошее, одаренный щедро всеми способностями, борется теперь со склонностью, до сих пор его одолевавшею, которая при встрече малейшей трудности, малейшего препятствия приводит его в некоторый род усыпления и бездействия".

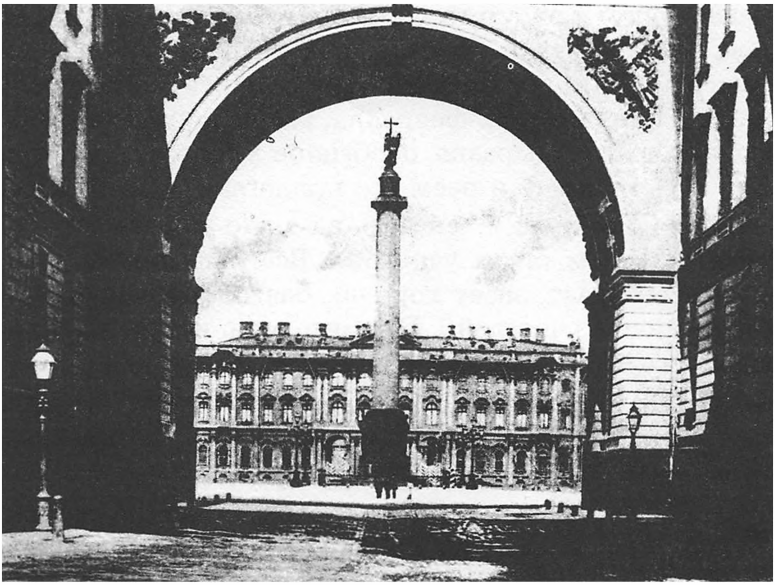
Весьма любопытны заметки Мердера об обоих товарищах Саши, которых определил воспитываться с ним император Николай Павлович. "Молодой Иосиф Виельгорский (польский аристократ, сын графа Виельгорского — В.Н.), — отмечает Мердер, — примерный юноша, ко-

торый благородным поведением, всегдашней бодростью и необыкновенной точностью в исполнении долга... благотворно влияет на наследника..." Второй сотоварищ Саши — Александр Паткуль, добавляет Мердер, "как по способностям, так и по прилежанию далеко отстал от обоих, хотя у него доброе сердце и хорошая память".

После этих экзаменов начались для Саши и его двух сверстников шестинедельные каникулы, в течение которых, согласно "Плану учения", занятия прекратились и дни посвящались чтению, играм и прогулкам. Чтение было весьма разнообразным: протоиерей Павский читал с детьми Евангелие с его толкованием; Жуковский читал свои произведения и комментировал их, Жилль читал сказки из "Тысячи и одной ночи", которые особенно нравились детям.

Саша слушал эти сказки с большим удовольствием, но, по свидетельству Мердера, предпочитал игры на открытом воздухе и длительные прогулки в окрестностях Павловска, а впоследствии и Петергофа, куда императрица Мария Феодоровна переехала с детьми в июле. Под надзором Мердера Саша со своими обоими товарищами нередко отправлялся в Царское Село, где детей ждали разнообразные развлечения: они катались на лодке по озеру, играли в веселые игры на Детском острове, пили чай на ферме, удили рыбу, купались, занимались стрельбой. Саша плавал превосходно и был очень способен в стрельбе. Кроме того, посещали дети и кадетский лагерь, где присутствовали при разводе, а после играли с кадетами в разные игры с мячом. Нередко посещали дети и крестьянские избы, знакомясь с жизнью простого народа. Сашу особенно интересовало пчеловодство. Совершали дети и более дальние прогулки в Ораниенбаум и Кронштадт.

Но и во время этих длительных каникул Жуковский вел с Сашей долгие разговоры, стараясь научить его правильно изъясняться по-русски и приобрести правильное произношение. Все это весьма удавалось Саше. Он писал родителям частые письма, делясь с ними своими впечатлениями. Жуковский отмечает, что уже тогда Саша начал выражаться правильно и говорить хорошим

Санкт-Петербург. Зимний дворец

слогом... "Он выражается весьма непринужденно и просто и скоро получит хороший слог, разбогатеет чувствами и мыслями..." — писал Жуковский матери Саши. И добавлял: "...Судя по тому, как идет наше учение, я, кажется, не ошибся в своем плане и в своей методе. Мы подвигаемся вперед медленным, но твердым шагом. Мы знаем немного, но что знаем, знаем хорошо, и это главное".

По окончании каникул, в середине сентября, императрица Мария Феодоровна переехала с детьми в Зимний дворец. Вскоре, к великой радости Саши, вернулись и его родители: император прибыл из армии 14 октября, а императрица в самом начале того же месяца. Однако поджидало Сашу и большое горе: 24 октября умерла горячо любимая им бабушка, императрица Мария Феодоровна...

С начала января 1829 года началась подготовка к экзаменам, которыми оканчивался этот первый учебный год Саши. Повторяли мальчики втроем весь пройденный

материал с особенным рвением, так как знали, что на экзаменах будут присутствовать сам император с императрицей. Как серьезно проводились эти первые годичные экзамены, видно из того, что проводились они целую неделю: с 24 января по 2 февраля... После последнего экзамена император выразил особенное удовольствие и похвалу Жуковскому и всем его коллегам: "Мне приятно, — заметил Николай, — сказать вам, что я не ожидал найти в сыне моем таких успехов... Все у него идет ровно, все, что он знает, знает хорошо, благодаря вашей методе и ревности учителей... Примите мою искреннюю благодарность".

Немалое воспитательное значение для Саши имела попытка Мердера побудить наследника и его сотоварищей к благотворительности: два раза в год, после каждого экзамена, дети открывали свои копилки и считали, сколько каждый из них сберег денег для какого-либо выбранного ими самими благотворительного дела. "Право делать добро, — поучал их Мердер, — величайшее благо". И Саша с радостью уделял из своих собственных средств известную сумму для раздачи нуждающимся. Делал он это, как и двое его товарищей, лично, без всякого контроля с чьей-либо стороны.

С 1829 годом окончился для Саши период его детства и началось отрочество. Программа его учебных занятий снова расширилась и включала теперь три новых предмета: всеобщую историю, химию и естественную историю. Всеобщую историю читал мальчикам на французском языке Липман, преподававший в привилегированном частном пансионе пастора Муральта, где учились дети многих видных семейств столицы. Мердер записал в своем дневнике слова наследника: "Мы сегодня начинаем историю! Если бы вы знали, как я горю нетерпением!" Однако преподавание отечественной истории оставил за собой сам Жуковский. Преподавались и другие предметы: чистописание, фехтование и танцы, необходимые предметы для дворянских детей как на Западе, так и в России. Отмечу, что у одиннадцатилетнего мальчика уже довольно ярко проявлялись блестящие природ-

ные дарования и выдающиеся нравственные качества будущего императора.

Опять Мердер чистосердечно описывает и недостатки Саши: "Недостатки наследника преимущественно проистекают из его нервной природы, самой его натуры: он легко смеется и еще легче плачет при малейшем огорчении или неудаче, порою шалит во время уроков и ссорится с товарищами..." Но главным его недостатком, как отмечали оба его воспитателя, и Жуковский, и Мердер, было отсутствие выдержки и энергии, которое время от времени давало о себе знать. "Эта вялость и апатия побуждали его не раз говорить мне: я не желал бы родиться великим князем..."

Александр имел также довольно вспыльчивый характер: однажды, вспылив после замечания Мердера, он резко ответил своему воспитателю. Узнав об этой выходке сына, император сказал ему: "...Уходи! Ты не достоин подойти ко мне после такого поведения: ты забыл, что повиновение есть долг священный, я все могу простить, кроме неповиновения..."

По требованию царя Мердер должен был перечислить главные недостатки цесаревича. И воспитатель, хотя он обожал своего воспитанника, все же ответил государю: "...Есть у него иногда известная надменность характера, и, может быть, из-за этого сопротивление исполнению приказаний. У него также страсть спорить и доказывать, что он прав..." И воспитатель заключил: "В корнях всего этого — гордость..." Он также записал в свой дневник, что с возрастом Александр Николаевич начал проявлять равнодушие к классным занятиям.

Император был строг и взыскателен в отношении сына. Мердер занес в свой дневник любопытный разговор царя о военном воспитании сына: "Я заметил, — сказал император Мердеру, — что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам. Я хочу, чтобы он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам: он должен быть военным в душе, без чего он будет потерян в нашем веке. Мне кажется, я заметил, что он любит одни только мелочные детали военного дела..."

Мердер, однако, очевидно хорошо зная павловскую муштру, которая была отчасти слабостью и самого Николая, откровенно ответил царю: "Все мои усилия направлены к тому, чтобы воспитать в Цесаревиче "рыцаря без страха и упрека"; я всячески стараюсь дать ему понять, что для того, чтобы сделаться великим полководцем, недостаточны парады и смотры.., но если Александр Николаевич находит в них удовольствие, нельзя обвинять его в этом, потому что у нас вообще обращают больше внимания на мелочи военной службы, чем на предметы истинно важные..." В заключение воспитатель просил царя самому проверить его слова, переговорив с наследником. Николай ответил: "Я вам доверяю и имею полное доверие к тому, что вы мне сказали, но все же хотелось бы мне видеть его занимающимся этим делом, как я сам занимался им в его годы".

Оба воспитателя признавали, что здоровье наследника весьма удовлетворительное, никогда не был он серьезно болен, лишь несколько раз подвергался легким простудам. Мердер отмечает, что в течение всего Великого Поста Александр усердно постился, исповедовался и причащался с большим благоговением... Однако Мердер добавляет в том же своем дневнике: "Вообще же, любит он покушать".

Теперь классные занятия чередовались с физическими упражнениями: гимнастикой, фехтованием, верховой ездой в манеже, прогулками пешком или в санях, катанием с ледяных гор в парке Аничкова дворца. По вечерам происходили игры, на которые по праздникам и воскресеньям приглашались молодые сыновья и дочери близких ко двору сановников: Адлерберги, Фредериксы, Барановы, Нессельроде, Шуваловы, Карамзины, а также сыновья Мердера. Играли в бары, в жмурки, в "хромого черта", придумывали шарады, устраивали представления живых картин. Но любимой забавой наследника и его друзей были военные игры, которыми развлекались они очень часто. Участвовал в этих играх и сам император, который руководил ими и приводил молодежь в восторг своим участием. Николай часто играл роль обыкновенного барабанщика, а предводителем

выбирался по жребию кто-либо из мальчиков, жребий бросала императрица. Царь иногда также становился "начальником штаба" у выбранного жребием "главнокомандующего".

Наследник начинал уже принимать участие в официальных придворных торжествах: на Новый год был он на высочайшем выходе, шествуя в паре со своим дядей великим князем Михаилом Павловичем. На Пасху также присутствовал он при поднесении поздравлений. Ему представлялись такие знатные иностранцы, как французский посол герцог Мортимер, пэр Франции граф де Сен-Пре, знаменитый Гумбольдт и др. Из русских наследник принимал баснописца Крылова и пришедшего пешком из Сибири старца-крестьянина. Он также продолжал свое военное обучение и теперь уже участвовал в парадах вместе с отцом.

Весною состоялось его первое путешествие за границу с родителями. Сначала он сопровождал императора и императрицу в Варшаву, а потом в Берлин, по приглашению своего деда, прусского короля Фридриха-Вильгельма. Наследника в этой поездке сопровождала целая свита: Жуковский, Мердер, Юрьевич и Жилль и, конечно, оба его товарища — Виельгорский и Паткуль.

Торжественный въезд в Варшаву состоялся 5 мая. Александр ехал верхом впереди своего Польского конно-егерского полка. Он был в польском мундире и провел свой полк церемониальным маршем перед принимавшим парад императором. Затем с родителями посетил он своего дядю великого князя Константина Павловича в его дворце и его морганатическую супругу княгиню Лович, которая очаровала всех своей необыкновенной красотой, изяществом и приветливостью. Несомненно, одиннадцатилетний Александр знал, что из-за этой красавицы его дядя отказался от престола в пользу его отца. Мы можем только догадываться, какое впечатление на Александра произвела эта блестящая женщина, из-за которой Константин развелся со своей первой женой и на которой женился морганатическим браком. 12 мая на коронации отца Александр стоял на ступеньках трона, ведя под руку княгиню Лович, и

смотрел, как император возложил на себя корону польских королей. По этому случаю император пожаловал сыну орден Белого Орла и зачислил его в Польский гвардейский гренадерский полк. После проведенных в Польше десяти дней царская семья отбыла в Пруссию. По пути остановились они в замке князя Радзивилла, женатого на принцессе Луизе Прусской, где провели два дня.

При торжественном въезде в Берлин встретил их сам прусский король Фридрих-Вильгельм со всеми принцами своей семьи. Всюду народ горячо приветствовал русских гостей, а когда на балконе дворца Фридрих-Вильгельм, около которого стоял император Николай, поднял на руки своего внука Александра и горячо его расцеловал, овациям не было конца.

По случаю приезда русского царя при дворе короля собралось множество принцев и принцесс, которые особенно ласково относились к молодому наследнику престола, осыпая его любезностями и знаками внимания. Впервые Александр познакомился со своей многочисленной западной родней, и эти приемы, несомненно, произвели на него глубокое впечатление. Мать повела Александра поклониться праху Фридриха Великого в церковь при замке Сан-Сусси и показала сыну дворец и парк этой замечательной резиденции. Затем посетили они гробницу матери Александры Феодоровны, знаменитой прусской королевы Луизы и, наконец, с императором Николаем, королем Фридрихом-Вильгельмом и всем прусским двором присутствовали на освящении русской православной церкви в Берлине. Большое впечатление на Александра произвел знаменитый берлинский зверинец, где ему показали редких зверей и птиц, содержавшихся там в образцовом порядке. Мердер вспоминает, что Александр очень обрадовался, увидев в зверинце двух медведей. Указывая на них Мердеру, он воскликнул: "Вот наши земляки!"

Конечно, в Берлине состоялось множество военных парадов, в которых участвовал и Александр. 29 мая король назначил Александра шефом Третьего прусского

уланского полка и подарил ему полный парадный мундир этого полка.

Император Николай покинул Берлин 1 июня, а Александр, отстояв обедню в русской посольской церкви, простился с дедом и матерью, временно оставшейся в Берлине, и отбыл со своей многочисленной свитой 2 июня. Снова, проведя день в замке у князя Радзивилла, он прибыл в Варшаву, где оставался пять дней, а затем через Ковно, Митаву, Ригу и Ревель возвратился 22 июня в Царское Село.

Мердер записал, что на берегу Немана, на той самой горе, с которой Наполеон в 1812 году наблюдал переправу своих войск в Россию, Александр сорвал ветку на память об этом событии и заметил: "Вот как все проходит! Ни Наполеона, ни страшной его армии больше нет... Осталась лишь эта гора и к ней присоединилось предание".

Несмотря на иностранное окружение, на все эти блестящие приемы в Варшаве и Берлине, Александр чувствовал себя русским и ощущал Россию своей родиной, своим отечеством, к которому он был глубоко привязан. "При приближении к Царскому Селу, — пишет Мердер в своем дневнике, — Великим Князем овладело сильное волнение. Он весь горел нетерпением... Уже въезжая в Царское Село, при виде белеющего лагеря, он не мог спокойно сидеть в экипаже, беспрестанно обнимал и целовал меня, а при въезде в царскосельский парк воскликнул: "Наконец я дома! Боже мой! Здесь все — каждый кустик, каждая дорожка напоминает мне о каком-нибудь удовольствии. Какое счастье видеть места и людей, сердцу милых, бывших свидетелей наших радостей!"

Остальная часть 1829 года, как и 1830 год, прошли для Александра однообразно, не принеся никаких особенных перемен в его жизни, если не считать новых преподавателей, назначенных императором, несомненно, по рекомендации Жуковского, — профессоров Арсеньева и Плетнева. Как и сам Жуковский, эти два преподавателя были русскими людьми, русскими учеными, и как это ни странно, прогрессивно настроенными либералами. Я

считаю, что вместе с Жуковским эти два выдающихся человека, происходившие из русской интеллектуальной среды, оказали существенное влияние на Александра, именно они дали ему тот характерный облик русского человека и либерально настроенного правителя, которым он стал.

Константин Иванович Арсеньев был известным историком, географом и статистиком, профессором Петербургского университета. Интересно отметить, что в 1821 году он был уволен из университета попечителем Петербургского учебного округа Д.П. Руничем "за безбожные и революционные идеи", хотя в действительности вина его заключалась только в умеренной критике крепостного права при чтении лекций и в ряде его работ 1818 и 1819 годов. Несомненно, Арсеньев передал все свои прогрессивные взгляды Александру, в особенности — свое отрицательное отношение к крепостничеству. Это запечатлелось в сознании будущего императора на всю жизнь. С 1830 по 1835 год, т.е. целых пять лет, Арсеньев преподавал Александру географию и статистику России.

Благодаря протекции своего ученика перед отцом, был он назначен членом Академии наук, в этом своем качестве возглавлял статистические работы в стране, и именно под его руководством создавались в России губернские статистические комитеты. Эти значительные перемены в жизни Арсеньева, как и обнародование им ряда важных трудов, стали возможны благодаря энергичному заступничеству молодого Александра.

Вторым новым учителем Александра был назначен Петр Александрович Плетнев, известный критик и поэт, друг Пушкина, с 1832 года профессор русской словесности Петербургского университета, с 1841 года член Российской Академии и ректор Петербургского университета. С 1838 года он стал после Пушкина редактором журнала "Современник", был известен своими критическими статьями, посвященными народной русской поэзии и творчеству русских писателей первой половины XIX века. Выступал он в этих статьях с умеренно либеральных позиций. Плетнев преподавал Александру русскую сло-

весность, дополняя его значительные знания в этой области, уже полученные им от Жуковского.

Несомненно, Николай был превосходно осведомлен начальником Третьего отделения и шефом жандармов Бенкендорфом об идеях этих либеральных профессоров, и если он все же назначил их воспитателями сына, это лишь доказывает, что сам он хотел подготовить своего наследника к новым временам.

Однако царь более доверял Мердеру, чем Жуковскому и новым его коллегам — Арсеньеву и Плетневу, а также другим штатским преподавателям сына. Все важные распоряжения о воспитании Саши царь лично делал именно Мердеру. Так, в июне 1830 года, когда Николай с Александрой пребывали еще в Варшаве, царь писал Мердеру, отвечая на его доклад: "Спасибо, любезный Карл Карлович, за добрые вести, которые меня сердечно радуют. Дай Бог успеха твоему старанию и благословения нашему делу! К приезду нашему вели изготовить Саше всю кавалергардскую форму, но постарайся, чтоб хорошо его одели: жене сделаем сюрприз — 1 июля он пропарадирует с разводом. Кадеты выступят в лагерь 28-го числа. Саша и товарищи его будут во фронте, как прошлого года. После праздников поедут в Красное Село. Саша на это время будет со мной жить. Если погода будет хороша, то я вас помещу в лагере подле себя: я хочу, чтобы все трое (т.е. Саша со своими товарищами, Виельгорским и Паткулем — В.Н.) несли в это время службу наравне с кадетами, только обедая особо, но, впрочем, соблюдая все, что с других требоваться будет. Ты будешь командовать батальоном, Юрьевич станет в дивизион, в который они помещены будут, чтобы за ними ближе смотреть. Побыв там десять дней и отведав приятного и тяжелого, мы поедем в Ревель к жене, а потом воротимся домой. Все это останется между нами и не говори об этом никому, но приготовь все, что тебе нужно для них. Скоро, с помощью Божиею, воротимся, признаться, с нетерпением жду минуту обнять милых ребят. Я устал крепко. Поклонись Жуковскому и всем нашим. Искренно тебя любящий Николай".

Теплый тон этого письма точно передает отношение

Николая к Мердеру. Даже императрицу, свою супругу, царь запросто называет "женой" в этом очень сердечном послании. Конечно, в нем видит Николай не только воспитателя сына, но и преданного ему гвардейца-офицера, которому он не боится изложить всю будущую программу на предстоящий месяц, как для сына, так и для самого себя. Хочу также отметить любовь Николая к сыну и трогательную о нем заботу. Царь требует от своего наследника строгого соблюдения правил военного воспитания наравне не только с двумя его товарищами, но и с остальными кадетами. Только "обеды", т.е. столование для них троих должно быть особое, отдельное, что, конечно, весьма понятно, когда речь идет о наследнике престола. Даже польское восстание не отразилось на ходе занятий Саши. Только свирепствовавшая в столице холера прервала на три месяца, с июня до сентября 1831 года, его обычные уроки, так как из-за строгого карантина никому не дозволялось приезжать из Санкт-Петербурга в Царское Село, где в это время пребывала императорская семья.

Все же следует отметить некоторые события в жизни Саши: "за успехи в науках на экзамене" 18 мая император произвел сына в штабс-ротмистры, а 28 августа назначил его шефом Лейб-кирасирского полка. После кончины старшего брата царя Константина Павловича, Саша получил титул цесаревича, который его дядя носил со времен, когда он был наследником престола при императоре Александре Первом.

По инициативе Жуковского и под его редакцией начал выходить детский журнал "Муравейник", в котором деятельно участвовали Саша и его сестры. Все время летних каникул Саша усердно охотился на зайцев и диких уток, что давало ему возможность упражняться в стрельбе, причем стрелял он очень метко и редко упускал добычу.

Осенью Саша с сестрами отправился в Москву, чтобы посетить устроенную там промышленную выставку. Значительно подросший, Саша, как записал в своем дневнике Мердер, сделался "прелестно хорош... зато и вскружил всем головы". Москвичи встретили его с не-

описуемым восторгом: Саша с благоговением посетил московские святыни, с большим вниманием ознакомился с древностями первопрестольной столицы, осмотрел кадетские корпуса и большинство других воспитательных заведений, появлялся часто на балах во дворце, в театре, в дворянском собрании, у генерал-губернатора князя Д.В. Голицына и у других московских вельмож. Современники отмечают подробности многих его посещений, пишут, что он очаровывал московское общество своей стройной юношеской фигурой и необыкновенной красотой лица. Ему особенно шел красный кавалергардский мундир, но более всего привлекал он симпатию москвичей необыкновенной приветливостью, редкими в его годы обходительностью и вниманием ко всем людям, с которыми ему приходилось общаться. Через несколько недель он возвратился в Санкт-Петербург.

Весело в этот год отпраздновали при дворе Святки. Накануне Рождества, в Сочельник, устроена была в Зимнем дворце роскошная елка, богато наряженная выписанными из Западной Европы золотыми и серебряными украшениями, звездами, шарами, флажками всех русских губерний. Саше было преподнесено особенно много подарков: бюст Петра Великого, прекрасное ружье для охоты, позолоченная сабля, ящик с пистолетами, вице-мундир Кавалергардского полка, фарфоровые тарелки и чашки с изображениями русских офицеров и солдат всех родов войск и т.д. Но по свидетельству его воспитателей — Жуковского, Мердера и их коллег, — самую большую радость испытал он, получив от отца целую библиотеку редких французских, английских и немецких книг по истории и о нравах европейских народов, богато иллюстрированных и в великолепных переплетах.

На Рождество каждый вечер танцевали у императрицы, но были, конечно, и торжественные балы и приемы в Зимнем дворце. По свидетельству современников, во дворце был дан грандиозный бал-маскарад для дворянства и купечества, на котором присутствовало 2200 человек. Другой бал состоялся в концертном зале, было дано несколько спектаклей в Эрмитаже. На всех этих

балах и представлениях присутствовала вся императорская семья и в центре внимания, конечно, был Саша.

Увеселения эти завершились на Богоявление специальным празднеством для молодежи, устроенным великими княжнами, сестрами Александра. Кроме обыкновенных посетителей, на придворные увеселения были приглашены по два кадета от каждого кадетского корпуса. Играли в разные игры — "бобы", "фанты" и т.д. — и, конечно, выбрали короля и королеву праздника, причем королем был выбран Саша, а королевой его старшая сестра, великая княжна Мария Николаевна. Они сели на трон, возле которого разместился почетный караул. Восторгу детей не было границ, когда в роли барабанщика явился сам император Николай Павлович. Императрица Александра Феодоровна дирижировала оркестром. Затем "король" и "королева" велели начать бал. В перерывах присутствующим раздавались призы и подарки. Окончился этот детский бал французской кадрилью.

Затем обычная жизнь вошла в свои права. Возобновились серьезные занятия, гимнастические и военные упражнения, в которых Саша обычно проявлял смелость и ловкость. Мердер, однако, в этот период жаловался императору на ослабевший интерес Саши к классным занятиям, который, вероятно, объяснялся наступлением особого периода, переживаемого обыкновенно всеми мальчиками, достигающими юношеского возраста. Все же учился Саша весьма успешно, и экзамены прошли хорошо. Император остался доволен, на него произвел весьма положительное впечатление ответ Саши на вопрос законоучителя протоиерея Павского, следует ли прощать обиды: "Должно, несомненно, прощать обиды, нанесенные нам лично, — ответил цесаревич, — но обиды, нанесенные законам народным, должны быть судимы законами. Существующий закон не должен позволять исключений ни для кого..."

Отговев на Страстной неделе, Саша отпраздновал Пасху с родителями, а накануне дня своего рождения подвергся большой опасности. Катаясь верхом на любимом коне Малек-Аделе, оседланном казачьим седлом и

правя лишь одной уздечкой, он пустил коня на Царицыном Лугу, по своему обыкновению, сначала в галоп, потом в карьер и очутился неожиданно перед канатом, окаймляющим поле. Саша не ожидал встретить эту преграду, он решил круто повернуть коня, но Малек-Адель, будучи превосходным скакуном, не подчинился наезднику и перепрыгнул через канат. Саша упал на мостовую и лишился чувств. По счастливой случайности, он инстинктивно согнулся и не ударился головой о камни, а лишь ушиб правое плечо. Подоспевший унтер-офицер, который по его приказанию оставался далеко позади и лишь издали наблюдал за великим князем, бережно поднял мальчика и уложил на свою шинель прямо на траве. Он страшно перепугался, не зная, жив ли наследник, и даже не соображал, что делать. Тут Саша вдруг открыл глаза и, улыбаясь, сказал своему спутнику: "Это ничего, я только ушиб плечо". В это время подоспел фельдшер из ближайшей казармы, который минутами раньше также с любопытством наблюдал за катанием наследника. Он осмотрел Сашу и, констатировав лишь сильный ушиб правого плеча, вызвал коляску и отвез мальчика во дворец.

Александра Феодоровна очень испугалась, увидя сына с перевязанным плечом, но император успокоил супругу и, улыбнувшись, сказал Мердеру: "Ничего, Саша молодец, до свадьбы заживет". Придворные врачи, осмотрев мальчика, констатировали у него "помятие мускула правого плеча". Сам же Саша, по своему обыкновению, не жаловался, а продолжал улыбаться и шутить, несмотря на жгучую боль, которая прошла лишь через несколько дней. Так окончился этот инцидент, который мог оказаться фатальным не только для Саши, но и для всей России.

Позднее, весною этого же 1832 года, двор переехал в Петергоф. Однако Жуковский не сопровождал своего питомца: расстроенное здоровье вынудило его опять отправиться на воды в Эмс. Хотя Саша уже привык к отъездам своего воспитателя, он был весьма опечален его болезнью. Лекции Жуковского были для него очень интересны, и хотя его замещали Арсеньев и Плетнев,

которых наследник уважал и ценил, все же ему недоставало Жуковского с его столь увлекательными уроками по русской истории, литературе и русскому языку — предметам, к которым Саша чувствовал особое влечение, благодаря своему блестящему учителю. Писал Саша ему очень часто, делясь со своим наставником впечатлениями о новых учителях и вообще о своих занятиях. Жуковский также усердно отвечал на все письма воспитанника и, в свою очередь, сообщал ему интересные новости из Германии и вообще с Запада.

Совсем иначе мальчик относился к Мердеру, который, хотя и ближе стоял к нему по своему положению военного гувернера, но, не имея педагогического таланта Жуковского, часто надоедал мальчику своим немецким педантизмом. Может быть, именно поэтому, сравнивая его с Жуковским и с другими своими воспитателями, академиками и профессорами, Саша находил его посредственным и слишком педантичным.

Со своей стороны, Жуковский, сам будучи очень талантливым человеком, ценил в своем воспитаннике его большие способности и любил его больше всего из-за них — как это часто бывает между способными учителями и способными учениками. Мердер, хотя и был страстно привязан к своему царственному ученику, но, как видно из его дневника, больше восторгался его физической, внешней привлекательностью и, несомненно, находился под впечатлением его царского происхождения — это качество всегда особенно импонирует немцам.

Известное чувство ревности между Жуковским и Мердером, которое можно уловить в писаниях и докладах обоих, и явное предпочтение, которое Саша отдавал Жуковскому, раздражало Мердера и до известной степени являлись причиной его редких, но все же критических замечаний относительно характера Саши, которые он делал императору, несмотря на свою сильную привязанность к воспитаннику. Впрочем, как все благородные люди, Саша за долгие годы своего общения с Мердером сильно привязался к нему и, в свою очередь, любил своего воспитателя, несмотря на то, что полностью сознавал его посредственность. Да и Мердер, хотя и был внутрен-

не недоволен явным препочтением, отдаваемым Сашей Жуковскому, никогда не доводил до предельной строгости свои суждения о нем. Напротив, даже когда взыскательный Николай принимал по отношению к сыну слишком строгие меры — надо отдать справедливость Мердеру, — тот яростно защищал Сашу и тем часто спасал его от гнева родителя, требовавшего от сына слишком многого.

Очевидно, однако, что царь полностью отдавал себе отчет в том, что даже для военного воспитания Александра способностей и знаний Мердера далеко не достаточно. Посоветовавшись с ним для проформы, Николай назначил для военного образования сына двух видных специалистов: по фортификации — директора инженерного училища Христиани, а по артиллерии — инспектора артиллерийского училища Весселя.

С осени 1832 года у Мердера обнаружились первые признаки жестокой болезни сердца. Стал он болезненно раздражителен, и эта его раздражительность, конечно, отразилась на отношении к Александру. Стал он слишком требователен, иногда даже груб со своим воспитанником. Однако отмечу одну особенную черту характера будущего царя: вместо того, чтобы взбунтоваться и остро реагировать на странности своего воспитателя, четырнадцатилетний Александр проявил необыкновенную выдержку. Он стал вести себя просто безукоризненно, выказывал постоянное прилежание в занятиях, прекрасно готовил уроки, и это сказалось в отзывах всех его преподавателей. В свободное время не отходил он от своего больного воспитателя, стараясь всеми силами утешить и успокоить его. Об этом сам Мердер написал Жуковскому, который тоже начал сильно недомогать: проводил лето на водах, а зиму — близ Вевейя, на Женевском озере. Оттуда Жуковский написал Александру весьма содержательное письмо, которое проливает полный свет на его отношение к ученику и одновременно дает нам доказательство глубокой человечности царевича.

"Благодарю Вас, мой милый Великий Князь, за Ваше письмо и за подробности, которые Вы сообщаете мне

Наследник престола великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр Второй в форме подпоручика гвардии с Андреевской лентой и звездой изображен здесь в возрасте четырнадцати лет. Литография по портрету Ф. Крюгера.

о ходе Ваших занятий... У меня сердце поворотилось от радости, когда я прочитал письмо Карла Карловича о Вас и происшедшей в Вас перемене, мой бесценный, верный друг... Знайте одно: в наше бурное время необходимее, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью, своим нравственным достоинством, своею справедливостью, своею чистой любовью общего блага были образцами на земле и стояли выше остального мира. Нравственная сила необходима: она в душе государей хранит народы в мирное время, спасает их во времена опасные и во всякое время влечет их... к верному благу, неразлучному с человеческим достоинством..." Из этих слов лучше всего видно, в каких принципах Жуковский старался воспитать будущего государя России.

В отсутствие Жуковского русскую историю преподавал Александру профессор Арсеньев, только что возвратившийся из поездки по России, которую он предпринял по распоряжению самого императора, для собирания материалов отечественной статистики, составляемой им для наследника.

Мердер из-за ухудшившегося своего здоровья по решению врачей в марте 1833 года выехал со своей семьей в Берлин, где он мог лечиться у лучших в то время мировых специалистов по болезням сердца. Показательно отношение к нему императора, который не только предоставил ему необходимые средства на это путешествие, но присвоил ему в благодарность за его участие в воспитании сына звание генерал-адъютанта. Александр проводил своего воспитателя и до самой его смерти продолжал переписываться с ним.

Заместителем Мердера был назначен генерал-майор Кавелин, а отчеты о ходе занятий Александра, составлявшиеся раньше Мердером, взял на себя Юрьевич. Преподавателем химии был назначен видный ученый академик Гесс.

Интересно привести здесь несколько срок из письма Александра, написанного им Мердеру осенью 1833 года, после приезда царевича с родителями в Санкт-Петербург: "У нас, дорогой, бесценный Карл Карлович, все идет по-прежнему: и прогулка, и фехтование, и верховая

езда, и гимнастика (предметы, которые раньше преподавал ему Мердер — В.Н.), и время удивительно как живо летит". Далее Александр признавался своему бывшему воспитателю: "Очень мне трудно победить самого себя и взять верх над собою, но я думаю, что со временем и после некоторых усилий это станет для меня легче, и тогда все будет хорошо и буду я исполнять мои обязанности с любовью". И намекая на будущее: "Конечно, эта моя обязанность теперь мала, но будет со временем великая..."

В своем последнем письме, в конце марте 1834 года Александр писал своему тяжело больному бывшему воспитателю, сообщая, что наступает его совершеннолетие и что Сперанский назначен подготовить его к присяге: "Вы, вероятно, знаете, что мне через неделю предстоит. Я уверен, что Вы будете обо мне думать, равно как и я о Вас, мой милый и бесценный друг, и потому можете себе представить, как мне должно быть грустно, что Вас в этот важный день в моей жизни здесь не будет... Я вам писал, что Сперанский приготовлял меня к присяге и в прошлую субботу прочел мне ее. Она удивительно хорошо написана, и всякий человек с чувством не может ее хладнокровно прочесть..."

Когда Александр писал Мердеру это письмо, Мердера уже не было в живых. Он тихо угас в Риме 24 марта 1834 года с именем Александра на устах.

Из этого письма наследника видно, что он с самого начала уроков, которые давал ему новый воспитатель, знаменитый Михаил Михайлович Сперанский, вдохновитель либеральной политики Александра Первого в начале его царствования и уже тогда убежденный сторонник освобождения крестьян, находился под его влиянием... Значение Сперанского в формировании дальнейшей политики Александра Второго, связанной с освобождением миллионов своих соотечественников от крепостной зависимости, несомненно. И именно с этими идеями сын и наследник Николая Первого готовился к торжественной присяге в год своего совершеннолетия. Как известно, в романовской России, как и во многих других европейский странах, властители и их сыновья становились

совершеннолетними по достижении шестнадцати лет. В день совершеннолетия кончился период детства и отрочества Саши и начался столь увлекательный и романтичный период его юности.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЮНОШЕСТВО АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА (1834-1838)

Глава пятая

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА

17 апреля 1834 года Саша стал Александром Николаевичем: ему исполнилось 16 лет. Этот день пришелся на вторник Страстной недели, поэтому торжества провозглашения совершеннолетия и принесения присяги были отложены до наступающей Пасхи, как известно, самого важного церковного праздника на Руси.

По закону все члены царского дома, достигнув совершеннолетия, для наследника престола — шестнадцатилетия, приносили присягу в верности царю и отечеству. Император поручил подготовить Александра к этому важнейшему событию графу Сперанскому, что само по себе было важно для цесаревича.

Михаил Михайлович Сперанский был, несомненно, одним из самых одаренных людей России, хорошо образованным и прогрессивно настроенным государственным деятелем. Родился он в семье священника села Черкутина Владимирской губернии в 1772 году. В 1791 году окончил первым по успехам Петербургскую духовную академию, которая тогда еще называлась Главной семинарией России. Несмотря на юный возраст, его оставили преподавателем сначала математики, а потом философии, назначив одновременно префектом этой первой духовной академии в стране, названной так указом императрицы Екатерины Великой в 1792 году, когда Сперанский уже был там префектом. Синодальные старцы предложили блестящему молодому ученому принять монашество, обещая ему архиерейский сан в самом близком будущем. Но Сперанский не стремился к духовной

карьере, несмотря на то, что она обещала ему быстрое продвижение на самые высокие посты в церковной иерархии России.

Он окончательно оставил духовное поприще и в 1797 году принял должность секретаря генерал-прокурора Сената, где благодаря своим исключительным способностям быстро выдвинулся. В 1803-1807 годах Сперанский был уже директором департамента министерства внутренних дел и в этом качестве участвовал в составлении текстов всех важных законов.

Имея частые контакты с молодым тогда императором Александром Первым, Сперанский с 1808 года стал ближайшим советником царя по всем вопросам внутренней политики империи. По поручению Александра Павловича Сперанский составил в 1809 году "План государственного преобразования" империи, в котором он предлагал радикальные реформы всей государственной структуры России: разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Проект этот предлагал создание Государственной Думы путем выборов, хотя и на основании имущественного ценза. Она должна была обсуждать все новые законы, но утверждение их оставалось за царем. Наряду с Государственной Думой, предлагал Сперанский учредить Государственный Совет при царе, который должен был принимать все мероприятия империи законодательного, исполнительного и судебного характера. Самое важное в этих проектах Сперанского было намерение постепенно, путем реформ подготовить отмену крепостного права в России.

Эти проекты, как и следовало ожидать, вызвали сильное раздражение в среде реакционного русского дворянства и, конечно, прежде всего помещиков, которые не хотели лишиться своих привилегий...

Несомненно, именно эти передовые идеи Сперанского явились подлинной причиной его опалы, и не только лишили его министерского поста, но и обернулись длительной тяжелой ссылкой, с полицейским надзором и прочими свидетельствами царской немилости. Впоследствии Сперанский был частично восстановлен в своих правах, еще при Александре Первом, и в марте

Граф Михаил Михайлович Сперанский.
При императоре Николае Первом стал он воспитателем наследника, великого князя Александра Николаевича, с которым близко подружился. Литография 1838 года.

1821 года, после того, как он был назначен пензенским губернатором, а потом и сибирским генерал-губернатором, — Александр Первый вернул его в Санкт-Петербург и назначил членом Государственного Совета.

После своего восшествия на престол Николай Первый назначил Сперанского в 1826 году членом Верховного уголовного суда по делу декабристов, что само по себе указывает на большое доверие к нему. Кроме того, царь назначил его членом Секретного комитета по крестьянскому вопросу. Именно в этом Комитете Сперанский играл виднейшую роль, неизменно высказываясь за постепенное освобождение крестьян от крепостной зависимости, хотя и без земли...

С 1826 года Сперанский фактически возглавлял Второе отделение при канцелярии царя, осуществлявшее кодификацию всех законов России. Именно под его руководством было издано "Полное собрание законов Российской Империи". За эту его деятельность и за прежние заслуги император Николай Павлович наградил Сперанского высшим отличием России — орденом Св. Андрея Первозванного и дал ему титул графа.

И вот именно этого блестящего и прогрессивного государственного деятеля Николай назначил воспитателем и советником своего сына, предписав ему в 1834 году подготовить Александра к торжественному провозглашению его совершеннолетия и принесению присяги. Советы Сперанского, написанные им для своего воспитанника, дают возможность судить о важнейшей роли этого крупного государственного деятеля в дальнейшем формировании политических взглядов будущего императора и, конечно, прежде всего в его убеждении о необходимости положить конец крепостному праву и освободить миллионы своих подданных от страшного ига крепостничества.

Сущность присяги Сперанский определял так: "Присяга есть акт совести и религии, коим клянущийся призывает Бога в свидетели искренности его обещания и подвергает себя Его гневу и мести в случае нарушения".

"Присяга сия, — поучал Сперанский Александра, — делится на две части: одна входит в общую присягу под-

данства, другая же часть совершенно новая, потому что до 1797 года не было твердого закона о наследии престола. Но с установлением сего закона основатель его (император Павел Первый — В.Н.) нашел нужным укрепить его присягой. Причины сего очевидны. Мы видели, как долго и как бедственно закон о наследии у нас колебался. Что может укрепить его на будущее время? Каждый член императорского дома может, в свою чреду, по неисповедимым судьбам Провидения, достигнуть наследства, стать Самодержцем. Что же может обязать волю самодержавную? Одна совесть, один суд Божий — присяга..."

На Страстной неделе Александр отговел и причастился, а в первый день Пасхи, 22 апреля, присутствовал на торжественной заутрене в большой церкви Зимнего дворца, где в тот же день перед вечерней произошло торжественное принесение им присяги в качестве наследника престола. Эта церемония описана современниками. Высшие сановники принесли в церковь императорские регалии из "бриллиантовой комнаты": обер-камергер граф Головкин нес державу, т.е. золотой, осыпанный бриллиантами и другими редчайшими драгоценными камнями шар, символически представляющий Землю и увенчанный крестом. Скипетр нес на красной бархатной подушке адмирал граф Мордвинов.

Напомню, что в основе скипетра находился громадный бриллиант "Орлов", который подарил Екатерине Великой ее фаворит Орлов. Бриллиант был куплен им в Европе за громадные деньги. Камень этот был украден в Индии, где он украшал статую Будды. Екатерина велела вставить этот громадный бриллиант в основу своего скипетра, очевидно, как аллегорический намек на то, что власть она получила с помощью своего фаворита, одного из предводителей дворцового переворота 1762 года.

Князь Кочубей, назначенный в этот же день государственным канцлером, нес на пурпурной бархатной подушке золотую, усыпанную бриллиантами корону, которую царь надевал при своей коронации. Все эти регалии были расставлены вокруг аналоя, на котором

лежали окованное золотом Евангелие и крест. По прибытии императора, императрицы, наследника и всех остальных членов царской семьи начался торжественный молебен, совершенный санкт-петербургским митрополитом Серафимом в сослужении Синода и придворного духовенства. Николай по окончании молебна взял сына за руку и подвел его к аналою, перед которым Александр Николаевич прочел установленную для наследника престола присягу.

Между прочим в тексте присяги, составленной Сперанским, Александр клятвенно обязался: "...в звании же наследника престола всероссийского и соединенных с ним престолов Царства Польского и Великого Княжества Финляндского обязуюсь и клянусь соблюдать все постановления о наследии престола, согласно основным законам Империи... не щадя живота своего, до последней капли крови..."

Присяга кончалась трогательной молитвой, в которой Александр просил Создателя: "Господи, Боже отцев и Царю царствующих! Настави, вразуми и управи мя в великом служении, мне предназначенном... Да будет со мною Твоя премудрость... Буди сердце мое в руцех Твоих..."

Вот как описывает эту историческую сцену московский митрополит Филарет, присутствовавший со всеми членами Синода и сам служивший на упомянутом молебне: "Когда открыто было Евангелие, Государь Император подвел к окну Государя Наследника для присяги. Государь Наследник произнес оную твердым голосом, отражающим его сосредоточенное внимание к произносимым обетам. Но когда он дошел до молитвы, заключающей присягу, глубокое волнение и слезы остановили его. Сделав усилие, он овладел собой и довершил чтение, однако измененным, трогательно дрожащим голосом... Сердце родителя в переживаниях слилось с сердцем сына... Император обнял наследника и расцеловал его на глазах у обоих... Затем обняла и поцеловала его Государыня Императрица, также в волнении своем не сдерживая слезы... Сам я, глубоко тронутый эти восхитительным зрелищем, также не смог овладеть собой, и слезы

лились у меня из глаз. И когда я овладел собой и обернулся, я увидел, что все присутствующие также были в слезах от охватившего их восторженного умиления..."

После подписания Александром Николаевичем акта присяги император передал этот исторический документ вице-канцлеру для хранения в Государственном архиве. Тогда началась торжественная вечерняя служба, после которой все перешли в Георгиевскую залу. По пути царского шествия во всех залах Зимнего дворца, от Концертной до Портретной галереи, стояли в парадных мундирах отряды лейб-гвардейских полков, а в тронной зале — отряды военных учебных заведений под командой великого князя Михаила Павловича и знаменосцы со знаменами всех гвардейских полков. Когда вошел в эту залу император и с ним наследник с остальными членами императорской фамилии, знаменосцы преклонили свои знамена до земли. Загремел исполняемый всеми присутствующими незадолго до того сочиненный Львовым гимн: "Боже, царя храни!" Затем Александр перед склоненными знаменами прочел вторую присягу, специально составленную для военных чинов, в которой он обещал оказывать сопротивление врагам отечества "телом и кровью, в поле и крепостях, на воде и на суше, в сражениях и битвах, в осадах и приступах и во всех военных случаях, без изъятия... Обещаюсь во всем том поступать, как честному, послушному, храброму и отважному воину надлежит, в чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий!"

Войска отдали честь, знамена склонились снова перед троном, и снова загремел государственный гимн России. Затем император поклонился присутствующим и под руку с императрицей, сопровождаемый сыном и членами своей семьи, удалился во внутренние покои...

На следующий день из полученных личных средств, определенных ему по случаю его совершеннолетия, Александр пожертвовал 100 тысяч рублей на раздачу "самым нуждающимся" жителям обеих столиц. С этой целью послал он санкт-петербургскому генерал-губернатору графу Эссену 50 тысяч рублей, чтобы выразить свою признательность городу, "где провел я свои ребя-

ческие годы, — писал он в своем рескрипте, — где научился любить Россию..."

Еще более сердечно отзывался Александр о первопрестольной столице в своем рескрипте московскому генерал-губернатору князю Голицыну, пересылая и ему для самых нуждающихся граждан 50 тысяч рублей: "Москва, — писал Александр, — есть любезная моя родина. Бог дал мне жизнь в Кремле... Да позволит Он, чтобы совершилось сие предзнаменование, чтобы я в остающиеся мне годы первой молодости мог с успехом приготовиться к ожидавшим меня обязанностям... как сын верноподданный и как русский, всем сердцем привязанный к благу любезного отечества..." В этих словах, написанных им самим, видно влияние Сперанского, который, несомненно, учил Александра *служить не только царю*, но и России.

На следующий день после торжественной присяги престолонаследника, в очень теплой атмосфере царская семья и весь двор отпраздновали именины императрицы Александры Феодоровны в Зимнем дворце, как бы в продолжение праздника совершеннолетия ее первенца-сына. На третий день император с императрицей дали в том же Зимнем дворце парадный обед для высшего духовенства и особ первых трех классов, двора и правительства — как бы в благодарность за их участие в этом празднике царского дома. Ряд блестящих торжеств продолжался в обеих столицах и по всей России всю эту пасхальную неделю: приемы, обеды, ужины, балы не прекращались...

Празднества закончились лишь 29 апреля грандиозным балом, данным санкт-петербургским дворянством во дворце обер-егермейстера двора Д.Л. Нарышкина. На нем присутствовали император, императрица, наследник и вся царская семья, окруженные элитой столичного дворянства, сановниками двора и правительства; присутствовал весь дипломатический корпус и т.д. Мужчины в сверкающих золотом мундирах, офицеры в парадной форме со звездами и лентами русских и иностранных орденов, дамы в блестящих туалетах, бриллиантовых диадемах и ожерельях, — все смотрели на изящного

молодого человека в гвардейской форме, красивого шестнадцатилетнего юношу с синей Андреевской лентой через плечо и золотой звездой на груди, и уже видели в нем будущего императора России...

Хотя цесаревичу Александру предстояло после достижения совершеннолетия присутствовать на заседаниях Правительствующего Сената и Святейшего Синода, хотя он был возведен в ранг генерал-адъютанта, император повелел ему продолжать свое образование. Попечителем к нему был назначен бывший посол при Лондонском дворе генерал-адъютант князь Х.А. Ливен. Место недавно умершего его воспитателя Мердера занял генерал-адъютант Кавелин, его помощником остался Юрьевич. Жуковский сохранил звание наставника. Профессор Арсеньев читал лекции по географии и статистике России, профессор Плетнев — более подробный курс русской словесности, военные науки преподавали те же специалисты, что и при Мердере.

Сперанский теперь чаще посещал Александра и давал ему подробные консультации о законах империи и о проблемах, связанных с взаимоотношениями разных классов России: дворянства, купечества и крестьянства. Конечно, крепостничество и необходимость отмены крепостного права, были одной из любимых тем Сперанского, тема эта особенно интересовала и Александра. Будущий император, несомненно, прислушивался к комментариям опытного государственного деятеля, может быть, даже более, чем к лекциям всех остальных своих преподавателей. Впрочем, император Николай, сам получивший лишь военное образование гвардейского офицера, которое при императоре Павле ограничивалось пресловутой немецкой "муштрой", как мы уже знаем, настоятельно желал подготовить сына по возможности всесторонне к его будущей роли императора. Именно в силу этого своего убеждения он энергично заставлял сына не только проходить весьма широкий курс наук, но и начал его знакомить с тремя основными институтами правления громадной своей империи: Государственным Советом, Правительствующим Сенатом и Святейшим Синодом.

Однако составленный Жуковским и одобренный императором "План учения" далеко еще не был выполнен ко дню совершеннолетия Александра. В области Закона Божия цесаревич прошел довольно подробно священную историю Ветхого и Нового завета, церковную историю и введение в Катехизис. Из всеобщей истории — древнюю историю и историю средних веков. Из истории России — весь период до воцарения дома Романовых. Из математических наук: арифметику, алгебру и элементарную геометрию. Из естественной истории — общее обозрение природы в ее происхождении и элементах. Из физики: статику, динамику и общую науку о телах. Из военных наук — начала фортификации и артиллерии. Кроме практических занятий русским и французским языками (на французском преподавалась и география), Александр изучал немецкий, английский и польский. Он начал серьезно знакомиться с русской и немецкой литературой. После его совершеннолетия была установлена окончательная программа курса этих наук еще на три года, приравненная к университетским программам. Сохранялись полугодовые и годовые экзамены. Весною 1837 года был назначен окончательный экзамен за полный курс.

Лето 1834 года прошло в усиленных военных занятиях и упражнениях в лагерях Петергофском и Красносельском и закончилось величественным торжеством в самый день именин Александра: на площади перед Зимним дворцом был открыт памятник императору Александру Первому.

27 октября 1834 года Александр с родителями выехал в Берлин, где познакомился с многими немецкими принцами и принцессами, прибывшими в Берлин для встречи с русским царем и его семьей. Бесконечные приемы, балы и увеселения были типичны для того времени, еще чаще устраивались военные парады, смотры и упражнения. На параде 10 ноября Александр сам командовал Третьим прусским уланским полком своего имени, причем король Фридрих-Вильгельм Третий возвел его в чин полковника прусской армии. Царская семья возвратилась Санкт-Петербург ко дню именин императора Ни-

колая, который в этот день назначил сына полковником Преображенского полка.

В 1835 году произошла важная перемена в составе преподавателей Александра: был уволен его учитель Закона Божия и священной истории — протоиерей профессор Герасим Петрович Павский, которого так ценил Жуковский и любил сам Александр и его сестры, также ученицы этого просвещенного преподавателя. Уважал его и император Николай Павлович, который нередко приглашал его побеседовать на религиозные темы. На этой перемене следует остановиться более подробно, так как увольнение Павского связано с отношениями Николая Первого как главы русской Православной Церкви с ее фактическими руководителями — синодальными старцами и, прежде всего, с первоприсутствующим, т.е. председателем Синода — митрополитом Серафимом Санкт-Петербургским и самым влиятельным членом Синода митрополитом Филаретом Московским и Коломенским. Оба они с давних пор были личными врагами Павского.

Павский был профессором Санкт-Петербургского университета, выдающимся ученым-филологом, отлично владевшим древнееврейским языком. Был он также автором нескольких трудов в этой области и сам переводил древнееврейские тексты Библии на русский язык. Осуществляя эти переводы, он подходил к тексту с необходимым для настоящего ученого критицизмом. Так, он объяснял студентам, что библейские тексты часто следует понимать в переносном, аллегорическом смысле, как, например, библейскую легенду о сотворении мира в семь дней, поскольку термин "йом" имеет на древнееврейском языке двойное значение: "день" и "период". Таким образом Павский доказывал, что в сущности такое толкование Библии соответствует теории Канта-Лапласа о возникновении Вселенной. Подобным образом Павский толковал и многие другие библейские тексты. Кроме того, подвергая строгому филологическому анализу, например, псалмы царя Давида, он заключал, что лишь некоторые из них написаны самим Давидом, а остальные являются апокрифными, добавленными более

поздними авторами. Эти и многие другие подобные комментарии Павского записывали студенты, слушавшие его лекции, и впоследствии разносили по всей России.

Митрополит Серафим еще со времен Александра Первого был противником перевода Библии на русский язык и немало способствовал Аракчееву и знаменитому архимандриту Фотию в расформировании Библейского общества в России и в увольнении министра князя Голицына, председателя этого общества. Он поручил своему коллеге, московскому митрополиту Филарету, известному знатоку догматического богословия и автору нескольких книг, осудить переводы Библии и богословские труды Павского. Филарет всегда был послушен Серафиму и во всем поддерживал его в Синоде. Он стал главным обвинителем и критиком Павского.

Вот как описывает его академик Арсеньев, заменивший Жуковского в преподавании истории Александру: "...С 1826 года был Филарет возведен на Московскую кафедру... Внешность его была весьма невзрачной: небольшого роста, очень худощавый, с реденькой бородкой и проницательными глазами... Раскольников он не терпел и бессердечно относился к арестантам. Духовенство боялось и не любило его... Чтобы подойти близко к нему, священники буквально ползли на четвереньках..."

Другие источники того времени описывают Филарета как человека большого ума, необыкновенно ученого богослова, особенно торжественно совершавшего церковные службы, при этом строгого аскета в частной жизни. Однако был Филарет весьма реакционно настроен не только в догматике и в церковной политике. Он известен, например, своими выступлениями против отмены в России телесных наказаний. Интересно отметить, что позднее именно ему было поручено составление знаменитого Манифеста 19 февраля 1861 года об освобождении крестьян.

Оба эти иерарха были опытными царедворцами и умели угождать царю. Серафим произнес приветственное слово императору Николаю при его коронации в 1826 году. Филарет же после бунта декабристов удачным

выступлением на присяге Николая — 18 декабря 1825 года — сумел успокоить народ. Может быть, влияние их обоих при дворе коренилось и в том обстоятельстве, что оба они, особенно Серафим, многое знали о тайне добровольного отречения императора Александра Первого и помогли ему скрыться перед тем, как он снова появился под именем Феодора Кузмича в Сибири. Митрополит Серафим был настолько близок к Николаю Первому и его супруге Александре Феодоровне, что его нередко приглашали на обеды во дворец и его портрет висел в кабинете государя. (Портрет этот, кисти Г.Афанасьева, после смерти митрополита Серафима по распоряжению царя был передан Синоду, где и находился до революции 1917 года.)

В конце 1834 года митрополит Филарет представил императору официальный доклад, в котором требовал увольнения протоиерея Павского, законоучителя Александра и его сестер, обвиняя его в том, что "в книгах его и лекциях есть несомненные признаки неправоверия и неправославия..."

Однако личное влияние Павского на самого царя, а также на Александра и на всю царскую семьи было настолько значительно и глубоко, что император попросил Павского дать обстоятельный ответ на эти обвинения Московского митрополита... Павский, с присущей ему логикой, составил ответный доклад, опровергающий обвинения Филарета. Между прочим, он убедительно доказал, что для обвинений против него, в сущности, были использованы не его собственные высказывания, а неофициальные конспекты студентов, где его лекции были переданы неточно. К неудовольствию синодальных иерархов Николай одобрил этот ответ Павского и не дал хода докладу Филарета. Протоиерей Павский продолжал учить Александра и его сестер и выполнял свои обязанности протоиерея в столичном соборе...

По закону о русском престолонаследии достигший совершеннолетия Александр стал членом Святейшего Синода.

Напомню, что в 1721 году царь Петр Великий, воспользовавшись смертью патриарха Адриана, не назначил

ему преемника и заменил институт патриаршества Святейшим Синодом, т.е. коллективным управлением назначенных царем иерархов, которых он всегда мог по своей воле уволить и заместить другими... С тех пор, восприняв древнюю византийскую традицию, русские цари и даже царицы становились фактически главами русской Православной Церкви. Именно на этом основании Николай Первый, будучи главой русской Православной Церкви, и решил самовольно спор между Павским и Синодом в пользу Павского. И, конечно, также в силу этой своей власти, он назначил Александра, своего старшего сына и наследника престола, членом Святейшего Синода.

Император считал, что никаких возражений со стороны синодальных старцев по поводу назначения наследника престола членом Синода не может быть. Он хорошо знал, что его отец император Павел в архиерейском облачении входил через царские врата в алтарь и сам причащался, взяв Святые Дары на престоле. Ни Александр, наследовавший Павлу, ни Николай так не поступали. Николай лишь потребовал от Синода принять старшего своего сына Александра в члены этого высшего органа русской Православной Церкви.

Получив письмо от председателя Синода — санкт-петербургского митрополита Серафима — с просьбой о специальной аудиенции, царь ожидал, что тот хочет явить согласие членов Синода на это назначение, необыкновенное в практике русской церкви только тем, что в 1835 году цесаревичу Александру было лишь шестнадцать лет. Однако каково же было удивление императора, когда престарелый митрополит Серафим, войдя в кабинет государя, пал перед ним на колени и от имени всей русской Церкви стал умолять его уволить законоучителя наследника, протоиерея Герасима Петровича Павского, дабы "прекратить соблазны..." (Эта аудиенция митрополита Серафима описана в "Чтениях Московского общества истории" за 1870 год.)

Ввиду предстоящего назначения сына членом Синода, Николай, конечно, хотя и скрепя сердце, согласился на отстранение протоиерея Павского как от преподава-

ния наследнику, так и от других его церковных должностей. Современники, однако, писали, что вся царская семья во главе с самим императором прощалась с Павским со слезами на глазах. Император повелел Синоду не предпринимать против бывшего законоучителя своих детей никаких других мер... Замечу, что немедленно после своего восшествия на престол в 1855 году император Александр Второй принял на специальной аудиенции своего бывшего законоучителя, восстановил его во всех его прежних церковных должностях, вернул ему все его церковные отличия и награды и определил ему значительную пенсию...

Итак, 4 июня этого же 1835 года император в сопровождении цесаревича Александра Николаевича торжественно прибыл в здание Синода. Затем со всеми членами Синода отслушал вместе с сыном краткое молебствие в освященной за несколько дней до того синодальной церкви и потом направился в зал заседаний Синода, где занял место среди его членов, посадив наследника по правую руку от себя. Приложившись к Евангелию и кресту, находившимся по синодальному обычаю перед столом заседаний, император пригласил иерархов занять свои места.

Николай Павлович обратился к членам Синода с пространной речью, в которой напомнил старцам о трудностях, с которыми пришлось ему бороться при восшествии на престол, упомянул о победоносных войнах с Персией и Турцией и об успешном усмирении польского восстания 1830 года, а также и о скором прекращении беспорядков, вызванных холерой. В заключение этой своей речи заявил он, что относит успешное преодоление всех этих трудностей к особенной милости Божией. Затем император затронул внутренние вопросы церковного управления — обращение раскольников и воссоединение униатов — и окончил все такими словами: "Простирая попечение свое на церковные дела и на будущие времена... я, подобно тому, как ввел уже старшего сына своего и наследника в Сенат и намерен ввести его в Государственный Совет, признаю полезным, чтобы для ознакомления с церковными делами Цесаревич при-

сутствовал иногда на заседаниях Синода и под личным моим руководством приобретал необходимые сведения для его высокого назначения..."

О посещении императором Синода и о назначении наследника престола его членом Святейший Синод объявил указом по всему духовному ведомству своему. Это было ответом на согласие императора Николая уволить Павского и на его место назначить приятеля обоих первенствующих митрополитов, члена Синода протопресвитера Василия Борисовича Бажанова, ставшего с этого времени главным священником двора и гвардии и — что гораздо важнее — духовным руководителем всей царской семьи.

Протопресвитер Бажанов стал преподавать Александру Закон Божий и церковную историю. Для своего ученика написал отец Василий курс преподавания, впоследствии опубликованный под заглавием: "О вере и жизни христианской". За этот свой труд получил он степень доктора богословия.

Замечу, что после отца Василия в практику администрации русской Православной Церкви вошло правило давать главному священнику двора и армии сан протопресвитера и назначать его членом Святейшего Синода. Последним протопресвитером двора и армии при покойном императоре Николае Втором был мой друг протопресвитер Георгий Шавельский, после революции эмигрировавший в Болгарию и ставший в Софии сначала настоятелем бывшей посольской русской церкви, а впоследствии священником болгарской церкви и доцентом Софийского богословского факультета. Был он также директором русской гимназии в Софии в последние годы ее существования. Мемуары свои успел он переслать дочери в Америку, где они были изданы и пользуются до сих пор заслуженным успехом.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА

На Западе с объявлением совершеннолетия наследников престола фактически приостанавливалось их общее образование и начиналось практическое ознакомление с управлением государством, конечно, когда это было угодно королям. Так было во Франции во времена Бурбонов, в Австрии при Габсбургах, а также и в остальных европейских государствах. Вводя сына в тонкости государственного управления, Николай Первый, тем не менее, повелел ему усиленно продолжать свои теоретические занятия, но уже на университетском уровне. Так что фактически Александр получил блестящее образование, которое в полном смысле слова было равноценно подготовке к докторской степени в лучших западных университетах.

Жуковский продолжал свои лекции по русской литературе, и — что особенно важно — весьма глубоко, на уровне лучшего университетского профессора преподавал наследнику полный курс русского языка, которым будущий император овладел превосходно. Кроме того, общую русскую словесность, но теперь на уровне университета, преподавал Александру такой виднейший специалист, как ординарный профессор Петербургского университета, академик Петр Александрович Плетнев.

Другим университетским преподавателем Александра был профессор того же Петербургского университета академик Константин Иванович Арсеньев, географ, историк, первый занявшийся статистикой России, автор многих фундаментальных трудов в этой области и, что особенно важно, убежденный критик крепостничества. Я уже упоминал об этих преподавателях Александра и специально снова останавливаюсь на них, чтобы подчеркнуть их важную роль в формировании политических убеждений Александра, несомненно, под их влиянием ставшего противником крепостного права в России.

Но безусловно самым значительным преподавателем Александра, опять же на высоком университетском

уровне, был знаменитейший прогрессивный государственный деятель России эпохи Александра Первого и Николая Первого Михаил Михайлович Сперанский. Он, как уже говорилось, был убежденным противником крепостного строя в России и именно из-за этого заслужил ненависть реакционных помещичьих кругов империи. Сперанский предлагал еще во времена Александра Первого отменить крепостное право, проведя ряд постепенных реформ в просвещении, торговле и промышленности России. Все предлагаемые Сперанским проекты нового государственного устройства империи — учреждение министерств, Государственного Совета, Государственной Думы и т.д. — имели целью именно приспособить Россию к новым веяниям времени, соответствующим переменам, происшедшим во всех западных странах. Они, конечно, отражали интересы и убеждения прогрессивной части русского дворянства и, несомненно, спасли бы Россию от катастрофы революции. С резкой критикой проектов Сперанского выступил известный русский историк Н.М. Карамзин в своей знаменитой записке "О древней и новой России", обнародованной еще в 1811 году, которой долгие годы вдохновлялись противники либеральных реформ, твердившие о специальном, чуждом Западу, чисто русском пути развития России, оправдывая крепостничество как коренную русскую особенность.

Став совершеннолетним, Александр, благодаря своим природным способностям и трудолюбию, впитывал эти новые веяния и сам становился человеком прогрессивных взглядов, мыслителем с громадным запасом капитальных научных познаний.

Следует особенно подробно остановиться на лекциях Сперанского, которые он тщательно готовил для наследника. С присущей ему скромностью он назвал их "Беседами о законах". К счастью, текст этих лекций Сперанского, составленных специально для Александра, дошел до нас и позволяет нам судить о характере университетского образования будущего царя. В кратком введении в эти лекции Сперанский излагает основные начала права и отношение юридической науки к нравст-

венности. Он разъясняет понятие человеческого общежития, прибавляя к этой классификации теоретические положения о сущности основных законов вообще и в России в частности.

Самодержавную власть русских государей Сперанский определяет следующим образом: "Слова "неограниченность власти" означают, что никакая другая власть на земле, власть правильная и законная, ни вне, ни внутри империи не может положить пределов верховной власти российского самодержца. Но пределы власти, им самим постановленные, извне — государственными договорами, внутри — словом императорским, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а следовательно, и право самодержавное, потому и есть право, поскольку оно основано на правде. Там, где кончается правда и где начинается неправда, кончается право и начинается самовластие. Ни в каком случае самодержец не подлежит суду человеческому: но во всех случаях он подлежит, однако, суду совести и суду Божию".

Эти мысли Сперанского означают прежде всего, что даже и самодержавная власть, по его мнению, не является и не может являться произволом. Фактически для Сперанского царь — лишь олицетворение самого государства, и даже его самодержавная власть, безусловно, подчиняется общей морали, и только тогда она является оправданной и законной. Это сознательное смешение государя с государством проводится Сперанским и в другом его определении, когда он устанавливает, что "в силу основных законов империи Государь в России является источником не одной лишь законодательной, но и исполнительной власти, ибо, как гласит 80-я статья этих законов, — власть управления во всем ее пространстве принадлежит Государю".

Научно, юридически, можно оправдать самодержавную власть русского императора, лишь смешав его личность с самим государством, символом которого он является. Добавлю, что эта формула власти государя как символа самого государства теоретически также форму-

лируется во всех западных законодательствах того времени.

От этих основных принципов Сперанский переходит и к законной основе отдельных русских государственных учреждений и к предметам их ведомства, к законам о состояниях, о дворянстве, о городских и сельских обывателях, о повинностях и их распределении и т.д. Лекции эти Сперанский дополняет по принципам западной университетской практики, основываясь на положениях политической экономии и финансовой науки, как это делают все западные ученые. Он подробно рассматривает как западные, так и местные русские законы о податях, о пошлинах, о доходах, об отчетности и контроле и более подробно останавливается на денежном обращении и кредите.

Третий раздел своих лекций он посвящает уголовному праву, освещая весьма подробно теоретические вопросы о взаимодействии в праве таких факторов, как силы естественные и силы нравственные, об основных понятиях добра и пользы и т.д. В этих своих лекциях Сперанский дает также историческое обозрение высших государственных учреждений империи: Государственного Совета, Сената и различных министерств. Он также подробно объясняет изменения в праве поземельной собственности и в самом состоянии крестьян.

Заканчивая обзор этой необыкновенно результативной преподавательской деятельности М.М. Сперанского, приведу часть рескрипта императора Николая Первого, посвященного маститому лектору сына. Это лишнее свидетельство того, какое значение, придавал царь образованию наследника: "Нам в особенности приятно, — пишет Николай, — как Государю и отцу видеть, с каким пламенным усердием вы посвящаете часть своего времени преподаванию российского права любезнейшему сыну нашему, Наследнику нашего Престола. Мы предоставили вам приучить его вникать в истинное свойство и дух нашего законодательства, соображать постановление оного с потребностями края и тщательно наблюдать их действие на благосостояние и нравственное достоинство народа. Вы совершенно оправдали наш выбор, и мы с

признательностью к стараниям вашим замечаем сделанные уже им на сем важном поприще успехи. В ознаменование сего чувства и неизменного нашего к вам благоволения жалуем вам алмазные знаки ордена Св. Андрея Первозванного..."

Добавлю, что лекции эти Сперанский читал Александру в течение двух лет — с 1835 по 1837 год.

Следует отметить, что в эти годы Александр не пренебрегал и своей военной подготовкой. После смерти генерала Христиани чтение лекций по фортификации было возложено на генерала Ласковского, а по военной истории — на полковника Веймарна. Все свои летние каникулы Александр посвящал военной специализации. Он оставался в Петергофе и Красном Селе, не сопровождал своих родителей за границу, в Польшу, где в Калише происходили маневры русских и прусских войск, и в Теплиц, где состоялась торжественная встреча его отца с австрийским императором Фердинандом.

"За отличие по службе" на свои именины император произвел сына в генерал-майоры, придав ему впервые придворный штат. Только князь Ливен сохранил звание попечителя. Ушаков был назначен управляющим конюшенным отделением двора его высочества, генерал-адъютант Кавелин — произведен во флигель-адъютанты, полковник Юрьевич — в адъютанты. Были назначены в его штаб и несколько молодых офицеров гвардейских полков, среди которых — совоспитанники Александра Виельгорский и Паткуль.

Я уже отмечал, что Александр еще ребенком проявлял большие способности к языкам. Благодаря лекциям Жуковского, он великолепно и во всех тонкостях усвоил родной русский язык, приобрел исключительную дикцию, выражался не только правильно, но и литературно, как никто прежде него среди членов дома Романовых. Более того, благодаря Жуковскому и Плетневу, Александр глубоко ознакомился с русской литературой. Конечно, все это сделало наследника престола подлинно культурным русским человеком.

Однако одновременно Александр усиленно усваивал иностранные языки, которыми он также овладел в

совершенстве. Прежде всего, он превосходно говорил и писал по-польски, что, конечно, было необходимо будущему королю Польши — присоединенного к России, но имеющего определенную автономию королевства. Преподавал ему польский язык, как мы уже знаем, капитан Юрьевич, ставший к тому времени полковником и адъютантом наследника престола. После смерти Мердера Александр сошелся с ним дружески весьма близко.

Правда, Жуковский считал полезным подробно ознакомить его также с историей и литературой Польши и еще во время пребывания с Александром в Варшаве весной 1829 года подыскивал для него достойного преподавателя польской литературы и истории среди профессоров-поляков.

"Надобно, — писал Жуковский в своем очередном докладе императору, — чтобы Великий Князь узнал Польшу такою, какова она есть, без предубеждений, без односторонности... Надобно, чтоб он знал, что она теперь, чего ей недостает, что́ ей иметь должно; чтобы он, познакомившись с ее прошедшим и настоящим, мог полюбить ее, как следует царю, чтобы поставить над двумя подвластными ему народами светлую радугу союза..."

Однако польское восстание 1830-31 гг. помешало осуществлению этого проекта.

Не менее успешно освоил Александр три важнейших западноевропейских языка: французский, английский и немецкий — ими он также овладел в совершенстве. Французский язык все еще был международным, на нем говорили при всех западных дворах, и был он официальным языком мировой дипломатии. Кроме того, по-французски говорила вся русская аристократия и, конечно, семья императора и все его близкие.

Швейцарец Жилль ежедневно давал Александру уроки французского и по нескольку часов разговаривал с ним. Кроме того, всеобщую историю, как мы уже знаем, ему читал по-французски Липман.

По-немецки и по-английски он также весьма свободно изъяснялся и писал. Конечно, на языке своей матери Александр говорил почти так же хорошо, как и на русском, так что удивлял иностранцев. Его дед со

стороны матери — король Пруссии Фридрих-Вильгельм Третий, вся его семья и двор были поражены превосходным немецким языком Александра, на котором, по их свидетельствам, он говорил так же правильно, как любой культурный немец.

Интересно заметить, что английская королева Виктория, которая принимала Александра в Лондоне в 1839 году, была удивлена его превосходным английским.

Император Николай настаивал, что сыну необходимо изучать этот язык. Сам он, еще будучи великим князем, посетил Лондон в 1815 году вместе с братом, тогдашним императором Александром Первым, после победы России и ее союзников над Наполеоном.

Итак, весной 1837 года девятнадцатилетний Александр сдал последний "выпускной" экзамен перед комиссией, состоявшей из всех его преподавателей-профессоров, под председательством Жуковского и в присутствии самого императора. Николай Первый настаивал, чтобы экзамен этот проводился весьма строго и чтобы никакого снисхождения к его сыну проявлено не было. Добавлю, что Александр выдержал все эти испытания блестяще и лучше, чем оба его соученика, хотя Виельгорский по успехам близко следовал за ним. Этим торжественным актом закончились годы учения Александра.

Глава седьмая

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОССИИ. ВСТРЕЧА С ГЕРЦЕНОМ

Весною 1837 года, когда после успешных экзаменов образование Александра было объявлено законченным, ему предстояло длительное путешествие по России, предписанное самим императором. Оно должно было продлиться целых семь месяцев. Николай поставил своему наследнику цель — лично практически обозреть Россию, ознакомиться с ее обитателями, их жизнью, их нуждами, их вожделениями, их надеждами. По замыслу

царя, вероятно, внушенному Жуковским и Арсеньевым, путешествие это явилось как бы необходимым дополнением к приобретенным Александром теоретическим знаниям.

Наследника сопровождала внушительная свита его основных преподавателей (прежде всего, Жуковский и Арсеньев, а также генерал Кавелин и другие видные специалисты, знатоки различных краев громадной империи). Все они помогали Александру знакомиться с Россией, с огромным пространством от Балтийского моря до Черного на юге и с азиатской частью страны — Сибирью. В свите Александра была внушительная группа его сверстников, молодых офицеров гвардейских полков и, конечно, его соученики Виельгорский и Паткуль. К ним был прикомандирован опытный лейб-медик Енохин и целый штаб технических специалистов и слуг. Неимоверно долгий этот маршрут был весьма трудным и мучительным: ведь тогда не было железных дорог, и надо было передвигаться на лошадях, целым караваном колясок разных калибров, когда было возможно — по воде, а порою и пешком.

В первом письме к императрице Александре Феодоровне Жуковский писал между прочим: "...Мы, конечно, соберем множество отдельных фактов, и это само по себе весьма полезно, но главная польза этого путешествия — нравственная, та именно, которую только теперь он сможет приобресть: польза глубокого, неизгладимого впечатления. В его лета, в первой и свежей молодости, без всяких житейских забот, во всем первом счастии своей непорочной жизни, не испытав еще ничего иного, кроме любви к своим близким, начинает он деятельную свою жизнь путешествием по России..."

Итак, цесаревич и его свита, после напутственного молебна в Казанском соборе, выехали из Петербурга 2 мая памятного для Александра 1837 года. На другой день в пятом часу утра прибыли они в Новгород. Отдохнув несколько часов в Аракчеевском дворце, Александр начал свой новгородский визит с посещения древнего Софийского собора, осмотрел исторические церкви, монастыри, училища, больницы, казармы и после данного

им обеда, на который были приглашены все отцы города, предводительствуемые губернатором, архиепископом и городским головой, отправился на пароходе по Волхову в древний Юрьевский монастырь. Там встретило его торжественно все братство во главе с известным архимандритом Фотием. Жуковский записал в своем дневнике, что наследник и все его спутники были поражены богатством этой древней обители и суровой дисциплиной, заведенной игуменом, которая походила скорее на военно-казарменную, чем на монашеский устав.

В тот же вечер Александр выехал со своей свитой дальше и, проведя ночь на станции Зайцево, 4 мая уже был в Валдае, где произвел смотр артиллерийских батарей, а затем посетил Иверский монастырь. В тот же вечер прибыл он со свитой в Вышний Волочок. Здесь с особым вниманием были осмотрены каналы и шлюзы, сооруженные еще Петром Великим. Потом — Торжок, где опять состоялся торжественный обед, кавалерийский смотр... К ночи Александр прибыл в Тверь. Древний город сиял огнями в честь прибытия наследника. Несмотря на поздний час, все население высыпало на площади и улицы, радостно приветствуя великого князя.

На рассвете следующего дня Александр проехал через древний Углич и Рыбинск в Ярославль. Всюду цесаревича встречали восторженные толпы, всюду производились военные смотры, давались обеды, устраивались приемы, на которых Александр ближе знакомился с местными обычаями и с населением. Особенно торжественным был, однако, прием, оказанный ему в Ярославле. После официального обеда состоялось в честь Александра катанье по Волге. По рассказу Жуковского, за катером его высочества следовали катера с музыкантами, певцами, а за ними катера и сотни лодок с празднично разодетыми жителями Ярославля. Толпились жители и на высоком берегу Волги, тепло приветствуя Александра.

"В девять часов вечера, — пишет один из спутников великого князя, — прелестная иллюминация из разноцветных огней на судах по Волге и на городском берегу мгновенно переменили картину; а на противоположном

берегу — тысячи смоляных костров, отражавшихся бесчисленными огненными струями величественной реки, довершали очарование. Великий князь вышел на балкон, и бесконечное "ура!" надолго заглушило хор музыки, игравшей национальный гимн..."

Александр, несомненно, был до глубины души восхищен всем тем, что он созерцал в русском народе, встречавшем его повсюду: в Ярославле, Твери, Угличе, Рыбинске. И в каждой деревушке, через которую он проезжал, его с восторгом встречал русский народ.

В Ярославле этот памятный для Александра день завершился торжественным балом в Дворянском собрании, на котором присутствовала вся знать города. Спутники Александра вспоминали, что цесаревич много и неустанно танцевал. Как писал полковник Юрьевич в своих письмах к жене, все спутники великого князя жаловались на чрезвычайное утомление, и Жуковский, "который просто не мог собраться с духом, и Арсеньев, и первый старшина путешествия генерал Кавелин... один Великий Князь оставался неутомим и всех ободрял своим примером..." Каждый вечер Александр прилежно садился за свой дневник и писал сверх того пространные письма родителям и сестрам. Эти письма из каждого губернского города отвозил в Петербург специальный курьер-фельдъегерь.

Из Ярославля Александр со своей свитой отправился в Кострому кружным путем: через Ростов, Переяславль-Залесский, Юрьев-Польский, Суздаль, Шую и село Иваново. По свидетельству спутников, "Великий Князь всех восхищал своею приветливостью, непринужденной любезностью со всеми встречавшими его и особенно с простым народом. В разговорах Александр умел сердечно подходить ко всем своим собеседникам, сообразно их образованию и положению, однако самым внимательным и ласковым был он с простым народом, как никто из его родичей... Наконец, поражал он встречавших его на выставках, фабриках и заводах своим интересом, любознательностью и осведомленностью..."

Особенно сердечно был встречен Александр в Костроме, где он посетил знаменитый Ипатьевский монас-

Вид города Ярославля

тырь, в котором инокиня Марфа благословила на царство своего сына Михаила, первого Романова, занявшего российский престол.

Переезд из Костромы в Вятку по северным лесам и пустынным просторам занял четыре дня. Цесаревич останавливался в каждом крупном селе, где разговаривал с простым народом, интересовался его бытом и трудностями.

Вятка, которая при советском режиме потеряла свое древнее имя и называется Кировом, особенно интересовала Александра. Арсеньев в своих лекциях рассказывал ему, что этот важный производственный и торговый центр, основанный новгородцами в 12 веке под именем Хлынова, был переименован в Вятку в 1781 году, при бабушке Александра Екатерине Великой, которая учредила там наместничество и превратила этот город в административный центр всей так называемой "Вятской земли", известной разведением породистого скота, выращиванием ржи и других сельскохозяйственных продуктов, составляющих особое богатство этого края. В честь прибытия наследника и его свиты в Вятке была устроена богатая промышленная выставка, которая чрезвычайно интересовала Александра.

В Вятке встретился Александр с сосланным сюда Герценом. Как известно, Александр Иванович Герцен, еще будучи студентом Московского университета основал левый атеистический и революционный кружок, который обратил на себя внимание шефа Третьего отделения полиции Бенкендорфа. По его распоряжению через год после окончания своего образования в июле 1834 года Герцен был вместе с другими членами своего кружка арестован и в апреле 1835 года как "смелый вольнодумец, весьма опасный для общества" сослан сначала в Пермь, а впоследствии переведен в Вятку. Здесь по ходатайству Жуковского с мая 1835 года получил он службу в губернском управлении и принял участие в организации выставки в честь цесаревича. Несомненно, Жуковский рассказал Александру о Герцене и устроил так, что он в качестве "гида" был специально прикомандирован к цесаревичу.

А.И. Герцен. Портрет работы художника А.Л. Витберга, 1836 г.

Молодые люди с первой встречи прониклись взаимной симпатией друг к другу и почти целый день провели вместе. Герцен подробно рассказал Александру о всех преследованиях, которые чинил ему Бенкендорф, о настроениях русской университетской молодежи, о судьбе сосланных в Сибирь декабристов, которым он симпатизировал и многих из которых лично знал. Эта встреча произвела на Александра глубокое впечатление и, несомненно, еще больше усилила его либеральные взгляды и его убеждения о необходимости реформ в России, и осо-

бенно — отмены крепостничества. Александр впервые встретил молодого человека (лишь на шесть лет старше себя и так же хорошо образованного), столь отличного по своим убеждениям и целям от тех его сверстников, которых он знал до сих пор.

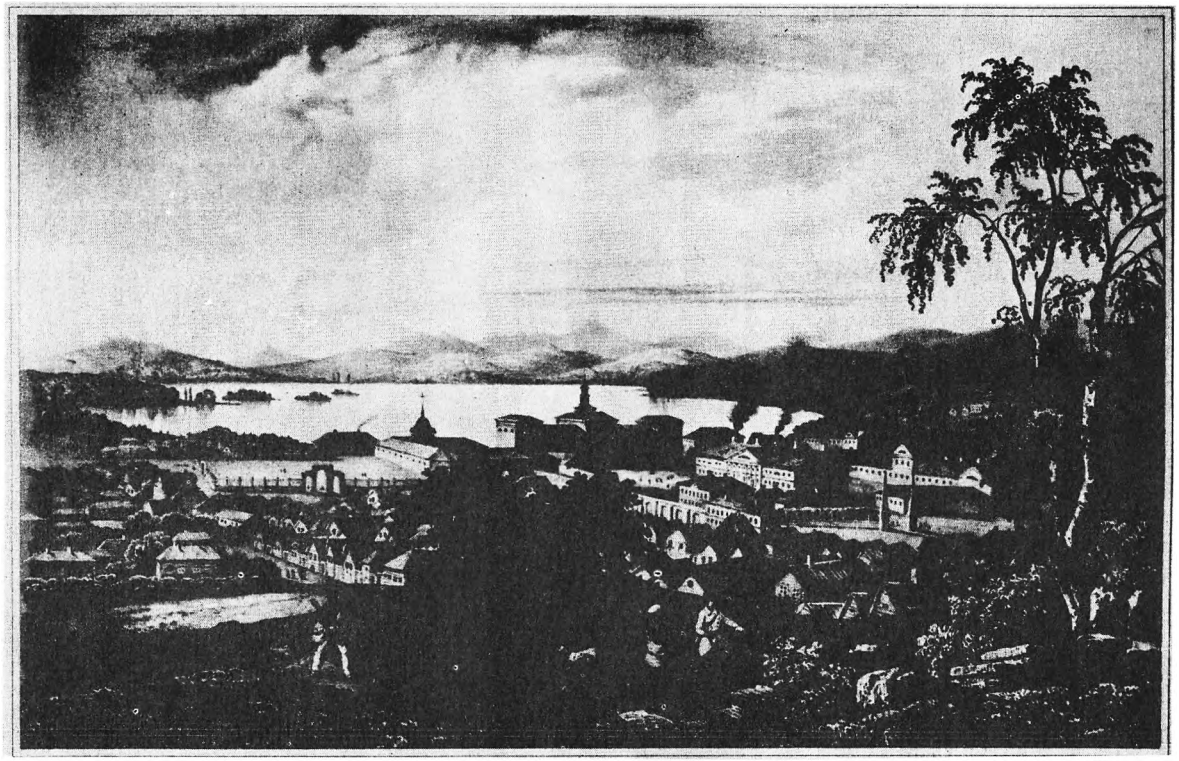
Несомненно, что именно под влиянием этих разговоров с Герценом Александр решил встретиться в Сибири, куда он направлялся в ближайшие дни, с другими политическими ссыльными и, в частности, с декабристами, судьбе которых он сочувствовал с ранних лет. Конечно, он поделился своими впечатлениями с Жуковским и открыл ему свое намерение просить отца смягчить строгий полицейский режим ссыльных, в том числе и Герцена, впрочем, уже значительно улучшенный заступничеством Жуковского перед царем.

Визит наследника престола в Вятку окончился традиционным балом, данным местным купечеством, на котором Александр снова встретился с Герценом и, отдыхая от танцев, опять вел с ним долгие разговоры.

Из Вятки прибыл Александр на Ижевские и Котел-Воткинские оружейные заводы. 25 мая он приехал в Пермь, где оставался два дня. Здесь принял он ссыльных поляков, которые вручили ему петицию с просьбой о возвращении их на родину. К нему явилась также делегация раскольников с коллективной жалобой на постоянные преследования со стороны правительства и Синода. Александр не прислушался к советам местных властей не принимать поляков и раскольников: он и тех, и других выслушал с большим вниманием, обещав позаботиться об их судьбе. Это значительно увеличило популярность Александра.

26 мая в четыре часа пополудни прибыл Александр в селение Решеты, в тридцати верстах от Екатеринбурга, и, достигнув высшей точки Уральского хребта, из Европы переехал в Азию. К шести часам он был уже в Екатеринбурге и сейчас же отправился осматривать монетный двор, государственный золотопромывочный завод, лаборатории, в которых очищают золото и переплавляют его в слитки.

28 мая посетил Александр несколько частных гор-

Л. Бишебуа. Екатеринбург

с заводов, расположенных в окрестностях Екатеринбурга: со своей свитой пил он чай на Невьянском железном заводе Яковлевых, после чего, поднявшись на гору Благодать, остановился на ночлег в Нижнетагильском заводе Демидова. На другой день, вернувшись в Екатеринбург, поехал он осматривать Берцовские государственные золотые прииски.

Везде разговарил он с хозяевами, инженерами и простыми рабочими, интересуясь их жизнью, трудностями и желаниями. Всюду будущий правитель России подчеркивал свой глубокий интерес к судьбам крестьян и рабочих и особенно ласково разговаривал именно с ними, обещая ходатайствовать перед отцом об улучшении их положения. Конечно, такое отношение к простым людям, столь отличавшее его от всех родичей и, прежде всего, от его собственного отца, поражало всех и обнадеживало.

Так проявлял себя девятнадцатилетний наследник престола, и передовые русские люди ликовали в душе, окрыленные надеждой на светлое будущее России тех времен, когда этот привлекательный и либерально настроенный юноша вступит на престол. Конечно, Николай был вполне осведомлен о таком поведении сына, и, возможно, даже сам побуждал его к этому, желая лучшего будущего своей необъятной империи.

31 мая Александр со своими спутниками вступил в пределы Сибири, о которой он столь много слышал от своего блестящего преподавателя Сперанского, бывшего сибирского генерал-губернатора, немало потрудившегося на благо этого края как в промышленном, так и в административном отношении. Ночь с 1 на 2 июня провел он в Тюмени, а на следующую ночь, переправившись через Иртыш, прибыл в Тобольск, резиденцию сибирского генерал-губернатора, который устроил в честь высокого гостя большую промышленную выставку, подобно губернаторам европейской части России.

Александр делился со своими спутниками впечатлениями об этой богатейшей части России — его изумляло богатство этого края. Народ здешний казался ему более здоровым и рослым, чем в других русских губерниях,

особенно нравились ему сибирские женщины, пышущие здоровьем и красотой. Его замечания об этом (отмеченные членами его свиты), впрочем, лишь подтверждают врожденную слабость Александра к прекрасному полу, к которому он испытывал страстное влечение всю жизнь.

Сибирский край произвел на него чрезвычайно благоприятное впечатление: земля — благодатный сибирский чернозем — поразила его своим плодородием. Была она всюду отлично возделана. Не было на его дороге ни пресловутых тундр, ни болот, связываемых обыкновенно обывателями европейской части России с Сибирью, — повсюду обработанные поля и луга, зеленые рощи и леса, могучие сибирские реки, веселые цветущие здоровьем лица жителей.

Александр понимал, что жизнь сибиряков отличалась столь сильно от жизни народов европейской части России именно потому, что в Сибири не было крепостного права, и благоденствие сибирских обывателей объяснялось этой относительной свободой.

В окрестностях Тобольска Александр, как он обещал Герцену, встретился с многочисленными ссыльными и, конечно, прежде всего с декабристами. Он лично разговаривал со всеми, кто просил его заступничества. Из Тобольска он написал отцу подробное послание, настоятельно прося императора смягчить судьбу ссыльных декабристов, как и судьбу Герцена.

В Ялуторовске и Кургане Александр посетил поселенных в этих двух городках декабристов, ласково разговаривал с ними, обещая и им свое заступничество перед императором. Его письма к отцу свидетельствуют о его гуманности и сострадании к обездоленным. Зная настроения отца, он все же энергично заступался за этих людей и настоятельно просил Николая улучшить их тяжелую ссылку и помиловать этих людей после стольких лет изгнания.

Тобольск был конечным пунктом путешествия Александра по русской Азии: 4 июня Александр отбыл из Тобольска и, проведя ночь в Тюмени, 6 июня вернулся в Европу и через Челябинск 7 июня прибыл на Златоустовский оружейный завод.

Вид города Симбирска

Расстояние от Златоуста до Оренбурга в 740 верст проехал Александр в пять дней: дорога шла сначала по горной местности, потом — по долине Урала и, наконец, по бесплодной и дикой киргизской степи. В Оренбурге генерал-губернатор Перовский (отец знаменитой революционерки, организовавшей покушение на императора Александра в 1882 году) устроил цесаревичу самый радушный прием. День Александр провел в смотрах и маневрах регулярных башкирских полков и казачьих войск. Вечером киргизская орда, специально прикочевавшая к Оренбургу в честь прибытия наследника, забавляла Александра и его свиту. Шаманы заклинали змей, маленькие полуголые киргизята скакали на удалых киргизских лошадях и на верблюдах, киргизы состязались в разных видах борьбы, ходили босыми ногами по остриям сабель, развлекали гостей плясками, игрой на дудках и т.д. Наконец, среди киргизского стана был устроен генерал-губернатором бал, который длился всю ночь напролет.

Посетив оренбургские соляные копи, Александр отбыл в Уральск. Здесь была ему показана ловля осетров, знаменитая на всю Россию. 18 июня прибыл Александр в Казань, где пробыл три дня, посетил древний казанский кремль с его собором и ознакомился с Казанским университетом. И здесь присутствовал он на приемах и балах дворянства и купечества.

24 июня, подъезжая к Симбирску, получил Александр письмо от отца, которое вручил ему специально посланный императором фельдъегерь. Николай сообщал сыну, что ходатайство его о сибирских ссыльных, в том числе и о нескольких декабристах, удовлетворено и что они помилованы.

Жуковский в своем письме к императрице Александре Феодоровне сообщал о радости Александра и всех членов его свиты при получении этого сообщения.

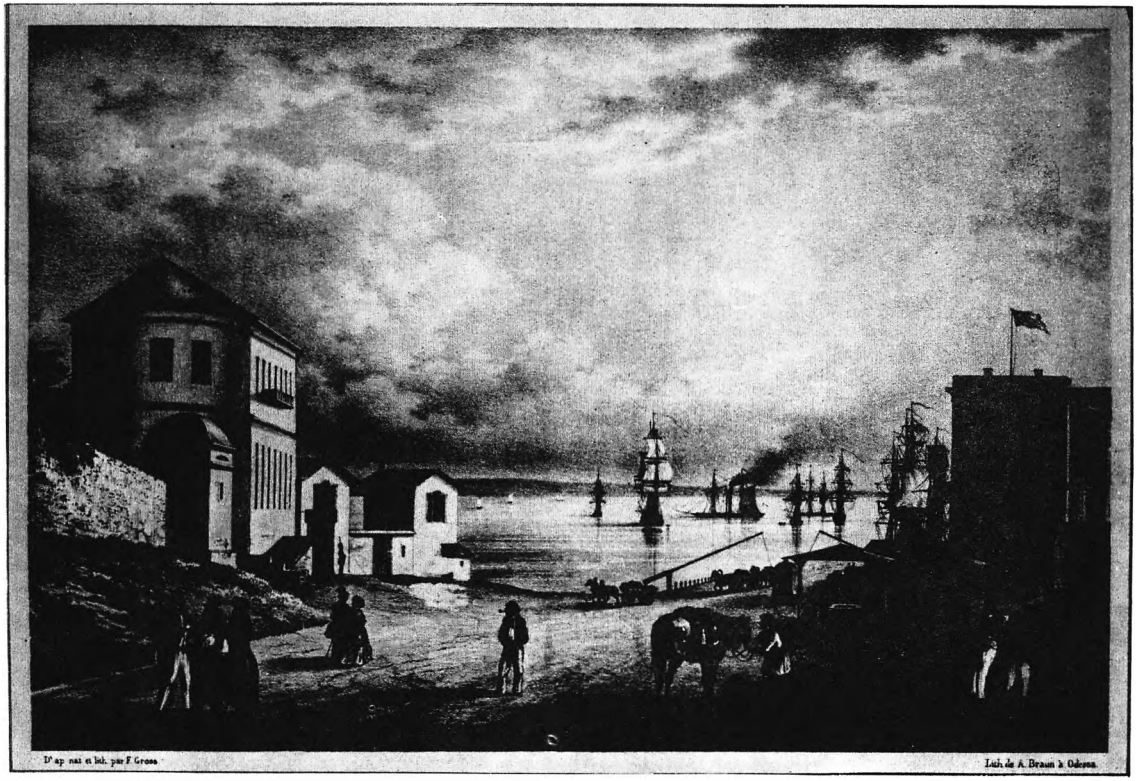
В частности, по заступничеству Александра Герцен был в 1838 году переведен из Вятки во Владимир-на-Клязьме, где он женился на Н.А. Захарьиной. Летом 1839 года с него полностью был снят надзор полиции, а в начале 1840 года он переехал в Москву, а затем в Петер-

бург. В 1847 году он вообще покинул Россию и поселился с семьей на Западе.

Уставшие от длительной поездки члены свиты Александра жаждали скорее вернуться в столицу. Быстро промелькнули перед ними Симбирск, Саратов, Пенза, Тамбов, Воронеж. Александр проводил по одному дню в каждом из этих городов, производя смотры, присутствуя на приемах и без устали танцуя на балах. В Туле Александр посвятил целый день подробному осмотру оружейного завода, который очень его интересовал. В Калуге к свите Александра присоединились назначенные царем военные специалисты: инженер-полковник Веймарн и полковник генерального штаба Яковлев — они должны были сопровождать Александра в обзоре полей сражения Отечественной войны 1812 года. Обзор начался 13 июля с Вязьмы. Три дня провел Александр в Смоленске и его окрестностях и с военными картами и планами в руках объездил и осмотрел все памятные места этой войны. 20 июля Александр был уже в Малом Ярославце, на поле Тарутинского сражения и в селе Бородино. Несколько дней посвятил он подробному изучению всех сражений между русскими и французами и лишь в ночь с 23 на 24 июля прибыл в Москву.

Как известно, Александр не раз уже бывал в первопрестольной русской столице, но теперь целью его пребывания было подробное ознакомление с ее историческими памятниками и достопримечательностями. По воле отца он остановился в Николаевском дворце и ночевал в той же самой комнате, где родился 24 июля; утром состоялся его торжественный вход в Успенский собор у входа в который встретил его митрополит Филарет, произнесший торжественное приветствие наследнику.

3 августа прибыла в Москву мать Александра со старшей дочерью Марией и остановилась, как обычно, в Нескучном дворце, куда переехал из Кремля и Александр со всей своей свитой. Целую неделю отдыхал Александр от своего длительного путешествия, во время которого он близко познакомился с Россией и с русским народом. Посетив еще несколько городов — Воз-

Одесса. Выезд на Купеческую пристань

несенск, Киев, Полтаву, Николаев, Одессу, Екатеринослав, Мариуполь, Бердичев и т.д., Александр возвратился в Царское Село лишь 10 декабря — в день именин императора. Так закончилось путешествие Александра по стране, которое Жуковский назвал "всенародным обручением его с Россией".

Глава восьмая

ЛИЧНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА

Семимесячное путешествие Александра по России завершило его восьмилетнее образование. За этот сравнительно короткий срок Александр объехал тридцать губерний, первым из Романовых посетил Сибирь. По официальным данным, наследнику было подано непосредственно около 16 тысяч петиций и, в первую очередь, конечно, от ссыльных тогдашних "диссидентов", вроде Герцена и декабристов. Немало просьб подали и нуждающиеся в разных пособиях.

По решению императора каждая губерния получила внушительную по тому времени сумму — 8 тысяч рублей для раздачи наиболее нуждающимся. Более важные петиции отсылались от имени наследника и с его резолюциями соответствующим министрам и в комиссию прошений при Государственном Совете. Однако самые важные, по его мнению, Александр пересылал лично императору с ходатайством, как он сделал с петицией Герцена и обратившихся к нему декабристов. По личному повелению Николая все ведомства должны были безотлагательно рассматривать эти просьбы и по возможности их удовлетворять, если наследник настаивал на этом. Все это, конечно, имело решительное влияние на настроение и убеждения самого Александра, который, будучи по натуре гуманным и сострадательным, сам проникался же-

ланием облегчить участь несчастных, в особенности политических ссыльных.

Однако не все результаты этого усиленного образования и военной тренировки, на которой особенно настаивал сам император, можно считать положительными. Во-первых, усиленные физические упражнения, несомненно, были основной причиной приобретенной Александром астмы, которая развилась у него вследствие переутомления. Также, несмотря на его врожденные способности, слишком большая умственная нагрузка увеличивала его наследственную чувственность: как у всех очень способных и умственно деятельных юношей, эта перегрузка усилила его эмоциональность, которая проявлялась у него еще в юношеском возрасте и также наложила свою печать на формирование его характера. Отец и мать жестоко укоряли сына за его "слабость" к прекрасному полу, конечно, не имея понятия, что сами во многом виноваты, что своими высокими требованиями к его образованию они значительно усилили эмоциональную сторону его характера. Ведь в то время ни фрейдизм, ни другие теории современного психоанализа, объясняющие слишком усиленным возбуждением мозга сверхнормальное половое чувство, особенно у способных и деятельных юношей, не были еще созданы.

В 1919 году захватившие власть в России большевики, по внушению Покровского и других советских историков, надеясь найти документы, компрометирующие династию, набросились на архивы Романовых. В частной Его Императорского Величества библиотеке в Зимнем дворце попалась им в руки металлическая шкатулка, содержавшая в запечатанных конвертах личную переписку императора Николая Первого с его супругой императрицей Александрой, на которых рукой императора Александра Второго было помечено: "Личные и доверительные" (на французском языке). Это была конфиденциальная переписка родителей Александра о нем. Конечно, советские историки поспешили обнародовать эти весьма доверительные письма с целью дискредитировать лучшего и самого популярного из Романовых.

В сущности же эти документы позволяют беспри-

страстному историку лучше понять и правильнее объяснить подлинный характер императора, который, несмотря на эти свои слабости, остался в истории самым гуманным и прогрессивным правителем своей эпохи. Большевики разрушили все памятники Александру в России, остались лишь два, сооруженные не им и даже не русскими: в столице Финляндии Хельсинки (бывшем Гельсингфорсе) и в Софии, в Болгарии. Все оригинальные надписи на великолепном памятнике в Софии уничтожены и заменены по указаниям Советов, а широкий и красивый бульвар, названный признательными болгарами в честь Царя-Освободителя, еще в мою бытность там был переименован в Русский бульвар.

Прибавлю, что как сам Александр Второй, так и Александр Первый, освободивший Европу от тирании Наполеона, были необыкновенно скромными людьми и противились всеми силами всякому прославлению. Александр Второй никогда не позволял, чтобы его величали "Освободителем" и, конечно, никогда не согласился бы, чтобы при жизни ему ставили памятники. Культ личности, как теперь принято скромно называть манию советских вождей не только давать свои имена городам России и зависимых от СССР стран, но и ставить во славу самих себя бесчисленные памятники повсюду, был совсем чужд Александру. А сделал он для России очень много.

Один из корифеев русской исторической науки В.О.Ключевский, известный своими умеренно либеральными взглядами, который в своих трудах нередко весьма критично отзывался о Романовых, в самый год своей смерти (1911) писал по случаю пятидесятилетия освобождения крестьян: "Во всей нашей истории нет другого события, равного по значению освобождению крестьян... Пройдут века, и все же нам трудно будет узреть другое общественное событие, которое отразилось бы на столь многочисленных областях нашей жизни..."

И действительно, Александр, несмотря на деятельное сопротивление русской земельной аристократии и сильную оппозицию реакционных кругов России, уничтожил в России крепостничество, сделал свободными

миллионы русских людей, реформировал правосудие, установил новую современную систему образования, открыв университеты для женщин (что было в те годы прогрессивно даже для Западной Европы), освободил Болгарию в результате героической войны с Турцией (1877-1878), в которой лично участвовал, разделяя невзгоды и опасности со своими офицерами и солдатами. В области внешней политики он сумел, кроме того, восстановить престиж России и освободиться от тяжелых санкций, наложенных Западом при заключении Парижского мира 1856 года.

Наконец, в самый день убийства на письменном столе у него лежал приготовленный Лорис-Меликовым проект конституции, от которого отказался его наследник Александр Третий под влиянием своего ментора — знаменитого обер-прокурора Синода Победоносцева.

Помня обо всем этом, я приступаю к описанию подлинного характера Царя-Освободителя, а именно тех его черт, которые в нашем лицемерии мы все еще называем "человеческими слабостями".

Вскоре после возвращения Александра из его длительного путешествия и переезда императорской семьи со всем двором из Царского Села в Санкт-Петербург в ночь с 17 на 18 декабря 1837 года вспыхнул пожар, который уничтожил почти весь Зимний дворец. В эту ночь Александр сам находился с родителями в пылающей резиденции и по приказу отца возглавил эвакуацию дворца и тушение пожара. Как раз в это время царю доложили о втором пожаре, вспыхнувшем в Галерной гавани. Николай, взяв на себя тушение пожара во дворце, велел Александру немедленно отправляться в квартал Галерной гавани, где жила столичная беднота и где, конечно, это стихийное бедствие могло иметь весьма тяжелые последствия. На пути, задев сугроб, сани Александра опрокинулись, однако, к счастью, он не пострадал. Не теряя времени, он вскочил на лошадь встретившегося ему жандарма и продолжил путь. Проезжая мимо казарм Финляндского гвардейского полка, Александр приказал первому батальону гвардейцев следовать за ним и, потушив с их помощью пожар в Галерной гава-

ни, вернулся на Дворцовую площадь, где вокруг императора толпились придворные. Члены императорской семьи, однако, были уже размещены в Аничковом дворце, куда переехали также и главные сановники двора.

Наступал новый 1838 год, который Александр, все еще под впечатлением пожаров, встретил с родителями и остальными членами царской семьи в семейном кругу.

С начала 1838 года Александр начал знакомиться практически со всеми главными сторонами управления империей: военной, финансовой и дипломатической. В высшую военную стратегию и политику вводил его знаменитый военный тактик и писатель генерал-адъютант барон де Жомини, бывший начальник штаба маршала Нея, который еще в 1813 году перешел на русскую службу. С современным состоянием русских финансов ознакомил его сам министр финансов, граф Канкрин. Барон Бруннов, старший советник при министерстве иностранных дел, вводил Александра в тайны русской дипломатии.

Эта область была особенно важна для Александра, и для него специально составил Бруннов целый трактат, посвященный дипломатическим отношениям России с иностранными государствами, начиная с воцарения Екатерины Второй. Особое внимание уделил он изложению иностранных договоров, приведших к пресловутым разделам Польши. Признавая дипломатические успехи Екатерины в области внешней политики, Бруннов, однако, осуждал ее методы, как и самое направление ее политики, находя, что именно за этими с виду блестящими результатами кроются трудности, "которые еще долго будут удручать политику России". Ее политике противопоставлял он действия Александра Первого, который, создав "Священный союз", положил начало европейской федерации, основанной на осознании общей солидарности великих держав. Руководящим началом русской иностранной политики провозглашал барон Бруннов прямодушие и честность, "в чем источник истинной нашей силы", как приписал собственноручно Николай в конце этого труда.

В своем трактате Бруннов предлагал осью русской

внешней политики сделать тесный союз России с Австрией и Пруссией и стремиться к созданию дружественных связей с Англией, чтобы сохранить созданный в Европе на Венском конгрессе в 1815 году союз против Франции, от которой он советовал оградить Россию из-за вечно бурлящих в ней революционных настроений.

Интересны были мысли Бруннова о русской политике на Востоке. И здесь он критиковал победы Екатерины над Турцией, назвав их "неудобным и невыгодным наследием" и добавляя, что покровительство христианам в Турции всегда будет "убыточным" для России. Он резко высказывался против всякого поощрения стремлений к независимости восточных христиан, порабощенных Портою. "Задача нашей политики, — внушал Бруннов Александру, — должна быть в поддержании существования и целости Оттоманской Империи..." К чести Александра, он весьма критически относился к этим внушениям своего советника: в сущности, он занял впоследствии противоположную позицию, что также доказывает самостоятельность его ума.

В этих занятиях прошли три первых месяца 1838 года. 17 апреля, когда Александру исполнилось двадцать лет, император Николай решил послать сына в продолжительное путешествие в Западную Европу. Официально император говорил, что после ознакомления с Россией, Александр должен тщательно ознакомиться с Европой, войти в контакт с западными государями, чтобы в будущем принимать правильные решения по существенным для России вопросам внешней политики. Однако тайное намерение Николая было как можно скорее женить сына, чтобы уберечь его от возможных увлечений. Несмотря на попытки советских историков представить Николая человеком распущенным, следует заметить, что, в сущности, он был очень привязан к своей красивой и любящей супруге. Именно такой вывод напрашивается после прочтения обнародованной тайной переписки Николая с Александрой, в которой столь явно беспокойство отца и матери по поводу влюбчивости и слишком чувственного характера Александра.

В 1929 году в Москве вышла любопытная книга

воспоминаний фрейлины А.О.Смирновой. В своем дневнике и письмах она рассказывает, что Александр, еще не достигнув пятнадцати лет, флиртовал с молодой фрейлиной Наташей Бороздиной. Смирнова добавляет, что молодая девушка, которая, конечно, была значительно старше наследника престола, весьма снисходительно относилась к его воздыханиям и доброжелательно смеялась над его ухаживаниями. Однако мы можем легко себе представить, с каким беспокойством отец и мать еще весьма юного Саши отнеслись к этому его первому увлечению.

Наташа была немедленно удалена из дворца: конечно, благодаря протекции царя и царицы молодая небогатая девушка была вскоре выдана замуж и, став г-жой Каменской, уехала с мужем в Лондон, где счастливо прожила всю жизнь.

Но это первое увлечение сына насторожило отца и мать. Вскоре не без беспокойства узнали они о втором, но уже куда более серьезном увлечении Александра. Наследнику шел тогда уже двадцатый год, и современники описывают его необыкновенно привлекательным блондином, статным, высоким, кудрявым, с прекрасными добрыми синими глазами, приветливым и внимательным ко всем, но весьма романтичным.

Теперь влюбился Александр в красивую девушку одних с ним лет — польку Ольгу Калиновскую, также фрейлину императрицы. Была она сиротой, и императрица лично заботилась о ее судьбе. Отец ее Осип Калиновский показал себя в польском восстании 1830 года лояльным к русским, отказавшись участвовать в нем. Этим заслужил он приязнь императора Николая, который приблизил его к себе и назначил его дочь фрейлиной своей супруги. Эта весьма интересная девушка, конечно, сразу привлекла внимание молодого человека. Известно, что и она без памяти влюбилась в Александра.

Но, конечно, лишь только при дворе приметили их взаимные симпатии, об этом было сейчас же донесено императрице. О браке с "простой смертной" и говорить не приходилось. Кроме того, Ольга была католичкой и

полькой, что еще больше осложняло и без того щекотливое положение.

"...Мы говорили про Сашу, — пишет Николай супруге, подразумевая, вероятно, генерал-адъютанта графа (позднее князя) Христофора Андреевича Ливена, бывшего посла в Лондоне, недавно назначенного главным воспитателем наследника. — Надо ему иметь более силы характера, иначе он погибнет... слишком он влюбчивый и слабовольный и легко подпадает под влияние. Надо его непременно удалить из Санкт-Петербурга... Будем молить Бога, чтобы Ольга К. скоро вышла замуж..."

17 апреля 1838 года Александру исполнилось двадцать лет. Несомненно, его страстное увлечение Ольгой Калиновской заставляло его родителей спешить с женитьбой сына в надежде, что брак успокоит его страстный, влюбчивый характер. Но женить наследника русского престола было, конечно, делом совсем не легким: нельзя было и думать о его браке с какой-нибудь католической принцессой, дочерью европейского государя, даже из-за русского престола не согласилась бы она перейти в православие — отказ от католической религии мог создать на ее родине весьма опасные, порой неразрешимые трудности. Впрочем, это всегда было практически невозможно для Романовых — подыскать супругу в какой-либо католической династии Запада. Именно поэтому они всегда женились на протестантках, преимущественно германских принцессах, для которых переход в православие был несравненно более легким и безболезненным.

Маршрут, составленный императором для сына, включал лишь страны протестантские и исключал католические, прежде всего Францию, Испанию и Португалию. Кроме желания дать Александру возможность ознакомиться со странами Европы, была и еще одна причина для этого путешествия: врачи считали необходимой поездку царевича на месяц-другой или даже дольше на воды в Эмс для лечения от болей в груди, осложненных кашлем и припадками начинавшейся астмы.

Слабое после стольких родов здоровье императрицы оставляло желать лучшего, и она сама собиралась

полечиться в Эмсе и хотя бы на несколько месяцев переменить климат. В конце апреля Александра Феодоровна с дочерьми выехала в Берлин, куда ранее отправились два ее сына — Николай и Михаил.

Вскоре за ней последовал и сам царь с Александром. Они нагнали императрицу с остальными детьми, не доехав до Берлина, в Фридрихсфельде, где их встречал сам прусский король Фридрих-Вильгельм со всеми своими сыновьями и дочерьми. 7 мая русская царская семья торжественно въехала в Берлин, как всегда радушно встреченная населением. Затем, после всегдашних изнурительных маневров в окрестностях Берлина, Николай с сыновьями отправились в Штецин, где сели на военный пароход "Геркулес" и отплыли в Стокгольм. "Геркулес" под флагом наследника вошел в стокгольмскую гавань и бросил якорь перед королевским дворцом. Цесаревича встречал весь шведский двор, и толпы народа приветствовали его под гром пушечных салютов.

Александр пробыл в Швеции более двух недель вместе с состоявшими при нем обычными его спутниками: генерал-адъютантом Кавелиным, Жуковским, лейб-медиком Енохиным и толпой своих сверстников — Вильгорским, Паткулем, Адлербергом, И.Толстым и другими. К ним присоединился и бывший посол в Лондоне князь Ливен. В Стокгольме Александра всюду сопровождал наследный принц и будущий король Оскар, который показал ему все достопримечательности своей столицы. Александр посетил прежде всего Шведскую Академию наук, на пороге которой его встретил сам президент, знаменитый ученый, химик Берцелиус, показавший ему свою лабораторию и посвятивший его в свои опыты. Посетил он также военное училище и образцовую ферму, а в окрестностях столицы — исторические замки и несколько заводов. В Упсале побывал он в университете и соборе и поклонился праху Густава Вазы, проплыл по знаменитым шведским каналам, осматривал их шлюзы, спускался в рудники и пр.

После Швеции посетил Александр Копенгаген, где был встречен королем Фридрихом, министрами, членами дипломатического корпуса. Его приветствовали

большие толпы датчан, пришедших взглянуть на русского наследника.

Очевидно, Николаю хотелось отвлечь сына от его страстной любви. На внутреннюю борьбу Александра намекает Жуковский в письме к императрице: "Вот одна из тех минут, — пишет он, — в которые знакомишься с душою человеческою, минута испытания, минута пожертвования тем, чего хочет сердце, тому, что велит строгий долг... Я вижу в нем в эту тяжелую минуту, — продолжает Жуковский, — и ясность ума, и верность чувства, и смирение веры, и особенно для меня драгоценно то, что, принужденный принести жертву, болезненную для сердца и трудную для воли, он сохраняет в то же время всю свою кротость. Насилие над собою не действует на его нервы: он мил и добр, как в минуту полного счастья..."

Однако Александр очень страдал. В Дании, под предлогом простуды, удалился он в отведенный ему королевский дворец Христиансборг и там провел в полном уединении целых пять дней, не выходя из своей комнаты. Он даже не присутствовал на назначенном королем военном параде в его честь, и войска прошли церемониальным маршем мимо окон его спальни. 29 июня отбыл он на "Геркулесе" из Копенгагена и, отдохнув несколько суток в Травемюнде и Любеке, 6 июля прибыл в Ганновер. Он настолько еще страдал душевно, что опять, отказываясь под предлогом простуды от назначенных ганноверским королем торжеств в его честь, удалился в предоставленный ему королевский замок Геренсгаузен и провел там в полном уединении почти целую неделю. Наконец, взяв себя в руки, посетил он короля и королеву в их летней резиденции — замке Монбрильян. Под влиянием своего воспитателя и друга Жуковского Александр настолько пришел в себя, что присутствовал на дворцовом парадном спектакле и танцевал на королевском балу. Эта смена настроений, впрочем, была весьма характерна для Александра.

Первое письмо Александра из-за границы к отцу поражает искренностью и позволяет нам заглянуть в его страдающую душу. "Папа, — пишет Александр, — ты зна-

ешь, как влияюсь я своими чувствами... Ты, наверное, приметил мои отношения с О.К. Прошлую зиму мы с тобой искренне поговорили... Мои чувства к ней — это чувства чистой и искренней любви, чувства привязанности и взаимного уважения. Они увеличивались каждый день и теперь еще продолжаются. Но сознание, что эти мои чувства не приведут ни к чему, не дает мне покоя. Наоборот, это терзает меня больше и больше, и я душевно страдаю и тягочусь..."

В своем ответном письме Николай совсем не выглядит ни грубым тираном, ни бесчувственным вершителем судеб. "Я люблю Осиповну, — пишет Николай об Ольге, — она очаровательная девушка. Я не обвиняю ее, что она нехотя возбудила в тебе чувство любви, в этом будь совсем спокоен..." Эти слова отца, однако, мало чем успокоили все еще страждущую душу Александра. Но именно эта видимая терпимость отца и уважение к чувству сына, несмотря на его отказ даже и думать о какой-либо возможности отношений между ними, как раз подбодрили Александра и помогли ему побороть самого себя.

Итак, все еще подавленный любовью к Ольге Калиновской, Александр со своей многочисленной свитой прибыл 26 июля в Эмс. Как можно было ожидать, приезд русского наследника был самой большой сенсацией на модном западном курорте, где зимой и весной лечились или просто отдыхали и коронованные особы, и министры, и виднейшие западные аристократы. Ехали цесаревич и его спутники в двенадцати богатейших каретах.

Думаю, небезынтересны свидетельства знаменитого путешественника маркиза де Кюстина об Александре, с которым он, очевидно, не раз встречался во время его пребывания в Эмсе.

Замечу здесь, что лишь весьма ограниченное число западных историков, не говоря о русских, знает о подлинной причине неприязни французского маркиза к России и, в частности, к Николаю Первому. Целью его поездки в Россию была его необыкновенная приязнь к своему протеже — польскому эмигранту, проживавшему в Париже, с которым де Кюстин был весьма близок.

Этот молодой поляк — граф Игнатий Гуровский — в 1841 году покорил сердце испанской инфанты Изабеллы и женился на ней. И вот именно из-за него маркиз де Кюстин отправился в Россию, чтобы умилостивить Николая и упросить его вернуть графу Гуровскому его поместья, конфискованные за участие всей его семьи в польском восстании 1830-31 годов. Император отверг его просьбу. Разгневанный этим отказом, Кюстин, чтобы отомстить русским, и написал в 1839 году свой гневный памфлет против России и против Николая Первого.

Он как раз готовил эту книгу, когда в августе 1838 года встретился с Александром в Эмсе. Его хвалебная оценка русского наследника, которого он противопоставляет отцу, именно из-за этого обстоятельства заслуживает внимания. Душевные страдания Александра отразились на его внешности. Красивый, едва достигший двадцати лет юноша похудел и побледнел, взор его потускнел, он был грустен и задумчив, и в чертах его привлекательного лица сквозило душевное страдание. И несмотря на все это, физическая красота Александра просто поразила французского писателя-эстета: "Русскому великому князю Александру двадцать лет, — пишет Кюстин, — он высокого роста и прекрасно сложен по своим годам, однако тип его скорее немецкий, чем русский... У него, очевидно, какая-то тайная грусть, написанная на лице. Ресницы его опущены и свидетельствуют о зрелости юноши. Взгляд его выражает доброту. Вид у него — в полном смысле вид государя, и человек он превосходно воспитанный. Все его движения обаятельны, и люди будут ему повиноваться более из-за его благости, нежели от боязни... Несомненно, он самый прекрасный образ настоящего государя, который я когда-либо видел..."

В Эмсе, однако, Александр избегал всех предлагаемых ему светских увеселений, приемов, званых обедов, балов. Но строго соблюдая предписания докторов, исполнял он курс назначенного ему лечения водами, брал ванны, пил обильно воду источников, долго гулял по аллеям парка перед главными банями и, вероятно, именно там встречался с маркизом де Кюстином, который,

как можно предположить, ловил возможность встретиться и поговорить с наследником русского престола, пленившим его воображение.

Впрочем, этот месяц, проведенный в Эмсе, принес ожидаемое улучшение в здоровье Александра. Он ободрился, физически оправился и почти восстановил свое прежнее здоровье. Отец предписывал ему, по совету русских и иностранных докторов, провести зиму в Италии, прежде чем продолжать свое путешествие по Европе. 30 августа — в день своих именин — Александр прибыл в Веймар, где его уже ожидали родители. Пробыв там несколько дней, царская семья по приглашению короля Фридриха-Вильгельма прибыла в Берлин. Погостив у деда до 14 сентября, Александр, расставшись с родителями, отправился в Мюнхен, посетив по дороге знаменитое Лейпцигское поле, где произошла "Битва народов", т.е. кровопролитное сражение между коалицией под предводительством Александра Первого и войсками Наполеона. Проведя в Мюнхене три дня у своего будущего шурина, герцога Лейхтенбергского, брак которого с его сестрой великой княжной Марией Николаевной был уже решен, Александр 29 сентября прибыл в Верону. В этой части Италии, которая тогда была под властью Австрии, встретили его с почестями. Прикомандированные к его особе австрийские офицеры любезно показали ему все окрестности Вероны, а также военные укрепления и поля сражений австрийцев с французами в 1796 году. Александр провел три недели в восхитительных окрестностях Лаго ди Комо, принимая предписанное ему популярное тогда "лечение виноградом".

Потом он отправился в Милан, где вице-король эрцгерцог Райнер и фельдмаршал Радецкий целую неделю устраивали в его честь всякие военные торжества, приемы, ужины и балы.

В Милане царевич несколько дней посвятил осмотру великолепного Миланского собора. Австрийский профессор-искусствовед всюду сопровождал великого князя и его спутников, рассказывая по-немецки историю собора. Рядом стоял средневековый замок герцога Людовико Сфорца, где показали Александру фортифи-

кационные сооружения, построенные по проектам Леонардо да Винчи, и комнаты, где он жил и работал в 1495-1497 гг. В окрестностях Милана Александр посетил известный монастырь "Санта Мария делла Грация", где в монастырской трапезной созерцал "Тайную вечерю" Леонардо.

Из Милана Александр поехал через Кремону, Мантую, Верону, Виченцу и Падую в Венецию, останавливаясь в каждом из этих итальянских городов. Сопровождавший его австрийский почетный эскорт и офицеры усердно показывали своим русским гостям все достопримечательности каждого города. В Венеции Александр со своими спутниками пробыл почти весь ноябрь, пользуясь великолепной погодой и, несомненно, вспоминая русскую суровую зиму и снежные сугробы родины. Александр много наслышался от родителей и от своих учителей об этом сказочном городе, расположенном на островах внутри обширной лагуны. Его особенно интересовало производство художественного стекла и стеклянных изделий, а также знаменитые венецианские кружева и вышивки. Александр накупил здесь множество подарков родителям, братьям и сестрам, которые тут же через русское консульство были пересланы в Россию. Часто с Жуковским или даже один он нанимал гондолу и катался по каналам, осматривая издали старинные дворцы венецианской знати и многочисленные церкви.

Нередко инкогнито сходил он на площади Святого Марка и наблюдал, как многочисленные посетители кормили голубей, или входил в исторический Дворец Дожей и собор Св. Марка, покровителя Венеции. Жуковский показал ему награбленные крестоносцами в Константинополе сокровища, перенесенные слепым дожем Дандоло и латинским патриархом Константинополя Морозини в этот собор. На его фасаде красовалась знаменитая квадрига бронзовых коней, которая когда-то была перенесена Константином Великим из римского Форума на константинопольский ипподром, а позже крестоносцы, завладевшие столицей Византии, перевезли ее в Венецию. Жуковский не раз замечал Александру, что нет худа без добра и что все эти сокровища древней

Венеция. Вид на площадь Св. Марка и Дворец Дожей. Репродукция с картины художника Каналетто.

Византии были фактически спасены крестоносцами от турок.

Александр, как известно, всю свою жизнь был восторженным почитателем искусства, а в музеях, церквах и частных дворцах Венеции находились шедевры Тициана, Веронезе, Тинторетто и многое другое, что он осматривал сейчас с громадным интересом. Италия все больше и больше увлекала его, рассеивала его грусть. Итальянская природа и мягкий климат весьма благотворно действовали на него. Молодость брала свое, и Александр начинал забывать свою Ольгу. Жуковский часто докладывал в своих письмах царю об этой счастливой перемене.

Перед отъездом из Венеции Александр получил любезное приглашение великого герцога Тосканского посетить Флоренцию и провести там несколько дней. Как и все центры итальянского Возрождения, Флоренция интересовала его, и царевич с радостью принял приглашение и провел там конец ноября и начало декабря.

Жуковский, который хорошо был знаком с итальянским Возрождением, напомнил Александру свои лекции об управлении герцогов Медичи и об установлении во Флоренции власти изувера Савонаролы. Став игуменом своего доминиканского монастыря, он громил анафемой Папу, князей Медичи, светских и духовных властителей Италии... Александр был поражен судьбой этого сына врача, ставшего доминиканским монахом, который, достигнув верховной власти, был схвачен своими противниками, обвинен в ереси и после страшных пыток сожжен на костре.

Жуковский указывал ему, что не только в России были "смутные времена", но и счастливая, лучезарная Италия, Франция, как и все западные страны, также пережили эти периоды насилий, пожаров и революций. Но во Флоренции, как и во всех других больших городах Италии, Александра больше всего интересовало искусство. Полотна Рафаэля, Леонардо да Винчи, Микеланджело, конечно, интересовали Александра несравненно больше, чем ужины и балы во дворце великого герцога Тосканского. Все же накануне отъезда Александр и

его спутники исполнили и этот протокольный долг, приняв любезное приглашение правителя Тосканы.

Через несколько дней Александр прибыл в вечный город, где находился папский престол. Здесь он провел целый месяц.

В Риме у власти с 1831 года находился Папа Григорий Шестнадцатый, известный своими энцикликами против свободы совести и свободы печати. Восстания в Болонье и некоторых других городах Папской области были подавлены австрийцами, которых призвал Папа, сделавшийся верным сторонником Австрии и России. Этим, конечно, и объясняется то гостеприимство, которое Папа оказал русскому наследнику. Окруженный кардиналами и высшими сановниками курии, Григорий Шестнадцатый поднялся со своего трона и, протянув обе руки, обнял Александра, который опустился перед ним на колени.

Но и в Риме предпочел он подробно осматривать античные памятники, богатейшие коллекции скульптур и картин, которые Наполеон вывез из Парижа и которые после Венского конгресса снова были возвращены в Рим. Особенно поразил его величественный собор Св Петра, самый монументальный и обширный христианский собор на земле. Со своими молодыми спутниками поднялся он на купол храма, откуда, как на ладони, был виден весь Рим.

За папскими садами и монументальной площадью перед собором со знаменитой колоннадой Бернини видны были остальные соборы вечного города, церкви и дворцы. Но, как нигде, рядом с этими богатейшими резиденциями аристократии ютились вплоть до самой папской резиденции бесчисленные трущобы римской бедноты. Александра поразило могущество римского первосвященника, столь отличное от положения православных русских иерархов и столь несовместимое с учением Иисуса Христа о нестяжании.

В Риме богослужением в русской посольской церкви и торжественным обедом, на который была приглашена вся русская колония, отпраздновал Александр именины своего отца.

Интересное свидетельство о пребывании в вечном городе оставил нам бывший преподаватель французского языка Александра, сопровождавший его в этом путешествии: "Цесаревич, — писал Жилль из Рима, — посвящает по нескольку часов в день всему достойному обозрения... Ватиканские галереи и художественные коллекции, библиотека, Капитолийский музей, частные собрания картин, несравненные образцы древнего и нового зодчества, наконец, мастерские пребывающих в Риме художников всех стран попеременно привлекают внимание Великого Князя. С особенной заботливостью относится он к русским художникам, многие из которых приобрели заслуженную славу в Риме. С наступлением рождественских праздников начались здесь спектакли и балы. И все же Цесаревича, — пишет Жилль, — тянет назад в Россию..."

"Я такой человек, — писал Александр своему сверстнику и адъютанту Назимову, — что могу весь в воспоминании жить... и это служит мне утешением в моем отдалении, и хотя Италия очень хороша, но дома все-таки лучше. Завтра отправляемся в Неаполь, а оттуда далее, по назначенному маршруту, так, чтобы к 20 июня быть дома. О, счастливый день! Когда бы он скорее пришел!"

За несколько дней до Нового года в Риме скончался сопровождавший наследника попечитель князь Ливен, и под этим предлогом Александр отказался от всех официальных празднеств и приемов и со всей своей свитой выехал в Неаполь.

Неаполитанский двор тоже очень тепло встретил русского гостя. Была выработана специальная программа пребывания здесь Александра: это были светские и военные торжества. Военные маневры, парады, спектакли, ужины, балы и, конечно, прогулки по окрестностям Неаполя, которые более всего интересовали Александра.

Он с большим интересом посетил Геркуланум и Помпею, древние города, расположенные у подножия Везувия и засыпанные пеплом при катастрофическом извержении вулкана в 79 году по Р.Х. Под десятиметровым слоем вулканического пепла погребенные города

сохранились в том состоянии, в котором были во время катастрофы. Во время пребывания Александра в Неаполе уже велись там большие раскопки. Александр посетил раскопанные площади и улицы, мощенные камнями, а также дома и храмы с богатейшими древними росписями.

С несколькими из своих молодых спутников восходил он на Везувий, добираясь почти до самого вулкана, из кратера которого постоянно струился сизый дымок, а вечером видны были фосфоресцирующие розоватые лучи.

Посещал он и королевские резиденции Капо-ди-Монте и Казерту, окруженные апельсиновыми и лимоновыми садами, полными вьющихся южных роз. Ему приветливо улыбались красивые итальянские девушки, даже не подозревая, что он русский царевич, гость их короля, а лишь плененные его золотистыми кудрями и блеском его синих глаз. Утром и на заходе неаполитанского солнца, когда весь залив светился тысячами радужных огоньков и были слышны веселые песни итальянских рыбаков, пересекал он пленительный Неаполитанский залив.

Александр был опьянен Италией, ее южной негой, столь непривычной для северного русского юноши. Италия успокоила его душевную грусть и почти заменила ему Ольгу. Дни летели быстро, и день отъезда пришел незаметно и как-то неожиданно. Накануне в честь русского царевича устроили неаполитанские юноши и девушки карнавальную процессию ряженых и масок и дефилировали перед Александром и его свитой по виа ди Толедо. С этими веселыми впечатлениями пустился Александр в обратный путь.

На обратном пути он снова остановился на несколько дней в Риме по приглашению Папы, который снова захотел принять, обласкать и благословить старшего сына русского царя. Григорий Шестнадцатый велел в честь своего юного гостя иллюминировать величественный собор Св. Петра.

Когда двенадцать закрытых карет с русскими императорскими орлами на дверцах покинули папские

владения, направляясь в Северную Италию, навстречу русскому царевичу выехал герцог Моденский, который пожелал показать Александру знаменитую Каррарскую каменоломню, где добывался лучший в мире белый мрамор.

Александр со своими спутниками направлялся в Вену через Милан, Тревизу, Клагенфурт и Нейштадт. Здесь ожидал его назначенный отцом новый попечитель вместо умершего в Риме князя Ливена — граф Орлов, сын Федора Орлова, брата знаменитого фаворита Екатерины.

Австрийский император Фердинанд и его канцлер принц Меттерних весьма ценили Николая Первого, который был в то время самым сильным монархом в Европе. Конечно, наследнику русского престола был устроен грандиозный прием в стиле Габсбургов. Они умели это делать, когда они в ком-нибудь нуждались и стремились привлечь симпатии. В Вене ожидала Александра торжественная встреча и самый радушный прием. В самый день его прибытия в австрийскую столицу Александр был приглашен на парадный обед во дворце, дававшийся в его честь императором Фердинандом, на котором присутствовали важнейшие члены правительства и двора во главе с принцем Меттернихом и его супругой. Канцлер, сидя по левую сторону Александра, внимательно наблюдал за царевичем, задавал ему вопросы о внешней политике, о трудностях управления, о революционных настроениях в Италии, в Риме и в Неаполе. Это был настоящий экзамен со стороны хитроумного австрийского канцлера. Он сравнивал молодого великого князя с его дядей, императором Александром Первым, которого Меттерниху с трудом удалось подчинить своему влиянию.

В тот же вечер царевич присутствовал на парадном представлении в придворном театре, после которого ужинал у принца и принцессы Меттерних, где канцлер не отходил от молодого человека, проявляя к нему особое внимание и осыпая его любезностями. Александр произвел на Меттерниха и на самого императора Фердинанда самое лучшее впечатление.

На следующий день был торжественный обед у рус-

ского посла графа Татищева, а вечером — концерт во дворце.

На третий день был устроен пышный военный парад, на котором, в знак своего особого благоволения, император Фердинанд назначил царевича шефом Четвертого гусарского полка.

Более всех ухаживали за Александром принц и принцесса Меттерних: во время своего десятидневного пребывания в Вене он почти каждый вечер ужинал у них в небольшом, изысканном кружке блестящей венской аристократической молодежи, дам и кавалеров его возраста, специально подобранном канцлером и его женой.

Меттерних в своих мемуарах высказал самое благоприятное впечатление о русском наследнике престола: в Вене все находили его очаровательным, красивым, умным и прекрасно воспитанным молодым человеком, настоящим западным принцем и многообещающим будущим государем.

После Вены царевич посетил Вюртемберг и Баден и на несколько часов остановился в Гейдельберге, знаменитом университетском городке.

"Бросили мы весну за Альпами, — писал Жуковский матери Александра, — и скачем от нее без памяти на север. Ей не догнать нас до самой Гааги, а там совершенно утопим ее в нидерландских туманах..."

Конечно, это чувствовал, может быть, даже еще ярче и яснее его аристократический ученик, имевший возможность вырваться из русских снегов и туманов на культурный и теплый Запад. Но Александр этого не сделал. Несомненно, как и его дядю Александра Первого, Россия тяготила наследника, и самой большой принесенной им жертвой было решение служить обездоленной, но дорогой ему России, своей пасмурной родине. "Италия прекрасна, — писал он своему другу адъютанту Назимову, — но все же меня тянет домой, на родину..." Может быть, именно неосознанное стремление вырваться на Запад, в умеренный климат Средиземноморья, к культурной жизни, подавленное воспитанным у него чувством долга, и было тайной драмой Александра. Не из-за этих ли его подсознательных переживаний он внезапно так

влюбился в свою ровесницу, молодую английскую королеву Викторию, которая вполне отвечала на его чувство.

* * *

"Наша жизнь так тревожна, — писал Жуковский императрице в уже цитированном выше письме, — что мне весьма редко удается быть с ним вместе с глазу на глаз, на досуге; но в свободные минуты доверенности, в минуты братской встречи сердца с сердцем я люблю его неотразимо. Но что делается теперь в его сердце — я не знаю..."

Конечно, важно отметить, что такой близкий ему человек, который знал его еще ребенком и безотлучно находился при нем, человек очень одаренный и чуткий, так был привязан к Александру и так любил в нем человека. Для историка это признание одного из самых одаренных русских людей своего времени является несомненным доказательством достоинств молодого человека. Искреннему и независимому Жуковскому, который даже перед самим Николаем не боялся защищать Пушкина и опальных декабристов, незачем было заискивать перед Александрой Феодоровной, с которой у него были дружеские отношения с тех ранних пор, когда он был ее учителем русского языка и когда она еще даже не была наследницей престола.

Конечно, в этом письме Жуковский намекает на еще не изжитое Александром глубокое чувство к Ольге Калиновской, в искренности которого сомневаться не приходится, — он много месяцев тяжело страдал душевно и физически из-за разлуки с нею.

Глава девятая

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ

Судьба чуть не переменила европейскую историю: царевич Александр во время своего месячного пребыва-

ния в Англии увлекся своей сверстницей — английской королевой Викторией, а она, как свидетельствует ее дневник, страстно влюбилась в своего русского гостя... Александру оставалось сделать лишь один шаг, и жизнь его навсегда бы изменилась. Он мог стать английским принцем-консортом, мужем королевы, но, снова поборов свое чувство, он остался верным России.

Очевидно, этот брак не был сужден небесами. А ведь если б он состоялся, не было бы Крымской войны, Россия сблизилась бы с Англией и Александр закончил "благоденственное и мирное житие" в демократичной и славной своими вековыми традициями Англии. То есть избежал бы величайшей личной трагедии, ожидавшей его в темной бурлящей России, которая так никогда его и не оценила.

Но вернемся к путешествию Александра по Западной Европе.

13 марта 1838 года Александр прибыл в Дармштадт, столицу великого герцогства Гессен-Дармштадтского. Это был сравнительно небольшой скучный город немецкого стиля, в котором ничего особенно не могло заинтересовать русских путешественников. Беспрерывно шел дождь, густой туман стоял над мокрой негостеприимной немецкой землей. Было холодно, и путешественники зябли в своих каретах, мечтая о ночлеге. Свидание Александра с великим герцогом Людвигом Вторым не значилось в программе маршрута, и царевич настаивал, что следует избежать этого посещения. Он опасался скучного вечера с чинным немецким ужином, балом и однообразными разговорами. Остановиться в Дармштадте не без труда уговорил его генерал Кавелин, по-видимому, следуя инструкции самого царя, весьма заинтересованного в браке сына с какой-либо немецкой принцессой.

Остановился Александр в предоставленной ему резиденции, опрятной, даже фешенебельной, но скучной своим строго немецким стилем. Тотчас по приезде посетил царевича сам великий герцог Людвиг, который пригласил его приехать на представление в городской театр, а оттуда на ужин и вечер в замок. Александр, надев ка-

зачий мундир, отправился туда с графом Орловым и несколькими адъютантами. Генерал Кавелин уехал вперед, в Майнц, подготовить там прибытие наследника. Жуковский, уставший до тошноты от всех этих "балов, представлений и смотров" (как он признавался в письме императрице), остался спать в своей комнате. Все это свидетельствует о том, что сам император не имел особенной надежды найти невесту сыну именно в Дармштадте, однако пунктуальный до педантизма, все же велел заехать туда, прослышав, что у великого герцога есть дочь.

Младшая дочь Людвига, пятнадцатилетняя принцесса Мария, действительно произвела на Александра некоторое впечатление, и он сейчас же подумал о возможности брака с ней. Русские источники, конечно, сильно преувеличивают эти первые впечатления наследника. Впрочем, Александр поспешил написать отцу о возможности этого брака. Он был, несомненно, послушным сыном и прежде всего стремился исполнить отцовскую непреклонную волю. То, что он совсем не был "очарован и пленен" этой девочкой, видно хотя бы из того, что на предложение "доброго Жуковского притвориться больным, чтобы отложить отъезд из Дармштадта", царевич ответил отрицательно.

Отбыв из Дармштадта в Майнц, Александр спустился на пароходе по Рейну до Кобленца, где пришлось ему выслушать скучные лекции немецких офицеров о фортах "Александр" и "Константин", названных так в честь его дядей. Затем он снова сел на пароход и продолжил свой путь по Рейну до Кельна, где в его честь состоялся парад прусских войск. Оттуда он поехал в Дюссельдорф, чтобы нанести визит своему родственнику принцу Фридриху Прусскому. В Дюссельдорфе ему доставило истинное удовольствие посещение картинной галереи и нескольких мастерских известных художников. Потом он снова сел на рейнский пароход и 20 марта прибыл в Роттердам.

Русскую Пасху Александр провел в Гааге у своей тетки, принцессы Оранской, сестры отца. Он простоял все церковные службы в ее домовой церкви, отговел и

причастился по русскому обычаю. В честь Александра здесь во дворце состоялся на пасхальной неделе ряд блестящих праздников, приемов, обедов и балов, которые, однако, уже успели наскучить и ему самому, и его спутникам. Затем он смог начать осмотр Голландии. В Амстердаме и Саардаме он посетил все места, которые прославил своим пребыванием Петр Великий. Александр пожелал посетить также лагерь голландской армии, расположившейся в ожидании военных действий на границе с Бельгией. 20 апреля он покинул Голландию, на пароходе "Цербер" переплыл со своими спутниками Ла-Манш и высадился в Грейвзенде, в устье Темзы.

Когда распространился слух о приезде наследника русского престола, в Лондоне началось немалое волнение среди многочисленных политических эмигрантов, нашедших здесь убежище, — русских, поляков и других. До русского посла в Лондоне стали доходить тайные сведения о покушении, замышляемом польскими эмигрантами на жизнь Александра. Посол, граф Поццо-ди-Борго, весьма обеспокоенный сведениями, получаемыми от тайных агентов, сейчас же написал императору, советуя сократить, насколько возможно, пребывание царевича в Англии. Впрочем, посол уже и раньше, когда Александр был еще в Италии, вообще настаивал на отмене посещения Англии. Граф Орлов, назначенный попечителем царевича, рассказывал своим близким, что император прочел ему этот доклад графа Поццо-ди-Борго и при этом заметил: "Я был взволнован этим сообщением, и моей первой мыслью было отменить поездку в Англию, хотя я всегда считал ее очень полезной и для сына, и для России..." Орлов тоже встревожился от этой депеши, так как считал Поццо-ди-Борго одним из самых серьезных дипломатов империи, но император продолжал: "Я дважды прочел этот доклад, но, помолившись Богу, решил, что наследник поедет в Англию и проведет в ней то время, что предначертано в моей инструкции..."

Пока Александр пребывал в Лондоне, император занялся присланным из Дармштадта докладом графа Орлова о возможности брака между Александром и младшей дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского.

При русском дворе помнили, что первой супругой императора Павла была тетка Людвига, что жена Александра Первого Елизавета Алексеевна была родной сестрой жены Людвига и, наконец, что сам Людвиг был в родстве с прусской королевской семьей. Однако, несмотря на почтительное письмо Александра, сообщавшего родителям, что принцесса Мария произвела на него благоприятное впечатление, Жуковский и Орлов рисовали в своих письмах более реалистичную картину. Они отмечали, что на "музыкальном ужине" во дворце герцога царевич казался усталым и рассеянным.

Сама же пятнадцатилетняя принцесса Мария-Вильгельмина, видимо, была очарована Александром, как, впрочем, и ее отец. В металлической шкатулке, о которой уже была речь, советские историки нашли и письмо Александра к отцу, который был, очевидно, недоволен сыном из-за его недостаточного внимания к баденской принцессе Александрине, которую Николай считал серьезной кандидаткой в невесты сыну. В этом письме, помеченном 25 марта 1839 года, царевич пишет: "Сегодня, может быть, будет самый решительный день моей жизни. Утром выехал я из Карлсруэ с тяжелым сердцем, признаюсь, потому что знаю, как горячо ты желал того, что не случилось (имеется в виду возможная помолвка Александра с баденской принцессой Александриной — В.Н.). Сегодня вечером, однако, ложусь я с радужной надеждой на будущее... Здесь, в Дармштадте, встретил я дочь царствующего великого герцога, принцессу Марию. Она страшно мне понравилась с самого первого момента, когда я ее увидел... Теперь ехать в Копенгаген совсем не нужно, и если ты позволишь, дорогой папа, после моего посещения Англии я снова возвращусь в Дармштадт".

Александр явно старается убедить отца, что его отказ жениться на баденской принцессе ни в коем случае не является следствием все еще не забытого им увлечения полькой, а просто эта принцесса ему не по сердцу, тогда как хорошенькая пятнадцатилетняя Мария ему понравилась.

Любопытно и поведение Орлова, нового попечителя царевича: хотя он сдержанно докладывает царю, что

"принцесса Мария сделала его высочеству сильное впечатление", но тут же в весьма осторожных выражениях добавляет, что он "огорчен распространенными здесь слухами о ее родителях". Из записки Николая, найденной в той же шкатулке, мы узнаем, что император не придавал этим слухам (касавшимся незаконного происхождения Марии) никакого значения. Царь писал Орлову в этой своей записке, выражая весьма терпимое отношение к этому деликатному обстоятельству: "Сомнения относительно законности ее происхождения более действительны, чем ты полагаешь. Известно, что из-за этого ее едва терпят в семье, но она официально признана дочерью своего отца и носит его фамилию, следовательно, никто не может ничего сказать против нее в этом смысле..." Интересно, однако, отметить, что из секретных бумаг той же шкатулки явствует: русский посол в Лондоне граф Карл Иванович Поццо-ди-Борго, конечно, по инструкции самого царя, тогда же секретно запросил у русского посланника во Франкфурте сведения, относящиеся к принцессе Марии: сколько ей сейчас лет? ее рост? как она выглядит? кто занимался ее образованием и воспитанием после смерти ее матери? насколько строги ее моральные принципы?

Впрочем, интересно отметить, что в другом своем докладе Орлов пишет Николаю из Гааги (очевидно, чтобы царь не заподозрил его в несогласии с ним): "Не думайте, Государь, что я скрыл от Великого Князя эти слухи относительно происхождения принцессы. Он узнал об них в самый день своего прибытия в Дармштадт, однако реагировал он на них точно, как Вы... Он думает, что, конечно, лучше было бы, если бы было иначе (т.е. если б она была дочерью великого герцога — В.Н.), однако она носит имя своего отца и, следовательно, никто не может, с точки зрения закона, упрекнуть ее".

Настоящим отцом будущей императрицы Марии Александровны, супруги Александра Второго, был швейцарец французского происхождения барон Август-Людвиг де Гранси, шталмейстер великого герцога Людвига. Современники описывают его как необыкновенно красивого человека. Матерью ее была принцесса Виль-

гельмина Баденская, сестра русской императрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра Первого. По-видимому, брак ее с великим герцогом был не очень счастливым. Вышла она за него замуж шестнадцатилетней девочкой и, конечно, не по любви. У них было два сына, а много позже родилась эта девочка. В шкатулке сохранилось несколько записок Николая и Александры по этому вопросу. Императрица долго упорствовала, не соглашаясь на брак сына с принцессой Марией. Там же нашлась записка самого Александра, который пишет отцу, как он огорчен, что его мать, "такой ангел доброты", в этом вопросе так непреклонна.

В то же время Николай возлагал большие надежды на пребывание сына в Англии. Но эти надежды совсем не были связаны с брачной перспективой. Николай всю жизнь был убежденным англофилом. Как это ни странно для фанатичного приверженца принципа абсолютной монархии, он считал Англию самой стабильной и могущественной державой мира именно вследствие ее внутреннего демократического устройства. Он помнил слова старшего брата, императора Александра Первого, по их прибытии в Лондон в 1815 году: "Только в Англии можно понять смысл конституции!" Конечно, император намекал на преимущества британской системы над абсолютизмом.

Николай прекрасно говорил и даже писал по-английски, с интересом читал все, что печаталось тогда в Англии, и вообще увлекался всем английским. Может быть, он перенял это от своей первой няни, шотландки мисс Лайон, к которой он на всю свою жизнь сохранил чувство необыкновенной привязанности. Николай часто говорил своим близким: "Только Англия в Европе по мощи может сравниться с Россией... У англичан много здравого смысла, они меня понимают..." Именно ввиду этих своих убеждений Николай, посылая сына на Запад, считал самым полезным для его политического образования лично познать Англию.

Однако Николай не предвидел, что, посылая в Англию очаровательного двадцатилетнего молодого человека, еще не женатого и при этом наследника престола гро-

мадной империи, он создаст для Александра новые болезненные проблемы. В 1838 году королеве Виктории было уже около двадцати лет, она была еще не замужем и, несомненно, мечтала о своем будущем сказочном принце, как мечтают все молодые девушки. Виктория, как видно из ее дневника, до сих пор отвергала всех представленных ей кандидатов в принцы-консорты. Даже ее будущий супруг — принц Альберт Саксен-Кобургский — казался ей непривлекательным, довольно серым молодым человеком, ничем не отличавшимся от других претендентов.

Большой интерес вызвало у молодой королевы (Виктория царствовала к тому времени всего два года) письмо супруги покойного русского посла в Лондоне княгини Ливен, которая писала одной из близких к Виктории придворных дам: "Молодой цесаревич Александр — самый очаровательный из всех европейских принцев... Трудно себе представить более красивого молодого человека. У него привлекательное, прекрасное лицо и необыкновенно приятная манера говорить..." Конечно, цель этого письма княгини Ливен была весьма скромной: она лишь стремилась вызвать интерес к личности русского наследника, ничего больше. Но результат получился самый неожиданный: Виктория, еще не видя Александра, была уже необыкновенно заинтригована.

Во время пребывания Александра в Лондоне, в день, когда Виктории исполнилось двадцать лет, она писала в своем дневнике: "Пятница, 24 мая (1839 г.). Сегодня мне исполняется 20 лет! Это кажется мне столь необыкновенным..."

Когда ей было только семнадцать, ее мать, посоветовавшись со своим братом, бельгийским королем Леопольдом, пригласила во дворец погостить на несколько дней двух молодых племянников, кобургских принцев Эрнеста и Альберта; отдаленная цель этого приглашения ни у кого не вызывала сомнений. Однако Вильгельм Четвертый, который был еще жив, сильно недолюбливал своих кобургских родственников и ворчал: "Нет уж, довольно нам кобургской крови..." Он не хотел согласиться на брак Виктории ни с Эрнестом, ни с Альбертом. Да

и Виктория держалась с ними довольно холодно. Теперь, всего за несколько недель до приезда в Лондон царевича Александра, Виктория записала в свой дневник: "Когда лорд Мельбурн (премьер-министр Англии — В.Н.) завел разговор о моем замужестве... я набралась храбрости и сказала ему: мой дядя (бельгийский король Леопольд — В.Н.) очень желает, чтобы я вышла замуж за моего кузена Альберта. Однако лорд Мельбурн ответил мне: "Кузены — это не весьма хорошая перспектива. Эти Кобурги очень непопулярны в Европе, русские их ненавидят..." Я тогда сказала: "Ну, а кто же тогда?" Мы перечисляли разных принцев, но я сказала, что ни один из них не подходит, и добавила, что, хотя весьма уважаю Альберта, пока вообще не хочу выходить замуж, к тому же Альберт ведь моложе меня".

Но вот в начале мая 1839 г. в Лондон прибыл Александр, наследник русского престола. Следует вспомнить, что его дядя, император Александр Первый, победитель Наполеона, слава которого гремела по всему миру, был в свое время приглашен родителями Виктории стать ее крестным отцом. И мало кто знает, даже в самой Англии, что таков был тогда престиж Александра, что в его честь новорожденная была названа Александриной! Викторией она сделалась значительно позднее, когда отношения с Россией стали довольно холодными. Александрина просто переменила имя, ставшее непопулярным, и осталась на всю жизнь Викторией.

Конечно, она не могла не сравнивать совсем чужого ей русского великого князя со всеми этими столь банальными претендентами, всеми этими немецкими кузенами — вюртембергскими, саксен-кобургскими, саксвеймарскими принцами, которые в сравнении с ней были "бедными родственниками" и видели в ней лишь блестящую партию, богатейшую невесту, которая позволила бы им позолотить их поблекшие фамильные гербы. И, несомненно, Виктория думала о письме княгини Ливен, содержание которого уже не раз излагали ей придворные дамы...

И вот наконец в субботу, 4 мая, Александр был ей представлен официально в Букингемском дворце. Алек-

сандр, со своей стороны, много слышал о Виктории еще в Петербурге, где словоохотливая княгиня Ливен описывала Викторию так: "Красивая, элегантная, очаровательная девушка, с глубокими синими глазами, полуоткрытым ртом, белыми правильными зубами..." Молодая английская королева слыла весьма деятельной, умной, образованной девушкой, с которой можно поговорить и о литературе, и об искусстве, и о мировой политике.

Виктория была племянницей покойного короля Вильгельма Четвертого, чей престол она унаследовала. Отец ее, кентский герцог Эдуард, был четвертым сыном короля Георга Третьего и Виктории, урожденной принцессы Саксен-Кобургской, родной сестры бабушки Александра со стороны матери. Так что и Александр приходился Виктории дальним кузеном.

Прием был назначен на половину второго дня, как все большие королевские аудиенции того времени. Виктория подробно описывает эту их первую встречу в своем дневнике, хотя, как полагается, пока еще сухо и официально. Однако из этих строк уже можно почувствовать ее начинавшееся увлечение русским гостем. Виктория пишет: "...В половине второго я приняла Великого Князя, которого мне представил лорд Пальмерстон (министр иностранных дел — В.Н.) и которого сопровождали граф Орлов и граф Поццо-ди-Борго. Я пригласила Великого Князя сесть; он высокого роста, с тонкой талией, держит себя непринужденно, приятно и искренне, хотя нельзя сказать, что он красавец". Очевидно, это возражение в ответ на восторженное описание Александра, принадлежащее княгине Ливен. Впрочем, тут же она добавляет, противореча самой себе: "У него красивые синие глаза, короткий нос и изящный рот с очаровательной улыбкой. Я нашла великого князя чрезвычайно привлекательным, с располагающим приятным характером, таким естественным, таким веселым..." Далее Виктория пишет о его возрасте, что, несомненно, выдает ее затаенную, столь естественную для девушки на выданье мысль: "Он всего на год старше меня..." Все эти замечания молоденькой английской

Королева Виктория в первые годы своего царствования. Портрет кисти придворного живописца Франца Винтерхальтера.

королевы в отношении Александра весьма симптоматичны; впрочем, как она призналась лорду Мельбурну, она совсем не ожидала встретить в лице русского великого князя столь обаятельного молодого человека. Ее симпатия распространилась и на всю свиту Александра. Премь-

ер-министр, откровенный русофоб, как-то в разговоре с Викторией, желая предостеречь свою еще совсем неопытную молоденькую королеву от слишком теплого отношения к русским гостям, заметил ей, что граф Орлов "выглядит совсем, как Генрих Восьмой" (английский король, известный своим распутством и чревоугодием). Виктория, однако, ответила Мельбурну: "Я не думаю, что Генрих Восьмой был таким добродушным, как Орлов!.." Тут же, в своем дневнике, сравнивая Александра с принцем Оранским, которого король Вильгельм Четвертый в свое время намечал ей в женихи и которого она решительно отвергла, Виктория пишет: "Они оба такие застенчивые..."

Двое голландских принцев прибыли в Лондон вместе с Александром, но Виктория, занятая всецело своим русским гостем, не уделила им никакого внимания. В то же время она подробно пишет о членах свиты Александра, оделяя всех своей симпатией. "Великий Князь, — записывает она в дневник, — пришел после обеда со своими джентльменами... Это — господин Толстой (граф Алексей Константинович Толстой, будущий писатель, который был тогда молоденьким атташе при русском посольстве в Англии — В.Н.), барон Ливен, племянник князя Ливена, г-н Паткуль, молодой человек, ровесник Великого Князя, который путешествует с ним, г-н Адлерберг, близкий к Великому Князю, отец которого был близок к императору, князь Барятинский, молодой человек, адъютант императора, который очень отличился в недавней войне с черкесами и был ранен, г-н Юрьевич, адъютант императора, который состоит при Великом Князе уже четырнадцать лет, князь Долгорукий, также адъютант императора. Все они приятные молодые люди, и с ними очень приятно иметь дело". И Виктория еще раз добавляет: "Мне страшно нравится Великий Князь, он такой естественный и веселый, и мне так легко с ним".

После двух первых встреч, во время которых Виктория явно была просто очарована Александром, молодые люди сближались все больше и больше и страстно влюбились друг в друга. Однако и английские, и русские

источники упорно молчат про эту первую любовь Виктории и про неожиданное увлечение ею Александра, который вдруг забыл не только о дармштадтской принцессе, но даже о своей польской возлюбленной. Очевидно, Виктория была действительно весьма привлекательной девушкой, такой, как ее изображают тогдашние портреты. Однако единственное документальное свидетельство этого страстного, но кратковременного увлечения — дневник, который Виктория вела изо дня в день и который дошел до нашего времени.

Итак, этот интимный дневник, предназначаемый ею, конечно, не для посторонних будущих читателей, а лишь для самой себя (чтобы, как это принято, перечитывая его в старости, вспоминать свою молодость), поведал нам: на следующий день молодая королева сделала то, до чего никогда она не снисходила для претендентов на ее руку, — пригласила своего русского гостя посетить ее наедине. Вдосталь наговорившись, они сели на оседланных заранее лошадей и отправились, тоже вдвоем, на прогулку в парк. "Я страшно была довольна, — пишет Виктория, — видя, как легко вскочил он на лошадь и как она понравилась ему". Конечно, во время всей этой прогулки говорили они не только о своих лошадях.

Два дня спустя Виктория пригласила царевича и его спутников на бал в Букингемский дворец, устроенный в его честь. Кроме русских гостей, не было других приглашенных, если не считать нескольких молодых придворных и двух уже упоминавшихся здесь голландских кузенов. Но она ни слова не пишет о них.

На другой день она рассказывала о своих впечатлениях лорду Мельбурну: "Мы танцевали на этом балу до трех с четвертью ночи... Я танцевала первый и последний танец с ним (великим князем — В.Н.) и, пригласив его сесть возле себя, старалась быть с ним как можно более предупредительной. Я думаю, мы с ним уже большие друзья и все идет как нельзя лучше". И, заканчивая этот разговор, она опять повторяет своему премьер-министру: "Он мне страшно нравится!"

Молодая королева, еще совсем неопытная в большой политике, по своей наивности, по-видимому, счита-

ла возможным брак с наследником русского престола.

В своем дневнике она приводит детали, свидетельствующие о ее чувстве к цесаревичу: "Было уже десять с половиной, и все перешли в бальный зал, когда я образовала вокруг себя кружок и начались танцы; я танцевала первый танец с Великим Князем, потом перешли мы в другую комнату, где я танцевала с князем Долгоруким... Потом перешли мы опять в маленький зал и смотрели на танцы, Великий Князь сидел около меня... Я танцевала с ним последний танец — кадриль. Я покинула бальный зал в три с четвертью очень счастливой, с сердцем, полным радости".

Конечно, Александр и Виктория, протанцевав лишь первый и последний танец, почти все время сидели рядом, наблюдая танцующих и разговаривая с глазу на глаз. Можно лишь удивляться, как оба не устали от этого разговора, продлившегося целых пять часов! Один этот факт доказывает, что были они оба далеко не равнодушны друг к другу.

Полковник Симон Юрьевич, адъютант царевича, который также вел дневник, записал: "На следующий день после бала царевич говорил лишь о королеве. Она очаровала его своей молодостью, своим обаянием и своим чувством юмора. Александр был ее постоянным партнером на этом балу, и я уверен, что и она находила удовольствие в его обществе". И Юрьевич заключает: "Несомненно, он с ней — идеальная пара".

Еще через несколько дней, в течение которых они, несомненно, довольно часто виделись на приемах и ужинах, они наконец смогли вновь встретиться наедине. Виктория и Александр — конечно, в отдельных ложах — присутствовали в королевском театре на вечернем представлении. Во время большого антракта Александр пришел в ее ложу и пробыл наедине с ней более получаса. Были они совсем одни в королевской ложе: тяжелые плюшевые занавеси отделяли молодых людей от всего мира. В своем дневнике Виктория пишет: "Наконец, нашла я кого-то, иностранца, которому могла доверить все мои неприятности..." Конечно, жаловалась молодая королева наследнику абсолютной монархии на все не-

Великий князь цесаревич Александр Николаевич, наследник русского престола в форме офицера лейб-гвардии. Портрет исполнен польским художником Ксаверием Каневским с натуры и воспроизведен знаменитым гравером Ф.И.Иорданом в 1839 г.

взгоды конституционного строя, на интриги, на ограниченность ее власти... Мы легко можем себе представить, как Александр, не знавший ничего подобного в России, находящейся тогда под железной рукой его отца, с удивлением и сочувствием выслушивал эти жалобы своей со-

беседницы. Но едва ли они были единственным предметом их разговора за тяжелыми занавесями королевской ложи. Были они оба уже слишком увлечены друг другом. Вряд ли, однако, их отношения зашли дальше поцелуев и объяснений во взаимной любви, — не могли они забыть о своем достоинстве и долге.

На следующий день Александр открыл Юрьевичу свое сердце. Обеспокоенный и взволнованный адъютант, сознавая свою ответственность, очевидно сразу же доложил об этом императору. Одновременно он записал в дневник свой разговор с царевичем: "Я страшно огорчен. Царевич признался мне, что он влюблен в королеву и убежден, что и она вполне разделяет его чувства. Я просил его дать мне несколько дней на размышление". Конечно, Юрьевич поделился своим огорчением с Орловым, главным распорядителем путешествия, и, несомненно, Орлов тоже уведомил императора. Но, будучи хорошо ориентирован в большой политике и зная реальные отношения между Россией и Англией в это время, он, со своей стороны, инструктировал Юрьевича, как поступать. 12 мая Юрьевич записывает в том же своем дневнике: "На следующий день Великий Князь опять огорчил меня. Я сказал ему, что этот брак совершенно невозможен. Я прибавил, что в случае такого поступка ему придется отказаться от своей будущей короны и что совесть его никогда не позволит ему сделать это. Он согласился со мной. Но было ясно, что он очень страдает. Выглядел он бледным и несчастным..."

Прошло несколько дней... Орлов и Юрьевич, несомненно, получили соответствующее предписание от императора. "Было решено покинуть пределы Англии 30 мая, — пишет Юрьевич в своем дневнике. — Но, — добавляет он, — Царевич умолял меня продлить хоть немного пребывание в Лондоне. Однако я ответил ему, что наш английский визит уже и так продолжается целый месяц — это слишком долго, и ни при каком другом дворе мы не пробыли столько времени". А дальше Юрьевич делает такую запись: "У меня лично нет ни малейшего сомнения, что если бы Царевич сделал предложение королеве, она без колебаний приняла бы его".

Страшась такой перспективы, Юрьевич посоветовался с Орловым и решил действовать. Конечно, оба знали характер Николая и смертельно боялись царского гнева в случае, если б царевич решил окончательно остаться в Англии и жениться на английской королеве. Юрьевич решил обратиться к бывшей гувернантке Виктории баронессе Луизе Лехзен, которая слыла самой близкой к королеве придворной дамой. Юрьевич записал в дневнике свой разговор с ней: "Она сказала мне, что Ее Величество призналась ей в своих чувствах к Великому Князю. Он — первый человек, в которого она влюбилась. Она чувствует себя счастливой в его присутствии и просто обворожена его видом и пленительным обаянием... Боюсь, что она примет его предложение".

Оба они сговорились сделать все возможное, чтобы разлучить влюбленных. Для этого был легко найден предлог — обычный отъезд королевы на весеннее время в Виндзорский замок. Александра заняли разными военными торжествами, парадами и приемами в его честь: великий князь присутствовал на заседании Парламента, потом официально был принят ректором и профессорами Оксфордского университета, которые вручили ему почетный докторский диплом, наконец, присутствовал он на конных состязаниях, подарив триста фунтов на призы жокей-клуба. На проценты от этой суммы был учрежден приз "Кубок Царевича". Александр немало удивил лорда-мэра и его советников, вручив им крупную сумму для раздачи бедным и для освобождения из тюрьмы узников, осужденных за долги. Министр иностранных дел лорд Пальмерстон весьма тепло отозвался о нем как о человеке "очень гуманном и сознательном в высшей степени".

Зная западные обычаи, Александр, кроме того, щедро раздавал придворным и другим должностным лицам бриллиантовые перстни, драгоценные табакерки и другие подарки, еще более увеличившие его популярность в Англии.

Но вот королева пригласила Александра и всю его свиту провести несколько дней в Виндзорском замке. В своем дневнике Виктория признается, как ей недоста-

вало великого князя и как все казались ей "печальными, несмотря на все здешнее великолепие, мирные просторы вокруг Виндзорского замка".

Как-то вечером, очевидно, поджидая своего русского гостя, она смотрела в окно и увидела въезжающего со своей свитой Александра. Виктория так нетерпеливо поджидала его, что заметила точное время его приезда: "Было двадцать минут восьмого..." — пишет она в своем дневнике.

Но оба они, и Александр, и Виктория, теперь уже ясно сознавали всю трагическую неосуществимость своей мечты. Оба, как это очень редко бывает в жизни простых смертных, принесли свои чувства, свое человеческое счастье в жертву своему долгу перед отечеством. Это относится не столько к Виктории, которая была свободна выбрать принца-консорта, оставаясь королевой, сколько к Александру.

Был он слишком хорошим сыном и высокоморальным человеком, чтобы причинить горе своему отцу и чтобы жертвовать столь дорогой ему родиной ради своего личного счастья. И никогда никто, даже в России, не оценил величия этого подвига юноши Александра, равнодушны остались к нему и русские историки.

Между тем, давление на обоих влюбленных молодых людей все увеличивалось. Сам премьер-министр лорд Мельбурн, конечно, хорошо осведомленный об увлечении молодой королевы и бывший в свои шестьдесят лет весьма опытным в подобных сентиментальных делах, взялся повлиять на Викторию. Несмотря на свою русофобскую политику, премьер-министр в глубине души считал царевича Александра, который на всех произвел очень хорошее впечатление, подходящим женихом, при условии, конечно, что он откажется от русского престола и согласится стать принцем-консортом. Однако после разговора с баронессой Лехзен, которая подробно передала ему категоричные заявления Орлова и Юрьевича о невозможности отказа царевича от российского престола, он, хотя и весьма осторожно, начал воздействовать на королеву. Об этом свидетельствует ее дневник.

Виктория писала: "Я говорила с лордом Мельбур-

ном (о своем чувстве к Александру — В.Н.)... Он ответил: "Мне кажется, Великий Князь не выглядит хорошо, уж слишком он бледный..." За этой фразой кроется, конечно, мысль, что королеве нужен более физически здоровый принц-консорт, чтобы иметь здоровое потомство. Однако бледность Александра никак не означала, что русский наследник был вообще нездоров. Он тяжело переживал, до своего увлечения Викторией, принудительную разлуку с Ольгой, да и, конечно, устал от этого продолжительного путешествия со всеми парадами и приемами. Давал себя знать и нажим деспотичного отца, нетерпеливо ожидавшего, когда же, наконец, сын выберет себе невесту.

В дневнике Виктории находим весьма подробное описание пребывания Александра в Виндзорском замке: "27 мая 1839 г., Виндзор. В четверть восьмого мы обедали в прекрасно убранном зале св. Георгия. Присутствовали Великий Князь и его свита — граф Орлов, князь Долгорукий, князь Барятинский, барон Ливен, генерал А.А. Кавелин, г-н Жуковский, г-н Паткуль, г-н фон Адлерберг, г-н Юрьевич, граф и графиня Воронцовы, графиня Александра Потоцкая и г-н Толстой. Были лорд Альбермарль, лорд Эролл, лорд и лэди Юксбридж, герцог Арджилл...

Великий князь вел меня под руку, и я села между ним и принцем Генрихом Голландским. Я совсем влюблена в Великого Князя, он милый, прекрасный молодой человек. В начале одиннадцатого мы вошли в красный зал, и начались танцы... Я танцевала первую кадриль с Великим Князем, потом последовал вальс, во время которого я сидела. После я опять танцевала кадриль — с г-ном Толстым, за кадрилью снова следовал вальс, и, конечно, во время вальса я сидела рядом с Великим Князем. В начале первого ночи мы пошли в столовую ужинать... После ужина русские танцевали мазурку в продолжение получаса. Великий Князь пригласил меня протанцевать с ним один тур, что я и сделала, хотя никогда прежде не танцевала мазурку и нашла ее очень забавной. После я протанцевала с Паткулем кадриль и потом опять вальс, который мы танцевали с Великим

Князем. После мы танцевали с ним "гросфатертанц" — страшно забавный, этот танец я видела впервые. Мне было так приятно и так весело танцевать с Великим Князем!.. Великий Князь такой неимоверно сильный и так скоро кружится, что надо быстро следовать за ним, и мы кружились вихрем. Этим и закончился наш маленький бал, около двух часов ночи. Я никогда не была так счастлива. Нам всем было так хорошо... Я легла в четверть четвертого, но не могла заснуть до пяти".

На другой день, 28 мая, они снова виделись наедине, и Виктория с явным волнением записала свой разговор с Александром: "Великий Князь сказал мне, что он очень тронут столь прекрасной встречей здесь и никогда ее не забудет. Затем он прибавил по-французски: "Это не только слова, я вас уверяю, я так действительно чувствую..." Он опять повторил, что проведенные им здесь дни навсегда останутся в его памяти... Я их тоже никогда не забуду, потому что я действительно люблю этого приветливого, милого молодого человека".

29-го был их последний вечер с ужином и танцами. Виктория кончает свою запись, посвященную их прощанию, с чувством большой грусти: "Когда был кончен последний вальс, в двадцать минут третьего, я простилась со всеми джентльменами из свиты Великого Князя с чувством искренней печали. Все они мне очень понравились; Паткуль и Адлерберг — такие жизнерадостные молодые существа. После я удалилась в маленькую синюю комнату, куда лорд Пальмерстон привел Великого Князя, чтобы попрощаться со мной. Мы остались наедине. Великий Князь взял мою руку и тепло сжал ее в своей руке. Он был бледен, и голос его задрожал, когда он сказал мне по-французски: "Мне не хватает слов, чтобы выразить все, что я чувствую", — и добавил, как глубоко он признателен за столь любезный прием. Он сказал, что надеется еще побывать в Англии. Он твердо верит, что все это послужит установлению дружеских связей между Англией и Россией. Затем он прижался к моей щеке и поцеловал меня так тепло и с таким сердечным чувством, и потом мы опять очень тепло

пожали друг другу руки. Я действительно чувствовала, что прощаюсь с близким родственником, а не с иностранцем, и была очень опечалена, расставаясь с этим дорогим, милым молодым человеком, в которого я действительно (говоря в шутку) была немножко влюблена и к которому, несомненно, сильно привязалась: он такой искренний, такой действительно жизнерадостный и милый, так обаятелен — с его очаровательной улыбкой и столь мужественной и элегантной внешностью..."

Эти искренние строки интимного дневника молодой английской королевы свидетельствуют о глубоком ее увлечении русским гостем.

Чувства Александра были столь же восторженны. Его адъютант и бывший воспитатель полковник Юрьевич записал в свой дневник 30 мая: "Прошлой ночью мы попрощались с английским двором. Когда царевич Александр остался наедине со мной, он бросился в мои объятия, и мы оба плакали. Он сказал мне, что никогда не забудет Викторию. Прощаясь, он поцеловал королеву. " Это был самый счастливый и самый грустный момент моей жизни", — сказал он мне".

На другой день после отъезда Александра Виктория признавалась своему ментору и премьер-министру лорду Мельбурну: "Я очень, очень опечалена его отъездом!" И она добавляет в своем дневнике: "Мы вдвоем (с лордом Мельбурном) рассматривали мой большой альбом гравюр, в котором имеется прекрасный портрет Великого Князя, когда ему было всего одиннадцать лет... но он и теперь остался таким же".

На память об этих днях у королевы Виктории оставался дорогой подарок русского царевича: овчарка "Казбек", к которой она страстно привязалась. До самой своей смерти Казбек оставался любимцем Виктории, всегдашним неотлучным ее спутником, неизменно перезжавшим с ней из Букингемского дворца в Виндзорский замок и обратно и остававшимся при ней как дорогая память ее первого увлечения даже после того, как она вышла замуж за своего кузена Альберта Саксен-Кобургского.

Глава десятая

ЖЕНИТЬБА

Оставив Англию 29 мая 1839 года, Александр все еще переживал свое увлечение королевой Викторией, столь грубо прерванное отцом, напомнившим сыну о его долге перед Россией. Конечно, Александр сразу понял невозможность брака с английской королевой. Отец торопил его с выбором невесты: ему было уже двадцать лет, и ждать дольше было невозможно.

Женщины, которые нравились Александру, были для него недоступны: Ольга Калиновская была "простой смертной", Виктория была королевой страны — соперницы России. Холодный душ разочарования второй раз вернул его к реальности.

Его спутники, члены его свиты, всеми силами старались внушить ему необходимость немедля исполнить волю отца. И тогда Александр остановил свой выбор на пятнадцатилетней дармштадтской принцессе Вильгельмине-Марии, которая менее всех других кандидаток отталкивала его.

Продолжая свое путешествие, царевич провел по одному лишь дню в Гааге и Дюссельдорфе и прибыл в Эмс. Но и там, несмотря на советы сопровождавших его докторов, оставался Александр не более суток. Между тем, Орлов сообщил ему, что император одобрил его выбор. Тайные переговоры о браке наследника между русским и дармштадтским дворами уже велись: Николай поручил своей родственнице, вдовствующей герцогине Нассауской, вести переговоры с отцом Вильгельмины-Марии от своего имени. Конечно, герцог Людвиг Дармштадтский был рад браку дочери с наследником русского престола и весьма легко согласился на ее переход в православие... Генерал-адъютант Орлов, который заменил покойного попечителя Александра князя Ливена,

записал один свой разговор с царевичем. Александр откровенно признался Орлову, что "вовсе не желал бы царствовать и что единственное его желание было найти достойную подругу, которая украсила бы его семейный очаг и доставила бы ему то, что считает он высшим на земле счастием: счастие супруга и отца..."

Получив согласие родителей, Александр поспешил в Дармштадт. Он провел неделю в семье Вильгельмины-Марии, и молодые люди познакомились друг с другом ближе. Дармштадтская принцесса сразу влюбилась в своего очаровательного жениха. Ее не интересовала русская корона. Она всем сердцем полюбила Александра, который, несомненно, казался ей самым привлекательным и красивым принцем на свете. Впрочем, и она понравилась Александру, и он как-то сразу свыкся с мыслью, что именно она станет его будущей женой. Но принцесса была еще слишком молода для брака и даже для помолвки: ей еще не было и пятнадцати лет! И хотя Николай был согласен объявить помолвку сейчас же, императрица Александра хотела подождать, пока девушке исполнится пятнадцать. Итак, помолвку отложили. Александр писал родителям, что чувствует свое сердце, "исполненным светлых, радужных надежд..." Александр был искренен. Учитывая его чувственность, не следует сомневаться в его любви к юной принцессе Вильгельмине-Марии. Александр не был донжуаном. Многие годы он был верен своей жене. Вильгельмина-Мария родила Александру шестерых мальчиков и двух девочек, что свидетельствует о весьма счастливом браке. Но когда, преждевременно состарившись, может быть, именно от этих беременностей и родов, императрица Мария Александровна заболела в 1865 году туберкулезом, Александр вступил в интимную связь с княжной Екатериной Долгоруковой. Ему было тогда сорок семь лет, Екатерине лишь восемнадцать. Но она, по его уверению, стала на всю жизнь его "супругой перед Богом", и ей до самой смерти он никогда не изменял. Александр никогда не был ни извращенным, ни развратным человеком.

Но и это третье увлечение дармштадтской принцес-

сой, одобренное отцом, вдруг снова натолкнулось на почти непреодолимое препятствие: его мать, императрица Александра Феодоровна, оказалась противницей этого брака.

В уже упомянутой мною металлической шкатулке, найденной советскими историками в Зимнем дворце в 1923 году, содержится письмо Александра к отцу, подписанное "Саша". В этом письме от 1840 года он жалуется на несправедливое отношение матери к его будущей жене, добавляя, что не может понять, как его "столь добрая по природе мать, со своим ангельским сердцем, могла неожиданно переменить свое хорошее мнение о Дармштадте". Под "Дармштадтом" Александр, конечно, разумеет свою невесту Вильгельмину-Марию. Александр объясняет эту неожиданную перемену в отношении матери к его невесте "берлинскими влияниями", намекая на интриги своих прусских родных, поговаривавших о незаконном происхождении Вильгельмины-Марии.

Николай решительно стал на сторону сына. Государь писал Орлову: "Эти отвратительные слухи, распространяемые многими и прежде всего моим зятем (принцем Карлом Прусским — В.Н.), не перестают рисовать бедную Марию (как незаконнорожденную) и интриговать в связи с предстоящей свадьбой моего сына, называя этот брак "мезальянсом"... Эти интриги должны перестать немедленно..."

Впрочем, воле императора быстро покорилась и сама императрица. В своем письме от 12 июня 1840 года Александра Феодоровна писала Александру: "Папа позволит тебе в будущем году вернуться и посетить твою очаровательную Марию..." Интересно заметить, что в этом письме, вероятно, самим Александром густо черными чернилами зачеркнуты шесть строчек.

Итак, благодаря энергичному вмешательству самого императора, брак Александра с гессен-дармштадтской принцессой Вильгельминой-Марией был окончательно решен. Однако и на этот раз предполагаемая помолвка и будущая свадьба Александра опять чуть было не сорвалась.

Пока велись переговоры между Санкт-Петербургом

и Дармштадтом, Александр вернулся к своей первой возлюбленной — Ольге Калиновской. В переписке родителей Александра она названа лишь буквами "О" и "К".

"Что станет с Россией, — писала в своем дневнике Александра Феодоровна, — если человек, который будет царствовать над ней, не способен владеть собой и позволяет своим страстям командовать собой и даже не может им сопротивляться?"

Сам император был страшно огорчен и озадачен этим увлечением сына. "Саша, — писал он жене, — недостаточно серьезен, он склонен к разным удовольствиям, несмотря на мои советы и укоры..." В другом письме к жене, почти накануне приезда принцессы Вильгельмины-Марии, Николай писал: "Для меня моя империя выше всего на свете, и как бы я ни любил моих детей, родина для меня еще выше... Пример Петра Великого передо мной, и я не поколеблюсь..."

Николай и Александра страдали из-за "слабостей" сына. Были они людьми старого закала, воспитанными в нормах христианской морали и, конечно, не способными к компромиссу в вопросах нравственных. Александр не сдавался и, может быть, был даже намерен отказаться от престола в пользу своего брата Константина Николаевича.

Однако императрица сумела повлиять на Ольгу. Практичная полька совсем не хотела, несмотря на свою любовь к Александру, потерять статус придворной дамы и благоволение государя и государыни. Александра писала мужу: "Не допусти увольнения Ольги из дворца... Она боится, что ее увольнение еще более увеличит Сашину к ней любовь, потому что он сочтет, что она стала невольной его жертвой... Не думаешь ли ты, что ее обещания не встречаться с ним и сидеть под ключом у себя в комнате достаточно, пока Саша живет здесь?"

Николай выдал ее замуж за вдовца ее покойной сестры — богатейшего польского помещика Иринея Ожинского, и Александр прекратил свою связь с ней. Их старший сын впоследствии утверждал, что он был сыном Александра, хотя доказательств этому нет.

Александр некоторое время еще колебался между

своей страстной любовью к Ольге и предстоящим браком. Все же железная воля отца и увещания матери оказали на юношу желаемое воздействие... Наконец, в ночь с 4 на 5 марта Александр отправился в Дармштадт в сопровождении личного секретаря императрицы Шамбо, которому поручено было заключение всех юридических актов и совершение формальностей помолвки. По дороге царевич остановился на пять дней в Варшаве, затем два дня провел в Дрездене у саксонского короля и один день в Берлине, где навестил своего тяжелобольного деда, короля Фридриха-Вильгельма, и наконец, посетил в Веймаре свою тетку — великую княгиню Марию Павловну, которая по желанию Николая принимала столь деятельное участие в брачных переговорах. В начале апреля прибыл Александр в Дармштадт, где после коротких переговоров и подписания необходимых бумаг наконец состоялась официальная его помолвка с дармштадт-гессенской принцессой Вильгельминой-Марией. Счастливое известие это принес в Санкт-Петербург адъютант цесаревича, князь Барятинский.

Из Дармштадта Александр вернулся в Берлин, где присутствовал на торжествах открытия памятника Фридриху Великому вместе со своими родителями, прибывшими из России. В Пруссии они оставались до 26 мая, до самого дня смерти короля Фридриха-Вильгельма. Затем вместе посетили в Веймаре Марию Павловну. Отсюда Александр отправился в Дармштадт и со своей невестой, ее отцом и братом, гессенским принцем Александром, и другими ее родственниками 4 июня прибыл во Франкфурт-на-Майне, где их ожидали его родители. Император нанес первый визит своей будущей невестке в резиденции ее отца — Дармштадтском доме во Франкфурте. Затем принцесса Мария в сопровождении жениха посетила в "Hotel de Russie", фешенебельной гостинице, родителей своего жениха. Император встретил будущую невестку возле кареты и сам ввел ее по парадной лестнице в свои покои, где представил ее императрице. Александра встретила Марию очень тепло, обняла ее и расцеловала, как родная мать...

Затем император вернулся в Россию, а Александр с

невестой проводил императрицу в Эмс на лечение водами, и они вместе вернулись в Дармштадт. После этой семейной встречи, подробно описанной в дневнике Жуковского как очень счастливой и радостной, Александр, оставив невесту в Дармштадте, поспешил вернуться в Россию, где для совместного инспектирования войск в Западном крае его ожидал отец.

Вскоре Александр прибыл в живописный городок Фишбах, в Силезии, где в летней резиденции прусской королевской семьи среди своих родственников отдыхала императрица Александра Феодоровна, закончившая курс лечения в Эмсе. Она все еще была в глубоком трауре после смерти отца, прусского короля Фридриха-Вильгельма Третьего, ветерана союза России и Пруссии против Наполеона и личного друга Александра Первого... Накануне приезда Александра в Фишбах прибыла его невеста со своим братом, гессенским принцем Александром, очаровательным юношей, который, как и его сестра, слыл незаконнорожденным. Я уже упоминал об этих слухах, которые чуть не расстроили брак Александра. Их упорно распространяли братья императрицы Александры Феодоровны, может быть, из-за того, что у них была своя кандидатка в невесты наследнику русского престола. Однако после энергичного вмешательства самого Николая, эти интриги прекратились.

Впрочем, следует признать, что слухи эти имели основание: официальные родители Марии давно, задолго до ее рождения, перестали жить вместе. У ее отца была любовница, женщина из народа, на которой он женился впоследствии, после смерти жены... Мать Марии, герцогиня Вильгельмина, Баденская принцесса, родная сестра императрицы Елизаветы Алексеевны, жены Александра Первого, также жила своей жизнью, отдельно от мужа. Была у нее, как я уже упоминал, связь с очаровательным шталмейстером ее мужа, швейцарцем французского происхождения бароном Августом де Гранси. У герцога и герцогини после рождения их первых троих детей, десять лет не было нового потомства. Однако после прибытия в Дармштадт барона де Гранси герцогиня родила Марию и Александра... Это обстоятельство и

породило упорные слухи о ее связи с ним. Однако после официальной помолвки царевича никто более не противился его женитьбе, и принцесса Мария была весьма тепло принята братьями императрицы Александры.

Пробыв лишь два дня в Фишбахе, императрица с сыном, его нареченной и ее братом отбыли в Россию. В Ловиче, в Польше, 23 августа встретил их сам император. На другой день состоялся торжественный въезд невесты цесаревича в Варшаву. Ехала она с императрицей в роскошной золоченой карете, а император и царевич ехали рядом верхом. С ними ехал и брат Марии Александр. Он с пяти лет служил у отца в гессенской кавалерии и был прекрасным наездником. В Варшаве царская семья пробыла несколько дней, которые прошли в официальных приемах, балах и ужинах.

3 сентября царский поезд прибыл в Гатчину и после нескольких дней отдыха 8 сентября торжественно въехал в Санкт-Петербург. На площадях и улицах столицы шпалерами стояли гвардейские полки в парадной форме. При въезде в город митрополит Серафим и санкт-петербургский генерал-губернатор, окруженные членами правительства, сенаторами и придворными, в расшитых золотом мундирах и при орденах поднесли невесте наследника на золотом подносе хлеб и соль. И здесь Мария ехала с императрицей в золотой карете, а сам царь сопровождал их верхом на своем прекрасном жеребце. Александр командовал конвоем, в котором находился и брат невесты. Как только царская семья въехала в столицу, загремели пушки Петропавловской крепости и начался перезвон колоколов всех церквей города. Вечером столица была богато иллюминирована.

После нескольких месяцев руководства духовника царской семьи протопресвитера отца Василия Бажанова принцесса Мария была готова принять православную русскую веру. В своих мемуарах Бисмарк замечает, что все немецкие принцессы-лютеранки с необыкновенным рвением становились православными. Не была исключением и Мария. Она ревностно посещала церковные службы, соблюдая все обычаи русской церкви, учила наизусть русские молитвы... И вот 5 декабря 1840 года в

Большой церкви Зимнего дворца в присутствии всей царской семьи и двора принцесса Мария Гессен-Дармштадтская приняла таинство Миропомазания, которое совершил санкт-петербургский митрополит Серафим. С этого момента стала она великой княжной Марией Александровной.

На другой день праздновались именины царя и состоялось официальное обручение Марии с Александром по русскому обряду. Император сейчас же назначил придворный штат будущей цесаревны Марии Александровны: ее гофмейстериной была определена статс-дама княгиня Е.В. Салтыкова, а придворными дамами княжны Долгорукая и Дашкова, гофмаршалом ее двора был назначен В.Олсуфьев и шталмейстером граф И.Толстой.

Прошло еще несколько месяцев в подготовке к свадебным торжествам. Мария Александровна усиленно занималась русским языком и старалась приобщиться к русским обычаям. Свадьба состоялась лишь 16 апреля 1841 года, накануне дня рождения Александра, которому исполнялось двадцать три года. Марии же исполнилось семнадцать лет. Торжественное их бракосочетание состоялось в Большой церкви Зимнего дворца в присутствии императорской семьи, всего двора и членов правительства. Затем начались нескончаемые празднества, приемы, ужины, обеды и балы. 19 апреля состоялся парадный спектакль в Малом оперном театре, это был модный тогда балет "Флора и Зефир". Последовала целая серия балов — в Зимнем дворце, у великого князя Михаила Павловича, в Дворянском собрании и другие.

Затем Александр и Мария со всеми членами императорской семьи и двором отправились официально посетить древнюю русскую столицу. 14 мая состоялся торжественный въезд Александра и Марии в Москву. Сам император ввел Марию в древнюю русскую святыню — Успенский собор, где их встретил во главе московского духовенства митрополит Филарет, произнесший по этому поводу приветственное слово. Десятидневное посещение Москвы также было ознаменовано торжественными приемами, балами, посещением московских исторических памятников и кремлевских соборов. Закончи-

лись эти московские празднества двухдневным посещением Троице-Сергиевой лавры. Молодая великая княгиня за эти месяцы приобщилась к России, стала вполне русской.

Еще в 1840 году прибыла из Дармштадта бывшая гувернантка Марии Александровны мадемуазель де Гранси, которая сейчас же получила звание придворной дамы. Была она очень скромной женщиной, никогда не участвовала в дворцовых торжествах и все свое время посвящала Марии, лишь для которой она, казалось, жила.

В 1928 году в Москве были обнародованы весьма интересные секретные мемуары Анны Федоровны Тютчевой, дочери известного поэта Федора Тютчева, придворной дамы при дворе императоров Николая Первого и Александра Второго. Этот дневник вышел под заглавием "При дворе двух императоров" и представляет исключительный интерес для историка этой эпохи. Очень хорошо осведомленная, Анна Тютчева сообщает важнейшие подробности о характере и жизни великой княгини Марии Александровны. Так, об этой компаньонке Марии Тютчева пишет, что была она ее родной теткой, сестрой ее настоящего отца — барона Августа-Людвига Сенаркленс де Гранси, шталмейстера герцога Гессен-Дармштадтского и фаворита его супруги Вильгельмины... Анна Федоровна добавляет, что как сама принцесса Мария, так и ее младший брат Александр были его детьми. Любопытно, что в то время как старшие братья назывались принцами Гессенскими, Александр получил от герцога другой титул — принца Баттенбергского, по имени старинного замка, принадлежавшего его отцу, в котором в 18 веке жили Баттенбергские герцоги или графы, род которых прекратился.

Затем, со слов самой великой княгини, Тютчева описывает ее нерадостное детство. Мать ее умерла, когда ей было лишь двенадцать лет. Отец сразу после ее смерти женился на своей долголетней возлюбленной. Сама Мария воспитывалась своей гувернанткой мадемуазель де Гранси и жила с ней в маленьком замке, забытая и изолированная от света до самого своего замужества.

Императрица Мария Александровна – супруга императора Александра Второго (урожд. принцесса Вильгельмина-Мария Гессен-Дармштадская). Литография по портрету Винтерхальтера, сделанному в первые годы их брачного союза, когда она была еще великой княгиней.

Великая княгиня часто признавалась Тютчевой, что эта резкая перемена в ее жизни — превращение из всеми забытой скромной гессенской принцессы в русскую великую княгиню и супругу наследника престола громадной империи — была ей в тягость и что она со страхом вошла в эту новую свою жизнь.

"Великая Княгиня Мария Александровна, — пишет Тютчева о невесте наследника, — чувствовала себя совсем одинокой среди русского двора и чуждых ей придворных... И ночью, когда она оставалась одна у себя в комнате, плакала вдоволь... Под утро, чтобы скрыть от посторонних свои красные от слез глаза и несколько освежиться, она открывала окно. Однако чрезмерная свежесть влажного санкт-петербургского воздуха простудила ее: она рано заболела грудной болезнью, которая впоследствии свела ее в могилу..."

Затем Тютчева дает описание Марии Александровны: "Новая Великая Княгиня не делает впечатление "belle-femme" (французское выражение, означающее не "красавицу", а роскошную, пышную женщину — В.Н.) — слишком была она высокой, худощавой, хрупкой на вид... Но в то же время была она исключительно элегантной, напоминала изящные фигуры немецких женщин, изображенных на старинных гравюрах... И хотя черты ее лица не были классическими, волосы ее, нежная кожа, ее большие голубые глаза были действительно прекрасными... Не был классическим и ее профиль, и ее нос, рот ее был слишком тонким, с губами слишком прижатыми одна к другой... Вообще, выражение ее лица было всегда невозмутимо спокойным и нельзя было на нем прочесть ни внутреннее возбуждение, ни видимое воодушевление. Улыбка ее, немного ироническая, странно контрастировала с выражением глаз..." И Тютчева заключает: "...Я настаиваю на всех эти подробностях, потому что редко можно встретить более характерное лицо, на котором отражались бы столь различные контрасты и нюансы, свидетельствующие, несомненно, об очень комплицированном "я"...

Как уже отмечалось, брат Марии Александр произвел на императора самое приятное впечатление: очень

красивый и статный, этот пятнадцатилетний мальчик, которому на вид можно было легко дать лет восемнадцать, был по-немецки подтянутым и весьма исполнительным офицером, превосходным кавалеристом. Все эти качества импонировали Николаю, и он явно покровительствовал молодому шурину своего сына. Еще в 1840 году, по прибытии принца в Россию, император назначил его ротмистром гвардии. После помолвки его сестры Николай дал ему чин полковника, а в 1843 году он уже был генерал-майором кавалерии. Одновременно император отличил его самыми первостепенными русскими орденами. Следует отметить, что он вполне оправдывал царское к нему благоволение: в это время русские воевали с горцами на Кавказе, неся жестокие потери. Принц Александр рвался на войну, и император назначил его командующим кавалерией в армии генерала князя Воронцова, который руководил тогда действиями против горцев. В 1845 году принц Александр особенно отличился в штурме крепостей Анди и Дарго, командуя кавалерией. Стяжав славу бравого командира и храброго вояки, восемнадцатилетний герой вернулся в Санкт-Петербург и счастливо зажил при дворе.

Русский двор при Николае был весьма строг в вопросах морали. Сам Николай всю жизнь, в противоположность многим своим предшественникам, был верен своей горячо любимой жене и задавал тон в этом отношении своему двору. Как известно, при русском дворе было много молодых придворных дам — фрейлин. Обыкновенно это были дочери заслуженных, но небогатых дворян, в большинстве своем офицеров. Эти девушки оканчивали с успехом Смольный институт в Санкт-Петербурге или Екатерининский институт в Москве. Имели они весьма привилегированное положение, жили за счет казны и даже получали денежные пособия для своих родителей и братьев. Но были они своего рода весталками: фрейлинами императрицы могли быть только незамужние. Как только они решались выйти замуж, они теряли свое положение, оклады и привилегии.

При Александре Феодоровне была фрейлиной поль-

ка Юлия фон Гауке, дочь польского генерала и бывшего польского военного министра Морица фон Гауке, перешедшего на сторону русских и ставшего верным проводником польской политики Николая, подобно отцу Ольги Калиновской. Родилась Юлия в 1825 году и, окончив Смольный институт, стала фрейлиной императрицы. Отец ее был полунемцем, полуполяком и немецкий язык был для нее родным, что сближало ее с императрицей.

Увидев молодого гессенского принца, Юлия без памяти в него влюбилась, и ей удалось соблазнить юношу, который был моложе ее на три года. Когда это стало известно императрице, Николай, боясь дурного примера для царевича, немедленно уволил принца Александра с русской службы и выслал его вместе с его соблазнительницей в Германию. Однако Николай назначил принцу приличный оклад, который обеспечивал его существование, равно как и жизнь бывшей фрейлины Юлии фон Гауке. Николай поставил им одно условие: немедленный брак. Было это в 1851 году. Все эти события описаны в дневнике Анны Тютчевой.

Однако приведу и мнение историка и биографа семейства Маунтбаттенов Е. Кокриджа, который утверждает на основании данных, найденных в архиве графов Хартенау (это имя нередко принимали Баттенбергские принцы), что причина высылки принца Александра из России была совсем другая: в него влюбилась младшая дочь императора, великая княгиня Ольга Николаевна, родители которой сочли мезальянс, допустимый для сына, слишком унизительным для дочери. Для нее они хотели в мужья кого-либо из европейских королей...

Остановился я на романе гессенского принца Александра с Юлией фон Гауке потому, что от этого брака пошли не только будущие английские Маунтбаттены, но и болгарский королевский дом — князя Александра Баттенберга после освобождения Болгарии от турецкого ига Александр Второй посадил на болгарский престол.

Заключив брачный союз, Александр и Юлия получили от Гессен-Дармштадтского герцога титул графа и графини Баттенберг, который впоследствии был заменен

Принц Александр – брат императрицы Марии Александровны, и его любовница полька графиня Юлия Гауке, фрейлина при дворе Николая Первого. Первый болгарский князь, Александр Баттембергский, – их сын. Вследствие своего морганатического брака оба получили титул принца и принцессы Баттембергских. Впоследствии часть их потомков, переселившись в Англию, изменили свою фамилию на английский лад и стали носить титул герцогов Маунбаттенских. Редчайшая фотография, сделанная во время их жизни в Вене.

титулом светлейшего князя и княгини Баттенберг и принадлежал всем их детям.

Принц Александр Баттенбергский и его жена, урожденная Юлия-Тереза фон Гауке, в сущности являются родоначальниками английского аристократического рода Маунтбаттенов, находящегося в близком родстве с английским королевским домом. Их дети, бывшие на английской военной службе во время Первой мировой войны, по требованию короля Георга Пятого перевели свою немецкую фамилию на английский язык и стали Маунтбаттенами.

Отмечу, что теперешний принц-консорт, муж королевы Елизаветы Второй — Филипп, герцог Эдинбургский, также потомок принца Александра и Юлии фон Гауке и носит фамилию Маунтбаттен.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ

Глава одиннадцатая

СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ — 1841-1851

Со вступлением в супружество великий князь Александр Николаевич из юноши превратился во взрослого человека. Никто больше даже мысленно не называл его Сашей: он стал цесаревичем Александром Николаевичем. Это десятилетие было для него наполнено безмятежным семейным счастьем. Обычный интимный кружок Александра и Марии до самого их воцарения составляли люди, входившие в их свиту. "Молодым двором", как его тогда называли, управлял гофмаршал Олсуфьев, гофмейстериной цесаревны была статс-дама княгиня Салтыкова. Канцелярией цесаревича заведовал его адъютант Юрьевич, вплоть до 1848 года, когда император назначил его своим генерал-адъютантом и его заменил при Александре граф Адлерберг. Шталмейстером при нем оставался граф И.Толстой, адъютантами — уже бывшие при нем Барятинский, Граве, Назимов, его сверстники и соученики граф Виельгорский, Паткуль. Секретарем цесаревны был Лабенский. Из прежних учителей Жуковский все еще числился при нем, хотя жил больше за границей, и состарившийся бывший его учитель французского языка швейцарец Жилль продолжал служить в качестве библиотекаря.

Все они как бы входили в семью цесаревича и собирались запросто в апартаментах молодой четы ежедневно, зимою — в Зимнем дворце, летом — в царскосельском Александровском дворце или так называемой "Петергофской ферме", где соблюдался лишь минимальный дворцовый протокол. По свидетельству современников, русских и иностранцев, всюду там царили непринужденность и веселье: августейшие хозяева очаровывали гостей своей приветливостью и сердечным вниманием. Все

члены двора обожали цесаревича и цесаревну и чувствовали себя членами их семьи. Занимались они чтением современных русских и иностранных книг, которые совместно обсуждались, музыкой, играли в вист, модную тогда карточную игру, или просто вели веселые дружеские разговоры, обедая и ужиная за великокняжеским столом.

Брак Александра и Марии в эти годы был очень счастливым. Один за другим рождались дети, появление которых подтверждало их обоюдное счастье, пока Мария Александровна, изнуренная столь частыми родами, не заболела чахоткой в тяжелой форме и более не могла выполнять свои супружеские обязанности.

В эти же молодые полные счастья годы никто не мог предвидеть роковую болезнь и сравнительно раннюю смерть Марии Александровны. Однако первая их дочь — Александра — умерла еще в детском возрасте, причинив своим молодым родителям первое тяжкое горе. Затем в 1843 году родился их старший сын Николай, в 1845 году — Александр (будущий император Александр Третий), за ними последовали Владимир, Алексей и дочь Мария. Позднее, после воцарения Александра и Марии, у них родились еще два мальчика — Сергей и Павел. Последний их ребенок родился в 1860 году, когда Марии Александровне было тридцать шесть лет. Но была она тогда уже совсем больной. (Один современник, приближенный к ней при дворе, описывает ее страшно похудевшей, превратившейся в настоящий скелет, с болезненно бледной кожей, скрытой толстым слоем пудры и помады.)

С большой любовью и заботливостью относились молодые родители к своим детям. Император Николай сам был неизменно крестным отцом всех своих внуков, детей старшего сына. Уход за ними был возложен на трех англичанок — Юз, Ишервуд и Стуттон. Позднее воспитателем к ним был назначен генерал-майор Зиновьев с двумя помощниками — полковниками Гоголем и Казнаковым. Мальчики с раннего возраста учились вместе с воспитанниками Первого кадетского корпуса, который в юности посещал их отец.

Обычное летнее пребывание Александра с супругой и детьми в Царском Селе и Петергофе иногда прерывалось путешествиями в Европу. Так, поздней осенью 1843 года (с 9 ноября по 30 декабря) посетили они родственные дворы в Берлине, Веймаре и Дармштадте. В следующем году весною — с начала марта до половины апреля — жили они в Дармштадте в семье Марии Александровны. В 1846 и 1847 годах они побывали в Вене, Дармштадте, на водах в Киссингене и в Штутгарте, в гостях у великой княгини Ольги Николаевны. Их совместная жизнь была счастливой.

Как и у большинства людей, женитьба в сущности была концом счастливой юности Александра и вступлением в зрелые годы. В самый день бракосочетания — 16 апреля 1841 года — Николай назначил сына членом Государственного Совета, и в течение следующих двух лет он стал членом Совета министров, Финансового комитета, Кавказского комитета и прочих высших правительственных учреждений империи. Кроме того, император назначил его председателем Секретного комитета улучшения участи крепостных крестьян. Этот пост, который он занял в 1848 году, в сущности был уже ключевой позицией управления империей. Задачи этого Комитета заключались прежде всего в надзоре за помещиками, "чтобы они не превышали власти, предоставленной им законом", и в ограждении, согласно новому гражданскому уложению, движимого имущества крестьян от несправедливых притязаний помещиков. Кроме того, Комитет этот занимался фактически постепенным упразднением крепостного права, ослабляя его различными мерами, например, такой мерой было определение повинностей крестьян и предоставление крепостным крестьянам права жаловаться на помещиков. Все эти начинания исходили от самого Александра и представляли коренную перемену в самой системе самодержавия в пользу крепостных крестьян. Влияние Александра на отца, видимо, росло, и Николай, учитывая способности и настроения сына, все более и более наделял Александра реальной властью в управлении империей. Отправляясь в инспекционную поездку по югу и западу России в 1842 году на целый

месяц, Николай оставил своим заместителем сына, дав ему все полномочия решать дела Совета министров и Государственного Совета, равно как и дела всех министерств и главных управлений империи по своему усмотрению. Впоследствии, отправляясь на целые месяцы за границу, император оставлял Александра своим полноправным заместителем.

Наблюдательный английский посол в Санкт-Петербурге лорд Кланрикард еще в мае 1841 года, вернувшись в Лондон, докладывал в министерстве иностранных дел, что "в России как будто правят два императора".

Возвратясь на родину после своей длительной поездки в Италию, сам Николай отправил сыну 1 января 1846 года знаменательное приветствие: "Отъезжая за границу для сопутствования государыне императрице, родительнице вашей, поручил я вам управление большого числа дел государственных в том полном убеждении, что вы, постигая мою цель, мое к вам доверие, покажете России, что вы достойны вашего высокого звания. Возвратившись ныне... удостоверился, что надежды мои увенчались к утешению родительского моего нежно вас любящего сердца..."

Александр не пренебрегал и своими военными занятиями, постепенно исполняя все начальственные должности по разным родам войск. Так в 1841 и 1842 годах он производил по поручению Николая смотры и военные инспекции во всех концах империи. Выражая сыну полное свое удовлетворение и в этой области, император назначил его генерал-адъютантом уже в 1843 году, а в 1846 году произвел его в полные генералы.

Интересно отметить, что столь бурный во всех странах Западной Европы 1848 год, заливший кровью восстаний и Францию, и всю Италию, и всю Австрийскую империю, прошел для России вполне спокойно. Все же, наблюдая за всем тем, что происходило на Западе, Александр считал, что в России необходимо принять известные меры, чтобы прекратить революционные настроения в среде студенчества, которое в то время было, может быть, единственным носителем этих настроений. Он

писал своему бывшему адъютанту генералу Назимову по поводу назначения того попечителем Московского учебного округа на место подавшего в отставку графа С.Г. Строганова: "В наше время, когда молодежь воображает, что она умнее всех и что все должно делаться, как ей хочется, чему, к несчастью, мы видим столько примеров за границею; при этом и сами гг. профессора — команда нелегкая: надзор за ними, и самый бдительный, необходим..."

Управлять Россией, конечно, было совсем не легким делом, и Александр прекрасно сознавал все эти трудности. В том же 1848 году разразилась в Санкт-Петербурге страшная эпидемия азиатской холеры, которая особенно свирепствовала в войсках, размещенных в столице и ее окрестностях. Все срочные меры по борьбе с эпидемией и установлению карантина осуществлял цесаревич Александр, который постепенно становился настоящим руководителем внутренней политики страны.

Весной следующего, 1849 года Александр с супругой сопровождал царицу и царя в Москву на торжественное открытие вновь отстроенного Большого кремлевского дворца. Однако цесаревич со своей супругой поспешили вернуться домой, где тяжело заболела их старшая дочь Александра. Девочка умерла в июне этого же года, причинив своим молодым родителям страшное горе. Эта смерть первого ребенка так сильно подействовала на цесаревну, что ее здоровье сильно расстроилось. По совету врачей Александр отвез жену с детьми в Ревель на морские купанья и солнечные ванны. Уже тогда выявилось предрасположение Марии Александровны и ее старшего сына, будущего наследника престола Николая к грудному заболеванию.

Однако сам Александр не мог более недели оставаться с ними, отец спешно вызвал его в Варшаву, откуда Николай руководил походом своей армии, которая перешла Карпаты для усмирения венгерского восстания. Только что восшедший на австрийский престол император Франц-Иосиф не смог справиться с восстанием венгров в апреле 1849 года и обратился к русскому царю за помощью. Николай немедленно послал русские войска в

Красная площадь. 50-е годы 19 в. С литографии 2-й половины 19 в.

Венгрию, где повстанцы, предводимые Гергеем, сдались в июле русскому главнокомандующему князю Варшавскому. 2 августа Александр прибыл в Вену, чтобы поздравить от имени царя молодого австрийского императора Франца-Иосифа с подавлением венгерского восстания. Известно, что Александр настоял на помиловании мятежных венгерских генералов, сдавшихся русским войскам. Австрийский император с величайшим вниманием отнесся к заступничеству Александра, даровав жизнь вождю венгров Гергею. Он принял цесаревича с императорскими почестями и даже назначил его шефом одного из австрийских придворных полков.

Возвратившись из Вены, Александр узнал о кончине своего дяди, великого князя Михаила Павловича, умершего от холеры. Император сразу назначил Александра на все должности, раньше исполняемые Михаилом Павловичем.

Весной 1850 года Александр сопутствовал отцу в его поездке по Западному краю и по Царству Польскому для инспекции всех войск и крепостей, расположенных в этих краях. Цесаревич усиленно работал и даже вместо летнего отдыха должен был руководить лагерными сборами кадет в Петергофе и гвардии в Красном Селе. Осенью, после посещения кадетских корпусов в Полоцке, Бресте и Полтаве, состоялись смотры Четвертого пехотного корпуса в Луцке и Второй резервной кавалерийской дивизии в Елисаветграде. После этого он предпринял путешествие на Кавказ и в Закавказье: из Севастополя на пароходе "Владимир" Александр приплыл в Тамань, откуда через Екатеринодар, Ставрополь, Кисловодск, Пятигорск и Большую Кабарду прибыл во Владикавказ.

На самой границе Кавказа встретил цесаревича наместник — князь Воронцов. Въезд Александра в Тифлис был триумфальным: все население города высыпало ему навстречу, размахивая зелеными ветками и русскими флажками. Почетная стража из двухсот всадников, принадлежавших к знатнейшим местным княжеским родам, окружала цесаревича. На другой день, 26 сентября, Александр принял экзарха Грузии и персидского прин-

ца Бехменн-Мирзу, представителей военной и гражданской власти. Потом посетил он и подробно осмотрел военные и гражданские учебные заведения, больницы, институт благородных девиц и строившийся театр. На торжественном обеде у наместника Кавказа Воронцова в ответ на произнесенный тем тост за здоровье императора и царской семьи, Александр поднял кубок за "храбрых воинов Кавказа". Сыновья самых знатных семейств Грузии исполнили национальные грузинские танцы, которыми открылся торжественный бал в честь цесаревича. Адъютант князя Воронцова, принц Эмиль Витгенштейн в своем дневнике описал этот бал, данный в честь Александра грузинским дворянством, сравнивая его со сценой из "Тысячи и одной ночи" по ослепительному великолепию и царственной роскоши, свойственной лишь Азии. Таким же великолепным был данный на другой день бал местного купечества, которым закончился торжественный прием цесаревича в Тифлисе. В Эчмиадзине встретил Александра армянский патриарх и посол персидского шаха Азиз-хан.

26 октября произошел любопытный инцидент при Воздвиженской крепости, когда цесаревич со своей свитой отправился в Ачхай под прикрытием отряда пехоты, нескольких сотен казаков и артиллерийских частей, а также в сопровождении местной полиции и толпы мирных чеченцев. По своему обыкновению, Александр ехал верхом во главе авангарда. Между реками Рошня и Валерик он заметил на равнине под Черными горами дружину неприятелей-чеченцев, которые выстрелили в него, по счастью, никого не ранив. Александр, пришпорив коня, с присущей ему храбростью бросился за ними, увлекая за собой всю свиту генералов, офицеров и солдат. Чеченцы бросились бежать врассыпную. В своем докладе императору наместник Кавказа описывает невероятную храбрость цесаревича, прибавляя, что он не мог "без страха видеть, с какой быстротой и смелостью Цесаревич бросился за цепь, на большое расстояние от дороги, через перелесье, тем более, что не все из его окружения могли поспеть за его кровным конем". Император принял во внимание рапорт князя Воронцова и за учас-

тие Александра в бою против чеченцев пожаловал ему Георгиевский крест.

Глава двенадцатая

ТУЧИ НАД РОССИЕЙ

Вскоре после возвращения с Кавказа Александру пришлось лично участвовать в решении важного государственного вопроса. По инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева капитан Невельский, маневрируя летом 1850 года в заливе Счастья, не только заложил на одном из островов этого залива крепость, названную им "Петровское зимовье", но в 25 верстах от самого устья Амура основал "Николаевский пост" и поднял над этой новой крепостью русский флаг, взяв под свое покровительство местных жителей. Муравьев считал весьма важной для России эту только что завоеванную территорию и сам прибыл в Петербург, чтобы получить императорское соизволение на эту свою инициативу. Но в Комитете министров государственный канцлер граф Нессельроде, к которому присоединились военный министр князь Чернышев, министр внутренних дел граф Перовский, министр финансов Вронченко и некоторые другие влиятельные лица, отклонили это предложение Муравьева и высказались против присоединения к России территорий в устье Амура, чтобы избежать столкновения с Китаем. Они, конечно, учитывали возрастающие антирусские настроения в Западной Европе, которая с беспокойством следила за военным продвижением России в Азии... Муравьев, однако, объяснял свои действия необходимостью предупредить захват этих важных стратегических пунктов англичанами.

Император Николай, ознакомившись с доводами Муравьева, отменил решение Комитета министров и назначил новое обсуждение этого вопроса, но под председательством цесаревича Александра, который, ознако-

мившись с тайным докладом Муравьева, решительно стал на его сторону и сумел увлечь за собой большинство министров и губернаторов, членов Комитета. Так, благодаря личному вмешательству Александра, было положено начало владычеству России в обширном Приамурском крае, окончательно присоединенном к империи семь лет спустя, уже в царствование самого Александра. Влияние цесаревича росло с каждым днем, и император, как докладывали послы западных стран, все более и более перекладывал на плечи сына управление империей. В начале 1852 года Александр по желанию отца предпринял длительные поездки по России для ревизии учреждений, как военных, так и административных.

В России в эти последние годы царствования Николая Первого было относительно спокойно. Единственным исключением было тайное революционное общество петрашевцев, созданное под несомненным влиянием событий 1848 года в Западной Европе. Это была немногочисленная группа молодых интеллигентов, в их числе был и Федор Михайлович Достоевский, который уже успел в те годы издать первые свои сочинения. В 1847 году Достоевский читал на собрании кружка знаменитое письмо Белинского к Гоголю, пламенный протест против крепостничества, и лично участвовал в попытке петрашевцев организовать тайную типографию. Вместе с другими членами кружка Достоевский был арестован 23 апреля 1849 года и после восьмимесячного заключения в Петропавловской крепости был выведен вместе с остальными участниками 22 декабря на Семеновскую площадь в Петербурге на смертную казнь, которая по решению суда была лишь инсценировкой. Вывели всех осужденных, первой группе завязали глаза и поставили к столбам для расстрела. Однако тут же был прочитан указ императора, по которому смертная казнь заменялась каторжной тюрьмой... Полагаю, что эта снисходительность Николая, скорее всего, была результатом влияния Александра.

Новость о свержении короля Луи-Филиппа в Париже произвела на императора самое удручающее впечатление. Ожидая и страстно желая падения этого француз-

ского короля, Николай был убежден, что во Франции будет восстановлена династия Бурбонов и что внук Карла Десятого — граф Парижский — взойдет на французский престол. Однако в Париже была провозглашена республика.

Секретная депеша русского посла от 25 февраля 1848 года была получена на следующий день: барон Корф, который тогда был государственным секретарем, счел это сообщение столь важным, что лично поспешил передать депешу царю во время бала в Зимнем дворце. Николай, сильно взволнованный, остановил танцы и музыку и, обращаясь к гвардейским офицерам, присутствовавшим на балу, сказал им: "Седлайте коней, господа, во Франции только что объявлена республика..." Впервые члены двора и иностранные послы заметили, что царь потерял контроль над собой и более не мог сдерживать свои расходившиеся нервы. Он велел остановить бал — это был последний бал перед началом Великого Поста — удалился с Корфом в свой кабинет, где всю ночь обсуждал положение и диктовал послания союзникам.

Николай тут же собственноручно написал приказ по армии на имя военного министра князя Чернышева: "В Западной Европе, — писал Николай, — произошли события, которые указывают на преступные намерения лишить власти законных государей. Соглашения и договоры, которые связывают Россию с ее соседями, принуждают нас исполнить священный наш долг, принять необходимые меры и немедленно привести нашу армию в боевую готовность, так что если условия принудят нас, сможем мы проявить необходимое сильное сопротивление и остановить разрушительный поток анархии..." Приказ этот был отпечатан на следующий день и расклеен на всех главных улицах и площадях столицы.

Но и этот приказ показался царю недостаточным. Николай одновременно издал манифест, в котором, обращаясь к русскому народу, он говорил между прочим: "Сегодня революционная дерзость, не зная границ, осмеливается даже застращать Россию, судьбины которой Бог вручил нам. Следуя примеру наших предшествен-

ников и будучи верны нашей Православной вере, мы, взывая к помощи Всемогущего Бога, будем непоколебимы против врагов наших, откуда бы они ни напали на нас. Мы будем защищать славное имя России и неприкосновенность наших границ. Мы уверены, что каждый русский, каждый наш подданный постоит за наш древний победный клич: "За веру, царя и отечество!" Теперь, как и тогда, он поведет нас к победе. И сегодня, как всегда, с сердцем, исполненным благочестивой благодарностью к Всевышнему, со святым упованием на Него, воскликнем все мы: "С нами Бог, и разумеете языцы и покоритеся, яко с нами Бог..."

Известно, что это не были только пожелания и слова, мы уже видели, что в самый разгар революции в Австрии, когда Венгрия восстала против только что восшедшего на престол юного императора Франца-Иосифа, Николай не поколебался послать свою армию ему в помощь и разгромить восстание венгров. Впрочем, царь предлагал свою помощь всем государям Запада против прокатившейся в 1848 году по всей Европе революционной волны. Николай верил в свою мощь и был искренне убежден, что сам Бог возложил на него миссию оборонять троны от всех революций и мятежей, исполняя апостольский завет: "Несть же власть, аще не от Бога". У себя в России правил он железной рукой, лично возглавляя защиту тронов и алтарей во всем мире.

В эти годы всюду на Западе шло брожение умов, вспыхивали мятежи и восстания. И конечно, все европейские либералы, демократы и радикалы всех мастей, вплоть до приверженцев Маркса и Энгельса, обнародовавших в 1848 году в Лондоне знаменитый "Коммунистический манифест", смотрели на русского царя как на оплот мировой реакции и всеми силами проповедовали ненависть к Николаю, России и Православной Церкви, а вслед за этим — и ко всему русскому. Эта русофобия укоренилась в сознании европейцев и докатилась до Америки. Весьма странно, что это чувство, вызванное экстремизмом Николая Первого, нередко теперь проявляется в связи с советским экстремизмом.

Николай Первый был столпом мировой реакции и

Император Николай Первый (1796–1855)
Современная официальная гравюра. До последних лет своей жизни император Николай Павлович сохранил физическую красоту, которая так импонировала королеве Виктории, несмотря на холодное, отчужденное выражение лица.

олицетворением абсолютной монархии не только в России, но и на Западе. Но он не был ни ограниченным глупцом, ни садистом, ни развратником, каким его рисуют советские историки. Он был хорошим семьянином и

высоконравственным человеком. При этом он был настоящим русским патриотом, проникнутым пламенной любовью к России: вся его внешняя политика была направлена на создание сильной и великой России, как это до него понимали Петр Первый и Екатерина Вторая, а также и его старший брат Александр Первый, освободитель Европы от Наполеона. Конечно, не имея ни ума своего сына Александра, ни его блестящего образования, он делал немало ошибок, самой существенной из которых была затеянная им в 1853 г. война с Турцией, которая превратилась в общеевропейскую войну против России. И все же вел он эту войну далеко не так бездарно, как об этом пишут советские историки. Николай и его помощники хорошо понимали, что англичане и французы хотели заставить их сосредоточить все русские силы в Крыму, чтобы противостоять интервентам. Советские историки как раз считают, что он должен был бросить все свои силы именно на этот участок. Но Николай сделал бы роковую ошибку, если бы пошел в эту западню, потому что интервенты тотчас бы атаковали Петербург и совершили несколько десантных операций на севере и востоке. Это неизбежно привело бы Россию к капитуляции и позволило бы англичанам и французам расчленить всю империю, отняв у нее Крым, Финляндию, Польшу. Они так и собирались поступить, если бы их план удался. Кровопролитными и долгими были бои за Севастополь, в которых не только русские, но и их противники терпели огромные потери (взятие Севастополя стоило им 70 тысяч жертв). Военная стратегия Николая и его военачальников спасла Россию от капитуляции и позволила Александру заключить впоследствии не столь уж тяжелый для страны мирный договор. Этому способствовал и французский император Наполеон Третий, который понес громадные потери и был вынужден согласиться на мир и заставить Англию также окончить эту войну, не выставляя особенно унизительных для России условий мира.

Однако война эта все же была несвоевременной: Россия в этот момент не была к ней готова по экономическим причинам. Крепостное право было существенной

помехой прежде всего для развития земледелия, из-за него огромные, плохо обрабатываемые крепостными крестьянами помещичьи земли давали низкие урожаи.

Кроме того, Россия в те годы все еще была весьма отсталой в промышленном отношении страной. По этим причинам ее финансовые возможности были весьма ограничены. У нее не было необходимых средств на хорошее вооружение и снабжение армии. Противостоять общему фронту великих западных держав, и прежде всего Англии и Франции, она не могла. Все это великолепно понимал Александр, который не раз говорил об этом с отцом. Он был против этой войны и советовал отцу воздержаться от ультиматума Турции, будучи уверенным, что русско-турецкий конфликт неминуемо перерастет в общеевропейскую войну. Но Александр, с детства воспитанный в почтении к отцу-государю, покладистый и мягкий, не мог противоречить императору и отстаивать свое мнение перед ним.

Он также относился с большим уважением к митрополиту Филарету, которого почитал как выдающегося первоиерарха русской церкви, несмотря на то, что его реакционные убеждения и крайний мистицизм были чужды Александру. Весьма знаменательно, что, став царем, Александр именно этому противнику всех прогрессивных реформ в России поручил составить манифест об отмене крепостничества.

Кроме того, Александр учитывал, что постоянным противником его политических взглядов был его младший брат — великий князь Константин Николаевич, болезненно переживавший превосходство Александра и его положение наследника престола. Константин всеми силами поддерживал царя, зная его настроения и великодержавные замыслы, чтобы этим ослабить доверие и привязанность больного отца к старшему брату.

Вообще, основной слабостью Александра как политической фигуры, в том числе и в его отношениях с отцом, было то, что человеческие проблемы всю жизнь были для него важнее государственных. В этом была его слабость, но и его превосходство: был он прежде всего добрым и благородным человеком, и часто сердце у него

брало верх над умом. К сожалению, для человека, предназначенного судьбой быть властителем России, это являлось скорее недостатком.

Именно из-за этой черты своего характера Александр не смог предотвратить неудачную войну, которая, несомненно, ускорила смерть императора Николая.

Наблюдательная английская королева Виктория записала в 1844 году в своем дневнике: "Царь Николай — человек строгий и непреклонный, с весьма твердыми понятиями относительно своих обязанностей, и я думаю, ничего на свете не может заставить его измениться; я не считаю, что он очень умен и что вообще мозг его — это мозг современного культурного человека: его образованием пренебрегли, и лишь политика и военные заботы представляют для него большой интерес. К искусству, как и к другим менее существенным областям, он остается безразличным, но я полагаю, он искренен даже в самых своих деспотических действиях, в том смысле, что он искренне убежден, что именно так единственно можно управлять людьми...

Однако я уверена, что он не осведомлен и даже не дает себе отчета в тех человеческих страданиях, которые он так часто причиняет своим подданным. Я вижу, что во многих случаях его держат в полном неведении о многих страданиях, причиненных его подданным явными несправедливостями, хотя сам он убежден, что поступает по отношению к ним справедливо. И как может быть иначе, когда ничего не доходит до его ушей?

Я должна признать, впрочем, что он слишком откровенен здесь, у нас, говорит с людьми открыто и даже несдержанно, чего, конечно, у нас не следует делать. У него страстное желание, чтобы люди верили всему, что он говорит, и что касается меня, я должна признать, что допускаю, что он говорит правду... У него сильные чувства, однако он сильно расположен к очень немногим людям. Он несчастен, и эта меланхолия явно отражается в его поведении, что заставляет меня жалеть его. Хотя теперь он уже лысый, но в своей кавалергардской форме все еще великолепен и привлекателен..."

Это довольно верная характеристика Николая. Од-

нако Виктория ошибается, когда пишет, что царь безразличен к искусству и ко всему, кроме политики и военных дел. Современные источники, особенно русские свидетельства, информируют, что Николай весьма щедро покровительствовал русским и иностранным художникам, ученым, архитекторам и писателям. Он предоставил крупные денежные субсидии таким корифеям русской литературы, как Гоголь и Пушкин, произведения которых сам читал и даже был их цензором, впрочем, не всегда снисходительным. Известно, что он спас от произвола цензоров "Ревизора" Гоголя и не только разрешил его представление на сцене, но и сам присутствовал на премьере, искренне смеялся и аплодировал больше всех.

Николай спасал Пушкина от преследований со стороны шефа жандармов Бенкендорфа, от наветов Булгарина и даже Филарета. Но царь, конечно, не колебался иногда с излишней строгостью запрещать те сочинения Пушкина, которые он находил опасными для читателей. Беспристрастный историк не может умолчать, что именно Николай спас Пушкина от процесса, который готовил ему Бенкендорф, когда было установлено его авторство богохульной "Гаврилиады". Пушкин, как известно, чистосердечно признался царю в своем авторстве. Резолюция царя на докладе директора полиции гласила: "Мне известны обстоятельства. Прекратите следствие..."

Все это доказывает, что император Николай Первый совсем не был посредственным и ограниченным деспотом, каким его представляют советские историки. Однако то, что он так легко пошел на войну с Турцией и на риск общеевропейской войны, указывает на болезненное в этот момент состояние царя и на развитие у него наследственного психического недуга. Впрочем, уже в 1849 году вызванные в Петербург на консультацию английские врачи сэр Генри и д-р Гренвилль доносили в Лондон, что "русский царь страдает психическим сверхвозбуждением", добавляя, что у него "весьма развитая подагра и частые рожистые воспаления, которые, несомненно, отражаются на его психике..."

В 1852 году психическое недомогание Николая зна-

чительно прогрессировало во время его пребывания на курорте Эмсе, где по предписанию своих врачей царь принимал минеральные ванны; приставленные к нему австрийские агенты докладывали в своих секретных рапортах, что "русский царь выглядит чрезвычайно рассеянным, во время прогулок разговаривает сам с собой..." Все эти наблюдения врачей и донесения агентов доходили до иностранных правительств, и вскоре руководители западных держав, особенно в Лондоне и Париже, решили, что наступило время, когда возможно, используя болезненное состояние русского царя, втянуть его в войну и нанести решительный удар по престижу России. Тайные переговоры Франции и Англии, материалы о которых сохранились в дипломатических архивах этих двух стран, свидетельствуют об их соглашении после ожидаемой победы расчленить Россию, отняв у нее Крым, Бессарабию, Финляндию, Польшу, Прибалтику и проч.

Глава тринадцатая

КРЫМСКАЯ ВОЙНА

В конце 1852 года в Иерусалиме снова разгорелся старый спор между греческими архимандритами под юрисдикцией иерусалимского патриарха и католическими миссионерами под юрисдикцией папского легата. Последние находились под протекторатом объявившего себя 2 декабря этого же года французским императором Наполеоном Третьим принца Луи-Наполеона Бонапарта, правившего Францией с декабря 1841 года. Будучи племянником Наполеона Первого, он взошел на французский престол при поддержке французских католиков после кратковременной Второй республики, просуществовавшей менее трех лет со дня падения короля Луи-Филиппа в 1848 году.

По личному ходатайству Папы Пия Девятого, вос-

шедшего на престол святого Петра в 1846 году при поддержке Франции, Наполеон Третий начал оказывать покровительство католическим миссионерам в Оттоманской империи и потребовал от султана передачи в руки католических миссионеров всех христианских святынь в Палестине, в частности, "ключей от Гроба Господня" в Иерусалиме, величайшей святыни всех христиан.

Султан Абдул-Меджид, учитывая назревающий конфликт между Францией и Англией, с одной стороны, и Россией, с другой, и стремясь ослабить русское влияние на своих православных подданных, поспешил удовлетворить требования французов и заставил иерусалимского греческого патриарха передать некоторые важные христианские храмы во владение католиков-миссионеров. Как и следовало ожидать, греческие иерархи в лице иерусалимского и константинопольского патриархов обратились к русскому Синоду и лично к митрополиту Филарету с пламенной мольбой защитить их древние права от посягательств католиков. Конечно, митрополит Филарет употребил все свое влияние на императора Николая, настоятельно требуя у него защиты своих православных греческих собратьев. Несомненно, Филарет исходил не столько из интересов русской политики на Ближнем Востоке, сколько из церковных соображений, а главным образом движимый своей острой неприязнью к католицизму и Римскому Папе. Здесь не место судить, насколько прав или неправ был он в своих спорах с католиками, важнее то, что он, воспользовавшись своим влиянием на царя, толкнул его на эту несвоевременную и катастрофическую для России войну с Турцией, которая переросла в конфликт со всем Западом и стала известна в истории под названием "Крымской войны".

Итак, император Николай решился открыто встать на сторону греческого духовенства в Палестине и дать отпор домогательствам католиков и турецкой политике Наполеона Третьего. Для Николая это уже не было чисто церковным вопросом, а стало продолжением политики, проводимой со времен Петра Великого русскими императорами на Ближнем Востоке. Дележ земель разлагающейся Оттоманской империи являлся борьбой за наслед-

ство "больного человека", как весьма удачно называл Николай турецкого султана. Но на это наследство теперь претендовали и западные страны, которые видели в расчленении Порты богатые возможности для своей колониальной экспансии. Именно этими интересами руководствовалась Англия, которую мало интересовал конфликт из-за ключей от Гроба Господня, но беспокоила политика Николая в Турции. Впрочем, в этом интересы Англии совпадали с интересами католической Франции, несмотря на существующее между ними колониальное соперничество. Беда России в этой ситуации была в несвоевременности ее вмешательства в конфликт, поскольку она была крайне ослаблена обострившимся кризисом крепостничества.

Стремясь изолировать Францию, царь вел настойчивые переговоры с Лондоном через своего посла при английском дворе. Попытки эти продолжались несколько месяцев, но успеха не имели. Лондонский кабинет не только ответил Николаю резким отказом, но сейчас же заключил с Францией тайный союз против России, сообщив Наполеону Третьему о позиции русского царя. Николай, впрочем, своевременно получил полную информацию об этих дипломатических ходах. Ошибка его состояла в том, что под влиянием своего окружения он игнорировал опасность союза французов и англичан и все же начал рискованную войну с Турцией. Итак, в феврале 1853 года Николай направил в Константинополь чрезвычайное посольство во главе с князем А.С. Меншиковым, требуя от султана Абдул-Меджида немедленного восстановления всех прежних привилегий православного греческого духовенства в Палестине. Вдобавок царь предъявил новое требование — он хотел формального признания за собой права покровительства всем православным подданным султана: грекам, румынам, болгарам, сербам и т.д.

Осведомленные своими дипломатическими представителями в Константинополе обо всех этих требованиях царя, Франция и Англия в феврале того же года заключили тайное соглашение с правительством султана Абдул-Меджида о совместных военных действиях против Рос-

сии в случае войны. Это был фактически военный союз против России. Как и следовало ожидать, заключив военное соглашение с этими двумя самыми могущественными государствами Европы, султан ответил русскому послу решительным отказом допустить "вмешательство России во внутренние дела Оттоманской империи..." Николай, в свою очередь, ответил немедленным разрывом дипломатических отношений с Портой, и 9 мая 1853 года русское посольство во главе с Меншиковым покинуло Константинополь.

Решаясь начать военные действия, император Николай, по совету Александра отбыл в Ольмюц, где происходили большие австрийские маневры, на которые царь и наследник были приглашены за несколько месяцев, как и прусский король Фридрих-Вильгельм Четвертый, брат императрицы Александры, весьма дружески настроенный к своему зятю и племяннику. Молодой австрийский император Франц-Иосиф также всегда был очень расположен к Николаю и Александру и не упускал случая выражать им свою признательность за участие русских войск в 1849 году в дни венгерского восстания в восстановлении его власти над Венгрией. Прибыв в Ольмюц, Николай и Александр решили ненадолго пригласить Франца-Иосифа и Фридриха-Вильгельма к себе в Варшаву, так как в Ольмюце из-за присутствия англичан и французов было бы неосторожно вести какие-либо переговоры. Оба монарха согласились прибыть в Варшаву между 10 и 18 сентября. Между тем военные действия России против Турции начались. Еще 14 июня русские войска оккупировали румынские княжества Молдавию и Валахию. Впрочем, не бездействовали и англичане с французами. Почти сразу после отъезда Меншикова из Константинополя английская и французская эскадры вошли в Дарданеллы.

Варшавская встреча не принесла никаких плодов, и к удивлению царя оба его бывшие союзника решительно отказали ему в ожидаемой поддержке и даже открыто объявили, что в случае конфликта России с Францией и Англией они будут принуждены встать на сторону западных сил.

27 сентября султан Абдул-Меджид ультимативно потребовал от царя вывести войска из Молдавии и Валахии и, так как Николай не уступил, объявил 4 октября войну России.

Так началась война между Россией и Турцией. 30 ноября русская эскадра адмирала Нахимова разгромила почти весь турецкий флот в морском сражении при Синопе. В марте 1854 года, отразив натиск турок под Бухарестом и принудив их к отступлению, русская армия перешла Дунай и, вступив на болгарские земли, осадила Силистру.

С согласия своих западных союзников турецкая армия атаковала русские войска в Закавказье, но будучи отброшена армией генерала Бебутова, отступила со значительными потерями. Все эти победы русских принудили Англию и Францию открыто вмешаться в войну. 27 октября французский и английский флоты были уже у Босфора, а 23 декабря через проливы вошли в Черное море.

15 марта 1854 года Англия объявила войну России, а на следующий день Франция последовала ее примеру. К ним присоединилась Сардиния, так тогда называлась еще не окончательно объединенная Кавуром Италия.

Положение России становилось очень тяжелым. В июле 1854 года угроза Австрии присоединиться к антирусской коалиции заставила Николая отозвать войска из Молдавии и Валахии и снять осаду Силистры. Знаменательно, однако, что, не объявляя войну России, Австрия немедленно оккупировала румынские княжества. Так император Франц-Иосиф отблагодарил императора Николая за помощь в подавлении венгерского восстания 1849 года.

Николай теперь уже понимал, что Александр был прав, предостерегая его. Но было поздно.

Война против России была в полном разгаре. На Западе, даже в самой Англии, раздавались голоса протеста против того, что Англия принимает сторону Турции в конфликте последней с порабощенными ею христианскими народами. В греческих землях вспыхнуло восстание против турецкого господства, и многие англичане,

поклонники древней Эллады, протестовали против антихристианской политики своего правительства. Очевидно, отвечая этим критикам, 1 ноября 1853 года лорд Пальмерстон писал лорду Эбердину: "Мы поддерживаем Турцию для нашего собственного дела и в наших собственных интересах..."

Конечно, цель Англии и Франции, состояла прежде всего в ослаблении России. Они хотели низвести ее на положение второстепенной державы, лишив влияния на Ближнем Востоке и в Азии. Самые непримиримые, например, Пальмерстон и Эбердин, даже не скрывали, что мечтают о расчленении России, об отторжении от нее Крыма, Кавказа, Бессарабии, Прибалтики и Финляндии. Однако попытки осуществить этот план летом 1854 года потерпели неудачу. Англичане и французы не сумели высадиться ни при Або в Финляндии, ни в Петропавловске-на-Камчатке, ни вблизи Одессы, ни даже на Соловецких островах. Интервенты ожидали, что при их появлении начнутся восстания крестьян. Однако местное население оказывало яростное сопротивление вражеским десантам и активно присоединялось к русским войскам, державшим оборону.

К осени 1854 года общее командование союзных англо-французских сил решило сосредоточить усилия на разрушении основной тогда базы Черноморского русского флота — Севастополя — и овладеть Крымом. Однако русское командование не без оснований считало, что эта акция может оказаться лишь отвлекающей и что противник может одновременно нанести удар даже по самой столице и атаковать Россию с севера. Поэтому на севастопольском фронте была лишь армия в 35 тысяч человек под командованием князя Меншикова.

Союзники, учитывая что Россия вынуждена держать резервы на случай нападения в других частях страны, бросили значительные силы именно на севастопольский фронт: 70 тысяч солдат интервентов высадились при Евпатории в начале сентября 1854 года. Эти значительные силы англо-французское командование двинуло на юг, к Севастополю.

При реке Альме 8 сентября произошло сражение,

в котором сказалось не только численное превосходство союзников, но и их значительный перевес в боевой технике: вооруженная "штуцерами" с винтовой нарезкой ствола, вражеская пехота издали обстреливала русских пехотинцев и артиллеристов, вооруженных лишь устаревшими гладкоствольными ружьями, позволявшими стрелять не более чем на 120 метров. Тем не менее, несмотря на весьма тяжелые потери, русские также нанесли противнику существенный урон. Однако при атаке французской пехоты с суши и сильной огневой поддержке английского флота с моря враги успели обойти левый фланг русских войск и принудить их к отступлению.

Не сумев задержать противника при реке Альме, Меншиков был принужден отвести свои войска к Бахчисараю и дать им возможность собраться с силами, чтобы снова вступить в бой. Моряки русского флота под командованием адмиралов В.А. Корнилова, П.С. Нахимова и В.И. Истомина и при деятельном участии жителей Севастополя успели за это короткое время подготовить оборону Севастополя с суши и с моря.

5 октября началась усиленная бомбардировка города и военных укреплений: интервенты готовились с близкой своей базы в Балаклаве штурмом овладеть Севастополем. Однако все их атаки были отбиты русскими, и они были вынуждены начать длительную осаду города. Яростное сопротивление русских войск в Севастополе заставило союзников двинуть к городу 120-тысячную армию, отказавшись от каких-либо серьезных операций на севере. 349 дней героически сопротивлялся город, яростно обстреливаемый французской артиллерией и английским флотом с моря. Противники выпускали иногда до 60 тысяч снарядов в день.

18 января 1855 года начался общий штурм города, но атаки были отбиты. При этом защитники Севастополя терпели острую нужду не только в оружии, но и в продовольствии, они не могли пополнить свои запасы, потому что город был окружен. Великий Лев Толстой обессмертил подвиги героических защитников Севастополя в своих знаменитых "Севастопольских рассказах". Буду-

чи молодым офицером, он лично участвовал в описанных событиях.

Однако силы защитников Севастополя явно слабели. Ряды их быстро таяли. В феврале 1855 года Меншиков был смещен, и главнокомандующим войсками, оборонявшими Севастополь, был назначен М.Д. Горчаков. Он попытался облегчить положение осажденного Севастополя контрударом по флангу противника — сражением при Черной речке 4 августа 1855 года, однако это уже не могло спасти город.

9 сентября, после взятия французами Малахова кургана с огромными потерями с обеих сторон, остатки русского гарнизона отошли на северный берег Севастопольской бухты. Противники потеряли за время осады Севастополя 73 тысячи человек и сумели занять лишь дымившиеся руины южной части города. Полный провал потерпели французы и англичане на Балтике летом того же 1855 года. Русские резервы, оставленные там царем, не позволили им атаковать Кронштадт, после страшных севастопольских потерь они ограничились бомбардировкой Свеаборга, однако эти спорадические действия не могли повлиять на исход войны. Не имели успеха и их действия на Кавказе: все попытки турок вторгнуться в Закавказье были отбиты русскими войсками.

Война, однако, еще не была окончена, несмотря на огромные жертвы и потери с обеих сторон. Англичане настаивали на продолжении войны до победного конца, но Наполеон Третий, учитывая начинающееся соперничество с Англией и растущее во Франции недовольство значительными потерями, склонялся к прекращению войны и заключению мира с Россией. Между тем, император Николай умер, и Александр, вошедший на русский престол, начал вести переговоры одновременно с Англией и Францией.

Глава четырнадцатая

"LE ROI EST MORT, VIVE LE ROI!"

"Король умер, да здравствует король!" — эта классическая формула абсолютной монархии, может быть, никогда не звучала так конкретно, как в романовской России 19 века, со времен Екатерины Великой фактически занявшей в Европе место монархии Людовика Четырнадцатого.

В самый разгар Крымской войны — 2 марта 1855 года — умер император Николай Первый. В заключении придворных медиков официально было сказано, что царь умер от апоплексического удара.

В начале февраля, как рассказывали в Петербурге в придворных кругах, государь, уже простуженный и с повышенной температурой, несмотря на требования своих докторов, вышел на военный смотр и присутствовал на параде войск, проведя в этот морозный день несколько часов на холоде и сильном ветру.

В это самое утро, рассказывали при дворе, пользующий государя доктор Мандт, обнаружив у него легкий жар и озноб, сказал ему:

— Ваше величество, вы больны, у вас жар... Сегодня особенно плохая погода, на дворе холодно и дует ветер...

— Мне необходимо присутствовать на сегодняшнем смотре, чтобы опровергнуть зловредные слухи за границей, что я тяжело болен и не встаю с постели...

— Но, государь, — ответил доктор, — я должен предупредить ваше величество, что ваш выход сегодня — громадный риск, и я предвижу, он может стать роковым...

— Вы хотите сказать, что это ускорит мою смерть? Ну что ж, доктор, я готов пожертвовать жизнью, служа родине...

Возможно, что этот разговор просто придворная легенда, какие нередко создавались в то время около тронов, выражая пиетет приверженцев королей и императоров и их желание прославить память государя.

Впрочем, тайна смерти Николая Первого, возмож-

но, никогда не будет раскрыта историками. Некоторые современные западные и русские историки убеждены, что Николай Первый покончил жизнь самоубийством. Такие слухи появились сразу после его смерти. Тайные агенты Англии и Франции сообщили в Лондон и Париж, что царь сам ускорил свой конец, приняв сильную дозу снотворного. Крушение всех его надежд, сознание, что он вовлек Россию в эту роковую войну, болезнь любимой жены и его собственные недомогания, может быть, действительно довели до отчаяния этого волевого и сильного человека, потерявшего веру в себя.

Доктор Н.К. Мосолов из Намибии написал мне о загадочной кончине Николая Первого: "В наших семейных преданиях говорится, что Николай Первый, не выдержав позора поражения в Крымской войне, отравился и что мой прадед, д-р Боссе, вскрыв труп, воскликнул: "Какой сильный яд!" — но ему было приказано молчать об этом..." (Я чрезвычайно благодарен д-ру Мосолову за ценное свидетельство.)

Несколько придворных врачей, среди которых был д-р Мандт, специалист по внутренним болезням, который лечил императора Николая Павловича, подписали, однако, заключение о естественной смерти царя. Среди этих придворных врачей я не нашел имени д-ра Боссе, который, однако, был весьма близок к сыновьям Николая — великим князьям Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу, он несколько раз путешествовал с ними по России и за границей. Конечно, будучи их советником и другом, д-р Боссе мог знать о подлинной причине смерти царя.

Николай особенно переживал превращение войны России с Портою в общеевропейскую, вынужденное снятие осады Силистрии из-за угроз Австрии, его бывшей союзницы, отступление русских войск из придунайских земель, из Молдавии и Валахии, вторжение турок в Закавказье, появление англо-французского флота в Балтийском море, высадку неприятеля в Крыму, проигранные князем Меншиковым сражения при Альме и Инкермане, затопление Черноморского флота у самого входа в Севастопольскую бухту, наконец, осаду Севастополя и

яростные, с бесчисленными жертвами, бомбардировки не только крепости, но и самого города. Но особенно тяжело переносил он измену бывших союзников — дворов венского и берлинского, из которых первый открыто принял сторону его врагов, а второй все еще колебался, хотя тоже был готов перейти на сторону Англии и Франции.

В конце ноября 1854 года царь писал главнокомандующему южной армией князю М.Д. Горчакову: "Буди воля Божия... буду нести крест мой до истощения сил..." Единственной его опорой в эти тяжкие дни был старший его сын Александр. Царь все более и более возлагал на него управление империей.

11 февраля жар у него усилился, появился озноб, сопутствующий обыкновенно сильной простуде. Силы его оставляли: он уже совсем не мог заниматься государственными делами. 16 февраля Александр от имени отца подписал указ об отстранении князя Меншикова от командования Крымской армией и указ о назначении вместо него князя М.Д. Горчакова. Письма наследника к ним обоим, которые сохранились до наших дней, поражают содержанием и тоном. Щадя отстраняемого Меншикова, Александр пишет ему тепло, благодарит за службу, находя слова, чтобы не обидеть старого воина, объясняет его поражения, конечно, не его личной опрометчивостью или нерадением, а численным и техническим превосходством противника.

Прошел еще один день, полный тревоги. Медики во главе с главным лекарем доктором Мандтом сообщили наследнику, что нет больше никакой надежды, и посоветовавшись с больной, но все еще бывшей на ногах матерью, Александр решил, что надо предупредить отца о близкой его кончине. Эту тяжкую миссию взяла на себя императрица. Она вошла к умирающему, который все еще лежал на своей походной солдатской кровати у себя в кабинете. Николай, несмотря на свое безнадежное состояние, был в полном сознании. Он спокойно выслушал жену и ответил ей: "На все воля Божия, что ж, надо мне исповедаться и причаститься..."

Потом он захотел видеть д-ра Мандта. Оставшись с

ним наедине, Николай спросил: "Доктор, сколько мне еще осталось жить?" Мандт, который еще рано утром со своими двумя коллегами осмотрел больного государя, искренне и прямо ответил ему: "Ваше величество, с сердцем у вас очень плохо. Вам грозит сердечный удар..." Николай поблагодарил его и сейчас же велел позвать своего духовника. Протопресвитер Барский, который был уже предупрежден императрицей, вошел в епитрахили и со Святыми Дарами, которые он оставил на столе. Благословив умирающего государя, он исповедовал его и после исповеди приобщил его Святых Тайн. Как он свидетельствовал впоследствии, император был в полном сознании и совсем спокоен.

К десяти часам утра, чувствуя, что конец близок, пожелал он проститься с членами своей семьи, императрицей, детьми и близкими. Александр записал эту свою последнюю встречу с отцом. Николай, собравшись с последними силами, прижал к груди наклонившегося к нему сына: "Хотелось мне, — сказал он тихим, но твердым голосом, — приняв на себя все трудное, тяжкое, оставить тебе царство мирное, устроенное и счастливое. Провидение судило иначе... Теперь буду молиться там за Россию и за вас всех... После России я вас любил более всего на свете..." Потом с усилием перекрестил он старшего сына и, прильнув к его щеке, поцеловал.

После того простился он с остальными членами своей семьи: все они плакали. Плакали и несколько самых близких царю слуг, которых он также захотел видеть перед отходом в лучший мир.

18 февраля (по новому стилю — 2 марта) 1855 года в 12 часов 20 минут Николая Павловича не стало. В тот же момент великий князь Александр Николаевич стал императором Александром Вторым. Было ему тридцать семь лет. Николай Первый умер в возрасте пятидесяти девяти лет.

* * *

Незадолго до своей кончины, после победы союзников в Крыму и падения Севастополя, Николай в принци-

пе принял четыре основных пункта договора о мире, предложенных ему правительствами Англии и Франции через посредника — австрийского императора Франца-Иосифа. Они требовали замены совокупной гарантией великих держав русского протектората над Молдавией, Валахией и Сербией; свободы плавания по Дунаю; пересмотра лондонского договора 1841 года о закрытии проливов, чтобы обеспечить независимость Оттоманской империи и положить конец преобладанию России на Черном море; отказа России от права покровительствовать христианским подданным султана. По совету Александра царь согласился принять эти четыре пункта как основу будущего мирного договора.

Конечно, эта означало фактический отказ от всех привилегий, которыми благодаря своим прежним победам над Портою пользовалась Россия, а для Николая это означало еще и провал всей его ближневосточной политики, что, несомненно, ускорило его смерть. И все же условия эти были гораздо более легкими, чем те, которые тайно еще перед началом войны выработали Сент-Джеймсский и Тюильрийский кабинеты, решившие просто расчленить Россию после полного ее разгрома. Предполагалось, как я уже писал, отнять у России завоеванные ею территории: восстановить независимую Польшу, Финляндию, бывшие балтийские провинции, а также Литовское государство. Кроме этого, Франция и Англия прежде требовали также отделения от России Крыма, Бессарабии и Закавказья. Однако сопротивление России в Крыму было героическим, союзники понесли тяжелые жертвы: более 70 тысяч убитых и раненых, громадные расходы. Несмотря на желание Англии продолжать войну до полной капитуляции России, Наполеон Третий, боясь усиления Англии на Ближнем Востоке, склонялся к миру.

* * *

Вступая на русский престол, император Александр Второй 18 февраля 1855 года издал манифест, в котором, обращаясь к русскому народу, "перед лицом Бога"

Император Александр Второй

клятвенно заявлял, что будет руководствоваться всегда единственной целью — благоденствием отечества...” Он закончил это первое обращение к своим подданным памятными словами: ”...Руководимые и покровительству-

емые призвавшим нас к сему великому служению Провидением, утвердим Россию на высшей ступени могущества и славы..."

Одновременно Александр повелел Государственному Совету собраться на другой день в час дня в Зимнем дворце, в его собственной резиденции... Предварительно, однако, члены Государственного Совета собрались утром в своем обычном зале и, выслушав императорский манифест, решили принести присягу государю императору и старшему его сыну, наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. Затем в полном составе, во главе с председателем князем Чернышевым, члены Государственного Совета перешли в Тронный зал Зимнего дворца. Сидя на троне в обществе обеих императриц, окруженный своими детьми, в присутствии министров и всего двора Александр обратился к членам Государственного Совета с речью: "В годину тяжких испытаний посетило нас новое несчастье: мы лишились отца и благодетеля России..." Затем, восхвалив самоотверженное служение покойного императора России, Александр сказал: "В постоянных и ежедневных трудах его со мною он говорил мне: "Хочу взять себе все неприятное и все тяжелое, только бы передать тебе Россию устроенною, счастливою и спокойною. Провидение судило иначе, и покойный государь в последние часы своей жизни, сказал мне: "Сдаю тебе мою команду, но, к сожалению, не в таком порядке, как желал, оставляя тебе много трудов и забот". Я отвечал ему: "Ты — мы всегда говорили друг другу "ты" — ты, верно, будешь там молиться за твою Россию и за дарование мне помощи". — "О, верно, буду", отвечал он..." "В этой надежде, — продолжал Александр, — и в уповании на помощь Божию, на которую я всегда надеялся и надеюсь, я вступаю на родительский престол..."

Александр не читал, а просто говорил это свое обращение со слезами на глазах. Плакали и присутствовавшие.

Потом Александр со всей императорской семьей, министрами, членами Государственного Совета, высшими военными и административными сановниками и придворными перешел в церковь Зимнего дворца. Там ми-

нистр юстиции прочел манифест о воцарении нового императора, а придворный духовник протопресвитер Бажанов провозгласил присягу на верность императору и наследнику. Затем все приложились к Евангелию и кресту и подписали присяжные листы. Так началось царствование Александра Второго.

Неожиданная весть о кончине русского царя произвела сильное впечатление во всей Европе. Первое очень теплое послание с выражением сочувствия пришло от Папы Пия Девятого, оно было передано Александру экстренно прибывшим в Петербург папским легатом. Как это ни странно, особенно поражены смертью своего бывшего союзника и друга были австрийский император Франц-Иосиф и прусский король Фридрих-Вильгельм Четвертый... Франц-Иосиф лично явился в русское посольство в Вене к послу князю А.М. Горчакову, который немедленно уведомил Александра об этом посещении. Франц-Иосиф просил посла передать императору Александру его "глубокую скорбь о кончине испытанного друга в ту самую минуту, когда я готовился на деле доказать, насколько сердце мое сохранило верность моему усопшему другу". Франц-Иосиф, фактически перешедший на сторону неприятелей России, забыв, что царь спас его в самом начале его царствования в 1849 году, послав ему на помощь войска для усмирения венгерского бунта, теперь просил императора Александра "принять его дружбу как наследие, обещая сохранить ее навеки в благодарность к его покойному родителю... Эрцгерцог Вильгельм немедленно выехал в Петербург, чтобы присутствовать 5 марта на погребении усопшего императора.

Так же тепло выразил Александру свои соболезнования брат императрицы Александры Феодоровны, дядя Александра прусский король Фридрих-Вильгельм, обещая быть союзником России в память о союзе своего отца с императором Александром Первым во времена их войны с Наполеоном. Он также послал в Петербург на погребение царя принца Карла Прусского. Конечно, эти выражения симпатии и преданности были весьма обнадеживающими для Александра: они говорили о перемене к

нему на Западе. "Дай Бог, — писал Александр своему послу в Вене, — чтобы это были не только слова..." Он довольно пессимистически оценивал проявления дружбы со стороны Франца-Иосифа: "Несмотря на все его дружеские уверения, — добавлял Александр в том же послании князю А.М. Горчакову, — я никакой веры к нему не имею и потому ожидаю и готовлюсь к худшему..."

Было получено в Петербурге и искреннее послание неаполитанского короля, который, выражая свои соболезнования, писал Александру, что крепко верит в его светлое будущее и в скорый справедливый мир... Александр больше всего был тронут посланиями Папы и неаполитанского короля Фердинанда, правнука Людовика Четырнадцатого, который из всех Бурбонов проявил себя как самый энергичный и смелый усмиритель революционных движений, восстановив в Неаполитанском королевстве свою власть еще в 1848 году и обуздав анархию в Риме, выслав войска против так называемой "Римской республики". Благодаря его поддержке, смог вернуться в Рим и восстановить свою власть Папа Пий Девятый. Император Николай при жизни восхищался этим единственным на Западе смелым своим последователем и поддерживал с ним самые дружеские отношения.

И в самой России получал Александр теплые свидетельства преданности и любви: первыми явились к нему выразить соболезнования и поздравить с восшествием на престол петербургские дворяне. В своем ответном слове Александр сказал им: "Я пожелал вас видеть, господа, чтобы передать вам последние слова незабвенного родителя моего, покойного нашего благодетеля. Он был уже так слаб, что не мог даже читать сам ваши послания. Эту обязанность возложил он на меня. Ваше усердие, господа, усладило его последние минуты... Времена трудные, — продолжал Александр, — и я всегда говорил покойному государю, что твердо верю: Бог милостью своею сохранит Россию".

Ни в чем, может быть, так не проявлялся уравновешенный и благородный характер Александра, как в

Великий князь Константин Николаевич – брат императора Александра Второго. Современная фотография.

отношениях с младшим братом, великим князем Константином Николаевичем, который до самой смерти отца проявлял завистливую ревность к старшему брату. Будучи в сущности несравненно более посредственным, чем Александр, Константин не упускал случая, пытаясь унизить старшего брата перед отцом.

И вот теперь, став самодержцем и главой всего Дома Романовых, в самый день своего воцарения, перед министрами, членами Государственного Совета и всем двором, взяв за руку брата и забыв всю его неприязнь к себе, Александр сказал: "Тебя, милый брат, государь особенно поручил мне благодарить за прекрасное начало твоей службы в возглавляемом тобой Морском ведомстве. Надеюсь, что и в будущем продолжишь ты твое прекрасное служение..." И он тут же утвердил брата командующим флотом и главой Морского ведомства.

Одновременно Александр назначил главнокомандующим гвардейским и гренадерским корпусами генерал-адъютанта графа Ридигера. Начальником штаба по военноучебным заведениям назначил он генерал-адъютанта Ростовцева. Князя Меншикова уволил он со всех должностей, явно считая его виновником неуспехов в затянувшейся войне, однако, по своей обычной доброте, оставил он его членом Государственного Совета. Князя Горчакова утвердил он главнокомандующим Крымской армией. Генерала Лидерса назначил командующим резервной Южной армией и, наконец, генерала Берга утвердил генерал-губернатором Финляндии. Министров и других высших сановников, служивших при его отце, оставил на своих местах, сделав лишь незначительные перемены при дворе.

Через день после кончины отца Александр принял в Зимнем дворце аккредитованных при дворе дипломатических представителей, явившихся с соболезнованиями и поздравлениями по поводу его воцарения. Александр проявил большую твердость и решительность, сказав, что ответственность за эту кровопролитную войну никак нельзя возлагать на покойного императора Николая, сделавшего все возможное, чтобы ее предотвратить. Он заявил, что будет строго придерживаться принципов, ко-

торыми руководствовались в своей политике его непосредственные предшественники Александр Первый и Николай Первый. Принципы эти явились основой Священного союза, — заключил свою речь Александр, — и если он больше не существует, то вина в том, конечно, лежит не на моем отце, и я не сомневаюсь, что Бог и история воздадут ему справедливость. Говоря эти слова, Александр намеренно смотрел на австрийского посла графа Эстергази.

Император счел, однако, необходимым, после минутной паузы сделать историческое заявление, прежде всего относящееся, конечно, к Англии и Франции и указывающее на его решимость в случае необходимости продолжать войну: "Я готов протянуть руку примирения на условиях, принятых моим отцом; но если совещания, которые откроются в Вене, не приведут к почетному для нас результату, тогда я, господа, во главе верной моей России и весь народ смело вступим в бой".

Это обращение царя, несомненно, было самым важным его заявлением после смерти его предшественника. Оно указывало, что победители в Крымской кампании никак не могут надеяться на капитуляцию России.

Одновременно Александр составил инструкцию государственному канцлеру графу Нессельроде, который должен был сообщить ее в своем циркуляре дипломатическим представителям России, в первую очередь, русским уполномоченным на венских переговорах князю А.М. Горчакову и В.П. Титову. "Из наследия своего родителя, император воспринимает два обязательства... Первое — защита целости и чести России... Второе — с настойчивостью посвятить все усилия делу мира, рамки которого уже утверждены императором Николаем..."

Это означало строгое следование четырем пунктам, уже принятым покойным царем. Умная и светлая политика Александра пресекла с самого начала все происки Англии и Франции, мечтавших о расчленении России и о лишении ее искони принадлежащих ей территорий.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЛИТИКА МОЛОДОГО ИМПЕРАТОРА

Глава пятнадцатая

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА МИРА

Героизм русских воинов и огромные потери, которые понесли союзники при взятии Севастополя, заставили их стремиться к прекращению этой кровопролитной войны.

Однако, хотя военные действия и прекратились с обеих сторон, о мире еще не было и речи. Ни одна из воюющих сторон не считала возможным положить начало мирным переговорам. Более того, французская и английская дипломатия прилагали большие усилия для объединения против России остальных европейских государств. Швеция первая поспешила подписать союзный договор против России с Англией и Францией.

Александр же, со своей стороны, используя свои родственные связи с Пруссией, старался уговорить своего дядю короля Фридриха-Вильгельма Четвертого отказаться от союза с Австрией, деятельно поддерживающей антирусскую коалицию. Однако Пруссия решила быть солидарной с остальными государствами Запада.

Александр внимательно следил за внутренними трудностями Франции, вызванными плохими урожаями последних лет и возраставшим ропотом бедноты, выступавшей против правления Наполеона Третьего, не оправдавшего надежд на улучшение жизни и не давшего стране, как он сулил, нового экономического расцвета. На эту назревающую новую революцию во Франции возлагал Александр свои надежды, стремясь к окончанию войны и восстановлению мира с Западом. Император, хорошо осведомленный, что Англия все еще склонна продолжать войну до полной победы над Россией, не верил в реальность заключения мира именно потому, что знал непостоянный и вероломный характер Наполеона и

не допускал, что он решится нарушить союз с Англией и заключить сепаратный мир с Россией.

Именно эти соображения заставили Александра продолжать реорганизацию и перевооружение своих армий согласно римской поговорке: "Если хочешь мира, готовься к войне". После столь активного сопротивления русских в только что оконченной Крымской войне он все же не терял надежды, что умеренные голоса на Западе и, конечно, прежде всего во Франции, оценивая огромные материальные затраты и значительные человеческие жертвы, заставят западных союзников Англии, и опять-таки прежде всего Францию, отказаться от возобновления военных действий.

Его надежды оправдались: уже в октябре 1855 года получил он известия из Парижа о желании Наполеона вступить с ним в непосредственные переговоры. Можно только удивляться осторожности и разуму молодого царя, все еще не доверявшего искренности намерений Франции. "Если бы действительно мы могли этого достигнуть, — говорил он своим министрам, — разумеется, я предпочел бы непосредственные переговоры всякому стороннему посредничеству..."

После взятия Севастополя Наполеон считал свою военную славу упроченной и цель своей политики достигнутой. Продолжение же войны с Россией он считал опасным для непосредственных интересов Франции. При этом решительный отказ Англии добиваться восстановления независимости Польши окончательно оттолкнул французского императора от союза с Англией и Австрией, стремившихся прежде всего к расчленению Российской империи. Кроме того, Наполеон весьма разумно, исходя из интересов Франции, не хотел полного разгрома России и укрепления Англии, видя в лице Александра возможного будущего союзника. От правительства своего дяди, короля Прусского, Александр получил весьма обнадеживающие известия о перемене французской позиции и склонности Наполеона к заключению мира с Россией, с учетом ее интересов и достоинства.

Французский посол в Берлине непосредственно запросил прусское правительство, не считает ли оно, что

при создавшемся положении, если Россия сделает первые шаги к миру, следует поддержать эту инициативу и помочь русскому царю заключить приемлемый для России мир. По инструкции Александра, князь Горчаков ответил прусскому правительству, что, "конечно, хотя и вынужденная быть немой, Россия не останется глухой" к этой французской инициативе. Как только граф Шарль-Огюст Морни, сводный брат Наполеона, председатель французского Законодательного корпуса и ближайший советник французского императора, получил эти сведения от французского посла в Берлине, он немедленно, конечно, с согласия французского императора, начал тайные переговоры с Россией через двух банкиров — Эрлангера в Париже и Сину в Вене, близких к князю А.М. Горчакову, русскому послу в Вене, о сепаратном соглашении с Россией. Горчаков настаивал на необходимости сближения с Наполеоном, чтобы этим оторвать Францию от ее пагубного для России союза с Англией и Австрией. Александр всецело разделял точку зрения своего посла, и неудивительно, что за эту его позицию и успехи на Парижском конгрессе в 1856 году Александр назначил его вместо К.В. Нессельроде министром иностранных дел.

Интересно отметить, что парижский банкир Эрлангер сообщил в письме венскому банкиру Сину, очевидно, желая, чтобы оно было показано Горчакову, слова графа Морни, что "России, как и Франции, пора взяться за ум и положить конец изнурительной борьбе, истощавшей силы обоих государств, не имеющих ни малейшего повода к взаимной вражде..." Горчаков, сейчас же лично доложив императору Александру об этой важнейшей инициативе графа Морни, получил от царя инструкцию, немедленно лично снестись с ним и использовать его предложение на пользу как Франции, так и России. В этом своем послании Горчаков, несомненно, по указанию самого Александра, между прочим писал: "...Я вполне разделяю мнение Вашего Превосходительства о взаимной выгоде как для Франции, так и для России такого непосредственного взаимного соглашения, которое легко достигнуть на почве обоюдных интересов наших

обоих государств... Наученный примером своего великого дяди, — заключал свое послание Горчаков, — Его Императорское Величество Император Наполеон Третий, конечно, не захочет вступить на путь завоеваний без конца, и я позволю себе напомнить, что апогеем славы и могущества Императора Наполеона Первого было именно время его тесного сотрудничества с Россией..." Любопытно отметить, что Горчаков этим своим посланием успел вбить клин между Францией и Англией, конечно, в пользу России.

Впрочем, граф Морни немедленно ответил русскому дипломату обстоятельным письмом с уже весьма конкретными предложениями мира: "В принципе я согласен с Вами в отношении необходимости сотрудничества и сближения между нашими странами, однако, я думаю, что, учитывая необходимость соблюдать обоюдное достоинство наших обеих стран, все же следует России принести делу мира некоторые жертвы... Связанный союзными отношениями с Англией, Император Наполеон не может теперь, после падения Севастополя, предъявить более мягкие условия мира, чем те, которые были предъявлены союзниками в начале войны..." Уже сам этот примирительный и дружеский тон обращения графа Морни к русскому дипломату, несомненно, доказывает успех политики Александра.

Однако Морни пошел еще дальше в уступках царю: "Все, чего можно достигнуть при теперешних обстоятельствах, — пишет он, — это заменить требование ограничения русских сил на Черном море — нейтрализацией Черного моря... Что же в сущности представляет собой эта мера? Обратимся к истории, — продолжает Морни, — после всех военных неудач от побежденного государства обыкновенно требуют больших денежных жертв и этим на долгие годы расстраивают его финансы, а иногда, кроме того, навязывают ему территориальные уступки, умаляют его значение, но, когда от него требуют лишь весьма иллюзорного ограничения сил, то, если оно нуждается в мире, ему не следует этого отвергать... Ведь не в первый раз в истории заносятся в договор подобные условия. Как долго, однако, они соблюдаются? Пройдет

несколько лет, и интересы переменятся, погаснет неприязнь, установятся дружеские отношения, благодеяния мира вылечат раны войны; такого рода договоры предаются забвению и перестают далее применяться. Часто случается даже, что то самое государство которое настояло на ограничении сил, само и первым потребует их отмены..."

Все это указывает на существенные перемены в отношениях с Францией, которые были достигнуты благодаря внешней политике Александра. Морни уже предлагал Горчакову лично встретиться с ним в Дрездене в самое ближайшее время. Однако как раз в это время Горчаков получил от министра иностранных дел графа Нессельроде распоряжение прервать переговоры с Морни, так как была налажена непосредственная связь между Петербургом и Парижем, т.е. между самим министром иностранных дел Наполеона графом Валевским и саксонским посланником во Франции бароном Зеебахом, который приходился зятем Нессельроде. Что же случилось?

В октябре 1855 года премьер-министр Саксонии барон Бейст перед своим отъездом в Париж на всемирную выставку встретился во Франкфурте-на-Майне с русским послом при германском Сейме бароном Брунновым, сообщившим Бейсту, что "Россия не прочь заключить мир, лишь бы не требовали от нее двух унизительных условий: военной контрибуции и территориальных уступок..."

Не может быть сомнения, что после докладов Горчакова Александр избрал этот более нейтральный путь, чтобы прозондировать почву у самого Наполеона Третьего, но не непосредственно, а через дружественного Франции саксонского премьера Бейста. Этот ход царя указывает на мудрость его в вопросах внешней политики.

Зять Нессельроде Зеебах, саксонский посланник в Париже, легко устроил своему шефу аудиенцию у Наполеона. И вот Бейст сообщил французскому императору о готовности Александра к заключению мира, конечно, при соблюдении указанных царем непременных условий. Результатом аудиенции Бейста было начало переговоров

между Валевским и саксонским послом, официально представлявшим царя.

Граф Валевский, как до него граф Морни, высказал желание Франции примириться с Россией, указывая, однако, что император Наполеон дорожит своим союзом с Англией и считает необходимым соблюдать принятые Францией обязательства. Поэтому, сообщал Валевский, Наполеон настаивает, чтобы русские предложения были приемлемы для Англии, только тогда он может настаивать в Лондоне на необходимости мира с Россией. Валевский, в духе предложений, сделанных прежде Морни, а именно, добиваясь соглашения между Россией и Турцией о нейтрализации Черного моря, однако соглашался на сохранение за Россией права иметь военные корабли в Азовском море с тем, что турки будут иметь свои военные корабли в Мраморном море.

Однако саксонский премьер Бейст сообщил официально австрийскому канцлеру графу Буолю о сепаратных мирных переговорах между Россией и Францией. В Вене правительство молодого императора Франца-Иосифа пришло в неописуемое волнение, поскольку это сводило на нет все его попытки, не участвуя в войне, диктовать России выгодные для Австрии условия. Канцлер Буоль, получив согласие Англии, поспешил выступить со своим собственным проектом мира с Россией, заявив, что, если Александр не примет эти условия, Австрия начнет военные действия против России и возобновит войну, к чему всеми силами стремилась Англия.

В чем же состояли эти новые австрийские условия, одобренные Англией? Например, статья о нейтралитете Черного моря не только закрывала доступ в Черное море военным кораблям всех государств, но, в ущерб России больше, чем Турции, запрещала им сохранять даже военные арсеналы на черноморском побережье. Определялось число и водоизмещение прибрежных русских и турецких кораблей в Черном море, предназначенных для охраны побережья... Еще тягостнее для России было требование уступить союзникам Молдавию взамен занятых союзниками русских крепостей. Наконец, к прежним четырем статьям договора по настоянию Англии была

прибавлена статья: "Воюющие державы оставляют за собой право предъявлять в интересах Европы еще особые условия сверх других обязательств..." Эти изменения, конечно, весьма беспокоили Александра, австрийские условия мира существенно отличались от договоренностей между Россией и Францией.

Прибывший в Петербург посланник австрийского императора граф Эстергази вручил графу Нессельроде австрийский ультиматум, составленный канцлером Буолем, и письмо самого Франца-Иосифа Александру. Буоль грозил России "серьезными последствиями" в случае, если царское правительство отвергнет австрийский проект... По просьбе императора ФранцаИосифа прусский король Фридрих-Вильгельм Четвертый написал Александру личное послание, настаивая, чтобы племянник принял это предложение союзников.

Единственным государством, которое старалось помочь России в эти тяжелые дни, была Франция. Наполеон, вызвав к себе официального представителя Александра барона Зеебаха, неоднократно повторил ему свое искреннее намерение сблизиться с Россией, "но, — прибавил французский император, — у России нет союзников, и она должна решиться на жертвы... Предъявленные условия, — сказал он, — являются единственно возможным минимумом, и как бы ни были они тяжелы, благо России требует их принятия, потому что они не затрагивают ее будущего и не компрометируют ее... Мне пришлось проявить большие усилия и бороться с громадными затруднениями в Лондоне. Английские министры противятся миру, потому что они убеждены, что мир с Россией повлечет падение их кабинета... Все же я сумел умерить их притязания: они требовали нейтрализовать и Азовское море и уничтожить военный город Николаев... Не подлежит сомнению, — закончил Наполеон этот откровенный разговор, — что сент-джеймсский двор обрадуется, если Россия отклонит эти условия мира, потому что ему необходимо сорвать мирные переговоры, чтобы восстановить утерянный на последних выборах престиж..." Саксонский посол немедленно специальным курьером оповестил Нессельроде обо всех подробностях

этого разговора... Однако он добавил, что на свой вопрос, нельзя ли что-либо в этих условиях изменить в пользу России, Наполеон ответил уклончиво, сказав, что он искренне желает сближения с Россией и докажет это в ходе мирных переговоров...

Император Александр счел необходимым созвать особое совещание высших сановников империи для обсуждения австрийских требований и этой перемены позиции французского императора, теперь действительно благосклонно настроенного к России. Александр к проявлениям его дружелюбия относился весьма скептически, считая, что, в сущности, самой Франции, как и России, нужен мир и что Наполеон из-за своего собственного положения боится возобновления войны... Все это указывает, насколько тонко царь разбирался в этой сложнейшей политической проблеме еще в самом начале своего царствования...

Итак, 20 декабря этого столь трагического для России 1855 года в восемь часов вечера император Александр созвал совещание у себя в кабинете в Зимнем дворце. Были приглашены брат царя, великий князь Константин Николаевич, государственный канцлер граф Нессельроде, военный министр князь Долгоруков, министр финансов граф Киселев, генерал-адъютант князь Воронцов и граф Орлов, статс-секретарь граф Блудов и бывший посланник в Вене барон Мейендорф. Все они были самыми близкими и надежными советниками царя, с которыми Александр считал необходимым все обсудить, прежде чем принять решение, от которого зависела судьба империи...

Только статс-секретарь Блудов высказался за продолжение войны, сказав, что "Россия находится в положении человека, на которого напали разбойники в лесу, приставив ему нож к горлу". Он прибавил, что следует согласиться на мир, лишь "если мы лишены возможности и средств продолжать войну, в чем я сомневаюсь..."

Большинство участников совещания, однако, возразили Блудову, что именно сомнение в возможности страны продолжать войну является сутью данного совещания. Сам военный министр генерал Долгоруков, отвечая

Блудову, ясно заявил, что условия для продолжения войны весьма неблагоприятные, что существенные потери в Крыму и невозможность дать армии необходимое вооружение, а также то обстоятельство, что в случае возобновления войны в ней примут участие новые, свежие силы Австрии, не позволяют надеяться на победу.

Барон Мейендорф поддержал военного министра, заявив, что мир необходим из-за "полного расстройства наших финансов..."

Граф Воронцов решительно высказался в пользу мира. В таком же смысле высказался и граф Орлов: признавая все еще существующее в России сильное патриотическое возбуждение общественного мнения, он, однако, добавил, что "население страны устало от тяжелых жертв в людях и средствах и с радостью примет весть о мире..."

Граф Киселев остановился на опасностях, грозящих России в случае продолжения войны. "Области, присоединенные к империи около полувека тому назад, не успели еще слиться с нею, — сказал он, — а агенты польской эмиграции, усиленно работают и глухое недовольство распространяется на Волыни и Подолии. Финляндия тяготеет к Швеции, и Польша восстанет как один человек, как только военные действия союзников дадут ей к этому возможность..." И он заключил: "Если неприятелю удастся занять все эти области, то решительно нельзя предвидеть, когда и ценою каких усилий удастся их возвратить. В сравнении с этими альтернативами, жертвы, требуемые от нас, просто ничтожны..."

В таком же духе высказались и все остальные участники совещания, и в конце прений сам Блудов не решился настаивать на своем прежнем мнении. Со слезами на глазах и в большом волнении повторил он знаменитые слова герцога Шуазеля: "Если мы не умеем вести войну, то заключим мир..."

Все эти свободные, искренние и компетентные высказывания доказывают, с какой серьезностью император Александр относился к мнениям своих советников и вообще проводил свою политику. Видя такое полное единодушие в стремлении к заключению мира, импера-

тор Александр сейчас же принял соответствующее решение и, поблагодарив всех участников совещания, тут же приказал своему канцлеру графу Нессельроде сообщить австрийскому посланнику, что "Россия принимает предложенные австрийским двором предварительные условия мира", что и было сделано на следующий день.

После совещаний между союзниками французский император оказал первую весьма важную услугу России: по его настоянию 20 января 1856 года все воюющие державы подписали в Вене протокол, обязуясь в трехнедельный срок созвать в Париже конгресс своих уполномоченных для немедленного подписания соглашения о перемирии с Россией и заключения самого мирного договора. Сам факт, что подписать мир предстояло не в Вене или Лондоне, а в дружелюбно настроенной по отношению к России Франции, был немалым успехом политики русского царя, добившегося поддержки Наполеона.

Глава шестнадцатая

ПАРИЖСКИЙ МИР

Конгресс мира был созван в Париже в первой половине февраля 1856 года. Александр уполномочил двух представителей в ранге послов вести от имени России мирные переговоры с Западом: это были генерал-адъютант граф Орлов и посланник при Германском Союзе барон Бруннов.

Первыми уполномоченными западных союзников были назначены министр иностранных дел Франции граф Валевский, которому предстояло играть роль хозяина Конгресса, представитель Англии — лорд Кларендон, Австрии — граф Буоль, Сардинии — граф Кавур и Турции — великий визирь Али-паша. Вторыми уполномоченными были назначены французский посланник в Вене Буркенэ и посланники всех государств-участников Конгресса во Франции. Прусские представители — министр

иностранных дел Пруссии барон Мантейфель и прусский посланник в Париже граф Гацфельд — на первые заседания Конгресса приглашены не были, так как Пруссия не участвовала в Крымской войне. Они заняли свои места лишь на одиннадцатом заседании — три недели спустя — 6 марта, когда фактически уже были обсуждены все главные вопросы, вызывавшие особенные споры.

Александр с самого начала выражал известный пессимизм по поводу предстоящего Конгресса в Париже: еще 11 декабря царь писал М.Д. Горчакову: "На днях мы должны получить из Вены новые предложения с требованиями наших противников. Они нам еще неизвестны, но по всему тому, что до нас доходит, хорошего ожидать нельзя. Из всего, что мы знаем, следует заключить, что к весне положение наше будет весьма критическим и что нам надо готовиться к худшему... Совесть моя чиста, ибо все, что можно было бы сделать... нами исполнено. Мы дошли до предела возможного и согласного с честью России. Унизительных же условий я никогда не приму и уверен, что всякий истинно русский будет чувствовать, как я. Нам остается — перекрестившись — идти прямым путем, то есть общими и единодушными усилиями отстаивать родной край и честь..." Эти мысли Александра, выраженные в частном письме, показывают, каким истинным патриотом он был, как его беспокоили честь и будущее России. С этими настроениями и посылал Александр своих представителей в Париж.

В своих директивах представителям России государственный канцлер Нессельроде писал: "...Двумя обстоятельствами вы должны руководствоваться: признанным всей Европой миролюбием русского императора, прямотой и искренностью его намерений и, конечно, пользоваться различием интересов и страстей, вдохновляющих наших противников. Англия есть и останется непримиримым нашим врагом. И правительство, и общественное мнение этой страны одинаково одушевлены ненавистью к России и желают продолжения войны. В этом стремлении Наполеон Третий расходится со своей союзницей. Конечно, он не доведет дела ни до разрыва союза с Англией, ни даже до некоторой враждебности в отно-

шениях с ней, но он, несомненно, воспользуется случаем выйти из зависимости от нее. На это указывает его стремление к более тесному контакту с венским двором. Наши уполномоченные должны воспользоваться таким настроением императора французов.

Главною вашей задачей должно быть устранение из мирного договора таких пунктов, редакция которых была бы оскорбительна для России и, прежде всего, вы должны приложить все усилия, чтобы взамен очищения русских городов и местностей, занятых союзниками, они удовольствовались возвращением Карса, другими словами, необходимо избежать земельной уступки в Бессарабии. На ваш выбор предоставляется, действуя сообразно с обстоятельствами, либо удовлетворить Англию в Азии и тем изолировать Австрию и лишить ее возможности настаивать на устранении России от Дуная, либо присоединиться к состоявшемуся уже, по-видимому, соглашению Австрии с Францией, противодействуя Англии и ее чрезмерным требованиям. Впрочем, — добавлял канцлер, — мы должны вести временную игру и маневрировать с целью ослабить наших врагов и достигнуть главной цели — заключения мира..."

В конце этой своей инструкции канцлер от имени самого императора предостерегал русских представителей от слишком большого доверия к Наполеону: "При неопределенности планов французского императора, направленных к его собственному благу, мы никоим образом не должны связывать нашу политику с политикой Наполеона Третьего. Все, что вам дозволяется, — это заручиться его добрым расположением, дав ему понять ту выгоду, что проистечет лично для него от примирения с Россией, без участия которой, каково бы ни было настроение остальной Европы, не исключая и Англии, не может быть создана коалиция против его династических прав..." И канцлер еще более настаивает на этой симптоматичной директиве, данной русским представителям самим Александром: "Государь император, — пишет канцлер в заключение своей инструкции, — более чем когда-либо желает сохранить своей политике свободу от каких-либо обязательств. Россия не имеет надобности за-

ключать преждевременные союзы, чтобы возвратить себе то политическое влияние в Европе, которым она так долго пользовалась..."

Все эти инструкции канцлера, несомненно, как он сам признает, были личными директивами самого Александра, они опровергают предвзятые утверждения советских историков о посредственности императора Александра как политика.

* * *

Бруннов прибыл в Париж несколько раньше Орлова. Из первого своего свидания с министром иностранных дел Франции Валевским, как он докладывал императору в первом своем рапорте, он вынес убеждение, что Наполеон Третий искренне желает мира с Россией и обещает сделать все возможное для устранения препятствий, которых следует ожидать во время переговоров со стороны Англии и Австрии. То же подтвердил и граф Морни, добавив в беседе с ним, что император Наполеон, хотя и будет гласно заявлять о ненарушимости своего союза с Англией, в сущности этими заявлениями будет лишь прикрывать происшедшую перемену в его отношениях с Россией. Бруннов прибавил, что военный министр маршал Вальян и морской министр адмирал Гамелен, а также и генерал Ниель, руководивший осадой Севастополя, недвусмысленно выражали свои симпатии к России.

Интересен в этом докладе пересказ Брунновым разговора с министром иностранных дел Валевским, которого он близко знал по Лондону, где они оба перед войной были посланниками своих стран: "Вы ждали моего прибытия, — сказал ему Бруннов, — надеюсь, не для того, чтобы я испытал неудачу..." — "Избави Бог, — отвечал Валевский, — удар поразил бы не вас одного, я разделил бы его с вами, и он был бы для меня еще более чувствительным, чем для вас, а потому, как вы понимаете, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы избежать неудачи..."

Александр внимательно читал все эти донесения и,

несомненно, отдавал себе отчет в правильности своей политики, видя уже достигнутые результаты.

Немного позднее Бруннова прибыл в Париж и граф Орлов, первый уполномоченный России на Конгрессе мира. Он, в свою очередь, немедленно доложил императору Александру о своих встречах с Валевским, и, главное, с самим императором Наполеоном Третьим, который дал ему две аудиенции: первая была официальная, торжественная, а вторая, еще более важная, — с глазу на глаз. Орлов откровенно изложил Наполеону содержание данных ему инструкций, сказав при этом, на какие требования в предстоящих переговорах он может согласиться, а какие он должен непременно отвергнуть. "Россия, — сказал Орлов, — согласна на свободу плавания по Дунаю, на нейтрализацию Черного моря". И тут же заметил, что, возвращая Турции Карс и другие занятые русскими области в Малой Азии, он вправе надеяться, что союзники откажутся от требований территориальных уступок в Бессарабии. Сообщение свое Орлов заключил просьбой к Наполеону поддержать русские предложения целиком, "и тогда, — добавил он, — дело мира будет приведено к желанному концу..."

Однако Наполеон озадачил Орлова весьма неожиданным вопросом в конце их разговора: "Я хотел бы знать, что вы думаете о Венских договорах 1815 года? Обстоятельства внесли в них значительные изменения... Что вы думаете об их пересмотре?" Очевидно, Наполеон требовал в награду за свою защиту русских интересов пересмотра давнишних решений Венского конгресса (1815 г.) против Франции, которые оставались в силе.

Орлов, связанный инструкцией царя, ответил уклончиво: "По обширности своей, — сказал он, — этот вопрос затрагивает интересы всех европейских держав, и я не считаю себя вправе высказывать о нем свое личное мнение..." — "Но ведь это простой разговор, — перебил французский император и сейчас же добавил: "А бедная Италия! Она просто не может оставаться в своем теперешнем положении... Разве нельзя что-нибудь сделать для улучшения ее положения? Я говорил об этом с графом Буолем, но он мне ничего не ответил... Кажется,

ему не нравится этот вопрос... А несчастная Польша! Разве милосердие императора Александра не может положить конец притеснениям католической церкви? Разве нельзя облегчить хотя бы немного судьбу несчастных, увлекшихся политическими заблуждениями?"

Орлов с живостью возразил, что Польша пострадала по собственной вине и что ей были предоставлены все возможности процветания, но она не сумела ими воспользоваться, что поляки лишились своих политических прав потому, что нарушили клятвы и присягу, что, тем не менее, им обеспечена полная свобода вероисповедания, и с этой целью пересматривается заключенный с Римским Папой конкордат. И Орлов прибавил: "С самого дня своего вступления на престол государь император превысил надежды, возлагаемые на его милосердие, и хотя я не позволяю себе высказываться о его намерениях, полагаю, что в день своего коронования он имеет в виду облегчить участь виновных..."

С первого же заседания Конгресса, 13 февраля, начались споры между представителями союзников и русскими. Самым трудным вопросом оказалось требование Англии об изменении границ Бессарабии. Русские представители предлагали либо заменить это требование уступкой на Дунае, согласившись на свободу плавания по этой реке, либо возвращением Турции Карса. На самом первом заседании Конгресса англичане, требуя изменения границ Бессарабии, яростно возражали против того, чтобы Карс "служил разменной монетой", твердя, что союзники, и, конечно, в первую очередь Англия и Франция, обязались сохранить целостность Оттоманской империи. Лорд Кларендон даже заявил, что "Великобритания скорее решится вести бесконечную войну, чем согласится на ослабление Оттоманской империи". Орлов и Бруннов, однако, не уступали. Граф Валевский, председательствовавший на Конгрессе, был так встревожен горячностью спора, что поспешил прервать заседание...

Орлов, покинув заседание, немедленно телеграфировал царю: "Англичане отказываются принять уступку Карса взамен изменения границ Бессарабии... Думаю, что нельзя будет избежать выполнения их требований об

изменении границ Бессарабии. Мы держимся твердо и отсрочили заседание, чтобы поставить французского императора в известность о ходе переговоров. Если и это средство не удастся, нам придется, согласно инструкциям, принять и это требование, иначе переговоры будут прерваны..."

Александр, однако, сознавая абсолютную необходимость мира, не ответил своим представителям позволением прервать переговоры. Он своей рукой лишь пометил на телеграмме Орлова: "Судя по началу, я не предвижу ничего хорошего..."

Спас положение император Наполеон. Он пригласил Орлова на обед в Тюильрийский дворец. Сидя за столом по левую руку императора, Орлов изложил ему ход переговоров, призывая к личному вмешательству, потому что "Англия ежеминутно предъявляет новые требования, и Австрия поддерживает ее... Это может привести к окончательному срыву переговоров. Император Александр, — добавил Орлов, — свято исполнит все данные им обещания, и если он решился согласиться на австрийские мирные предложения, он это сделал, полагая, что именно уступка Карса приведет к соглашению не изменять границы Бессарабии, надеясь, конечно, на могущественное вмешательство Вашего Величества..."

Наполеон ответил Орлову, что уступка Карса была его идеей и что он надеялся, что, с другой стороны, приобретение Карса могло способствовать согласию России уступить часть Бессарабии. Однако он признал, что "встретил со стороны Англии и Австрии непреодолимые затруднения, в особенности после того, как он воспротивился чудовищным требованиям Англии разрушить город Николаев и распространить нейтралитет Черного моря на Азовское". Все это Орлов сообщил в Санкт-Петербург телеграфом, добавив слова Наполеона, что "крепкий союз с Россией необходим Франции и согласуется с желаниями и чувствами французов" и что, конечно, "не выходя из пределов осторожности, он сделает все возможное, чтобы облегчить России установление приемлемых для нее границ Бессарабии, равно как и одобрение других ее предложений..." Орлов сообщал также, что На-

полеон обещал дать инструкцию своим представителям во всем поддерживать русские предложения и осведомлять его предварительно обо всех будущих трудностях... И еще весьма важное обстоятельство: французский император разрешил Орлову обращаться непосредственно к нему при всех затруднениях...

После встречи с Наполеоном Орлов имел продолжительный разговор с Валевским, который также обещал свое полное содействие и поддержку русских предложений. Наполеон исполнил свои обещания и даже, вызвав к себе лорда Кларендона и графа Буоля, потребовал от них более примирительного тона в разговорах с русскими, настаивая, что мир должен быть подписан непременно и что Франция ни в коем случае не согласится на возобновление войны...

"В поддержке императора Наполеона, — писал в своем рапорте Нессельроде Орлов, — мы могли убедиться по заметно смягчившемуся, скажу даже приниженному тону, который после его вмешательства вдруг взяли наши противники..." В результате Конгресс отверг границу Бессарабии, предложенную Австрией и яростно поддерживаемую Англией, и принял с незначительными изменениями русский проект. Благодаря энергичной поддержке Франции все пошло значительно легче... Через некоторое время Орлов телеграфировал своему канцлеру: "Претензии англичан о независимости Мингрелии, Закавказья и другие требования — совершенно отвергнуты Конгрессом в нашу пользу. Наши пограничные крепости остаются нетронутыми. Дебаты по поводу разрушения Николаева, возбужденные лордом Кларендоном, прекращены благодаря нашим ответам. Редакция пункта о нейтрализации Черного моря окончена. Остается лишь конвенция наша с Портою о числе военных судов в Черном море — вопрос довольно трудный. Принцип закрытия проливов утвержден".

В первый раз Александр пожал плоды своей разумной, умеренной и трезвой внешней политики, написав на телеграмме Орлова: "Все это хорошо!"

Теперь Орлов писал канцлеру: "...Мало-помалу все разъяснилось, и притом в нашу пользу... Наполеон лично

вмешивался, деятельно и ловко, то чтобы умерить чрезмерные виды Англии, то чтобы урезать расчеты Австрии на удовлетворение ее интересов. Он делал все это не только с желанием установить мир, но еще и с целью доставить нам справедливое удовлетворение. Граф Валевский понял его мысль и осуществлял ее с тактом и талантом. На конференциях ему случалось поддерживать английских представителей, дабы показать официально, что Франция не хочет разногласий с Англией. Но в наших доверительных разговорах он всегда обнаруживал по отношению к нам миролюбивое и, скажу даже, дружественное расположение. Он вел себя по отношению к нам не как враг, а как наш помощник, так он сам называл себя..."

Главные вопросы, таким образом, были решены при активной поддержке Франции, в сущности, в пользу России. Оставалось несколько других, менее важных. В отношении Дунайских княжеств, как писал канцлер Нессельроде, самое важное было, "чтобы, согласно Адрианопольскому миру, все крепости на левом берегу Дуная были срыты и чтобы турки не строили новых крепостей на Дунае от Рени до устья, потому что эти крепости являлись бы передовым постом Турции против России..." Это условие было принято. Однако по предложению Валевского, поддержанному Англией, предлагалось объединить Молдавию и Валахию в одно княжество под верховным владычеством Порты. Русские воздержались от высказывания своего мнения, Австрия находила это предложение преждевременным, а Порта его решительно отвергла... Предложение занести в мирный договор преимущества, признанные Портою по отношению к Сербии, были приняты единогласно.

Гораздо больше затруднений вызвал вопрос о правах христианского населения Оттоманской империи. После долгих споров с Портой, не желавшей признать за своими подданными христианами какие-либо новые преимущества или особые права, так как незадолго до этого гати-шериф султана уже даровал им права, далеко превосходящие все, что было раньше выговорено в их пользу, проект, представленный Орловым, был назван

лордом Кларендоном "в десять раз худшим, чем даже нота князя Меншикова", которая в сущности и привела к войне. Валевский также высказался против этого проекта, объявив, что "нельзя заставить турецких уполномоченных подписаться под ним..." Итак, лишь это предложение Орлова было отвергнуто Конгрессом. Он запросил Санкт-Петербург об инструкциях. Канцлер Нессельроде ответил Орлову: "Государь император одобряет все сказанное и сделанное. Теперь не будет затруднений. Кончайте и подписывайте".

Мирный договор был окончательно подписан в день 42-й годовщины взятия Парижа в 1814 году союзными войсками — 18 марта 1856 года.

Глава семнадцатая

КОРОНАЦИЯ

Благодаря разумной политике императора Александра несчастная для России Крымская война была окончена, в 1856 году в Париже был подписан мирный договор со странами Европы. Россия получила мир без особых потерь, без выплаты контрибуций, не жертвуя территориями. Распуская народное ополчение сразу после подписания мира, император обратился к воинам с манифестом, в котором он горячо благодарил их: "Вы покинули дома и семейства свои, чтобы делить с испытанными в боях войсками труды и лишения, являя вместе с ними пример терпения, мужества, готовности жертвовать всем за нас, за любезную нам и вам Россию, — писал Александр. — Многие из среды вашей запечатлели сей обет своею кровью, приняв славную смерть в рядах защитников Севастополя, и показали всему миру, какое могущество духа живет в народе русском. Ныне положен конец войне, и мы можем, благодаря вас именем отечества за вашу верную службу, сказать вам: идите с миром, ратники земли русской, возвращайтесь к домам, к семействам вашим, к прежним вашим занятиям и обя-

занностям, продолжая быть для сословий, из которых вы были призваны, примером того порядка и повиновения, которыми вы отличались постоянно в рядах ополчения..."

Так царь впервые в русской истории отметил заслуги всех сословий и поставил на равную ногу помещиков-дворян с рядовыми солдатами из крепостных. Более того, Александр жаловал всем участникам войны — "от генерала до ратника" — знак отличия, которым приравнял ратников из крепостных крестьян к представителям русской аристократии. Это был нагрудный знак ополчения с надписью: "За Веру, Царя и Отечество". Александр также приказал министру внутренних дел принять меры, чтобы помещики позаботились об устройстве и обеспечении "отставных, бессрочно-отпускных нижних чинов, которые пожелают водвориться снова в родных деревнях и селах".

Это обращение царя, первое в своем роде за всю историю России, ясно обозначает главную линию его будущей государственной политики по отношению к крепостным крестьянам.

17 апреля 1856 года Александр обнародовал манифест о своей коронации в Москве, назначенной на август. Царь писал: "Вступив на прародительский всероссийский престол и нераздельные с ним престолы Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, посреди тяжких для нас и Отечества нашего испытаний, мы положили в сердце своем дотоле не приступать к совершению коронования нашего, пока не смолкнет гром брани, потрясавший пределы государства, пока не перестанет литься кровь доблестных христолюбивых наших воинов, ознаменовавших себя подвигами необыкновенного мужества и самоотвержения. Ныне, когда благодатный мир возвращает России спокойствие, вознамерились мы, по примеру благочестивых государей, предков наших, возложить на себя корону и принять установленное Миропомазание... Да поможет нам Всемогущий, — заканчивает Александр свой манифест, — с возложением венца царского, возложить на себя торжественный пред целым светом обет — жить единственно для счастия под-

властных нам народов, и да направит Он к тому наитием Всесильного Животворящего Духа Своего все помышления и все деяния наши..."

Ни один из русских государей до Александра не давал подобного обета перед всем миром — жить единственно для счастия своих подданных, и притом не только русских, а и всех остальных... Хотя Александр здесь еще не упоминает о веками бесправных евреях, он — как показало близкое будущее — думал и о них: в первые же годы своего царствования он издал ряд законов, которыми приравнял своих еврейских подданных к остальным гражданам России, позволив им жить на всей территории империи, свободно исповедовать свою веру, служить в армии, поступать во все средние и высшие учебные заведения страны и приобретать любые профессии.

Время, остававшееся до коронации, Александр употребил главным образом на посещение Великого Княжества Финляндского и Царства Польского.

Еще в марте Александр в сопровождении всех своих троих братьев выехал в Финляндию. Прибыв в Гельсингфорс, как тогда называлась ее столица, царь немедленно принял во дворце должностных лиц, представителей дворянства и духовенства и долго беседовал с ними, обязуясь сохранять все права и привилегии Финляндии и дарованные ей свободы... Затем, по своему обыкновению, посетил он православный храм и лютеранский собор и, наконец, прибыл на торжественное собрание профессоров и студентов Александровского университета, канцлером которого он состоял уже много лет...

Выступая в университете, император заявил: "...Незабвенный родитель наш, желая доказать своему Великому Княжеству Финляндскому ту важность, которую он приписывал воспитанию юношества здешнего края, назначил меня канцлером этого университета для того, чтобы я поддерживал прочную связь между ним и этим университетом..." Потом сообщив, что, вступая на российский престол, он назначает вместо себя канцлером этого университета своего наследника и старшего сына, император заключил свое обращение к профессорам и студентам такими словами: "Будьте же уверены в не-

изменности моих благосклонных чувств к вам, а я полагаюсь на вас...'' Эти теплые слова царя были встречены громом аплодисментов и оглушительным ''ура''. Все присутствующие встали и запели русский национальный гимн ''Боже Царя храни!''

Назавтра император был торжественно встречен финскими сенаторами, которые ввели его в зал заседаний, где он, заняв председательское кресло, обратился к ним с речью. Царь говорил о своем намерении продолжать управлять Финляндией сообразно с дарованными ей правами и свободами и обещал сделать все возможное для процветания страны. Этот день закончился пышным балом, данным генерал-губернатором Бергом. На третий день царь присутствовал на балу, данном в его честь городским управлением Гельсингфорса. Вечером Александр отправился в обратный путь через Або, Таммерфорс, Выборг. Во всех финских городах население радостно его приветствовало.

* * *

Как Александр признавался своим близким, польская корона была для него тяжким бременем, от которого он не мог освободиться: Екатерина Великая расчленила Польшу, разделив ее с Австрией и Пруссией, оставив за собой львиную долю. Три раздела Польши были, несомненно, роковой ошибкой императрицы. Ей хотелось увеличить территорию ее и без того громадного государства. Историческое соперничество между Россией и Польшей в прошлом, польская западная ориентация и католическая религия, вековая взаимная неприязнь обоих народов не могут оправдать этого насилия над государством, чуждым России, хотя и близким ей по языку и славянским корням. Многих трудностей избежали бы потомки Екатерины, если бы не получили этого тяжелого наследства. Александр Первый, Николай Первый, а теперь и Александр Второй не раз признавали разделы Польши ошибкой их великой бабки и прабабки, но отказаться от польской короны они не могли и из-за престижа своей империи, и, несомненно, из-за враждебных

чувств поляков к России. Они считали, что независимая и прозападная Польша под влиянием западных государей, несомненно, снова станет самым опасным врагом России, с вечными претензиями на Украину, Литву и другие земли, находившиеся между ними. Александр, может быть, яснее других понимал необходимость держать Польшу в своих руках. Это, конечно, было ему нелегко, особенно из-за его гуманности и уважения к другим народам. Он искренне желал, даже более своего дяди Александра Первого, дать полякам автономное управление, сохранив все их привилегии, прежде всего, их католическую веру, столь отличную от русского православия. Александр понимал политическую обстановку в этом регионе гораздо лучше, чем современные советские правители, которые из-за своего атеизма осложнили и продолжают осложнять свои отношения с поляками.

В начале мая 1856 года Александр через Москву и Брест-Литовск отправился в Варшаву. В этой поездке его сопровождала многочисленная свита во главе с министром иностранных дел князем А.М. Горчаковым и назначенным им статс-секретарем по польским делам в ранге министра Туркулом, который скоропостижно скончался в пути. В польскую столицу уже съехались царские гости, которых Александр пригласил, чтобы придать больше торжественности своему визиту и чтобы продемонстрировать Западу свое непоколебимое решение ничего не менять в положении этой страны. Среди представителей Запада, в первую очередь, следует упомянуть прибывших в Варшаву посланца королевы Виктории лорда Грея и посланца короля Леопольда Бельгийского — принца де Линя. В Варшаве императора ожидали великая княгиня Ольга Николаевна с мужем, наследным принцем Вюртембергским, великий герцог Саксен-Веймарский, фельдмаршал князь Лихтенштейн, посланец австрийского императора Франца-Иосифа, прусский генерал-адъютант граф фон Грейбен.

Несмотря на традиционную оппозицию России, в Варшаву съехались все губернские и уездные предводители польского дворянства, крупнейшие дворяне-поме-

щики, не без тревоги следившие за либеральной внутренней политикой Александра и уже осведомленные о его намерении освободить русское крестьянство от крепостной зависимости. Дворяне-помещики больше представителей всех других сословий поддерживали русское самодержавие, боясь освобождения своей страны именно из-за возможной отмены крепостного права. Впоследствии эти польские помещики еще более своих русских собратьев осуждали Александра за его либеральную внутреннюю политику и, конечно, более всего за освобождение крестьян.

11 мая император Александр принял в королевском замке в Варшаве польских сенаторов, губернских и уездных предводителей дворянства, польских епископов во главе с папским нунцием, который числился не в России, а в русской Польше. Он не сидел, как в Финляндии, а стоял, окруженный своей свитой, перед поставленным для него в тронном зале троном.

Свое краткое обращение царь произнес на блестящем французском языке, сознательно избегая говорить по-русски: "Господа, — сказал Александр, — я прибыл к вам с забвением прошлого, одушевленный наилучшими намерениями для вашего края. От вас зависит помочь мне в их осуществлении. Но прежде всего я хочу выяснить наши взаимоотношения. Я сохраняю вас, как финнов и всех других русских моих подданных, глубоко в моем сердце, но желаю, чтобы незыблем был установленный моим отцом порядок. Итак, господа, откажитесь от несбыточных ваших мечтаний, — царь повторил эту фразу дважды, подчеркнув эти свои слова. Тех, кто захотел бы остаться при них, я сумею сдержать, сумею воспрепятствовать этим мечтам превратиться в реальность. Счастье Польши зависит от полного слияния ее с остальными народами моей империи. То, что сделано моим отцом, сделано хорошо, и я поддержу его дело. В последнюю войну, ваши сражались вместе со всеми другими, и князь Михаил Горчаков, бывший тому свидетелем, воздает им должную справедливость, утверждая, что они мужественно пролили кровь свою в защиту нашего общего отечества. Финляндия и Польша мне оди-

наково дороги, как и все остальные части моей империи. Но вам нужно знать для блага вас самих, что Польша должна пребывать в великой семье русских народов. Верьте, господа, что меня одушевляют лучшие намерения. Но ваш долг — облегчить мне мою задачу, и я снова повторяю: Господа, оставьте несбыточные мечтания! Забудьте их!"

12 мая императорский наместник князь Горчаков дал в королевском дворце в Варшаве бал в честь императора Александра, на котором он представил ему всю польскую знать. Однако польские вельможи и их жены явились на этот бал сравнительно скромно одетыми, а на балу польского дворянства, который был дан через два дня, все они, и их жены в особенности, блистали богатейшими туалетами, расшитыми золотом и драгоценными камнями. Современники описывают этот польский бал как грандиозное событие, поразившее и царя, и прибывших с ним русских гостей. Это отличие было замечено всеми западными гостями, увидевшими в нем умышленную, хотя и не злонамеренную демонстрацию польской национальной гордости...

Царь открыл бал, ведя под руку польку — графиню Потоцкую, в следующей паре генерал Красинский вел великую княгиню Ольгу Николаевну...

На другой день, 15 мая, царь пригласил к себе всех членов организационного комитета, "столь удачно устроивших этот праздник" в его честь. Он объявил им, что ему было весьма приятно находиться в их обществе. "Вчерашний бал был прекрасен. Благодарю вас за него..." Потом царь повторил им главное из сказанного представителям польского дворянства и сенаторам, и, наконец, заключил: "...Я только что подписал указ об амнистии: я дозволяю возвращение в Польшу всем эмигрантам, которые будут о том просить. Они могут быть уверены, что их оставят в покое. Их восстановят в их прежних правах и не будут производить над ними следствия. Я сделал лишь одно исключение, изъяв из амнистии старых, неисправимых и всех тех, которые в последние годы не переставали составлять заговоры или сражаться против нас. Все возвратившиеся эмигранты,

по истечении трех лет, показав раскаяние и хорошее поведение, смогут даже возвратиться на государственную службу. Поступайте же так, чтобы заслужить это доброе расположение и избавить меня от необходимости поступать строго и наказывать..."

Проведя почти неделю в Варшаве, Александр, примирив на время вечно бурлящую, антирусски настроенную Польшу, отбыл в Берлин, чтобы посетить своего дядю, короля Фридриха-Вильгельма Четвертого.

Посещение Пруссии было предпринято Александром с важнейшей политической целью: отправившись благодарить своего дядю, родного брата императрицы Александры Феодоровны, за его симпатии к России во время Крымской войны, Александр в сущности стремился сделать первую попытку поколебать враждебность Запада. В январе 1856 года, поздравляя прусского короля с Новым Годом, Александр писал: "Останемся навсегда друзьями и испросим благословение Всевышнего на наш двойственный союз. Будьте уверены, дорогой дядя, что я вечно останусь вам признателен за столь блестящее положение, которое вы сумели сохранить для Пруссии во все продолжение этого кризиса и которое было нам столь полезно. Да вознаградит вас за это Бог..."

В другом письме Александр почти пророчески предвидит, что разрыв между Россией и Пруссией окажется катастрофическим не только для них, но и для всей Европы: "Я глубоко убежден, что пока наши государства останутся в дружбе, — писал Александр Фридриху-Вильгельму Четвертому, — вся Европа может еще быть спасена от всеобщего разрушения. Если же нет, то горе ей! Ибо это последняя узда для наступающей революционной гидры..." Это пророчество Александра сбылось в 1914-1918 годах, когда война между Россией и Германией привела не только к падению Романовых в России и Гогенцоллернов в Германии, но и к захвату власти в России большевиками.

Итак, император Александр с сестрою, великой княгиней Ольгой Николаевной, и зятем, наследным принцем Вюртембергским, и с другим своим родст-

венником — великим герцогом Саксен-Веймарским в мае 1856 года отправился в Берлин. По пути к ним присоединился и брат царя великий князь Михаил Николаевич. 16 мая в Фюрстенвальде Александра и его спутников встретил сам король Фридрих-Вильгельм Четвертый со всеми тремя своими братьями. Встреча эта была очень сердечной: монархи обнялись, затем долго разговаривали, обменялись рапортами о состоянии своих армий. Затем они все вместе отправились в знаменитый замок Фридриха Великого "Сан-Сусси", где уже пребывала императрица-мать Александра Феодоровна.

Во время своего четырехдневного пребывания в Берлине Александр присутствовал на многих парадах и военных торжествах. Были розданы многочисленные награды с обеих сторон. Одновременно шли переговоры обоих монархов и совещания русского министра иностранных дел князя А.М. Горчакова с первым министром Пруссии бароном фон Мантейфелем. Перед отъездом царь вручил Мантейфелю орден Св. Андрея Первозванного "за постоянную заботливость вашу об упрочении дружественных отношений между Россией и Пруссией". Все это доказывает, что "двойственный союз" между Россией и Пруссией был действительно заключен, хотя должен был храниться в глубокой тайне. Это было весьма значительной дипломатической победой Александра, ему удалось пробить первую брешь в организованной Англией изоляции России. Проведя в Берлине четыре дня, Александр отбыл в Россию через Митаву, Ригу и Ревель. 29 мая Александр сел в Ревеле на пароход "Грозящий" и назавтра прибыл в Петербург.

* * *

День коронации, самый торжественный день в жизни каждого монарха. Александр с большим воодушевлением готовился к этому историческому для него самого и для всей России дню. 14 августа 1856 года вся царская семья с большой свитой придворных, военных и штатских сановников выехала из Петербурга по железной дороге в первопрестольную столицу. 17 августа состоял-

ся торжественный въезд в Москву императора и императрицы. При звоне всех колоколов московских храмов и громе салюта верхом на коне, окруженный всеми великими князьями, среди которых были и оба его старших сына — царевич Николай Александрович и великий князь Александр Александрович (будущий император Александр Третий), император Александр Второй торжественно въехал в Москву, приветствуемый огромными толпами народа.

У самого въезда в столицу царя встретил московский генерал-губернатор, в Земляном городе — члены городской думы, в Белом городе — московское дворянство. В Кремле, у Успенского собора царя встретили представители Правительствующего Сената. Члены царской семьи, сойдя с коней и выйдя из экипажей, пошли по Кремлю пешком и у часовни Иверской Божией Матери набожно приложились к знаменитой чудотворной иконе.

На самой паперти Успенского собора встретили царя все члены Святейшего Синода в золотых парчовых ризах и митрах и все высшее духовенство Москвы. Московский митрополит Филарет поднес царю и царице золотой крест и святую воду... Приложившись к мощам московских святителей-чудотворцев, царь и обе царицы, предшествуемые митрополитом Филаретом, прошли в Архангельский и Благовещенский соборы и, наконец, через Красное Крыльцо вступили в Кремлевский дворец, на пороге которого верховный маршал князь С.М. Голицын поднес царю на золотом подносе традиционные хлеб и соль.

Современники в своих воспоминаниях подробно описывают эти дни торжества: древняя русская столица приобрела оживленный, праздничный вид. Сюда с разных концов необъятной империи стекались представители многочисленных народностей России. Двор, генералитет, Правительствующий Сенат, Государственный Совет и Святейший Синод, — все высшие государственные учреждения в полном составе прибыли в Москву на всенародное торжество — коронацию своего государя. Все великие государства мира прислали чрезвычайные посоль-

ства: император Наполеон — графа Морни, австрийский император Франц-Иосиф — принца Эстергази, английская королева — лорда Грэнвиля. Родственные дворы представляли принцы крови: Пруссию — принц Фридрих-Вильгельм, Гессен-Дармштадт — принц Людвиг, Баден — принц Вильгельм и т.д.

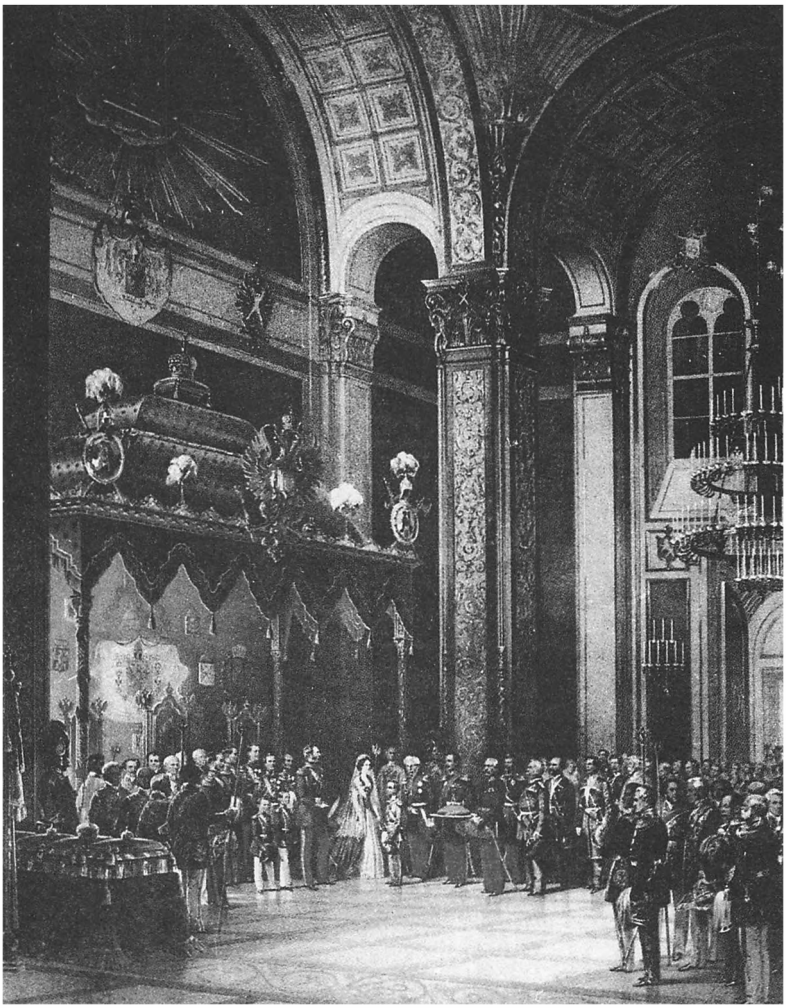
Три дня герольды, сопровождаемые трубачами, в красочных одеждах разъезжали по всей Москве, громогласно возвещая о предстоящем торжестве — коронации императора Александра Второго — 26 августа.

По установленному со времен Иоанна Грозного чину венчания на царство русских государей, состоялась церемония коронации Александра Николаевича в Успенском соборе. Священнодействовал митрополит Московский и Коломенский Филарет в сослужении митрополита Санкт-Петербургского Никанора и Литовского Иосифа, восьми архиепископов и епископов и обоих протопресвитеров с участием всех предстоятелей кремлевских соборов.

Филарет приветствовал императора краткой речью: "Благочестивейший великий государь... Тебя сопровождает вся Россия, Церковь напутствует тебя молитвою любви и надежды..."

Александр с обеими императрицами заняли места на древних, приготовленных для них посреди собора престолах... Громким, взволнованным голосом произнес царь исповедание православной веры. Когда митрополит Филарет читал установленные молитвы, Александр низко наклонил голову, которую Филарет накрыл концом своего омофора... Император стоя возложил на свою голову императорскую корону, коснувшись венцом головы коленопреклоненной супруги своей, императрицы Марии Александровны. Затем с короной на голове и в царской мантии встал он на колени, обратившись лицом к алтарю, и произнес краткую молитву Всевышнему о ниспослании ему "духа владычня, духа премудрости и ведения, духа совета и крепости..." В этот торжественный момент все присутствующие в соборе также опустились на колени, внемля царской молитве...

Филарет в своих воспоминаниях пишет, что "круп-

Коронация императора Александра Второго

ные слезы катились по лицу до глубины души растроганного монарха" и что сам он и многие присутствовавшие также плакали от умиления...

Соборный хор запел "Тебе Бога хвалим". Началось традиционное шествие из Успенского собора в Архангельский и Благовещенский. Предшествуемый духо-

венством, окруженный всем двором, шел Александр с обеими императрицами под балдахином, в порфире и короне, держа в правой руке скипетр, в левой — державу. Ступив на Красное Крыльцо Кремлевского дворца, царь поклонился народу...

Затем в тронном зале — древней Грановитой Палате — состоялся традиционный торжественный обед, на котором, кроме царя и обеих императриц, присутствовало высшее духовенство и члены двух первых классов двора...

Вечером Кремль и вся Москва озарились бесчисленным множеством огней. Торжественная иллюминация повторилась и в следующие два дня. На площадях столицы были расставлены столы с угощением для народа, который ликовал до поздней ночи.

Так был коронован император Александр Второй и началось его царствование.

В дни коронации Александр учредил еще одну памятную медаль, посвященную минувшей войне. На ней был изображен император Николай Первый и сам Александр. Текст, выбитый на медали, был заимствован из Писания: "На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки".

По древней традиции пожаловал он высокие отличия многим своим сановникам. Ветерана наполеоновских войн, много лет возглавлявшего русские военные силы на Кавказе, князя М.С. Воронцова произвел он в генерал-фельдмаршалы. Княжеское достоинство даровал он председателю Государственного Совета графу А.Ф. Орлову и многим пожаловал графские титулы.

Но гораздо важнее этих милостей приближенным вельможам было облегчение участи всех осужденных, особенно политических преступников: одни были прощены, другим значительно сокращены сроки наказания, многие были освобождены от полицейского надзора, от следствия и суда. Все преступники, приговоренные к наказанию плетьми и наложению позорного клейма, были освобождены от этой кары.

Александр специальными указами облегчил положение лиц, приговоренных к каторге или сосланных на

Федор Михайлович Достоевский (1821 – 1881)

поселение в Сибирь. Он также разрешил вернуться на родину всем политическим эмигрантам. Александр отменил высокие пошлины на заграничные паспорта, установленные Николаем Первым, которые препятствовали свободному выезду за границу. Наконец, он подписал памятный указ о прощении государственных политиче-

ских преступников, лишенных всех прав и состояния и сосланных в Сибирь или отданных в солдаты по приговорам судов по делам о тайных обществах 1825 года и по делу петрашевцев 1849 года. (Так был помилован и великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский, осужденный по делу петрашевцев, который, отбыв каторгу в Омске, все еще служил солдатом в сибирском линейном батальоне в Семипалатинске. Произведенный в офицеры, он в 1859 году вышел в отставку, вернулся сначала в Тверь, потом в Москву и беспрепятственно возобновил свою писательскую деятельность.) Им дозволено было возвратиться с семьями из мест ссылки и жить, где пожелают, в пределах империи, исключая Москву и Петербург. Этим осужденным при Николае Первом политическим преступникам Александр возвратил дворянское достоинство, их титулы, а также право на владение отнятыми у них имениями.

Наконец, 3 сентября Александр устроил торжественный обед в честь всех деятелей культуры и науки, находившихся в это время в Москве. Никогда в прошлом, русские цари не дарили подобным вниманием представителей русской интеллигенции.

Глава восемнадцатая

АЛЕКСАНДР В ЦЕНТРЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

Александр не хотел платить слишком высокую цену за свой союз с Наполеоном и не считал полезным договариваться о "каких-либо исправлениях карты Европы" — как он говорил своему министру иностранных дел князю Горчакову. При этом, однако, Александр соглашался встретиться с Наполеоном, надеясь, что союз с Францией поможет ему отменить или смягчить столь тяжелые для России постановления Парижского договора. За это сотрудничество Александр готов был "выдать Наполеону Австрию", которой царь не мог простить ее предательство во время Крымской войны. Кроме того,

Александр рассчитывал, что союз с Наполеоном будет весьма полезен России при распределении наследства "больного человека" — как он, вслед за своим отцом, продолжал называть султана. Он надеялся извлечь пользу для различных христианских стран Балканского полуострова, потенциальных союзников России. Горчаков также приветствовал идею встречи обоих императоров и в разговоре с графом Морни даже назвал это будущее свидание "историческим событием большого значения". Морни предложил устроить это свидание в Штутгарте, куда Александр предполагал вскоре прибыть с императрицей Марией Александровной.

Встречу Александра с Наполеоном в Штутгарте, как было указано, устраивал родной брат Марии Александровны герцог Людвиг Гессен-Дармштадтский и, конечно, сам князь Горчаков, ревностный сторонник сближения между Россией и Францией. Однако далеко не все одобряли это сближение царя с "третьим Бонапартом, династия которого имела столь революционное происхождение..." Многие русские аристократы относились к Наполеону Третьему неприязненно и брезгливо, они вообще не доверяли Франции из-за вечной революционности французов.

Следствием этих настроений была отмена приглашения французской императрице Евгении прибыть с мужем в Штутгарт, якобы потому что сама императрица Мария Александровна не могла "из-за состояния здоровья" прибыть туда, хотя она намеревалась в то же самое время посетить своих родственников в находящемся поблизости Дармштадте. Вероятно из-за этих противников русско-французского сближения встреча обоих монархов чуть не расстроилась.

Кто-то показал французской императрице собственноручное письмо Марии Александровны, в котором царица выражала нежелание встречаться с ней. Позднее сама Евгения в откровенном разговоре с посланником Александра Киселевым поведала ему об огорчении, причиненном ей "этим жестоким письмом" царицы. "Я решила не ехать в Штутгарт, — сказала Евгения, — несмотря на настоятельное желание императора Наполеона,

и просила его не настаивать, так как просто не могу преодолеть себя...” Этот эпизод, конечно, огорчил французского императора, задел его гордость, он был особенно болезнен для него после всех услуг, оказанных им Александру во время дебатов, связанных с заключением Парижского мирного договора.

Однако Наполеон все же выехал в Штутгарт со своим министром иностранных дел графом Валевским и военным советником генералом Флери; их сопровождала небольшая свита. 11 сентября 1857 г. Наполеон прибыл в Баден, где его ожидала весьма неприятная весть о предстоящем свидании Александра с австрийским императором Францем-Иосифом, о котором император Франции даже не был предупрежден. Прусский принц Вильгельм и представитель Пруссии в германском Бундестаге Бисмарк, однако, уверили его при встрече, что опасения его насчет возобновления тройного договора 1815 года между Россией, Пруссией и Австрией ни на чем не основаны и что Пруссия, как и Франция, относится к Австрии весьма неприязненно. Это отчасти успокоило Наполеона, который также узнал, что русская императрица прибудет в Штутгарт из Дармштадта через день-два после прибытия самого Александра.

12 сентября прибыл из Дармштадта в Штутгарт император Александр в сопровождении гессенского принца Александра, русского министра иностранных дел князя Горчакова, министра двора графа Адлерберга и др. Граф Киселев уже ожидал царя в Штутгарте, прибыв за два дня до него из Парижа. Встретил царя сам престарелый король Вюртембергский и отвез его в свой замок.

На следующий день в Штутгарт прибыл император Франции, которого также встретил сам король и отвез его в тот же замок. Вечером Александр встретился с Наполеоном в тронном зале замка. Оба они вошли одновременно через двери, находящиеся в противоположных концах зала. Они сердечно раскланялись и пожали друг другу руки. Оба императора затем удалились в смежную гостиную и, усевшись друг против друга, целых полчаса разговаривали наедине. Это была их пер-

вая встреча. В то же время Горчаков и Валевский, оставшись в тронном зале, разговаривали у окна с глазу на глаз.

После этой первой встречи оба императора обедали в замке за семейным столом короля Вюртембергского. Вечер они провели на рауте у великой княгини Ольги Николаевны, в ее резиденции — на вилле Берг. Горчаков тут же имел продолжительный разговор с Наполеоном.

На другой день, после торжественного обеда в загородном дворце короля, Наполеон поехал в виллу Берг приветствовать императрицу Марию Александровну, приехавшую утром из Дармштадта.

Целых три дня провели оба императора в Штутгарте. Александр и Наполеон виделись часто и вели наедине продолжительные политические беседы. Одновременно совещались и их министры. Целью этих политических бесед, как между самими императорами, так и между их советниками, было "поддержание мира и равновесия в Европе". Сошлись они на важном принципе: "исключить из их программ всякую революционную политику".

Наполеон неоднократно обращал внимание Александра на тревожное положение в Италии. "Необходимо, — повторял он, — устранить Австрию из Италии". Александр соглашался с ним, однако ограничивался ответом: "Я не повторю ошибки 1815 года..."

Наполеон также спрашивал царя о целях его встречи с австрийским императором Францем-Иосифом. Понимая, что этот вопрос особенно тревожит его собеседника, Александр решительно успокоил его: "Эта встреча ни в коем случае не может как-либо повлиять на мою политику и еще менее — изменить ее... Я не забуду, — прибавил он, — вероломства Австрии во время прошлой войны, и будьте совсем спокойны: союз трех держав 1815 года никогда не будет восстановлен..."

Александр был чрезвычайно внимателен к своему собеседнику, приглашал его постоянно на обеды и ужины, которые устраивались его немецкими родственниками: вюртембергским королем в его замке или загородном дворце, а также на вилле Берг гостеприимной великой княгиней Ольгой Николаевной, которая с мужем,

наследным принцем Вюртембергским, окружили Наполеона теплым вниманием, конечно, чтобы угодить императору Александру. Они много способствовали созданию самой сердечной атмосферы. Даже императрица Мария Александровна, считавшая Наполеона Третьего выскочкой и парвеню, в угоду мужу держалась весьма любезно и предупредительно не только с ним самим, но и с его свитой.

Отмечу, что по воспоминаниям не только русских, но и немецких и даже французских участников этой встречи, не французский император, а Александр играл роль вдохновителя и руководителя. Наполеон был просто очарован Александром, его предупредительностью и славянским обаянием — этим "шарм слав", как он говорил в своем кругу о царе.

Однако Наполеон, особенно в сравнении с Александром, был человеком весьма ограниченным и даже посредственным. Он глубоко ошибался, принимая это внимание царя, которое было просто результатом такта и воспитания русского монарха, за подобострастие и желание понравиться ему. Считая себя крупнейшей личностью века, Наполеон весьма наивно воображал, что настало время разыграть свои политические козыри и потребовать от царя разрешения польского вопроса, самого болезненного в то время. Позднее, вернувшись в Париж, Наполеон сам рассказал русскому послу Киселеву об этом своем роковом разговоре с царем, при котором Киселев не присутствовал.

— В отношениях России и Франции, — сказал Наполеон Александру при их последней встрече, — я вижу только один вопрос, который может стать щекотливым...

Царь, скрестив руки на груди, устремил взор на собеседника, как будто желая его остановить. Но Наполеон продолжал:

— Это вопрос польский, который должен быть поднят снова и занять собой европейскую дипломатию. Я имею обязательства, — говорил Наполеон, подчеркивая каждое слово, — от которых не могу отречься, и должен щадить общественное мнение, которое во Франции очень

расположено к Польше...

Наполеон, воодушевляясь, становился все более категоричным, таким решительным тоном он никогда еще не говорил с царем:

— Об этом обстоятельстве, — сказал он, — я должен предупредить ваше величество откровенно, чтобы не пришлось прервать наши добрые отношения, которыми я так дорожу...

Слова Наполеона Третьего произвели на Александра самое неприятное впечатление. Для русского царя польский вопрос был наиболее тяжелым и неразрешимым. Несомненно, историку трудно оправдать эту непримиримую позицию русской имперской политики по отношению к Польше. Кстати, и в наше время отношение Советской России к Польше остается таким же непримиримым. Лишь одно оправдание есть у Александра: он унаследовал польскую проблему от своей бабки Екатерины Второй. Александр, конечно, не мог по собственной воле разрубить этот гордиев узел и исправить роковую ошибку своей гениальной бабки, восстановив свободную и независимую от России чуждую ей западную, католическую Польшу.

Сдерживая негодование, Александр лишь холодно ответил Наполеону:

— Никто более меня самого не желает Польше мира и преуспеяния, но всякое чужеземное вмешательство может только повредить исполнению моих добрых намерений, возбуждая в поляках несбыточные надежды.

Александр встал и молча протянул Наполеону руку. Они расстались холодно.

Обращаясь к своей свите, царь сказал по-французски, так громко, что французский император, выходивший из зала с графом Валевским и генералом Флери, услышал эту гневную реплику: "Со мной дерзнули заговорить о Польше..." Впрочем, отголосок этого разговора разнесся вскоре по всей Европе...

Вероятно, из-за этой последней реплики Наполеона заготовленные русским министерством иностранных дел акты, подводящие итоги встречи между двумя императорами, так и остались неподписанными... Столь счастли-

во начатое франко-русское сближение — Entente Cordiale — расстроилось.

На другой день в три часа пополудни Александр Николаевич и Мария Александровна отбыли из Штутгарта в Дармштадт. Провожал их сам престарелый король Вюртембергский и наследный принц с великой княгиней Ольгой Николаевной... Император Наполеон, желая загладить неприятное впечатление от разговора о Польше, тоже прибыл на штутгартский вокзал провожать русскую императорскую чету. Но это уже ничего не изменило в отношениях между ним и Александром. Он поцеловал руку Марии Александровны и легко пожал флегматично протянутую ему руку царя. В тот же вечер и сам Наполеон отбыл во Францию...

Глава девятнадцатая

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

"...*Я с особым удовольствием поднимаю бокал за здоровье государя... В сущности, никому другому, а ему и только ему обязаны мы освобождением...*"

(Лев Толстой. Тост на торжественном банкете тульского дворянства по случаю отмены крепостного права.)

Освобождение крестьян от крепостной неволи — величайшая реформа Александра Второго и, несомненно, самое важное событие в России за все время правления династии Романовых. Крупнейший русский историк В.О. Ключевский незадолго до своей смерти (в 1911 г.) в весьма известном выступлении по поводу пятидесятилетия освобождения крестьян сказал: "Во всем нашем прошлом нет более важного по своему значению события, чем эта реформа Александра Второго... Пройдут века, и трудно будет узреть какое-либо другое обществен-

ное событие, которое оказало бы более существенное влияние на столь многочисленные области нашей жизни..." Добавлю, что, несмотря на весьма пристрастную критику советских историков, эта компетентная оценка вполне оправдывает имя "Царь-Освободитель", под которым Александр Второй вошел в мировую историю.

Конечно, он не мог в середине девятнадцатого века, когда ему оказывалось мощное противодействие со стороны правящего дворянского класса, простым росчерком пера уничтожить вековой режим крепостничества и, обездолив русскую аристократию, наделить землей более 20 миллионов освобожденных им крестьян. И все же от Александра требовались для проведения в жизнь освободительной реформы личная смелость и глубокое понимание исторического момента.

Нельзя забывать, что ни Екатерина Великая, ни Александр Первый, ни Николай Первый — его предшественники на русском престоле, не смогли провести эту давно назревшую социальную реформу, необходимость которой все они сознавали. Знаменитое послание первого русского историка Н.М. Карамзина Александру Первому о необходимости сохранения крепостничества — "этого чисто русского явления" — все еще вдохновляло помещиков-дворян, а призрак кровавого дворцового переворота 1801 года, несомненно, все еще пугал Александра Второго, как и ранее двух его предшественников.

После проигранной, несмотря на героизм русских солдат и офицеров, Крымской войны, России предстояло долго залечивать тяжелые раны, нанесенные поражением, и неверно, что именно проигранная Западу война толкала царя на упразднение крепостного права в России. Как раз наоборот, остро переживающая национальную катастрофу русская аристократия, имея перед глазами пример восстания декабристов 1825 года, могла бы легко воспользоваться падением престижа Романовской династии, чтобы свергнуть с престола неугодного ей либерального монарха, посягнувшего на ее вековые привилегии, унаследованные от отцов и дедов. И историческая заслуга Царя-Освободителя именно в том, что он не побоялся разрубить этот гордиев узел русской истории.

* * *

Было ли крепостничество, как считали Карамзин и его последователи, "чисто русским явлением", которое именно из-за его национального характера следовало сохранить в противовес западным веяниям? И да и нет. Замечу, что это историческое явление эпохи феодализма переживали в той или иной форме все страны мира и, в частности, вся Западная Европа, намного раньше России. Более того, в обширных русских землях, может быть, из-за самого характера русского человека, русское крепостничество возникло гораздо позднее и, несомненно, под влиянием европейского Запада. Но если на Западе крепостничество было значительно смягчено церковью, вечно враждующей с императорами и королями, то в России оно все больше и больше принимало византийский характер. Крепостная зависимость, проникшая в Россию вместе с варяжским завоеванием, постепенно, под влиянием византийской традиции, приняла азиатскую форму рабства. И если на Западе крепостное право выражалось прежде всего феодальным оброком, т.е. платой феодалу за предоставляемую крестьянину землю, и со временем заключалось только в выплате десятины, то в России оно означало прежде всего полную личную зависимость человека.

Уже "Русская правда" указывает на существование зависимых смердов — крестьян "закупов", "рядовичей" и др. Таким был строй варяжского феодального государства, подавившего местное славянское население. Позднее, из-за обособленности от Запада, не входящая в общность объединенных католической церковью народов, православная византийская Русь стала добычей татар, которые оставили на ней новое азиатское клеймо, но не смогли проникнуть дальше на Запад, увязнув в ее просторах.

На обширных территориях северо-восточных русских княжеств уже в четырнадцатом веке и особенно в начале пятнадцатого существовало крупное княжеское и боярское землевладение, как, впрочем, и не менее бо-

гатое церковное — епископское и монастырское, — унаследованное от Византии. Этот рост феодального светского и духовного землевладения сопровождался усиленным закрепощением крестьян, которые были обязаны исполнять различные повинности в пользу владельцев земель, на которых они жили. Известно, что в пятнадцатом веке, великий князь Московский и местные князья даровали "жалованные грамоты" своим близким и монастырям, разрешая переход крестьян от одного помещика к другому лишь один раз в году — на "Юрьев день осенний", т.е. 26 ноября, когда практически уже заканчивались все сельскохозяйственные работы.

В Судебнике Ивана Третьего 1497 года, который стал первым общерусским государственным законодательством, было установлено это правило "Юрьева дня", причем уходивший крестьянин должен был уплатить землевладельцу "пожилое за двор". Иван Четвертый Грозный увеличил сумму этого платежа, а к концу шестнадцатого века крестьянам уже вообще запрещалось уходить от помещиков, даже и на "Юрьев день". Так установилось на Руси "кабальное холопство", которое значительно усилилось при царе Федоре Иоанновиче.

Известно, что Лжедмитрий во время своего недолгого царствования издал 1 февраля 1606 года указ, в силу которого крестьяне, бежавшие от своих господ в 1601-1603 годах, насильственно возвращались на земли своих прежних владельцев. Соборное уложение 1649 года при царе Алексее Михайловиче окончательно закрепляло крестьян за их владельцами на основании "писцовых книг", составленных в 1626 году, и запрещало помещикам принимать беглых крестьян под угрозой крупных штрафов. Оно же устанавливало на Руси наследственное крепостное состояние. С тех пор началось массовое, систематическое бегство крестьян на Украину, на Дон и на Нижнюю Волгу.

Это окончательное закрепощение русского крестьянства, которое было осуществлено именно в угоду дворянству, побудило русских крестьян к весьма широкому бунту под водительством Степана Разина.

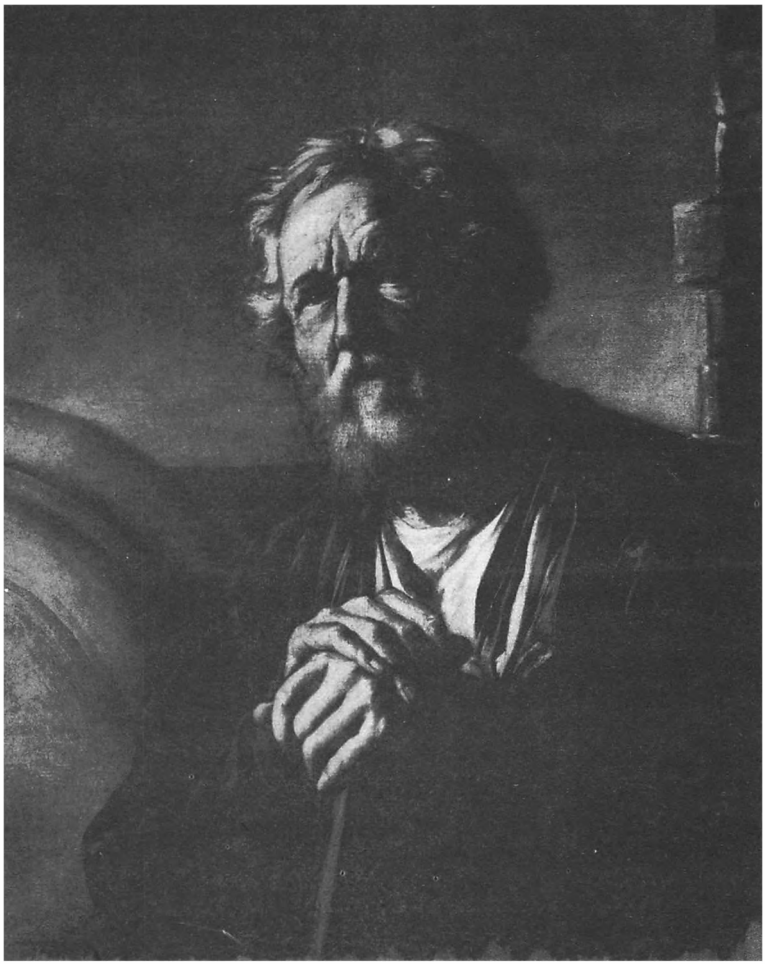
Позднее, при Екатерине Второй, еще более значи-

тельное восстание возглавил другой донской казак — Емельян Пугачев, выдававший себя за императора Петра Третьего. Пугачев после временных военных успехов в Поволжье и на Урале был пойман и казнен в Москве на Болотной площади в 1775 году.

В 1704 году Петр Великий установил смертную казнь за укрывательство беглых крестьян, розыск которых производился специальными военными командами. В 1724 г. было запрещено крестьянам без разрешения помещика "уходить на промыслы", в 1730 г. — владеть недвижимым имуществом, а в 1761 г. — давать денежные обязательства без согласия помещика. Уже в 1760 г. императрица Елизавета Петровна дала помещикам право ссылать крестьян в Сибирь на "вечное поселение", а в 1765 г. императрица Екатерина Вторая — на каторгу. В 1767 г. она же лишила крестьян права подавать жалобы на своих господ. В 1779 году она разрешила помещикам отдавать своих крестьян в солдаты. В "Жалованной грамоте дворянству" Екатерина подробно определила все неограниченные права помещиков на труд их крепостных крестьян.

Реакция против крепостничества началась уже при Александре Первом, который в связи с этим издал в 1803 году свой закон о "свободных хлебопашцах", а указом 1804 года упразднил крепостное право во всей Прибалтике. Император Николай Первый указом 1848 года разрешил крепостным крестьянам покупать землю на свое имя, хотя и с согласия помещика, и иметь собственные деньги для выкупа.

Эти законы определяли положение крепостных крестьян в России при восшествии на престол Александра Второго. Сложность кардинальной исторической реформы состояла для царя в почти неразрешимой дилемме: освободить крестьян от крепостной зависимости, не наделяя их землей, означало обречь их на полное разорение; наделить их необходимой землей, означало обречь на полное банкротство помещиков-дворян, на которых опиралось русское самодержавие. С другой стороны, финансы империи из-за тяжелейших военных расходов были совсем расстроены, и государственная

В.А.Тропинин. Портрет каменщика Суханова, 1823.

казна не могла ассигновать необходимые кредиты ни помещикам, ни крестьянам.

В России, более чем где-либо в мире, крепостной крестьянин был нераздельно связан с обрабатываемой им землей, за что он был обязан платить помещику тя-

В.А. Тропинин. Портрет помещицы Натальи Морковой, супруги владельца художника.

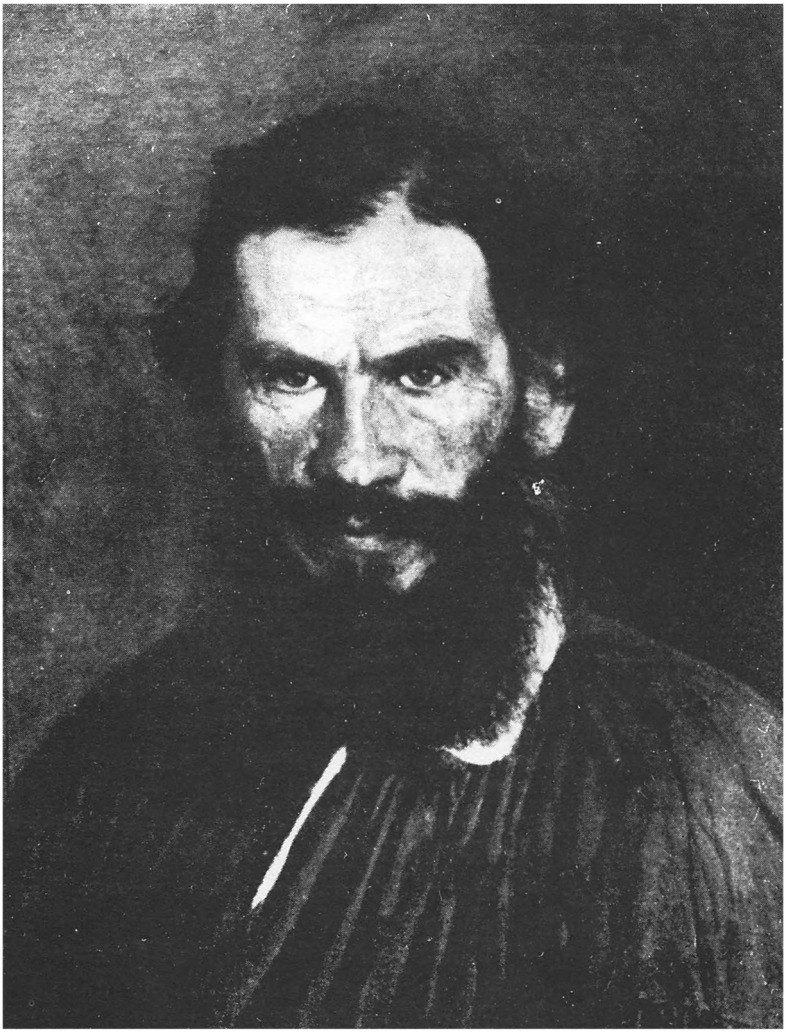
желый оброк. Государственный банк не мог предоставить крестьянину, освобожденному царем от крепостной зависимости, необходимые кредиты, чтобы тот мог заплатить бывшему своему господину выкуп за ранее лишь обрабатываемую им землю. А освободить кресть-

янство без земли, оставив его на произвол судьбы, по мнению многих государственных деятелей империи, означало искусственно создать в России почву для революции.

Необходимо учесть, что оброк, получаемый с крепостных, позволял громадному большинству дворян жить в Петербурге, Москве или даже за границей. Средства им посылали живущие в их имениях управляющие, которые фактически руководили хозяйством по своему усмотрению. Эти доверенные лица земельной аристократии были в большинстве выходцами из зажиточных крестьян, они жестоко эксплуатировали крепостных, а с другой стороны, нещадно обманывали своих господ, присваивая часть получаемых ими от имени помещиков доходов. Все помещики, даже самые либеральные из них, как, например, великие русские писатели граф Лев Николаевич Толстой или живший большей частью во Франции Иван Сергеевич Тургенев, надеялись заменить устаревший оброк более выгодной арендной платой, которую платили бы им за пользование землей их бывшие крепостные, ставшие теперь свободными.

Весной 1856 г. недавно демобилизованный молодой офицер Лев Толстой записал в своем дневнике: "Мои отношения с моими крепостными начинают доставлять мне много хлопот... Я чувствую необходимость учиться, учиться, учиться..."

Его имение Ясная Поляна было уже давно заложено в банке за 20 тысяч рублей. Из получаемого им дохода от крепостных он платил банку в счет погашения своего долга, а на оставшийся доход жил. В ожидании осуществления реформы — освобождения крестьян — Толстой приехал в Петербург и посетил старого друга своей семьи профессора Константина Дмитриевича Кавелина, преподававшего в Петербургском университете историю права. Кавелин был в полном смысле западным либералом, сторонником освобождения крестьян и членом Государственного Комитета, который под руководством самого царя участвовал в подготовлении реформы. Он отнесся сочувственно к молодому помещику, представившему собственный проект освобождения своих кре-

Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910)

постных. Профессор даже поехал с Толстым к своему другу Алексею Ираклиевичу Левшину, бывшему в то время весьма влиятельным лицом — товарищем министра внутренних дел.

Поговорив с Толстым, Левшин посоветовал ему со-

брать своих крепостных и лично предложить им этот свой проект. Он, конечно, с согласия царя энергично советовал всем посещавшим его либеральным помещикам самим проводить в своих имениях хотя бы частичное освобождение крестьян.

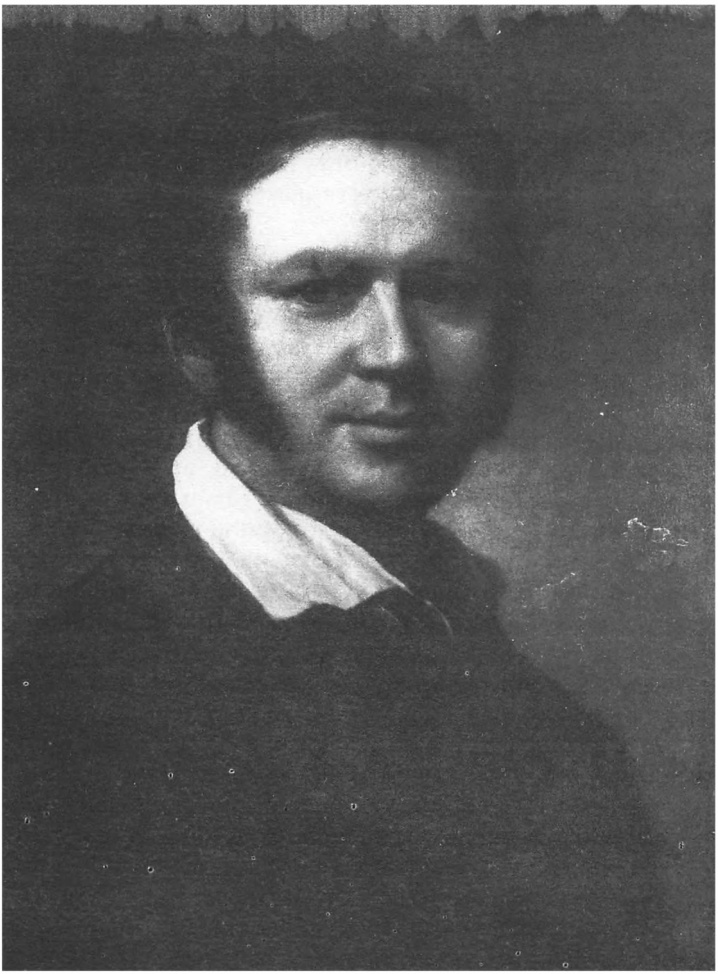
Это была давнишняя инициатива графа П.Д. Киселева, который уже в 1816 году, будучи флигель-адъютантом Александра Первого, представил царю свою памятную записку о "постепенном" освобождении крестьян личными актами отдельных помещиков. При Николае Первом и теперь при Александре Втором Киселев играл видную роль во всех "секретных комитетах", где обсуждались вопросы, связанные с предстоящей реформой.

Вернувшись домой, Толстой в июне 1857 г. созвал своих крестьян и предложил им освободить их от крепостной зависимости; он предоставлял каждой крестьянской семье по нескольку десятков десятин пахотной земли, что равно приблизительно 15 акрам. В уплату за личную свободу и землю Толстой требовал по двадцати рублей в год с каждого семейного участка в течение 30 лет. Из этих двадцати рублей — четыре рубля должны были идти в счет долга банку за залог имения, а остальные — самому Толстому. Это, конечно, была весьма выгодная для него сделка.

Но крепостные не согласились на это предложение. Они недоверчиво качали головами, чесали в затылках и отказались в конце концов от предлагаемой им свободы. Они подозрительно отнеслись к предложению барина, потому что ожидали, как и все другие крепостные крестьяне, что получат "от царя-батюшки" не только свободу, но и даровую землю за счет своего господина.

Итак, 4 июня 1857 года граф Лев Толстой записал в своем дневнике несколько слов, которые так и дышат разочарованием и недовольством: "Ходил к крестьянам. Не хотят они своей свободы..."

Несомненно, так поступали и другие передовые русские помещики, стремясь предотвратить личное банкротство, которое сулила им ожидаемая реформа царя. В громадном большинстве крестьяне отказывались "покупать свою свободу", не доверяя своим гос-

Автопортрет крепостного художника В.А.Тропинина (1776 – 1857)

подам и надеясь получить от царя и свободу, и землю даром.

Все помещики, за весьма малым исключением, негодовали на своего молодого государя и считали,

что проектируемая им реформа принесет дворянству полное разорение.

Толстой узнал от Герцена об освобождении крестьян указом императора Александра, конечно, без подробностей, будучи в Лондоне. В этот день он долго говорил с Герценом, не разделяя его энтузиазма по этому поводу, и даже отказался присутствовать на торжественном обеде, устроенном Герценом.

Такое же беспокойство испытал и Иван Сергеевич Тургенев, который, как и Толстой, всем сердцем симпатизируя крестьянам, весьма боялся разорения, — он привык жить в Париже довольно широко на доходы, получаемые от своих крепостных крестьян. Что же говорить о других дворянах-помещиках по всей России?

Я считаю своим долгом установить неоспоримый факт: освобождение русских крестьян от крепостной зависимости является личным актом самого императора Александра Второго, что бы ни говорили лживые и предвзятые советские историки, силясь очернить память Царя-Освободителя, отрицая эту его заслугу перед историей не только России, но и всего мира. Как увидим, Александр Второй не только освободил русских крестьян от страшной неволи крепостничества, но и всеми силами поддерживал своего современника и друга президента Соединенных Штатов Авраама Линкольна в его стремлении освободить от рабства американских негров, оказывая ему не только дипломатическую поддержку, но и обещая военную помощь русской армии и флота в его борьбе против рабовладельческих штатов Юга, поддерживаемых Англией и Францией.

С самых юных лет Александр считал крепостное право величайшим общественным злом, и его отмена стала самой важной его целью после восшествия на русский престол. Однако он понимал, с какими трудностями сопряжено проведение в жизнь этой реформы. И действительно, вскоре после начала своего царствования Александр узнал о тревожных слухах и толках, которые стали распространяться по всей России, как среди дворян-помещиков, так и среди крестьян. Вся страна говорила о готовящейся реформе. В стране, пережившей

столько дворцовых переворотов и кровавых бунтов, такая коренная реформа была для царя особенно рискованной и опасной. Ни Екатерина Вторая, ни Александр Первый, ни даже деспотичный Николай Первый, хотя все они, по свидетельствам современников, признавали необходимость отмены крепостничества, не решались осуществить реформу. Слишком сложной была задача, и не удавалось найти путь, чтобы "и волки были сыты, и овцы целы..."

Вскоре после заключения успешного для Александра Парижского мира он специально прибыл в Москву, чтобы успокоить московское дворянство, особенно встревоженное упорными слухами о предстоящей отмене крепостного права. 30 марта 1856 года Александр произнес перед представителями дворянства весьма важную речь, в которой он заявил: "Я узнал, господа, что между вами разнеслись слухи о намерении моем уничтожить крепостное право. Конечно, вы и сами знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным..."

Это его предупреждение показывает, насколько глубоко он понимал историю и трезво осознавал политическую ситуацию в России: "Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет отменяться снизу. Прошу вас, господа, думать о том, как привести это в исполнение..."

Теперь, когда после величайшей в истории России реформы прошло более ста лет, можно более беспристрастно судить об этом памятном событии.

После подписания Парижского мира, которому он отдал столько усилий и времени, Александр смог заняться внутренними проблемами, первой и важнейшей из которых он считал отмену крепостничества. Но с первого же дня почувствовал он, как трудно найти помощников, способных осуществить реформу. Все его сановники, хотя и преданные ему, были людьми ограниченными, живущими идеалами прошлого, исходящими из интересов дворянства. Большинство из них сами были помещиками и обыкновенно, дослужившись до государственной пенсии, мечтали, выйдя в отставку с "Владимиром" или

"Анной" на шее, вернуться в свое родовое имение и там провести в покое и довольстве остаток своих дней. Как царь позднее говорил своим ближним, у него не было помощников, на которых он мог бы опереться.

Единственными, на кого царь мог в какой-то мере рассчитывать, были министр внутренних дел Сергей Степанович Ланской и генерал-адъютант Яков Иванович Ростовцев. Но, по мнению самого Александра, первый был человеком слишком консервативных убеждений и при этом далеко не специалистом по крестьянским делам, второй, разделявший в прошлом консервативные взгляды Николая Первого, лишь в последнее время, после долгих бесед с Александром, воспринял его взгляды и превратился под влиянием царя в искреннего поборника освобождения крестьян и отмены крепостного права. Человек блестящего ума, он был просто ошеломлен убедительностью доводов Александра, настаивавшего на необходимости этой перемены. Блестящая образованность царя импонировала Ростовцеву, но и сам он не раз признавался Александру, что чувствует острую потребность серьезно заняться изучением этого нового для него вопроса.

Остальные же сотрудники Александра были, хотя и преданными ему людьми, но, за редким исключением, крайними консерваторами.

Самым компетентным и авторитетным специалистом по крестьянскому вопросу в России был граф Павел Дмитриевич Киселев (1788-1872), которого Николай Первый называл "начальником штаба по крестьянской части". Еще в бытность свою флигель-адъютантом Александра Первого, в 1816 году подал он царю свой рапорт-записку "О постепенном освобождении крестьян от крепостной зависимости". Киселев, сопутствуя императору во время войны с Наполеоном, будучи в Германии и особенно в Швейцарии, был поражен независимой, счастливой жизнью тамошних крестьян, свободным трудом которых созидалось благосостояние Европы. Он весьма логично рассудил, что отмена крепостного права в России неминуемо создаст такое же благосостояние и экономическое процветание.

К сожалению, ничего неизвестно о судьбе первого доклада Киселева об отмене крепостного права в России. Вероятно, занятый проблемами Европы и восстановлением разоренной Наполеоном России, Александр Первый не хотел начинать это столь сложное дело, а может быть, и опасался отрицательной реакции со стороны помещиков.

Киселев занимал пост начальника штаба Второй украинской армии, расквартированной в Тульчине, когда в 1825 году на престол взошел Николай Первый. Очевидно, пользуясь особым расположением нового царя после своего участия в русско-турецкой войне 1828-1829 годов, был Киселев назначен управителем Молдавии и Валахии, в те годы оккупированных русскими войсками.

После подписания мира с Турцией, оставаясь близким к царю, Киселев снова занялся крестьянским вопросом. Сам Николай, путешествуя по западным странам, был не менее Киселева поражен разницей в положении свободного и богатого западного крестьянства и погрязших в нищете русских крепостных.

В 1835 году, по настоянию Киселева, царь создал первый Секретный комитет по крестьянским делам, названный так из-за необходимости соблюдать государственную тайну, чтобы не возбуждать недовольство помещиков, обсуждая вопросы, связанные с отменой крепостного строя. С тех пор при Николае Первом было создано один за другим несколько комитетов, однако и они сохраняли это своеобразное название. При Александре термин "секретный" был заменен термином "негласный", но смысл его, однако, не изменился. Во всех комитетах при Николае Первом Киселев играл роль ответственного председателя и руководителя.

Известно, что, когда наследник престола великий князь Александр стал взрослым, император назначил сына членом всех этих киселевских комитетов, очевидно, желая познакомить его с сущностью крестьянского вопроса в России. Молодой Александр с интересом участвовал в заседаниях этих комитетов, особенно, когда прения принимали острый характер. Александр с тех пор ясно понял, что в России существуют две противополож-

ные, враждебные общественные группировки: одна — за отмену крепостничества, другая — против реформы. Александр принял сторону Киселева и стал его другом и покровителем.

Киселев настаивал на ликвидации личной крепостной зависимости крестьян от помещика и на государственном регулировании крестьянских наделов и повинностей. По-видимому, Николай именно для осуществления его предложений учредил особое Пятое отделение по крестьянским делам при императорской канцелярии. Но под давлением мощной земельной аристократии, энергично отстаивавшей свои права, царь отложил решение всех эти вопросов. Все же в 1842 году под давлением энергичного Киселева Николай издал первый указ об "обязанных крестьянах", который был первым шагом к отмене крепостного права, хотя из-за оппозиции помещиков указ этот не получил широкого практического применения.

Согласно этому указу, те помещики, "которые сами сего пожелают", могли регламентировать свои отношения с крестьянами особыми договорами, заключенными по взаимному согласию обеих сторон. Однако за помещиками сохранялось вотчинное право личной собственности на землю со всеми угодьями. Крестьяне же получали от помещиков в пользование участки земли "за условленные повинности", которые государство определяло в виде оброка или барщины.

Практическое осуществление указа об "обязанных крестьянах" было в николаевской России весьма редким исключением: на каждые 10 миллионов крестьян мужского пола было переведено на "особое положение" лишь 24 тысячи человек. Причем в законе указывалось, что при неисполнении принятых по договору с помещиком условий "обязанные крестьяне" должны понуждаться к тому земской полицией. Все же, хотя практически и весьма незначительная, эта реформа теоретически была началом будущих преобразований.

С 1837 года Николай назначил Киселева главой только что образованного им министерства Государственных имуществ, главной задачей которого было

управление государственными крестьянами. В результате проведенной Киселевым реформы оброк, требуемый с государственных крестьян, был переложен с личности на землю и промыслы, что означало фактическую замену личной зависимости — земельной и должно было служить примером для помещичьих крестьян в будущем. Однако опять из-за энергичной оппозиции помещиков, реформа эта не получила общего, широкого применения в империи.

Александр Второй, ценя усилия Киселева, намеревался привлечь его в созданный им новый Негласный комитет, чтобы использовать его опыт в крестьянских делах. Однако непосредственно после окончания Крымской войны, в ходе мирных переговоров, Александр отправил Киселева послом в Париж вместо своих представителей князя А.Ф. Орлова и графа Ф.И. Бруннова. Своей дипломатической деятельностью Киселев значительно способствовал сближению России с Францией. Используя встречу Александра с Наполеоном Третьим в Штутгарте в сентябре 1857 года, Киселев, будучи участником переговоров, несколько раз с глазу на глаз встречался с царем для беседы не о русско-французских отношениях, а о предстоящей крестьянской реформе. Царь искренне сожалел, что важная дипломатическая миссия в Париже не позволяла Киселеву принимать деятельное участие в работе комитета по подготовке крестьянской реформы. Александр постоянно поддерживал с Киселевым деятельную переписку и при каждой возможности встречался и советовался с ним, бывая часто в странах Западной Европы.

Вернувшись в Россию после завершения своей французской миссии в 1862 году, через год после реформы, Киселев вышел в отставку. В те времена человека, которому было больше 70 лет, считали уже глубоким стариком. Никакой политической роли Киселев больше не играл и жил на покое в своем имении, среди освобожденных Александром крестьян, с которыми у него были теплые, патриархальные отношения.

Среди главнейших сотрудников, назначенных царем в Негласный комитет, были две категории людей. Со-

чувствующие инициативе царя министр внутренних дел Ланской и товарищ министра Левшин все же стояли на позициях весьма консервативных. Они считали, что, поскольку помещики были собственниками и самих крестьян, и всей принадлежащей им земли, с юридической точки зрения как самое освобождение крестьян, так и надел их усадьбами и работной землей, должны быть возмещены помещикам либо правительством, либо путем откупа самими крестьянами.

Остальные члены Комитета, радикальные реакционеры, открыто или тайно были противниками реформы, считая крепостное право чисто русской национальной институцией. Они всячески противились освобождению крестьян, а тем более не желали наделить их землей за счет ее законных владельцев — дворян-помещиков. Все они откровенно саботировали усилия царя и делали все возможное, чтобы отдалить отмену крепостного права или свести реформу к формальности, которая бы никак не затронула интересы дворянства. Многие были просто убеждены, что отмена крепостничества приведет Россию к упадку и неминуемо станет причиной опасных для самого существования империи бунтов, как со стороны крестьян, которые будут становиться все более и более требовательными, так и со стороны помещиков-дворян, главной опоры трона.

Царь, безусловно, учитывая эти настроения, все же считал, что сможет повлиять на высших сановников. Зная их вечный оппортунизм, он был, однако, убежден, что большинство из них в конце концов подчинится царской власти, поскольку личные их интересы зависят от благоволения государя.

Самый близкий сотрудник Александра по крестьянской реформе Сергей Степанович Ланской (1787-1862) в эти решительные годы был довольно стар, ему было уже за семьдесят. При Николае Первом был он губернатором во Владимире и в Костроме, а в 1850 году — членом Государственного Совета. Став императором, Александр в 1855 году назначил его министром внутренних дел. Как все сановники Николая, был Ланской убежденным консерватором.

Новый царь, которому он был искренне предан, казался ему слишком либеральным вообще, а в своем проекте крестьянской реформы — в особенности. Не раз он спорил с царем, но в конце концов подчинялся Александру и старался проводить в крестьянском вопросе его, а не свою политику. Именно за эту лояльность Александр благоволил к Ланскому. С самого основания Негласного комитета по крестьянским делам молодой император назначил его членом этого Комитета. 26 июля 1857 года Ланской представил царю записку-проект об основных принципах отмены крепостного права. Соглашаясь дать крепостным личную свободу, Ланской сначала считал, что они должны быть отпущены вообще без земли, но под влиянием царя он изменил свое мнение, и теперь в этом своем проекте предлагал освободить их при условии выкупа ими своих усадеб, причем помещики должны были получать деньги не только за свою землю, но и за утрату права собственности на самих крестьян. Кроме того, пахотная земля должна была оставаться помещичьей, а освобожденные крестьяне получали право пользоваться ею за оброк или барщину.

Председателем Негласного комитета, а впоследствии Главного комитета по крестьянским делам был князь Алексей Федорович Орлов (1786-1861), крупнейший государственный и военный деятель при Александре Первом и Николае Первом, участник войн с Наполеоном и русско-турецкой кампании 1828-1829 годов. Несмотря на то, что его родной брат был декабристом, сам он, будучи командиром гвардейской конной бригады, принял активное участие в подавлении восстания декабристов в 1825 году. В 1831 году он принимал участие в подавлении восстания в Польше и в подавлении холерных бунтов в Петербурге и в военных поселениях. Он стал одним из самых близких сподвижников Николая Первого, который в 1844 году назначил его шефом корпуса жандармов и начальником пресловутого Третьего отделения, т.е. фактически главой всей полицейской службы.

Был Орлов также выдающимся русским дипломатом: уже в 1829 году возглавлял он русскую делегацию

при подписании знаменитого, столь выгодного для России Адрианопольского мирного договора с Портою, а после воцарения Александра был назначен главой русской делегации на Парижском конгрессе в 1856 году, где ему удалось, искусно используя противоречия между Францией и Англией, добиться значительного смягчения условий договора в пользу России. Вернувшись на родину, он пользовался доверием и благорасположением Александра, который назначил его председателем Совета министров и председателем Государственного Совета.

Он был назначен председателем Негласного комитета по крестьянским делам с самого его основания, а в 1858 году, когда Александр решил преобразовать его в Главный комитет, председателем и этого Комитета. Однако Орлов, несмотря на неоднократные попытки царя повлиять на него, остался до конца ярым противником освобождения крестьян и сторонником крепостничества в России. Несмотря на свою лояльность, он иногда даже открыто критиковал царя за его твердое намерение отменить крепостное право, считая реформу не только несвоевременной, но и пагубной для империи.

Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785-1864), типичный крупный сановник-бюрократ времен Николая Первого, в начале своей карьеры служил в Коллегии иностранных дел, занимая видные дипломатические посты в Швеции и Англии. Он сблизился с Николаем Первым, приняв назначение делопроизводителем Верховной следственной комиссии по процессу декабристов, и в 1832 году стал министром внутренних дел, а в 1839 — министром юстиции и председателем департамента законов в Государственном Совете. В 1855 году был он назначен президентом Петербургской Академии наук, а в 1862 году стал председателем Государственного Совета и председателем Совета министров. Был он весьма близок к знаменитому историку Н.М. Карамзину, оказавшему большое влияние не только на его карьеру, но и на его политические воззрения: именно под влиянием Карамзина стал Блудов убежденным противником отмены крепостного права, и только под личным влиянием Александра, с которым он в эти годы успел сблизиться,

воспринял "новые веяния" — как он называл крестьянскую политику Александра. Перемена во взглядах Блудова по крестьянскому вопросу и более либеральная позиция, усвоенная им, являются, несомненно, результатом личного влияния царя.

Другим видным членом обоих комитетов был богатейший помещик князь Павел Павлович Гагарин (1789-1872), с 1864 года председатель Государственного Совета и председатель Совета министров. По крестьянскому вопросу он отстаивал интересы помещиков и противился наделению крестьян землей. Он провел в Государственном Совете знаменитую статью о дарственном наделе, согласно которой обезземеленные крестьяне попадали в тяжкую финансовую зависимость от помещика, на землях которого они жили. Был Гагарин пламенным защитником самодержавия: в 1849 году был он членом следственной комиссии по делу петрашевцев и способствовал вынесению им, в том числе и писателю Достоевскому, сурового приговора. Позднее, в 1866 году, уже после отмены крепостного права, стал он председателем Верховного уголовного суда, вынесшего смертный приговор террористу Д.В. Каракозову, который в апреле того же года в Летнем саду стрелял в императора Александра. Зная преданность Гагарина монархии и себе лично, царь назначил его в оба комитета по крестьянским делам.

Барон Модест Андреевич Корф (1800-1876) с 1834 года был назначен государственным секретарем. Впоследствии он написал нашумевшую книгу "Восшествие на престол императора Николая Первого", где подробно рассказал о восстании декабристов, конечно, с монархической точки зрения, — труд, о котором за границей Герцен и Огарев писали весьма острые критические статьи. Но Александр знал его как сотрудника своего учителя Сперанского, которому он помогал в составлении "Полного собрания законов", и, вероятно, рассчитывал, что, как и он сам, Корф разделяет взгляды Сперанского, ярого противника крепостничества.

Как уже было указано, все эти сановники были искренне преданы молодому царю и занимали в его ад-

министрации высшие государственные посты. Но, несмотря на это, как они, так и остальные члены обоих комитетов, за редким исключением, были убежденными противниками отмены крепостного права и считали проект Александра или несвоевременным, или просто опасным для самодержавия; не желая открыто противоречить императору, всеми силами старались они либо отложить принятие реформы, либо сделать ее осуществление совсем невозможным.

Впрочем, гораздо лучше было положение в непосредственном окружении Александра. Горячей и убежденной сторонницей реформы была прежде всего разумная и культурная его супруга, императрица Мария Александровна, с ранних лет знакомая с настроениями европейских народных масс и убежденная, что рабство, в том числе и русское крепостничество, представляет собой исторический анахронизм, чуждый демократическим идеям современного цивилизованного мира.

На его стороне был также его брат, адмирал флота, великий князь Константин Николаевич, известный своими либеральными настроениями, которого он впоследствии сделал членом Государственного комитета по крестьянским делам.

Восторженной сторонницей реформы была и великая княгиня Елена Павловна, которая в 1825 году вышла замуж за дядю Александра Второго, младшего брата Николая Первого — великого князя Михаила Павловича. Была она племянницей императрицы Марии Феодоровны, супруги императора Павла, и происходила из известной своими демократическими взглядами семьи Вюртембергских королей. Еще будучи Вюртембергской принцессой, была она известна во всей Европе своей энциклопедической образованностью и широкими интересами, а в России сделалась восторженной сторонницей отмены крепостничества, и сама, еще до указа Александра, освободила своих крестьян, щедро наделив их землей. В годы царствования Александра Второго был у нее в Санкт-Петербурге известный всей Европе салон, в котором собирались знаменитые писатели и художники, часто удостаивал его своим посещением и сам импера-

тор. По признанию русских и западных современников, имела она на своего племянника Александра сильное и весьма положительное влияние: она всеми силами вдохновляла царя осуществить и ускорить освобождение русских крестьян.

Наконец, в окружении царя находился его личный генерал-адъютант Яков Иванович Ростовцев (1803-1860), человек выдающихся способностей, под влиянием царя тоже сделавшийся поборником освобождения крестьян. Александр назначил его членом обоих комитетов и, наконец, председателем Редакционной комиссии по составлению законопроекта об отмене крепостничества. Но Ростовцев, как я уже писал, не раз признавался царю, что считает себя плохо подготовленным к столь ответственной роли, и настоятельно просил командировать его в Германию, чтобы мог он там серьезно проконсультироваться у видных немецких специалистов по крестьянскому вопросу. Александр удовлетворил это желание своего генерал-адъютанта, намереваясь сделать его своим первым советником по крестьянской реформе. Как увидим, Ростовцев блестяще оправдал доверие царя и из Германии прислал ему четыре знаменитых письма-доклада, которые и легли впоследствии, несмотря на оппозицию всех остальных членов комитета, в основу проекта реформы.

Третьего января 1857 года в Зимнем дворце состоялось первое совещание Негласного комитета по крестьянскому вопросу. Царь сам руководил собранием, длившимся несколько часов, и допустил лишь короткий перерыв, чтобы угостить членов Комитета легким завтраком.

Открывая это первое заседание по крестьянскому вопросу, император произнес краткое вступительное слово, отметив, что вопрос об отмене крепостного права назрел уже давно, что его предки неоднократно принимали меры к улучшению быта крепостных крестьян, хотя, к сожалению, "вследствие известных обстоятельств — Александр явно намекал на систематическую оппозицию помещиков-дворян — меры эти не имели желаемого успеха. Крепостное состояние отжило свое время, — до-

бавил Александр, подчеркивая голосом значение своих слов, — и, как вы хорошо знаете, предмет этот озабочивает меня с самого моего вступления на престол... Следует ли, по вашему мнению, — закончил он вопросом свое выступление, — принять какие-либо решительные меры к освобождению крепостных крестьян?"

Члены Комитета, несмотря на свои, в основном, крепостнические взгляды, как и следовало ожидать, пошли на компромисс и в своих выступлениях единогласно отвечали, идя навстречу государеву мнению, что вопрос о крепостном состоянии русских крестьян действительно требует разрешения и что сами помещики ожидают перемены их отношений с крестьянами; они знают, что правительство занято этой проблемой, но им неизвестны характер и сущность намерений правительства, и поэтому пребывают они в тревоге. Крестьяне же, со своей стороны, надеются, что мероприятия правительства будут им на пользу, но полагают, что осуществлению их препятствуют помещики и что толки об их свободе, повторявшиеся ранее безрезультатно в начале многих царствований, в настоящее время, более чем когда-либо прежде, обнадеживающи. Следует отметить, что некоторые члены Комитета добавили, что постоянное повторение этих слухов, которые вскоре оказываются ложными, может, наконец, породить в народе движения, опасные для спокойствия государства.

Затем царь приказал Блудову, назначенному им секретарем Комитета, прочесть составленную товарищем министра внутренних дел Левшиным историческую справку о всех мероприятиях предыдущих государей по улучшению жизни крепостных крестьян. В конце этого чтения Блудов представил на разрешение Комитету три основных вопроса: останется ли вся земля по-прежнему собственностью помещиков; если владение землей останется в руках помещиков, то следует ли оговорить право крестьян пользоваться той землей, которая была им отведена прежде (т.е. может ли помещик по своему усмотрению согнать со своей земли освобожденных поселян или же должен будет подчиниться ограничениям закона); получат ли помещики от правительства какое-

либо возмещение как за освобождение крестьян, так и за земли, им отведенные?

Император поручил всем членам Комитета представить в будущих заседаниях свои мотивированные мнения по эти важным вопросам. Наконец, закрывая это первое заседание, царь просил всех членов Комитета хранить в самой глубокой тайне все, что будет обсуждаться на этих собраниях.

В дополнение к решениям первого заседания Комитет постановил вытребовать из министерства внутренних дел всю документацию по крестьянскому вопросу, протоколы прежних комитетов, учрежденных в царствование Николая Первого, а также частные проекты освобождения крестьян — записки Кавелина, Самарина, Кошелева и др. На секретаря Комитета Блудова было возложено составление описи всех этих документов. Самое же рассмотрение их было возложено Комитетом на особую комиссию: князя Гагарина, графа Ростовцева и барона Корфа — все они были членами Государственного Совета.

В течение всей зимы 1857 года продолжалось рассмотрение этих протоколов, записок и других документов, которых насчитывалось более ста; весной же трое членов комиссии составили свои окончательные доклады, каждый отдельно, так как прийти к общему мнению они не смогли. Копии этих трех докладов были разосланы всем членам Комитета, а также экстренно отправлены императору в Киссинген, где он тогда пребывал.

Граф Киселев записал свою беседу с государем в связи с обсуждением в Комитете этих докладов. "Крестьянский вопрос, — сказал царь, — меня постоянно занимает. Надо довести его до конца. Я более чем когда-либо уверен в этом, но никого не имею, кто помог бы мне в этом важном и неотложном деле..." Записывая этот разговор с императором, Киселев добавляет в своем дневнике: "Вообще, мне показалось, что государь окончательно решил продолжить дело освобождения крестьян, но его обременяют и докучают ему со всех сторон, представляя препятствия и опасения..."

* * *

Тем временем командированный в Германию генерал-адъютант Ростовцев представил царю четыре письма-доклада, составленные после многочисленных консультаций с видными немецкими экономистами, специалистами по крестьянскому вопросу на Западе. В них он не только подробно отвечал на вопросы государя, но и блестяще дополнял их собственными заключениями и выводами, результатом своих систематических и длительных изысканий. Доклады эти, которые по сути полностью совпадали с проектами царя и успешно дополняли их, легли в основу подготовляемой Александром крестьянской реформы.

Из Вильдбада, Карлсруэ и Дрездена, где Ростовцев проводил свою командировку, он писал царю: "Не знаю, как благодарить Вас за мое временное отдохновение: в водовороте Петербурга я никогда не мог бы так сосредоточиться". И продолжал, переходя к теме реформы: "На конечное разрешение вопроса смотрю я с крепкой надеждой... Однако, познакомившись с заграничными способами устройства крестьян, я убедился, что ни один из них для России не годится... Как Вы сами считаете, России предстоят две задачи: первая — собственно освобождение, вторая — наделение крестьян землею".

Ростовцев не считал возможным государственный выкуп крестьянской земли у помещиков из-за неимения на это в казне необходимых средств, даже если впоследствии они выплачивались бы самими крестьянами: "Наш мужик, — писал он, — не понял бы бинома для выкупа земли в несколько десятков лет и сказал бы: "Вот-те и свобода — оброка надбавили!" Поэтому он предлагал, согласно принятым уже решениям Комитета, утвержденным царем, "по возможности освободить крестьян ни с землею, ни без земли, а просто оставить им при освобождении их дома, огороды и пашни в постоянное пользование. Затем личная свобода даст крестьянину свободу труда как источник духовного развития и дальнейшего материального улучшения..."

Во втором письме Ростовцев определяет три условия, по его мнению, необходимые для успеха нового порядка (чтобы сами помещики успокоились, а крестьяне почувствовали облегчение своего положения): "Необходимо, чтобы патриархальная власть помещика, державшая доселе в спокойствии всю Россию... заменилась другою, надежною властью, т.е. совокупными действиями мира (общины), помещика и правительства; так достоинство помещика будет в глазах крестьянина не только сохранено, а и возвышено, а отношения самих крестьян и к помещику, и к местному начальству, и между собою определены точно".

Наконец, в третьем письме Ростовцев пишет: "Чрезвычайно трудно интересы помещиков и крестьян привести в равновесие без столкновений. Это самая важная задача в нашем деле... Надобно быть чрезвычайно осторожным в изложении подробностей. Главную осмотрительность следует соблюдать в постановлениях для местной общины и в определении рода наказаний по приговору мира. И то и другое каждая община сама определит лучше всяких законодательных теорий. О наказаниях телесных не следует упоминать: это будет пятном для освобождения, да и есть в России места, где они, к счастью, не употребляются... Но, конечно, все это только канва, требующая развития... Дай Бог, Государь, чтобы Комитет согласился и Вы одобрили эти главные начала..."

В четвертом своем письме Ростовцев рассматривает сложный вопрос о выкупе, который он не только перестал отвергать, но советует оказать ему широкое содействие правительства, однако с условием, чтобы "выкуп не был обязательным ни для помещика, ни для крестьян". Ростовцев заключил эти свои доклады царю апологией свободной крестьянской общины как вернейшего средства обеспечить не только счастливую жизнь самому крестьянину, но и облегчить помещику взимание оброка, как, впрочем, и государству сбор крестьянских податей и повинностей.

Изложенные конкретно и убедительно, без всякой риторики, эти мысли Ростовцева пришлись по душе

Александру, главным образом потому, что в них видел царь превосходное отражение, развитие и уточнение своих собственных идей, не раз, впрочем, высказанных в частных прениях в Комитете, а также обсужденных с самим Ростовцевым в их многочисленных прежних разговорах. Замечу, что с этого времени дружба царя с Ростовцевым и его уважение к нему укрепились навсегда, и никакие дворцовые интриги и попытки подорвать эти отношения уже не имели успеха.

Рассмотрению предложений генерал-адъютанта Ростовцева Комитет посвятил четыре заседания, происходивших 18 октября, 19, 24 и 29 ноября в Гатчине, на которых император неизменно председательствовал. В своем вступительном слове Александр пригласил членов Комитета приступить к обсуждению тезисов Ростовцева, предварительно разосланных всем членам Комитета.

После этих четырех заседаний и подробных объяснений самого Ростовцева Главный комитет, однако, отложил окончательное обсуждение его предложений до того времени, когда соответствующие проекты губернских комитетов и различных ведомств поступят на его рассмотрение.

* * *

Александр не побоялся в отсталой России развернуть колоссальную по масштабу общенациональную кампанию в пользу отмену крепостного права, сам держа в руках все нити руководства ею. Надо отдать ему справедливость, действовал он не хуже крупнейших американских политиков, ведущих борьбу за избрание на президентский пост. При этом положение царя было гораздо труднее и сложнее, чем любого американского лидера: имея абсолютную власть, Александр действовал исключительно демократично, он не принуждал своих оппонентов подчиниться его монаршей воле. Начиная с тайного Негласного комитета, где зачастую ему приходилось заседать со своими советниками по семь часов без перерыва, царь терпеливо выслушивал все возражения против своей реформы, ни разу не теряя самообла-

дания, даже когда он понимал, что члены Комитета действовали по сговору между собой, систематически саботируя его проект.

В архивах сохранились весьма аргументированные многостраничные критические заметки, писанные его рукой, в которых он возражал тому или другому члену Комитета. Спорил он и со своим министром внутренних дел Ланским, который, хотя и был искренне предан ему, отстаивал необходимость не спешить с проведением в жизнь отмены крепостного права.

Очень показательным, например, был острый спор царя с его министром внутренних дел по поводу проекта генерал-адъютанта Ростовцева. Царь возвратил Ланскому его доклад с возражениями по проекту, весь испещренный пространными собственноручными замечаниями на полях, ярко характеризующими взгляды Александра как на предстоящую реформу, так и на задачи внутреннего управления вообще. Так, Ланской, проводя мысль, что можно освободить крестьян, не наделяя их землей, которая по праву является собственностью помещиков, высказывал мнение, что "народ не только не будет сопротивляться, но вполне сочувствует намерениям правительства..." Александр, возражая ему, писал на полях: "...Все это так, *пока народ находится в ожидании*, но кто может поручиться, что, *когда новое положение будет приводиться в исполнение* и народ увидит, что *ожидание его, т.е. свобода, но по его разумению, не сбылась*, не настанет ли для него *минута разочарования?* (Все подчеркнуто рукой царя.) Тогда уже будет поздно посылать отсюда особых лиц для усмирения..."

Далее против успокоительных уверений Ланского, что не следует опасаться серьезных затруднений, Александр весьма реалистично возражал, конечно, считая, что крестьяне, не получив необходимой им земли, несомненно будут бунтовать: "Спокойствие народа тогда только надежно, когда оно есть плод удовлетворения законных потребностей и всеобщего довольства... Но, к несчастью, наше положение и административная организация еще далеки от этого..." Далее Александр писал:

"Мы не должны от себя скрывать, что Россия входит в новую, еще небывалую эру, и потому на будущее *преступно* (подчеркнуто рукой царя) было бы правительству смотреть, так сказать, сложа руки..."

Уже из этих замечаний Александра видно, насколько дальновиднее был он в сравнении со своими советниками. Однако он не мог идти один против всего русского дворянства и, убедившись, что помещики не примут реформу, если он попытается заставить их наделить землей своих бывших крепостных, был вынужден пойти на уступки, потому что считал самым важным провести свою реформу во что бы то ни стало. Впоследствии он собирался наделить освобожденных крестьян землей.

Если такой передовой человек, как Лев Толстой, принял отмену крепостного права, только убедившись, что его не заставят даром отдать бывшим крепостным землю, то как же сильна была оппозиция дворян-помещиков намерению императора наделить землей освобожденных крестьян.

Александр все же сумел провести свою реформу, избежав ужасов гражданской войны и бунта русского крестьянства. В этом отношении он действовал гораздо более успешно, чем его современник американский президент Авраам Линкольн, которому освобождение негров от рабства стоило гражданской войны между Севером и Югом и колоссальных жертв с обеих сторон.

Александр, несмотря на все трудности, неуклонно готовил реформу. 8 января 1858 года он упразднил Негласный комитет и вместо него учредил уже официально Главный комитет по крестьянскому делу для рассмотрения постановлений о крепостном состоянии. Членами этого Комитета царь назначил всех прежних членов Негласного комитета, кроме министра финансов Брока, которого сменил новый министр финансов Княжевич. Подписанный царем указ был обнародован Сенатом 18 февраля того же 1858 года.

Ланской остался на посту министра внутренних дел, несмотря на то обстоятельство, что его доклады часто казались царю поверхностными. Но, вероятно, Александр все же доверял ему и считал, что лучшего кандида-

та ему не найти. Он ценил искреннее расположение Ланского к своему проекту крестьянской реформы.

По просьбе царя Ланской и сотрудники министерства внутренних дел занялись важным вопросом создания единой программы работы местных комитетов, подготовлявших на местах проектируемую императором реформу. Согласовать деятельность этих комитетов было чрезвычайно трудно, так как в них, по воле царя приняли участие представители не только всех общественных слоев, но и различных убеждений и мнений по крестьянскому вопросу, от мелкопоместных дворян до богатейших землевладельцев, от самых мелких чиновников до высшей придворной аристократии, от едва грамотных простолюдинов до академиков и университетских профессоров, и даже — опять-таки по указанию императора — от ревностных защитников крепостного права до убежденных сторонников немедленного и полного освобождения крестьян с землей.

Самый характер этой весьма важной инициативы Александра, которую он заставил Комитет принять, указывает на демократический подход императора к исполнению своего проекта. Важнейшие политические задачи, возложенные им на местные губернские комитеты, которые должны были фактически постепенно заменить Главный комитет, приводили к децентрализации, столь необходимой Александру для осуществления реформы по всей стране. Это был первый опыт обсуждения в России в выборных народных собраниях общественного и государственного вопроса первостепенной важности.

Кроме того, возложенная царем на губернские комитеты задача весьма существенно затрагивала материальные интересы правящего дворянского класса. Впервые в истории страны царь доверил решение такой проблемы столь широкому кругу лиц разных сословий. Александр хорошо понимал, что это введенное им новшество способствовало всеобщему возбуждению умов. Но, как он сам не раз говорил своим сотрудникам, он делал это совершенно сознательно, с целью наиболее прогрессивного развития России, потому что, по его

убеждению, "страна входила в совсем новую эру" своей истории.

Считая Ланского и его сотрудников неспособными до конца выполнить эту важную задачу, Александр возложил ее на самого доверенного своего помощника — генерал-адъютанта Якова Ивановича Ростовцева, члена Государственного Совета и Совета министров.

Он был назначен Александром после своего возвращения из-за границы членом Главного комитета и председателем Редакционной комиссии, созданной царем для составления текста законопроекта об отмене крепостного права. Сравнив положение крестьян в Германии, Франции и других западных странах с русской реальностью, Ростовцев сделался сторонником реформы Александра, полностью воспринял идеи царя по крестьянскому вопросу и в Комитете выступал за обязательное наделение крестьян землей, за проведение выкупа крестьянских полевых наделов при содействии правительства, за перевод крестьян с барщины на оброк и т.д.

Александру было весьма удобно играть роль арбитра между Ростовцевым и Ланским, не говоря о прочих членах Комитета, все еще оппозиционно настроенных к реформе. Понятно, что Ланской и его сотрудники выступили с яростной критикой слишком, по их мнению, крайних идей Ростовцева, а Александр защищал их, потому что это были его собственные взгляды.

Страсти разгорались, и Александр решил еще более активно взяться за необходимую пропаганду проекта своей реформы. Он предпринял посещение многих крупных губернских городов империи, и на приемах, банкетах и, конечно, при личных встречах с провинциальными предводителями дворянства убеждал помещиков в необходимости реформы, чтобы, как говорил царь, "она не была осуществлена снизу". Император старался чисто демократическими методами, путем убеждения, заставить упрямое и непокорное русское дворянство дать свободу своим крепостным.

Однако под единодушным давлением дворянства Александру пришлось отказаться от мысли наделить землей освобожденных крепостных. Конечно, он согла-

сился на этот компромисс, чтобы все же провести свою реформу, которую иначе дворянско-помещичье сословие России отвергло бы целиком. Царь был осведомлен, что большинство членов Комитета во главе с председателем князем Орловым, министром юстиции Пановым и министром государственных имуществ Муравьевым опасалось волнений как среди недовольных реформой помещиков, так и среди неудовлетворенных крестьян.

Александр действовал решительно и планомерно, все более и более популяризируя свой проект отмены крепостного права и сознательно нарушая прежнее свое постановление — держать в строжайшем секрете все действия и решения "Негласного комитета". Очевидно, по мнению царя, пришло уже время подготовить общественное мнение России к принятию проектируемой реформы.

Конечно, помещиков больше всего волновал вопрос о наделении освобожденных крестьян землей за счет помещиков. Император не соглашался с доводами своего министра внутренних дел, что как владение землей, так и владение крепостными крестьянами было священным правом дворян-помещиков и что государство должно выплатить им соответствующую компенсацию. После колоссальных расходов последней войны и необходимых затрат на вооружение громадной армии государственная казна была пуста, а европейские банки отказывались предоставить России займы, потому что были осведомлены о тяжелом финансовом положении империи. Единственный выход император видел в постепенной выплате крестьянами компенсации за приобретенную у бывших господ землю, но при условии ограничения требуемой помещиками цены, весьма значительной, особенно в черноземных губерниях, где землевладение давало хорошие доходы.

Видя решимость императора провести крестьянскую реформу, дворяне сами начали выражать готовность немедленно освободить своих крепостных. Они попытались поставить царя перед фактом, т.е. предварительно, по собственной инициативе, освободить своих крестьян без земли, используя то обстоятельство, что по

этому вопросу еще не было официального постановления. Первым с подобным предложением — освободить крестьян без земли — прибыл в столицу в конце октября 1857 года виленский генерал-губернатор Назимов с коллективным адресом на имя императора от дворян трех северо-западных губерний: Виленской, Гродненской и Ковенской.

Комитет выразил готовность принять и одобрить это предложение, но когда Орлов явился докладывать о нем царю, Александр, сразу поняв намерения Назимова, категорически воспротивился решению Комитета и к удивлению Назимова отказался дать свое согласие. Александр вернул это дело на обсуждение в Комитет и потребовал немедленного разрешения вопроса на основаниях, изложенных в докладе министра внутренних дел, где речь шла об "усадебной оседлости, предоставленной крестьянам в собственность, и отведении им полевых угодий в пользование за повинности".

Члены Комитета посвятили обсуждению этого вопроса три заседания, но не согласиться с мнением царя они не решились. Получив подробный доклад об этих заседаниях, Александр написал свой первый рескрипт на имя генерал-губернатора Назимова, подписанный им в Царском Селе 20 ноября 1857 года, в котором излагал основные положения реформы на местах.

Император повелевал Назимову "открыть теперь же в губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской, отдельные для каждой губернии приготовительные комитеты, а потом создать для всех трех губерний одну общую комиссию в городе Вильно. Затем царь определял, что председателями этих губернских комитетов должны быть губернские предводители дворянства, а членами — помещики, выбранные по одному от каждого уезда данной губернии самими дворянами, и двое уважаемых землевладельцев того же уезда, назначенных губернатором. Император добавлял, что каждый местный губернский комитет должен немедленно приступить к составлению "подробного проекта об устройстве и улучшении быта крестьян", поясняя, что помещики, "сохраняя право собственности на землю, должны предоставить кре-

стьянам их усадебную оседлость, собственниками которой крестьяне окончательно станут в течение определенного времени посредством выкупа, сверх чего крестьянам предоставляется в пользование необходимое количество земли, за которую они или платят оброк или отбывают повинность помещику".

Кроме этого, император конкретно определял роль центральной комиссии, права губернатора и взаимоотношения между помещиками и крестьянами. В заключение царь писал: "Открывая таким образом дворянскому сословию Ковенской, Виленской и Гродненской губерний средства привести благие свои намерения в действие на указанных мною началах, я надеюсь, что дворянство вполне оправдает доверие, мною ему оказанное призванием его к участию в сем важном деле... и закончит его с надлежащим успехом".

Конечно, эти свои распоряжения трем северо-западным губерниям царь имел целью распространить на все губернии империи и таким образом децентрализовать работу по внедрению своего проекта отмены крепостного права. И хотя министр внутренних дел считал, что рескрипт этот не подлежит огласке, сам царь ознакомил с ним посетившего его воронежского губернатора и приказал Ланскому с соответствующим циркуляром препроводить свой рескрипт всем губернаторам и губернским предводителям России "для сведения и соображения" в случае, если бы "дворяне в прочих губерниях пожелали бы последовать примеру дворян Северо-Западного края".

Эта весьма успешная тактика Александра оказалась результативной. Одна за другой губернии начали присылать своих представителей в Санкт-Петербург зондировать почву, как отменить крепостное право более безболезненно для помещиков. Первым после северо-западных губерний отозвалось на призыв царя дворянство Санкт-Петербургской губернии. Впрочем, надо отдать ему справедливость — оно раньше всех других, еще в царствование Николая Первого, представило правительству предложение о введении инвентарных правил, определяющих новые взаимоотношения между помещиками

и крестьянами. Теперь, ознакомившись с императорским рескриптом, санкт-петербургский генерал-губернатор и губернский предводитель дворянства обратились к царю, прося его дать им разрешение на создание губернского комитета.

Несколько дней спустя уездные дворянские представители этой губернии во главе с графом Шуваловым, губернским предводителем, представлялись царю, чтобы отблагодарить его за посещение их бала по случаю бракосочетания великого князя Михаила Николаевича. Александр, приняв их, произнес знаменательную речь, в которой, в частности, сказал: "Мне особенно приятно видеть вас у себя и поговорить с вами о предмете большой важности, о деле, требующем полного вашего внимания. Ваш генерал-губернатор собрал вас и объявил вам мое желание, мою твердую волю. Мне кажется, что правила, мною предначертанные, нестеснительны для обеих сторон. Дополнения и разъяснения, которые окажутся нужными, будут уже делом вашего собственного комитета..." И, обращаясь лично к графу Шувалову, император добавил: "Я уверен, что вы вашим усердием и заботливостью достигните цели".

Вслед за этим во всех газетах были обнародованы царские рескрипты, данные обоим губернаторам — виленскому и санкт-петербургскому. Из них вся Россия узнала, что император безвозвратно решил упразднить крепостное право во всей империи.

17 декабря 1857 г. Александр получил адрес от нижегородского губернатора А.Н. Муравьева, от имени всего нижегородского дворянства, который также весьма преданно и тепло писал императору о готовности всех дворян губернии "исполнить его священную волю" и "полностью сотрудничать" с ним в его "великом начинании на благо России..." Царь ответил нижегородцам в духе двух первых своих рескриптов.

7 января 1858 г. царь получил адрес от московского дворянства, также составленный в весьма сердечном тоне: "Постоянно движимое чувствами беспредельной любви и преданности к престолу, — писал Александру московский генерал-губернатор, — московское дворян-

ство во все времена принимало живейшее участие в достопамятных событиях России, утверждавших в империи славу и величие русского народа, и ныне, исполненное глубочайшей признательности к Государю Императору за всемилостивейшее Его Величества доверие, оказанное дворянскому сословию всей империи, по предмету устройства быта помещичьих крестьян, изъявляет и со своей стороны полную готовность содействовать благим намерениям Августейшего Монарха и просит всемилостивейшего соизволения на открытие комитета для составления проекта правил, *которые комитетом будут признаны общеполезными и удобными*" (курсив мой — В.Н.). Однако, несмотря на верноподданнический тон адреса, император в своем рескрипте московскому дворянству весьма холодно изъявил московскому генерал-губернатору свое удивление, что адрес этот был послан только теперь, и, кроме того, потребовал, чтобы проект устава для комитета Московской губернии "был составлен на тех же основных началах, кои указаны дворянству других губерний, изъявившему прежде москвичей желание устроить и улучшить быт своих крестьян".

Этот весьма холодный и необычный для Александра ответ указывает на недовольство царя претенциозным требованием московских дворян самим определять, какие правила будут "полезными" и "удобными" для них, Александр, конечно, не мог позволить московским дворянам оспаривать целесообразность его решений.

В течение всего года в Петербург приходили адреса от дворян всех русских губерний. И во многих из них Александр читал между строк недовольство помещиков решением императора дать крепостным крестьянам свободу без какого-либо выкупа. Как и министр внутренних дел Ланской, большинство дворян считало, что царь несправедливо и незаконно отнимает у них вековое право собственности на крепостных. Это общее недовольство, хотя и скрываемое некоторыми, теперь становилось главной тревогой и заботой царя.

Позднее, посетив Москву, Александр сетовал на постановление московского комитета под "усадебной оседлостью" разуметь одну лишь крестьянскую построй-

ку. Он принял членов московского комитета в самый последний день своего пребывания в их городе и произнес весьма необыкновенную речь: "Мне, господа, приятно, когда я имею возможность благодарить дворянство, но говорить против совести — не в моем характере. Я всегда говорю правду и, к сожалению, благодарить вас теперь не могу. Вы помните, когда я два года тому назад в этой самой комнате говорил вам о том, что рано или поздно надобно приступить к изменению крепостного права и что надобно, чтобы оно началось лучше сверху, нежели снизу, мои слова не были поняты. После того я об этом долго думал, и, помолясь Богу, решился приступить к делу. Когда, вследствие вызова Петербургской и Литовской губерний, были даны мной рескрипты, я, признаюсь, ожидал, что московское дворянство первое отзовется, но отозвалось нижегородское, а Московская губерния — не первая, не вторая, даже не третья. Это мне было прискорбно, потому что я горжусь тем, что родился в Москве, всегда ее любил, когда был наследником, люблю ее теперь, как родную. Я дал вам начала и от них никак не отступлю..."

Перечислив свои главные основания, изложенные во всех его рескриптах, Александр добавил: "Я люблю дворянство и считаю его первой опорой Престола. Я желаю общего блага, но не желаю, чтобы оно было в ущерб вам, и всегда готов стоять за вас, но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьян. Помните же, что на Московскую губернию смотрит вся Россия. Я готов всегда сделать для вас все, что могу: дайте же мне возможность стоять за вас. Понимаете ли, господа? Я слышал, что ваш комитет много уже сделал, я читал извлечения из его занятий; многое мне кажется хорошим, одно я заметил, что написано о крестьянских усадьбах. Я под крестьянской оседлостью понимаю не одни лишь строения, но и всю необходимую крестьянам землю. Еще раз повторяю, господа, делайте так, чтобы я мог стоять за вас. Этим вы оправдаете мое к вам доверие..."

Этими словами Александр закончил свое обращение к московскому дворянству. В этой своей речи — он

весь, с его прямым и честным характером, с его человечностью, с его глубоким пониманием общих нужд всей России. В этой речи, как всегда в обращениях Александра, нет никакой риторики, не видно усилия понравиться своим слушателям, льстить кому-либо. Царь четко ставит перед самым оппозиционным в империи московским дворянством крестьянскую проблему: необходимость освободить миллионы русских крестьян от тяжелого бремени крепостничества и наделить их землей, чтобы создать и им сносную человеческую жизнь.

Царь был весьма хорошо осведомлен о реальных настроениях русского дворянства и понимал, что близорукость русской земельной аристократии, ее нежелание пойти на уступки и улучшить положение крестьян уже готовило семена будущей революции. И это свое глубокое понимание он лучше всего выразил в памятных, пророческих своих словах: "Если не сделать необходимое для них сверху, они сами сделают это снизу..."

Все же Александр еще верил в возможность повлиять на русское дворянство и убедить его добровольно пожертвовать малой частью своих материальных интересов, чтобы в близком или далеком будущем не потерять все... Именно ради этого предпринял он многочисленные свои путешествия по всей империи, чтобы лично встретиться с местными помещиками и лично убедить их пойти на уступки...

Из Москвы Александр отправился в Смоленск и там также встретился с многочисленными местными помещиками-дворянами. Перед общим собранием смоленских дворян, царь упомянул об их преданности Престолу и Отечеству в 1812 году и в последней войне, вспомнил благоволение своего отца к ним и его к ним обращение, написанное в последние дни его жизни. "Я уверен, — закончил царь свое обращение к смолянам, — что вы не обманете моих ожиданий и оправдаете мое к вам доверие".

Не менее сердечно был он встречен в Вильно. Вспомнив, как виленские дворяне принимали в 1849 году его с гвардейскими полками и как жертвенно участвовали они во всех прежних войнах России, Алек-

сандр сказал им: "Благодарю вас за ваше участие в деле улучшения быта крестьян. Вы первые показали пример, и вся империя за вами последовала... Я уверен, что вы ответите ожиданиям правительства и будете всегда и во всем помогать мне... Я надеюсь на вас".

Путешествие Александра в августе и сентябре 1858 года по важным городам и центрам России ознаменовало важный этап в деле решения крестьянского вопроса. Оно дало сильный импульс, мобилизовав в пользу царской инициативы новых многочисленных сторонников. Движение за отмену крепостного права теперь, благодаря личному участию императора, охватило прежде оппозиционно к нему настроенные массы провинциального русского дворянства. Царь же в этой длительной поездке убедился, что со стороны дворянства не встретит систематической общей оппозиции, которой так упорно пугали его приближенные и советники. Он понял, что необходимость отмены крепостного права была уже фактически признана громадным большинством русского дворянства. Однако Александр видел, что помещики, соглашаясь на освобождение крестьян, все еще не хотели идти на личные жертвы и наделять своих бывших крепостных землей.

В губернских комитетах шла напряженная работа. Но, как и следовало ожидать, между членами этих провинциальных комитетов обнаружились существенные разногласия по самым кардинальным вопросам предстоящей реформы, отражение тех же разногласий, которые существовали в самом Главном комитете. Многие вообще не сочувствовали отмене крепостничества и категорически высказывались против реформы; другие, менее радикально настроенные, стояли за реформу, но настаивали, что она должна соответствовать прежде всего интересам помещиков, опоры государственного строя и самодержавия. Их было большинство. Наконец, было немало людей либерально настроенных, поддерживавших реформу как ее понимал сам император.

Тогда как две первые группы состояли из выбранных дворянами, третья группа состояла из представителей, назначенных правительством, которые энергично

отстаивали свои либеральные позиции и вели с большинством нескончаемые дебаты. Споры эти значительно замедляли работу губернских комитетов, и именно из-за них значительная часть этих комитетов не смогла окончить свою работу к назначенному правительством сроку.

Чтобы все же исполнить директивы Главного комитета, губернские комитеты приняли компромиссное решение посылать в центр два доклада: один — от большинства, другой — от меньшинства. В конце 1858 года в министерство внутренних дел, стали поступать, хотя и постепенно, эти двойные проекты губернских комитетов.

Первым представил свои заключения нижегородский комитет, вторым — санкт-петербургский, третьим — симбирский. Из министерства внутренних дел эти три первых проекта были пересланы в Главный комитет, когда вопрос был решен здесь, его рассмотрела комиссия из четырех сановников под председательством Ростовцева. Вскоре, однако, члены комиссии пришли к заключению, что следует учредить при министерстве внутренних дел две специальные комиссии: одну — для рассмотрения общих для всех губерний положений; вторую — для рассмотрения местных особенностей. Ростовцев предложил учредить и третью комиссию для составления положения о выкупе.

В начале февраля 1859 года Главный комитет одобрил проект министра Ланского и генерал-адъютанта Ростовцева об учреждении этих трех комиссий, названных редакционными, потому что они имели целью выработать окончательную редакцию проекта реформы. Император одобрил доклад князя Орлова, председателя Главного комитета, однако поставил непременным условием назначение Ростовцева председателем всех трех редакционных комиссий. В них участвовали в качестве "экспертов" помещики, члены губернских комитетов, назначенные Ростовцевым, и приглашенные им высшие чиновники разных министерств. Главную роль, после самого Ростовцева, в этих комиссиях играл заменивший Левшина Н.А. Милютин, ближайший сотрудник Ланского, и еще два "непременных члена" — управляющий делами

Главного комитета Жуковский и управляющий Земским отделом при министерстве внутренних дел Соловьев.

По предложению Ростовцева они приняли основные положения реформы: 1. освободить крестьян с землею; 2. окончательным освобождением считать выкуп крестьянами их наделов у помещиков; 3. правительству оказать содействие выкупу кредитом или финансированием. К этим важнейшим решениям прибавили они еще несколько, самыми важными из которых было законодательное уничтожение барщины, перевод крестьян на оброк и предоставление освобожденным крестьянам местного самоуправления.

Царь внимательно читал журналы всех заседаний, как и отдельные доклады, о чем свидетельствуют многочисленные собственноручные его пометки на полях, а также исправления ошибок и опечаток. Он также лично решал все разногласия и споры между членами комиссий. В частности, в спорах о предоставлении крестьянам земельных наделов Александр решительно встал на сторону крестьян и на полях этого доклада собственноручно написал: "...Я ни под каким видом от этого не отойду... без наделов помещики будут сгонять их с земли и пустят их ходить по миру".

По настоянию царя Ланской пригласил в Петербург по два депутата от всех губернских комитетов: одного — от большинства, второго — от меньшинства.

Тем временем в редакционных комиссиях возник острый спор между большинством и двумя членами комиссий, крупнейшими землевладельцами графом Шуваловым и князем Паскевичем, по одному весьма важному вопросу: "Что считать окончанием крепостного периода?"

Ростовцев заявил, что согласно воле государя свобода крестьян должна исходить от помещиков: дворянство изъявило желание дать свободу крестьянам — следовательно, "концом срочно-обязательного переходного периода следует считать выкуп, хотя он и не обязателен, крестьянских полей и угодий". Однако оба оппонента обратились к арбитражу самого царя, настаивая, что сле-

дует считать концом крепостного периода время положительного (конечного) разрешения имущественных отношений помещиков и крестьян: оставляя за помещиками *право собственности*, но признавая за крестьянами *право пользования* помещичьей землей. В сущности Шувалов и Паскевич выражали консервативное мнение помещиков, выступая против выкупа, признавая вечную собственность на землю за помещиками. Как и следовало ожидать, император поддержал большинство и высказался против предложения Шувалова и Паскевича.

В середине августа 1859 года губернские депутаты уже съехались в Петербург. 25 августа Ростовцев от имени государя пригласил их на общее заседание редакционных комиссий.

4 сентября все губернские депутаты были приглашены в Царское Село на официальный прием. Александр обратился к ним с проникновенной речью, в которой сказал: "Я, еще будучи наследником, считал себя первым дворянином и теперь не перестаю считать себя членом вашего сословия. С полным доверием к вам начал я это дело; с тем же доверием призвал я вас сюда. Все ваши мнения дойдут до меня. Я знаю, вы сами убеждены, что дело не может окончиться без жертв, но я хочу, чтобы жертвы ваши были как можно для вас менее тяжелы. Буду стараться вам помочь, но жду вашего содействия, надеюсь, что вы оправдаете мое к вам доверие не одними словами, а на деле". Это личное внимание императора, его прием и, еще больше, эти слова были встречены шумными овациями депутатов.

Воронежский депутат князь Гагарин ответил государю от имени всех присутствующих: "Государь, ваши дворяне готовы на жертвы, хотя бы они простирались и до трети их достояния". Царь, тронутый этой речью, ответил: "Нет, таких значительных жертв я не требую. Я лишь желаю, чтобы великое это дело совершилось безобидно и удовлетворительно для всех".

16 октября Александр посетил Харьков, и на приеме устроенном ему харьковским дворянством, отвечая на восторженные приветствия, он сказал: "Пользуюсь случаем, господа, находясь среди вас, чтобы лично вас

поблагодарить еще раз за усердие. Насчет крестьянского дела я обратился к вам с полным доверием к вашему участию, результаты которого и я, и вы ожидаем теперь. Скажу вам, что общее наше дело подвигается вперед, и я надеюсь, что с Божией помощью достигнем мы окончания его, как я того желаю, то есть, чтобы было хорошо и вам, и крестьянам нашим".

По возвращении после двухмесячного отсутствия, во время которого царь опять объезжал многие города, встречаясь и беседуя с дворянами, продолжая убеждать их в необходимости этой неотложной реформы, узнал он от Ростовцева, что споры между депутатами губерний и остальными членами редакционных комиссий еще более разгорелись. Многие обвиняли редакционные комиссии в желании обобрать дворян. (Ростовцева и его редакционные комиссии обвиняли даже в желании произвести анархию и бунты во всей стране.)

Заключая этот свой доклад, Ростовцев писал царю: "Главная цель комиссий спасти Россию и как средство для достижения этой цели — действительно освободить крестьянина, то есть с надлежащим улучшением его быта, согласно вашей воле, но произвести это паллиативно и рационально, не завязывая новых социальных узлов, которые пришлось бы впоследствии России по примеру Европы или распутывать или разрубать".

Многие комитеты письменно обращались к царю с разными крайними предложениями, или слишком консервативными, или слишком либеральными. Пять депутатов губернских комитетов зашли так далеко, что, выйдя за пределы крестьянского вопроса, возбудили перед императором ходатайство о коренном преобразовании всего государственного строя с введением выборного хозяйственно-распорядительного управления в России, общего для всех сословий, учреждения гласного суда с присяжными заседателями, независимого от администрации, а также свободы печати.

Александр писал больному Ростовцеву: "По выздоровлении Вашем желаю, чтобы все эти различные мнения были обсуждены в Главном комитете, в моем присутствии. Если господа эти думают своими попытками меня

запугать, то они очень ошибаются, я слишком убежден в правоте начатого нами святого дела, чтобы кто-либо мог меня остановить в довершении его. Но главный вопрос состоит в том, как его довершить. В этом надеюсь я на помощь тех, которые, подобно вам, добросовестно желают этого столь же искренне, как и я сам, и видят в нем спасение и будущее благо России. Не унывайте, как я не унываю, хотя часто приходится переносить много горя".

В этих искренних и твердых словах хорошо виден характер Александра, посвятившего свою жизнь благу России...

Болезнь Ростовцева все ухудшалась. Он уже не мог выходить из дому, но продолжал председательствовать и руководить заседаниями редакционных комиссий, члены которых собирались теперь у него на квартире. Однако в начале января 1860 года Ростовцев слег в постель. 5 января ему была сделана операция по удалению злокачественной опухоли, но она ему не помогла. Свою последнюю записку царю он начал словами: "Не бойтесь, Государь..." Но закончить ее не смог. В присутствии императора скончался он в день операции, сердечно простившись с царем, который все последние годы не переставал защищать его и покровительствовать ему.

Смерть Ростовцева, хотя и была большим личным горем для Александра, потерявшего лучшего, самого преданного и самого деятельного сотрудника, никак не поколебала решимость царя довести реформу до скорого и успешного завершения. Всего неделю спустя Александр назначил на место Ростовцева министра юстиции, графа Виктора Никитича Панина (1801-1874). Отмечу, что, по своему обыкновению, император Александр назначал своих оппонентов на посты ближайших своих сотрудников, чтобы, несомненно, сначала нейтрализовать их, а потом превратить в своих самых верных соратников. Так было и с Ростовцевым. Так случилось и с Паниным. С 1839 года был он управляющим министерством юстиции, а с 1841 года, целых двадцать лет, — министром юстиции... Известно, что Панин был отъявленным консерватором и противником реформ Александра в

судебном ведомстве, он выступал даже против отмены телесных наказаний в России. Однако, очевидно, именно из-за его консервативных взглядов Александр в 1857 году назначил Панина членом своего Негласного комитета, а в 1858 году — Главного комитета по крестьянским делам. Теперь, назначив его председателем редакционных комиссий, царь как бы лишил его жала, помешал ему тормозить ход реформы... Однако назначение это немало встревожило большинство членов комиссий, которые, считая Панина активным противником освобождения крестьян, ожидали, что под его руководством дела примут иной, противоположный оборот. Александр, хорошо зная убеждения и характер Панина, вручив ему указ о назначении, сказал: "Помните все, что вы мне говорили; на выраженных мною условиях и вашем обещании полного со мной согласия только вверяю я вам это дело. Ведите его так, как было. Я всегда считал вас честным человеком, и мне в голову никогда не приходило, чтобы вы могли меня обмануть..."

Этот подход Александра и самые эти его слова, указывают на умение царя выбирать себе подходящих сотрудников и подчинять их своей воле. Впрочем, Панин, опытный царедворец, в те же дни говорил брату царя, великому князю Константину Николаевичу: "Каковы бы ни были мои личные убеждения, я считаю своим долгом верноподданного прежде всего подчинять их взгляду императора... Если я какими-либо путями, прямо или косвенно удостоверюсь, что государь смотрит на дело иначе, чем я, — то я долгом сочту тотчас отступить от своих убеждений и действовать даже совершенно наперекор им и даже с большею энергиею, чем если бы я руководился моими собственными убеждениями..."

На приеме депутатов губернских комитетов в Зимнем дворце 21 февраля 1860 года Александр сказал: "Я хочу повторить вам, господа, что я уже сказал губернским предводителям дворянства. Вам известно, что отмена крепостничества и освобождение крестьян является святым делом, близким моему сердцу. Уверен, что и вы считаете его святым. У меня две цели, или, лучше сказать, одна — благо государства... Я хочу, чтобы улуч-

шение быта крестьян было не на словах, а на деле, и чтобы переворот этот совершился без потрясений. Но без некоторых пожертвований с вашей стороны обойтись невозможно. Действуйте же единодушно к общей пользе. Вы должны, господа, помочь нам, с Богом же принимайтесь за дело!"

Император требовал завершить работу над текстом Манифеста к 10 октября. Это его требование было исполнено и редакционные комиссии были закрыты указом царя в этот самый день. Александр пожелал лично выразить свою признательность всем членам комиссий и 1 ноября торжественно принял их в Зимнем дворце.

Тяжкая болезнь лишила князя Орлова возможности продолжать председательствовать на собраниях Главного комитета. Александр, удовлетворив его прошение об отставке, назначил на его место своего брата великого князя Константина. Оставалось решить важнейший вопрос, поставленный Комитету императором: о наделении свободных крестьян землей. Однако по этому кардинальному вопросу продолжались нескончаемые дебаты. Князь Гагарин и граф Адлерберг, сами крупные помещики, настаивали, чтобы при освобождении крестьян им был предоставлен обязательный надел размером лишь "в одну десятину на душу", а затем была дана возможность брать в аренду остальные земли по соглашению с помещиками. Прениям по эти вопросам было посвящено более сорока заседаний в Главном комитете, причем, каждое заседание длилось по шесть-семь часов.

А.В. Головнин так описывает эти заседания в своем письме князю Барятинскому: "Прения эти были очень горячие. Нужно отдать справедливость великому князю Константину Николаевичу, председателю Главного комитета, что все члены пользовались полной свободой выражать свои мнения. Дело затянулось из-за большого разномыслия среди наиболее влиятельных членов, однако все же составилось необходимое большинство в пользу проектов редакционных комиссий, которые и были приняты".

Последнее объединенное заседание Главного коми-

тета совместно с Советом министров происходило 26 января 1861 года под личным председательством императора. В своей заключительной речи Александр, поблагодарив всех участников, заявил, что по окончании дела об упразднении крепостного права сословие крестьян образует одно целое, подчиненное одним общим законам во всем государстве.

28 января принятый Главным комитетом проект освобождения крестьян был внесен на обсуждение Государственного Совета. Открывая это заседание, император Александр сказал: "Дело освобождения крестьян, которое поступило на рассмотрение Государственного Совета по важности я считаю жизненным для России вопросом, от которого будет зависеть развитие ее силы и могущества. Я уверен, что все вы, господа, так же убеждены, как и я, в пользе и необходимости этой меры... Откладывать это дело нельзя, поэтому я требую от Государственного Совета, чтобы оно было им окончено в первой половине февраля и могло быть объявлено к началу полевых работ. Повторяю — и это моя непременная воля — чтобы дело это теперь же было окончено. Вот уже четыре года, как оно длится... Всякое дальнейшее промедление может быть пагубным для государства..."

Затем император подробно описал стремление его предшественников улучшить положение крепостных, хотя, к сожалению, добиться окончательного решения этого вопроса, они не смогли. Он подчеркнул, что безземельное освобождение крестьян в Австрии, а именно в Галиции, Польше и остзейских губерниях, имело то последствие, "что власть помещиков сделалась еще тяжелее, чем это было прежде при крепостном праве". Александр затем объяснил членам Государственного Совета, что он приступил к этой проблеме путем длительных обсуждений во всей стране выбранными представителями дворянского сословия, и с их согласия освободить крестьян, наделив их землей. "Приступая к этому важному делу, — добавил Александр, — я не скрывал от себя всех тех затруднений, которые нас ожидали, и не скрываю их и теперь, но, твердо уповая на милость Божию и уверенный в святости этого дела, я надеюсь, что Бог нас не ос-

тавит и благословит нас кончить его для будущего благоденствия любезного нам отечества".

Александр Васильевич Головнин (1821-1886), будущий министр народного просвещения (с 1862 г.), а в 1861 г. бывший членом Государственного Совета, писал князю Барятинскому об этой речи Александра: "Заседание Государственного Совета 28 января останется памятным в истории России речью, в которой государь осветил разбирательство Совета по проекту освобождения. Эта речь доказала глубокое знание, которым обладает император по отношению ко всему этому делу, доказала, насколько он имеет о нем ясное представление, и обнаружила тот рациональный план, которому он следовал с полной твердостью. Эта речь поставила государя бесконечно выше всех его министров и членов Совета... Надо заметить, что эта речь не была разработана какою-либо канцелярией Совета, не была написана и прочитана, — нет, то была совершенно свободная импровизация, естественное представление мысли, которая давно созрела в голове..."

19 февраля рассмотренные и одобренные Государственным Советом проекты крестьянской реформы были, наконец, посланы императору на утверждение. Этим закончилась обширная подготовительная деятельность редакционных комиссий, Главного комитета по крестьянским делам и всех остальных учреждений, под неусыпным руководством самого царя.

Высочайший Манифест об освобождении крестьян и отмене крепостного права был написан по личному распоряжению императора митрополитом Филаретом Московским и Коломенским, бывшим в прошлом убежденным противником крестьянской реформы. И в этом последнем случае Александр следовал своей весьма разумной тактике, как это было раньше и с Ростовцевым, и с министром юстиции Паниным, и с многими другими противниками царского проекта: приглашая своих оппонентов сотрудничать с ним, Александр не только нейтрализовал их иногда яростное сопротивление, но и делал их приверженцами своих проектов. Филарет оставался одним из весьма немногих иерархов церкви, которые

были против отмены крепостничества, потому что в те времена епископы и крупные монастыри сами владели тысячами крепостных в своих богатейших поместьях. И по свидетельствам современников, положение этих церковных крепостных было еще более тяжелым, чем их собратьев, принадлежавших светским помещикам. Однако его прежние настроения не помешали ему написать блестящий проект Манифеста, который царь подписал без каких-либо изменений или добавлений.

В воскресенье 5 марта 1861 года Манифест был обнародован одновременно в Санкт-Петербурге и в Москве. Александр придавал ему такое значение, что специально командированные им генерал-майоры и флигель-адъютанты с 7 марта по 2 апреля торжественно объявляли его во всех губернских городах России. Одновременно по решению правительства во всех губерниях учреждались губернские присутствия по крестьянским делам, которые были предназначены всецело способствовать реформе. Лучшие из дворян сами шли на должности мировых посредников для определения на местах новых отношений между помещиками и их бывшими крепостными. По всей России устраивались всенародные торжества и служились благодарственные молебны. Отныне русские крестьяне были свободными людьми и имели все права граждан империи.

В своем блестящем выступлении перед Государственным Советом при открытии дебатов по отмене крепостного права Александр Второй сказал: "Предшественники мои чувствовали все зло крепостного права и постоянно стремились если не к прямому его уничтожению, то к постоянному ограничению произвола помещичьей власти. С этой целью при императоре Павле был издан закон о трехдневной барщине; при императоре Александре в 1803 году — закон о свободных хлебопашцах; а при родителе моем в 1842 году — указ об обязанных крестьянах. Оба последние закона были основаны на добровольных соглашениях, но, к сожалению, не имели успеха. Свободных хлебопашцев было немногим более 100 тыс., а обязанных крестьян и того менее..."

Император не говорил, однако, почему все его пред-

Император Александр Второй вручает министру внутренних дел графу С.С. Ланскому подписанный им манифест об освобождении крестьян.

шественники, и даже его отец Николай Первый, не отменили крепостное право. Для беспристрастного историка причина этих колебаний понятна: все они помнили кровавые дворцовые перевороты против Петра Третьего и Павла Первого, осуществленные русской аристократией, и опасались отменить крепостное право из-за неминуемой отрицательной реакции дворянства.

Александр Второй, не менее их понимая, что весьма опасно существенно ущемить классовые интересы дворян-помещиков, все же не побоялся пойти на этот риск,

чтобы создать правовое равенство для всех своих подданных и поставить Россию в один ряд со всеми европейскими странами. Впрочем, исторически справедливо отметить что рабство существовало в самых передовых европейских государствах до начала 19 века: в британских колониях оно было отменено лишь в 1807 году, а в колониях других государства Европы и того позже...

В Северной Америке рабство продолжало существовать даже после его отмены в России. В марте 1861 года, когда Александр Второй подписал манифест об отмене крепостничества, президент США Авраам Линкольн еще лишь произносил присягу на своей инавгурации. Впрочем, Александр всеми силами с этого времени не переставал поддерживать американского президента в деле освобождения негров-рабов и через своего министра иностранных дел князя Александра Горчакова побуждал его к этой реформе, оказывая США решительную дипломатическую поддержку против Англии и Франции, посылая в помощь своих офицеров и даже направив значительную часть русского флота в американские воды для защиты американских портов от подстрекаемых Англией и Францией южан.

Впрочем, между русским крепостничеством и американским рабством были как аналогии, так и весьма существенные различия. Главная аналогия заключалась в абсолютной власти как американских рабовладельцев над их черными рабами, так и русских дворян-помещиков над их крепостными: и тех и других собственники могли продавать, наказывать по своей воле и т.д. В России, может быть, более отчетливо крепостные делились на домашних слуг и на крестьян, работающих на земле. Но и в Америке негры также были слугами у своих господ или работали на их плантациях. Судьба и тех и других зависела от воли их хозяев, от их характера.

Как в Америке, так и в России рабы и крепостные крестьяне могли освободиться от рабства, заплатив своим хозяевам денежный выкуп. Практически это значит, что они имели если не право, то возможность иметь собственные средства, заработанные и накопленные ими.

Однако самая существенная разница между американскими рабами и русскими крепостными состояла в том, что американские негры, некогда насильственно вывезенные из Африки, отличались и внешне, и внутренне от своих белых владельцев, тогда как русские крепостные — были одной национальности со своими господами и отличались от них лишь своим социальным положением.

Следует отметить и существенную разницу между способом освобождения русских крепостных Александром и черных американских рабов Линкольном. Несмотря на тяжелое внутреннее положение России после проигранной Крымской войны, Александр сумел освободить своих крепостных без гражданской войны, которая конечно, стоила бы стране не только огромных материальных потерь, но и сотен тысяч человеческих жизней. В Америке же отмена рабства стоила жизни не только самому Линкольну, но и громадных человеческих и материальных жертв за 1861-1865 годы разрушительной гражданской войны. Несмотря на неимоверные трудности, которые в России были, может быть, еще более непреодолимыми, чем в Америке, Александр сумел избежать гражданской войны, в чем его несомненное политическое превосходство над президентом Линкольном.

Организовав невиданную до того времени политическую кампанию, Александр посетил многочисленные города России, неутомимо встречался и беседовал с дворянами-помещиками. Одновременно император организовал сначала Негласный комитет по крестьянскому вопросу, куда привлек прежде всего противников своей реформы, а затем, беседуя с каждым из этих государственных деятелей, сделал их из врагов реформы ее сторонниками. Затем Александр постепенно превратил этот секретный комитет в Главный комитет по крестьянским делам. Наконец, создал он весьма своевременно и удачно местные губернские комитеты, куда привлек провинциальных помещиков-дворян разных взглядов и убеждений. В организации этой невиданной в России всенародной кампании царь следовал самым демократиче-

ским принципам: позволяя всем членам губернских комитетов высказываться совершенно свободно.

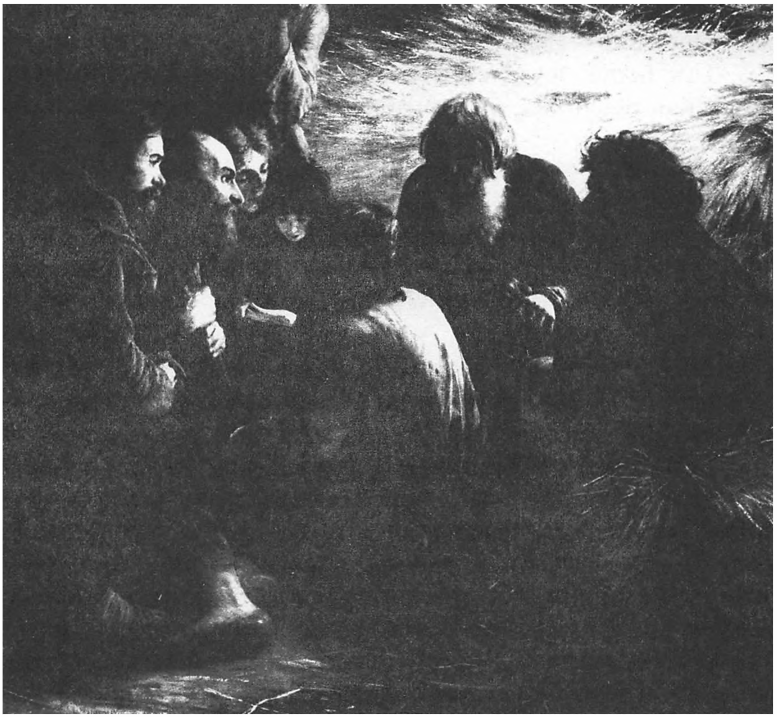
Но главным был предложенный дворянам-помещикам откуп за землю, которую по распоряжению царя они предоставляли в надел своим освобожденным крепостным. Я уже рассказал, как даже такой либеральный и прогрессивный помещик, как писатель Лев Николаевич Толстой, освобождая своих крепостных, ни за что не соглашался давать им даром земельный надел. Более того, по совету своего банкира Толстой требовал со своих крепостных гораздо больший выкуп, чем была реальная стоимость этих крестьянских наделов. Конечно, остальные помещики не были ни лучше, ни уступчивее, чем он.

Александр великолепно сознавал все это: за землю, как этого требовал его министр Ланской, определенную царем в качестве крестьянских наделов, крестьяне должны были платить помещикам, своим бывшим господам... И цены, определенные царем, совсем не были умеренными. Специалисты-экономисты определили эту спекуляцию землей в пользу помещиков: так, например, за все наделы в богатых черноземных областях был назначен правительством общий крестьянский выкуп в 342 миллиона золотых рублей, тогда как реальная рыночная стоимость этих земель не превышала по исчислениям земельных экспертов 284 миллионов золотых рублей.

Крестьяне понимали, что помещики их обманывают. Кроме оброка, чтобы выплатить за свои наделы бывшим господам, должны были они, как раньше перед своим освобождением, работать два дня в неделю на помещика.

Конечно, Александр великолепно понимал все это и, несомненно, внутренне негодовал за эту эксплуатацию освобожденных им крестьян. Но царь согласился на эти условия помещиков, потому что это была цена за их согласие на реформу. Причиной, побудившей императора удовлетворить требование дворян, было его желание избежать их противодействия отмене крепостного права и ужасов гражданской войны в России.

Царь, однако, надеялся, что крестьяне согласятся на эту материальную жертву, главным образом потому

Чтение манифеста 19 февраля 1861 года. Деталь картины художника Г.Г. Мясоедова.

что выросли они в лоне православия и культа помазанника Божия, и не пойдут на бунт против священной для них особы монарха...

Самым важным для них, как считал Александр, было то, что со дня подписания им манифеста они стали действительно свободными людьми: никто уже не мог отнимать у них дочерей и сыновей или их самих продавать соседним помещикам. Они теперь были свободными и имели все права, которыми пользовались другие подданные государя.

По данным Министерства внутренних дел Манифестом 19 февраля 1861 года были освобождены 22,5 миллиона крестьян. Количество помещичьей земли после реформы составляло 71,5 миллиона десятин, тогда как

крестьяне, согласно правительственному распоряжению, располагали 33,7 миллионами десятин.

Так была осуществлена Александром Вторым крестьянская реформа — величайшее дело его царствования.

Глава двадцатая

ПОЛЬСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Для гуманного и справедливого человека, каким, несомненно, был Александр, польский вопрос был большой личной трагедией.

Императрица Екатерина Вторая совместно с австрийским императором и королем Пруссии, конечно, против воли польского народа, отстранила от престола последнего короля Польши Станислава-Августа, своего бывшего любовника, и учинила в конце 18 века три раздела этой независимой страны, присоединив к России большую ее часть. Неудивительно, что во время войн Наполеона против России, Австрии и Пруссии польский народ стал на сторону французов, получив от французского императора обещания своей будущей национальной независимости. Поляки со своей мощной армией, оставленной им Александром Первым, с жаром участвовали в этой войне, особенно в русской кампании 1812 года. Многие из них, присутствуя при пожаре Москвы, считали, что независимость Польши наконец последует за этим взлетом Бонапарта.

Но скоро победы французов сменились поражением, и русский царь восстановил свое прежнее могущество. Польские земли были возвращены разделившим Польшу соседям.

Надо отдать справедливость Александру Первому — жившие под его властью поляки были гораздо более свободными, чем те, кто попал под власть Австрии и Пруссии. Император Александр проявил немалую мудрость и политическую зрелость, предоставив Польше некоторую автономию. Еще в 1815 году, приняв польскую корону,

Александр даровал Польше конституцию. Царь простил полякам их участие в войне против России на стороне Наполеона, объявил широкую амнистию, позволил им создать парламент, которого не было в России, и сохранил мощную польскую армию, не включив ее в состав русской. Согласно конституции 1815 года, поляки имели свое правосудие, независимые школы, право говорить и писать все государственные акты на польском языке. Но самым важным для них было признание царем католичества их государственной религией, со всеми правами, которые имело православие в России.

Заняв русский престол, император Николай Первый не посягал на эти автономные права польского народа. Однако в 1830 году поляки восстали против России, надеясь на силу своей 80-тысячной армии и, конечно, на интервенцию Запада, главным образом Англии и Франции. Николай Первый послал против восставших поляков 114-тысячную русскую армию, которая решительно подавила восстание. Но Николай не имел ни мудрости, ни умеренности своего старшего брата Александра. Он уничтожил все дарованные его предшественником права поляков, превратив Польшу в обыкновенную русскую губернию. Николай упразднил самостоятельную польскую армию, присоединив ее к русской. Русский язык заменил польский во всех официальных актах, польские народные школы стали усиленно русифицироваться, судьи назначались русским генерал-губернатором и все официальные акты писались на русском языке. Польские университеты в Варшаве и Вильне были закрыты, профессора уволены, студенты мобилизованы в русские полки. Даже католичество в Польше потеряло право государственной религии, дарованное ей Александром. Напрасно поляки надеялись на интервенцию западных государств — даже после Крымской войны ни Англия, ни Франция не озаботились их судьбой.

Однако с вступлением Александра Второго на русский престол судьба Польши переменилась к лучшему. Новый русский царь, ставший королем Польши, уже в 1856 году объявил всеобщую амнистию и позволил полякам, эмигрировавшим на Запад во время царствова-

ния его сурового отца, вернуться в Польшу. Александр восстановил права, дарованные полякам в 1815 году, кроме национальной армии и парламента. Он признал всех назначенных Папой польских епископов и назначение папского нунция в Варшаву. Кроме того, хотя Александр не восстановил упраздненные Николаем польские университеты в Варшаве и Вильне, он одобрил основание в Варшаве Государственной польской медицинской академии.

Царь позволил также организацию в Польше особого земледельческого общества, члены которого были выборными. Кроме того, в 1860 году царь одобрил систему всеобщих выборов польских чиновников, сменивших на всех муниципальных службах николаевскую русскую администрацию. Уже в 1856 году назначил Александр первым своим генерал-губернатором в Польше князя Михаила Горчакова, проявившего себя смелым и дельным администратором, когда он был командующим обороной Севастополя. В молодости он участвовал в подавлении восстания в Польше в 1830-1831 гг.

Важной проблемой было положение польских крепостных крестьян, освобождению которых противились всеми силами их владельцы-помещики. Напомню, что Наполеон специальным декретом уже освободил их от крепостной зависимости, однако, без земли. Он боялся возбудить общее недовольство польских дворян-офицеров, которые присоединились к французской армии.

Любопытно отметить, что после реформы 1861 года освобожденные русские крестьяне жили в несравненно лучших условиях, чем польские крестьяне под властью своих панов. Даже после реформы Александра польские крестьяне остались в полурабской тяжелой зависимости. Интересное явление, характерное для тогдашней Польши: польские крестьяне гораздо более сочувственно относились к русскому царю, чем к своим панам, рассчитывая на полное свое освобождение Александром и, конечно, прежде всего на получение по воле царя земельного надела. Именно по этой причине польские крестьяне не участвовали в восстании 1860-1863 гг.

Как мы уже писали в предыдущих главах, где речь

шла о переговорах Александра с Наполеоном Третьим, царь не допускал никакого вмешательства в свои отношения с поляками. Он, конечно, получил тяжелое наследство от прежних государей — Екатерины Второй, Александра Первого, Николая Первого — и часто был вынужден действовать против своей воли, против своей человеческой природы.

В первой своей тронной речи, произнесенной по-французски при коронации в Варшаве, сказал он весьма категоричные и решительные слова: "point de rêveries" ("без бесплодных мечтаний") явно намекая, что поляки получат многое от его благоволения, но не должны мечтать о полной независимости и отделении от России.

Отношения между русскими и поляками весьма показательны в смысле неосуществимости идеалов панславизма: католическая, приверженная к западным традициям Польша никогда не сможет ужиться с воспитанной на византийском православии и абсолютизме Россией. Это насильственно навязанное обоим народам сожительство не могло состояться в прошлом, при царях, невозможно и теперь. Этим и объясняется польское восстание против столь великодушно относящегося к полякам Александра, готового все забыть и все простить, но неспособного разрушить вековую стену отчуждения между двумя народами.

Поляки ждали только удобного повода к новому восстанию. В июне 1860 года в Варшаве хоронили вдову генерала Совинского, польского героя, убитого русскими при взятии Варшавы во время подавления восстания 1830-1831 гг. Похороны были очень торжественными, с участием многих польских епископов и многотысячной толпы. Толпа пела польский гимн, и многие поляки провоцировали сопровождавших процессию русских солдат и офицеров: "Стреляйте же, убивайте нас!"

Генерал-губернатор Горчаков наблюдал за этими демонстрациями против России и против своего государя, который, несмотря на советы Горчакова, многое прощал полякам, проповедовал умеренность и отказывался запрещать процессии, церковные службы или пение гимнов.

Александр пошел еще дальше в своей терпимости. Он назначил польским премьером, хотя и подчиненным генерал-губернатору Горчакову, польского аристократа маркиза Виелопольского. Впрочем, Горчаков писал царю, что доволен этим назначением "превосходного государственного мужа..." и что будет стараться с ним сотрудничать. Но и эта уступка царя не удовлетворила строптивых поляков. 29 мая 1861 года Виелопольский издал декрет об изменении оплаты труда крестьян польскими помещиками. Но и эта реформа не успокоила поляков. Видя уступчивость царя, поляки потребовали объединения Польши с Литвой в одно независимое государство. Царь, конечно, не мог согласиться с этим требованием. Поэтому он ответил: "Ведь не я разделял Польшу, а вы хотите теперь разделить Россию..." По мнению русского царя, Литва была исконно русской провинцией.

Между тем, 30 мая 1861 года умер польский генерал-губернатор Михаил Горчаков. Император назначил вместо него сначала Сухозанета, потом графа Ламбера, доверяя этот ответственный пост лицам, нерусским по происхождению. Но не в силах справиться с волнениями в Польше, они пробыли на посту генерал-губернатора весьма недолго — всего по нескольку месяцев каждый. Тогда Александр решил назначить наместником в Царстве Польском своего брата, великого князя Константина Николаевича, который тотчас отбыл в Варшаву (в июне 1862 года), по совету Александра взяв с собой маркиза Виелопольского, бывшего в то время в Петербурге. При их въезде в Варшаву была предпринята попытка убить их обоих. Однако полиция схватила троих террористов, и после суда они были казнены.

В Польше начался террор. Террористами становились прежде всего недовольные молодые поляки, которые должны были отбывать воинскую повинность в русских полках. Многие считали эту повинность предательством родины. Они укрывались в предместьях больших городов или убегали в леса, откуда возвращались уже террористами. Так постепенно восстание становилось всеобщим.

Значительное влияние на восставших поляков оказали своими статьями в "Колоколе" Герцен и другие русские революционеры: Чернышевский, Добролюбов, анархист Бакунин.

16 января 1863 года образовался Центральный комитет восстания. Всеобщее восстание было назначено на 22 января, в этот день поляки решили покончить с "русской оккупацией Польши". В ночь на 22 января террористы взорвали все мосты на железной дороге между Варшавой и Петербургом, надеясь этим помешать доставке подкреплений русским войскам в Польше. Однако запланированные массовые убийства русских офицеров и солдат, как и русских чиновников в Польше, полностью провалились. Восставшие решили отступить и реорганизовать свой штаб, заменив Центральный комитет Временным национальным польским правительством.

Все это вынудило Александра отказаться от своей традиционной умеренной политики, тем более, что вся Россия требовала "усмирить польское восстание любой ценой".

Теперь у Александра не было выбора: сами поляки заставляли его употребить военную силу, чтобы подавить восстание. Император хорошо понимал, что это нанесет страшный удар по его престижу за границей, особенно в Англии и Франции. Демократично настроенные либеральные англичане, французы, да и все прогрессивные люди на Западе будут отныне считать его не либералом, которым он был в сущности, а представителем русского абсолютизма, схожим со всеми прежними царями, оплотом мировой реакции, душителем свободы и демократии. И все же этот гуманный и человечный царь в силу обстоятельств пошел на усмирение польского восстания.

Только Австрия и Пруссия смотрели на акцию России в Польше с нескрываемой симпатией, так как, конечно, опасались, что после России и они потеряют свои польские земли.

В самой России громадное большинство — не только военные и дворяне, но и средние классы — приветствовало решительные действия Александра. Даже самые

яростные противники его реформ, особенно освобождения крестьян, соглашались, что у Александра не было выбора, что он должен был спасать Россию от развала, сохранив Польшу в составе империи. Только крайние нигилисты, левые приверженцы марксизма и анархисты продолжали осуждать польскую акцию царя.

Сами же поляки, видя, что обещанная помощь не приходит ни из Англии, ни из Франции, под напором русских войск капитулировали. Впрочем, польская аристократия, особенно помещики, была немало обеспокоена растущим влиянием левых элементов в стране. Она, примирившись с разгромом восстания, считала необходимым жить в ладу с Россией, рассчитывая на благородство Александра и на его умеренную политику.

Александр, оставив своего брата Константина вице-королем Польши, назначил ему в помощники генерала Михаила Николаевича Муравьева, который был известен своей непримиримостью к врагам русской монархии и жестоко расправился еще в 1830-31 гг. с польскими повстанцами в Витебской, Минской и Виленской губерниях. Он нередко позволял себе критиковать либеральные реформы императора и был ярым противником отмены крепостничества. Николай Первый был для него идеальным государем. Александр назначил этого последовательного реакционера генерал-губернатором шести западных губерний. Он жестоко подавил в 1863 году восстание в Польше, Литве и Белоруссии. Однако сразу после подавления восстания Александр уволил его в отставку, наградив графским титулом.

Для проведения аграрной реформы в Польше Александр, посоветовавшись с Муравьевым, назначил статс-секретарем Николая Алексеевича Милютина, сторонника освобождения крестьян, игравшего важную роль в Редакционных комиссиях по составлению Манифеста об отмене крепостного права. Был Милютин человеком передовым и весьма умеренным, он стал автором положения 19 февраля 1864 года о крестьянской реформе в Польше.

В последующие годы император Александр проводил весьма умеренную политику по отношению к Поль-

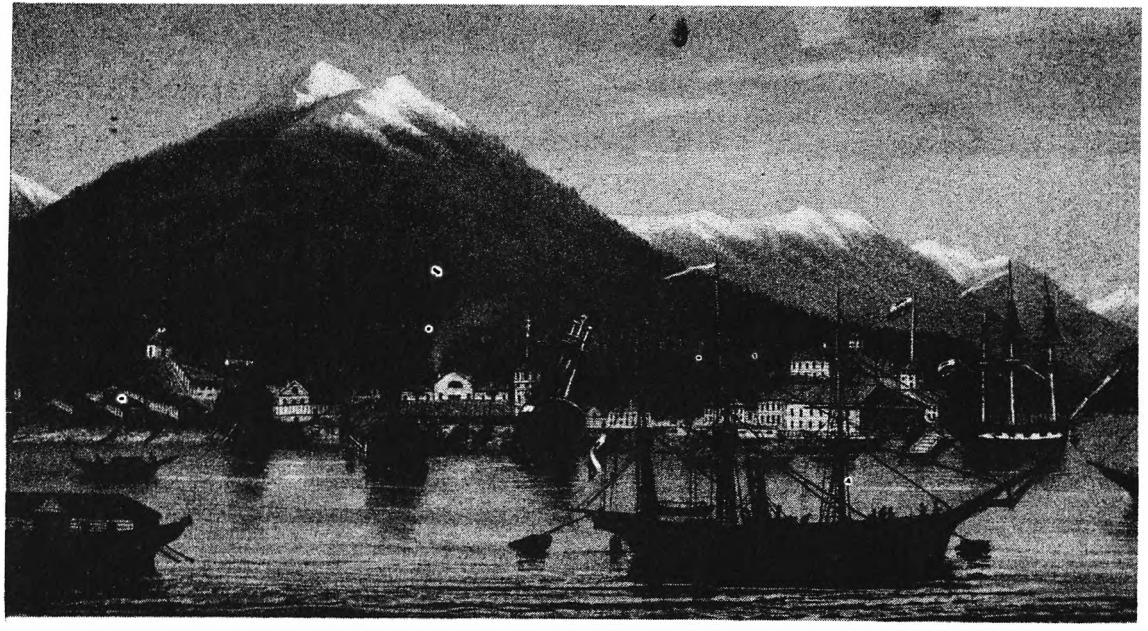
ше и, конечно, как только прекратилось брожение, всеми силами способствовал возвращению поляков к нормальной мирной жизни.

Глава двадцать первая

АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ СПАСАЕТ СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ОТ ИНТЕРВЕНЦИИ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ

Говоря об отношениях между Россией и Америкой при Александре Втором, хочу остановиться на совсем особом вопросе продажи Россией Соединенным Штатам Аляски. Не буду подробно останавливаться здесь на истории завоевания Аляски Россией. Скажу лишь, что уже в 18 столетии во время экспедиций В.Беринга и А.Чирикова в 1728-29 и 1741 гг. русские заинтересовались Аляской, Командорскими и Алеутскими островами — в основном из-за обилия пушнины. При Екатерине Великой на Аляске были образованы общества для торговли мехами, и в первую очередь — котиковыми шкурками. В 1748 году Шелихов основал первую русскую колонию на острове Кодьяке, а в 1786 году русские поселения возникли уже на самой Аляске — это были пушные промыслы. Екатерина Вторая, Павел Первый и Александр Первый всячески покровительствовали созданию и процветанию мощной так называемой "Российско-американской компании", имевшей монопольное право на владение Аляской, Алеутскими и Курильскими островами. Котиковые шкурки высоко ценились как в России, так и в Западной Европе.

В царствование Александра Первого для защиты русских поселений от набегов индейцев был основан Новоархангельск, хозяйственный и административный центр всех русских владений в Северной Америке. Чтобы защитить "Российско-американскую компанию" от происков англичан, Александр Первый подписал указ, запрещающий плаванье английским и другим иностран-

Общий вид главного города русской Аляски – Ситка (вид с океана)

ным судам вблизи российских владений. Но под давлением политических обстоятельств в 1824 году Россия заключила конвенцию с США, согласившись на присутствие американских судов в территориальных водах Аляски и обязавшись не основывать на Аляске новые поселения. В 1825 году Великобритания добилась права свободного передвижения своих судов даже по рекам, впадающим в Тихий океан. Симптоматично, что уже в 1834 году английская "Компания Гудзонова залива" сделала попытку закрепиться в пределах русских владений в устье реки Стикин. Несмотря на протесты русского правительства в 1839 году Великобритания при поддержке Франции начала неприкрытую экспансию на Аляске: в 1847 году был возведен укрепленный форт Юкон, переданный в ведение все той же "Компании Гудзонова залива", стремившейся запугать на Аляске русских. Естественно, что Россия не могла рисковать возможностью вооруженного конфликта с Англией, которую поддержали бы Франция и Австро-Венгрия. Такой союз был весьма реальной опасностью для России после Венского конгресса 1815 года.

В последующие годы положение России на Аляске продолжало дестабилизироваться. Если после Крымской войны англичане не решились захватить Аляску, то, возможно, лишь потому, что боялись Соединенных Штатов, которые не остались бы безучастными к английской экспансии в Северной Америке. Ни США, ни Англия не хотели, чтобы Аляска досталась одной из них, и потому в конце концов предпочитали видеть Аляску в руках России. Но Александр Второй и сам был заинтересован в нормализации положения в этом регионе, не желая конфликта с Западом.

Экономическое состояние России было в тот момент весьма тяжелым. В 1862 году новым министром финансов стал 42-летний экономист граф Михаил Райтерн, весьма способный и энергичный администратор, пользовавшийся доверием государя вплоть до самого конца его царствования. По инициативе царя Райтерн посетил Англию и Соединенные Штаты вместе с министром путей сообщения Мельниковым (которому Россия обя-

Православный собор Св. Михаила в Ситке (Аляска) в 1867 году

зана созданием многих важнейших железнодорожных магистралей).

Александр энергично поддерживал инициативы своих министров. Уже в 1875 году Россия имела 17 000 верст железных дорог. И именно в этом году впервые со времен Крымской войны бюджет Российской империи был впервые сбалансированным и даже прибыльным.

Чтобы избежать конфликта с Англией и ее союзниками, министр финансов по инициативе царя договорил-

ся с американским государственным секретарем Вильямом Севардом о продаже Аляски американцам за весьма крупную в ту пору сумму — 7 200 000 золотых долларов (свыше 11 миллионов золотых рублей). Знаменательно, что вырученная сумма была использована не на нужды двора и даже не поступила в государственное казначейство, а была сразу же ассигнована на строительство железных дорог. Это лишний раз доказывает честность и бескорыстие Александра Второго. Но дело было и не только в этом.

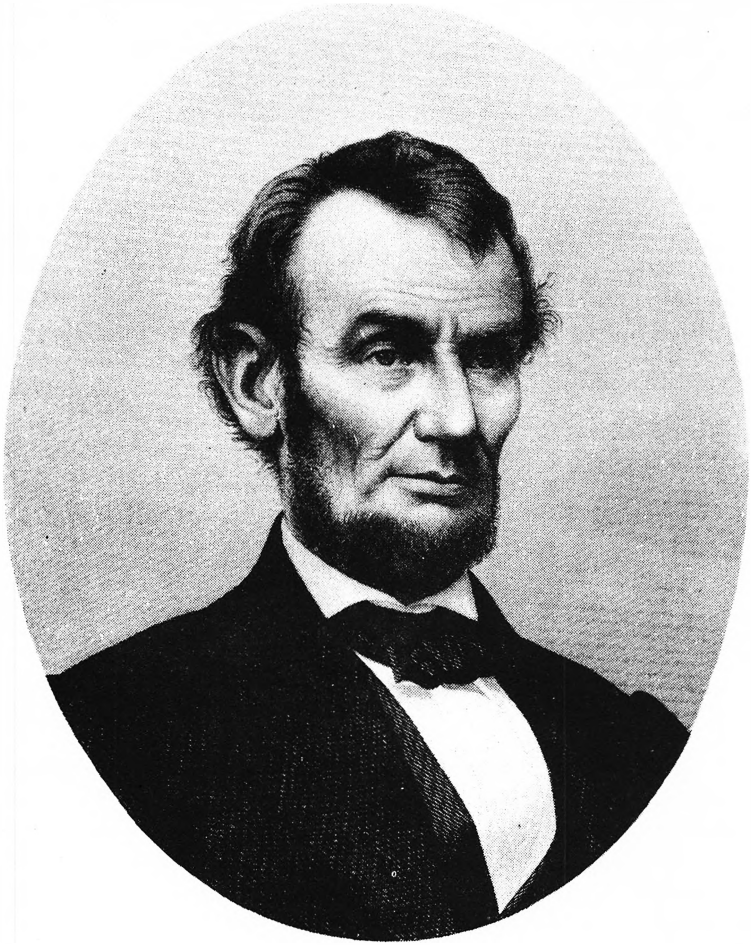
Царь имел еще одну важную причину, по которой решил уступить убыточную Аляску. Продав Аляску Соединенным Штатам, Россия тем самым способствовала Соединенным Штатам в освоении Северной Америки в пику английскому доминиону Канаде. Тем самым как бы наносился косвенный удар по враждебной России Англии.

Александр Второй любил Соединенные Штаты хотя бы уже за то, что они являлись единственным непоколебимым союзником России против Великобритании.

* * *

Почти сразу после инавгурации президента Авраама Линкольна, в марте 1860 года начались первые стычки между войсками Федерации (Севера) и южанами. Англия и Франция с огромным интересом следили за американским конфликтом, надеясь на полный распад Соединенных Штатов и на возможность захвата американских территорий.

Стокль, русский посол в Вашингтоне, накануне объявления южанами войны против Федерального правительства докладывал императору Александру в экстренной депеше: "Великобритания рада этому столь редкому в истории благоприятному для нее успеху. Она лишь выиграет от уничтожения Соединенных Штатов, которое, несомненно, будет роковым для всего остального мира..." Женатый на богатой американке, Стокль был весьма заинтересован в благополучном выходе Соединенных Штатов из тяжелого кризиса.

Президент Соединенных Штатов Авраам Линкольн в годы его союза с Александром Вторым (1863 г.)

Император Александр вполне разделял мнение своего посла и считал возможную ликвидацию Соединенных Штатов настоящей катастрофой для мирового равновесия.

По инструкциям царя канцлер Горчаков посылал русскому послу депешу за депешей — не жалеть усилий для примирения обеих сторон и для прекращения воен-

ных действий между Севером и Югом. Всей Америке стала известна телеграмма канцлера Горчакова государственному секретарю США Вильяму Севарду: "Соединенные Штаты Америки, — писал русский канцлер, — в наших глазах являются прежде всего необходимым элементом мирового равновесия. Наш Августейший Император и вся Россия проявляют к американской нации самый глубокий дружественный интерес. Обе наши страны, находящиеся на противоположных концах мира, одинаково успешно идут в своем восходе и призывают друг друга во имя общих интересов и взаимных симпатий, столько раз уже проявленных, к этому сотрудничеству и в будущем..."

Известен разговор канцлера Горчакова с полковником де Арно, французом, прежде бывшим на русской службе, а теперь занимавшим видное положение в федеральном правительстве Америки. В ответ на признание этого друга Линкольна, что у его правительства нет необходимых военных судов, чтобы оборонять от южан свои порты как в Тихом, так и в Атлантическом океанах, Горчаков сказал, явно рассчитывая, что его ответ будет передан Линкольну и его правительству: "Если у Федерации нет флота, чтобы осуществить необходимую оборону американских портов против южан, мы предоставим ему наш собственный флот... Его величество государь император не позволит никому помешать этой обороне, даже если ему придется вести новую войну..." Эти памятные слова, сказанные русским канцлером от имени самого государя, были переданы полковником де Арно американскому президенту и его государственному секретарю и, конечно, стали известны всей Америке.

В Англии в середине девятнадцатого века общественное мнение все еще жило тяжелыми воспоминаниями о войне короля Георга Третьего с Америкой и о победе американцев, в результате которой Соединенные Штаты вышли из-под английской опеки и стали независимым государством, нанеся английской торговле громадный ущерб. Англичане все еще надеялись, что в конце концов Соединенные Штаты развалятся сами собой из-за внутренних противоречий и Англия снова вернет себе свою

Император Александр Второй в годы своего сближения с президентом Авраамом Линкольном. (Литография с современной фотографии.)

бывшую колонию. Теперь, когда разгорелись страсти и американский Юг восстал, угрожая вообще выйти из Федерации, англичане потирали руки в надежде, что ненавистные им Соединенные Штаты будут уничтожены

гражданской войной...

Наполеон Третий не меньше англичан мечтал о распаде Соединенных Штатов, надеясь приобрести часть теперешних американских территорий и, конечно, прежде всего потерянную Наполеоном Первым французскую Луизиану, когда-то бывшую владением французских королей и названную так еще в 1702 в честь Людовика Четырнадцатого. Она стала частью Соединенных Штатов в 1803 году. Наполеон Третий открыто заявлял, что в случае распада Соединенных Штатов Франция надеется также получить и Флориду... Остальные европейские страны просто не интересовались судьбой Америки и, конечно, не испытывали к американцам никакой симпатии. Американцы, впрочем, были весьма хорошо информированы как о планах Англии и Франции, так и о равнодушии к их судьбе остальных стран Европы.

Александр понимал, что Соединенные Штаты — единственный непоколебимый союзник России против Англии. Россия была кровно заинтересована в сохранении единства и мощи молодой американской демократии.

Будучи в курсе всех переживаемых Соединенными Штатами трудностей, император Александр зорко следил за поползновениями англичан и французов. Ежедневно приносили ему кипы европейских газет, которые он внимательно прочитывал с карандашом в руках. Не менее интересовала его и американская пресса, особенно издания южан. Кроме того, ему присылали донесения все чиновники департамента иностранных дел и даже иностранные дипломаты, с многими из которых он поддерживал оживленную переписку.

Война между Севером и Югом, которая уже началась, очень тревожила государя, понимавшего, что она непременно ослабит Соединенные Штаты. В это время первым секретарем американского посольства в Петербурге был Байар Тэйлор. По поручению царя канцлер Горчаков вызвал его к себе на совещание. Эта важная беседа была подробно записана Тэйлором и немедленно передана государственному секретарю Севарду. Она и по

сей день находится в архивах Государственного департамента.

— Ваше положение ухудшается все больше и больше, — сказал Горчаков, — и становится все более и более безнадежным. Неужели вы не можете найти основу для договоренности с южанами прежде, чем ваши силы ослабеют настолько, что вы потеряете на много лет ваше положение в мире?

— Бунт должен быть окончательно подавлен. Никакое кратковременное соглашение с южанами не может быть удовлетворительным. Юг не сможет выдержать, и мы просто не можем не победить, — ответил Тэйлор.

— Это не так, — возразил Горчаков. — В сущности неистовая ярость овладела обеими сторонами. Рост взаимной враждебности увеличивает пропасть, и я опасаюсь, что отделение Юга осуществится, — а именно это и будет величайшим возможным бедствием. Одна Россия с вами. Мы, конечно, будем продолжать вас поддерживать, но мы очень и очень обеспокоены этим положением. Надо вам принять необходимые меры... и, конечно, употребить все усилия, чтобы предотвратить разделение Союза, которое теперь кажется неизбежным.

— Мое правительство не может, — настаивал Тэйлор, — без позора и полного краха согласиться принять единственное и непременное условие, которое выставляют мятежники, по крайней мере, не испробовав свою силу и не потерпев поражения...

Канцлер, выслушав с большим вниманием своего собеседника, тяжело вздохнул:

— Ну хорошо, вы знаете, где находится Россия? Мы желаем более всего сохранения Соединенных Штатов Америки. Россия объявила свою позицию и не изменит ее... Вы можете рассчитывать на нас: она не переменится. Но я не могу не выразить вам, какое глубокое беспокойство мы переживаем за вас... и как серьезны наши опасения...''

Эта необыкновенно сердечная и искренняя беседа, записанная дословно американским дипломатом, лучше всего свидетельствует о глубокой симпатии тогдашней России к молодому американскому государству.

Государственный секретарь Соединенных Штатов Вильям Сеард с посланником Александра Стоклем и другими членами русского посольства и советниками Севарда, а также другими дипломатами на дружеской экскурсии на Трентонский водопад в Нью-Джерси. На первом плане сидят Сеард и Стокль (в цилиндрах).

С самого начала восстания Юга царь всячески поощрял молодых русских офицеров отправляться в Америку служить инструкторами в армии США. Эти русские офицеры внесли немалый вклад в дело победы Авраама Линкольна. Многие из них были весьма опытны в военном деле, как, например, окончивший Военное артиллерийское училище полковник Иван Турчанинов, ветеран Венгерской кампании и участник Крымской войны. Он переделал свое имя на американский лад и, вероятно, по совету государя, изучив английский язык, прибыл в Америку незадолго до избрания Линкольна президентом. Турчанинов поступил на службу инженером в Центральное железнодорожное управление в Иллинойсе и сблизился с будущим президентом, бывшим тогда адво-

катом в той же компании. Сразу же после начала военных действий Джон Турчин был в чине полковника поставлен во главе 19-го добровольческого полка, имевшего в своем подчинении Алабаму, Миссури и Кентукки. Он отличился в знаменитой битве с южанами при Чикамауге и в 1862 году был произведен Линкольном в бригадные генералы. С ним были и другие русские военные, например, полковник Александр Евристов, грузин по происхождению.

Уже тогда французский посланник в Вашингтоне, как и его английский коллега лорд Лайонс, уговаривали русского посла Стокля признать южан-конфедератов, но он категорически заявил им, что Россия признает лишь одну законную власть в Америке — федеральное правительство Линкольна.

В первые два года южане одерживали весьма убедительные победы, и их генерал Ли готовился со своей кавалерией оккупировать ряд северных штатов, включая даже Нью-Йорк. Однако, после того, как во главе армии северян встал талантливый полководец генерал Грант, положение изменилось и южане были разбиты в знаменитых сражениях при Геттисберге и Виксбурге в начале июля 1863 года. Победа северян стала очевидна. Но именно после разгрома южан Англия и Франция всерьез приступили к подготовке интервенции...

Русская разведка в Англии и Франции доносила, что англичане и французы намереваются активно вмешаться в уже практически оконченную войну Севера с Югом и снова разжечь ее, на этот раз подкрепив интервенцией. Эти тревожные сведения подтверждались и русскими послами в Лондоне и Париже, и донесениями Стокля из Вашингтона. Он писал канцлеру Горчакову, что во всех важных американских портах стоят на якоре многочисленные французские и английские корабли под торговыми флагами с подозрительно многочисленными командами, матросы которых бродили в выходные по портовым улицам... Александр решил предупредить Линкольна, почитавшего войну окончательно выигранной.

Когда Александр точно убедился, что вмешательство Англии и Франции произойдет поздней осенью, он ре-

шил сам организовать выступление России в защиту президента Линкольна и его правительства. Он учитывал, что европейские противники будут подстрекать Польшу и этим создадут дополнительные трудности для России. Однако у восставших поляков армия не превышала 120 000 человек. При этом ни католическая церковь, ни крестьянские массы не поддерживали мятежников: церковь — потому что считала шляхту вольтерьянской и безбожной, крестьяне — потому что власть польских панов для них была куда более тяжкой, чем правление либерального русского государя.

После коренной реорганизации и модернизации Россия располагала самой многочисленной армией в Европе (полтора миллиона человек). Естественно, Александр не верил в реальную возможность вооруженного конфликта с Англией и Францией, считая, что они не решатся начать войну.

Это хорошо видно по твердости ответов русского канцлера на требование Англии и Франции созвать международную конференцию по польскому вопросу. 2 марта 1863 года британский министр иностранных дел лорд Джон Рассел в специальной ноте русскому правительству потребовал дарования Польше конституции и амнистии для восставших. По инструкции самого царя Горчаков ответил на ноту решительным отказом. На общее требование Англии и Франции, пожелавших участвовать в международной конференции по польскому вопросу, Россия тоже ответила отказом, заявив, что в то время как Австрия и Пруссия совместно с Россией владеют польскими землями, Англия и Франция вообще не имеют к польской проблеме никакого отношения.

В это время английский посланник в Вашингтоне лорд Лайонс потребовал от правительства США присоединиться к Англии и Франции в их акциях против России и решительно осудить политику подавления польского мятежа. Скрытой целью этого маневра было привлечь на свою сторону многочисленную польскую эмиграцию в США, чтобы охладить американо-русскую дружбу и тем самым не дать России возможности поддерживать Линкольна. Однако Александр хорошо пони-

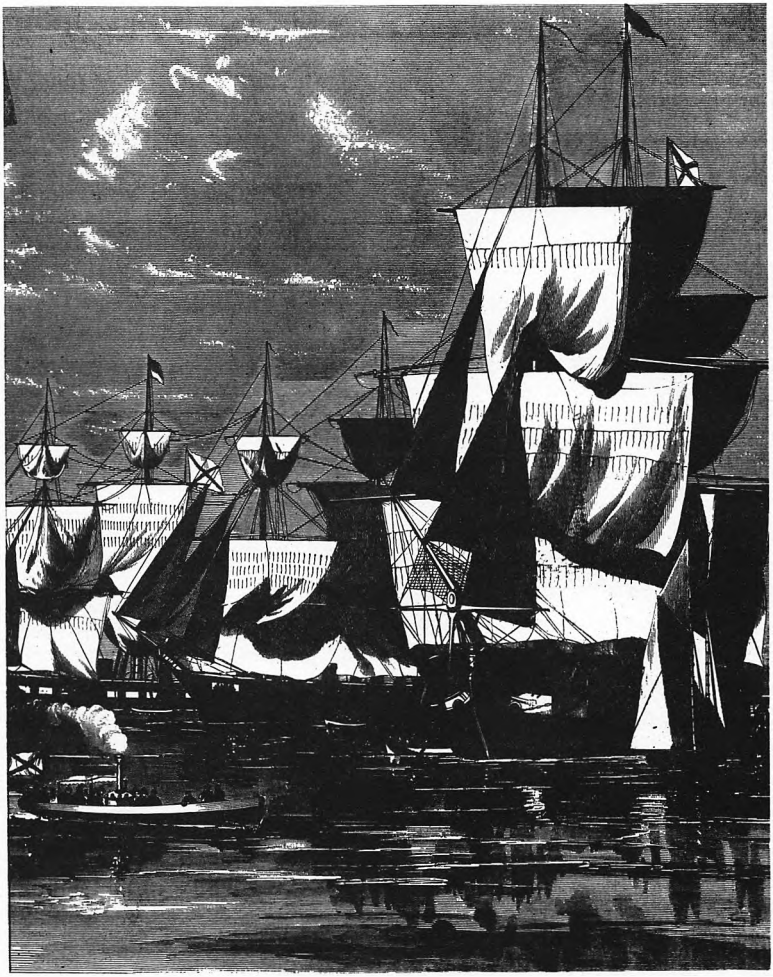
мал цели этих интриг. Очевидно, понимали это и Линкольн, и государственный секретарь Сеард. "Что касается России, — ответил он англичанам, — то "польский вопрос" мы считаем ее внутренним делом. Мы в дружеских отношениях с Россией, более чем с каким-либо другим европейским государством, именно потому, что она никогда не вмешивалась в наши внутренние дела, оставляя нам возможность решать их по нашему внутреннему усмотрению".

2 мая Горчаков поспешил сообщить Севарду, что "император Александр особенно ценит твердость, с которой правительство Соединенных Штатов придерживается принципа невмешательства, особенно теперь, когда этот принцип нарушается так часто..."

Александр прекрасно понимал, что эти интриги западных стран лишний раз доказывают их намерение вмешаться во внутренние дела США с целью захвата американских территорий.

Надо сказать, что Александр Второй мастерски организовал акцию помощи президенту Линкольну. Она оказалась эффективной благодаря прежде всего своей неожиданности. Царь решился послать к берегам Америки русский флот, и тем самым дать понять Англии и Франции, что в случае их агрессии Россия не останется безучастной и выступит на защиту Америки. Под личным руководством государя был разработан план отправления двух русских эскадр: одной — под командованием контрадмирала Лесовского — в Атлантический океан, второй — под начальством адмирала Попова — в Тихий. Решение было принято на секретном совещании в присутствии канцлера Горчакова, генерал-адъютанта Краббе, морского министра и начальников обеих эскадр. Остальные министры и члены генштаба в план посвящены не были. Намерение царя держать до поры в тайне принятое решение подчеркивает и тот факт, что о нем не был извещен ни русский посол в Вашингтоне Стокль, ни американский посол в Петербурге генерал Клэй.

Горчаков, державший через госсекретаря Севарда

Иллюстрация, опубликованная в еженедельнике "Harper's Weekly" в сентябре 1863 г. с подписью: "Русский флот под командованием адмирала Лесовского сегодня в нью-йоркском порту". Были указаны названия русских кораблей: "Витязь, "Александр Невский", "Пересвет", "Варяг", "Ослябя". Эта иллюстрация – ценнейшее историческое свидетельство пребывания русского флота в американских водах.

секретную связь с Линкольном, осведомил лишь их двоих о планах России.

И вот, когда военная интервенция французов и англичан казалась уже неминуемой, как гром грянуло неожиданное событие: эскадра Лесовского прибыла в Нью-Йорк, эскадра Попова — в Сан-Франциско. При этом, так как скрыть выход эскадр из Балтийского и Черного морей было, естественно, невозможно, официально было объявлено, что они идут в нейтральные воды, чтобы избежать потопления на случай конфликта с европейскими государствами, как это случилось во время Крымской кампании... Этот слух подхватила впоследствии английская и французская пропаганда, дабы убедить американцев, что русские пришли не им на помощь, а опасаясь за свои корабли.

Трудно описать, сколь обрадовались американцы русской помощи. Приемам, балам и парадам в честь российского флота не было конца.

В середине сентября в Нью-Йорк прибыла первая леди Америки — леди Мэри Тод-Линкольн — для того, чтобы посетить адмиральский флагман. Она была торжественно встречена русскими моряками, военным оркестром, исполнившим гимн США и "Боже, Царя храни". Об этом торжестве писали все газеты Америки. Целый месяц продолжались в Нью-Йорке празднества в честь российского флота.

Во избежание инцидентов все увольнения на английских и французских судах в портах США были отменены. Французы и англичане были ошеломлены появлением русских. План Александра Второго имел полный успех: военная интервенция против американского государства захлебнулась, не успев и начаться.

Видя, что русские эскадры стоят на якорях и занимают выжидательную позицию, английские и французские корабли были вынуждены покинуть американские гавани и взять курс на Европу...

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ АЛЕКСАНДРА В ЗАЩИТУ РУССКИХ ЕВРЕЕВ

Как известно, на территории России евреи поселились в значительном количестве лишь в конце 18 века, когда после разделов Польши к России отошли территории Литвы, Белоруссии, Правобережной Украины, где проживало с давних времен весьма многочисленное еврейское население. Как и в большинстве европейских государств, евреи в России были бесправной и угнетенной национальной группой, причем из-за византийских традиций русской православной церкви в России их более чем на Западе преследовали за их веру. Евреев принудительно селили в небольшом числе западных губерний, известных под названием "черты оседлости". Было им запрещено земледелие и скотоводство, что принуждало их заниматься мелкой торговлей и разными ремеслами в городах и селах этой части России. По настоянию церкви евреев не принимали на государственную службу, они не могли служить в армии. Были они также ограничены в правах, не могли жить в деревнях и быть собственниками земельных участков.

При Петре Великом в России было сравнительно мало евреев, большинство их проживало на присоединенных им территориях Прибалтики, Украины и Швеции. Петр не поддавался внушениям русской церкви и относился к проживающим в его империи евреям довольно благосклонно, учитывая пользу их торговых связей с Западом. Положение евреев резко изменилось к худшему при наследниках Петра. Уже при его супруге Екатерине Первой начались преследования евреев: под влиянием церкви она издала свой известный указ от 7 мая 1727 года об изгнании евреев с Украины и некоторых губерний России, "не дозволяя им в будущем ни при каких условиях устанавливаться в России, а за оставшимися вести строгое наблюдение..."

При Петре Втором, царствовавшем весьма недолго, положение русских евреев не изменилось. Однако изве-

стен его указ от 2 сентября 1728 года, который, согласно докладу запорожского гетмана Апостола, дозволял евреям участвовать в малороссийских ярмарках.

Анна Иоанновна под влиянием немцев Бирона и Остермана, игнорируя внушения русских православных иерархов, дозволяла евреям торговать во всей империи и, конечно, имела от этой торговли значительный доход. Но эта ее либеральная политика изменилась в конце ее царствования. Указом от 14 июля 1738 года она осудила на сожжение еврея Боруха Лейбова за то, что он "совратил в еврейскую веру морского капитана Возницына", которого сожгли за "его апостазию", т.е. отречение от православия и переход в иудейскую веру. Указом от 29 августа 1739 года, явившимся следствием обращения в еврейство Возницына, Анна запретила евреям "владеть или арендовать недвижимое имущество в Малороссии..."

При наследовавшей престол дочери Петра Великого Елизавете Петровне жизнь русских евреев резко ухудшилась. В 1742 году царица издала указ о насильственной высылке всех евреев из России. Члены Сената пытались изменить этот указ или хотя бы исключить из числа подлежащих высылке тех евреев, которые своей торговлей с иностранным государствами давали крупные доходы русской казне. Елизавета Петровна, известная своей распутной жизнью, была крайне суеверна и надеялась искупить свои грехи строгим исполнением церковных обрядов. Она ответила сенаторам на их ходатайство: "Не хочу я никакой прибыли от врагов Христовых..."

Екатерина Вторая была во многом привержена идеям французских просветителей-энциклопедистов, с которыми она поддерживала дружеские отношения. Под их влиянием она игнорировала указ Елизаветы и применяла по отношению к русским евреям принципы современной ей западной политики. Как я уже указал, именно в ее время еврейское население империи значительно увеличилось из-за присоединения новых земель. Екатерина издала несколько указов, улучшивших судьбу русских евреев: она дозволила им жить в Санкт-Петербурге и Риге и, признавая их положительную роль в русской торговле, предписала принимать еврейских торгов-

цев в купеческие гильдии. Однако она постановила для бывших польских евреев, как и для евреев Белоруссии и Восточной Украины, пребывание в областях так называемой "черты оседлости". Екатерина гарантировала им свободу вероисповедания, которой они пользовались в то время почти во всей Западной Европе.

Следует отметить, что Павел Первый вел по отношению к своим еврейским подданным весьма благожелательную политику. Во время известного диспута между евреями и христианами в Ковно Павел принял сторону евреев и, несмотря на требования христиан, позволил им оставаться в этом городе. Павел также не допустил изгнания евреев из Киева и Каменец-Подольска, несмотря на требования православных иерархов. Он также воспротивился изгнанию евреев из Риги и отменил введенные законом от 14 марта 1799 года ограничения их прав.

Наконец, любопытно, что влиятельный в то время Г.Р. Державин внес в Сенат предложение против принятия еврейской клятвы в судебных процессах и оно было одобрено Сенатом, а Павел своим указом отменил его. Павел позволил евреям заниматься торговлей и разными ремеслами по месту их жительства.

Его сын Александр Первый также весьма положительно относился к русским евреям. Еще в ноябре 1802 года он создал Комитет по еврейским делам в России. В него входили личные друзья царя, как и он сам, приверженцы либеральных взглядов. По указанию самого Александра комитет этот выработал первый в России "Еврейский статут", который определил необходимость побудить еврейское население к "полезным занятиям", главным образом, к земледелию и промышленности. Евреям также рекомендовалось приобретение русского светского образования, чтобы иметь возможность включиться в русскую социальную и культурную жизнь. Все же статут этот ограничил пребывание евреев в некоторых городах империи, а также установил известные квоты на участие евреев в различных видах деятельности.

Усилия английского миссионера Левиса Вая повлиять на Александра с целью дать гражданские права евреям, однако, не имели значительных результатов. В 1817

году под влиянием мистицизма царь основал Общество евреев-христиан под своим собственным покровительством.

Наследником Александра на престоле был Николай Первый, который, как и во всех других областях, отказался от либерализма и по отношению к евреям. Под влиянием близких к нему митрополитов Серафима Санкт-Петербургского и, особенно, Филарета Московского он начал оказывать сильное давление на евреев, заставляя их отказываться от религии своих предков и принимать православие, обещая им за это весьма большие льготы: принятие на государственную службу и т.д. С другой стороны, царь издал закон о насильственном рекрутировании евреев на военную службу, конечно, рядовыми солдатами, а чаще всего так называемыми "кантонистами", которые служили без права ношения погон и исполняли самые тяжелые службы в армии, отданные в полную власть грубых и жестоких фельдфебелей. Именно в армии оказывался на них сильнейший нажим с целью заставить их креститься. Николай четко определял свое отношение к евреям, как к "полезным" и "не полезным". Он требовал строжайшего соблюдения ими "черты оседлости".

Сразу после своего вступления на русский престол император Александр Второй начал проявлять гуманность и даже симпатию к своим подданным евреям. Ни один из русских государей до него не сделал так много для облегчения участи русских евреев. Как мы видели, политика его предшественников, за редкими исключениями, лишь немного облегчала жизнь русского еврейства. Изменить их тягостное положение было, конечно, делом совсем не легким. Русский народ был воспитан в византийских традициях. Из всех христианских исповеданий русское православие было более всех неприязненно настроено к иудаизму и евреям. Даже римские папы под влиянием западноевропейского просветительства давно изменили свою политику по еврейскому вопросу. В 19 веке, благодаря идеям энциклопедистов и французской революции 1789 года, мало кто на Западе, за исключением русского православия, сохранял предрассуд-

ки, осуждающие все еврейство за участие в распятии Иисуса Христа,.

Указом от 24 мая 1862 года Александр юридически приравнял русских евреев ко всем остальным своим подданным.

Однако, несмотря на столь существенный закон, под влиянием старых предрассудков и, конечно, не без участия духовенства местные власти империи чинили всевозможные препятствия евреям, запрещая им открывать свои молельные дома. Александр, именно чтобы уничтожить эти ограничения, чинимые евреям, несмотря на его предыдущий закон, подписал новый указ от 25 декабря 1867 года, разрешающий евреям во всех пределах России открывать свои "молельные дома" (синагоги) всюду, где это необходимо для нужд еврейского населения. Процедура эта предполагала обязательное решение местной еврейской общины, которое посылалось на одобрение министру внутренних дел. Таким образом царь лишал местные власти, даже губернаторов, права решать этот вопрос самовластно или каким-либо способом затруднять получение разрешения.

Можно себе представить недовольство местных властей и, конечно, прежде всего православного духовенства, этой благожелательной политикой царя по отношению к бесправным до того времени евреям.

Кроме этих двух основных указов, официально признающих религию евреев в России, Александр Второй издал целый ряд законов, определяющих юридические права своих еврейских подданных.

Почти сразу после смерти отца Александр определил законом от 7 июня 1855 года права и обязанности раввинов. Согласно этому указу раввин признавался "блюстителем и толкователем еврейского закона". Кроме того, ему давались огромные административные права, подобные правам русских православных священников: на него возлагалась официальная обязанность вести метрические книги — регистры гражданского населения еврейской общины, записи обрезания младенцев, наречения их, бракосочетаний и расторжений браков, погребений и т.д. Это впервые давало евреям России полные

гражданские права, официально признанные властью.

Закон этот также определял, что для назначения раввином, кандидат, выбранный населением данной общины и утвержденный губернатором, должен окончить школу раввинов или среднее учебное заведение. Выбранный и утвержденный губернатором раввин приводился к присяге и вступал в должность. Таким же образом назначались и помощники раввина.

В указе говорилось, что "раввины пользуются почетными правами купечества первой гильдии, а исполняющие беспорочно свои обязанности не менее десяти лет награждаются золотыми медалями..."

Закон этот определял, что евреям дозволено жить в 15 губерниях еврейской черты оседлости.

Законы Александра Второго, конечно, охраняли русских евреев от издавна существовавшего в России антисемитизма и давали им официальные права подданных Российской империи.

Кроме того, Александр Второй издал ряд указов, определяющих права привилегированных русских евреев. Так, указом 16 марта 1859 года им предоставлено было право согласно их профессии "приписываться со всеми членами их семейства в купечество первой гильдии по всем городам Российской империи и Закавказья. Они могли также иметь с собой приказчиков и домашнюю прислугу".

По закону 27 ноября 1861 года Александр постановил, что "евреи, имеющие дипломы и ученые степени доктора медицины и хирургии, доктора и магистра или кандидата по другим факультетам университета, допускаются на службу по всем ведомствам, без ограничения места пребывания, во всех губерниях империи, также для занятия торговлей и промышленностью, и имеют право иметь слуг и приказчиков из своих единоверцев".

Указами 1865, 1866 и 1867 годов Александр распространил этот закон на евреев-врачей, даже не имеющих ученой степени.

В 1872 году царь распространил эти привилегии и на евреев, окончивших Санкт-Петербургский технологический институт.

19 января 1879 года Александр предоставил право на свободное проживание по всей империи евреям-аптекарям, дантистам, фельдшерам, акушерам. Этот же закон позволял евреям быть членами цехов в Москве и Московской губернии и поступать на военную службу.

Александр весьма заботился о ремесленниках-евреях и еще указом от 28 июня 1865 года дозволил им проживать "повсюду, во всех городах империи..."

Замечу, что ни в одной западной стране евреи в эти же годы не пользовались столь существенными привилегиями. Об этом свидетельствовал известный еврейский филантроп сэр Моисей Монтефиоре, прибывший в Россию в 1872 году. Было ему тогда уже 88 лет. Александр был хорошо осведомлен о его жизни, посвященной улучшению жизни своего народа. В молодости был он английским офицером и с тех пор начал борьбу за полное гражданское и политическое равноправие евреев в Англии. Он посетил Дамаск, Александрию и Константинополь в связи с процессом 1840 года в Дамаске против евреев, обвиненных в ритуальном убийстве монаха-францисканца. На свои средства нанял он адвокатов, и обвиняемые были оправданы. Кроме того, он добился от султана принятия закона, запрещающего возбуждать дела по подобному обвинению во всей Оттоманской империи. Несколько раз посещал он Иерусалим и Палестину, где жертвовал большие средства на борьбу против эпидемий в пользу всего населения, без различия вероисповедания.

Этот седой еврейский патриарх был очень ласково принят Александром на официальной аудиенции в Зимнем дворце. Император беседовал с ним более двух часов о судьбе русского еврейства. Монтефиоре впоследствии опубликовал эту свою беседу с царем и рассказал не только о теплом приеме, но и о многом, что сделано Александром для значительного облегчения жизни русских евреев.

Конечно, после торжественной аудиенции, о которой в то время писали все крупные русские и европейские газеты, настроение русских и польских евреев значительно улучшилось. Изменилось и отношение к ним

властей на местах. Показательно, что за время царствования Александра Второго заметно усилилось переселение евреев в Россию и Польшу из Западной Европы и особенно из прусских и австрийских земель.

Отмечу, что именно при Александре Втором евреи начали деятельно участвовать в культурной жизни России: журналистика, литература, право, театр, вообще искусство были теперь открыты для них. Достаточно привести имена таких корифеев, как музыкант Антон Рубинштейн (крещенный еще в детстве), скульптор Марк Антокольский, художник Исаак Левитан...

Хочу отметить, что император Александр Второй назначил своими личными врачами евреев Маркуса и Когана, которым дал звание лейб-медиков. Конечно, выбрал он этих двух лекарей не потому, что они были евреями, а за их выдающиеся успехи в области практической медицины. Царь им обоим доверял безгранично.

"Исторический вестник" сообщает, что после покушения и смертельного ранения императора в трагическое воскресенье 13 марта 1881 года, именно эти доктора оказывали помощь Александру и присутствовали при его агонии.

Глава двадцать третья

РОСТ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ В РОССИИ

После долгих лет диктаторского правления Николая Первого, со всеми его эксцессами, наступила вполне объяснимая реакция: стихийный рост оппозиции абсолютизму. Либеральный, гуманный режим Александра Второго, его реформы и проекты ввести в России конституционный строй создали весьма благоприятную почву не только для демократических настроений, но и для распространения крайних революционных идей и группировок. Конечно, и русская литература 19 века весьма способствовала развитию оппозиции абсолютизму, и никто более ярко, чем Лев Николаевич Толстой, не представил

русскому читателю всю безнадежность и порочность господствовавшего в России строя. Давая себе полный отчет в косности и отсталости монархического режима в России, Александр искренне намеревался его изменить, чтобы империя пошла в ногу с большинством европейских держав и прежде всего с Англией, конституционным строем которой царь объяснял ее относительно спокойную политическую жизнь и ее материальное благосостояние. Но проводя в жизнь крестьянскую реформу, Александр на практике убедился, как трудно в России переменить ее рутинный порядок, вросший в самую плоть жизни страны.

Самое большое развитие в эту эпоху получили в России два массовых политических движения — славянофильство и так называемое народничество. В самом широком смысле этого термина, последнее было социальным движением революционно настроенной разночинной интеллигенции, которое со временем восприняло социал-демократическую идеологию и в конце концов представляло марксизм русского толка.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО

Славянофильское движение возникло во время нашествия полчищ Наполеона на Россию как оппозиция западничеству, являясь выражением русского национального чувства, результатом общенародного патриотического подъема. Постепенно, однако, славянофильство превратилось в настоящую русскую национальную доктрину, центральной идеей которой была оригинальность и самобытность России и русского народа, его истории и культуры.

Главным следствием этой концепции было негативное отношение ко всей западной культуре и критика тех, кто в России стремился в чем бы то ни было подражать Западу. Наконец, славянофилы считали своей политической целью объединение всех славян под эгидой России, их "старшей сестры". Славянофилы превозносили все русское: историю, язык, который они считали самым совершенным и богатым в мире, гораздо более гибким и

выразительным, чем все остальные языки. Русскую музыку считали они также лучшей, ибо она являлась выражением русского духа и народного творчества. Этот русский национализм имел следствием распространение чисто русских сюжетов в живописи и литературе. Под влиянием славянофильских идей многие русские писатели отрицали все западное как чуждое.

Так, например, Достоевский после своей поездки в Лондон в 1863 году возвеличивал "святую Русь", а на Западе видел лишь "царство Ваала". Лондон представлялся ему городом пьяниц и проституток, царством разврата, где "публичные дома освещены и разукрашены, как дворцы". Несомненно, находясь под влиянием славянофильских идей, он хотел этим доказать всю несостоятельность утверждений западников, что в Англии люди живут "счастливой жизнью". Он добавляет, что в Англии, наряду с баснословным богатством, существует отчаянная, безысходная бедность. Толстой не лучше отзывается о Лондоне и Париже и о нравах Запада.

Православная церковь для славянофилов являлась прежде всего народной церковью, созданной самим русским народом. Кстати, и в Англии со времен Генриха Восьмого и Елизаветы отделенная от Римской курии англиканская церковь считается частью английской национальной традиции.

Анархист Бакунин писал, что коммунизм не может иметь успеха на Западе, потому что западные рабочие получают высокую зарплату за свой труд и из-за этого имеют буржуазные взгляды. "Поэтому, — добавляет он, — Парижская Коммуна продержалась всего лишь два месяца..." Говоря о русском мужике, Бакунин пишет: "Русский крестьянин прирожденный революционер: он постоянно бунтует, и бунт этот выражается в разбое, которому должны научиться революционеры... Когда соединяются разбойник и крестьянин, тогда рождается народная революция..." То есть и он по-своему предпочитал русское западному.

Русский национализм наложил свою печать и на русскую версию марксизма, созданную Плехановым и Ле-

ниным и столь отличную от коммунистической доктрины Маркса и Энгельса.

Славянофилы выступали за проведение демократических реформ, но в то же время поддерживали теорию об особом историческом пути развития России. Это было результатом влияния русского дворянства. Несомненно, умеренно-либеральное направление более всего соответствовало его политическим интересам. Взгляды славянофилов впервые были четко выражены в 1839 году А.С.Хомяковым, особенно в его весьма популярной статье "О старом и новом", и несколько позднее — в опубликованной лишь в 1861 году не менее известной статье И.В. Киреевского "В ответ А.С. Хомякову". Однако уже к концу 30-х годов сложился помещичий кружок, поддерживающий реформы, позднее проведенные в жизнь Александром Вторым.

Виднейшими приверженцами славянофильства были принадлежавшие к дворянскому сословию ученые, писатели и общественные деятели: А.С. Хомяков, братья Киреевские, братья Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, Д.А. Валуев, историк А.Н. Попов и князь В.А. Черкасский. Все они начали писать еще при Николае Первом, и, несомненно, молодой его наследник, будущий император Александр Второй, еще в то время попал под их сильное влияние.

Впрочем, и его отец Николай Первый относился к славянофилам весьма снисходительно и даже сочувственно, хотя считал, что предлагаемые ими реформы, в первую очередь, отмена крепостничества, были еще несвоевременны и Россия еще не была готова к ним. Однако он был убежден, что эти новые веяния созреют в годы правления его сына. Несомненно, именно эти влияния заставили Николая давать сыну учителей и советников весьма прогрессивного направления. Наконец, Николаю особенно импонировала доктрина панславизма, т.е. объединение "братьев-славян" под эгидой Российской империи. Конечно, западные по традиции и по своей католической религии поляки не могли ужиться в рамках православной России, но южные славяне, сербы и особенно болгары, по традициям, языку и православ-

ной вере близкие к русским, чрезвычайно интересовали Николая и оправдывали его войны с Турцией, причем, были ему гораздо ближе, чем православные, но чуждые по языку греки. Эти свои убеждения Николай старался передать сыну, что объясняет глубокие симпатии последнего к порабощенному турками болгарскому народу и его будущую проболгарскую политику.

Не случайно такой выдающийся русский историк, как М.П. Погодин, академик, издатель ряда влиятельных журналов — "Московский вестник", "Московский наблюдатель", "Москвитянин" и др. — и автор господствовавшей в те годы теории "официальной народности", в годы Крымской войны выступил со своими "Историко-политическими письмами", в которых выразил стремление славянофильских кругов провести ряд либеральных реформ и преобразований с целью укрепления самодержавия и проповедовал объединение всех славян под властью русского царя.

Славянофилы остро критиковали современных им революционных демократов В.Г. Белинского, А.И Герцена и их последователей, считая их западниками.

В середине 19 века славянофилы деятельно поддерживали крестьянскую реформу Александра Второго — отмену крепостного строя "сверху" с предоставлением крестьянским общинам необходимых земельных наделов за выкуп помещикам. Они также стояли за развитие торговли и промышленности, за применение в сельском хозяйстве наемного труда и машин и за строительство сети железных дорог в России.

Кроме всего этого, славянофилы, хотя и были убежденными монархистами, предлагали ряд прогрессивных реформ, например, созыв Земского собора из выборных представителей всех общественных слоев, называя его уже тогда Государственной Думой, настаивали на свободе слова, выступали за гласный суд с участием выборных представителей населения, требовали полной отмены телесных наказаний и смертной казни.

В идейно-философском плане славянофилы выступали противниками марксизма и материализма и были защитниками православия.

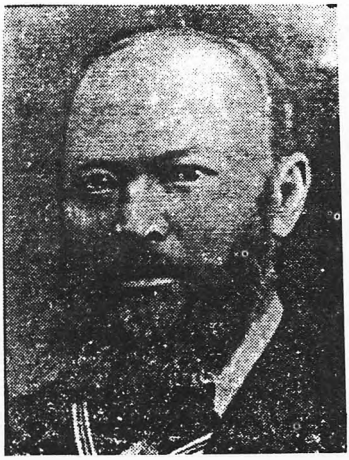
С.Т. Аксаков
(1791-1859)

П.В. Киреевский
(1808-1856)

В.И. Даль
(1801-1872)

А.Н. Островский
(1823-1886)

Добавлю, что славянофилы много потрудились в деле собирания и изучения памятников русского, а также украинского и белорусского народного творчества. П.Киреевский собрал огромное количество русских песен, которые после его смерти были изданы и составили одиннадцать объемистых томов. Под влиянием и при материальной поддержке славянофилов В.И. Даль составил свой знаменитый четырехтомный "Толковый словарь живого великорусского языка" (изданный в 1861-67 гг.) и "Собрание пословиц русского народа" (1862 г.). А.Ф. Гильфердинг записал и издал "Онежские былины" (1873 г.), М.А. Стахович и Т.И. Филиппов опубликовали исследования по русской народной музыке, а П.В. Шейн, И.М. Снегирев и П.А. Бессонов собрали и обнародовали произведения русского поэтического творчества. Все эти собрания являются громадной заслугой русских славянофилов.

Император Александр, еще будучи наследником престола и, конечно, после своего восшествия на престол немало сделал для поддержки всех этих культурных начинаний, щедро помогая своим покровительством и личными финансовыми пособиями славянофильским деятелям, награждая их чинами и высокими отличиями.

НАРОДНИЧЕСТВО

Наряду с движением славянофилов, которые поддерживали монархию в России и старались реформами упрочить ее, возникали различные антимонархические группы, которые считались народническими, хотя часто они в корне отличались друг от друга по своей идеологии.

Основателями и выразителями идей народничества были М.А. Бакунин, П.Л. Лавров и П.Н. Ткачев. Они представляли три разных направления этого движения главным образом в области тактики: бакунинцы делали ставку только на крестьянские бунты; лавристы ограничивались мирной пропагандой своих идей; ткачевцы же были заговорщиками и предлагали диктатуру революционного интеллигентского меньшинства.

Михаил Александрович Бакунин, который является основным идеологом анархизма, принадлежал по рождению к зажиточной помещичьей семье Тверской губернии. По окончании артиллерийского военного училища был он произведен в офицеры, но через два года оставил военную карьеру и поселился в Москве, где сблизился с В.Г. Белинским, А.И. Герценом и другими революционными демократами. Свои взгляды он обнародовал в "Предисловии к гимназическим речам Гегеля", опубликованном в "Московском наблюдателе" еще в 1838 году.

В 1840 году Бакунин выехал за границу, жил в Германии, Швейцарии и Франции, где сблизился с разными представителями левых коммунистических групп. Бакунин открыто проповедовал борьбу с царизмом, критиковал русское самодержавие и крепостное право и мечтал об объединении русских и польских революционеров в борьбе против общего врага — царизма. Уже в сороковых годах он издал в Германии программу международного анархического движения, призывая своих единомышленников к мировой революции.

Тайная полиция Николая Первого следила за Бакуниным, и по докладу Третьего отделения царь потребовал его насильственной репатриации, так как он решительно отказывался вернуться на родину. В октябре 1844 г. Сенат постановил лишить Бакунина дворянского звания и всех прав и, в случае возвращения, отправить в ссылку в Сибирь. Бакунин принял активное участие в революционных событиях 1848 года в Европе, в частности в Пражском восстании в июне этого года. После поражения восстания он жил нелегально в Германии, где активно участвовал в революционном движении. Он был арестован в Дрездене и выдан австрийскому правительству, которое, продержав его в тюрьмах Праги и Ольмюца в общей сложности полтора года, выдало его в 1851 г. России.

Его держали сначала в Петропавловской крепости, а затем в Шлиссельбурге. Уже в Петропавловской крепости написал Бакунин свою "Исповедь", отправленную им Николаю Первому, где он каялся перед государем в

нарушении законов отечества, оценивая всю свою деятельность как "безумие, грех и преступление" и прося императора помиловать его. Второе письмо с просьбой о помиловании написал Бакунин уже Александру, только что восшедшему на русский престол. Александр Второй удовлетворил его просьбу, однако, считая его опасным политическим преступником, заменил ему заключение в крепости ссылкой в Сибирь.

Бакунин вскоре бежал из Сибири, сначала в Японию, а потом и в Америку. В 1861 году прибыл он в Лондон, где сотрудничал с Герценом и Огаревым. В 1869 году Бакунин перехал в Италию. Известна его ожесточенная борьба против Маркса в Первом Интернационале и его острая критика марксистской идеи "диктатуры пролетариата". В 1865-66 гг. создал Бакунин "Альянс социалистической демократии" с секциями в Италии, Испании, Швейцарии и Франции, поставив себе целью захват руководства Интернационалом. В последние годы жизни Бакунин написал свой основной труд "Государственность и анархия", проникший в Россию, где у Бакунина было много последователей.

Значительно более умеренных взглядов придерживался профессор философии и математических наук Петр Лаврович Лавров, как и Бакунин, выходец из богатой помещичьей семьи, идеолог народничества, представитель субъективной школы в социологии. Был он членом общества "Земля и воля", а затем — левой революционной партии "Народная воля". Он написал и опубликовал под псевдонимом Миртов "Исторические письма" (1868-69), которые имели широкое распространение в среде народников и оказали влияние на их взгляды. Однако до конца своей жизни не признавал он рабочий класс России руководящей революционной силой, способной преобразовать общество. Он делил людей на "героев" и на "толпу", считая, что только волевые и образованные люди могут быть вождями революции и в корне изменить общество, в частности, Россию. Для него весь прогресс человечества являлся "результатом деятельности критически мыслящих личностей".

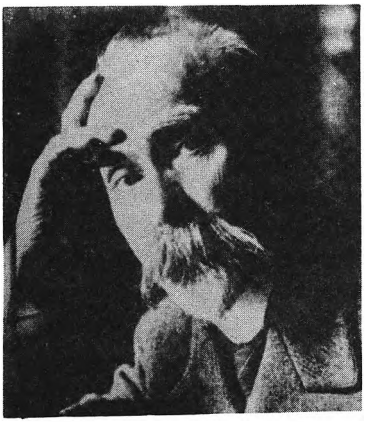
Принужденный покинуть Россию, Лавров обосно-

М.А. Бакунин
(1814-1876)

С.Г. Нечаев
(1847-1882)

Г.В. Плеханов
(1856-1918)

В.И. Засулич
(1851-1919)

вался в Швейцарии, сначала в Женеве, а потом в Цюрихе. Здесь начал он издавать журнал и газету под общим названием "Вперед". Журнал выходил весьма редко: за весь период между 1873 и 1877 гг. появились лишь пять номеров. Последние выпуски вышли в Лондоне, куда Лавров переехал в 1874 году. Газету "Вперед" он издавал в Лондоне. Идейное направление газеты и журнала было общим: они выражали идеологию правого крыла революционного народничества — признавая заслуги Маркса в создании теории научного социализма и организации Первого Интернационала, а также в открытии законов капиталистического развития, Лавров, однако, отрицал провозглашенную Марксом ведущую роль рабочего класса в борьбе за социализм. Лавров также укорял Маркса за его выпады против Бакунина и призывал его к примирению с ним. В оценке роли государства Лавров стоял на позициях Бакунина, расходясь с ним лишь в вопросах революционной тактики.

Он и его последователи считали, что революции должна предшествовать длительная подготовительная работа, главным образом, пропаганда социалистических идей в среде крестьянства, без которого революция не может быть успешной. Любопытно отметить, что Ленин для дискредитации Лаврова и его последователей написал книгу "Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?", где он называет Лаврова врагом марксизма, объявляя его идеалистом и агностиком.

Третий вождь народнического движения Петр Никитич Ткачев, как Бакунин и Лавров, также происходил из семьи помещика. В 1861 году был он исключен из Петербургского университета за участие в студенческих беспорядках, однако ему было разрешено сдать экзамены экстерном. Таким образом он окончил юридический факультет. Один этот факт свидетельствует о гуманном отношении Александра Второго даже к демонстрирующим против него студентам.

В 1871 году Ткачев вместе с С.Г. Нечаевым организовал оппозиционное левое студенческое движение, был за это арестован и осужден на один год и четыре месяца

тюрьмы. И этот мягкий приговор также доказывает гуманность Александра. После отбытия наказания Ткачев был выслан в Великие Луки, где жил под надзором полиции, однако не слишком строгим, так как уже в будущем 1873 году эмигрировал за границу, где пытался — сначала в Швейцарии, а потом в Лондоне — сблизиться с Лавровым и Бакуниным. Ткачев тщетно старался стать сотрудником журнала и газеты "Вперед", но не сумел поладить ни с Лавровым, ни с Бакуниным. В 1875 году он сам стал издавать в Женеве журнал "Набат", в котором излагал свое новое направление в революционном народничестве. Ткачев считал необходимым, даже с малочисленной группой своих приверженцев, захватить власть в России и тотчас создать революционное, социалистическое государство, которое станет оплотом мировой революции. Он считал, что царское правительство не имеет опоры в русском обществе и потому может быть свергнуто группой смелых и решительных людей. Эти теории Ткачева резко критиковал Ф.Энгельс, считая их крайне наивными.

В последние годы своей жизни Ткачев обосновался в Париже, где сблизился с французским коммунистом-утопистом Луи Огюстом Бланки (сын члена революционного Конвента, он и сам был участником июльской революции 1830 года). С 1880 года Бланки издавал в Париже газету "Ни Бога, ни хозяина". Под псевдонимами Никитин, Постный и др. Ткачев сотрудничал в ней, а также в "Деле", левом ежемесячном журнале, выходившем в Санкт-Петербурге с 1866 по 1888 год, где он публиковал статьи на литературные и научные темы. Царь был отлично осведомлен о сотрудниках этого журнала, но сознательно допускал эти публикации и сам их внимательно читал. Впрочем, журнал этот просуществовал еще несколько лет и при Александре Третьем, но в те годы ему пришлось в корне изменить свое содержание и поменять сотрудников. Александр Второй, даже в конце своего царствования редко позволял полиции арестовывать левых писателей и журналистов, предпочитая позволять им эмигрировать на Запад, где их деятельность, по его мнению, не была столь вредной для России.

Н.Я. Ярошенко. Студент. 1881 г.

Народничество не было чуждо стихийному движению русской интеллигенции, начавшемуся в 60-е годы 19 века и получившему название "хождения в народ". В нем, конечно, участвовали не только народники, но и представители других левых групп, которые, несомненно, находились под сильным влиянием марксистских идей. Это чисто русское политическое движение само по себе указывает на рост революционных настроений в России — следствие либеральной и гуманной политики Александра, который считал, что не следует ограничивать или, тем более, ликвидировать это движение русской интеллигенции, хотя понимал его характер и политические цели.

Движение это было весьма радикальным и преследовало конкретную политическую цель, близкую идеологии народников: просвещение крестьян и активная революционная пропаганда против монархического строя в России. Движение особенно разрослось в 1874 г., когда в нем приняло участие более тысячи молодых дворян, к которым присоединились представители разночинной интеллигенции, в основном студенчества. По данным министерства внутренних дел, "хождение в народ" охватило около 30 губерний. Большинство молодых народников отправлялось в губернии, расположенные по большим русским рекам — Волге, Дону и Днепру, так как считало, что в этих губерниях крестьяне более способны воспринять их пропаганду против существующего строя. Пропаганда велась в основном в устной форме, однако и посредством революционной литературы, поступавшей из-за границы.

Но народники по своему происхождению и образованию были весьма далеки от крестьянского быта и психологии, и они просто не умели установить необходимый контакт с крестьянами, преодолеть их традиционную преданность царю и Православной Церкви, которая их воспитала. Общеизвестно, что крестьяне не оправдали надежд народников: они встречали их настороженно, недоверчиво и нередко даже враждебно, считая их "поборниками Антихриста". Было немало случаев, когда крестьяне выдавали их властям. Только в 1874 году в раз-

ных русских губерниях было арестовано более тысячи народников, обвиненных крестьянами в наветах "против государя и церкви Христовой". Это, несомненно, указывает на полный неуспех "хождения в народ".

Около 200 таких пропагандистов, самых энергичных и радикальных, были преданы прокурорскому надзору и отправлены в тюрьмы разных губерний, из которых они происходили. С октября 1877 по январь 1878 г. проходил процесс 193-х обвиняемых, самые активные и нераскаявшиеся из них, отказавшиеся подать государю прошение о помиловании, были приговорены губернскими судами к тюремному заключению. Как раз в эти годы Александр был всецело поглощен войной с Турцией за освобождение Болгарии, и местная администрация, пользуясь отсутствием царя, лично участвовавшего в освободительной войне, сама принимала необходимые меры против революционеров-народников.

Наученные горьким опытом, народники изменили тактику: они изучали различные ремесла, оседали в деревнях как ремесленники или же поступали рабочими на фабрики, где старались организовать ударные группы, чтобы со временем поднять народ на вооруженную борьбу против самодержавия. Но и эта тактика народников не имела успеха. "Хождение в народ" потерпело полный провал.

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ

Революционные демократы были самыми радикальными борцами против самодержавия и царской власти, их взгляды были близки к марксизму. После отмены крепостного права в 1861 году они заявляли, что ведут борьбу "с пережитками крепостничества", а в сущности боролись против царского режима вообще и готовили его свержение путем народной революции. Между ними было немало видных общественных деятелей — политиков, ученых, публицистов, писателей. Потребность государства в образованных специалистах создала целую армию "разночинцев" — представителей новой русской интеллигенции 19 века. Еще в первой половине века раз-

ночинцы начали играть важную роль в общественной жизни России. На смену "дворянским революционерам" — декабристам — пришла эта разночинная интеллигенция, стоявшая ближе к народу и стремившаяся привлечь народные массы к борьбе против монархии. Одним из первых революционных демократов был известный литературный критик В.Г.Белинский, убежденный сторонник крестьянской революции. Так называемые "петрашевцы", среди которых был и великий Достоевский, были в сущности последователями Белинского и немало способствовали распространению его политических взглядов.

Революционные демократы 60-х годов 19 века явились по существу противниками и соперниками либеральных демократов, поддерживающих режим и реформы Александра Второго. Именно в начальный период царствования Александра произошло решительное размежевание этих двух фракций русского общества. Первые поддерживали реформы Александра, вторые стояли за решительные и радикальные перемены в России, добиваясь замены абсолютизма конституционной монархией или полной ликвидации царизма.

В годы правления Николая Первого деятельность революционных демократов происходила в условиях жестокой цензуры и непрерывных полицейских преследований. Однако нельзя не признать, что после своего восшествия на престол Александр Второй значительно смягчил как цензуру, так и полицейские преследования этих убежденных противников царской власти. Он считал, что путем коренных реформ и даже введения в империи конституции и демократических свобод западного типа, в России можно будет установить режим, схожий с режимом демократических держав Западной Европы, вплоть до либеральной демократии английского типа. В его глазах относительное процветание Великобритании, зажиточность и богатство ее населения и отсутствие революционной ситуации в этой стране обусловливались именно демократическими и либеральными порядками. Александр, несомненно, сам был убежденным приверженцем этих демократических порядков, однако считал,

что русский народ в целом еще не созрел для этих демократических реформ и что необходимо вводить их постепенно и планомерно, параллельно с культурным развитием.

Однако уже в эти годы убежденные революционные демократы А.И. Герцен и Н.П. Огарев создали вольную русскую прессу и начали в Лондоне издание журналов "Полярная звезда" и "Колокол". Эти издания полностью стояли на позициях революционных демократов, призывая русский народ отказаться от "наивной веры в царя", несмотря на его "внешне умеренную программу".

Из Англии эти революционно-демократические журналы нелегально, иногда даже по английским дипломатическим каналам, проникали в Россию и рассылались по разным русским городам, где их жадно читала русская интеллигенция, особенно университетские профессора и студенты. Известно, что читал эти журналы и сам Александр. Несомненно, идеи Герцена и Огарева способствовали либеральной ориентации царя, и он ничего не предпринимал для ограничения пересылки их изданий в Россию.

Впрочем, теперь в само́й русской местной печати беспрепятственно печатались статьи убежденных революционных демократов, прежде всего Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, которые по указанию Александра весьма свободно пропускались его цензурой.

Боевым органом революционных демократов был в 60-е годы журнал "Современник", возглавлявшийся Чернышевским, в котором сотрудничали самые видные революционные демократы страны. Император Александр был весьма хорошо осведомлен своим Третьим отделением об этом журнале, о его издателях и сотрудниках. Папки с полицейскими докладами о них лежали на его письменном столе, и он внимательно читал и перечитывал их. Читал он и статьи в "Современнике" и полностью отдавал себе отчет о направлении и целях этих статей и взглядах их авторов. Будучи просвещенным и культурным человеком, Александр не имел ни малейших иллюзий на этот счет. И все же он был убежден в несомненной пользе этих критических статей, написан-

ных с радикальных антимонархических позиций, для развития своей империи, для зрелости России. Даже когда шеф Третьего отделения граф П.А. Шувалов лично убеждал царя принять необходимые меры, чтобы прекратить эту "разрушительную, противогосударственную деятельность и запретить издание "Современника", Александр, мягко улыбаясь, неизменно отвечал ему: "Милый друг, Петр Андреевич! Вы, конечно, правы. Но пришли новые времена..."

И когда "второй Аракчеев" — как Шувалова называли в левых кругах — на свой страх и риск сам принял некоторые меры, "необходимые, чтобы обуздать этих строптивых бунтарей", император, повесив ему на грудь орден, назначил его в 1874 году своим послом в Лондоне.

Впрочем, еще в начале 60-х годов была создана революционными демократами тайная организация "Земля и Воля". Возникла она осенью 1876 года в самом Петербурге. Первоначально она называлась "Северная революционно-народническая группа", а с 1878 года — "Земля и Воля". Тогда же под этим названием начал нелегально выходить ее печатный орган. В ее состав вошли некоторые активные революционные демократы Петербурга и провинции. Среди них были Г.В. Плеханов, С.М. Кравчинский, А.А. Квятковский, Д.А. Клеменц, супруги Натансон, Александр и Адриан Михайловы, Н.А. Морозов, В.А. Осинский и другие — всего около 50 человек, главным образом, студенты.

По их признанию, своей задачей ставили они анархическое разрушение государства, вместо которого должны были быть созданы вольные общины, автономные, но добровольно участвующие в общей федерации. Они считали, что эти требования могут быть осуществлены "только посредством насильственного переворота", подготовить который они надеялись путем бунтов, террора, освобождения заключенных и возбуждения всеобщего недовольства и общей дезорганизации. Во главе организации стоял строго законспирированный узкий круг, называемый "основным кружком". Предусматривалась широкая конспиративная работа: пропа-

ганда среди интеллигенции и рабочих, налаживание связей с военными, с чиновниками, даже с либералами и сближение с враждебными царскому правительству религиозными сектами, а также террор против отдельных представителей царской власти.

Следует отметить, однако, что деятельность "Земли и Воли" полностью провалилась: русские крестьяне не поддались пропаганде. Были члены "Земли и Воли", как видно из всей их программы, явными последователями политических идей Бакунина, приверженцами анархизма. Они заявляли, что коренные черты русского народа "социалистичны" и что создание автономных, независимых сельских общин "гарантирует Россию от капитализма".

6 декабря 1876 года "Земля и Воля" организовала первую значительную демонстрацию у Казанского собора, во время которой Плеханов произнес от ее имени политическую речь о репрессиях царского правительства, а рабочий Потапов поднял красное знамя с надписью "Земля и Воля". Однако скоро между членами организации начались разногласия и споры. Часть их настаивала на продолжении просветительской работы среди крестьян мирными средствами, но другая, более решительная фракция объявила террор главным средством борьбы с царизмом, так утверждал орган этой радикальной части — листок Н.А. Морозова.

В конце июня 1879 года состоялся в Воронеже общий съезд "Земли и Воли", который принял компромиссное решение. Но оно не удовлетворило ни одну, ни другую сторону, и организация фактически прекратила свое существование. Замечу, что некоторые члены организации, в первую очередь Плеханов, решительно выступали против терроризма и окончательно вышли из "Земли и Воли". Однако сторонники террора как главного средства борьбы с деспотизмом объединились в августе 1879 года в новую конспиративную террористическую организацию, известную под названием "Народная воля". Она сыграла решительную роль в убийстве Александра Второго, просвещенного и гуманного русского царя.

Во главе этой экстремистской террористической ор-

ганизации фанатиков-анархистов стояла кучка преступников — А.И. Желябов, А.Д. Михайлов, М.Ф. Фроленко, Н.А. Морозов, В.Н. Фигнер, С.Л. Перовская, А.А. Квятковский и другие.

Потеряв веру в возможность крестьянского восстания, они объявили основным средством борьбы с монархией политический заговор и индивидуальный террор, надеясь свергнуть царя "без народа", который отказался идти за ними. Их политическая программа была по сути коммунистической: провозглашение демократических свобод на основе всеобщего избирательного права, "передача земли народу, переход в руки рабочих заводов и фабрик" и т.д. Для этого было необходимо, как считали заговорщики, свергнуть монархию путем убийства царя. В основном вся их деятельность свелась к организации убийства императора согласно решению исполнительного комитета "Народной воли" от 26 августа 1879 года.

РАСЦВЕТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ ВТОРОМ

Годы царствования императора Александра Второго, благодаря его либерализму и демократическому образу правления, характеризуются грандиозным расцветом русской литературы. Именно при нем она заняла одно из первых мест в мире. Этот исключительный расцвет русского литературного творчества ознаменован прежде всего деятельностью трех величайших русских писателей — Тургенева, Достоевского и Толстого.

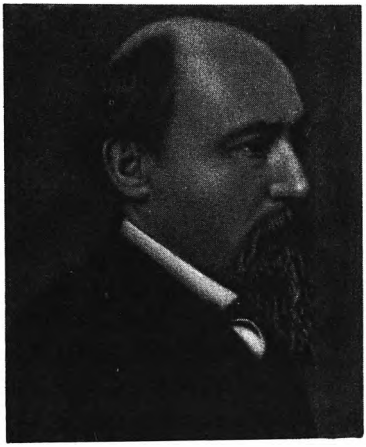
Симптоматично, что именно при Александре процветали впервые в русской истории писатели и литературные критики весьма левого толка. Конечно, еще при Николае Первом Виссарион Григорьевич Белинский стал основателем левой русской революционно-демократической критики. Его статьи печатались в журнале "Московский наблюдатель", который он сам редактировал в 1839 году, а прежде того в журнале "Телескоп", в его приложениях и газете "Молва", закрытых, отчасти и из-за статей Белинского, уже в 1836 году. В 1839 году Белинский переехал в Санкт-Петербург, где стал дея-

тельным сотрудником журнала "Отечественные записки", издаваемого А.Краевским, с которым он вскоре поссорился. С 1846 года сошелся он с Н.А. Некрасовым и писал с тех пор до самой своей смерти в 1848 году для его журнала "Современник". Этот журнал существовал благодаря заступничеству наследника престола Александра, пламенно защищавшего перед отцом как Некрасова, так и самого Белинского, несмотря на их весьма левую ориентацию.

Александр хорошо знал своего современника, убежденного революционного демократа Николая Гавриловича Чернышевского, выходца из семьи священника, закончившего Саратовскую духовную семинарию и историко-филологический факультет Петербургского университета. Сам о себе Чернышевский говорил, что "стал решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев". С 1853 года обосновавшись в Петербурге, стал он печататься в "Отечественных записках", но вскоре покинул этот весьма умеренный журнал и перешел в самый тогда левый — "Современник", где и опубликовал большинство своих политических статей по философии, истории, политической экономии, теории и истории литературы, затрагивая также вопросы внешней и внутренней политики. Через несколько лет Чернышевский стал во главе этого журнала.

В эти решительные годы — 1853-1862 — вокруг него и Н.А. Некрасова, который был тогда совладельцем "Современника", группировались такие сторонники социальных перемен и борцы против крепостничества, как Н.А. Добролюбов, Н.В. Шелгунов, М.А. Антонович, М.Л. Михайлов, Н.А. Серно-Соловьевич и другие. Все они были под надзором полиции Николая Первого, но Александр убеждал отца, что все они лишь борются за отмену крепостничества и что на них именно из-за этого клевещут враги реформы.

Александр читал статьи Чернышевского ("Очерки гоголевского периода русской литературы", 1855-56, "Критика философских предубеждений против общинного владения", 1858; "Июльская монархия" 1860, или явно марксистские статьи, как "Капитал и труд", 1860)

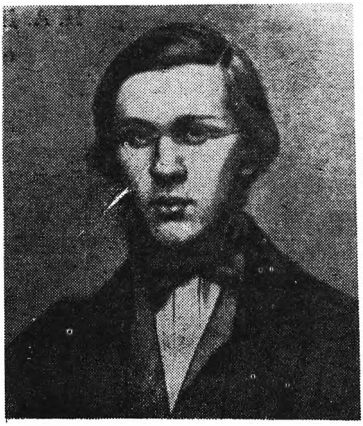
Н.А. Некрасов
(1821-1877)

В.Г. Белинский
(1811-1848)

Н.Г. Чернышевский
(1828-1889)

Н.А. Добролюбов
(1836-1861)

и задумывался над этими тезисами, считая их, однако, чисто теоретическими и поэтому не видя в них практической опасности для государства. Впрочем, в тогдашней России мало кто, кроме самого исключительно образованного государя, понимал их и осмеливался критиковать. Больше всего царя поражало убеждение Чернышевского, что "религия — враг науки и прогресса и что необходимо освободить школу от преподавания какой бы то ни было религии".

Те же взгляды, как доносили царю чиновники полиции, были у ближайшего соратника Чернышевского Николая Александровича Добролюбова, также сына приходского священника, получившего семинарское образование перед поступлением в педагогический институт в Петербурге. Большое влияние оказали на него произведения В.Г. Белинского и А.И. Герцена, с которыми он познакомился еще в юности.

Будучи студентом, вел он революционную пропаганду среди своих соучеников издавал рукописную газету "Слухи" и организовал тайный политический кружок. В архивах Третьего отделения сохранилось письмо Добролюбова к правому журналисту Н.И.Гречу, написанное в год смерти Николая Первого, в котором он обличал самодержавие, государственное управление России и политику царя.

В 1856 году сблизился он с Чернышевским, который пригласил его возглавить критический отдел "Современника". Вместе с Чернышевским и Некрасовым Добролюбов стал третьим руководителем этого журнала, для которого написал массу статей в течение последних пяти лет своей жизни (он умер в 1861 году).

В 1858 году написал он известную статью "Органическое развитие человека в связи с его умственной деятельностью". В 1859 году — "Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ", "От Москвы до Лейпцига", "Что такое обломовщина?" и другие. В 1860 году — "Когда же придет настоящий день?", "Луч света в темном царстве". В своем обращении к читателям Добролюбов писал: "Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше..."

Поражает не столько смелость этих писателей-революционеров, сколько отношение к ним царя: Александр подробно знал все об их деятельности из многочисленных докладов Третьего отделения и все же не хотел репрессировать этих активных и опасных противников монархического строя в России. Был он человеком исключительного ума и образованности, но в то же время был убежден в необходимости развития свободной мысли в России и видел настоящий прогресс именно в этой свободе.

Неудивительно, что еще менее противодействовал Александр творчеству таких авторов, как Александр Николаевич Островский, который считал, что "особенностью русской литературы является ее обличительный характер..."

В начале 50-х годов — это было время усилившейся правительственной реакции Николая Первого — Островский сблизился со славянофильским окружением журнала "Москвитянин", которое старалось представить драматурга прежде всего бытописателем русского купечества. Именно в эти годы написал Островский свои пьесы "Не в свои сани не садись", "Бедность не порок", "Не так живи, как хочется", поставленные на сцене в 1854 году, а опубликованные год спустя. В этих своих произведениях драматург отказался от критики действительности.

Однако под влиянием Чернышевского, Некрасова и Добролюбова Островский покинул "Москвитянина" и перешел в кружок "Современника". С 1857 года он почти все свои пьесы печатал в этом журнале.

Однако Александр, наконец, признал вредным влияние этого кружка, очевидно, на примере Островского и одобрил постановление цензуры о закрытии "Современника".

Островский после этого перешел в другой весьма прогрессивный журнал того времени "Отечественные записки", издававшийся Некрасовым и Салтыковым-Щедриным. В этот период своего творчества Островский к своей прежней купеческой тематике добавляет пьесы, изображающие быт русского дворянства и чиновничест-

ва: "Доходное место", "Воспитанница". В "Доходном месте" Островский подверг глубокой критике царское чиновничество дореформенного периода, и именно из-за этого Александр дозволил как печатание пьесы, так и ее постановку. Однако, видя в "Доходном месте" и других новых пьесах Островского несомненное влияние революционных демократов, цензура постановила снять со сцены как "Доходное место", так и некоторые другие его пьесы, в том числе "Воспитанницу" и "Козьму Минина", разрешив лишь их публикацию.

Глава двадцать четвертая

УПРАВЛЕНИЕ ЦАРЯ-ОСВОБОДИТЕЛЯ

В отличие от некоторых других царей династии Романовых и многих их родственников, у Александра Второго была счастливая комбинация наследственных качеств. Строгое методическое воспитание, проведенное железной волей отца, сделавшего тщательный выбор достойных, исключительно образованных и культурных педагогов типа Жуковского, Сперанского и других выдающихся либеральных профессоров, лучших умов России, помогло Александру стать настоящим интеллигентом. Семейные традиции, глубокое сознание своего личного достоинства, врожденная отвага, знакомство с лучшими произведениями русской и западной литературы и искусства сделали Александра истинным джентльменом. Однако, как многие очень одаренные люди, он обладал сильно развитой чувственностью, несомненно унаследованной от Екатерины Великой и почти не поддающейся контролю воли. Свидетельство этому — его семейная драма — страстное увлечение княжной Долгоруковой, после смерти императрицы Марии Александровны ставшей его морганатической женой.

В своей внутренней и внешней политике Александр показал себя человеком гуманным и убежденным пацифистом, конечно, когда ему позволял это его долг перед

Император Александр Второй

империей. Самым трудным для него вопросом была Польша, разделенная Екатериной между Россией, Австрией и Пруссией, большая часть которой теперь принадлежала России. Александр, находясь под давлением русской аристократии, просто не мог разрешить эту пробле-

му по своему желанию — то есть восстановить независимую, свободную Польшу. Этому мешали не только крайние националистические настроения его окружения, но и противодействие Австрии и еще более — союзной с Россией Пруссии. Неразрешимость польского вопроса была трагедией человека и государя Александра Второго.

Лучше чем кто-либо из его предшественников Александр умел выбирать себе сотрудников — министров и высших военных и административных чиновников, на которых он мог рассчитывать и опираться.

После неудачной Крымской войны Россия более всего нуждалась в длительном и прочном мире, и Александр лучше всех своих подданных сознавал это. Именно потому Александр был самым убежденным пацифистом в Европе, если под этим термином понимать его миролюбие и желание всячески избежать нового столкновения с Западом и, конечно, главным образом с Англией.

Ни королева Виктория с ее крайне практичными сотрудниками: премьер-министром Дизраэли-Биконсфилдом и министром иностранных дел лордом Солсбери, ни Франция с посредственным прожектером Наполеоном Третьим, ни Австрия с ее беспринципным императором Францем-Иосифом, ни даже Пруссия с ее гениальным политиком Бисмарком не могли сравниться с Россией и ее царем, самым образованным и глубоко гуманным монархом своего времени.

На Западе не понимали и не одобряли реформ царя. Даже освобождение крестьян от крепостной зависимости не находило сочувствия у английских реакционеров, окружавших королеву Викторию. Лорд Биконсфилд и его сотрудники считали, что для Великобритании гораздо выгоднее абсолютизм отсталой России, чем приравненная усилиями Александра к странам Запада либеральная империя, избравшая конституционный строй.

В Англии радовались переживаемым Россией трудностям с Польшей и, конечно, сильно надеялись, что именно назревающее польское восстание даст Западу возможность раздуть новый конфликт с Россией, который, несомненно, приведет к революции и краху Россий-

ской империи. Все это великолепно понимал Александр, и именно эти коварные расчеты Англии еще более усиливали его миролюбивые устремления.

Впрочем, Англия Виктории и лорда Биконсфилда всеми средствами поддерживала не только польское восстание, несомненно, финансированное Великобританией, но и русских революционеров, которые составляли весьма характерные лозунги, находимые даже на стенах Зимнего дворца: "Независимая Польша!", "Земля — крестьянам!", "Свобода — России!" И конечно не без английской помощи Герцен издавал в Лондоне свой "Колокол", который доходил до самых отдаленных губерний империи.

Польские эмигранты во всех западноевропейских странах именно под воздействием английской пропаганды ожидали, что восстание в Польше вынудит Александра оккупировать ее и тогда Англия организует в защиту поляков новую вооруженную интервенцию против России, как это было в 1855 году в Турции.

Все эти английские политические интриги против России, конечно, спровоцировали восстание в Польше в 1863 году и заставили Александра не только упразднить все свободы, дарованные им полякам взамен сурового режима, установленного его отцом после восстания 1830 года, но и, приостановив временно свою деятельность по преобразованию самой империи, мобилизовать значительные армейские силы на подавление восстания.

Конечно, все это имело важные последствия для стабильности и спокойствия в самой России: возникла паника в торговых и финансовых кругах империи. Реакционная русская земельная аристократия и купечество начали снова активную кампанию против прогрессивных реформ Александра и, главным образом, против отмены крепостничества. Снова были выдвинуты против царя прежние обвинения, что его либеральные нововведения в сущности являются результатом западных интриг и влияний и что они подрывают самые устои империи, будучи чуждыми русским традициям и самому укладу русской жизни. Реакционные круги русской аристократии, поддерживаемые купечеством и некоторыми представителя-

ми высшего духовенства, начали открыто заявлять Александру, что его либеральные реформы приведут Россию к полному краху и разложению.

Все это заставило императора сменить престарелого министра иностранных дел графа Нессельроде. Карл Васильевич Нессельроде был русским министром иностранных дел в продолжение сорока лет, в 1816 году он был назначен на этот пост еще Александром Первым, а в 1845 году Николай Первый сделал его канцлером империи. Будучи еще наследником престола, Александр весьма критически относился к Нессельроде, но прислушивался к его советам, зная его как опытного дипломата, пользовавшегося полным доверием его отца. (К примеру, он еще при жизни отца критиковал Нессельроде за его преклонение перед австрийским канцлером Меттернихом.)

Нессельроде не раз говорил Александру, что сотрудничество России с Австрией и Пруссией является "самой верной гарантией для нее от революционной опасности..." Александр же видел, что действенная помощь России этим государствам во время революционных событий 1848 года и участие русской армии в подавлении венгерского восстания 1849 года не гарантировала России нейтралитета Австрии во время Крымской войны, более того, Франц-Иосиф предательски угрожал ударить в тыл русским войскам в самый решительный момент. Позднее, во время Парижских переговоров, Александр убедился в ошибочности расчетов Нессельроде о готовности Наполеона Третьего заключить союз с Россией.

Врочем, Нессельроде был, по мнению Александра, человеком старого закала, более подходящим для проведения политики его отца, чем его собственной. Александр чувствовал, что Нессельроде, хотя и не критикует его явно, все же считает, что реформы Александра несвоевременны и могут принести России немалый вред.

Итак, Александр уже в 1856 году, по окончании Парижского конгресса, уволил Нессельроде в отставку и назначил на его место своего советника по иностранной политике князя Александра Михайловича Горчакова, который впоследствии тоже стал государственным канц-

лером. Впрочем, сам граф Нессельроде после сорока с лишним лет интенсивной деятельности в качестве министра иностранных дел и канцлера чувствовал себя весьма утомленным. В 1856 году ему шел уже 76-й год, и он явно предпочитал писать мемуары и играть по вечерам в вист со своими сверстниками или проводить вечера в узком кругу старых друзей в Зимнем дворце в покоях вдовствующей императрицы Александры Феодоровны.

КНЯЗЬ ГОРЧАКОВ — КАНЦЛЕР ИМПЕРИИ

Князь Александр Михайлович Горчаков, ближайший сотрудник императора Александра Второго, происходил из аристократической семьи князей Горчаковых и был двоюродным братом князя Михаила Горчакова, бывшего генерал-губернатора Царства Польского, который был также приближен как к Николаю Первому, так и к Александру. Родился он в 1798 году и был соучеником Пушкина и Дельвига, которые в своих воспоминаниях о Царскосельском Лицее несколько иронически отзывались о нем как о привлекательном, женственном юноше. Современники считали его "поклонником итальянского Возрождения". Сам же он хвастался, что "читал Горация в латинском оригинале". Он одевался изысканно, хотя и старомодно, весьма успешно учился и проявлял большое влечение к литературе и истории, которое осталось у него на всю жизнь. Был он весьма застенчив, немного замкнут, очень исполнителен. Вероятно, Александр оценил именно эти его качества, решив сделать его своим министром иностранных дел и канцлером, поскольку искал исполнителя для своих собственных идей и планов более, чем советника.

Итак, получив прекрасное образование и блестящее воспитание, Горчаков начал свою дипломатическую карьеру сразу после выпускных экзаменов в Лицее, которые сдавал он одновременно с Пушкиным и Дельвигом в 1817 году.

Император Александр Первый назначил этого девятнадцатилетнего юношу секретарем своего посольства в Лондоне.

Князь Александр Михайлович Горчаков – министр иностранных дел России и государственный канцлер

Как в России, так и за границей поражал он своей весьма эксцентричной манерой одеваться: цветными старомодными бархатными жилетами, слишком большими галстуками и вообще старомодными костюмами, несомненно, стараясь привлечь внимание к своей особе, хотя и без того обладал до самой старости очень привлекательной внешностью. Еще при Александре Первом участвовал он в конгрессах Священного Союза в Троппау, Лай-

бахе и Вероне. Был он первым секретарем русских посольств в Лондоне, Риме, потом поверенным в делах во Флоренции, советником посольства в Вене, посланником при Германском Союзе во Франкфурте-на-Майне. Во время Крымской войны, будучи главой русского посольства в Вене, Горчаков успешно удерживал Пруссию и другие немецкие государства от вступления в войну против России и даже значительное время оттягивал отправку австрийских войск для оккупации Молдавии и Валахии. Будучи назначен посланником в Вену, Горчаков энергично отстаивал интересы России, чем, конечно, заслужил одобрение Александра.

В нескольких своих докладах царю Горчаков настаивал на необходимости сепаратного сближения России с Францией, чтобы заставить Наполеона Третьего отказаться от союза с Англией. Своими переговорами с ближайшими советниками Наполеона Морни и Валевским он сумел значительно облегчить положение России. Особую известность получил его циркуляр, где Горчаков, сообщая русским представителям о своем назначении, подчеркивал необходимость для России заняться преимущественно внутренними делами. Одна фраза, которая облетела весь мир и особенно понравилась Александру, была действительно весьма удачной: "Говорят, — писал Горчаков, — Россия сердится. Нет, Россия не сердится, она собирается с силами..." Другой его афоризм также стал популярен во всех дипломатических канцеляриях Европы: "Австрия, — писал он, — это не государство, это лишь правительство..."

Особенно успешно маневрировал Горчаков в своих спорах с Западом по поводу Польши. Отвечая на совместную ноту Англии и Франции о политической проблеме русской Польши, Горчаков фактически отказал им в праве на участие в дискуссиях о Польше: "Государства, которые участвовали в разделе Польши, — отвечал он им, — одни только могут обсуждать проблему русской Польши... Англия и Франция, в сущности не будучи участниками ее раздела, могут быть лишь сторонними наблюдателями, когда Россия, Пруссия и Австрия являются в действительности авторами ее раздела и лишь они

именно поэтому вправе принимать действительное участие в этом споре. Конечно, они обязаны после своего решения сообщить его привилегированным наблюдателям — Англии и Франции..." Этот в высшей степени тактичный ответ в сущности обезоруживал обоих самых опасных противников России и фактически спасал Россию от какого-либо ультиматума по этому вопросу. Конечно, этот ответ не принадлежал лично Горчакову, который по всем вопросам консультировался с государем и лишь старался по возможности самым точным образом выразить мысли Александра.

Поддерживая у Наполеона иллюзии, что Александр может стать его другом и верным союзником, Горчаков, несмотря на личную неприязнь Александра к Наполеону, которого он считал посредственным и самонадеянным авантюристом и парвеню, успешно отколол французского императора от союза с Англией, который был весьма опасен для России. Наполеон весьма наивно доверился русскому министру, хотя тот конкретно ничего ему не обещал: впрочем, союз с Россией был самой важной проблемой для французского императора, который опасался уже тогда неизбежной войны с Пруссией, превратившейся после разгрома Франции в Германскую империю и заменившей Австрию в роли вождя разрозненных германских княжеств. Александр не простил ни Австрии, ни Франции их участие в Крымской войне и сблизился с Пруссией. Он умело использовал свои династические связи с Гогенцоллернами. "Пока я жив, — не раз заявлял он, — я могу сказать с уверенностью, что никогда Россия не будет в конфликте в Пруссией..."

Эти династические связи между Россией и Пруссией позволили Горчакову сблизиться с Бисмарком. Александр несомненно потребовал от своего министра иностранных дел поддержать Пруссию в ее войне против Дании в 1864 году и открыто встал на сторону короля Вильгельма и Бисмарка в 1866 году в войне между Пруссией и Австрией. Уже тогда Пруссия стала главной военной силой на Западе. Для Александра и его министра было ясно, что в неизбежно надвигающейся войне с Францией Германия весьма легко ее разгромит. Алек-

сандр понимал, что Наполеон не способен разобраться в политике и занять правильную позицию.

В 1866 году Наполеон пригласил русского императора посетить Парижскую выставку. В то же самое время прусский король Вильгельм со своим канцлером Бисмарком и военным министром фон Мольтке без всякого приглашения тоже явились в Париж под предлогом осмотра Всемирной выставки. Александр был крайне возмущен, когда за его каретой бежала толпа французов, кричавших ему вслед: "Да здравствует Польша!" Он не мог понять Наполеона, не принявшего простых административных мер, чтобы оградить своего высочайшего гостя от подобных враждебных демонстраций... Более того, поляк Березовский успел довольно близко подобраться к его карете и почти в упор выстрелил в него. К счастью, он промахнулся, и Александр даже не подал виду, что этот акт произвел на него какое-либо впечатление... Но идея союза между ним и Наполеоном была погребена навсегда...

В сентябре 1867 года неразумный французский император послал известного писателя, историка и журналиста Адольфа Тьера, бывшего министра последнего французского короля Луи-Филиппа, в Санкт-Петербург с заданием убедить Александра стать во главе европейских государств, чтобы обуздать растущие амбиции Пруссии. Александр принял Тьера со своей обычной любезностью, похвалил его ум и его исторические труды, упомянул о его журналистских успехах, предсказал ему блестящее будущее, но ни слова не сказал о том, что предлагал ему Наполеон. Французский император наконец понял, что придется ему воевать с пруссаками самому и что ни Россия, ни Англия, ни побежденная ими Австрия в возможную будущую войну Франции с Пруссией не ввяжутся. Со своей обычной наивностью и самоуверенностью Наполеон все-таки считал, что его "самой храброй армии в мире" удастся обуздать и разгромить пруссаков. Франция не Дания и не Австрия — рассуждал он, посещая французские гарнизоны. В то же время прусский военный министр фон Мольтке подробно изучал доставленные его агентами военные карты Франции,

сведения о численности солдат и орудий в каждом французском гарнизоне, дипломатические доклады о настроениях французов. Он только посмеивался, когда Бисмарк пересылал ему депеши своих дипломатов из Парижа, которые поочередно доносили о воинственных настроениях во Франции и о том, что французские офицеры и солдаты встречают Наполеона криками: "На Берлин!", "На Рейн!", "Да здравствует война!"

Весной 1868 года фельдмаршал Мольтке объехал все пограничные немецкие гарнизоны на протяжении всей французской границы и доложил королю, что успех прусской кампании обеспечен и что Франция будет разгромлена в течение нескольких недель.

В 1869 году Горчаков посетил Бисмарка и от имени императора Александра уверил его в русском нейтралитете. Он, однако, требовал от Пруссии гарантий, что она будет безоговорочно поддерживать Россию, когда та впоследствии денонсирует некоторые неприемлемые для нее пункты Парижского договора 1856 года.

Очевидно, это тайное соглашение между Россией и Пруссией, предложенное Бисмарку Горчаковым, было принято Пруссией безоговорочно. Еще во время осады Парижа немцами, даже не дожидаясь окончания военных действий, Горчаков от имени императора Александра разослал ноту всем правительствам, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения, где сообщалось, что она отказывается от пунктов Парижского договора, ограничивающих свободу плавания русских судов в Черном море.

В июне 1870 года, как раз накануне франко-прусской войны, Александр со своим министром иностранных дел Горчаковым прибыл в прусский курортный город Эмс, якобы по предписанию врачей. В сущности это был весьма удобный предлог, чтобы провести встречу Александра с королем Вильгельмом и его канцлером Бисмарком с целью возобновления старого военного союза между Россией и Пруссией. Александр не мог простить Франции и Австрии их участие в Крымской войне. Именно из-за этого он был доволен расправой Пруссии с Австрией несколько лет тому назад и тепе-

решней перспективой надвигающейся войны между Пруссией и Францией. Бисмарк особенно ценил благосклонный нейтралитет России, которая со своей хорошо подготовленной армией была готова вмешаться в войну, конечно, на стороне Пруссии, если австрийский император Франц-Иосиф вздумал бы помогать французам и решил бы взять реванш за нанесенное Австрии поражение.

Со своей стороны Англия, зная о согласии Пруссии на отказ России выполнять ряд пунктов Парижского мира, запросила Бисмарка во время его пребывания на Лондонской конференции 1871 года, согласится ли Пруссия в случае новой войны Англии с Россией из-за нарушений царем Парижского мира, если не участвовать на стороне Англии и ее союзников, все же соблюдать нейтралитет. Весьма любопытен отрицательный ответ Бисмарка: "Теперешний русский император, — писал прусский канцлер, — всегда был весьма дружелюбно настроен и относился к нам благоприятно, в то время как Австрия никогда не проявляла по отношению к нам заслуживающих доверия действий. Что касается Черного моря, то Парижский мирный договор содержит несправедливые пункты, так как большая часть его берегов принадлежит России. Некоторые считают русскую политику чертовски хитрой, полной подтасовок, разных уверток и уловок. Нет, ничего подобного..."

И Бисмарк защищает политику Александра, доказывая его искренность: "Бесчестные люди, — говорит прусский канцлер, — не будут вообще объявлять о своих намерениях, а, наоборот, молча будут строить свои военные корабли и ждать, пока кто-либо спросит их об этом. Тогда бы они все опровергли и притворились бы, что ничего не знают... Они же совсем наоборот, прямо и искренне заявили о своих намерениях". Конечно, эта позиция самой сильной в военном отношении державы в Европе заставила англичан призадуматься. Начинать новую войну с Россией без союзников Великобритания никогда бы не решилась.

Впрочем, Горчаков был так же, как и сам император Александр, убежденным пацифистом. Следует отме-

тить, что его интересы сосредоточивались исключительно на защите русской политики в отношении Польши, и он считал, что Россия должна всеми силами улучшать и упрочивать свои отношения и связи с Западом. Он не считал полезным для России продолжать традиционную политику империи на Востоке. Чрезвычайно важно отметить его отрицательное отношение к вмешательству России в события на Балканском полуострове на стороне сербов и даже болгар... Добавлю, что, хотя он читал статьи Януария Мак-Гахана о турецких зверствах в Болгарии, он был против вмешательства России в болгарские дела и не раз говорил об этой своей точке зрения иностранным дипломатам. Горчаков, несомненно, считал, что жертвы, которые придется принести России ради освобождения Болгарии, будут слишком тяжелы, а польза никогда не будет существенной для русской политики, тем более, что опасность конфликта и военного столкновения с Англией станет еще более реальной.

К счастью, Александр не находился, как ошибочно считают некоторые западные историки, под исключительным влиянием Горчакова, а прислушивался к советам и других своих не менее авторитетных советников, в частности, своего посла в Константинополе графа Николая Павловича Игнатьева, убежденного сторонника освобождения близкой России по историческим традициям, по религии и языку Болгарии.

ГРАФ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ИГНАТЬЕВ — СОЗДАТЕЛЬ ОБ'ЕДИНЕННОЙ САН-СТЕФАНСКОЙ БОЛГАРИИ

Полной противоположностью канцлеру князю Горчакову, убежденному западнику и пацифисту, был мужественный и волевой герой Крымской войны генерал и дипломат по призванию граф Николай Павлович Игнатьев, все более и более становившийся представителем царя во внешней политике, особенно на Востоке.

Родился Николай Павлович Игнатьев в 1832 году в семье привилегированного аристократа — генерал-адъютанта императора Николая Первого, бывшего генерал-

Граф А.П. Игнатьев – один из ближайших сотрудников императора Александра Второго, подписавший Сан-Стефанский мирный договор после Освободительной войны 1877-1878 гг. Этюд к картине И.Е. Репина "Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 г."

губернатором Витебским, Могилевским и Смоленским, а впоследствии и генерал-губернатором Санкт-Петербургским, председателем Совета министров империи, награжденным Николаем Первым всеми русскими орденами, включая орден Св. Андрея Первозванного.

После привилегированной гимназии при Московском университете Николай Павлович был принят в самое аристократическое учебное заведение царской России — Пажеский корпус. Дослужившись до чина капитана гвардейских гусар, ушел он добровольцем на фронт в самый разгар Крымской войны. Геройски сражаясь в Севастополе и получив несколько орденов за храбрость, был он оценен своим непосредственным начальством и по личной просьбе наследника престола определен в специальную школу Генерального штаба, которую окончил блестяще, и сразу же был направлен императором Александром военным атташе в Лондон.

Очевидно Александр оценил участие Игнатьева в заключении Парижского мира и особенно его доклады о возникающих противоречиях между Англией и Францией и о возможности расколоть их союз против России. Он уже тогда считал возможным гибкой политикой привлечь Наполеона Третьего на свою сторону, предложив ему тайный союз против Австрии и Пруссии, в котором французский император крайне нуждался, чтобы упрочить свое весьма шаткое положение в собственной стране.

И хотя Александр не любил Наполеона, он все же нашел доводы Игнатьева заслуживающими внимания. В личных разговорах с ним царь убедился в исключительном уме Игнатьева и его глубоких познаниях в вопросах политики великих держав. Более того, идеи Игнатьева были весьма схожими с суждениями самого царя, и Александр, может быть, даже в пику своему канцлеру, приблизил Игнатьева к себе.

Император, даже не советуясь с Горчаковым, поручил Игнатьеву трудную и опасную миссию в Хиве и Бухаре, которую Горчаков считал безнадежной. В 1959 году Николай Павлович блестяще выполнил эту свою первую самостоятельную миссию, заключив с бухарским

эмиром выгодный для России торговый договор. Царь, оценив его хватку и умение вести переговоры с азиатскими правителями, тотчас же, опять без ведома Горчакова, назначил Игнатьева своим послом в Пекине, уверенный, что он опять оправдает его надежды. Так и получилось. Игнатьев сумел войти в доверие к богдыхану и его министрам и в 1860 году заключил с Китаем знаменитый Пекинский договор, в силу которого Россия получила весьма существенные привилегии. Китайцы, чтобы избежать войны, которой их запугивал Игнатьев, заплатили России за мир огромную цену: левый берег Амура и все побережье Маньчжурии между рекой Уссури и морем отошли к России. Александр был в восторге и высоко оценил дипломатические способности Игнатьева.

Противоречия России с Оттоманской империей росли, и кризис в отношениях между двумя этими государствами был неминуем. Однако Александр считал, что время для войны с Турцией еще не пришло и что весьма важно убедить правительство султана в миролюбии России и принудить Порту идти на уступки, несмотря на козни Англии.

Царь выбрал посла в Константинополь, опять не посоветовавшись со своим канцлером, который прежде всего боялся конфликта с Англией и, желая избежать его, считал необходимым послать в Константинополь более спокойного, прошедшего выучку на Западе дипломата. Горчаков, зная решительность и пламенную энергию Игнатьева, боялся, что выбор императора падет именно на него, после столь успешных его миссий в Бухаре и Пекине. Так и случилось: Александр, даже не уведомив своего канцлера, назначил русским послом в Константинополе графа Николая Павловича Игнатьева.

Прибыв в Константинополь в 1864 г. с большой свитой и богатыми подарками от царя султану Абдул-Азизу и его великому визирю, Игнатьев сразу сделался самым популярным из всех европейских послов при константинопольском дворе. За несколько лет он сумел создать себе в Константинополе обширные связи и имел огромное влияние на султана и его советников. Они явно прислушивались к его требованиям, боясь возможного

военного конфликта с великой северной страной, уже оправившейся от только что пережитой кровопролитной войны.

Несмотря на уверения Великобритании, что Россия более не непобедима, турки по опыту войны с ней понимали, что овладеть ее неизмеримыми пространствами будет нелегко, ведь англичане и французы в союзе с Австрией не сумели осилить ее. Турецкие стратеги и их вдохновители не забыли, что даже великий Наполеон, которого не смогли ни победить, ни даже остановить ни англичане, ни австрийцы, ни пруссаки, потерпел поражение, вторгшись в Россию. На все эти доводы опирался Игнатьев, проводя свою политику в Турции, и надо сказать, весьма успешно.

Между тем, используя наступившие трения между греками-фанариотами и Портою, болгары успели приобрести доверие султанского правительства, организовав отдельную от юрисдикции царьградского патриарха болгарскую Православную Церковь. Выбранные ими экзархи Антим Первый и Иосиф Первый убедили султана признать их самостоятельную Православную Церковь в естественных границах территории, на которой живут болгары.

Граф Игнатьев с самого начала умело поддерживал болгарские требования, доказывая султану и его визирям, что в интересах самой Порты отделение от иерархической власти константинопольского патриарха только что созданной самими болгарами подчиненной султану болгарской Православной Церкви. Большим успехом Игнатьева явился знаменитый фирман, подписанный султаном Абдул-Азизом в 1870 году.

Александр предписывал своему послу сначала действовать примирительно и стараться успокоить раздоры между греками и болгарами, хотя сам и говорил Игнатьеву почти на каждом его докладе в Петербурге, что считает болгарские претензии справедливыми и что болгары вправе требовать своих болгарских митрополитов и епископов, а также отправления богослужений не на греческом, а на своем родном языке. Поскольку большинство русских иерархов считало, что важно сохранить

единство православия и влиять на болгар в смысле подчинения константинопольскому патриарху, Александр внушал Игнатьеву советовать болгарам быть благоразумными и не предъявлять слишком больших претензий.

Однако со второй половины 1869 года царь резко переменил свои инструкции в пользу болгар. Причина этой перемены крылась в охлаждении и даже враждебности русско-греческих отношений, в чем всецело было повинно греческое правительство, проводившее самую русофобскую политику. Кроме того, на царя значительно повлияли переговоры прозападно настроенной части болгар, подпавших под влияние Наполеона Третьего, с Папой Пием Девятым о возможной унии с католической церковью. Католическая пропаганда в Константинополе и в болгарских землях стала весьма значительной, и Пий Девятый даже посвятил в архиепископское достоинство болгарского игумена Иосифа Сокольского, назначив его своим примасом по болгарским церковным делам.

Конечно, турки смотрели на эту возможность с нескрываемой радостью, надеясь на разрыв болгар с Россией. Болгарские представители в Константинополе, впрочем, умело использовали эту проримскую ориентацию части болгар, чтобы влиять как на русскую, так и на турецкую политику в свою пользу. Все это граф Игнатьев подробно докладывал императору. Неудивительно, что император, будучи отзывчивым и справедливым, все больше и больше склонялся на сторону болгар, "наших братьев по вере и происхождению" — как царь не раз называл их в разговорах с послом.

Вернувшись в Константинополь, заручившись полной поддержкой императора, граф Игнатьев еще в начале сентября этого 1869 года выразил руководителю турецкой политики Али-паше свое недовольство тем, что "вопреки неоднократным своим обещаниям и уверениям, он еще не разрешил болгарский вопрос". Игнатьев в докладе императору писал, что "Али-паша обещал ему в самом скором времени разрешить болгарский церковный вопрос..." 20 сентября 1869 года великий визирь Али-паша, вызвав к себе на аудиенцию болгарских пред-

ставителей в Константинополе, "под секретом" сообщил им, что султан уже одобрил его решение по болгарскому церковному вопросу. Конечно, болгары немедленно сообщили об этом русскому послу, который, в свою очередь, уведомил царя. Но только в конце октября Али-паша сообщил официально Игнатьеву и болгарам, что султан Абдул-Азиз в самом скором времени подпишет фирман по болгарскому церковному вопросу на основании болгарских требований, решений смешанной греко-болгарской комиссии, а также возражений патриарха Григория Шестого.

Наконец, 28 февраля 1870 года, призвав к себе обе стороны — греков и болгар, Али-паша вручил им по экземпляру султанского фирмана, в силу которого учреждалась независимая болгарская церковь во всех болгарских землях, включая Македонию и Фракию. Следует отметить, что в пункте 10 фирмана было определено, что конечное решение о границах болгарских епископств в Македонии и Фракии будет принято впоследствии на основании плебисцита (двумя третями голосов). Это условие было поставлено турками с целью создать нескончаемые трения между греками и болгарами, чтобы сделать невозможным окончательное примирение между ними.

Однако, несмотря на эту уловку турок, император остался очень доволен результатом усилий своего посланника и вызвал Игнатьева в Петербург, чтобы высказать ему свое одобрение.

По указаниям Александра граф Игнатьев продолжал вести эту проболгарскую политику, которая привела в конце концов к войне между Россией и Турцией.

Из-за своей националистической русской политики, вдохновленной панславистским движением и православной иерархией империи, крупнейший вершитель внешней восточной политики императора Александра Второго граф Николай Павлович Игнатьев сознательно представляется западными авторами как человек, вышедший из низов. Он якобы проник в высшие русские сферы, женившись на влиятельной при дворе княжне Голицыной и постепенно попав в доверие к царю.

Вот что пишет про него в своей в целом весьма цен-

ной книге "Царь-Освободитель — жизнь и царствование Александра Второго" американский историк Стефен Грэхем в главе пятнадцатой "Генерал Игнатьев": "Игнатьев по своему происхождению принадлежит к мелкому дворянству, что представляет собой лишь паспортную категорию в России, в силу которой мог бы он быть и обыкновенным извозчиком. Он не принадлежит по своему происхождению к видным (знатным) семействам России. Манеры его были почти плебейские: был он слишком словоохотлив, прирожденный торгаш, но не имел этой умышленной трезвой расчетливости, столь присущей настоящему дипломату-аристократу. Однако он сумел обеспечить себя, женившись на аристократке. Взяв в жены княжну Голицыну, он навсегда обеспечил себе друзей при дворе".

Это утверждение видного американского ученого совершенно ошибочно и противоречит исторической реальности. По своему происхождению граф Николай Павлович Игнатьев совсем не был "мелким дворянином", а принадлежал к высшей русской военной аристократии. Был он сыном генерал-адъютанта графа Павла Николаевича Игнатьева, род которого происходил, по данным русских дворянских книг, от боярина Бяконта, отца святого московского митрополита Алексия.

Напомню, что прадед графа Николая Павловича Игнатьева был одним из ближайших сановников Петра Великого — его послом в Вене и Константинополе. По приказу грозного царя он организовал похищение бежавшего за границу сына Петра — царевича Алексея, а также участвовал в пытках царевича. Это было страшное, беспощадное время преобразования России. За верную службу царю Петру прадед Игнатьева получил графский титул Российской империи и обширные наследственные поместья с тысячами крепостных. Конечно, все это доказывает принадлежность графов Игнатьевых к высшей российской аристократии еще в начале 18 века и никак не позволяет считать графа Николая Павловича Игнатьева "мелким дворянином".

"ДРУЖЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ" МЕЖДУ РОССИЕЙ, АНГЛИЕЙ И ФРАНЦИЕЙ

Ловко осуществленными провокациями Бисмарка Пруссия спровоцировала Наполеона Третьего на трагическую для Франции Франко-прусскую войну 1870-71 гг. Военная катастрофа при Седане закончилась пленением императора Наполеона Третьего 2 сентября 1870 года и тяжелым и унизительным для Франции мирным договором 1871 года, в силу которого она потеряла Эльзас и часть Лотарингии и должна была уплатить Пруссии громадную по тому времени военную контрибуцию в 5 миллиардов золотых франков. Пруссия же превратилась в Германскую империю: 18 января 1871 года, в Версале — знаменитом дворце Людовика Четырнадцатого — прусские юнкера во главе с Бисмарком провозгласили объединение Германии вокруг Пруссии под властью прусского короля Вильгельма Первого, ставшего германским императором.

Однако опруссаченная Германия, став сильнейшим военным государством мира, всполошила всю Европу и, конечно, в первую очередь Россию и Англию, не говоря уже о разгромленной немцами Франции, пережившей весной 1871 года страшные дни Парижской коммуны.

Александр пристально следил за ходом этих событий, тем более что на стороне коммунаров были и русские — П.Л. Лавров, Е.Л. Дмитриева (Тумановская), А.В. Корвин-Круковская и поляки-эмигранты — Я.Домбровский и В.Врублевский.

Как и большинство его подданных, царь, именно из-за своей либеральной ориентации и глубокого знания французской культуры, философии, литературы и истории, несмотря на свои родственные связи с прусским королевским домом, ставшим теперь германским императорским, и на прошлое сотрудничество с ним после Крымской войны и Парижского мира, испытывал большие личные симпатии к Франции. Его беспокоила растущая военная мощь Германии, которая теперь явно со-

перничала с Россией и к тому же была недовольна русской политикой в отношении Порты и симпатиями царя к порабощенному братскому России по языку и вере болгарскому народу. Глубокий ум Александра уже осознал необходимость союза России с Англией и восстанавливавшейся после поражения Францией против имперской Германии, теперь угрожающей самому европейскому равновесию.

Однако Александр отдавал себе полный отчет в существующих трудностях, особенно в глубоких антирусских настроениях английских государственных деятелей и прежде всего самой королевы Виктории. Этот предмет его юношеского серьезного увлечения, когда-то красивая девятнадцатилетняя королева теперь превратилась в тучную вдову с тройным подбородком, которая ненавидела его страну и считала его самого опасным врагом и соперником Англии, особенно ее имперской захватнической политики на Востоке. Со страниц английских газет, которые он ежедневно внимательно прочитывал, перед ним представала толстая, самодовольная матрона, редко улыбающаяся и редко чем-нибудь довольная. Он знал о ее неприязни к себе и о вечной подозрительности. Впрочем, Александр отвечал ей тем же, и у него не раз вырывалось гневное восклицание:

— Ах, опять эта старая английская дура!..

Александр, по природе склонный к философским рассуждениям, часто думал о причинах английской русофобии, тем более что у своих подданных он не замечал ответной англофобии: напротив, русские люди с каким-то особенным благоволением, кроме отъявленных славянофилов, относились к англичанам, к их природному душевному равновесию и умению превосходно устраивать свою внутреннюю жизнь. Сам царь в душе мечтал со временем дать своей стране схожий конституционный уклад.

Однако никто лучше самого Александра не понимал врожденной противоположности русского и английского характера. Александр видел в англичанах степенных, волевых людей, господствующих над своими чувствами, умеющих скрывать свои страсти, подчиняющих

все в жизни своим материальным интересам.

Как это ни странно, сам Александр, несмотря на значительную долю немецкой крови со стороны всех бабушек и прабабушек, считал себя по характеру подлинно русским: был он чувствительным, чувственным человеком, легко увлекающимся и не всегда умеющим полностью владеть собой, в чем его укоряли даже его родители. Был он также совсем русским по душе — очень сентиментальным, даже романтичным, чуждым всякого немецко-английского лицемерия и неспособным к двуличию. Будучи глубоко искренним, он ненавидел притворство, которое считал чисто мещанским качеством, результатом западных влияний. Был он, как большинство его подданных, искренне верующим православным человеком, православие, по его понятиям, было, в сущности, гораздо более либеральным, чем, например, римское католичество или характерный протестантский пуританизм англичан. Виктория же всю свою жизнь была протестанткой и пуританкой, ненавидела католицизм и еще более — русское православие, которое она считала пережитком византийских суеверий и религией, оправдывающей деспотизм и бесправие.

Все эти соображения и чисто психологические глубокие различия между русским человеком и западным, в частности, англичанином, подсказывали Александру, что искреннее сотрудничество между Россией и западными странами, прежде всего Англией, установить будет весьма нелегко. К счастью, однако, и в Англии было немало людей, которые рассуждали здраво в отношении России и самого Александра. Призрак милитаристской Германской империи, в результате захватнической политики Бисмарка ставшей главной соперницей Великобритании в ее колониальной политике в Азии и в Африке, принуждал трезвых и реалистичных англичан искать союза с Россией, единственной державой, способной активно противостоять немцам.

Александр, кроме всего этого, понимал, что, несмотря на конституционный режим Великобритании, королева Виктория обладала значительным личным влиянием на английское правительство, на выбор минист-

ров, на настроения членов Палаты лордов и даже депутатов Парламента... Виктория стала символом мощи и расцвета Великобритании и растущего богатства своих подданных, будучи сторонницей английской колониальной экспансии. Не случайно она приняла титул императрицы Индии и с гордостью носила великолепные азиатские и африканские бриллианты, подобных которым не было ни у одного европейского государя, даже у русского абсолютного монарха. В громадной и могучей Российской империи эта амбициозная и властная женщина видела прежде всего опаснейшего соперника Великобритании, протягивающего дерзновенную руку к ее индийской короне и к ее сказочным бриллиантам...

Психологически именно это ее сокровенное чувство богатейшей женщины в мире более всего способствовало ее неприязни к Александру и его северной империи. Ничего не осталось в ее душе и сердце от девичьего романа — увлечения красивым русским юношей, наследником престола. Тогда она говорила своему премьер-министру лорду Мельбурну, что предпочитает Александра всем своим кобургским кузенам и что хотела бы видеть русского великого князя своим супругом, принцем-консортом. Она теперь вспоминала с удивлением и даже с сожалением об этом увлечении и мысленно благодарила своего тогдашнего ментора Мельбурна. Вспоминая своего покойного супруга Альберта, брак с которым был счастливым, Виктория еще более чувствовала неприязнь к русскому царю, ставшему теперь в ее сознании как бы соперником ее обожаемого покойного мужа.

В своем дневнике Виктория все же выражала некоторое удовлетворение, что гуманный и кроткий Александр сменил на престоле своего "деспотичного отца"... Но именно из ее откровенных дневниковых записей того времени видны ее неприязнь и подозрительность ко всему русскому и, конечно, прежде всего к русскому царю, которого она называет "волком в овечьей шкуре".

Кроме этого, Виктория не раз гневно перечитывала частые письма своей старшей дочери, которую она выдала за наследника прусской короны крон-принца Фридриха Гогонцоллерна, будущего германского императора

Фридриха Третьего. "Вики" — кронпринцесса Виктория — постоянно жаловалась матери, что ей просто не дают жить претенциозные русские великие княгини, непрестанно приезжающие в Берлин и подолгу гостящие у своих немецких родственников. Еще в самый год ее свадьбы великая княгиня Ольга Николаевна, сестра Александра, "просто нестерпимо грубо", по словам "Вики", относилась к ней. "Ни разу, когда я приходила к ней, — писала принцесса, — великая княгиня Ольга не пригласила меня сесть, но сама садилась за стол спиной ко мне и лишь снисходительно спрашивала меня при моем уходе, когда мне исполнилось шестнадцать лет". Виктория отвечала дочери, что она должна держаться с достоинством и не позволять русским великим княгиням и князьям относиться к ней неуважительно, "так как Романовы не могут сравниться достоинством с королевскими домами Брунсвика, Саксонии или Гогенцоллернами". В 1861 году Виктория поручила дочери найти между знакомыми принцессами достойную супругу для своего сына, брата принцессы Виктории Альберта, герцога Уэльского, который, как известно, после смерти матери из неприязни к ней изменил свое имя, став королем Эдуардом Седьмым, хотя все в семье продолжали называть его "Берти" (сокращенное от Альберта).

Вот тут-то "Вики" достойно отомстила Романовым, своим ненавистным родственникам по мужу: узнав, что император Александр намеревается женить своего любимого старшего сына Николая на очаровательной датской принцессе Александре, Вики в апреле 1891 года сообщила матери в письме об этих намерениях царя и заключила: "...Будет просто ужасно,.. если эта истинная жемчужина достанется противным русским..."

Королева Виктория поспешила расстроить этот брак и женить своего "Берти" на датской "жемчужине". Со свойственной ей энергией Виктория устроила знакомство сына с принцессой Александрой. Альберт-Эдуард влюбился в красавицу-датчанку и их помолвка состоялась немедленно.

Александр же был вынужден женить своего наследника на второй дочери датского короля принцессе Даг-

мар, которая, хотя и не была красавицей, все же была достойной партией. Однако больной туберкулезом Николай Александрович, к великому горю своих родителей, скончался в Ницце в апреле 1865 года, оставив неутешной свою невесту. Тогда царь сделал ее невестой своего второго сына, великого князя Александра Александровича, ставшего теперь наследником русского престола. Так, в ноябре 1866 года, приняв православие, Дагмар стала великой княгиней, цесаревной Марией Федоровной, женой Александра и будущей императрицей.

Волею судьбы эти две любящие друг друга сестры стали супругами двух будущих монархов. Несомненно, это значительно сблизило Романовых с английской династией.

Однако интриги английского двора с целью помешать браку русского наследника с принцессой Александрой сделались известными императору Александру через его немецких родственников, и царь испытывал все большую неприязнь к "этой ужасной сумасбродной старухе" — как он называл Викторию, говоря о ней со своими приближенными.

Итак, через три года после женитьбы принца Уэльского на Александре, наследник русского престола великий князь Александр Александрович в свою очередь женился на ее сестре Дагмар, ставшей теперь, как я уже указал, великой княгиней Марией Федоровной. Судьба сближала Англию с Россией. Александра была беременна своим первым ребенком и поэтому не могла присутствовать на бракосочетании сестры в Санкт-Петербурге. Но герцога Уэльского, может быть, из-за его вечной оппозиции к своей царствующей матери, очень интересовала Россия, и Альберт-Эдуард страстно желал представлять Англию в Петербурге и присутствовать на брачной церемонии своей свояченицы. Однако Виктория была против поездки сына в Россию и вообще против участия Англии в этом событии. Тогда через голову королевы он обратился с письмом к лорду Русселю, премьер-министру Англии: "...Я был бы весьма счастлив лично способствовать соглашению между Россией и нашей страной", — писал Альберт. Руссель, известный своей русофобией,

сознавал, однако, необходимость союза между Англией, Францией и Россией против Германской империи, ставшей теперь сильнейшей военной державой Европы. Не без труда уговорил он упрямую и строптивую Викторию согласиться на поездку сына в Петербург.

Пышная церемония бракосочетания при участии духовенства, двора и высшей русской аристократии произвела на герцога Уэльского неизгладимое впечатление. Обрадовал его теплый прием великого князя Александра и его супруги цесаревны Марии Федоровны и особое внимание к нему самого императора Александра Второго, который был весьма подробно осведомлен своим послом в Лондоне об английских настроениях в отношении России. Царь тут же предложил своему гостю чин почетного полковника гвардии, и герцог Уэльский с радостью принял этот дружеский жест царя, хотя и предвидел, что ему понадобится немало усилий, чтобы убедить королеву позволить ему принять это отличие.

После брачных торжеств на одном из последних приемов в честь Альберта-Эдуарда, английский гость пригласил своего шурина с женой в Лондон. Александр Александрович и особенно его молодая жена, страстно желавшая повидать сестру, с готовностью приняли это любезное приглашение. Сам царь тоже с удовольствием принимал все эти любезности Альберта-Эдуарда, поскольку они полностью отвечали его собственным планам сближения с Англией, и хотя у него не было излишних иллюзий на этот счет, он надеялся, что со временем наступит улучшение в отношениях англичан к России.

В 1874 году произошло событие, которое в корне изменило отношения между Англией и Россией: брак младшего сына королевы Виктории с единственной и любимой дочерью Александра — великой княжной Марией Александровной. Несомненно, в сознании консервативных политиков Великобритании, которые в то время были у власти, как, впрочем, и важнейших сотрудников русского царя, созрело понимание необходимости англо-русского союза против агрессивной, ставшей первой военной силой в мире Германской империи, которая под руководством "железного канцлера" Бисмарка

встала на пути английской экспансии в Азии и Африке и была для Великобритании гораздо более опасной соперницей, нежели все еще отсталая Россия.

Во второй половине 19 столетия монархии в Европе все еще были первостепенной политической силой, и отношения между царствующими домами имели важнейшее влияние на политику правительств. Например, французскую катастрофу 1870-71 годов и падение Наполеона Третьего многие историки объясняли отсутствием семейных связей его династии с современными ему царствующими домами.

Советники английской королевы все более и более старались повлиять на нее, чтобы она согласилась вовлечь Российскую империю в орбиту англо-французского союза. Виктория сначала и слышать не хотела увещеваний лорда Русселя и лорда Солсбери и даже грозила отречься от престола, если от нее потребуют сближения с Россией путем брака ее младшего сына Альфреда с дочерью Александра шестнадцатилетней великой княжной Марией Александровной.

Хотя для многих не было секретом, что престарелая вдова принца Альберта имела весьма близкие отношения со своим камердинером Брауном и даже, как говорили придворные сплетницы, ее фаворитом был консерватор и писатель еврейского происхождения, ее будущий премьер-министр Дизраэли, внешне Виктория соблюдала пуританскую мораль, официально господствовавшую и во всей Англии, несмотря на общеизвестные гомосексуальные склонности многих английских аристократов и политиков и весьма частые внебрачные связи, принятые в этой среде. Следуя этой официальной морали, англичане, и прежде всего сама королева Виктория, строго осуждали русского царя за его связь с молодой княгиней Екатериной Долгоруковой. (Императрица Мария Александровна была в эти времена тяжело больна туберкулезом.) Эта связь царя была главной причиной несогласия Виктории на брак ее сына.

По отношению к этой связи в самой русской царской семье родственники Александра разделились на два лагеря. Старший его сын, великий князь цесаревич Алек-

сандр Александрович, который, как известно, всю жизнь был примерным супругом и отцом и никогда не имел порочных связей, осуждал отца за это его увлечение женщиной вдвое моложе его и особенно за то, что оно происходило на глазах тяжело больной императрицы. Три сына — Владимир, Сергей и Павел Александровичи — все были решительно на стороне матери и также осуждали связь отца. Один лишь средний сын царя Алексей Александрович не присоединялся к братьям и явно отказывался взять их сторону против родителя. Как это ни странно, на стороне Александра была также его единственная дочь — великая княжна Мария Александровна, которая боготворила отца и считала его человеком совершенным, "выше всякой критики".

Отношения Александра с дочерью были необыкновенно сердечными. Александр обожал Марию, вероятно, видя в ее лице образ когда-то горячо любимой им ее матери, и может быть чувство вины за связь с княгиней Долгоруковой заставляло его по природной деликатности быть еще более внимательным к своей единственной дочери.

На вопрос королевы о молоденькой русской великой княжне английский посланник при русском дворе лорд Альфред Лофтус описал ее как очаровательную девушку, добавляя, что "каждый день император со своей дочерью проходит мимо моего дома, направляясь в Летний сад, а за ними следуют пустые сани..." Александр особенно ценил эту привязанность к нему дочери, ее безоговорочную любовь, которой он не встречал у своих остальных детей. И конечно он не мог свыкнуться с мыслью, что когда-нибудь ему придется расстаться с ней, что она покинет его, став женой какого-нибудь принца. С подозрением относился Александр к ухаживаниям молодого герцога Эдинбургского, сына королевы Виктории Альфреда, который встречался с его дочерью в Гессен-Кассельском замке, в Югенгейме, приглашенный туда братом императрицы Марии Александровны по инициативе герцогини Алисы Гессенской, дочери Виктории.

Зимой 1872 года царь неожиданно получил письмо от королевы Виктории — она просила от имени своего

младшего сына Альфреда руки его дочери, великой княжны Марии Александровны. Это предложение, которое порадовало бы любого отца, возбудило у Александра совсем противоположные чувства, и он немедленно заставил дочь написать принцу вежливый отказ, который она закончила так: "Несмотря на то, что будущее вряд ли соединит нас вместе, как мы надеялись когда-то, я прошу Вас никогда не сомневаться в моем сердечном пожелании Вашего счастья".

Виктория, получив это письмо, адресованное сыну, немедленно написала своей дочери Алисе, супруге Гессенского герцога, укоряя ее в том, что она "затеяла всю эту историю", результатом которой был унизительный для английской королевской семьи "этот полуотказ русских Альфреду".

Алиса всегда очень активно старалась помочь карьере своих гессенских родственников. Известно, что по ее просьбе Виктория приняла на службу в королевский флот племянника императрицы Марии Александровны Луиса, ставшего родоначальником английских Маунтбаттенов. Он был сыном брата русской императрицы Александра. Алиса также весьма энергично поддерживала увлечение своего брата Альфреда шестнадцатилетней русской великой княжной Марией Александровной и уверяла мать, что "привлекательная, милая дочь русского императора... совсем покорена Альфредом, который ей очень нравится..." Ссылаясь на благоприятное впечатление, произведенное Альфредом, Алиса уверяла, что русская императорская фамилия не будет возражать против этого брака. Сама же английская королева долго была против него. Во-первых, она считала, что Россия является самым непримиримым и опасным соперником Великобритании в ее экспансии на Востоке и особенно в Индии. Кроме того, Виктория со своим протестантским рационализмом ненавидела "русские православные суеверия, даже еще более крайние, чем римский папизм".

К тому же Виктория находилась под влиянием другой своей дочери — германской крон-принцессы Виктории, "Вики", которая интриговала против этого брака и писала матери, что "царь Александр говорит ужасные

вещи про Альфреда". От своих прусских родственников она узнала, что царь также отзывается о королеве, как об "оглупевшей старой дуре". Но так существенна была для английского правительства необходимость сближения с Россией и желание оттянуть Александра от Германии, что Виктория, несмотря на все эти интриги, была готова прислушаться к внушениям своих консервативных министров и идти им навстречу в заключении союза с Россией.

Между тем, императрица Мария Александровна успела убедить мужа в необходимости этого брака для их дочери. Она настаивала, что ни герцог Вюртембергский, ни другие немецкие принцы не нравятся Марии, что фактически нет другого выхода, чем согласиться выдать ее замуж за Альфреда, потому что он единственный, кто ей нравится. Все эти разговоры императрица передавала своему брату Александру, а он, со своей стороны, пересказывал их Алисе.

Итак, в июле 1873 года императрица Мария Александровна послала королеве Виктории телеграмму, приглашая ее сына Альфреда снова прибыть в Югенгейм, куда приедет и великая княжна Мария.

Однако теперь заупрямилась Виктория. Она послала собственноручное письмо императору Александру, приглашая его прибыть в Лондон с дочерью, чтобы она могла познакомиться с ней перед помолвкой. На этом письме Александр написал по-русски: "Глупая, старая дура". Он сказал жене, что "такое длительное путешествие вне всякой возможности". Императрица, однако, стараясь смягчить разногласия, сделала Виктории компромиссное предложение — "встретиться на полпути, в Кельне, на одинаковом расстоянии между Лондоном и Петербургом".

Виктория снова стала неуступчивой. Она жаловалась лорду Гранвилю: "У этих Романовых азиатские представления об их ранге". Алисе, которая настаивала на необходимости быть уступчивее, Виктория отвечала: "Милая моя! Вы совсем стали на сторону русских. Не думаю, что уместно, дитя мое, советовать мне, которая на двадцать лет раньше, чем русский император, се-

ла на престол и является первой среди государей и царствующей королевой, каковой не является русская императрица, что мне делать и как поступать. Я думаю, что сама знаю, как поступать. Предложение, сделанное мне в среду, прибыть в Кельн, самое неприязненное за всю мою жизнь".

Однако, несмотря на гневные претензии Виктории, царь не поехал ни в Лондон, ни даже в Кельн показывать свою дочь будущей свекрови. Вместо этого сам герцог Эдинбургский Альфред прямо приехал на свадебную церемонию в Санкт-Петербург. Опять против воли королевы с братом прибыл в Россию герцог Уэльский с герцогиней и еще один член английского королевского дома — герцог Артур Конаугтский. Виктория была чрезвычайно огорчена всем этим: во-первых, ей даже не показали предварительно — "как это полагается даже в обыкновенных почтенных семьях", жаловалась она своим близким — ее будущую невестку. Во-вторых, на свадьбу дочери русского царя поехал в Санкт-Петербург ее старший сын и еще один принц ее дома.

Виктория не сочла нужным послать своей невестке в подарок ни бриллиантовое колье, ни хотя бы изумрудную брошь или кольцо. Мария Александровна записала в свой дневник: "...Моя дорогая свекровь послала мне веточку мирта и молитвенник с иллюстрированными гимнами... Такой же молитвенник послала она моему любимому супругу".

Свадебная церемония великой княжны Марии Александровны и герцога Эдинбургского состоялась в придворной церкви Зимнего дворца 23 января 1874 года и была необыкновенно торжественной. Кроме членов императорской семьи и английских гостей, в русской столице уже находились представители королевских династий Европы:. "Это было небывалое торжество, — пишет современник, — красные ковры на вокзалах и лакеи, разодетые в золото и пурпур, как венецианские дожи..."

Очень внушительным и торжественным было православное венчание. Духовенство в богатейших парчовых ризах, золотых митрах, с наперсными крестами, усыпан-

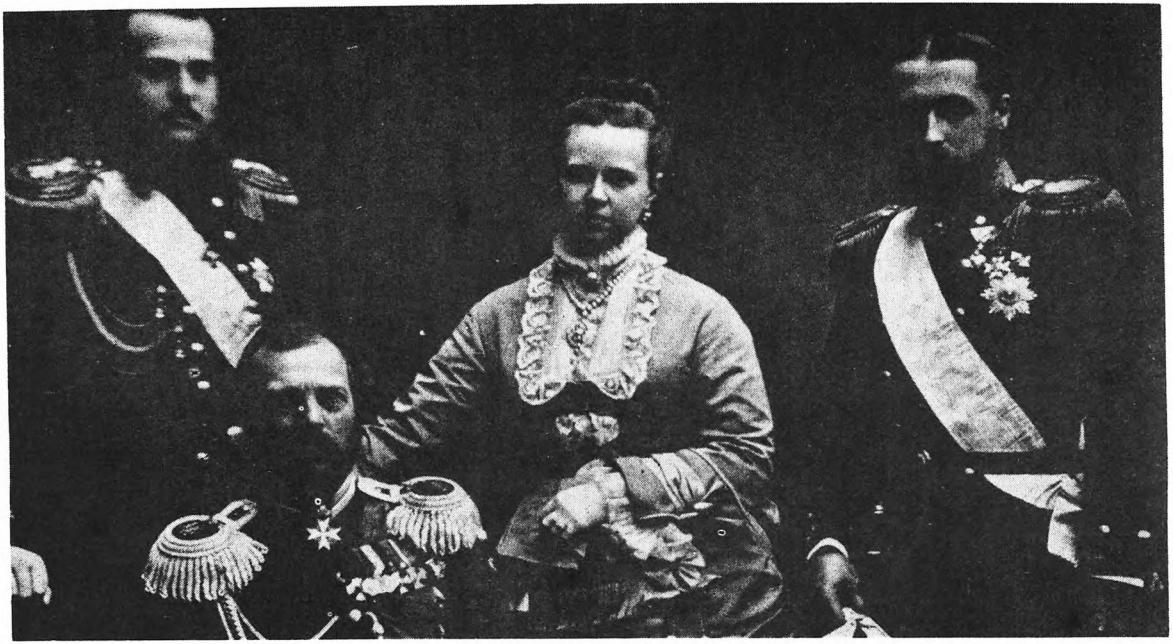
ными драгоценными камнями. Пел многочисленный хор. Император стоял справа от алтаря, бледный, взволнованный, видимо, глубоко переживающий предстоящую разлуку с дочерью, рядом с царем — императрица Мария Александровна с грустной усталой улыбкой на бледном лице, за ними — английские гости, родственники жениха, представители других королевских домов, все члены дома Романовых, придворные, министры, члены дипломатического корпуса в расшитых золотом парадных мундирах и орденах, супруги всех этих сановников в великолепных туалетах, украшенных самоцветами и жемчугом. Непосредственно за женихом и невестой стояли три брата Марии Александровны и герцог Конаугтский, которые попарно сменяли друг друга, держа над головами венчавшихся золотые короны.

По окончании этого обряда бракосочетания торжественная процессия прошла в Александровский зал, где был совершен англиканский обряд бракосочетания.

"В половине четвертого, после брачных церемоний, — пишет английский посланник лорд Лофтус, — в торжественной зале Зимнего дворца был накрыт свадебный стол для семисот гостей. Я был посажен против императора, имея по правую руку князя Горчакова, а по левую — посланника Германии принца Рейса. Ничего нельзя представить более великолепного, чем этот торжественный банкет. Блеск богатейших драгоценностей смешивался с блеском мундиров, золотых и серебряных блюд и роскошного севрского фарфора. Во время всего обеда пели талантливые артисты итальянской оперы — Патти, Альбани и Николини, что придавало еще больше великолепия этой сцене несравненной красоты, которую трудно описать..."

После обеда состоялся бал, на котором присутствовало более трех тысяч приглашенных.

Дворцовый бал окончился к 10 часам вечера. После этого император пригласил к себе молодоженов с герцогом и герцогиней Уэльскими и герцогом Артуром Конаугтским, а также английского посланника лорда Августа Лофтуса. С русской стороны на этой встрече присутствовали цесаревич Александр Александрович с

Семейный снимок. Император Александр Второй со своей любимой дочерью – великой княжной Марией Александровной, которая вышла замуж за младшего сына королевы Виктории – Альфреда герцога Эдинбургского (справа). На фотографии слева – сын царя великий князь Алексей Александрович, также глубоко почитавший своего отца. Фотография сделана в 1874 году после бракосочетания Марии Александровны и герцога Альфреда.

супругой цесаревной Марией Федоровной и остальные братья ставшей теперь герцогиней Эдинбургской Марии Александровны.

Эти последние два часа пребывания молодоженов в Зимнем дворце протекали в исключительно сердечной атмосфере. Усталая и больная императрица Мария Александровна превозмогла себя и осталась провести последние часы со своей дочерью и зятем. Точно в полночь молодожены со своими английскими гостями в придворных каретах отправились на вокзал и сели в приготовленный для них императорский поезд, увезший их всех в Царское Село, где молодожены должны были провести первую брачную ночь. Сам император с цесаревичем Александром Александровичем, цесаревной Марией Федоровной и всеми членами царской фамилии сопровождали их на вокзал.

Описывая свадебные торжества в восторженном письме к матери, герцог Уэльский заклинал ее забыть свои русофобские настроения и убеждал ее, что у императора нет ни малейшего намерения завоевать Константинополь и соперничать с Англией в Индии.

Отсутствие Бисмарка на свадьбе дочери царя с Эдинбургским герцогом, конечно, было демонстрацией недовольства железного канцлера сближением России с Англией. Бисмарк был очень обеспокоен "дружеским соглашением" между Россией, Англией и Францией, которое он правильно расценивал как отход императора Александра от традиционного союза с Пруссией. Он тщетно старался заменить эту первую противогерманскую коалицию "союзом трех императоров" — Вильгельма, Александра и Франца-Иосифа. Однако союз с республиканской Францией, основанный Александром, — "Антант Кордиаль" — просуществовал до Первой мировой войны, когда Россия и Англия, вступив в военный союз с Францией, начали войну 1914-1918 годов, столь радикально переменившую карту Европы.

Сразу же после свадьбы с дружеским визитом прибыл в Санкт-Петербург австрийский император Франц-Иосиф. Впервые в истории Европы австрийский император посещал русскую столицу. Посещение это расценива-

лось как большой успех Александра, успевшего привлечь на свою сторону враждебно настроенную по отношению к России Австро-Венгрию. Бисмарк, который до того времени считал себя арбитром Европы, уступал теперь эту роль русскому царю.

На торжественном обеде, данном царем в честь австрийского императора, присутствовали герцог Уэльский, русский канцлер князь Горчаков и английский посланник лорд Август Лофтус, который направил в Лондон подробное описание петербургских торжеств и пересказал слово в слово тост русского императора. Александр произнес на этом обеде тост за мир между великими державами Европы. На своем прекрасном французском языке царь сказал: "Я пью за здоровье моего друга императора Франца-Иосифа, который осчастливил нас своим присутствием. В дружбе, которая связывает нас обоих с императором Вильгельмом и с королевой Викторией, я вижу самую верную гарантию мира в Европе, столь желаемого всеми и столь необходимого нам всем..."

В ответ император Франц-Иосиф, подчеркнув свою полную солидарность с пожеланием всеобщего мира, выразил надежду, что "Всевышний благословит эти наши всеобщие усилия и дарует мир человечеству".

Однако, комментируя эти события, Бисмарк высказал подозрение, что примирение России с Австрией было достигнуто благодаря политике русского канцлера Горчакова, целью которого было организовать тайное соглашение между двумя империями с целью поддержки освободительного движения славянских народов, подвластных Порте, и раздела сфер влияния между собой.

В мае этого же года император Александр прибыл в Штутгарт, чтобы присутствовать на свадьбе своей племянницы великой княжны Веры Константиновны с герцогом Вильгельмом Вюртембергским. После этой второй свадьбы в доме Романовых Александр отправился в Англию, желая посетить свою только что вышедшую замуж дочь герцогиню Эдинбургскую. Александр, конечно, не только хотел повидать свою любимую дочь, у не-

го была гораздо более важная цель, как он говорил Горчакову и Игнатьеву: добиться, чтобы традиционная английская русофобия сменилась, если не чувством горячей симпатии к России и ее царю, то хотя бы известной терпимостью и пониманием ее политики по отношению к находящимся под турецким игом славянам, и прежде всего болгарам. Следует признать, что в этом отношении ему удалось преодолеть английскую косность и снобизм.

Во-первых, посещение русского царя произвело на англичан весьма положительное впечатление. Прежняя антирусская пропаганда, представлявшая царя России азиатским деспотом, державшим в тисках западную по культуре католическую Польшу и не дававшим ни малейшей свободы своим подданным (так рисовала Николая и после него Александра английская пресса во время Крымской войны) была поставлена средним англичанином под сомнение.

Критически относящийся к утверждениям своей прессы, средний англичанин спрашивал себя: "Если русский народ настолько отсталый, дикий и суеверный, если русские не заслуживают ни малейшего доверия, как же сама королева Виктория согласилась взять в жены своему сыну дочь русского царя?" Английская пресса, учитывая эти настроения обывателя, переменила тон на более нейтральный. Громадные толпы народа с любопытством следовали за открытой каретой Александра, и дамы находили его настоящим джентльменом.

Королева Виктория встретила русского царя у входа в Виндзорский дворец и лично сопровождала его по городу. Англичане наблюдали, как изящно Александр держался в седле, гуляя верхом по аллеям Виндзорского парка, и аплодировали ему, толпясь за чугунной оградой. Потом толпа смотрела, как в дворцовой карете царь ехал в резиденцию герцога Уэльского, где обедал с ним, его супругой, со своей дочерью и зятем и, конечно, с множеством других приглашенных.

Александр, в свою очередь, не без удивления наблюдал, как многочисленная толпа лондонцев повиновалась сдерживающим ее полицейским, у которых не было никакого оружия, кроме дубинок. Он, несомненно, учи-

тывал, что в Лондоне жило немало его личных врагов из числа русских и польских эмигрантов, и удивлялся, что, несмотря на отсутствие телохранителей, не было на него ни одного покушения за все время его пребывания в Англии.

По приглашению лорда-мэра посетил он Хрустальный дворец, где в присутствии многотысячной толпы слушал известную английскую кантату "Дом, милый дом...", исполнявшуюся лондонским певческим обществом в его честь. Затем лорд-мэр Лондона и видные английские политические деятели произносили речи: все они говорили об англо-русской дружбе и сотрудничестве. Не было ни одного инцидента: очевидно, английская полиция умело контролировала русских и польских эмигрантов.

19 мая в его честь был устроен военный парад, который Александр принимал верхом на лошади, вызывая восторг толпы. И хотя еще в феврале консерватор Дизраэли сменил либерала Гладстона, всегда настроенного против Турции, Александр не заметил никакой перемены в отношении к России со стороны нового консервативного правительства.

Все же царь отлично понимал, что, несмотря на теплый прием, оказанный ему, англичан тревожило предпринятое русскими военное наступление в Средней Азии, которое правительство Дизраэли считало угрозой для английских интересов, также как и частые восстания народов Боснии и Герцеговины и последовавшее за ними восстание болгар в апреле 1876 года. Судя по тону английской прессы и позиции английского консервативного правительства не приходилось исключать возможность новой войны между Англией и Россией. При этом Александр учитывал наступившее охлаждение между Германией и Россией, впервые в истории открыто ставшей на сторону республиканской Франции.

Морис Палеолог, известный французский историк, член Французской академии и последний французский посол в России накануне революции 1917-18 годов, хорошо информированный в делах иностранной политики,

рассказывает, из-за чего произошло это охлаждение между Германией и Россией.

В 1875 году, пишет Палеолог, Александр активно выступил против новой интервенции Германии во Франции. Очевидно, весьма обеспокоенный успешным и быстрым восстановлением Франции после катастрофы 1870-1871 годов (она, выплатив Германии громадную по тем временам военную контрибуцию в 200 миллионов золотых франков, не жалела средств на свое военное восстановление), Бисмарк начал серьезно думать о втором вторжении во Францию и новой оккупации Парижа. Германия начала готовиться к этой новой войне. Во Франции с беспокойством наблюдали за новыми военными приготовлениями Германии.

Палеолог рассказывает, что правительство Тьера обратилось к России, прося заступничества, особенно когда сам Горчаков уведомил французского посланника в Петербурге, что Бисмарк лично сообщил ему о своих намерениях. Горчаков заверил его, что русский император никогда не допустит нового вторжения немцев и новой франко-германской войны.

Встревоженная напряженностью отношений между Германией и Францией, королева Виктория обратилась с личным письмом к императору Александру, прося его использовать свои родственные и приятельские отношения с германским императором Вильгельмом Первым, чтобы убедить его отказаться от новой войны с Францией.

Александр, посоветовавшись с Горчаковым, решил вмешаться в этот назревающий конфликт, который мог стать началом мировой войны. Он немедленно отправился в Берлин к императору Вильгельму. Этот визит царя имел успех, Вильгельм заставил своего канцлера немедленно встретиться с императором Александром. Царь принял Бисмарка в своем кабинете в русском посольстве в Берлине.

Палеолог передает их разговор со слов царя вероятно так, как он рассказал он нем французскому посланнику при русском дворе: "Бисмарк повтори мне неуместное объяснение, которое вчера дал он Горчакову.

Я позволил ему высказаться, но предупредил его совершенно категорически, что никогда и ни под каким видом я не позволю ему напасть на Францию: "Без моего нейтралитета, — сказал я, — Германия будет бессильна. Поймите, я не останусь нейтральным!" Бисмарк попробовал доказать мне, что Франция становится опасной для Германии, так как она слишком быстро восстанавливается, и немыслимо ждать, пока она восстановит полностью свой военный потенциал и снова станет на ноги. Он даже зашел так далеко, что сказал: "Сегодня нам ничего не стоит войти в Париж. Однако скоро мы уже не сможем этого сделать..." На этом я остановил его и повторил ему так решительно, как мог, что я никогда не позволю ему напасть на Францию. Тут он начал клятвенно уверять меня, что он лично не имеет никаких агрессивных намерений..."

Это свидетельство столь авторитетного французского историка и дипломата лишний раз подтверждает честность Александра и его смелую политику, которую он проводил без задних мыслей.

Однако несомненно, что этот судьбоносный разговор, который фактически спас Францию от второго разгрома, дорого стоил русскому императору. Именно с этого времени, поняв, что Александр действительно не допустит второй катастрофической для Франции немецкой агрессии, Бисмарк из почтительного поклонника русского царя превратился в его врага. Железный канцлер жестоко отплатил Александру за это его выступление в защиту Франции в дни Берлинского конгресса, где от Бисмарка во многом зависело решение вопроса о судьбе Болгарии. Железный канцлер сплотил тогда против Александра и его идеи создания объединенной Болгарии все западные силы и, конечно, в первую очередь, Германию, Англию и Австро-Венгрию.

Глубокие знания, громадная культура и острый природный ум Александра обусловили его пацифизм. В годы Крымской войны часто посещал он севастопольский фронт, много беседовал с ранеными офицерами и солдатами, и своими, и неприятельскими. Он видел вблизи все ужасные последствия войны, страждущих,

изувеченных людей, слышал их стоны и жалобы. "Зачем все это?" — спрашивал он себя и не находил оправдания этим бессмысленным страданиям миллионов людей. Он понимал, что эта бессмысленная человеческая бойня была результатом заблуждений и предрассудков прежде всего царей, королей и их министров, следствием их политических просчетов.

Он вспоминал, как митрополит Филарет увещевал его покойного отца "исполнить волю Всевышнего и защитить православие против католических домогательств, захватить ключи от Гроба Господня и других храмов в Иерусалиме..." Он уверял императора, что "Господь даст ему победу и благословит русское оружие в защиту Христа..." Александр, который не раз присутствовал при этих разговорах и даже сам был какое-то время под влиянием этих религиозных и патриотических внушений московского митрополита-фанатика, увидел, что в действительности, несмотря на "свое правое и святое дело в защиту православия", Россия проиграла войну католикам французам и итальянцам и английским протестантам.

Главной целью своей внешней политики Александр считал предотвращение новой войны с западными державами, особенно с Англией. При этом он считал самым опасным своим противником упрямую русофобку английскую королеву Викторию, которая была убеждена не менее Филарета, что "Всевышний поможет просвещенным христианам Запада сломить и на этот раз азиатскую гордыню и суеверия русских".

Виктория еще более своих министров не доверяла русскому царю и ждала от русских новых и новых осложнений в будущем. Однако Гладстон, бывший премьером Великобритании в 1868 году, и его министр иностранных дел лорд Кларендон были весьма умеренными либералами и не слишком беспокоились из-за русского наступления в Азии. Они думали, что, достигнув Афганистана, русские не пойдут дальше, не желая раздражать Великобританию, которая считала это азиатское государство буфером, не дававшим столкнуться английским и русским интересам. Бездействие Глад-

стона и Кларендона беспокоило английских русофобов-консерваторов, которые еще со времен Крымской войны видели в русской азиатской политике желание протянуть руки к их богатейшей колонии Индии.

Сама королева не раз критиковала своего либерального премьера и его министра иностранных дел. Она была убеждена, что знаменитое "Завещание Петра Великого" не было, как уверяли русские, французским подлогом времен Людовика Шестнадцатого, а являлось подлинной инструкцией грозного русского царя своим наследникам — подчинить власти династии Романовых всю Западную Европу.

Александр не раз пытался убедить английского посла в Петербурге лорда Августа Лофтуса, когда тот упоминал о пресловутом "Завещании Петра Великого", что это лишь абсурдная французская подделка, имеющая целью объединить весь Запад против России. Лофтус вежливо соглашался с царем, однако отвечал ему: "Все же весьма любопытно, что именно эту агрессивную политику русские цари, наследники Петра, проводят по отношению к Западу, и прежде всего к Англии..." То же писал Лофтус в Лондон, где к тому времени к великой радости королевы, Кларендона сменил отъявленный русофоб лорд Гранвиль, а вместо либерального Гладстона бразды правления английской политикой принял фаворит Виктории консерватор-русофоб Дизраэли, который начал активно противодействовать русской экспансии в Афганистане.

Тем временем, назначенный Александром с согласия Горчакова генерал Кауфман вел наступление в Азии и занял Бухару, нисколько не считаясь с английскими интересами. На резкий протест лорда Гранвиля Горчаков отвечал, что он лично серьезно изучает этот вопрос. Александра этот ответ его канцлера не удовлетворил, и он сам принялся читать доклады своего посла в Лондоне графа Бруннова, а также протесты Лофтуса. Царю показалось, что Бруннов весьма слабо защищает в Лондоне русские интересы. Горчаков согласился с царем, объяснив ему, что престарелый Бруннов болен и от него нельзя ожидать слишком деятельной дипломатии. Александр

немедленно заменил Бруннова весьма активным шефом Третьего отделения графом Шуваловым, чтобы избежать конфликта с Великобританией.

Однако Александр хорошо помнил древнюю римскую поговорку: "Si vis pacem, para bellum" — "Если хочешь мира, готовься к войне". Руководствуясь ею, царь считал, что чем сильнее будет Россия, тем меньше будет риска войны, потому что тогда враги, особенно Англия, не посмеют конфликтовать с сильной Россией. Именно из-за своих искренних намерений избежать возможного конфликта с Англией царь в 1872 году подписал указ о военной службе.

До отмены крепостничества, т.е. до 1861 года, армия в России состояла главным образом из крепостных крестьян, мещан и мелких дворян, которых отдавали в солдаты за различные мелкие политические или даже уголовные провинности. После отмены крепостного права на военную службу должны были идти все сословия. Организацию призыва царь поручил новому военному министру генералу Дмитрию Милютину. Император настаивал на исполнении уже подписанного им указа об отмене в армии телесных наказаний и о полной реорганизации снабжения, чтобы солдат прилично кормили, чисто и тепло одевали, чтобы они получали хорошее снаряжение на уровне прусских войск. Александр настаивал на подготовке квалифицированного персонала для медицинского обслуживания армии в случае войны. Кроме того, он предписал Милютину повышать в чине офицеров лишь за их личные заслуги и хорошее исполнение службы, а не за происхождение, как было прежде.

Конечно, все эти военные преобразования беспокоили западные государства. Два-три раза Александру, благодаря его дипломатическим способностям, удавалось избежать войны. Но через своего нового посла в Лондоне царь был хорошо осведомлен о русофобских настроениях, особенно в консервативных кругах. Именно из-за этой весьма реальной опасности, во избежание возможности войны с Великобританией Александр решил в свое время использовать удобный повод и лично посетить Лондон. Несомненно, политические соображения сыгра-

ли немалую роль в тягостном для него решении выдать любимую дочь, шестнадцатилетнюю великую княжну Марию Александровну, замуж за младшего сына ненавистной ему королевы Виктории.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ВТОРОГО

Одним из величайших дел императора Александра Второго, наряду с отменой крепостной зависимости, несомненно, является освобождение братской русскому народу Болгарии. В болгарской столице есть несколько памятников в честь освобождения Болгарии императором Александром Вторым. В годы моего детства все они еще существовали, напоминая болгарам о великом подвиге русских воинов, и конечно, прежде всего, самого Царя-Освободителя, которого под этим именем в Болгарии чтут больше, чем в самой России.

Когда мне было лет десять, покойная моя мать водила меня в окраинный городской квартал, называвшийся Русский памятник, и с умилением показывала мне гранитный обелиск посередине площади, который был установлен в те героические годы, когда победоносная русская армия еще пребывала в Болгарии. Меня поразили на всю жизнь слова, которые на нем были начертаны самими русскими воинами: "Императору Александру Второму. Волею и любовью Его освобождена Болгария..."

Эти слова казались мне такими простыми и такими величественными, и они действительно были такими. Они запали мне в душу, и на всю жизнь осталась в ней особенная любовь и признательность к этому самому благородному и самому человечному из русских государей.

В 1944 году дерзновенная рука сбила эти святые слова, как сбила и самое имя Александра Второго с другого памятника, на котором он изображен на коне, в походной форме. Этот памятник установлен в центре болгарской столицы, на площади Народного Собрания

(болгарский парламент). Величественная бронзовая статуя Царя-Освободителя и сейчас стоит на своем пьедестале, но без надписи.

В нескольких последующих главах я расскажу об этом подвиге императора Александра Второго, вошедшем в историю. Освобождение Болгарии осуществлено в результате тяжкой, героической войны с Оттоманской империей в памятные 1877-1878 годы.

Глава двадцать шестая

АПРЕЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В БОЛГАРИИ В 1876 ГОДУ

В 80-х годах 19 века вся Европа находилась под влиянием либеральных идей, и крайний султанский абсолютизм, все еще свирепствовавший даже в европейских владениях Оттоманской империи, стал выглядеть болезненным анахронизмом. Западная Европа к тому времени свыклась с расчленением разлагающейся Порты и обретением независимости отдельными балканскими народами. При этом сама Россия считала весьма вероятной победу над Турцией и хотела не только освободить от османской неволи родственные славянские народы, но и полностью восстановить престиж, утерянный ею после Крымской войны и за годы, последовавшие за Парижским миром.

Австро-Венгрия тоже пыталась всеми силами стать покровительницей балканских христиан, надеясь использовать русско-турецкую войну для присоединения к своей территории богатых европейских провинций Турции — Боснии и Герцеговины. Война Турции с Сербией и Черногорией также считалась неминуемой. Лишь королева Виктория и ее фаворит — канцлер лорд Биконсфилд, которые опасались продвижения России на Восток, оставались союзниками Оттоманской империи. Англия всеми силами старалась защитить Турцию.

Итак, в 1875 году австро-венгерский канцлер Анд-

раши от имени не только Австро-Венгрии, но и Германии и России, подал султану коллективную ноту, требуя немедленных реформ, в особенности по отношению к порабощенным европейским народам. Неудивительно, что почти одновременно в Герцеговине вспыхнуло общенародное восстание против турок. Конечно, это было делом рук австрийских подстрекателей.

Болгары, которые уже несколько лет имели независимую церковь, руководимую самостоятельным экзархом, не подчинявшимся Константинопольскому патриарху, восстановили свою национальную территорию, при их царях Первого и Второго царств простиравшуюся от Адриатики до Черного моря и от Эгейского моря за пределы Дунайской равнины. С затаенной надеждой следили они за мировыми событиями и ждали своего освобождения. Более чем когда-либо помнили они, что еще до основания русского государства создали они первое славянское государство, первую славянскую церковь, первую славянскую литературу.

Итак, уже в 1875 году у болгар созревал план общенародного восстания против турок. Главным условием успеха восстания был выбор подходящего политического момента. Болгары хорошо понимали, что, не имея регулярной собственной армии, не могли они победить многочисленную и хорошо организованную турецкую армию. Одновременно — и этого они от всего сердца желали — общенародное восстание в болгарских землях оказало бы вооруженную помощь покровительнице балканских христиан России. Впрочем, если сам момент восстания был выбран удачно и расчеты на акцию России против Турции были правильны, в военном отношении восстание ни в какой степени не было подготовлено, и в этом была его самая большая слабость. Следовало ожидать от турок самых страшных и крутых репрессий, даже против беззащитного гражданского населения. И они не заставили себя ждать.

Именитые специалисты уже посвятили Апрельскому восстанию многочисленные и обстоятельные тома. Здесь я лишь расскажу о чудовищных турецких репрессиях, об их неминуемом последствии — международном

резонансе, и о русско-турецкой войне, которая закончилась освобождением Болгарии.

Военные действия болгар против турок были весьма ограниченными: восставшее население не имело ни достаточного количества оружия, ни боеприпасов. Болгарам противостояли вооруженные до зубов турки, располагавшие новейшей походной артиллерией. У восставших же не было ни ружей, ни патронов, чтобы оказать сопротивление турецким солдатам. На какую-либо военную помощь рассчитывать не приходилось. Однако кое-где на местах успели болгары арестовать местную турецкую администрацию и объявить свою власть. Один турок, из числа задержанных болгарами и запертых в помещении мечети в сельце Стрелче, ночью сумел убежать и рассказать в соседних городах и селах, что "болгары восстали сами и нет у них соучастников-московцев..." По всей Болгарии велись бои между болгарами и турками, пока не прибыли к туркам мощные подкрепления.

В своем знаменитом сочинении "Под игом" болгарский писатель Иван Вазов неподражаемо описал неравную борьбу восставшего болгарского народа против турецкой солдатни: не только мужчины, но и женщины и дети участвовали в ней. Они лили пули, строили земляные укрепления, перетаскивали две самодельные деревянные пушки. Их воодушевляла любовь к родине и надежда на скорое освобождение. Цветущие села предгорий Стара-Планины — Гемуса с их знаменитыми фруктовыми садами и плантациями пахучих роз превратились в военные поселения: среди красных черепиц, зеленых ставень и недавно беленных стен выглядывали из окон вместе с горшками герани и детскими головками редкие охотничьи ружья. Однако все ждали русской помощи, все надеялись, что вот-вот покажутся на пыльной дороге бесчисленные русские фуражки. Но русские не шли.

Между тем турки приняли самые серьезные меры для подавления восстания. Прежде всего они бросили против восставших нерегулярные черкесские войска (часть черкесов переселились с занятого русскими Кавказа в окрестности Пловдива, к подножию Родоп и в

Кирджалийскую область). Турки и местное болгарское население называли их "башибузуками", они были известны своей ненавистью к христианскому населению.

Одновременно Порта послала в восставшую Южную Болгарию свои регулярные войска из Ниша, Фракии и даже самой столицы — Константинополя. Они были сосредоточены в южном болгарском городке Пазарджике. Там была сформирована целая армия: несколько эскадронов и горных батарей. Под предводительством Хафеза-паши она двинулась 24 апреля в направлении Панагюрище. Однако, явно чтобы обмануть восставших, турки оставили здесь лишь незначительный отряд, а главные их силы двинулись к Стрелче и заняли все проходы в горах, которые вели из этого села в Панагюрище и в другие восставшие села. Повстанцы располагали весьма малыми силами и могли выставлять против турок лишь аванпосты на опушке леса. Издали они казались туркам более многочисленными, чем были на самом деле.

27 апреля Хафез-паша предпринял разведывательные вылазки, при которых погиб один турецкий солдат и был взят в плен один повстанец. Впрочем, почти все восставшие были местными крестьянами и, боясь турок, шли они в бой неохотно. Турки скоро увидели, что нет у них ни ружей, ни настоящих патронов, и их офицеры объясняли солдатам, что "московцев нет с ними". Скоро у восставших и совсем кончились патроны, и они были вынуждены оставить городок Куклу, где они установили свою власть. Многие, бросив оружие, бежали с поля сражения, уступив городок туркам, которые, ворвавшись в него, начали грабить, насиловать и поджигать дома.

Между тем из Ниша прибыло около 3 тысяч солдат регулярной армии и толпы черкесов-башибузуков. Под предводительством Хасана-паши они со всех сторон атаковали городок Еледжик. Восставших было меньше тысячи, у них было лишь несколько ружей, пистолеты, косы и топоры. Когда они увидели многочисленную, хорошо вооруженную турецкую армию, они начали разбегаться. За ними в панике бежали женщины и дети. Всех их

преследовали, безжалостно убивали и насиловали турки.

Проведя ночь в разрушенных и сожженных селах, утром турки двинулись дальше и перешли на правый берег реки Марицы. Там восстали лишь десять сел. По плану все повстанцы должны были объединиться в большом селе Батак и вместе оказать сопротивление туркам. Но большинство не подчинилось общему руководству, не желая расставаться со своими домами и семьями. Образовались отдельные повстанческие центры: Перущица, Батак, Брацигово. Именно против этих разъединенных центров восстания турки, кроме регулярных войск, бросили полчища башибузуков.

Видя свое безнадежное положение, восставшие крестьяне 27 апреля послали своих представителей на переговоры с турками, чтобы попытаться спасти своих жен и детей. Но турки отказались вести переговоры и начали бой. Это было в селе Перущице. Пули свистели со всех сторон. Женщины и дети спрятались за каменными стенами двух церквей. Восставшие сражались храбро, у турок было 20 человек убито и много ранено. По турецким данным в Перущице засели 448 повстанцев, и они отчаянно сопротивлялись, хотя не у всех было оружие.

29 апреля прибыл с новыми силами Рашид-паша: его солдаты установили пушку на холме и начали систематически бомбардировать церковь св. Афанасия. Восставшие перебежали в церковь св. Архангела, и только эта церковь и ближайшие к ней дома оставались в их руках.

Однако ночью 30 апреля 280 повстанцев внезапно выбежали из занятого турками села, и, отбиваясь оружием и врукопашную, с большими потерями ушли в Пловдив. В церкви и соседних с нею домах все еще оставалось 600 человек. Они решили послать парламентеров к туркам, чтобы попытаться спасти хотя бы женщин и детей. Но турки тут же расстреляли парламентеров на глазах у всех. 1 мая все болгары перешли в церковь, оставшуюся в их руках, и подняли белый флаг на крыше. Женщины и дети особенно страдали от жажды, но как только кто-либо из мужчин спускался во двор, чтобы набрать воды, турки убивали его на месте.

В Батаке повстанцы отчаянно защищали свои дома, не ожидая уже милости от турок. Все дома, в которые врывались черкесы, были немедленно ограблены и подожжены, а жители их безжалостно зарублены, в том числе женщины и маленькие дети.

2 мая турки склонили болгар, укрывшихся в большом укрепленном Богдановском доме, сдаться, обещая, что всем им будет дарована жизнь с условием, что они отдадут все свое оружие. Но как только те сдали оружие, турки заставили их раздеться догола и всех поголовно убили. Таким же образом турки обманывали и других болгар, собравшихся в разных церквах или больших домах. Вечером башибузуки ворвались в здание местной школы и изрубили всех укрывшихся там жителей без различия пола и возраста.

Кровопролитие в Батаке было одним из самых злодейских. В этом селе было убито турками около 5 тысяч человек.

Город на правом берегу Марицы — Брацигово — стал самым значительным центром восстания. Жители нескольких крупных сел этой области просто переселились в Брацигово, чтобы объединиться в борьбе против турок. Болгарские крестьяне этого центра были вооружены сравнительно лучше других. У них было 453 старых ружья, 803 револьвера старого образца и лишь несколько современных. Кроме этого, было у них несколько бочонков пороха, а также три-четыре бочки литых пуль. В одном из сражений брациговцы даже сумели отбить и обратить в бегство регулярный турецкий отряд. Восставшие крестьяне сравнительно легко укрепились в Брацигове. Этот древний средневековый городок походил на настоящую крепость: улицы там были узкие, дома каменные и высокие, без дворов, они как будто лепились один к другому.

Нападение турок 30 апреля жители отбили с большими потерями, и это заставило их быть более осторожными. Однако турки стянули туда большие силы. После поголовного избиения жителей Батака оттуда к Брацигову прибыли черкесы в помощь регулярным войскам. Но героизм повстанцев, укрепившихся в этом городе, не

знал пределов: судьба Перущицы и Батака придавала им храбрость отчаяния. Они решили живыми не сдаваться. Когда прибыл из Перущицы Рашид-паша, командир регулярных турецких войск, он, видя неустрашимость и решимость жителей Брацигова драться до конца, предложил им начать переговоры. 7 мая повстанцы собрали оружие и передали его туркам. Тут в первый раз, вероятно, получив внушение из Константинополя, так как известия о турецких зверствах и произволе на местах уже распространились по всему свету, турки, отделив всех зачинщиков и вождей восстания, передали остальное население под защиту централизованных военных властей.

Конечно, восстание прокатилось, хотя и в весьма различной степени, по всей стране. Само это обстоятельство, в противовес утверждениям западных, особенно английских, источников, указывает на то, что организация восстания была проведена весьма неопытными людьми, было оно делом чисто внутренним, болгарским, внешнего, в частности, русского, вмешательства не было, хотя некоторые панславистские и даже либеральные круги России горячо симпатизировали восставшему против Оттоманской империи болгарскому народу.

Конечно, самое веское доказательство этому — действия турок: разве турецкие власти посмели бы учинить все эти неслыханные в 19 веке зверства, если бы знали о каком-либо присутствии или участии в восстании великой северной империи? Сама посредственная, неумелая организация болгарского восстания красноречивее всех свидетельств подтверждает домашний, глубоко местный его характер.

Поражение восстания в Южной Болгарии было воспринято на севере страны и во всех других болгарских землях с сокрушенным сердцем и покорностью судьбе. Из северных провинций страны лишь Тырновский округ, где все еще была жива традиция великого прошлого болгарского народа, оказал поддержку восставшим южанам. Но не было у северян того мощного подъема, который в Южной Болгарии даже женщин и детей сделал героями. Чтобы быть справедливыми, должны мы при-

знать, что не было у них и вождей калибра Бенковского, который повел южан в смертный бой против турок. Конечно, и здесь были свои герои, как знаменитый поп Харитон из села Мусина или Бачо Киро Петров из Белой Церкви.

В Мусине, например, ожидалось 500 повстанцев, а 28 апреля явились лишь 200. Вождем их слыл поп Харитон, но действительным руководителем этой группы был болгарин Петр Пармаков, бывший младший офицер русской армии. В этой группе только несколько человек были одеты в форму повстанцев и были вооружены охотничьими ружьями или имели револьверы, сабли и ножи, большинство же было вооружено косами, топорами и т.п. Намеревались они идти по направлению к городку Габрово, но в сущности не имели точной цели. Напротив, турецкие власти зорко следили за всеми передвижениями восставших. Прибыв в Дреновский монастырь в окрестностях Габрово, повстанцы окопались в нем, ожидая помощи из Тырново и Габрово. Но вместо помощи ночью из Тырново пришли несколько турецких эскадронов: во мраке ночи турки подошли вплотную к самой ограде монастыря с двух сторон.

2 мая поп Харитон со своими людьми готовил патроны в одной из келий монастыря. По их небрежности вспыхнул порох и произошел страшный взрыв, при котором сам Харитон потерял зрение и был тяжело ранен, а монахи едва успели спасти из огня его соратников. Следующей ночью убежал из монастыря сам игумен, который был одним из организаторов восстания, и с ним еще несколько человек. Пармаков и Бачо Киро Петров все же сумели поднять дух восставших.

3 мая турки сбросили с горы несколько громадных камней, которые со страшным грохотом упали на монастырь, увеча и убивая повстанцев и монахов. Но и это не помогло туркам. Восставшие смело продолжали неравную борьбу. 4 мая башибузуки сделали несколько попыток приступом овладеть монастырем, но их атаки были отбиты. Однако 5 мая к туркам пришло подкрепление, и ночью все окрестности монастыря уже были в их руках. Турки непрестанно вели ружейный огонь, не дозво-

ляя никому приблизиться к монастырскому колодцу. Они установили привезенную из Тырновской крепости пушку и непрестанно палили из нее по монастырю. Однако восставшим удалось с крыши монастырской церкви убить обоих артиллеристов, и пушка умолкла.

6 мая к монастырю из Шумны прибыл Фазиль-паша, который привел 8 тысяч солдат и черкессов. По его приказанию были доставлены и установлены в 600-700 метрах от монастыря тяжелые орудия. Артиллерией и гранатами был разрушен свод монастырского собора и большая часть здания. Повстанцы укрылись в подвалах и в нижних кельях. Ночью граната попала в одну из нижних комнат, и скоро пожар и дым распространились по всему монастырю. На все предложения турок сдаться, восставшие отвечали категорическим отказом. Турки были в недоумении и просто не могли понять их упорства.

Однако у Пармакова был свой план. Ночью 7 мая он собрал немногих оставшихся в живых товарищей и сказал им: "У нас есть выбор: или предаться туркам и после пыток умереть на виселице, или дорого продать жить, стараясь с оружием в руках пробиться через турецкое кольцо и выйти на свободу..." Повстанцы предпочли славную смерть сдаче врагу. Затем они сожгли свое боевое знамя, простились с тяжелоранеными, и Пармаков пошел впереди своих людей по тропинке, которая вела из монастыря к виноградникам через песок, со всех сторон окруженный турецкими солдатами, спавшими в палатках. Повстанцы благополучно вышли в монастырский виноградник, опоясанный довольно высокой каменной стеной, через которую они хотели перелезть. Здесь произошел жестокий бой между восставшими и турками. Пармаков с саблей в руке повел своих людей в атаку. Погибли 80 человек, и лишь четверо перелезли через стену. Первым, сраженный турецкой пулей, пал сам Пармаков.

Несколько болгар, уцелевших под градом пуль, решили вернуться в монастырь и сдаться туркам. Все они были перебиты, даже тяжелораненые. И все-таки 47 повстанцев поодиночке или маленькими группами успе-

ли через пропасти, рвы и леса, окружавшие монастырь, вырваться на свободу. Им помог сильнейший ливень и темная ночь без луны и звезд.

Так же были подавлены восстания в остальных северных городках и селах Болгарии — Баташеве, Кровенике, Новом Селе, Треве и других.

Если моему читателю когда-либо доведется попасть в столицу Болгарии, он непременно побывает на широком, большом бульваре, обсаженном стройными, высокими тополями, который кольцом опоясывает всю Софию. Раньше носил он имя царя Фердинанда, отца царя Бориса и деда ныне здравствующего царя Симеона, а теперь носит имя Христо Ботева. Был этот человек самым известным героем Болгарского восстания 1876 года.

Теперешние руководители просоветской Болгарии называют Ботева вождем болгарского национально-освободительного движения 60-70-х годов 19 века, революционно-демократическим мыслителем и поэтом.

Родился Христо Ботев в городке Калофере в 1848 году в семье народного учителя. Окончив местную трехклассную школу, поступил он в Одесскую классическую гимназию (1863-1865), потом стал учителем в бессарабском селе Задунаевке (1866-1867).

Уже в 1867 году, вернувшись на родину, Ботев на праздновании Дня святых Кирилла и Мефодия выступил с пламенной речью, одинаково обличающей турецкий режим и реакционных болгарских "чорбаджиев" (крупных капиталистов, торговцев и землевладельцев). Он мечтал освободить Болгарию путем всеобщего восстания. Скоро он перебрался в Румынию, в Брайлу — центр болгарской и русской левой эмиграции. Начал он работать в типографии, где печаталась газета болгарских эмигрантов "Дунавская Заря" (1867-1868). Здесь он сблизился с русскими эмигрантами-революционерами. Одновременно он организовал переправку в Россию нелегальной революционной литературы, за что и был арестован румынской полицией. После казни Василя Левского в 1873 году и разгрома турками болгарского сопротивле-

ния, Ботев фактически возглавил национально-освободительное движение в Болгарии.

В апреле 1876 года Ботев узнал о вспыхнувшем в Болгарии "общенародном" восстании, уже стихийно охватившем весь Пловдивский округ. 5 мая 1876 года он выпустил первый номер газеты "Новая Болгария" и 16 мая во главе отряда из 175 человек, реквизировав австрийский пароход "Радецкий", отплыл по Дунаю в Болгарию. Конечно, он и его товарищи наивно ожидали, что их на болгарском берегу восторженно встретит восставшее население. Однако на болгарском берегу ждало их большое разочарование. На пристани "Козлодуй" их не только никто не встретил, но местные жители прямотаки шарахались от Ботева и его спутников. В первом на их пути селе Рахове (они направлялись в ближайший к пристани городок Вратцу) от двоих присоединившихся к его отряду заговорщиков Ботев узнал, что восстание уже разгромлено турками не только по всей Южной Болгарии, но и здесь — на севере страны.

Еще раньше Ботев писал своим приверженцам во Вратцу, что просит приготовить 50 повозок с лошадьми, чтобы скорее перевезти его отряд в горы, где он намеревался развернуть действия против турок. Однако человек, которому он доверил это ответственное дело, был арестован турецкой полицией, и в Козлодуе не нашел Ботев ни одной лошади и ни одной телеги. С большим трудом удалось найти коня для самого Ботева и 16 подвод с лошадьми для перевозки оружия, амуниции и продуктов. Они двигались, не останавливаясь ни на один день, пока не достигли цепи Стара-Планины.

У села Бутана отряд остановился перед разбухшей от таяния снегов в горах рекой Огостой, которую в это время невозможно было перейти вброд. Они построили на скорую руку мост из телег и благополучно переправились на противоположный берег. Здесь отряды черкесов начали преследовать Ботева и его спутников, обстреливать их издалека и чинить им всякие препятствия. При селе Боровоне ожидали они присоединения к их отряду 400 человек, но известие это оказалось ложным — к ним никто не присоединился.

18 мая отряд расположился на ночлег в долине у Оходенского моста. На заре около 200 черкесов, пеших и верховых, обстреляли болгар. Отряд начал отстреливаться, а сам Ботев, вскочив на коня, размахивая саблей и стреляя в воздух, разогнал черкесов.

Видя, что отряд Ботева хорошо вооружен и экипирован, черкесы решили, что он представляет авангард более значительных сил, и явно боялись атаковать.

Отряд продолжал свой путь к Стара-Планине. Горы были для него спасением, потому что там, среди пропастей и лесов трудно было преследовать повстанцев. Близ села Баница отряд встретили переселенные сюда татары, которые прятались за плетнями и беспорядочно стреляли. Войновски, помощник Ботева, приказал поспешить и, опередив татар, занять Банины, которые составляют одну горную цепь с другой более высокой, вершина ее называется Милиным камнем. Ожесточенные бои не прекращались, хотя основные турецкие силы подавляли восстание в самой Вратце.

Ботев верхом на коне с саблей в руке руководил сражением. Он надеялся, что вот-вот придет значительная помощь от вратчанских повстанцев. Но ждал он напрасно: как уже не раз бывало во время этого восстания, помощь прибыла туркам — 350 хорошо вооруженных солдат.

Наступала ночь, темная, безлунная, которая так была нужна болгарам. Отряд Ботева не досчитался 30 человек: убитых, тяжелораненых или просто исчезнувших. Тяжело ранены были очень близкие соратники Ботева Перо Македонец и Поп Савва. Но турки понесли гораздо более тяжелые потери и были вынуждены спуститься в долину для отдыха и ночлега.

К этому времени уже все турецкие силы были брошены против отряда Ботева. Во Вратце осталась лишь одна рота турецких солдат. Ночью около 200 вратчан собралось в церкви. Они хотели напасть на турок и их обезоружить, но сначала решили попросить помощи у Ботева и послали к нему делегата. Однако утром 19 мая прибыл в Вратцу грозный Хасан-паша, и все собравшие-

ся в церкви повстанцы, испугавшись, мирно разошлись по домам.

Ботев получил известие, что ночью присоединятся к его отряду 200 повстанцев из Верхней и Нижней Кремены. Посланные Ботевым два человека напрасно простояли на Косталевском мосту всю ночь: никто туда не явился.

Отряд Ботева, наконец, достиг массива Стара-Планины и заночевал на склоне Таушаницы, около известной хижины Мазната. Там они взяли нескольких ягнят, закололи их и, разделясь на две группы, двинулись по обоим склонам Таушаницы к Лесковским озерам. В живописной долине они расположились у источников, известных своей великолепной водой, зажарили ягнят и, основательно закусив, в первый раз за несколько дней заснули спокойно.

Тем временем Хасан-паша произвел во Вратце многочисленные аресты и рано утром 20 мая выступил в поход против отряда Ботева.

С раннего утра по распоряжению Хасан-паши черкесская конница преследовала по пятам отряд Ботева. Одновременно сам Хасан-паша во главе пехоты, взяв две пушки из Вратцы, стал подниматься на гору, чтобы отрезать Ботеву путь к самому сердцу Стара-Планины, где он сравнительно легко смог бы укрыться и где весьма трудно было бы его преследовать по крутым и извилистым тропам. Одновременно он послал свою конницу на восток от Челопека, чтобы отрезать болгарам и здесь путь к отступлению.

Повстанцы Ботева отдыхали около Лесковских источников. Ботев и его самые близкие соратники — Обретенов, Перо Македонец, Савва Пенев и еще несколько — собрались, чтобы обсудить положение и решить, что предпринять дальше. Ботев предложил перейти границу и укрыться в Сербии. Но Перо сильно противился этому: турецкая пуля раздробила ему колено всего два дня назад около Милина камня, и ему трудно было бы предпринять длительное путешествие. Он с большим трудом передвигался верхом на осле.

Во время их разговора Ботев привстал, чтобы осмо-

треться и убедиться, что его отдыхающей дружине не угрожает какая-либо опасность. Именно в этот момент с северной стороны раздался выстрел, и Ботев упал, сраженный насмерть вражеской пулей.

Глава двадцать седьмая

АМЕРИКАНЕЦ МАК-ГАХАН И ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1877-1878 гг.

Александр Второй с большой симпатией относился к американцам, силой оружия освободившимся от английского владычества. Известны весьма сердечные отношения царя с президентом Авраамом Линкольном, которого русский царь поддерживал в конфликте с Югом не только дипломатическим путем — стараясь противостоять Англии и Франции, заинтересованным в сохранении рабовладения в США, но и оказывая военную помощь, послав в Америку значительные силы русского флота и добровольцев офицеров-инструкторов, которые обучали солдат Севера. Линкольн не раз с благодарностью упоминал о поддержке русского царя. Когда в 1864 году Линкольн был снова избран президентом США, русский канцлер князь Горчаков отправил ему теплое поздравление от имени императора, а также выразил глубокое удовлетворение Александра, когда 9 апреля 1865 года армия южан капитулировала.

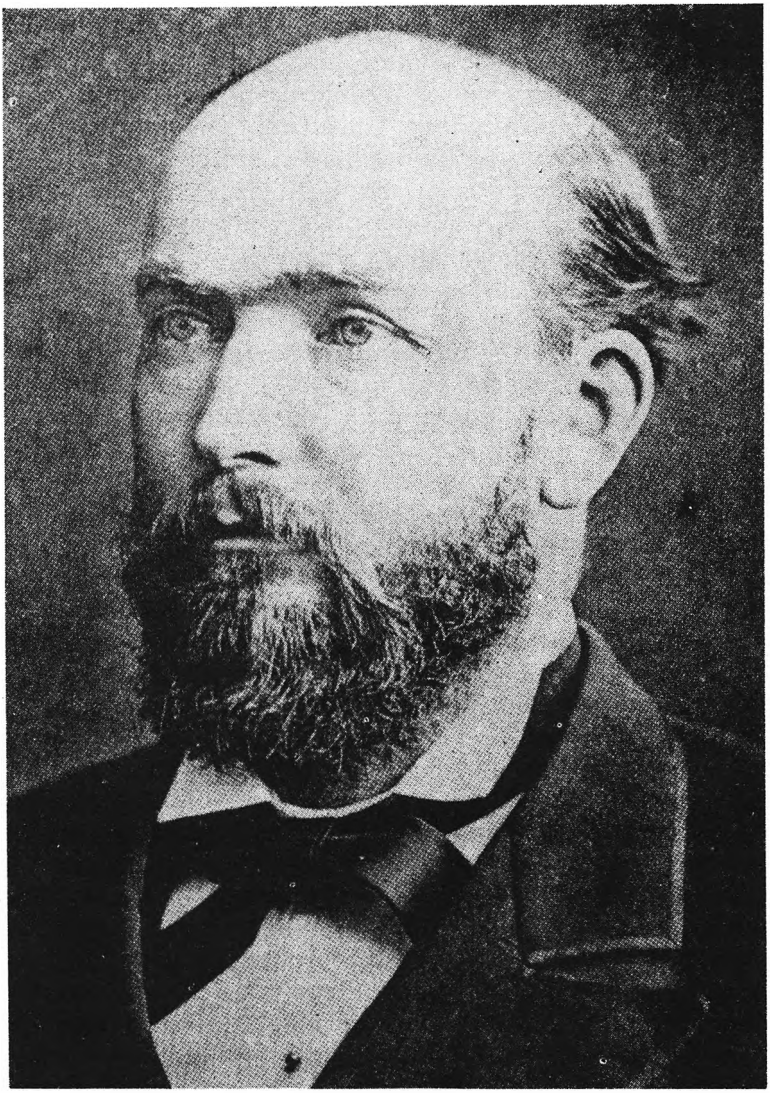
Вся прогрессивная американская молодежь Севера знала о посланных русским царем двух эскадрах и о прибывших в США русских офицерах-добровольцах для помощи северянам. Именно из-за этой проамериканской политики Александра, несмотря на значительную польскую эмиграцию в США и ее влияние на американскую политику, Америка осталась пассивной во время польского восстания в 1861-63 гг.

Отец Януария Мак-Гахана был выходцем из Ирландии, и вполне понятно, что он передал сыну стремление к независимости Ирландии и критическое отношение к

английской политике. Россия, которая считалась самым опасным соперником английского колониализма, для американцев ирландского происхождения, особенно для молодежи, была предметом симпатии и даже восхищения. Именно этим и объясняется дружелюбие молодого Мак-Гахана по отношению к России, русским и русскому царю, а вовсе не какими-то "коммунистическими" идеями, которые тенденциозно и преднамеренно стараются приписать ему сегодня болгарские и советские историки-марксисты. Коммунистом-марксистом Мак-Гахан никогда не был. С самого рождения воспитывался он в католической вере, в которой был крещен. Сам он как типичный интеллектуал и человек независимого характера не был особенно ревностным католиком, но все же соблюдал обряды и обычаи, в которых воспитала его глубоко религиозная мать.

Современные советские и болгарские историки-марксисты тенденциозно представляют Мак-Гахана участником Парижской коммуны, на самом деле был он лишь военным корреспондентом американской газеты "Нью-Йорк геральд" во время Франко-прусской войны 1870-71 гг. И если он и сочувствовал восставшим парижанам, которых на его глазах полицейские и версальские солдаты арестовывали, избивали и волокли в тюрьму, то лишь из присущего ему гуманизма.

Впрочем, рекомендованный царскому двору русским послом в Париже в качестве способного молодого журналиста-американца, т.е. более или менее нейтрального наблюдателя как Франко-прусской войны, так и восстания парижских коммунаров, он никогда не был бы допущен в окружение русского императора, если бы русские послы граф Бруннов или князь Орлов имели хоть малейшее сомнение в его благонадежности. Более того, если бы, как твердят марксистские историки, Мак-Гахан был действительно последователем Карла Маркса, он никогда не стал бы таким восторженным приверженцем императора Александра и русской политики, не принял бы высокие ордена, которыми царь его наградил за участие в войне за освобождение Болгарии 1877-78 гг. наряду с русскими героями — генералами Гурко и Ско-

Американский журналист Януарий Мак-Гахан (1844-1878)

белевым, с которыми Мак-Гахана связывало братство по оружию и личная дружба.

Наконец, как известно, Мак-Гахан женился на русской девушке из аристократической дворянской семьи — Варваре Николаевне Елагиной, с которой встретился в Ливадии, где император Александр со своей больной супругой проводил лето и осень 1871 года.

Вот что рассказывает сама Варвара Николаевна, тогда семнадцатилетняя аристократка, страстно полюбившая молодого американского журналиста.

"Наше знакомство, — пишет она, — произошло при весьма романтических обстоятельствах. Ехали мы с сестрой Наталией и Георгием Черняевым, который впоследствии женился на ней, в одной коляске. Направлялись мы в имение Черняевых, чтобы захватить шали для прогулки, когда вдруг три всадника промчались мимо нас галопом. Поравнявшись с нами, двое из них сняли свои военные фуражки, чтобы поздороваться, тогда как третий, штатский, не обратил внимания на нашу коляску..."

"...Были мы тогда на отдыхе в Ялте, — продолжает она, — гуляли между живописными горными склонами, сходящими к побережью Черного моря, лишь в нескольких километрах от Ливадии, крымской резиденции государя. Императрица Мария Александровна в это время была очень больна. Сам император Александр Второй часто гулял в красивых окрестностях Ялты. Иногда с ним гуляла его возлюбленная княгиня Долгорукова, на которой он женился девять лет спустя, после смерти императрицы. Никто из нашей семьи не занимал официального положения при императорском дворе... Здесь в Крыму я впервые встретилась с Мак-Гаханом. Он возвращался с Франко-прусской войны, в которой участвовал в качестве военного корреспондента "Нью-Йорк геральд". Был он весьма уставшим из-за встреченных в Дунайских княжествах трудностей, до своего прибытия в одесский порт. Были у него рекомендательные письма к губернатору Котцебу, который тогда находился в Ялте на службе при императорской фамилии. Губернатор предоставил ему двух адъютантов — князя Долгорукого

и князя Трубецкого, чтобы они показали ему окрестности и познакомили его с интересующими его личностями...”

Конечно, сам Александр требовал от своих приближенных внимательного отношения к приезжавшим в Россию американцам. Как раз в эти годы немало американцев посещали русскую столицу и нередко царь оказывал им особое внимание и даже давал специальные аудиенции. Так, в 1872 году Александр подолгу беседовал с известным американским генералом Вильямом Шерманом, с сыном президента Гранта, принял и пригласил на обед нового посла Соединенных Штатов Эндрю Куртина, которого нередко принимал и впоследствии. Узнав о приезде в Европу бывшего президента США Улисса Гранта, царь пригласил его к себе и долго беседовал с ним о жизни в Америке и о мировой политике. Неудивительно, что Александр заинтересовался и молодым американским журналистом.

Во время прогулки в окрестностях Ливадии Мак-Гахан вывихнул ступню, и доктор уложил его в постель на три недели. Впоследствии он с удовольствием вспоминал об этом времени. Около 27-летнего американца постоянно собиралась молодежь. Шампанское лилось рекой, шутили, спорили о политике. Здесь завязалась дружба между Мак-Гаханом и будущими участниками Освободительной войны. В этой среде была ”своей” и Варвара Николаевна. Слушая его рассказы о Франко-прусской войне и о Парижской коммуне, — а рассказчиком Мак-Гахан был великолепным, — семнадцатилетняя русская барышня влюбилась в молодого американца, а он полюбил ее и ее страну.

Скажу несколько слов об этой благородной, высокоморальной русской девушке, нашедшей свое жизненное призвание в браке с волевым американцем-идеалистом, который стремился служить страждущему человечеству. Варвара Николаевна Елагина была дочерью потомственного дворянина, юриста, дослужившегося до высокого поста — председателя гражданского губернского суда. Он рано овдовел и разослал своих семерых детей по лучшим в России закрытым учебным заведени-

ям. Однако, вероятно чтобы не чувствовать себя слишком сиротливо, оставил при себе младшую дочь, пятилетнюю тогда Варю. Он взял для нее гувернера-француза, человека весьма образованного и хорошо воспитанного, который, помимо французского языка, дал своей воспитаннице и другие солидные знания.

Елагины были на хорошем счету при дворе. Один из их предков — Иван Перфильевич Елагин, писатель и театральный деятель, — был сенатором при Екатерине и управлял столичными театрами. Заслужив благоволение императрицы, особенно ценившей людей искусства, этот прадед Варвары Николаевны получил от Екатерины родовое имение и триста душ возле Каширы.

Переехав вместе с царским двором из Крыма в Петербург, Мак-Гахан помогал американскому послу вести переписку между канцлером князем Горчаковым и Гамильтоном Фишем, государственным секретарем при президенте Улиссе Гранте. Варя, отлично владевшая французским, переводила письма канцлера с французского на английский и русский. Так, к примеру, они помогли уладить конфликт, возникший между президентом США и русским императором из-за какой-то бестактности русского посла Катакази и его крайне непопулярной супруги, англичанки по рождению, своим высокомерием постоянно раздражавшей вашингтонское общество.

Такое сотрудничество еще более сблизило молодых людей, и они стали серьезно подумывать о браке. Однако Мак-Гахан спешно был вызван в Женеву. Варя вспоминает: "Я уже намеревалась с сестрой Марией ехать в Швейцарию, чтобы обвенчаться с Мак-Гаханом в русской женевской церкви..." Но из Женевы он ненадолго поехал в Кельн проведать брата Августа, который там учился на юридическом факультете. В Кельне он неожиданно заболел, и Варвара Николаевна потеряла след своего жениха.

Они встретились через несколько месяцев в Париже, куда Мак-Гахан поехал по делам своей газеты. Варя только что стала совершеннолетней и получила паспорт. В Париже, уладив формальности, они обвенчались в русской церкви на рю Дарю. Однако, к великому огорче-

нию молодой жены, Джеймс Бенет, хозяин "Нью-Йорк геральд", "как только узнал о свадьбе, в ту же самую неделю вызвал Мак-Гахана в Лондон с намерением послать его в Африку искать пропавшего исследователя Ливингстона".

К счастью, вместо Африки, Бенет послал Мак-Гахана в Петербург, чтобы он присоединился в качестве корреспондента к русской экспедиции в Азии. Молодые супруги прибыли в русскую столицу весной 1873 года, Варя проводила мужа до Саратова, где он вместе со своим другом Юджином Скайлером и остальными участниками экспедиции отбыл в Центральную Азию.

"Я разболелась от отчаяния, — вспоминает Варвара Николаевна, — и поехала к сестре Марии в Москву, где прожила долгие месяцы в томительном ожидании писем от мужа... Так я промучилась все лето и, чтобы убить время, усиленно занималась английским языком. От Мак-Гахана изредка получала письма. Потом наступило долгое молчание. Целых два месяца я не получала никаких известий. Потом вдруг посыпались письма и телеграммы, а вскоре и сам он прибыл в Москву. Оттуда мы сейчас же выехали в Париж, а потом в Лондон, где оставались всю зиму и весну 1874 года... Мак-Гахан использовал эти месяцы относительного спокойствия, чтобы описать свое захватывающее пребывание в Центральной Азии. Однако Бенет отказался назначить его постоянным корреспондентом в Европе, он хотел всегда иметь его под рукой и посылать в любую страну, куда потребуют интересы газеты... Все время, пока Мак-Гахан писал свою книгу, он был без жалования. Мы были страшно возмущены отношением Бенета, который создал себе большую рекламу экспедицией Мак-Гахана, дал в его честь несколько ужинов, произносил тосты и даже подарил ему часы, которые, впрочем, муж так и не получил. Я убеждала его порвать с Бенетом, хотя бы временно, но он колебался, потому что ему необходимо было посылать деньги своей старой матери в Огайо, а также помогать брату Августу, учившемуся в Кельне... Как раз тогда получили мы распоряжение Бенета: он посылал Мак-Гахана сопровождать американский эскадрон, нахо-

дившийся в Ницце, на Кубу и описывать войну, происходившую там. Однако он не нашел на Кубе ничего интересного и в марте решил вернуться в Париж и навсегда расстаться с Бенетом... Мои доходы из России могли доставить нам средства для жизни на некоторое время. Этой же весной я продала мою часть наследства сестре Анне, это составило сумму около 1500 долларов, и в конце концов мой муж согласился, чтобы я участвовала в оплате счетов за проживание в гостинице... Мы поселились в Лондоне, и не хотели ни с кем встречаться, пока жили в бедном квартале. Мне казалось, что мы на краю нищеты, после жизни в самых хороших отелях...

Мак-Гахан закончил свою книгу о Хорезме, а я одновременно переводила ее на русский язык. Эту работу поручил мне Катков, издатель московского журнала "Русское обозрение". Этот мой первый серьезный перевод Катков напечатал тем же летом.

Тем временем Бенет опять начал искать Мак-Гахана, чтобы поручить ему военные корреспонденции о войне в Испании между Дон Карлосом и республиканцами. С этой целью переехали мы на испанскую границу и Мак-Гахан присоединился к армии Дон Карлоса. В июле я приехала к нему в Биарриц, откуда он посылал свои телеграммы в газету. Мы сняли маленький уютный и тихий дом — виллу "Лоран". Нашими соседями были Ротшильды и другие банкиры и богачи. В этом доме 13 августа 1874 года родился наш сын Павел (Поль). Корреспонденции Мак-Гахан писал на английском языке, я переводила их на французский, так как местный телеграф принимал их только по-французски. Оригиналы же я сохраняла и, прибавляя к ним мои собственные местные сведения, пересылала их переведенными на русский редактору петербургского ежедневника "Голос", который публиковал их через неделю после того, как они были напечатаны в "Нью-Йорк геральд". Так я начала свою журналистскую карьеру.

Однажды я пила кофе и читала утренние газеты в местной кофейне, когда мне попалось сообщение республиканцев, что Мак-Гахан арестован два дня тому назад из-за карлистского берета, который он носил. Его

подозревали в том, что он карлистский шпион. Я побежала в американское консульство. Там мне сообщили, что консулу это уже известно и что он уехал в республиканский лагерь, чтобы предотвратить казнь Мак-Гахана. Вернувшись домой, я нашла там мужа, весело игравшего с Полем, со смехом он рассказывал мне свое приключение, которое чуть не стоило ему жизни...

В начале 1875 года Бенет опять вызвал Мак-Гахана в Париж и предложил ему участвовать в качестве корреспондента "Нью-Йорк геральд" в полярной экспедиции, организованной им и леди Франклин. Целью этой экспедиции были поиски тела сэра Франклина и открытие нового пути к Тихому океану.

С мужем я рассталась в Лондоне. В июне он отплыл на "Пандоре". Мы с Полем уехали в Россию, остановившись по дороге в Варшаве у моей сестры Наталии, которая была замужем за генералом Черняевым. В Москве мы остановились у моей сестры Марии, у нее не было детей, и она была просто без памяти от моего Поля... В октябре получили мы телеграмму, что "Пандора" уже вернулась в Англию. Сейчас же с Полем и его кормилицей Жюстиной я выехала в Париж. Мой супруг стал уже известным писателем и мог обойтись без помощи Бенета. Мы сняли маленькую квартиру, обставили ее за три-четыре тысячи франков и надеялись прожить спокойно несколько лет, пока Мак-Гахан закончит свою новую книгу "Под северным сиянием".

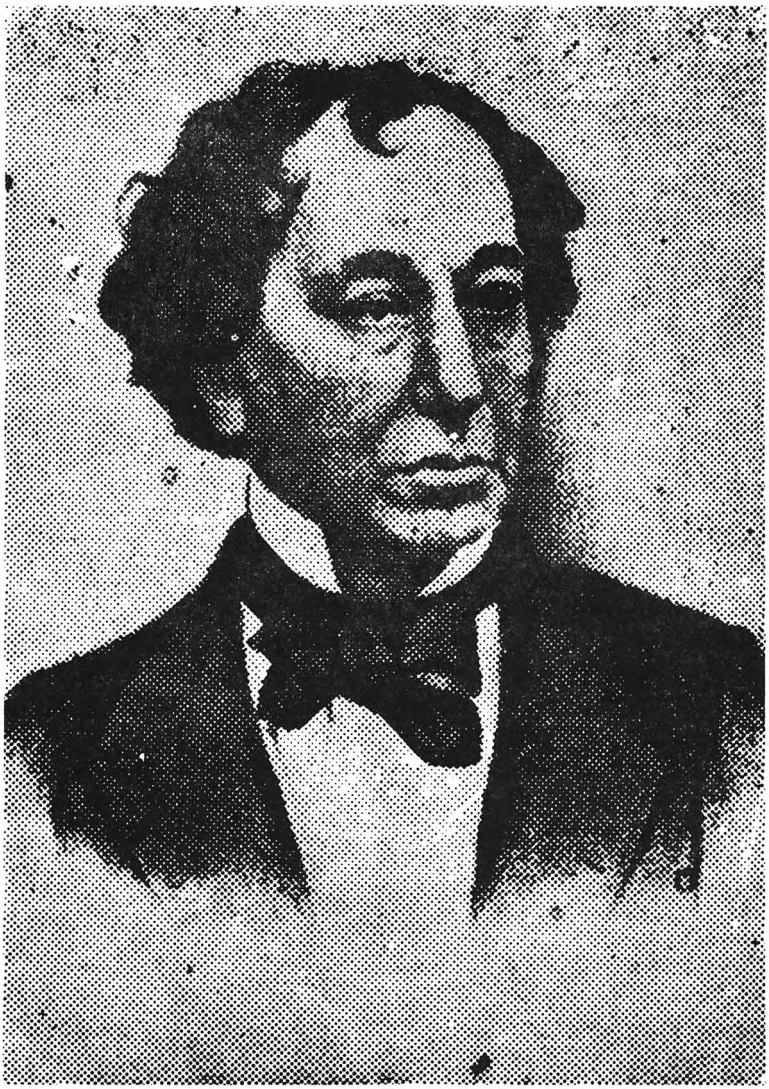
Я так подробно рассказал о жизни американского журналиста Януария Мак-Гахана, чтобы показать, насколько он отличался в действительности от того выдуманного образа, который создали советские и болгарские историки. На этого очень одаренного человека весьма положительное влияние оказала его женитьба на культурной русской девушке. Ко времени трагических болгарских событий 1876 года Мак-Гахан был уже журналистом с мировым именем. Именно поэтому его корреспонденции оказали колоссальное влияние как на русское, так и на западное общественное мнение, в том числе и английское.

В Париже Мак-Гахан заканчивал свою новую книгу

"Под северным сиянием". Весной 1876 года, как пишет Варвара Николаевна, до них стали доходить слухи о событиях в Болгарии, о неслыханных зверствах, учиненных турками при подавлении Апрельского восстания в Южной Болгарии.

Во второй половине 19 столетия западная пресса становится значительной общественной силой. Этому способствует прежде всего демократизация западного общества. Приобретает она влияние и в царской России, и в Турции, где широко развернулась деятельность американских протестантских миссионеров. Бывший протестантский американский миссионер д-р Сайрус Хэмлин благодаря значительным средствам, предоставленным ему богатым нью-йоркским торговцем Кристофером Р. Робертом, основал в Константинополе знаменитый Роберт-колледж, настоящий центр демократической западной культуры. При проходе кораблей через Босфор внимание пассажиров привлекало импозантное, монументальное здание Роберт-колледжа, которое гордо возвышалось в самом узком месте знаменитого пролива. В то время там уже было более 200 студентов-стипендиатов: турки, американцы, англичане, французы, немцы, русские и немало представителей христианских народностей Оттоманской империи — греки, армяне и, конечно, болгары, которые были на очень хорошем счету, прилежно учились и вызывали симпатии своих американских учителей скромностью и прилежанием. Преподавались им прежде всего европейские языки, и в первую очередь английский. Американский посланник Гораций Мейнард не раз в своих докладах в Вашингтон подчеркивал положительную роль этого миссионерского американского колледжа в Турции.

Студенты-болгары благодаря покровительству своих американских и английских учителей, имели значительные связи в константинопольских дипломатических кругах. Узнав о страшных турецких зверствах в Южной Болгарии, они, по совету своих учителей, обратились за защитой прежде всего к весьма влиятельному при турецком правительстве английскому послу сэру Генри Эллиоту, которого считали покровителем и защитником

Бенджамин Дизраэли, лорд Биконсфилд (1804-1881)

болгар перед султанским правительством. При этом их американские учителя честно им объяснили, что из-за турецкофильской политики королевы Виктории и ее канцлера Дизраэли помощи от английского посла ожидать нельзя. Именно они посоветовали болгарским студентам обратиться непосредственно к представителям мировой печати. Самыми активными покровителями болгар были миссионеры-учителя д-р Уошборн и д-р Лонг. Особенно возмущали королеву Викторию и ее канцлера Дизраэли публикации либеральной лондонской газеты "Дейли ньюс", осуждавшей протурецкую политику консервативного английского правительства. Английский посол в Константинополе сэр Эллиот в шифрованном докладе министру иностранных дел лорду Дерби 19 июля 1876 года сообщал: "Заявления "Дейли ньюс" взяты главным образом из информаций, предоставленных американскими миссионерами". Секретарь английского посольства Уолтер Бэринг добавляет: "Только американские миссионеры говорят по-болгарски. Нет здесь ни одного иностранца, кроме них, владеющего болгарским языком". Эти два свидетельства английских дипломатов в Константинополе красноречиво доказывают влияние американских миссионеров-учителей на их студентов-болгар и подчеркивают их роль в разгоравшемся мировом пожаре, в результате которого Александр Второй объявил войну Турции.

Небезынтересно проследить за тем, как либеральная мировая печать воевала с консервативным английским правительством Дизраэли-Дерби, так энергично поддерживаемым самой королевой Викторией.

Как только болгарские студенты получили от своих родственников и друзей из Южной Болгарии подробные сообщения о турецких зверствах и поголовном истреблении населения в Батаке, Перущице, Клисуре и других городках и селах на склонах Стара-Планины (Гемуса) и в долине Марицы, они прочли эти письма своим учителям д-ру Уошборну и д-ру Лонгу, которые играли руководящую роль в администрации Роберт-колледжа. Те, в свою очередь, пригласили к себе корреспондентов крупнейших английских, американских и других запад-

ных газет. Однако, надо отдать им справедливость, до встречи с американскими журналистами Эдвином Пирсом, его другом Януарием Мак-Гаханом и целой группой западноевропейских журналистов Лонг и Уошборн посетили английского посла Эллиота и подробно осведомили его о событиях в Болгарии. Эллиот отнесся к их сообщению весьма скептически и даже высказал мнение, что "все эти сплетни придуманы русскими агентами для очернения Турции". Именно после этой встречи миссионеры окончательно поняли и разъяснили своим болгарским друзьям, что "помощи и защиты от британского посла ждать нечего, ибо он умышленно отрицает факты и всеми силами старается не только скрыть их, но и оправдать правительство Порты в глазах английского "общественного мнения".

Эдвин Пирс, известный лондонский адвокат был другом главного редактора "Дейли ньюс" — Франка Хипи, который в октябре 1875 года назначил его постоянным корреспондентом своей газеты в Турции. Ему д-р Уошборн и д-р Лонг передали полученные от болгарских студентов материалы, которые отказался принять английский посол, боясь нарушить инструкцию премьера Дизраэли и министра иностранных дел Дерби. Итак, 16 июня, выйдя из кабинета Эллиота, они передали копию информации о зверствах турок в Болгарии двум авторитетным английским корреспондентам: представителю "Таймса" Галангу и представителю "Дейли ньюс" Пирсу. Однако редакция "Таймса", близкая к консервативному правительству Дизраэли, не решилась обнародовать их. Зато настоящей бомбой явилась их публикация в "Дейли ньюс" всего несколько дней спустя — 23 июня 1876 года. В английском Парламенте депутат У.Форстер вынес информацию "Дейли ньюс" на обсуждение своих коллег. Одновременно в Палате лордов о них сообщил герцог Арджил. В обеих Палатах статья Пирса подняла настоящую бурю возмущения против попыток правительства "скрыть истину от английского народа". Любопытно, что представители обеих партий — и консерваторы, и либералы — одинаково критиковали правительство Дизраэли и требовали его

отставки. Выступая в парламенте, премьер-министр пробовал отрицать факты, называл их "слишком преувеличенными и даже не соответствующими истине..."

Тогда Пирс предложил создать правительственную комиссию для расследования изложенных им фактов. Робинсон, один из руководителей газеты, назначил Януария Мак-Гахана специальным корреспондентом и возложил на него миссию посетить все упомянутые болгарские села и расследовать факты на месте.

Мак-Гахан со своим другом Юджином Скайлером, американским генеральным консулом в Константинополе, немедленно посетил графа Игнатьева, русского посла, и сообщил ему о турецких зверствах в Болгарии и попытках английского посла Эллиота скрыть эту информацию от английского общественного мнения. Мак-Гахан и Скайлер обещали графу Игнатьеву и его сотруднику князю Церетели предоставить русскому посольству в Константинополе все документы о турецких зверствах в Болгарии в 1876 году, которые им удастся собрать. Несомненно, именно эта важнейшая инициатива Мак-Гахана и Скайлера обеспечила вмешательство императора Александра Второго в болгарские дела и перевес английского общественного мнения в сторону болгар и их русских освободителей. Зная все эти внутренние английские противоречия, Александр со своими сотрудниками мог не только правильно ориентировать общественное мнение России, но и успешно влиять на общеевропейские настроения и даже на английских либералов. Сам лорд Гладстон, соперник и успешный критик реакционной протурецкой политики премьера Дизраэли, выступая на митингах по всей стране, цитировал статьи Мак-Гахана. Он издал две брошюры "Болгарские ужасы и восточный вопрос" и "Уроки по массовым убийствам", полностью основанные на материалах статей Мак-Гахана. Сама королева Виктория, потрясенная корреспонденциями Мак-Гахана, записала в своем дневнике 23 августа 1876 года, что "последние новости причиняют ужасное возбуждение и возмущение". Первую корреспонденцию Мак-Гахана сам Пирс переслал в Лондон, но не по турецкому официальному телеграфу из Констан-

тинополя — он был более чем уверен, что турецкое правительство не пропустит телеграмму, — а поручил это специальному курьеру, который в тот же день выехал в Бухарест и оттуда по телеграфу передал ее в Лондон. 22 августа корреспонденция без каких-либо сокращений или изменений была напечатана в "Дейли ньюс". Так одна за другой появились десять статей Мак-Гахана под следующими заголовками:

"Вниманию английской дипломатии" — Пловдив, 28 июля 1876 г.

"Во имя Человека" — Пещера, 1 августа 1876 г.

"Батак: долина смерти и люди без слез" — Пазарджик, 2 августа 1876 г.

"Панагюрище: со знаменем в руках все возможно" — Пловдив, 10 августа 1876 г.

"Перущица в пламени" — без даты.

"Кровь вопиет..." — 16 августа 1876 г.

"Несобранные розы" — Пловдив, 20 августа 1876 г.

"Турецкий суд" — Пловдив, 10 августа 1876 г.

"Образцовый болгарский город" — Тырново, 15 августа 1876 г.

"Заблуждение" — Бухарест, 22 августа 1876 г.

Как видно, "Дейли ньюс" дает корреспонденции Мак-Гахана не в хронологическом порядке, а по мере посещения автором этих городков и сел, чтобы дать своим читателям почувствовать впечатления пишущего, сохраняя таким образом историческую достоверность этих материалов. Уже через два дня после первой публикации "Дейли ньюс" сообщила, что редакцию буквально захлестнул поток писем. Писали представители всех слоев английского общества из всех областей страны. Успех корреспонденций молодого американского журналиста (ему едва исполнилось 30 лет) был огромным. Этими своими репортажами о маленькой забытой Западом стране, которая уже в девятом веке создала первое славянское государство, первую славянскую церковь, признанную Римом и Константинополем, и первую славянскую письменность и литературу, — он просто возвращал ее к жизни. Несомненно, этот очень одаренный американец симпатизировал болгарам, потому что

судьба болгар, порабощенных турками, казалась ему схожей с судьбой собственного народа, страждущего под гнетом чуждой ему протестантской Англии. Именно поэтому, а не из-за каких-то несуществующих левых "коммунистических" убеждений всеми силами помогал он болгарам. Следуя внушениям и советам своего покровителя и друга посла императора Александра Второго в Турции графа Игнатьева, он взял с собой в это весьма рискованное путешествие генерального американского консула Юджина Скайлера, переводчиком которого был болгарский юноша воспитанник Роберт-колледжа Петр Димитров, рекомендованный на эту работу своими учителями.

Конечно не случайно в типографии В.Тушкова вышла на русском языке брошюра Мак-Гахана "Зверства в Болгарии" — перевод с английской брошюры, которую издала "Дейли ньюс" в сентябре 1876 года, — это был сборник его статей о Болгарии. В предисловии Юджин Скайлер подтверждал абсолютную достоверность всех сведений.

Петр Димитров в своих мемуарах рассказывает: "Как только мы вернулись из Батака в Пазарджик, Мак-Гахан отправил в газету "Дейли ньюс" длинную телеграмму, в которой он так трогательно и с таким чувством описал трагические события в Батаке, что мы оба, г-н Скайлер и я, не могли удержать слезы. Эта корреспонденция Мак-Гахана произвела громадное волнение как в целой Англии, так и во всей Европе..."

Современники свидетельствуют, что по всей Англии, по селам и городам, в домах и поездах и даже на службе люди с жаром читали и передавали друг другу корреспонденции Мак-Гахана из Болгарии. Множество частных лиц перепечатывали и размножали на свои личные средства отрывки и целые статьи. 26 августа некто Оберон Херберт отпечатал отдельной брошюрой корреспонденцию Мак-Гахана из Батака под заглавием: "Преступления в Болгарии: последние истинные подробности" и распространил ее в графстве Хэмпшир.

Остановлюсь на некоторых подробностях путешествия Мак-Гахана по опустошенной, ограбленной и сож-

женной турками Болгарии, которое этот блестящий журналист так драматично описал в своих десяти корреспонденциях.

Викторианская пуританская мораль особенно чувствительна к таким преступлениям против гуманности, как убийство детей и женщин, насилие и грабежи. Журналист-американец, воспитанный на христианских принципах Америки, со слезами на глазах вошел в церковь большого болгарского села Батак: "Маленькие, кудрявые головки видны здесь среди гниющей массы человеческих тел, раздавленных тяжелыми каменными глыбами. Маленькая ножка, величиною с палец, еще не успевшая разложиться и сильно высохшая от ужасной жары, маленькие детские ручки, протянутые и как будто молящие о помощи, младенцы, которые умерли среди стонов ужаса и страдания, юные девушки, погибшие в слезах и рыданиях, моля о милости, матери, умершие, пытаясь заслонить своими немощными телами крошечных детей. Все они лежат здесь вместе, в одной ужасной массе. Теперь они умолкли навсегда. Нет слез, нет рыданий, нет стонов ужаса, нет просьб о пощаде.

Пшеница гниет в полях, а жнецы гниют здесь, в церковном дворе..."

Мы легко можем себе представить, как сильно действовало это описание на современников. Десятки дошедших до нас дневников — а было их, наверное, сотни, передают эти впечатления. Многие историки приводят свидетельство видного английского публициста Вильяма Стеды (1849-1912), который записал свои впечатления, когда 22 августа прочел в "Дейли ньюс" очерк Мак-Гахана о посещении Батака: "...Этот послеобеденный час был ужасен для меня... Какая-то сила раздирала меня на куски и просто скручивала мое сознание — я весь дрожал от ужаса и слез... Когда я пришел в себя, я решил посвятить себя болгарскому делу и не предпринимать ничего другого, пока не исполню своей миссии..." Он перепечатал корреспонденции Мак-Гахана в своей газете "Северное эхо", и очень скоро эта провинциальная газета Дарлингтона возглавила движение англичан за освобождение Болгарии от турецкого рабства.

Популярный либеральный политик Гладстон был выразителем этого общенародного движения против туркофильской политики премьера Дизраэли, обвинив его в тенденциозном и искаженном освещении фактов и сокрытии истины от народа. На массовых митингах обеих партий — либералов и консерваторов — одинаково клеймили политику Дизраэли и Дерби.

В английских архивах сохранились письма Дизраэли к своему министру иностранных дел лорду Дерби, в которых премьер горько жалуется на дезинформацию, исходящую от английского посла в Константинополе лорда Эллиота о турецких зверствах в Болгарии, утверждая, что он скрыл доклады Рейда, английского консула в Русе и консула в Андрианополе Дюпюи, подтверждавших турецкие преступления в Болгарии. Дизраэли даже пожаловался самой королеве Виктории, что Дерби целых две недели скрывал от него эти материалы, что поставило его в крайне неприятное положение в Парламенте во время прений по поводу турецких зверств в Болгарии на сессиях 26 июня, 31 июля, 11 и 17 августа. Виктория, всегда весьма расположенная к Дизраэли, постаралась утешить своего премьера, наградив его, несмотря на критику со стороны Парламента и прессы, титулом лорда Биконсфилда.

В этом поединке с Дизраэли-Дерби Мак-Гахан одержал блестящую победу. После статей Мак-Гахана в "Дейли ньюс" правительства нескольких европейских стран и США организовали комиссии, которые пришли к тождественным с Мак-Гаханом выводам по вопросу о турецких зверствах в Болгарии.

Английское правительство дало указание своему секретарю посольства в Константинополе Уолтеру Берингу провести анкету. Конечно, как и следовало ожидать, Беринг, не зная ни болгарского, на даже турецкого языка, оказался всецело в руках прикомандированного к нему секретаря-переводчика Гуарчино, чиновника восточного отдела министерства, известного своим туркофильством. Его доклад явно отвечал предварительным инструкциям министерства, уже во вступлении к нему утверждалось, что Апрельское восстание 1876 го-

да было организовано русскими агентами и болгарами, состоящими на русской службе. Важно отметить, что, кроме этих голословных утверждений, Беринг и его помощник не смогли представить ни одного доказательства своей правоты.

Пруссия послала в Болгарию специального представителя д-ра К.Шнайдера, который в своих выводах подтвердил изложенные Мак-Гаханом факты о турецких зверствах. Весьма важны заключения Юджина Скайлера, американского генерального консула и первого секретаря посольства США в Турции. Известно, что в первом путешествии Мак-Гахана он всюду сопутствовал ему, это придавало миссии Мак-Гахана официальный характер, делало его представителем нейтральной, притом великой страны Запада, что гарантировало неприкосновенность Мак-Гахану. Позже посол США в Константинополе поручил Скайлеру составить отчет. Данные его доклада весьма конкретные: он указывает число убитых жителей Батака, включая женщин и детей — 5 тысяч человек. Он утверждает, что в этом большом болгарском селе "погибло больше всего женщин и детей в церкви и в церковном дворе, где они были сожжены живыми или зарезаны башибузуками, хотя восставшие болгары не убили ни одного турецкого ребенка и ни одной турецкой женщины..." Скайлер определяет и общее число убитых турками болгар — "не менее 15 тысяч человек в посещенных мною болгарских областях".

Во второй раз Мак-Гахан посетил Болгарию уже один. Его супруга Варвара Николаевна вспоминает, что во время этого второго путешествия по Болгарии, "когда Мак-Гахан уезжал из болгарских сел, женщины, дети и даже мужчины целовали его руки и умоляли помочь им.

— Не пройдет и года, — говорил он им, — и вы увидите меня здесь с русской армией..."

Эти его слова знаменательны, они указывают, что он был весьма хорошо осведомлен о готовящейся войне. Они доказывают также, что Мак-Гахан превосходно разбирался в международной политике.

Несокрушимой логикой и правдой веет от писем

Мак-Гахана, в которых он нередко обращается лично к премьеру Дизраэли или к послу Виктории в Константинополе Эллиоту, с убийственными фактами в руках обвиняя их и министра иностранных дел Дерби в умышленном искажении истины, целью которого было желание спасти Оттоманскую империю от справедливого возмездия.

В своем письме от 2 августа 1876 года Мак-Гахан пишет: "...Как только приблизились мы к Батаку, увидели, что колосья ржи и пшеницы, зрелые и перезрелые, сломленные под тяжестью золотистых зерен, лежали на земле... Весь урожай гнил на полях, и нигде не было видно людей, которые пришли его спасать... Стаи собак, скитающихся по склонам холмов, привлекли наше внимание... Они с яростью лаяли на нас, но как только мы приближались, разбегались по окрестным полям... Сидя в седле, я не заметил ничего особенного, но вот лошадь моя споткнулась, и, посмотрев вниз, увидел я, что она ступила на человеческий череп, отчасти скрытый в траве. Череп совсем высох и был так обглодан собаками, что можно было подумать, будто он лежит тут уже два-три года... Через несколько шагов увидел я другой череп, а около него часть скелета, также высохшего и белого. Чем выше поднимались мы по холму, тем больше встречалось нам человеческих костей, скелетов, черепов... Но здесь уже не были они так старательно обглоданы — куски высохшей, полугнилой человеческой плоти еще торчали на этих костях... Не было видно ни одного уцелевшего дома, ни одной уцелевшей стены..."

Подробно описав все эти ужасы, Мак-Гахан продолжает: "...Турецкие власти не утверждают, что были убиты и турки или даже что жители оказали какое-либо сопротивление. Ахмед-ага, который руководил бойней, прибыл с башибузуками и потребовал, чтобы было сдано все оружие. Жители сначала отказались, но все же согласились сдать все оружие регулярным войскам или каймакамину (главному приставу) Пазарджика, Ахмед-ага не согласился на это и продолжал требовать, чтобы все оружие было передано ему и его башибузукам. Все

же после значительных колебаний и переговоров жители согласились на это требование".

Мак-Гахан рассказывает, что по мере приближения к центру когда-то цветущего села, ему и его спутникам все чаще попадались груды человеческих черепов и скелетов: "И вот приблизились мы к церкви и школе. Земля здесь покрыта человеческими скелетами, на которых еще висят куски плоти и клочья одежды. Все это ужасно. Школа на одной стороне дороги, церковь — на другой. Если судить по торчащим остаткам стены, школа была обширной, красивой постройкой на 200-300 детей. Под грудами камней и мусором, который покрывает пол на несколько футов, лежат кости двухсот женщин и детей, сожженных живыми в эти четырех стенах. Рядом со школой в широкой, неглубокой яме через две недели после бойни были погребены сто человек... Но собаки разрыли ее. Вода теперь наполняет эту яму, и она представляет собой ужасный резервуар, полный плавающими или торчащими из грязи человеческими останками... Нам сказали, что только здесь, в этом маленьком церковном дворе лежат три тысячи человек, и мы легко верим этому. Это было ужасное зрелище, которое нельзя забыть и которое будет преследовать нас всю жизнь..."

Мак-Гахан заканчивает свои корреспонденции из Болгарии ужасающей статистикой, опровергающей все заверения Дизраэли, лорда Дерби, лорда Генри Эллиота и их пристрастных доверенных — секретаря посольства Беринга и других. Правдивость слов Мак-Гахана подтверждает и Юджин Скайлер. Вот эти факты: от 30 до 60 сел сожжены, разграблены, сравнены с землей турками, от 12 тысяч до 30 тысяч болгар убиты, в том числе более половины женщин и детей.

Значение этих корреспонденций американского журналиста поистине колоссально для истории Болгарии: этими своими свидетельствами он поставил перед мировой общественностью неотложный вопрос о спасении из-под гнета отсталой и дикой Оттоманской империи славянского христианского народа. Мак-Гахан как бы воскресил и вернул к жизни болгарский народ, который жаждал независимости и свободы после пятивекового

рабства. В этом своеобразном поединке с консервативным английским правительством Януарий Мак-Гахан одержал блестящую победу. Как бы громадная каменная глыба, преграждавшая дорогу армиям Александра к Дунаю и Константинополю и к освобождению Болгарии была сдвинута Мак-Гаханом.

В.И. Немирович-Данченко, современник Мак-Гахана, бывший тогда русским военным корреспондентом, пишет по поводу его ранней смерти: "Мак-Гахан прибыл в начале войны и был с нами в Сан-Стефано, где был объявлен мир... Навсегда останутся воспоминания о честном и талантливом человеке, который любил Россию и ей служил..."

Беспристрастный историк не может не признать, что Мак-Гахан действительно любил Россию и ей служил, но еще более любил он и служил Болгарии и болгарскому народу.

* * *

20 ноября 1876 года инициативы императора Александра, объявленные им через его посла в Турции графа Николая Павловича Игнатьева, были поддержаны всеми великими державами, в том числе и Англией. Великие державы потребовали от Турции признания болгарского языка официальным во всей Оттоманской империи на землях, населенных болгарами, что определялось согласно фирману 1870 года, в котором правительство султана признавало болгарскими землями под юрисдикцией болгарского экзарха все земли, населенные болгарами, включая Македонию, Фракию и Нишскую область. Все болгарские области должны были быть административно организованы в две независимые провинции под властью двух губернаторов-христиан, назначенных султаном, которые управляли бы своими провинциями с помощью выбранных жителями "народных представителей", образующих при обоих губернаторах два отдельных "народных собрания", играющих роль парламентов подобно западноевропейским. 11 декабря состоялось первое заседание представителей великих держав со-

вместно с турецкими уполномоченными, которые приняли эти предложения.

Глава двадцать восьмая

РОССИЯ И БОЛГАРИЯ ПЕРЕД ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНОЙ 1877-78 гг.

Уже в 1811 году адмирал Павел Васильевич Чичагов, главнокомандующий Дунайской армией и Черноморским флотом, и генерал-губернатор Молдавии и Валахии, хорошо знакомый с положением Оттоманской империи на Балканском полуострове, докладывал императору Александру Первому, что Россия сможет победить турок, если побудит болгар к восстанию. Николай Первый, хотя и хорошо понимал стратегические выгоды всенародного восстания болгар, не хотел их к этому подстрекать, связанный традициями Венского конгресса, тем более, что сам он оправдывал перед Западом свои войны с Турцией именно тем обстоятельством, что она легко может стать ареной восстаний и подтолкнет к революционным событиям Западную Европу.

Император был ярым противником любых восстаний против законных властей, и когда русская армия находилась под Силистрой и была готова переправиться через Дунай, а болгары были готовы начать общее восстание в помощь России, им было объявлено русским главнокомандующим, что "император не желает, чтобы болгары восстали".

Известный сторонник панславизма, историк Михаил Петрович Погодин в своих "Историко-политических письмах", которые не могли быть напечатаны в канун Крымской войны, но переписывались и передавались славянофилами, резко критиковал политику Нессельроде, искавшего союзников на Западе и забывшего "своих естественных союзников на Востоке — славян, которых насчитывалось 10 миллионов в Австрии". "И если Россия не сумеет привлечь к себе славян, а допустит, чтобы

их привлекли западные государства, — писал он, — она будет иметь против себя не одну, а десять Польш...” И Погодин заключает: ”Следовательно, не излишняя сентиментальность, а здоровый политический нюх диктует России эту политику. И это является в настоящее время необходимым, тем более, что в Сербии, Болгарии и Боснии существуют партии, которые тяготеют к западным силам...”

”Только турецкие славяне, — писал Погодин специально о болгарах, — одни могут предоставить двести тысяч или больше войск! Лишь укажите им прекрасную, святую цель их освобождения от непереносимого чужеплеменного ига, под которым они стонут 400 лет, умейте руководить их живыми, восторженными, могучими силами, и увидите, какие чудеса они постигнут...”

Впрочем, говоря о своих планах войны против Турции, сам император Николай Первый писал князю Михаилу Семеновичу Воронцову, бывшему генерал-губернатору Новороссии, наместнику Бессарабии и фельдмаршалу империи: ”...В последнем фазисе войны надлежит действовать наступательно... в этом отношении большую помощь могут оказать болгары и сербы, особенно, если военные действия будут вестись около Видина... И если Турция не отступит после взятия этого города, тогда начнется последний, четвертый период войны. Ему будет предшествовать восстание однокровных и одноверных нам народов, которые присоединятся к нам после нашей декларации, что мы прибыли, чтобы избавить их от турецкого ига... Мы не будем продолжать наступление, как лишь если народное восстание за независимость примет самый обширный и всеобщий размер, и без этого общего содействия мы не должны идти вперед: борьба должна вестись между христианами и турками, и мы будем им в виде резерва... Тогда останутся ли далее Англия и Франция нам враждебными?..”

Александр Второй, который в последние годы жизни отца принимал самое деятельное участие в управлении, конечно, был в курсе всех этих дел и сам был убежден в необходимости освобождения болгар и привлечения их к русской политике объединения всех славян под

скипетром России. Именно потому принимал он впоследствии такое деятельное участие в этом вопросе, как дипломатическое, так, позднее, и военное.

Болгарская Православная Церковь в продолжение многих веков, с самого основания болгарского государства, играла первостепенную роль в объединении и сплочении народа вокруг монарха. Древние болгарские государи Первого и Второго Болгарских царств полностью сознавали эту роль и именно из-за этого всеми силами старались освободить болгарскую Церковь от чужих влияний (как от Рима, так и от Константинополя), считая главной задачей своей государственной политики сохранить национальный и независимый характер Церкви. Именно из-за этой особенности болгарская Церковь существовала лишь одновременно с болгарским государством, и когда внешние силы пресекали его независимое существование, переставала жить и она. При уничтожении Византией Первого и Второго Болгарских царств завладевшие Болгарией византийские императоры неизменно ликвидировали болгарскую Церковь и, уничтожив болгарское национальное духовенство, заменяли его греческим под властью константинопольского патриарха. Назначаемые им на все кафедры в болгарских землях митрополиты и епископы прежде всего старались денационализировать болгарскую Церковь, ибо главной их задачей была эллинизация болгарского народа через греческий язык, введенный в богослужение.

В самый год турецкого завоевания и окончательного присоединения к Оттоманской империи всех болгарских земель был согнан со своей Тырновской кафедры последний болгарский патриарх Евфимий, окончивший свою подвижническую жизнь в заточении. Константинопольская патриархия заместила его одним из своих греческих провинциальных митрополитов... Позднее, уже в 18 веке, константинопольский патриарх, ставший послушным чиновником султана и пользовавшийся его полным доверием, уничтожил Охридское болгарское архиепископство и Ипекскую патриархию, последние оплоты болгарской церковной независимости. С тех пор во всех болгарских землях господствовали греки. Турки,

для которых понятия национальной гордости других народов вообще не существовало, легко согласились поддерживать верного им константинопольского патриарха. Таким образом, порабощенные болгары испытывали двойной гнет.

Среди греческих ставленников еще больше, чем среди турок, с самого начала развилась необузданная коррупция; все духовные должности — от патриаршего сана — продавались константинопольским патриархом. Болгарскими митрополитами и епископами часто назначались обыкновенные торгаши, даже неграмотные, просто купившие сан. Несомненно, они выжимали деньги из рядовых священников и несчастных болгарских мирян. Именно это отношение к болгарской пастве окончательно отчуждало болгарский народ от греческих пастырей.

Очень редко болгарам удавалось собрать необходимые средства, чтобы купить у константинопольского патриарха епископскую кафедру. Одним из первых таких болгарских епископов был знаменитый болгарский писатель Софроний, ставший епископом в болгарском городе Вратце. Будучи священником, он сумел скопить средства, чтобы приобрести епископат у митрополита-грека. В своем труде "Житие и страдания грешного Софрония" (1804) он описал свою жизнь и призвал своих соотечественников к просвещению и к сопротивлению греческому духовенству, а также к развитию своего родного болгарского языка.

Его идейным предшественником был монах Хилендарского монастыря на Афоне Паисий Хилендарский, написавший в 1762 году свою "Историю славяно-болгарскую" на простонародном болгарском языке. Этот труд дошел до нашего времени в многочисленных списках. В нем Паисий обращался к национальному сознанию болгар и призывал их бороться за освобождение.

Этому возрождению болгарского национального сознания, несомненно, больше всего содействовало само греческое духовенство, отличавшееся грубым материализмом, полной аморальностью и невероятным невежеством.

Национальное сознание болгар зрело на протяжении

всего 19 века. Впрочем, это характерно и для других балканских народов: в 1804, 1815 и 1821 годах в бывшей могучей Оттоманской империи, теперь постоянно побеждаемой Россией, произошли крупные восстания греков и сербов. Султаны Селим Третий, Махмуд Второй и Абдул-Меджик под напором этих внутренних потрясений и во избежание общего восстания подвластных им христианских народов старались провести реформы и дать некоторые права своим христианским подданным, но это не внесло существенного улучшения в жизнь порабощенных народов. Жители города Вратца, возмущенные алчностью греческого епископа Мефодия, в 1820 году отказались платить ему церковный налог и прогнали его. В 1827 году по тем же причинам жители Тырнова прогнали митрополита Иллариона Критского. Стихийные движения и требования заменить болгарами греков-епископов начались в Скопие, Самокове, Старой Загоре, Новой Загоре, Казанлыке и пр.

Важную роль в этом национальном движении против греческого духовенства сыграли пламенные болгарские патриоты, борцы за независимую болгарскую Церковь монах Неофит Бозвели и Илларион, ставший впоследствии одним из первых болгарских епископов. Он был рукоположен греческим патриархом под именем Иллариона Макариопольского.

Столица Оттоманской империи была огромным экономическим центром, и многие болгары съезжались в Константинополь, надеясь получить заработок. Торговцы, ремесленники, работники — а болгары слыли лучшими и способнейшими мастерами — с начала 19 столетия приезжали в турецкую столицу, поощряемые турецким правительством, которое сознавало, что их труд способствует процветанию города. Так в Константинополе образовалась многолюдная, влиятельная болгарская община. По данным русской дипломатии времен Александра Первого, Николая Первого и Александра Второго, в Константинополе жило более 30 тысяч болгар — зажиточных торговцев и процветающих ремесленников, а также и разных работников. Многие из них, успев собрать значительное состояние, мечтали организовать

свою национальную Церковь, при которой могли бы они, как и греки, армяне и другие народы, иметь архиереев и священников, совершающих службу на их родном болгарском языке.

Понимая значение этого болгарского центра в самом сердце Оттоманской империи, бежали сюда из заточения духовные вожди болгар Неофит Бозвели и Илларион — будущий епископ Макариопольский (из-за интриг патриарха они были арестованы и сосланы в Афонские монастыри). Здесь под самым носом патриарха развили они необыкновенно результативную деятельность в пользу независимой болгарской Церкви. Они привлекали в турецкую столицу многих недовольных своими греческими епископами болгар, писали за них прошения великому визирю и патриарху, настоятельно требуя увольнения греческих епископов и замены их болгарскими кандидатами. Патриарх своими обычными методами — интригами и подкупом — сумел добиться у турок нового заточения Неофита и Иллариона в Афонские монастыри, на сей раз с более суровым режимом. Неофит скоро умер, но более молодой Илларион выжил и продолжил начатую ими борьбу.

Впрочем, в Константинополе уже создалось мощное движение последователей этих первых борцов за независимую Церковь: богатые, влиятельные торговцы и ремесленники, болгарская интеллигенция включились в борьбу за национальные интересы своего народа. В 1849 году у болгар была уже своя большая и богатая церковь Св. Стефана, названная так в честь потомка епископа Софрония Вратчанского, князя Стефана Богориди, имевшего большое влияние на турецкое правительство.

Крымская война была огромным событием для живущих в пределах Оттоманской империи болгар. Основной целью русской политики по отношению к Оттоманской империи до этого времени было сохранение единства православия, поэтому Россия поддерживала власть константинопольского патриарха, а русские посланники при султанском дворе старались обуздать национализм болгар.

В своем стремлении ограничить влияние побежден-

ной ими России, Англия и Франция, учитывая связи русских с болгарами и греками, стали теперь поощрять те стремления, которые шли вразрез с прежней русской политикой. И именно из-за этой перемены политики Англии и Франции по отношению к болгарским требованиям, прежде сдерживаемым Россией, теперь создались реальные возможности для их осуществления.

Под влиянием Англии и Франции султан Абдул-Азиз 18 февраля 1856 года провозгласил равноправие всех подвластных Порте народов, как магометан, так и христиан. Кроме чисто гражданских установлений, этот акт предусматривал и реформу христианской Церкви. Поощряемые Англией и Францией, живущие в Константинополе болгары в начале 1856 года подали петицию султану Абдул-Азизу от имени 6 миллионов 400 тысяч болгар с требованием предоставить им независимость, право организовать свою национальную Церковь и свою патриархию. Следует отметить именно это симптоматичное обстоятельство: в своей петиции болгары требовали одновременно признания их самостоятельным народом и предоставления им права иметь свою болгарскую патриархию, независимую от греческого патриарха.

По своему обыкновению, константинопольский патриарх начал интриговать против болгар, представляя их султану, Англии и Франции как проводников русской политики и панславизма, русскому же посланнику Титову он характеризовал их как орудие западных врагов России и православия. Следствием этих интриг было появление как при самом султанском дворе, так и на Западе, а также и в России, враждебных болгарским претензиям настроений, встреченных с одинаковым подозрением и недоверием повсюду.

Правительство ответило болгарам уклончиво, обещая лишь, и то в весьма неопределенной форме, удовлетворить их требования в отношении назначения некоторых болгар на епископские кафедры. Со своей стороны, Новиков, тогдашний русский посол в Константинополе, категорически заявил болгарам, что Россия ни в коем случае не будет поддерживать их крайние требования о самостоятельной болгарской патриархии и об от-

делении от юрисдикции константинопольского патриарха. В самой России виднейшие приверженцы панславизма, например, профессор М.Погодин, и высшее духовенство также высказались против основания отдельной и независимой болгарской патриархии. Только Борис, митрополит Одесский и Херсонский, открыто поддерживал болгар.

Однако впоследствии эта оппозиция болгарским требованиям в России изменилась перед лицом успеха католической пропаганды и униатского движения, особенно когда Папа Пий Девятый рукоположил болгарского архимандрита Иосифа Сокольского в архиепископы и назначил его предводителем объединенной с Римом болгарской униатской церкви. После 1860 года император Александр Второй, весь русский Синод во главе с московским митрополитом Филаретом, канцлер князь Горчаков и все члены правительства стали поддерживать мнение Бориса, митрополита Одесского и Херсонского и явили согласие даровать болгарам самостоятельную Церковь, однако при условии, что они не порвут связи с константинопольским патриархом и будут в каноническом единении с ним.

Александр не раз говорил Игнатьеву, которого уже давно готовил на пост своего посла в Константинополе, что его большой заслугой будет, если он добьется мира между болгарами и патриархом — сумеет получить от патриарха согласие на назначение в болгарских землях митрополитами болгар, а болгарских вождей убедит отказаться от своих максималистских требований о самостоятельной, независимой патриархии.

Хорошо ориентированный во всех этих вопросах еще будучи наследником престола, император Александр просиживал целыми ночами с Игнатьевым над докладами Титова, Новикова и других русских послов в Константинополе, определяя болгарам главенство на Балканах и предвидя в них лучших и самых надежных союзников.

Новая прозападная ориентация греческого правительства в Афинах, в частности, симпатии к Англии, и наступившее после Крымской войны заметное охлажде-

ние в греко-русских отношениях заставляли Александра все больше прислушиваться к болгарским требованиям. Греки, которые с давних времен мечтали восстановить древнюю Византию, отдавали себе отчет, что это могло бы стать возможным лишь при полной эллинизации всего Балканского полуострова и, конечно, в первую очередь самого многочисленного южнославянского народа — болгар. Теперь, однако, греки понимали, что им придется отказаться от своих планов и сделать болгарам некоторые уступки. Наконец, патриарх Григорий Шестой впервые за пять веков турецкого владычества на Балканском полуострове согласился признать за болгарами территорию между Дунаем и Гемусом, которую болгары и теперь называют Стара-Планиной.

Прибывший в качестве русского посла в Константинополь в 1865 году граф Игнатьев занялся этой неотложной проблемой — урегулированием конфликта между патриархом и болгарами. В духе полученных им от царя инструкций, он начал пытаться склонить болгар к уступкам, а патриарха убедить в необходимости удовлетворить хотя бы часть их требований. Но тут возникло новое неожиданное осложнение: сербский король Милан через регента, правившего за него, потребовал от русского посла в Константинополе предоставить Сербии бывшие Ипекскую патриархию и Охридское архиепископство, потому что они когда-то принадлежали королю Душану, хотя много дольше они были владением болгарских царей. Графу Игнатьеву стоило многих усилий отклонить эти неразумные требования, на которые никак не соглашался император Александр.

Царь все больше и больше склонялся в пользу болгар. Это было связано и с опасениями высшего духовенства России, что не найдя поддержки у русских, болгары бросятся в объятия Папы Пия Девятого.

В 60-е годы 19 века обстановка на Балканском полуострове характеризовалась сильным брожением среди христианских народов, все еще находившихся под властью разлагающейся Порты. Румыния, наиболее прозападно настроенная, раньше других отвоевала свою независимость: в 1866 году фанариотский князь Куза, став-

ленник султана, был свергнут, и румынским государем был избран принц Карл Гогенцоллерн, представитель Пруссии, ставшей самой сильной военной державой в Европе. Именно под защитой Пруссии Румыния надеялась добиться полной независимости от султана. Сербы, восставшие против все еще владевшей их страной Турции и начавшие войну с турецкими гарнизонами, размещенными в главных сербских городах, хотя и с большими трудностями, при содействии России и западных сил добились уже в следующем 1867 году ухода турок с их земель.

Храбрые черногорцы, также поощряемые Россией и получавшие от нее значительные денежные пособия, ждали лишь удобного момента, чтобы объявить войну Порте. Конечно, не оставались равнодушными к этой борьбе своих соседей и болгары. В Бухаресте в том же 1867 году ими был образован тайный комитет, а наряду с ним возглавляемое Г.С.Раковским "Верховное повстанческое руководство", которое уже в апреле того же года снарядило и послало в Болгарию группы повстанцев под водительством Филиппа Тотя и Панайота Хитова.

Александр Второй поддерживал и поощрял эти освободительные движения балканских народов против Турции, стараясь объединить их усилия в борьбе против общего угнетателя — султана. В 1866 году началось и восстание греков на острове Крит, и, несмотря на отчаянные усилия турок, оно продолжалось целых три года. Именно из-за Критского восстания, отношения между Портой и греками сильно испортились, и турки грозили грекам войной, послав сильную армию в Тессалию. Только вмешательство великих держав спасло Грецию от турецкой интервенции. В 1868 году Турция прервала все дипломатические связи с Грецией. Испортились и отношения Порты с вселенским патриархом, который, конечно, поддерживал греков.

Султанское правительство вследствие конфликта с греками изменило свою позицию по болгарскому вопросу. Теперь оно всеми силами старалось помешать графу Игнатьеву помирить патриархию с болгарами.

Еще в 1867 году патриарх Григорий Шестой вручил

графу Игнатьеву свой тайный проект договора с болгарами: болгарские епархии, т.е. вся область между Дунаем и Гемусом, объявлялись им привилегированной церковной областью, во главе которой должен стоять тырновский митрополит и которая войдет в верховную юрисдикцию вселенского константинопольского патриарха. Все митрополиты этой специальной привилегированной территории должны были быть болгарами, назначенным патриархом и состоящими в полном каноническом единении с ним.

Этот проект был, конечно, внушен патриарху графом Игнатьевым. Григорий Шестой настоятельно просил русского посла повлиять на болгар, чтобы они приняли его. Получив от Игнатьева это обещание, Григорий Шестой провел свой проект через патриарший синод и в июне того же 1867 года представил его на одобрение султану Абдул-Азизу и его правительству.

Этот проект Григория Шестого был фактически значительной победой русской дипломатии и, конечно, исключительной заслугой графа Игнатьева. Император Александр в личном рескрипте поблагодарил своего посла за этот выдающийся успех. Но примирение между греками и болгарами, конечно, не входило в намерения правительства султана.

Уже сам проект Григория Шестого был чрезвычайной победой болгар, которые впервые в истории получили признание и от турок, и от греков. Но болгары не были довольны этой уступкой, которую они считали минимальной, ибо болгарский народ, будучи самым многочисленным на Балканском полуострове, имел полное право получить болгарских митрополитов не только в Дунайской области, но также и в Македонии, и в Южной Болгарии, т.е. во Фракии, где было также преимущественно болгарское население. Именно эту крайнюю позицию болгар восприняла теперь и сама Порта с целью не допустить примирения между греками и болгарами.

Глава двадцать девятая

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ

Император Александр Второй всю жизнь был пламенным приверженцем мира. Особенно повлияла на его сознание кровопролитная Крымская война, в которой он лично участвовал.

Памятна речь Александра перед собранными в Георгиевском зале московского Кремля георгиевскими кавалерами, получившими это самое высокое военное отличие за храбрость, проявленную во время Крымской войны. Император тогда сказал: "Вы, конечно, уже осведомлены, что Порта предъявила мне требование немедленно заключить перемирие как условие прекращения бессмысленной бойни в Черногории и Сербии, где, к несчастью, уже было пролито столько русской крови в защиту наших братьев по вере и по племени. Я знаю, что сегодня вся Россия принимает вместе со мной самое теплое участие и сострадает нашим славянским братьям, но все же для меня всего дороже подлинные интересы России, которые ближе моему сердцу, чем все другие...

Именно потому я всегда старался и продолжаю и сегодня прилагать все усилия, чтобы добиться мирными средствами улучшения жизни христиан, населяющих Балканский полуостров. В ближайшие дни будут продолжаться в Константинополе совещания шести великих держав, цель которых — достичь всеобщего мира в этой части света. Я глубоко убежден, что общими усилиями мы сможем прийти к согласию. Но если оно не будет достигнуто, и я увижу, что некоторые державы снова удовлетворятся лишь новыми обещаниями Порты без серьезных гарантий реформ для улучшения жизни балканских христиан, я твердо решил действовать самостоятельно и уверен, что Россия ответит на мой призыв, если я сочту это необходимым и честь России этого потребует. Господь да поможет нам исполнить это святое наше призвание!"

Этот необыкновенный призыв, адресованный царем георгиевским кавалерам, а через них — всей России,

Турецкие зверства: избиение болгарского мирного населения во время битвы под Плевеном в 1878 году. (Современная литография.)

лишний раз свидетельствует о подлинном миролюбии Александра и о его твердой решимости защищать права балканских христиан, "братьев по вере и по крови", по собственному выражению царя.

Как я уже говорил, в защиту болгар против турецких зверств выступила общественность всей Западной Европы. Особенное возмущение турецкие насилия возбудили в России: священники, вплоть до высших церковных иерархов, писали послания и произносили пламенные проповеди в церквах. Толстой, Достоевский, Тургенев, ученый-химик Менделеев, художник Верещагин клеймили турецкие зверства. Все это способствова-

ло, несмотря на длительные споры между членами Константинопольской международной конференции, принятию шестью великими державами предложения России о немедленном предоставлении автономии Болгарии, Боснии и Герцеговине. Однако, не желая создавать в угоду императору Александру сильную, единую и, конечно, союзную России Болгарию, опору русского влияния на Востоке, Англия и Австро-Венгрия при поддержке своих западных союзников заставили Александра согласиться на разделение болгарских земель на две автономные, независимые одна от другой области: Западную Болгарию с центром в Софии и Восточную Болгарию — с Тырново. Император Александр согласился на эти условия, потому что, обеспечивая фактически независимость болгар от Порты, они давали возможность мирного разрешения кризиса.

Одновременно, используя свое влияние на султанское правительство, Англия внушила ему отвергнуть предложения Константинопольской конференции под предлогом того, что султан только что сам дал своим христианским подданным равноправие с мусульманами и это было закреплено в новой турецкой конституции.

Россия 19 января 1877 года отправила официальную ноту великим державам — участницам конференции, запрашивая, что они собираются предпринять после отказа Порты исполнить их решение. Не получив ответа, в феврале 1877 года Александр уполномочил своего посла графа Игнатьева посетить западные столицы, чтобы убедить союзников заставить Порту принять эти минимальные требования.

Известная своей ненавистью к России Вирджиния Коуэлс в своей книге "Русский кинжал" посвятила целую главу критике политики Александра, озаглавленную "Ловя рыбу в мутной воде", — так она характеризует усилия царя достигнуть мирного соглашения с Англией и ее созниками и избежать войны, даровав Болгарии и остальным христианским народам независимость и свободу. В частности, она пытается доказать, что Апрельское восстание 1876 года в Болгарии было ре-

зультатом подстрекательства со стороны графа Игнатьева, его агента Йонова и других.

Корреспонденции Мак-Гахана решительно разоблачают эту клевету: турецкие зверства были учинены на болгарских землях именно потому, что, в связи с восстаниями в Боснии и Герцеговине и войной турок с Сербией и Черногорией, у русских не было ни времени, ни возможности активно помогать болгарским повстанцам. По свидетельствам современников, не было у болгар ни русского оружия, ни русских денег и ни одного русского солдата...

Вирджиния Коуэлс права в одном: чтобы ослабить мощь России, Англии и ее союзникам было необходимо спровоцировать войну между ней и Портой. Любопытно, что Маркс и Энгельс многократно призывали своих сподвижников поддержать Турцию и помочь "разгромить Россию, так как победа турок обеспечит победу мировой революции..."

Император Александр, конечно, великолепно знал, что его провоцируют, но пошел на риск войны, потому что для него не было компромисса в вопросе освобождения братской Болгарии от турецкого ига.

Граф Игнатьев понимал, что Англия будет всеми силами стараться отговорить своих западных союзников от подписания предлагаемого императором Александром протокола, содержащего минимальные требования к Турции касательно Болгарии и остальных христианских народов. Английское консервативное правительство поставило России предварительное условие о демобилизации русских войск. Конечно, кабинет Дизраэли надеялся, что Россия на это условие не согласится, и таким образом Лондонский протокол вообще не будет подписан. Но император Александр не поддался на эту уловку: он через графа Игнатьева ответил правительству Виктории, что согласен объявить демобилизацию русской армии, но с условием, что Турция немедленно пришлет своих делегатов в Петербург, чтобы оговорить условия одновременной демобилизации Турции и России. Это, конечно, была альтернатива, против которой Англия и ее союзники не могли возразить.

Вирджиния Коуэлс была взбешена этими дипломатическими успехами графа Игнатьева в Лондоне: она называет его "лгуном-пашой", упоминая его прежние успехи в Константинополе, которые объяснялись его влиянием на великого визиря Махмуд-Недима-пашу, прозванного из-за этого на русский лад "Махмудовым", и даже еще большее — влиянием на самого султана. Мадам Игнатьева завела дружбу с матерью султана, которую она аккуратно навещала в гареме, принося ей подарки из Парижа и очаровывая ее новостями о последних модах. Это влияние графа Игнатьева на султана и на его правительство, в сущности, является доказательством успешной политики императора Александра, несмотря на козни английской дипломатии. "Игнатьев, — дополняет г-жа Коуэлс, — был единственным иностранцем, пользующимся доверием султана, и он не стеснялся давать ему плохие советы".

В лондонских переговорах этот дипломатический поединок между Англией и Россией был более чем когда-либо очевиден. В конце концов 19 марта 1877 года был подписан Лондонский протокол, что, конечно, было немалым успехом русской дипломатии, несмотря на оговорки. "Великие державы, — гласит этот документ, — заявляют, что, если участь христианских подданных султана не будет улучшена согласно поставленным условиям и если конфликты, которые периодически нарушают мир на Востоке, не прекратятся, то подобное положение, несовместимое с интересами Европы, станет нетерпимым, и великие державы сочтут своим правом принять коллективно соответствующие меры, чтобы улучшить участь христианского населения в Турецкой империи и обеспечить всеобщий мир".

Это, конечно, в известной степени развязывало руки царю — он мог действовать в Турции самостоятельно, не опасаясь Англии и ее союзников. Но все же положение было весьма деликатным: перед подписанием протокола английский представитель на Лондонской конференции лорд Дерби подал письменное заявление: "Если великие державы не сумеют предотвратить войну, то Англия сочтет настоящий протокол недействи-

тельным". Это, конечно, была угроза России, но лишь угроза... Тут же по указанию императора Александра граф Шувалов, представитель России, предъявил русскую декларацию, как бы в ответ на заявление Англии: "Россия готова приступить к разоружению, но лишь после того, как Турция заключит мир с Черногорией, и, переведя свою армию на мирное положение, приступит к проведению реформ, упомянутых в протоколе".

Как видно, Англия со своими западными союзниками, не успела воздействовать на Россию и заставить ее демобилизовать свою армию, готовую к войне с Турцией за освобождение Болгарии. Граф Игнатьев предупредил царя, что английская дипломатия тайно советует Турции не принимать лондонские предложения.

Как и ожидало русское правительство, Турция отклонила Лондонский протокол. В ноте всем европейским державам, подписавшим соглашение, правительство султана сообщало, что "Высокая Порта отвергает предложения Лондонской конференции, потому что не считает возможным сделать новые отступления после уже осуществленных прежних уступок". В отношении России в ноте султана указывалось, что, "будучи независимым государством, Высокая Порта не может признать над собой никакого надзора — коллективного или какого-либо другого — и, поддерживая с остальными государствами дружеские отношения, основанные на международном праве, Турция не может предоставить иностранным агентам официального права покровительствовать своим единоверцам или единоплеменникам".

7 апреля этого же 1877 года русское правительство ответило официальной нотой: "Его Императорское Величество, Император Всероссийский решил силой достигнуть того, чего не могли достигнуть единодушные усилия великих держав".

12 апреля 1877 года, как раз в годовщину болгарского восстания, канцлер князь Горчаков вызвал к себе турецкого поверенного в делах и вручил ему русскую ноту с объявлением войны Турции.

Император Александр действовал с присущей ему осмотрительностью: Россия еще не успела восстановить

свой Черноморский флот, потерянный во время Крымской войны, и ее армия должна была осуществить наступление через Румынию. После длительных переговоров Россия заключила тайный военный союз с Румынией и получила обещание румынского князя участвовать в войне против своего вечного врага Турции. Более того, еще 15 января Александр подписал с императором Францем-Иосифом договор о нейтралитете Австро-Венгрии в будущей русско-турецкой войне с условием, что военные действия будут происходить вне пределов Сербии, Черногории и провинций Боснии и Герцеговины, которые Россия согласилась предоставить Австро-Венгрии.

Эти важные соглашения были успешно заключены Александром под носом у Англии. Когда королева Виктория узнала об этом, она сделала выговор своему министру иностранных дел за успехи русских и даже пригрозила своему премьер-министру, что, если русские войдут в Константинополь, она отречется от престола. Несмотря на свой юношеский роман с Александром, тогдашним наследником русского престола, и на то, что всего за три года до описываемых событий сын Виктории, герцог Эдинбургский, женился на дочери Александра, великой княжне Марии Александровне, Виктория, узнав от своего министра иностранных дел лорда Дерби о его разногласиях с послом Александра графом Шуваловым, сказала ему: "Я не верю, что без войны, не дав этим омерзительным русским хорошую порку, можно заключить с ними какое бы то ни было соглашение".

Когда канцлер Горчаков докладывал царю об этой непримиримой позиции Виктории по отношению к переговорам, Александр начертал на докладе канцлера: "Ах, эта упрямая старая карга!"

Однако, несмотря на свое раздражение, Александр написал Шувалову, что он дает слово не занимать Константинополь, даже в случае войны с Турцией, и просил заверить в этом королеву.

Уже после объявления войны Александр через своего посла сообщил английскому правительству, что Россия удовлетворится лишь оккупацией северной Болга-

рии и не станет занимать южные склоны Гемуса (Стара-Планины).

Когда стало очевидно, что Россия вынуждена одна, без помощи остальных великих держав воевать с Турцией, чтобы заставить ее подчиниться решениям Лондонской конференции, Александр потребовал от своего генерального штаба представить ему полный план похода в Турцию. Подробный план этой зимней кампании был составлен генералом Обручевым, одним из виднейших специалистов по военной стратегии, еще в октябре 1876 года. Теперь сам император изучал в подробностях этот план и обсуждал его со своими сотрудниками. Александр уже считал войну с Турцией неминуемой. Граф Игнатьев успокоил его насчет позиции Запада: статьи Мак-Гахана и его коллег повлияли на общественное мнение Европы, англичане находились в этот момент под влиянием либерального лидера Гладстона и осуждали протурецкую политику консерватора Дизраэли. Граф Игнатьев информировал государя о многочисленных антитурецких митингах, и Александр был уверен, что новой Крымской войны из-за освобождения Болгарии не будет. При этом германский император, его родной дядя по матери, несмотря на интриги Бисмарка, был всецело на стороне Александра и в своих письмах царю не раз высказывал свое восхищение благородной политикой России по отношению к порабощенным христианским народам.

Англия предупредила правительство султана, что Россия готовится к войне. Однако у Порты не было определенного плана. Правительство Абдул-Хамида, сменившего нерешительного Абдул-Азиза, низвергнутого в 1876 году, теперь было под сильным влиянием Англии и рассчитывало на ее решительную помощь в возможной войне с Россией. В окружении Абдул-Хамида, при участии советников-англичан и польских эмигрантов, деятельно сотрудничавших с султаном в подготовке войны с Россией, возникла альтернатива. Первый путь состоял в том, чтобы предупредить русское нападение и перенести военные действия в Европу, заняв все еще подчиненную Турции Румынию, и таким образом лишить Россию

Генерал-адъютант граф Д.А. Милютин, военный министр императора Александра Второго. (Фотография.)

важнейшей базы. Однако западные союзники Турции сочли, что подобные действия дали бы в глазах западного мира полное оправдание вмешательству Александра в конфликт. Второй путь — пассивное ожидание "русской агрессии" на южном берегу Дуная. В письме великому визирю Абдул-Хамид определил генеральную линию турецкого военного плана: "Практически невозможно защищать всю линию от Мачина до Видина по Дунаю и поэтому нам необходимо завлечь врага в глубь страны, и там дать ему решительное сражение. Если нам удастся победить врага, то мы заставим русских перейти Дунай и будем преследовать их до Прута. В противном случае, если нам не удастся победить русских, будет необходимо отступить к Балканам (Стара-Планине — В.Н.) и укрепиться в Варне, Бургасе и остальных важных центрах Балкан, чтобы не дать противнику перейти эту горную цепь и проникнуть на юг..." Эти существенные пункты оборонительной турецкой войны были сообщены Александру графом Игнатьевым, продолжавшим поддерживать связи в Турции.

30 марта 1877 года русский военный министр генерал Милютин послал шифрованную телеграмму великому князю Николаю Николаевичу о том, что "Государь Император благоволил определить 12 апреля днем, в который будет объявлена война Турции, и все русские войска одновременно перейдут Дунай".

12 апреля после парада войск в Кишиневе на торжественном молебне преосвященный Павел, архиепископ Кишиневский и Хотинский, прочел манифест императора Александра Николаевича об объявлении войны Турции: "Всем Нашим подданным известно деятельное участие, которое Мы всегда принимали по отношению судьбы угнетенного христианского населения в Турции, — говорилось в этом памятном манифесте. — Желание улучшить и обеспечить его положение, разделяет с Нами целокупный русский народ, который теперь выражает свою готовность принести новые жертвы, чтобы облегчить участь христиан на Балканском полуострове".

Александр выбрал именно Кишинев, самый значительный центр бессарабского болгарского населения,

чтобы объявить войну Турции за освобождение братского России болгарского народа. Великий болгарский поэт и национальный писатель Иван Вазов присутствовал при этом историческом событии: он видел, как сидящий верхом русский император, глубоко взволнованный, слушал текст манифеста и не мог сдержать слезы. Рассказывал мне об этом памятном событии и мой дед, отец моего отца, в то время учитель Белгородской болгарской гимназии. Он прибыл в Кишинев, чтобы присутствовать вместе с многими другими болгарами на объявлении Россией войны. Предки мои перешли в братскую Россию в начале прошлого века, следуя за победоносными русскими войсками, и поселились в Белгороде.

Конечно, для национального болгарского поэта и для восторженных бессарабских болгар, прибывших со всей страны, чтобы присутствовать на этом памятном событии, было особенно важно, что император Александр отнюдь не стремился присоединить к своей империи новую губернию, а хотел создать свободную, родственную России, православную, независимую Болгарию. Именно это воспел в своих вдохновенных стихах национальный болгарский поэт Иван Вазов. Он видел "храбрых русских орлов, летящих на юг". В тот день, по его словам, "в глазах смущенного Запада солнце взошло с севера".

"В продолжение двух лет, Мы с Нашими союзными и дружескими европейскими великими державами старались склонить Порту к реформам, которые оградили бы христиан Боснии, Герцеговины и Болгарии от турецкого произвола. Введение этих реформ всецело происходило от торжественно принятой Портой на себя обязанности перед лицом всей Европы. Но Наши усилия, поддерживаемые единодушно дипломатическими усилиями всех остальных правительств, не достигли желанной цели.

Порта осталась непреклонной в своем решительном отказе существенно обеспечить безопасность своих христианских подданных и отбросила постановления Константинопольской конференции...

Глубоко проникнутые убеждением в справедливо-

сти нашего дела, со смирением уповая на помощь и милосердие Всевышнего, Мы объявляем всем Нашим верноподданным, что уже наступила пора осуществления Нашего намерения, единодушно поддержанного Россией. Сейчас, призывая Божие благословение на Наши доблестные войска, Мы приказываем им войти в пределы Турции."

В тот же день русская армия перешла границу все еще подвластной султану Румынии. Так начались военные действия России против Турции.

Весь болгарский народ, который тогда насчитывал по данным Болгарской Экзархии в Константинополе более десяти миллионов, рассеянный на Балканском полуострове — от Эгейского моря до Дунайской равнины и от Черного моря до Адриатики, — с неописуемой радостью приветствовал объявление освободительной войны. Болгары массово и с необыкновенным энтузиазмом вступали добровольцами в созданное указом русского государя болгарское ополчение, командиром которого Александр назначил генерала Н.Г.Столетова. Сразу после объявления войны в него записалось внушительное число (7444) добровольцев, болгарских патриотов, готовых проливать кровь вместе с русскими братьями. Так были созданы шесть первых ополченческих болгарских дружин, к которым скоро, еще в начале военных операций, присоединилось еще шесть. Военный министр генерал Милютин докладывал императору об этих многочисленных болгарских добровольцах, которые лучше всего доказывали подлинные русофильские настроения болгарского народа.

В 1877 году Александру было уже 59 лет. Он чувствовал себя уставшим. В последние годы он жил в страшном напряжении: отмена крепостного права, сложные отношения с Англией, постоянная необходимость удерживать своих стратегов от войны с ней, от стремления продвинуться в Азии и овладеть Константинополем.

Александр был необыкновенно реалистичен в своей внутренней и внешней политике. "На Бога надейся, да сам не плошай" — казалось, было главным его принципом. Наученный горьким опытом Крымской войны, он

был убежден в необходимости сильной, хорошо организованной армии, чтобы сохранить для России мир.

Уже в 1872 году, как мы знаем, император ввел в России по примеру Запада всеобщую воинскую повинность. До реформы 1861 года рядовой состав русской армии состоял в основном из крепостных, к численности которых добавлялся определенный процент наказанных за мелкие преступления мещан и даже выходцев из дворян. С 1872 года Александр ввел новую систему рекрутирования солдат и нижних военных чинов. Его военный министр Дмитрий Милютин согласно его инструкциям отменил телесные наказания в армии и реорганизовал всю систему военного снабжения, обмундирования и продовольствия. Проводились строжайшие инспекции во избежание злоупотреблений.

По инструкции царя новый военный министр, который не принадлежал к аристократическому сословию, переменил весь военный строй страны: принадлежность к родовой аристократии перестала быть условием успеха на военном поприще. Единственным условием продвижения по службе стали способности и заслуги. Уже с 1872 года почти треть военнослужащих в империи были "вольноопределяющимися", т.е. добровольцами. В 1874 году императорским указом была утверждена эта новая система рекрутирования. Русская армия была преобразована по немецкому образцу. На вооружение была взята так называемая берданка — малокалиберная винтовка. Благодаря реформе армии, Россия была хорошо подготовлена к войне с Турцией.

Современные советские историки критикуют слабую, по их мнению, подготовку к войне с русской стороны. Так ли это было в действительности? Армия России, благодаря реформам 60-70-х годов, несомненно, превосходила турецкую армию в области организации, тактики, боевой подготовки и морально-боевых качеств личного состава. Однако в отношении вооружения, несмотря на усилия царя, турецкая армия имела превосходство над русской благодаря мощной финансовой английской поддержке. Правительство султана снабдило свою армию новейшим английским и американским оружием, в

то время как именно из-за недостатка средств Александр не мог полностью вооружить берданками свою армию. Кроме того, согласно Парижскому миру на Черном море и на Дунае господствовал турецкий флот. По тем же финансовым причинам состояние русских железных дорог не позволяло стянуть все необходимые военные силы к Дунаю, и только к июню 1877 года запланированные военные контингенты смогли наконец собраться там. Однако нельзя не признать, что при существовавших условиях мобилизация в России была проведена весьма успешно. Все же общая численность русских войск едва достигала 185 000 человек, тогда как у турок в Болгарии было 200 000 солдат, хорошо обмундированных и вооруженных англичанами.

Александр одновременно вел войну на двух фронтах. На Кавказе 108 тысяч русских солдат успешно атаковали 100 тысяч турок, заняли турецкие крепости Баязет и Ардаган и осадили важнейшую турецкую крепость Карс. Турки были принуждены послать значительные подкрепления в Сухум и Очемчиры, что, несомненно, облегчало русское наступление в Болгарии, где проходили самые решительные военные действия.

ПЕРЕПРАВА РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ ДУНАЙ

Непосредственно после официального объявления войны, 15 июня 1877 года по решению Александра было определено русской армии форсировать Дунай. В штабе царя понимали, что эта первая военная операция русской армии — отнюдь не легкая задача. Охрана дунайского берега была весьма хорошо организована турецким командованием: на южном берегу Дуная находились многочисленные турецкие крепости, построенные и сильно укрепленные европейскими инженерами, где были размещены многочисленные гарнизоны, вооруженные самым современным английским оружием. Обо всем этом русский штаб был подробно и точно осведомлен. Кроме того, на Дунае были сосредоточены 46 военных кораблей турок, большинство из которых были бронированными, на них было 946 моряков и 77 тяжелых орудий. Эти корабли

контролировали реку между Сулиной и Видином. Однако, по сведениям русской разведки, самые значительные силы были стянуты к устью Дуная, где ожидался русский десант.

У русских было значительно меньше водных транспортных средств, которые были переправлены по суше из Балтийского и отчасти из Черного морей. Всего русская десантная армия располагала 14 моторными катерами и несколькими десятками моторных и весельных лодок, а также несколькими румынскими катерами. Этого конечно было совсем недостаточно. Чтобы обмануть турецкое командование, часть русских катеров была послана на Средний Дунай, а часть к устью. При этом сухопутные войска должны были уничтожить часть турецких кораблей, а остальные запереть многочисленными минными заграждениями.

Конечно, все эти предварительные операции держались в строжайшей тайне. Воспоминания участников войны и доклады военных атташе западных государств своим правительствам, а также русские документы позволяют установить, как образцово велись, несмотря на объективные трудности, военные операции этой памятной войны. Сам император Александр, несмотря на назначение брата — великого князя Николая Николаевича старшего — главнокомандующим, лично участвовал в войне, присутствовал на фронте.

По личному распоряжению царя весь выработанный под его непосредственным наблюдением военным министром Милютиным, виднейшим военным специалистом генералом Обручевым и несколькими другими выдающимися генералами штаба план военного наступления и, в частности, десанта через Дунай, держался в строжайшей тайне, хотя по распоряжению Александра, граф Игнатьев сообщил о нем в общих чертах своим американским друзьям — дипломату Юджину Скайлеру и журналисту Януарию Мак-Гахану, приглашенному по желанию самого императора участвовать в предстоящей кампании.

Военные действия начались на Нижнем Дунае при Рени. Инженерными войсками под командованием гене-

рала Делта были установлены четыре береговые батареи, четыре другие — при Брайле и еще одна — около Барбата. Все это делалось по приказанию самого Александра, чтобы дезинформировать турок о русском десанте: турецкое командование должно было ожидать его в трех различных местах. Это, конечно, было весьма удачным маневром русских. 15 апреля было запрещено всякое плавание по Дунаю, после чего русские береговые власти на северном берегу задержали 335 разных судов, в том числе 15 турецких. Под прикрытием береговых батарей было установлено много минных заграждений по всему Дунаю от Рени до устья Прута и при Барбате. Эти предварительные меры вполне гарантировали русский десант от пушечных атак турецкого флота. Турецкий флот, находившийся на Среднем и Верхнем Дунае, был фактически изолирован и не мог получать необходимые подкрепления с моря, как рассчитывали турецкие стратеги. Так были принуждены вернуться на свою базу два турецких броненосца, вышедшие из Мачинского рукава Дуная и взявшие курс на Брайлу; был остановлен огнем русских береговых батарей и турецкий броненосец, пытавшийся прорваться к Рени.

Уже 31 мая начальник Нижнедунайского отряда генерал Циммерман, командующий 14 корпусом, получил предписание форсировать Дунай в области Галаци и Брайлы, овладеть главными центрами Добруджи, Тулчей и Исакчей, и утвердиться на линии Черная Вода — Кюстенджа, чтобы обеспечить связь между десантной армией и Россией. Одновременно начали строиться понтонные мосты: главный при Свищове для центральных сил и второй — при Галаце, для Нижнедунайского отряда. Под командованием генерала Жукова через Галац перешли Дунай 69 Рязанский полк, 70 Рижский полк и остальные части 18 пехотной дивизии. В 8 часов утра после перестрелки с турками русские десантные части овладели Мачином, из которого ночью бежало все турецкое население, и окончательно укрепились в Добрудже.

Чтобы провести переправу главных русских сил, главнокомандующий 8 июня лично инспектировал берег Дуная между Зимничем и Турну-Магурели. На ноч-

ном совещании штаба 10 июня было решено, что Дунай в ночь с 14 на 15 июня будет форсирован под командой генерала Драгомирова между Зимничем и Свищовом. Туркам же была дана дезинформация, что десант будет произведен при Никополе, и русские для поддержания этого обмана начали обстрел Рущука, который продолжался всю ночь. Настоящие планы и все распоряжения царя и главнокомандующего передавались лишь устно для немедленного исполнения. Соблюдение тайны Александр считал необходимым для сохранения жизни своих солдат и офицеров и успеха операции. Сам царь, однако, не щадил собственной жизни, лично руководил десантной операцией при Свищове и одним из первых вошел в освобожденный город.

Турецкий главнокомандующий Абдул Керим-паша поверил дезинформации Александра и послал экстренную телеграмму султану, сообщая ему, что русские перейдут Дунай между Рущуком и Видином, и сетуя, что в этой части побережья турки не располагают ни мощными крепостями, ни значительными силами. В Свищове же турки русских не ждали, и он был оставлен ими без значительных оборонных сил и почти без артиллерии.

Генерал Драгомиров на заре 14 июня призвал к себе полковых командиров и сообщил им, что десант назначен на сегодняшнюю ночь и что 53-й Волынский пехотный полк перейдет Дунай первым.

В 10 часов вечера тронулся первый из семи эшелонов десанта, который включал две дружины, все стрелковые роты 53-го Волынского полка и части 23-го Донского полка — всего 2 500 человек. Войска провожал сам генерал Драгомиров и великий князь Николай Николаевич младший.

Из-за непогоды и волнения на реке несколько понтонов было отнесено течением, и неприятель успел заметить выходящих на берег русских солдат. Турки начали обстреливать русских из своих дальнобойных ружей и попытались стянуть к Свищову несколько своих отрядов. Однако русские атаковали турок по всему побережью и принудили их отступить и прекратить огонь.

Утром 15 июня император Александр с великим

князем, окруженные большой свитой, вышли из села Драки на северном берегу, где они провели ночь. Все окружавшие их офицеры были убеждены, что именно отсюда начнет высадку десант. К 9 часам командир 9-го корпуса докладывал главнокомандующему, что понтоны для десанта еще не прибыли, при этом он возмущался неурядицами в армии. Император Александр улыбаясь схватил генерала за плечи и повернул его лицом к Свищову, где в это время бой с турками был в самом разгаре... Генерал только тогда понял, что его приготовления были фиктивными для введения в заблуждение турок.

На другой день император Александр и главнокомандующий были торжественно встречены в освобожденном Свищове. Весь день продолжалась успешная десантная операция. Русские войска почти беспрепятственно переходили на турецкий берег. Деморализованные и разбитые турки панически отступали на юг. За ними бежало турецкое население.

19 июня инженерные войска начали строить мосты через Дунай, чтобы переправлять регулярные войска, продовольствие и снаряжение. Задача эта была выполнена блестяще. "Нижний" мост состоял из двух частей: первая, длиной 655 метров, связывала румынский берег с островом Адой, вторая, длиной 560 метров, связывала остров с болгарским берегом, занятым турками.

"Верхний" мост состоял из трех частей: первая, длиной 147 метров, связывала румынский берег с островом Бужиреску; вторая — 554 метра — находилась между этим островом и Адой, а третья его часть — 567 метров — связывала остров Аду с болгарским берегом — целью десанта. 28 июля оба моста были готовы, и по ним началось интенсивное движение. Эта связь между Россией и болгарскими землями через Румынию была в полном смысле слова образцовой.

Император Александр назначил командиром наступающей русской армии блестящего полководца генерала Гурко, которого специально вызвал из столицы. Александр весьма трезво оценивал военные способности своего брата и, оставив его главнокомандующим всего по-

хода, реальное командование передал генералу Гурко. Основной слабостью турок император считал их разбросанность по всему Балканскому полуострову: значительная часть турецких войск была стянута к Черногории, к восставшим Боснии и Герцеговине и ко все еще не сложившей оружия Сербии... Это обстоятельство было чрезвычайно важно для наступающих русских войск, потому что оно фактически сводило на нет численное превосходство турок.

Связь Александра с княжной Екатериной Долгоруковой, получившей впоследствии, после их морганатического брака титул княгини Юрьевской, была причиной постоянных семейных осложнений и дрязг. Именно это обстоятельство заставляло царя делить власть с братом и наследником престола. Считая своего брата, великого князя Николая Николаевича старшего, человеком весьма ограниченным, Александр боялся развязать ему руки. Его болезненные амбиции и стремление отличиться в войне, его тайные намерения сменить старшего брата на престоле были известны императору. Таким же амбициозным и ограниченным был старший сын царя — наследник престола великий князь Александр Александрович. Ему поручил Александр командование Восточным или Рущукским отрядом, составленным из 12-го и 13-го корпусов.

Западный отряд был отдан царем под командование генерала Крюденера, по происхождению балтийского немца, которого Александр считал полководцем, почти равным генералу Гурко. Он командовал 9-м корпусом и всей Кавказской казачьей бригадой.

Однако самым важным в глазах царя оставался передовой отряд, которым командовал генерал Гурко. Он располагал превосходной боевой конницей — 42 эскадронами драгун, гусар и казаков, к которым были присоединены шесть дружин болгарского ополчения. Ему предстояла весьма важная задача — перейдя Балканы, постараться овладеть Тырново и Севлиевом и при этом держать в своих руках важнейшие балканские проходы. Всю свою конницу он должен был распределить по Южной Болгарии и постараться возмутить болгар против

турок, а с их помощью разогнать находящиеся в Южной Болгарии разбросанные турецкие войска. Этот первый отряд перешел Дунай в ночь с 21 на 22 июня и сейчас же начал генеральное наступление. Разбив при Карабунаре турецкую конницу, отряд Гурко принудил турок отступить и вошел в древнюю болгарскую столицу Тырново, восторженно приветствуемый населением.

Затем наступление всех трех русских отрядов продолжалось с переменным успехом. Великий князь Николай Николаевич, увлеченный победами генерала Гурко, против воли императора, который настаивал на более медленном продвижении, начал давать опрометчивые приказания, занимал большие территории и всюду вел кровопролитные сражения с турками. Он приписывал себе все победы, не желая понять, что снабжение отдельных русских армий все больше и больше затрудняется громадными расстояниями, тогда как турки располагают значительными запасами оружия и продовольствия.

При этом сочувствующее русским болгарское население слишком рано восстало против турок и этим положение еще больше осложнилось. Турки с большой жестокостью подавляли бунты, отнимая у населения продовольствие, которое болгары готовили для русских. Используя трудности русской армии, турки перешли в наступление. Русские несли тяжелые потери. Александр, превосходно понимая ошибки брата, не мог уже остановить своего главнокомандующего.

Еще 27 июня Николай Николаевич, окрыленный победами генерала Гурко и успехом его наступления, письменно предложил императору вместо запланированной медленной оккупации Северной Болгарии после взятия Рущука и Никополя, осуществить молниеносное наступление по направлению на Плевен и Ловеч, добавив к войскам Гурко еще две дивизии, которые Александр намеревался держать в резерве.

Как можно было ожидать, получивший весьма серьезное военное образование в Академии генерального штаба Александр не одобрил это опрометчивое предложение брата и ответил ему письменным несогласием с его предложением. Александр мотивировал свое мнение

весьма основательно, он писал, что предвидит опасность турецкого нападения с флангов — со стороны турецких крепостей Видина, Рущука и Шумны, в которых, по его сведениям, у турок были значительные силы. Узнав, что в Румынии нет русских резервных войск, турки именно с этих своих баз могут напасть на Румынию, и румынские войска просто не смогут без помощи русских справиться с ними. В конце этого письма царь высказал опасение, что переброска двух русских дивизий для усиления наступления генерала Гурко откроет туркам дорогу не только на Бухарест, но и на Варшаву и принесет им полную победу. Остановленный этим письмом императора Николай Николаевич решил перенести свою главную квартиру в Тырново и там ожидать с 8-м корпусом прибытия 11-го и 4-го корпусов, прежде чем продолжить наступление.

Генерал Гурко ничего не предпринимал без одобрения императора. Так, узнав о том, что Сулейман-паша готовится отбить у русских Стару-Загору и получив опрометчивое распоряжение Николая Николаевича отступить к Балканам и оставить этот город, Гурко, по совету императора, не выполнил этот приказ и ответил главнокомандующему: "Считаю священным долгом донести Вашему Императорскому Высочеству, что за нашим отступлением последует избиение всего болгарского населения Стара-Загоры, Казанлыка и всех сел в долине реки Тунджи. Меня бросает в дрожь при мысли, что наше временное пребывание в этих местах станет причиной страшной участи жителей".

Оставаясь со своим отрядом в Стара-Загоре, генерал Гурко считал необходимым удержать балканский перевал Шипку, через который проходила главная дорога из Северной Болгарии в Южную, чтобы сохранять необходимую связь передового отряда русских войск в Стара-Загоре с главной базой в Северной Болгарии.

Сильная турецкая армия Сулеймана-паши тем временем с юга подошла к Шипкинскому перевалу с целью занять Шипку и выбить оттуда русский отряд генерала Столетова, в состав которого входили и несколько наскоро обученных болгарских добровольческих дружин.

Используя свое огромное численное превосходство, армия Сулеймана-паши 9, 10 и 11 августа беспрерывно атаковала сравнительно малочисленный русско-болгарский отряд Столетова. Но русско-болгарские силы героически защищали свои позиции на Шипкинском перевале и успешно отбили все атаки более многочисленных противников. К счастью, в самый критический момент этой неравной борьбы, прибыл на помощь свежий русский отряд, и армия Сулеймана-паши была принуждена отступить, так и не успев разбить русско-болгарские силы, теперь овладевшие окончательно Шипкой. Это была первая значительная победа русских с деятельным участием болгарских ополченцев, особенно прославившихся при защите вершины перевала, получившей название Орлова Гнезда.

Вторым важным стратегическим пунктом был сильно укрепленный болгарский город Плевен, превращенный турками в неприступную крепость. Там засели важнейшие турецкие силы, к которым присоединилась 40-тысячная армия Сулеймана-паши, подошедшая с юга. Дважды, 8 июля (21 по новому стилю) и 18, русские силы пытались штурмом овладеть Плевеном. К ним присоединился западный отряд в 35 тысяч человек, только что взявший город Никополь. Но, несмотря на героические усилия, русским не удалось занять Плевен. Турки яростно сопротивлялись. Под давлением превосходящих сил армии Сулеймана-паши (40 тысяч солдат, превосходно вооруженных) русской армии генерала Гурко пришлось временно отойти к балканским перевалам, ожидая прибытия подкреплений из России.

Император Александр, несмотря на сильные приступы астмы и непогоду, вместе с престолонаследником Александром Александровичем, братом Николаем Николаевичем и графом Игнатьевым, везде сопровождавшим царя, лично участвовал в походе.

Английский военный атташе полковник Веллеслей, участник похода русской армии, писал в Лондон: "Царь Александр живет в разрушенном болгарском доме, в комнате с земляным полом и земляными стенами. Он проводит целые дни посещая раненых, появляясь лишь

во время завтраков с 200 своими офицерами в обширной военной палатке, воздвигнутой среди поля... Эта палатка была великолепным добавлением к прежним генеральным квартирам императора, где его свита часто обедала на дворе, вкушая блюда, полные мух, которых привлекают ужасы войны. В этих случаях за стулом каждого из нас стоял солдат с веткой лиственного дерева, чтобы охранять нашу еду от назойливых мух... Можно лишь удивляться, что те, кому положено заботиться о здоровье императора, даже не принимали элементарных мер предосторожности в смысле санитарных условий..."

Дальше британский военный атташе описывает, с каким вниманием император относился к проявлениям воинской храбрости своих офицеров и солдат. "Почти каждый день, — пишет полковник Веллеслей, — в час дня Александр приходит в палатку с одним из своих адъютантов, который несет на подушке с полдюжины оранжевых и черных лент с георгиевскими крестами. Царь сам называет избранные имена, и все отступают, чтобы дать возможность счастливцам подойти: они приближаются, краснея от смущения, получают свой орден, склоняются, целуя императорскую руку, и удаляются, кланяясь на каждом шагу, провожаемые восхищенными взглядами присутствующих..."

Но английский дипломат добавляет: "Александр выглядит усталым и осунувшимся. И хотя его заставило предпринять эту войну общенародное рвение, не было у него личного вдохновения к ней и был он глубоко озабочен оборотом, который принимала военная кампания".

"Это было большой ошибкой, — писал Александр своей возлюбленной, княжне Долгоруковой, — со стороны генерала Крюденера, что, зная численное превосходство турок, он все же решил атаковать их по получении приказа. Принимая на себя ответственность не исполнить этот приказ, он бы спас более тысячи жизней и избежал полного поражения, которое, надо признать, мы получили. К счастью, турки не преследовали наших храбрых солдат, которые оставались там. Тогда мало кто из них смог бы спастись".

Турецкий главнокомандующий Осман-паша. (Английская гравюра с фотографии 1878 г.)

Здесь Александр пишет о первом неуспехе русских атак на сильно укрепленную турецкую крепость Плевен, которую защищал способнейший турецкий генерал Осман-паша. Не называя великого князя Николая Николаевича-старшего, своего брата, которого он назначил главнокомандующим, царь явно считает безрассудным приказ, данный им генералу Крюденеру.

В этом искреннем письме Александр выражает глубочайшее разочарование командованием своего брата:

"Все эти недосмотры, — пишет Александр, — заставляют мое сердце обливаться кровью, и я с трудом сдерживаю слезы..."

В эти трагические дни два человека разделяли опасности и невзгоды похода русских: один был молодой американский журналист Януарий Мак-Гахан, второй — сын любимого брата императрицы Марии Александровны, двадцатилетний принц Александр Баттенбергский, которого после освобождения Болгарии Александр Второй посадил на болгарский трон. Как и Мак-Гахан, принц Александр лично участвовал во всех боях и при Шипке, и при Плевене, презирая опасности. Оба они были готовы пролить свою кровь за освобождение Болгарии.

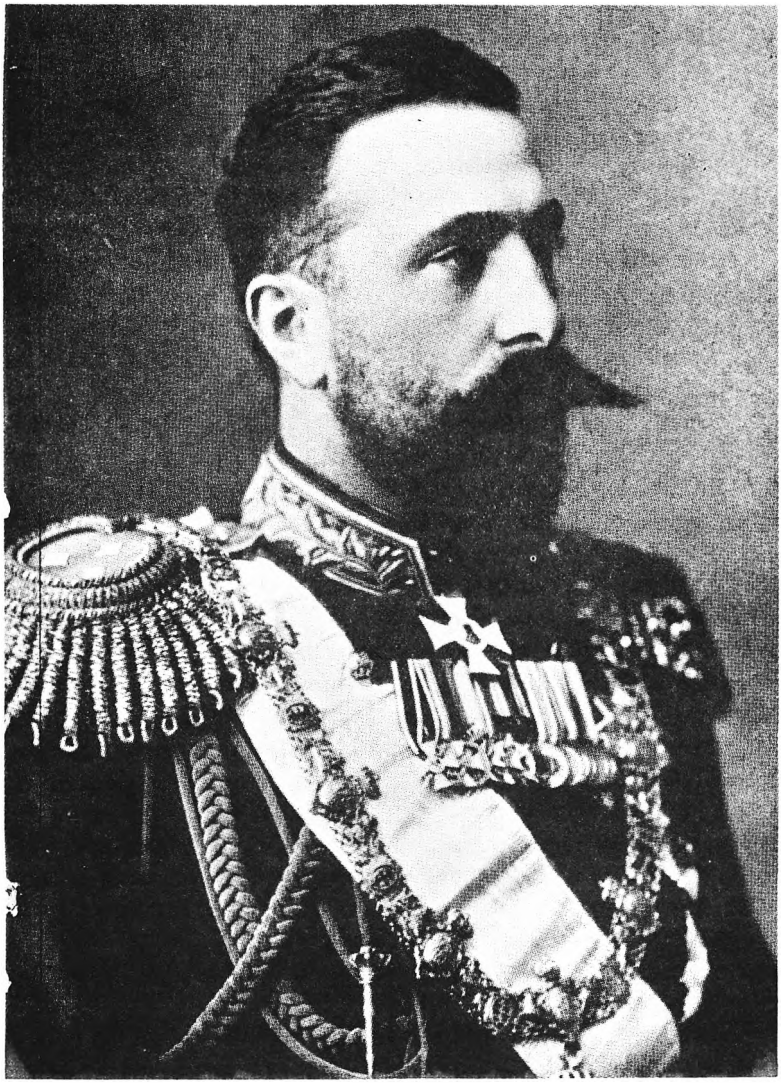
После победы Османа-паши при Плевене началась страшная паника среди болгарского населения и массовое бегство в Бессарабию. Главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, виновный в поражении русских при Плевене, совершенно потерял голову и отправил князю Каролю Румынскому паническую телеграмму, взывая о помощи.

Румынский князь не заставил себя ждать: со своей хорошо обученной и превосходно вооруженной армией он поспешил на помощь своему покровителю — русскому царю, от которого надеялся получить королевский трон и Добруджу, болгарскую провинцию на берегу Черного моря, взамен отданной России Бессарабии.

Не менее своего дяди Николая Николаевича потерял веру в победу и старший сын императора, наследник престола великий князь Александр Александрович. Немецкий офицер, доброволец в русской армии, присутствовал в генеральном штабе, размещенном в болгарском селе Горная Студеня, при разговоре Александра Александровича (будущего царя Александра Третьего) с графом Игнатьевым. Было это ранним утром в августе 1877 года.

"Великий князь Александр Александрович, — пишет этот очевидец, — взял за рукав графа Игнатьева и подвел его к окну.

— Я никогда не прощу вам, граф, — сказал престо-

Принц Александр Баттенбергский, первый князь освобожденной Болгарии, родной племянник императрицы Марии Александровны, сын ее любимого брата Александра и его морганатической супруги, бывшей фрейлины при дворе Николая Первого – графини Юлии Гауке, дочери польского министра. (Фотография 1880 года.)

лонаследник Игнатьеву по-французски, — что вы втянули моего отца в эту глупую и бессмысленную войну...

— Как, ваше императорское высочество, — отвечал граф Игнатьев, — вы считаете неоправданным освобождение наших братьев-болгар...

— Посмотрите сюда, — продолжил великий князь, указывая через открытое окно на дома болгарских крестьян. — Разве так живут русские мужики? Посмотрите на эти болгарские дома с виноградными беседками, окруженные фруктовыми деревьями и огородами... Кого мы пришли освобождать: болгар от турок или турок от болгар?"

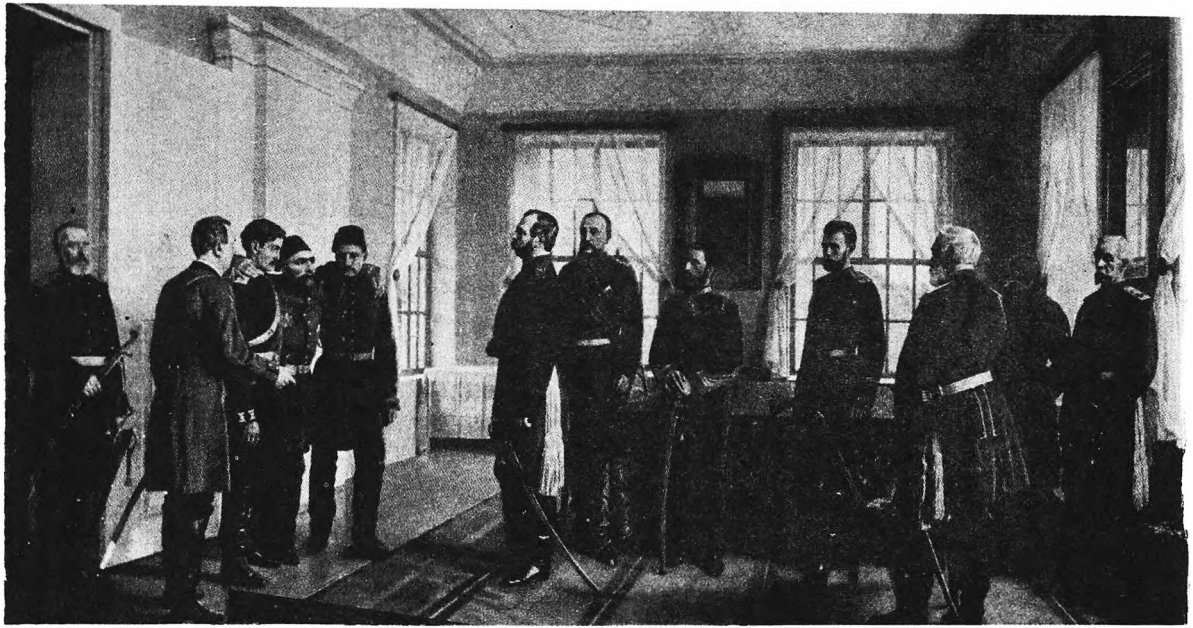
К сожалению, немецкий офицер не записал ответ графа Игнатьева.

Лишь один человек во всем русском штабе был убежден в конечной победе: это был император Александр Николаевич.

Скоро по приказанию царя атаки Плевена возобновились, теперь уже с участием румынской армии. Но и третья атака русских и румын была отбита с тяжелыми потерями с обеих сторон. Тогда русское командование приняло решение окружить Плевен железным кольцом. Это, конечно, было единственно правильной тактикой. Скоро осажденные начали терпеть лишения. У них кончились боеприпасы и продовольствие. Положение в крепости стало таким угрожающим, что 28 ноября 1877 года турки решились на вылазку и сделали попытку пробиться через кольцо осаждающих к Софии, чтобы соединиться с турецкими войсками, находившимися в этой части страны. Но армия Османа-паши была разбита и капитулировала.

После падения Плевена русские войска предприняли общее наступление.

Турецкое командование сочло, что поправить положение на восточном и южном фронтах теперь уже невозможно. Они, однако, решили сосредоточить все силы на защите Софии и всей прилегающей к ней области. Туда отправился сам главнокомандующий Сулейман-паша с частью восточной армии. Стояла суровая зима. Несмотря на лютые морозы, 13 декабря генерал Гурко получил

Турецкий главнокомандующий Осман-паша, взятый в плен со своей армией, предстает перед императором Александром. Царь великодушно возвращает раненному Осман-паше его саблю. (Картина современного художника, ранее находившаяся в Зимнем дворце.)

приказ от императора Александра начать наступление и перейти Стару-Планину (Балканы). Оставив необходимые заслоны при Арабаконаке, Златице и Лютакове, Гурко предпринял обход армии Шакира-паши, заменившего Мехмеда-Али-пашу. Наступал он тремя колоннами: главная шла через Чурек, правая через Мургаши проникла в Софийскую область, тогда как левая колонна наступала через село Буново к Миркову с целью отрезать туркам возможность отступления через Златицу к Пловдиву. 19 декабря генерал Гурко со своими 40 батальонами, сконцентрированными при Чуреке, атаковал армию Шакира-паши, сосредоточенную при Саранцах, заставив турок отступить. Выиграв сражения при Горном Богрове и при Враждебне, генерал Гурко занял без боя укрепленную Софию, в которой бежавшие турки оставили значительные запасы вооружения и продовольствия. Завладев этим важным пунктом, Гурко расположился со своей армией на зимних квартирах в Софийском поле, чтобы дать своим солдатам отдохнуть от продолжительного и тяжкого, хотя и победоносного наступления...

Сулейман-паша, который должен был оборонять Софийскую крепость, а также дорогу по линии Самоково—Ихтиман—Панагюрище, не исполнил этот свой долг, считая невозможным остановить армию генерала Гурко. Именно из-за этого он был смещен с поста главнокомандующего, и его обязанности взял на себя сам военный министр Турции Реуф-паша.

После победы генерала Гурко император Александр разрешил вести через Балканы и остальные русские войска. Отряды Скобелева, сосредоточенные около села Топлеша, и отряд болгар-ополченцев под командованием генерала Столетова 26 декабря достигли села Имитлий, а 27 начали решительное сражение при Шейново, где у турок были крупные силы под командованием Весила-паши. Командир 8-го корпуса генерал Радецкий обошел турецкие войска, в то время как генерал князь Святополк-Мирский и генерал Столетов предприняли ряд отвлекающих вылазок против турок. Военные действия шли с переменным успехом, однако турки решили сдаться, потеряв надежду остановить русскую армию. Они да-

же отказались от защиты Адрианополя, который раньше считали важнейшим аванпостом на пути к самому Константинополю.

Император был приверженцем традиционной военной тактики: он не стремился к слишком быстрому наступлению, а требовал прежде всего укреплять тыл, опасаясь, что неприятель обходным маневром может ударить по наступающим войскам сзади и этим свести на нет весь успех наступления. Именно по этим весьма веским соображениям тактического характера Александр распорядился оставить на позициях дивизию генерала Радецкого, приказав ему прежде всего следить за передвижениями турецких войск в долине реки Тунджи. Царь обратил особенное внимание на полученное 28 декабря донесение князя Святополк-Мирского, что турки все еще успешно противодействуют переходу русских войск через покрытые снегом и льдом перевалы Балкан. После этого Радецкий по распоряжению государя отдал приказ своей дивизии атаковать турецкие позиции, чтобы спасти отряд генерала Скобелева от удара с тыла. Наступление русских от вершины Св. Николая на юг было очень трудным, потому что склоны Стара-Планины были покрыты полутораметровым слоем заледеневшего снега. Но несмотря на страшные морозы и снежные лавины, наступление было успешным: русские овладели первой турецкой линией укреплений и достигли второй линии.

В тот же день, 28 декабря, в штаб Радецкого прибыл генерал Столетов с двумя высшими турецкими офицерами, которые объявили, что турецкая армия при Шейнове и на позициях Старо-Планины сложила оружие и сдалась в плен. Турки в последних кровопролитных боях потеряли 4 тысячи человек убитыми и ранеными, 22 тысячи сдались в плен со 130 тяжелыми орудиями, отчаявшись получить подкрепление и считая безнадежным продолжать войну.

Все же русские потери, несмотря на победу, были очень значительными: 80 офицеров и 2 100 солдат убитыми или тяжелоранеными в левой колонне, в правой колонне — 44 офицера и 1 441 солдат, кроме того, на

позициях на склонах Стара-Планины — 27 офицеров и 1 700 солдат. Сами эти цифры красноречиво свидетельствуют о беспримерном героизме русских офицеров и солдат и о весьма успешной турецкой обороне. Одним словом, сражения были кровопролитными.

Сулейман-паша все еще старался собрать разбитые части своих войск около Пазарджика. Однако в этот исторический день — 28 декабря 1877 года — русские, уничтожив турецкую линию обороны, перешли Стару-Планину через Троянский перевал и овладели Карловом, а передовой отряд генерала Гурко достиг последнего оборонительного рубежа турок.

28 декабря штаб великого князя Николая Николаевича получил телеграмму военного министра Порты о том, что султан послал своего полномочного представителя с просьбой о перемирии. По всему фронту турецкие парламентеры предлагали прекратить военные действия. Николай Николаевич немедленно телеграфировал императору, прося инструкций. Однако Александр приказал продолжать наступление с еще большей энергией. 30 декабря главнокомандующий получил вторую телеграмму турок с просьбой сообщить условия перемирия. С подобным же предложением султан обратился и непосредственно к императору Александру.

Одновременно великий князь по распоряжению Александра переместил свою штаб-квартиру в Казанлык, в Южную Болгарию. Также по личному приказу императора войска под командованием генерала Гурко 1 января перешли в наступление и через Пловдив двинулись к Адрианополю. Отряд этот представлял крупнейшую русскую наступательную силу: 86 батальонов, 91 эскадрон с 176 тяжелыми орудиями — это была правая колонна русского наступления. Одновременно через Тырново-Сеймен и Стара-Загору наступала к Адрианополю центральная колонна генерала Ганецкого, насчитывавшая 52 батальона и 20 эскадронов и располагавшая 118 тяжелыми орудиями. Также к Адрианополю через Ямбол двигалась третья, левая, колонна под командой генерала Радецкого с 21 батальоном, шестью конными сотнями и 48 орудиями.

Кроме этих трех столь значительных наступающих армий, по приказанию императора дополнительная колонна из 12 батальонов, 8 эскадронов и 38 тяжелых орудий перешла Балканы, заняв города Сливен и Бургас, с целью прикрытия действующих армий с фланга.

Также значительная резервная армия под командованием наследника Александра Александровича осталась в Северной Болгарии, ожидая приказа императора о подкреплении генерального наступления: она располагала 84 батальонами, 58 эскадронами и 370 тяжелыми орудиями. Все это указывает на весьма совершенный план наступления, разработанный царем, в этот момент лучшим и самым подготовленным специалистом в русской армии. Еще одна запасная армия под командованием генерала Циммермана была сосредоточена в Добрудже, ожидая приказа поддержать русское наступление в южной части полуострова, в непосредственной близости от Константинополя.

Положение России было очень сложным. С одной стороны, русская армия громила и изгоняла из Европы турок, освобождая от их ига славянскую страну Болгарию. Эта победа давала России возможность овладеть Константинополем и полностью стать наследницей Византии: желание, осуществлению которого соответствовали настроения православного русского народа, находившегося под влиянием Церкви, и убеждения славянофилов, считавших, что настал исторический момент, дарованный Руси самим Богом.

С другой стороны, мудрый и реальный политик Александр сознавал неизбежность войны с Англией, со всем Западом, как из-за Константинополя, так и из-за создания сильнейшего нового союзника империи в районе черноморских проливов — объединенной и свободной Болгарии. Это могло стать началом проникновения России в Средиземное море.

Весьма показательны в этом отношении мемуары английского посла при русском дворе лорда Августа Лофтуса. "Результаты русско-турецкой войны, — пишет он, — причинили громадное беспокойство во всей Англии из-за того обстоятельства, что все считали невозмож-

ным, чтобы император, несмотря на его уверения, смог обуздать настроения победоносной своей армии, требующей захвата Константинополя, что привело бы к весьма серьезным последствиям. При создавшемся критическом положении правительство Ее Величества приказало британскому флоту под командованием сэра Филиппа Хорнби направиться к Константинополю для оказания покровительства британским подданным. Одновременно весьма значительным большинством Парламент проголосовал за военные кредиты в шесть миллионов фунтов стерлингов.

Антианглийские настроения в Петербурге становились напряженными, и мое положение отнюдь не было "бархатным"; однако я старательно избегал употребить малейшее слово угрозы, которое могло бы породить чувство обиды или даже раздражения у русских. Я осторожно предупреждал моих близких друзей, но никак не в смысле угрозы, а просто как бы давая приятельский совет: "Не идите в Константинополь — это война..." — будучи уверен, что это будет передано вершителям судеб. Мои предупреждения не были напрасными, и впоследствии мне донесли, что великий князь Николай Николаевич был страшно разочарован, получив строгий приказ императора не вступать в Константинополь".

Александр остановил своих генералов Гурко и Скобелева, приказав им не продолжать наступление, когда они были всего лишь в 30 верстах от Константинополя.

Султан Абдул-Гамид в январе 1878 года лично обратился к императору Александру с просьбой начать переговоры о перемирии и остановить военные действия. 31 января 1878 года в Адрианополе было подписано перемирие между великим князем Николаем Николаевичем и представителями султана Абдул-Гамида. Условия этого перемирия позднее были включены в Сан-Стефанский мирный договор.

Болгария становилась автономным христианским государством с собственным независимым правительством и народной милицией, причем, кроме определенных пунктов, в стране не могло быть никаких контингентов турецких военных сил. Территория государства опреде-

лялась на основании этнических границ болгарского народа, определенных фирманом Экзархии 1870 года. Этот пункт был главным в достигнутом перемирии. Остальные пункты касались Черногории, Румынии, Сербии, автономии Боснии и Герцеговины. Бессарабия присоединялась к России, а взамен Румыния получала болгарскую провинцию Добруджу на Черном море.

Это, конечно, были лишь предварительные решения.

САН-СТЕФАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР

7 января русские войска овладели Адрианополем, как раз когда в Казанлык прибыли представители султана Абдул-Гамида — Намик-паша и Сервер-паша. Адрианополь сдался почти без боя. 8 января великий князь Николай Николаевич принял послов и на их настоятельную просьбу прекратить военные действия ответил, что может сделать это только после заключения перемирия. Турецкие представители, однако, продолжали торговаться и вообще отвечали уклончиво на русские предложения.

В отношении признания независимости Болгарии, а это был самый важный пункт договора, турки заявляли, что придерживаются лишь протокола Лондонской конференции 1876 года, который они раньше вообще отвергли. Русский главнокомандующий ответил им, что не в его власти изменить условия перемирия, одобренные императором, и что они должны либо целиком принять эти условия, либо полностью их отвергнуть. В ответ турецкие представители заявили, что принимают все пункты предложенного соглашения, кроме объявления Болгарии автономной и независимой. Они добавляли, что на обсуждение этого вопроса они вообще не имеют полномочий. Тогда русская сторона изъявила согласие подождать, пока они запросят свое правительство в отношении предлагаемого русскими статуса Болгарии. Сам же великий князь послал запрос императору — продолжать ли ему вести переговоры с турками.

Овладев Адрианополем, Николай Николаевич поспешил перенести туда свой генеральный штаб. Эта по-

беда резко изменила положение в пользу русских. У турок не было войск для защиты Константинополя, и путь на их столицу был открыт.

Однако положение на русско-турецком фронте было очень сложным. Ожидалось вмешательство Англии в союзе с Австрией. Великий князь запросил императора, как поступать в случае, если английский или австрийский флот войдут в Босфор или какая-либо из западных стран высадит десант близ Константинополя? Русские агенты доносили также, что не исключена вероятность поголовного истребления всех христиан в столице Турции. Главнокомандующий спрашивал императора, могут ли русские войска войти в Константинополь, чтобы защитить христианское население? Сам великий князь не осмеливался принимать столь важные решения. Однако он высказал мнение, что при упорстве турок осложнения с Англией и остальными западными государствами неизбежны.

Император Александр всеми силами старался избежать конфликта и новой войны с Англией и ее западными союзниками. Ему было очень трудно сдерживать свои победоносные войска после кровопролитных боев и решительных побед.

Вся православная Россия была в большом возбуждении. Священники говорили в проповедях, что сам Бог отдал Константинополь в руки русских, вняв их молитвам, заступничеству святых угодников и героизму войск. Великий князь Николай Николаевич, опираясь на этот политический экстаз, открыто критиковал слишком большую, по его мнению, осторожность государя и его уступчивать Англии и Западу.

Между тем 14 января левая колонна русских под командованием генерала Радецкого подходила к Визе и Деркосу; средняя колонна генерала Скобелева была уже у Чаталджи; правая колонна генерала Гурко — у Буюк-Чекмедже. Русские войска в северной Болгарии и Добрудже наступали с тыла: 15 января наследник великий князь Александр Александрович со своим корпусом взял Осман-Пазар, а на следующий день — 16 января — Разград. Генерал Циммерман занял всю Добруджу

и достиг Добрича. 17 января русские войска во Фракии взяли Чорлу. Так катилась русская лавина, сломив окончательно турецкое сопротивление. Турки и их покровители англичане впали в панику, опасаясь, что даже сам русский император не сможет остановить свои войска и препятствовать падению Константинополя.

18 января под нажимом англичан турки настоятельно попросили о прекращении наступления и теперь соглашались немедленно подписать перемирие и приступить к составлению проекта мирного договора. Одновременно англичане, австрийцы и немцы делали все возможное в Санкт-Петербурге, чтобы добиться немедленного заключения мира с Турцией.

Под непосредственным давлением западной дипломатии турки, однако, все еще упорствовали при определении границы русской оккупации перед самим Константинополем. Русские требовали включить в "нейтральную зону" и занятую ими чаталджанскую позицию, которую турки отчаянно защищали, считая ее "последним рубежом" перед Константинополем. Но несмотря на эти усилия и на поддержку английской дипломатии, турецкие уполномоченные все же были вынуждены принять и это условие русских: они согласились отойти за линию, условно определенную победителями от Кючук-Чекмедже на Мраморном море до Акбунара на Черном море. Наконец, 19 февраля в 6 часов вечера великий князь Николай Николаевич и турецкие уполномоченные подписали предварительный протокол, и с этого момента были прекращены военные действия, т.е. победоносное русское наступление. Все же Николай Николаевич приказал генералу Скобелеву расположиться со своей колонной на самой Чаталдже, а остальные войска расположились лагерем между Чорлу, Адрианополем и Лозенградом.

Русские солдаты были крайне измучены, мундиры их были изношены, обувь разваливалась, многие были просто босыми. Император еще и поэтому всеми силами стремился заключить мир.

Как и ожидал император Александр, с окончанием войны начались серьезные международные осложнения.

В самый день подписания перемирия Англия отправила гневный протест против "навязанного" Турции мира, условия которого Россия не сочла нужным обсуждать с западными великими державами. Одновременно часть английского флота прошла через Дарданеллы под предлогом оказания покровительства христианам в Константинополе. Александр занял позицию на Босфоре, сосредоточив там русскую эскадру, чтобы помешать английскому флоту войти в Черное море. Великий князь Николай Николаевич заявил султанскому правительству, что считает необходимым принять меры, чтобы нейтрализовать попытку оказать давление на ход переговоров присутствием иностранных кораблей в Дарданеллах. Он пригрозил туркам, что займет Константинополь в ответ на эту демонстрацию западных держав.

Что же происходило в это время в Англии и в лагере ее союзников, сплотившихся против России?

Во-первых, сама Виктория задавала тон ненависти и презрения к России и всему русскому, включая самого императора Александра. Императрица Мария Александровна писала своему брату, что "оскорбительные нападки, которые королева Виктория позволяет себе писать Альфреду про царя и про русский народ, достойны языка рыбной торговки с базара..."

Виктория страшно рассвирепела, когда узнала, что принц Александр Баттенбергский был приглашен ее собственным сыном Альфредом, герцогом Эдинбургским, посетить английский флот, стоящий на якоре перед Константинополем. Виктория в крайне резких выражениях писала своей дочери Алисе, что великий князь Николай Николаевич в лице принца Александра Баттенбергского послал "русского шпиона в наш флот; ему были представлены все наши флотские офицеры высшего ранга и даже было позволено осмотреть только что изобретенную торпеду". Виктория столь разгневалась на сына за эту любезность к племяннику русской императрицы, что потребовала от адмиралтейства немедленно отстранить Альфреда от командования судном "Султан", пока оно находится вблизи Константинополя.

Виктория ругала своих министров за их халатное

отношение к победам России над Турцией и была особенно недовольна парламентом, который вообще не реагировал на них. Она грозила отказаться от престола, "если Англия будет продолжать лизать русские ноги", так писала королева своему премьер-министру лорду Биконсфилду-Дизраэли.

В своем "меморандуме" кабинету она писала: "Дело не в защите Турции, а в превосходстве России над Англией... Мы должны ясно объяснить всем правительствам наши намерения... не может быть и речи о том, чтобы допустить русских занять Константинополь... Это будет означать, что Великобритания лишилась положения великой державы". Королева возмущалась, что "болгарские ужасы" все еще волнуют английское общественное мнение и что даже члены ее консервативного правительства не все единодушны по этому вопросу.

Лорд Дерби, министр иностранных дел, соглашался лишь запугивать войной, но не более. При первом выстреле он грозил подать в отставку, как и лорд Карнавон, министр колоний. И так как лорд Биконсфилд считал самым важным соблюдать единство своего кабинета, время шло, а Великобритания не выполняла приказов королевы. Близкие советники Виктории критиковали ее консервативных министров за бездействие по отношению к "агрессии России". Обо всех этих настроениях доносил в Петербург посол Александра граф Шувалов, подчеркивая, однако, что император должен быть весьма сдержанным и умеренным чтобы не раздражать Англию и не дать антирусским настроениям прорваться.

Как уже было сказано, Александр формально заверил английский кабинет, что русские войска не войдут в Константинополь. Но Виктория открыто заявила, что "русским верить нельзя, несмотря на их обещания..."

Султан Абдул-Гамид обратился к Виктории с настоятельной просьбой употребить все свое влияние на царя, чтобы заставить его немедленно остановить военные действия и подписать перемирие. Виктория телеграфировала Александру с требованием немедленно прекратить военные действия. Но император ответил ей "с высокомерием", как записала королева в своем дневнике, но в

сущности лишь с достоинством: "Главнокомандующий моими армиями в Европе и Азии знает условия, при которых приостановление военных действий может произойти". Этот ответ рассердил королеву и все английское правительство, хотя 1 февраля перемирие между русскими и турками было подписано.

Через несколько дней в Лондоне началась паника из-за ложного известия, что русские войска перешли через установленный ими рубеж по направлению к Константинополю. И хотя премьер-министр лорд Биконсфилд-Дизраэли хорошо знал, что это ложь, он использовал антирусские настроения англичан и предписал адмиралу Хорнби пройти через Дарданеллы в Мраморное море и стать на якорь у Принцевых островов перед Константинополем.

Граф Игнатьев все время после русской победы при Плевене находился в императорской ставке и употреблял все усилия, чтобы уговорить императора занять Константинополь. Однако ему противился канцлер Горчаков и брат Александра великий князь Николай Николаевич. По своему обыкновению, он занимал двойственную позицию: графу Игнатьеву и славянофилам в Москве Николай Николаевич старался представиться пламенным сторонником немедленного взятия Константинополя, однако в действительности, опасаясь войны с Англией, делал все возможное, чтобы удержать своих генералов от опасного шага, и противодействовал самому императору, скрывая его телеграммы и саботируя его инструкции, так как находился в этот момент под влиянием канцлера Горчакова и русского посланника в Лондоне Шувалова.

Так, 25 января император Александр телеграфировал ему продолжать наступление, остановиться лишь перед самыми стенами Константинополя, занять позицию на высотах Босфора и не заключать перемирия до прибытия графа Игнатьева, уполномоченного императором подписать мир с турками. Однако, когда на пути к Адрианополю граф Игнатьев остановился в генеральной квартире цесаревича Александра Александровича, он был поражен, узнав от самого наследника престола, что Нико-

лай Николаевич уже поспешил подписать перемирие с турками вопреки инструкциям царя.

Игнатьев прибыл в Адрианополь лишь 8 января, когда перемирие было давно подписано Николаем Николаевичем. Игнатьев обвинил великого князя в том, что он саботировал взятие Константинополя, что было основной задачей и краеугольным камнем всей русской политики. Подписав перемирие раньше времени, он нанес сокрушительный удар по русской политике. Великий князь старался оправдаться, ссылаясь на советы канцлера Горчакова и графа Шувалова из Лондона, которые предупреждали его, что, если перемирие не будет подписано немедленно, Англия вмешается в войну. Он добавлял, что артиллерия, завязши в грязи на непроходимых турецких дорогах, не смогла следовать за пехотой в наступлении и что он вообще не получил телеграмму императора с инструкциями, о которых упоминает Игнатьев. Однако Игнатьев сумел доказать, что великий князь фактически своевременно получил приказ императора. Он добавил, что "даже если понадобится возобновить военные действия, чтобы заставить турок принять желаемые царем условия, он не поколеблется это сделать..."

"Побойтесь Бога! — воскликнул великий князь. — Неужели вы навяжете нам новую войну с Англией? Пришло время прекратить все эти военные операции и вернуться по домам..." И Николай Николаевич стал доказывать Игнатьеву, что армия дошла до крайнего истощения и усталости, что новая война с Западом ввергнет империю в пропасть.

Конечно, под влиянием Игнатьева, который, очевидно, осведомил императора о своих разногласиях с главнокомандующим, император послал брату телеграмму: "Из-за прибытия английского флота в Мраморное море, так или иначе, с согласием или без согласия турок, следует занять Константинополь..."

Великий князь совсем упал духом. Состояние армии было действительно плачевное. Объяснив это императору, он писал, что при этом положении он не считает возможным идти на открытый конфликт с Англией. Од-

нако 24 февраля Николай Николаевич занял селение Сан-Стефано, находившееся всего в шести милях от Константинополя, и сообщил императору, что это фактически "пригород Константинополя" и что следует удовлетвориться этим, чтобы избежать новой войны с Англией.

Получив согласие императора, граф Игнатьев 1 марта встретился с великим визирем и, используя свое влияние потребовал немедленно подписать мирный договор о независимости Болгарии в ее этнических границах, признанных турками в фирмане Болгарской Экзархии уже в 1870 году. Вторым его условием был немедленный уход турок из Европы.

Как и следовало ожидать, великий визирь отказался подписать предлагаемый Игнатьевым договор, хотя Игнатьев в случае отказа грозил прервать переговоры и начать военные действия.

Граф Игнатьев ворвался в спальню великого князя Николая Николаевича, который был уже в постели, и потребовал немедленного возобновления военных действий и занятия Константинополя. "Боже мой! — воскликнул великий князь. — Вы совсем потеряли голову! Вы хотите непременно вовлечь нас в войну с Англией..."

Главнокомандующий наскоро оделся и вызвал одного из своих генерал-адъютантов, который поддержал его в споре с Игнатьевым. Оба они утверждали, что британский флот, войдя в проливы, захватит все русские корабли и прервет снабжение армии оружием и продовольствием, а это означало бы полное поражение России. Они расстались поздней ночью, не достигнув соглашения. Утром великий визирь прибыл в его резиденцию и по приказанию султана Абдул-Гамида без оговорок согласился подписать предложенный графом Игнатьевым договор о мире, который вошел в историю как Сан-Стефанский мирный договор.

Граф Игнатьев опять обратился к императору, прося его немедленно приказать армии занять Константинополь, чтобы получить громадные стратегические преимущества и контролировать проливы. Александр телеграфировал великому князю: "Так как разрыв с Англией

почти неминуем, необходимо немедленно занять берега Босфора нашими войсками, чтобы предупредить высадку британских войск..." Николай Николаевич, однако, ответил государю, что, сомневаясь в успехе этой операции, он просит императора прислать ему официальный приказ занять Константинополь, после чего он будет его выполнять. Однако царь так и не подписал приказ о занятии Константинополя, на это и рассчитывал великий князь, помня данное императором обещание не входить в Константинополь и хорошо зная принципиальность старшего брата.

Чтобы быть объективным, опишу заключение Сан-Стефанского мира по английским источникам, т.е. по докладам английского посла при русском дворе сэра Августа Лофтуса и английского военного атташе при русском штабе полковника А.Ф. Веллеслея. Конечно, использую я здесь и другие важные английские документы.

С окончанием войны России с Турцией начались для Александра большие трудности международного характера. Как было указано, в самый день, когда между Россией и Турцией было подписано перемирие, английское правительство распорядилось, чтобы часть английского флота вошла в Дарданеллы под предлогом защиты константинопольских христиан. С этого момента война между Россией и Англией казалась неизбежной.

Несмотря на протесты Англии и Австро-Венгрии, русские войска высадились на высотах Босфора и часть русского военного флота также вошла в проливы, чтобы помешать английскому флоту войти в Черное море. По инструкции императора великий князь Николай Николаевич заявил великому визирю султана Абдул-Гамида, что "со своей стороны, он предпримет необходимые меры, чтобы нейтрализовать давление, оказываемое на турецкое правительство, присутствием иностранных военных кораблей в проливах".

По указаниям императора великий князь сообщил туркам, что он намеревается занять турецкую столицу, если договор не будет заключен немедленно. Одновременно он издал приказ, чтобы правая русская колонна

заняла Буюк-Чекмедже, средняя колонна приготовилась к наступлению на Константинополь, а левая заняла Мидию и направилась к Чаталдже.

Поддерживаемые Англией и Австро-Венгрией, турки не согласились на эти предложения. Тогда с 10-тысячным отрядом великий князь взял Сан-Стефано, перенеся туда свою штаб-квартиру. Одновременно он перенес демаркационную линию в Кючук-Чекмедже и Сан-Стефано, т.е. в непосредственную близость к Константинополю. Эта решительность русских поколебала англичан, и, чтобы не дать русским повод немедленно войти в Константинополь, английский флот отошел от берегов Турции. Однако турки сочли, что предложение австрийского императора Франца-Иосифа немедленно созвать международную конференцию для обсуждения условий мира дает им возможность выиграть время, и прервали переговоры.

По требованию Англии султан Абдул-Гамид сменил великого визиря и министра иностранных дел, ведших переговоры с великим князем Николаем Николаевичем. Сославшись на эти перемены, турки снова отложили мирные переговоры. Однако 18 февраля великий князь и граф Игнатьев явились в зал переговоров и ультимативно потребовали от турок немедленного подписания русских предложений. Они заявили, что согласно приказу императора в противном случае русские войска займут Константинополь. Всего через полчаса после этого русского ультиматума турки заявили о своем согласии немедленно подписать мир.

19 февраля, в день восшествия на престол императора Александра Второго и в день празднования освобождения крестьян (по русскому календарю), был торжественно подписан Сан-Стефанский мирный договор между Россией и Турцией. С русской стороны мир подписали назначенные императором уполномоченные — граф Николай Игнатьев и Александр Нелидов; от имени султана Абдул-Гамида — Север-паша и Садулах-бей. Великий князь по этому поводу вышел к построенным на Сан-Стефанской площади войскам и поздравил их от имени государя с заключением мира.

Единственным западным государством, которое участвовало в этом событии, были Соединенные Штаты Америки, посол которых Гораций Мейнард со своим секретарем и генеральным консулом Юджином Скайлером деятельно участвовали в выработке условий мира, в частности, статуса освобожденной Болгарии. Граф Игнатьев особенно ценил сотрудничество Юджина Скайлера.

По Сан-Стефанскому договору Болгария стала свободной, независимой страной, в которую входили почти все области с преимущественно болгарским населением. В ее границах был действительно и справедливо объединен почти целиком весь болгарский народ. Лишь Нишский санджак отходил к Сербии и Тулчанский санджак был отдан Румынии за ее участие в войне.

После подписания Сан-Стефанского мира великий князь телеграфировал императору Александру: "Я счастлив поздравить Ваше Императорское Величество с заключением мира. Господь сподобил Вас окончить начатое Вами святое дело — в самый день освобождения крестьян Вы освободили христиан от мусульманского ига..."

В тот же самый вечер Николай Николаевич получил от императора следующий ответ: "Благодарю Бога за заключенный мир. Спасибо тебе и всем нашим храбрецам за достигнутый славный результат. Надеюсь, что европейская конференция не разрушит то, чего достигли мы своей кровью..."

Сан-Стефанский мир, объявивший Болгарию свободной христианской страной в ее исторических и этнических границах, был встречен невиданным всеобщим ликованием болгарского народа. От Эгейского моря до Дуная и от Черного моря до Адриатики впервые за пять веков болгары дышали свободно и праздновали воскресение своей страны, восстановленной почти в границах Первого Болгарского царства Бориса Первого и Симеона Великого и Второго Болгарского царства царя Калояна и Ивана Асеня.

Но ликование это, увы, продолжалось недолго. Скоро со всех сторон начались угрозы. Англия, Германия и Австро-Венгрия потребовали ревизии Сан-Стефанского мирного договора. Конгресс всех европейских великих держав был созван по инициативе Бисмарка в столице Германской империи в июне 1878 года, всего через несколько месяцев после подписания Сан-Стефанского мира.

Германский император Фридрих-Вильгельм, единственный, кто поддерживал императора Александра, своего племянника и друга, незадолго до конгресса был тяжело ранен левым террористом, кроме того, у него обнаружили рак, и он был фактически не у дел. Кронпринц Фридрих и его супруга Фредерика, дочь королевы Виктории, заменяли больного императора. Оба они были русофобами, особенно принцесса, имевшая на мужа большое влияние. Они, конечно, играли лишь протокольную роль хозяев конгресса и были всецело послушны канцлеру Бисмарку, настоящему его хозяину. Кроме Бисмарка, называвшего себя "честным брокером", на конгрессе присутствовали английский премьер-министр лорд Дизраэли-Биконсфилд и министр иностранных дел Виктории лорд Солсбери — оба убежденные русофобы, заклятые враги Александра, которые, конечно, заранее договорились с Бисмарком и графом Андраши, министром иностранных дел Австро-Венгрии, уничтожить созданную императором Александром и графом Игнатьевым объединенную Болгарию.

Замечу, что Великобритания согласилась принять участие в Берлинском конгрессе только после долгих переговоров лорда Дерби с Бисмарком и с русским послом Шуваловым, который уверил его в согласии России на ревизию Сан-Стефанского мира и пересмотр статуса Болгарии. Е апреле Виктория, которая считала Дерби слишком благожелательно настроенным к Александру и созданной им Болгарии, уговорила Биконсфилда заменить его лордом Солсбери на посту министра иностранных дел.

Сам Александр не поехал в Берлин: он понимал, что при отсутствии больного императора Фридриха-Вильгельма Бисмарк будет всеми силами стараться свести к нулю его победы над Турцией и, прежде всего, уничтожить союзную России "раздутую", как тот выражался, Болгарию. Конечно, целью этой антирусской политики Бисмарка была месть императору Александру, помешавшему второму вторжению Германии во Францию, затеянному Бисмарком, чтобы навсегда закрепить разгром Франции 1870 года. "Железный канцлер" решил, что теперь настало время отомстить царю за его защиту Франции несколько лет назад.

Конечно, Бисмарк не мог допустить, чтобы Россия вышла к Эгейскому морю через союзную Болгарию, и особенно, чтобы через нее осуществилось объединение всех южных славян — цель русской политики на Балканском полуострове.

Граф Андраши также считал весьма опасным для Австро-Венгрии, желавшей присоединить Боснию, Герцеговину и другие славянские земли Турции, существование свободной, объединенной Болгарии, которая легко могла стать центром объединения остальных подвластных Порте славян. Известно, что Австро-Венгрия всецело поддержала бы Великобританию в случае новой войны с Россией. В Лондоне, как и в Вене, повторяли слова Виктории, сказанные ею в разговоре с Биконсфилдом и Дерби: "Я не верю, что без боя и без хорошей порки, не дав этим омерзительным русским достойный урок, можно достигнуть с ними какого-либо соглашения".

Александр был принужден уступить этому натиску, чтобы избежать "второй Крымской войны" — как он говорил своим близким сотрудникам. Царь, по настоятельному совету канцлера Горчакова и своего посла в Лондоне Шувалова, решил не посылать на Берлинский конгресс единственного человека, способного отстоять Сан-Стефанскую Болгарию, — графа Н.П. Игнатьева. Это грозило войной с Западом — с Англией и Австро-Венгрией, а Александр был глубоко убежден, что Россия, учитывая усталость армии после войны с Турцией и, конечно, пла-

чевное состояние финансов, не может выйти победительницей в этой новой войне, более того, он боялся, что война с Западом приведет к гибели Российской империи.

Русские представители на Берлинском конгрессе, зная эти настроения государя, считали своим главным долгом избежать войны во что бы то ни стало. Главным представителем России был князь Горчаков, канцлер империи и министр иностранных дел, а также посланник Александра в Англии граф Шувалов и способный сотрудник Горчакова Николай Карлович Гирс, весьма педантичный и осторожный. Горчакову, который возглавлял русскую делегацию на Берлинском конгрессе, в 1878 году было уже 85 лет, и он был весьма трезвым политиком: главной его целью было — избежать конфликта с Западом. Уступив требованию о расчленении Болгарии, он все же добился для России значительных компенсаций: присоединения утерянной в Крымской войне части Бессарабии, отнятой у союзной Румынии, и весьма значительных территорий в Азии — Карса, Батума и Ардагана. Биконсфилд оправдывал перед королевой эти уступки, цитируя Горчакова, который не без огорчения сказал ему: "Мы потеряли сто тысяч солдат и 100 миллионов золотых рублей в этой кампании, и все наши жертвы были напрасными".

Впрочем, представители России на Берлинском конгрессе не без основания считали, что Россия заключила "почетный мир" потому что, вернув себе часть Бессарабии, утраченную в Крымской войне, и получив значительные территории в Азии, в особенности Батум и Карс, она, в сущности, получила территориальные компенсации, которые оправдывали ее уступки в отношении Болгарии.

Однако Румыния, получившая по Сан-Стефанскому миру часть Бессарабии за свое героическое участие в освободительной войне против Турции, была справедливо оскорблена и не хотела присоединять предоставленную ей вместо Бессарабии Добруджу, отнятую у Болгарии в ее пользу, но населенную болгарами. Ореол Царя-Освободителя потускнел в глазах болгарского народа, который сильно пострадал в этой войне и ополченцы ко-

торого героически участвовали в ней. Разочарование болгар было неописуемым.

И хотя сам Александр считал территориальные приобретения в Азии и возвращение утерянной при его отце части Бессарабии значительным успехом, в самой России, как и в Болгарии, царило общее разочарование и уныние...

Решения Берлинского конгресса 1 июля 1878 года уничтожили Сан-Стефанскую Болгарию. Вместо нее было создано маленькое вассальное по отношению к султану болгарское княжество, в которое входили лишь Северная Болгария, ограниченная Дунаем, и так называемая Софийская губерния. Из Южной Болгарии была образована полуавтономная область, названная Восточной Румелией, под политическим и военным контролем султана. Болгарская Македония вся осталась под властью султана. Так были сведены на нет блестящие победы Александра в кровопролитной Освободительной войне. Несмотря на объявление полной независимости от Порты Румынии, Сербии и Черногории, чисто сербские провинции Босния и Герцеговина были насильственно присоединены к Австро-Венгрии. Несомненно, как показало будущее, несправедливый Берлинский договор стал причиной общеевропейской войны 1914-1918 гг.

Глава тридцатая

ЛИЧНАЯ ДРАМА АЛЕКСАНДРА

У Генрика Ибсена есть глубочайшая психологическая драма "Привидения", написанная в 1881 году, в которой описано проявление наследственных черт в характерах потомков. Может быть на эту мысль навела великого норвежского драматурга многогранная личность его современника — русского царя Александра Второго, в котором как бы возродилась его прабабка Екатерина Вторая: с одной стороны, ее необыкновенный государ-

ственный ум и недюжинные способности, с другой — ее болезненная чувственность и сладострастие.

В этой главе я расскажу об увлечении императора Александра, тогда почти пятидесятилетнего, семнадцатилетней княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой.

Ничто не раскрывает с такой полнотой характер человека, как его слабости и личные отношения. В этом смысле переписка Александра с его возлюбленной, которую, как оба они были уверены, никто никогда, кроме адресата, не прочтет, представляет неоценимый источник для беспристрастного историка.

Летом 1859 года Александр решил впервые после Крымской войны провести крупные военные маневры на Украине, чтобы проверить на практике результаты первых преобразований в русской армии. Император считал, что России, окруженной врагами, крайне необходима хорошо вооруженная и обученная армия на случай конфликта с Западом. Была и другая важная причина провести эти важные маневры на Украине — устрашение Польши с целью предотвращения нового восстания.

Когда дата маневров была определена, царь получил весьма теплое приглашение от князя и княгини Долгоруковых — посетить их усадьбу Тепловку и погостить у них несколько дней.

Бывший капитан гвардии князь Михаил Долгоруков служил в армии при Николае Первом, его однокашники теперь занимали видные посты в военной администрации, помнил его и Александр. В годы юности царя бравый капитан Михаил Долгоруков получил от его отца милостивое разрешение выйти в отставку по причине женитьбы на богатейшей украинской помещице Вере Вишневской, праправнучке знаменитого полковника Вишневского, привезшего с Украины в Петербург неграмотного пастуха красавца-певца Алешу Разума, который из хориста придворной капеллы императрицы Елизаветы Петровны превратился в ее фаворита, а потом и морганатического супруга, графа Алексея Разумовского. Александр превосходно знал русскую историю и, в частности, историю аристократического рода князей Долгоруко-

вых, происходившего от полулегендарного Рюрика.

Поскольку именно из этого старинного аристократического рода происходила Екатерина Михайловна Долгорукова, ставшая впоследствии морганатической супругой императора Александра, расскажу подлинную историю ее рода, более древнего, чем род Романовых.

В те времена древностью рода гордились, особенно в России, может быть потому, что дворянство со времен Петра Великого получить было довольно легко: потомственное дворянство давалось всякому чиновнику в любом административном ведомстве, достигшему известного ранга на служебном поприще. Сам Александр проводил в этом отношении весьма либеральную и демократическую политику, давая дворянство и иностранцам, и евреям, состоявшим на государственной службе.

Летопись прослеживает род князей Долгоруковых (Долгоруких) от Рюриковичей, варяжских князей, начавших править Русью в 879 году. Подлинно исторической личностью был один из князей Долгоруких — Михаил Черниговский, плененный и замученный татарами в 1246 году, когда во главе своей дружины храбро защищал он родной Чернигов. Летопись сообщает, что князь Михаил Черниговский был причислен русской церковью к лику святых. Замечу, однако, что тогда Долгорукие носили имя князей Оболенских по названию своего удела Оболенска, в окрестностях древнего русского города Калуги. В 14 столетии князь Иван Оболенский, удельный владелец Оболенска, значительно расширил свои владения за счет соседей, за что получил прозвище Долгорукий, которое позже стало фамилией его наследников. Существовали две ветви потомков этого рода: Долгорукие и Долгоруковы.

В петровские времена самым известным представителем этого рода был князь Алексей Долгоруков, любимец внука Петра Великого, юного императора Петра Второго, сына царевича Алексея. Долгоруков уговорил его отвергнуть дочь Меньшикова и сделать своей невестой его родственницу Екатерину Долгорукову. Но перед самой коронацией в 1730 г. юный император Петр Алексеевич умер от оспы, и Алексей Долгоруков был со все-

ми своими родственниками сослан в Березово, в Сибирь, где двумя годами раньше жил в ссылке его враг Меншиков и где долгие годы пришлось жить многим членам семьи Долгоруковых.

Когда в юности Александр путешествовал по Сибири, он много наслышался о разных сибирских изгнанниках, не только декабристах. Сам сибирский генерал-губернатор рассказывал ему о Долгоруковых, некоторые из которых стали коренными жителями Сибири и обосновались на Урале, в соседстве с процветающими там рудниками, надеясь, очевидно, позолотить свой поблекший княжеский герб. Одним из них был дед Кати, ставшей после кончины императрицы Марии Александровны морганатической супругой царя. Этот Михаил Долгоруков слыл весьма ловким дельцом. Его сын, тоже Михаил, родившийся на Урале, пошел по иному пути. Он был принят в один из гвардейских полков еще при Николае Первом, который, как известно, стремился доказать Западу, что русская аристократия не менее родовита, чем английская, французская и немецкая. О его женитьбе и отставке я уже рассказал. Он поселился в имении Тепловка, в окрестностях Полтавы, которое когда-то принадлежало его прадедам, но впоследствии побывало в разных руках. Невеста Михаила Долгорукова откупила Тепловку, и он получил ее в приданое.

Все эти подробности о князе Михаиле и княгине Вере Долгоруковых император Александр знал. Он принял приглашение посетить их усадьбу во время больших маневров летом 1859 года. Император страдал астмой с юношеского возраста, когда по приказу отца воспитатели заставляли его слишком усиленно заниматься гимнастикой и военными упражнениями, и надеялся после утомительных больших маневров день-два отдохнуть на лоне природы в замке Долгоруковых, о великолепии которого он много слышал.

Тепловка была в то время роскошной дворянской усадьбой. Она находилась в ста верстах от Полтавы, среди степей и рощ. Посреди громадного английского парка еще времен фаворита Екатерины Великой Завадовского в проточном озере плавали лебеди. Трехэтажный

каменный замок стоял на берегу озера, в окружении вековых дубов и лип. Он был обставлен дорогой и модной мебелью, привезенной из Варшавы, стены были обиты шелком и увешаны картинами известных западных живописцев.

Содержание этой резиденции обходилось непомерно дорого, доходы были невелики, когда-то весьма значительное наследство Веры таяло. Расчетливая княгиня Долгорукова надеялась поправить свое финансовое положение посещением государя, но и сама точно не знала, как это сделать. Муж ее был уже слишком пожилым, чтобы получить должность при дворе, да и никакого жалованья не хватило бы, чтобы решить их материальные затруднения. Но предприимчивая княгиня знала, что государь мог ограничить домогательства их кредиторов... Еще важнее было для нее определить своих четырех сыновей в привилегированные столичные гвардейские корпуса, а обеих дочерей — в знаменитый Смольный институт, закончив который и став фрейлинами императрицы, могли бы они по протекции государя найти себе хороших женихов.

В 1859 году тогда еще тринадцатилетняя Катя уже выглядела как взрослая девушка и обещала стать красавицей. Ее одиннадцатилетняя сестренка Маша, которую в семье звали "Муш", была также очаровательной девочкой, развитой не по годам. Мать гордилась ими и с присущей ей практичностью уже высматривала богатых женихов между первенцами соседей-помещиков...

Приглашая государя посетить Тепловку во время летних маневров, она надеялась, что в его свите найдутся молоденькие офицеры из знатных и богатых семей, которые обратят внимание на ее дочерей. Конечно, ее беспокоил вопрос о приданом для них, но она надеялась, что, благодаря будущим связям с двором, она сумеет выгодно продать Тепловку, отделаться от долгов и дать дочерям приданое.

* * *

Маневры должны были проводиться к юго-востоку от Полтавы, в степях и рощах приднепровской низменности, верстах в сорока от Тепловки. Император собирался прибыть на маневры к концу недели, на последние три дня, и остановиться на ночлег у Долгоруковых.

Когда специально посланный адъютант известил Долгоруковых, что "Его императорское величество государь император прибудет в Тепловку с небольшой свитой в двенадцать человек прямо с маневров в середине текущей недели", радости их не было конца. С понедельника княгиня Вера сама осматривала приготовленные для государя и его свиты парадные комнаты в бельэтаже. Она заставляла слуг в сотый раз передвигать мебель, протирать золоченые рамы давно описанных за долги, но все еще висевших в доме картин, купленных в былые счастливые времена, гладила рукой казавшиеся ей пыльными шелковые обои, меняла цветы в фарфоровых вазах, в десятый раз приказывала выбивать пыль из ковров, перетирать зеркальные стекла окон.

Настроение хозяйки дома передалось всей семье. Особенно переживала все эти события старшая дочь Катя: она словно чувствовала, что приезд царя будет иметь какое-то особенное значение лично для нее, для всей ее будущей жизни. Она ходила за матерью по дому, и ей все казалось, что еще чего-то недостает, что еще что-то надо успеть сделать, чтобы достойно принять государя.

Катя на всю жизнь запомнила, как увидела в подъезжавшей коляске государя, статного красивого офицера в генеральском походном гвардейском мундире, приветливо улыбавшегося и казавшегося удивленным этой толпой приветствовавших его людей. Князь и княгиня подошли к царской коляске, чтобы помочь выйти из экипажа высокому гостю, но царь опередил их, проворно соскочив первым, поцеловал руку хозяйке, застывшей в церемониальном реверансе, и обнял низко поклонившегося ему князя, не пожелавшего на этот раз подчиниться своей властной жене, просившей мужа надеть гвардейский капитанский мундир.

Александр, обменявшись рукопожатием с хозяевами и несколькими их родственниками, приветливо поздоровался с молодыми Догоруковыми. Мальчики, наученные отцом, вытянулись по-военному и застыли перед государем. Но больше всего понравились царю обе девочки в модных французских летних платьях, низко вырезанных, как у взрослых, весело и весьма свободно сделавшие обычный церемониальный реверанс, словно они выросли при дворе. Александр улыбнулся, довольный этим радушным приемом и тронутый искренним восторгом всей семьи. Он, как ни странно, сразу поразился прекрасному лицу старшей девочки Кати, залившемуся краской румянца под его пристальным взглядом. Александр склонился и поцеловал Катю и Муш. Обе они сияли от счастья, радостно улыбалась и их мать, гордая вниманием государя. Она считала посещение Тепловки государем важнейшим событием своей жизни.

Гости немного отдохнули с дороги, и уже загремел обеденный гонг. В громадной столовой замка были изящно накрыты маленькие круглые столики: белоснежные скатерти, сервизы и фамильное серебро с вензелями Долгоруковых. Все это было давно описано за долги, но еще оставалось в руках князя и княгини, пока они успевали платить ежегодные проценты, продавая одну за другой свои более мелкие усадьбы, разбросанные по Полтавщине. Все же, несмотря на финансовые затруднения, жили Долгоруковы на широкую ногу. Государь и его спутники были приятно удивлены почти столичным аристократическим убранством дома. Никто лучше самой княгини не знал, как близок их финансовый крах — и именно поэтому она напрягала все силы, чтобы достойно встретить государя, который мог мановением руки спасти и восстановить их прежнее благосостояние. Впрочем, так жили не одни Долгоруковы, а почти все русские аристократы в этот период ломки старого уклада, существовавшего еще со времен Екатерины.

Пройдя в столовую, спутники царя сами выбрали себе места, однако для царя стоял посередине большой стол, за которым с государем и обоими генералами разместились и хозяева. Лакеи в ливреях обслуживали все

это общество, разнося блюда, напитки и проворно сменяя сервизы, как это обыкновенно делалось во дворце. После десерта хозяева и гости через просторную террасу спустились по каменным ступеням между клумбами ароматных цветов к самому озеру.

Прибывшие с царем молодые офицеры уже подружились с юношами Долгоруковыми, а обе девочки старались помогать матери развлекать государя. Александр, по обыкновению, держал себя непринужденно и своей приветливостью очаровывал всех. Он рассказывал молодым Долгоруковым об их предках много такого, чего они никогда не слышали, спрашивал их, не считают ли они, что им пора поступать в военный корпус или в университет, чтобы служить отечеству.

Предприимчивая мать подозвала обеих девочек и выразила перед государем надежду, что и они обе, окончив какой-нибудь из императорских институтов, смогут со временем стать фрейлинами императрицы. "Это моя самая большая амбиция, государь!" — сказала она Александру, гуляя с ним и со своими дочерьми вокруг озера. Он же, ласково соглашаясь с нею, спрашивал их, хотели ли бы они приехать в Санкт-Петербург и поступить в Смольный институт через два-три года? — "Конечно, ваше величество! — отвечала старшая, Катя. — Мама мне не раз говорила об этом". Однако это все еще были лишь общие вежливые разговоры, которым ни сам царь, ни княгиня Вера, ни ее дочери не придавали серьезного значения.

Как-то государь прогуливался по парку. К его окружению, в которое на этот раз входили князь и княгиня, обе девочки и генералы, скоро присоединились и сыновья Долгоруковы с офицерской молодежью: они определенно интересовались тем, что говорил государь. Александр, обращаясь к ним, сказал:

— России нужны способные и образованные офицеры, настоящие вожди русского народа. Вот, я думаю, лучшее ваше поприще, — обратился он лично к молодым Долгоруковым. — Торопитесь кончать гимназию и поступайте в военные училища.

— Как у них математика? — спросил он князя.

— Хорошо, ваше величество, — ответила за мужа княгиня, — они все четверо первыми идут в своих классах.

— Ну вот и отлично! — заключил государь, переходя на вопросы хозяйственного характера и интересуясь доходами усадьбы.

Долгоруковы отвечали уклончиво, добавляя, что производство зерна упало в прошлом году, а овощи и фрукты некуда вывозить.

Возвращаясь с прогулки, государь с известным беспокойством заговорил о Польше и брожениях там...

Вечером, после ужина, все разделились на группы и стали играть в вист, который тогда был очень моден. За главным столиком сидел сам царь с княгиней и двумя генералами, за тремя другими играли молодые офицеры. Старый князь сидел в кресле: он карты не любил с тех пор, как проиграл в молодости крупную сумму. Катя молча следила за игрой государя, не сводя с него глаз. Александр играя — а играл он умно и хорошо — время от времени смотрел на Катю: видно было, что она ему нравится. Княгиня тоже играла неплохо, как все умные и расчетливые люди. Ставки были небольшие, как повелось со времен Николая Первого, — не чтобы выиграть, а чтобы игра была более интересной.

Когда старинные часы в гостиной пробили двенадцать, государь встал, тотчас поднялись и остальные. Гости и хозяева, довольные друг другом, тепло простились на ночь.

На другой день после завтрака с обычным русским чаем из серебряного самовара, с французскими булочками, только что вынутыми из печи, прекрасным сливочным маслом и вишневым вареньем, царь тепло поблагодарил княгиню и князя за их гостеприимство, расцеловался с ними и как-то очень сердечно обнял и поцеловал смущенную Катю, а за ней и ее сестренку Муш. Мальчики поцеловали государю руку. "До скорого, в корпусе, в Санкт-Петербурге!" — пожелал он им, садясь в ожидавшую его коляску. Все его спутники сердечно распрощались с хозяевами, и выразили надежду скоро опять увидеться в столице.

Так закончился этот памятный для Долгоруковых визит императора Александра Николаевича в Тепловку летом 1859 года.

Прошло несколько лет, весьма неблагоприятных для князя и княгини Долгоруковых. Банки, ссудившие им значительные займы, уже несколько раз описывали их усадьбу, и только продав бриллианты и личное золото, княгиня Вера смогла уплатить проценты и спасти Тепловку от публичных торгов... Конечно, все эти заботы преждевременно состарили князя и княгиню, а тут еще грянул гром крестьянской реформы 1861 года, и они потеряли всех своих крепостных.

Княгиня Вера долго не решалась беспокоить государя, но финансовый крах семьи был неминуем. В довершение всех несчастий сгорел прекрасный дом Долгоруковых. Постройку лишь частично удалось спасти, благодаря усилиям прибежавших из деревни нескольких бывших крепостных, помнивших хорошее отношение к ним господ. Ходили слухи, что кучка недовольных бунтарей в одну ненастную ночь во время грозы подожгла дом, хотя в донесениях полтавскому генерал-губернатору полицейские власти ссылались на молнию, от которой будто бы он загорелся. Удалось Долгоруковым спасти лишь столовое серебро и несколько ценных картин. Теперь, когда кредиторы узнали о пожаре, стали они настойчиво требовать продажи имения для покрытия долгов.

Только после этого княгиня решилась написать царю. Ее письмо тронуло сердобольного государя, который помнил свое посещение Тепловки во время полтавских маневров, и он решил помочь этой гостеприимной и преданной ему дворянской семье. По тогдашним законам, император мог взять под свое покровительство пострадавшую от бедствия дворянскую семью, запретив алчным кредиторам разорять усадьбу и остановив экзекуцию государственных банков. Одновременно удовлетворил он просьбу Долгоруковых, взяв на свое личное попечение их детей: четверых мальчиков определил царь в столичные военные гвардейские корпуса, а обеих девочек — в Смольный институт на свои личные средства. Их

образование теперь было обеспечено. Княгиня Вера от своего имени и от имени мужа написала трогательное благодарственное письмо их высочайшему благодетелю. Впрочем, благородный, отзывчивый характер государя был известен всей России. Александр щедро помогал всем, обращавшимся к нему, и, конечно, не только дворянам.

* * *

По прошествии четырех лет преждевременно скончался князь Михаил Догоруков, сломленный всеми постигшими его несчастьями. Супруга его собиралась, благодаря заступничеству близких к царю вельмож, сдать в аренду Тепловку и на вырученные деньги купить два имения недалеко от столицы в приданое своим дочерям. Сама княгиня Вера переехала в Санкт-Петербург, где сняла для себя скромную квартирку на окраине. По праздникам она принимала в ней сыновей, приходивших из своих корпусов, и навещала дочерей в Смольном.

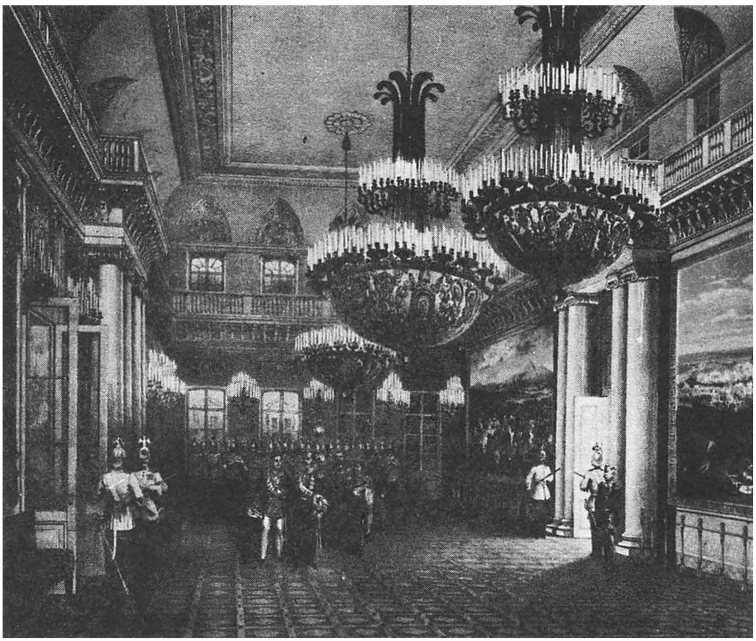
Девочки подросли — Кате было 18, а Муш 16 лет. Как все молодые девушки, мечтали они о красивом и богатом женихе, и конечно, пушкинская Татьяна была их идеалом. Они были чисты и невинны и не помышляли изменить идеалу, в котором они были воспитаны с раннего детства, да и большинство русских юношей — кадетов старших классов, гимназистов и юнкеров или студентов-первокурсников, — принадлежащих к дворянству, которые встречались с ними на балах или на театральных представлениях, глубоко уважали их нравственные принципы. Как все их подруги, жили они в Смольном чистой жизнью, старались хорошо учиться и попасть на мраморную доску отличниц... По большим праздникам устраивались в институте приемы и балы, конечно, лишь для учениц старших классов, где под надзором своих классных дам они танцевали и знакомились с молодыми людьми, где нередко начинались романы, никогда, однако, не переходившие границы допустимого. Но самыми радостными для институток были так называемые "царские дни", когда в Смольный приезжали

государыня-императрица или великие княгини, родственницы царской четы. Конечно, вместе с императрицей приезжал нередко и сам государь. Начальница Смольного, которая назначалась с согласия государя царствующей императрицей, представляла высоким гостям всех своих питомиц, называя их по имени и фамилии.

Когда обе Долгоруковы поступили в Смольный, императрица Мария Александровна была тяжело больна, больше лежала в постели и почти не выходила из своей комнаты. Она не могла уже посещать Смольный, и начальница госпожа Леонтьева очень настаивала, чтобы хотя бы изредка сам государь приезжал сюда: "Это большая честь для воспитателей и для институток, она имеет громадное значение для всех нас и со времен государыни блаженной памяти Екатерины Алексеевны стала традицией". Она не раз говорила это министру двора графу Адлербергу. Александру было приятно видеть молодежь и поощрять ее воспитание в монархическом духе, и он охотно соглашался заменять в этом деле больную супругу.

В начале апреля 1865 года царь получил из Франции скорбное известие о том, что, по мнению лучших докторов, его любимый сын, наследник престола великий князь Николай Александрович, отправленный в Ниццу на лечение, умирает. Был он очаровательным юношей, которого обожали все, кто его знал. Отец лично руководил его воспитанием и образованием, готовя себе достойного преемника на русском престоле.

Царя особенно мучило сознание, что он невольно стал причиной болезни сына. Был царевич по природе несколько женственным и весьма изнеженным юношей. По совету его воспитателей и придворных медиков отец велел ему усиленно заниматься спортом, особенно верховой ездой, надеясь, что усиленная тренировка укрепит его здоровье. Однажды утром, стараясь обогнать своих спутников, Николай Александрович упал с коня и повредил позвоночник. Он даже не смог сам подняться на ноги, и его на носилках отнесли во дворец. Молодой человек несколько месяцев был прикован к постели. При попытках встать, он испытывал страшную режущую

Торжественный зал – приемная Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, одной из самых роскошных императорских резиденций в мире. На первом плане император Александр Второй ведет под руку старшего сына наследника престола цесаревича великого князя Николая Александровича, умершего от туберкулеза в 1865 году.

боль в спине. Врачи поставили роковой диагноз — туберкулез позвоночника. Ему становилось все хуже и хуже. Доктора советовали больному мягкий средиземноморский климат. Родители послали сына в Ниццу, сняв для него великолепную виллу на самом берегу моря, среди сказочного парка. Но и Ницца не помогла больному царевичу. Боли в спине все усиливались. Французский специалист, профессор из Парижа, прописал морфин для ослабления болей. В Санкт-Петербург присылали ежедневные бюллетени о состоянии его здоровья. Сама императрица Мария Александровна также тяжело болела туберкулезом легких и ей также становилось все хуже и хуже, может быть, из-за сурового русского климата.

Кратковременное пребывание в Ливадии на берегу Черного моря не помогло ей восстановить силы, ее организм был истощен частыми родами. Она обожала мужа и, конечно, очень страдала, что больше не может быть ему женой. Александр всеми силами старался облегчить болезнь своей жены. Он с мукой в сердце наблюдал, как таяла на глазах его супруга, раньше столь пленительная. Все же долгая ее болезнь утомляла Александра. Испытывая к ней прежнюю привязанность, он в душе начал тяготиться постоянными горестными жалобами жены и, конечно, не мог, будучи страстным и чувственным по природе, ограничить свою жизнь атмосферой этих переживаний.

В Вербное воскресенье, когда в прежней России торжественно праздновали "Неделю Ваий", т.е. вход Господень в Иерусалим, за неделю до Пасхи в три часа пополудни император Александр прибыл в Смольный институт в сопровождении небольшой свиты. По своему обыкновению, государь послал институткам и преподавателям Смольного великолепный обед, который, несмотря на пост, все же был изысканным. На десерт были "заморские фрукты", как их называли институтки, — апельсины, бананы, абрикосы, персики, виноград, разные орехи и прочие сласти. Этот жест государя немало способствовал общему праздничному настроению.

После обычных приветствий и поднесения императору букетов белых роз тот сел в приготовленное для него большое позолоченное кресло, увенчанное императорской короной, и, сделав знак рукой, пригласил сесть всех присутствовавших: свиту, преподавателей и институток старших классов. Потом госпожа Леонтьева, начальница Смольного, стала вызывать институток по алфавиту. Здесь были русские, украинки, польки, грузинки, черкешенки, финки, немки, француженки и итальянки, принадлежавшие к аристократии своих стран. Девочки вставали и склонялись перед государем в почтительном традиционном реверансе.

Когда император услышал имена княжен Екатерины и Марии Долгоруковых, которых он, конечно, сразу узнал, он спросил у начальницы: "Не дочери ли эти ба-

Княжна Екатерина Долгорукова (будущая княгиня Юрьевская) в форме Смольного института. (Современная фотография.)

рышни князя Михаила Долгорукова, которого я посетил несколько лет тому назад в его усадьбе Тепловке во время полтавских военных маневров?" — "Да, ваше императорское величество, — поспешила ответить начальница, польщенная вниманием царя к ее воспитанницам, — это Екатерина и Мария Михайловны, дочери князя Долгорукова..." И госпожа Леонтьева подозвала обеих девочек, которые, раскрасневшись от удовольствия, приветливо улыбаясь, снова сделали свой торжественный реверанс.

В это время Кате было уже восемнадцать лет, а ее сестре шестнадцать. Обе они поражали своей необыкновенной красотой. Однако внимание Александра больше привлекла старшая — Катя, лицо которой уже и в Тепловке поразило его своей прелестью. Император, конечно, никак не проявил своих чувств, однако в этот самый момент он страстно влюбился в восемнадцатилетнюю красавицу.

По описанию современников, Катя была среднего роста, с изящной фигурой, с изумительно нежной кожей оттенка слоновой кости и роскошными светло-каштановыми волосами. У нее были выразительные светлые глаза и красивый рот с тонкими губами и прекрасными белыми зубами. При всех этих физических достоинствах она обладала добрым, отзывчивым сердцем и на редкость веселым и приветливым характером. Немудрено, что влюбчивый, чувственный Александр, который в эти годы особенно нуждался в женской любви и ласке, сразу полюбил эту привлекательную юную девушку, обладавшую кристально чистой, непорочной душой пушкинской Татьяны — идеал, который всю жизнь Александр искал и не находил.

Но он не был по натуре ни Иваном Грозным, ни Петром Великим, ни даже Людовиком XIV или Людовиком XV. Оба первых не поколебались бы похитить девушку и насильно заставить тешить их похоть, оба вторых, по обычаям французского двора, никак не заботились бы о личных чувствах девушки и овладели бы ею, а удовлетворив свою страсть, впоследствии бросили бы жертву своего распутства, заменив ее другими красавицами.

Александр же не был ни развратником, ни насильником. В предмете своей любви он прежде всего искал душевного общения, человеческой взаимности. Он искал в ней не любовницу, а подругу жизни. Своей "женой перед Богом" называл он пленившую его Катю. Александр не был мистиком, как Александр Первый, и русское ханжество было ему чуждо. Для него исполнение заветов религии — а был он глубоко верующим христианином — состояло прежде всего в делах, т.е. в гуманном, благородном отношении ко всем людям.

Будучи юношей, Александр всегда честно относился к объектам своего чувства: например, мечтал он жениться на польке Ольге Калиновской, которая была его первой любовью. Нежно любил он свою супругу Марию Александровну на протяжении их долгой совместной жизни, пока ее неизлечимая болезнь не прекратила их супружеские отношения.

Чувственный Александр, как свидетельствуют современники, до своего романа с Катей имел несколько связей с красивыми женщинами из своего окружения. Конечно, около царей и сильных мира сего всегда находятся люди, особенно женщины, которые, ища выгоды, стараются способствовать их связям. Около Александра Николаевича в этом качестве подвизалась весьма опытная и проворная Варвара Шебеко, бывшая смолянка.

Варвара была близкой приятельницей бывшей смолянки Александрины Долгорукой, которая принадлежала к старшей, более аристократической ветви этого древнего рода, и играла, по словам ее современницы Анны Тютчевой, видную роль при дворе, став в 1852 году, едва завершив свое образование в Смольном, придворной дамой императрицы Марии Александровны, когда та была еще великой княгиней. И хотя Долгорукая была страстно привязана к ней, не исключено, что у нее были весьма близкие отношения с Александром, тогда наследником престола. Впрочем, многие современники отрицают эту предполагаемую связь. Однако историк Константин де Грюнвальд и автор известной монографии "Катя" Александр Тарсаидзе приводят выдержку из письма императора Александра к Александрине, уже вышедшей за-

муж за генерал-адъютанта Петра Альбердинского, датированное августом 1865 года, в котором Александр пишет о своей "ране, которую трудно вылечить, и о сердце, которое вечно будет страдать..."

Варвара Шебеко осталась близкой к ним обоим, и может быть именно это обстоятельство позволило Александру довериться ей теперь. С ней Александр посылал Кате сладости и фрукты, так как она, будучи вхожа в Смольный и состоя в весьма близких отношениях с госпожой Леонтьевой как ее родственница, легко могла передавать это Кате, не возбуждая излишних толков. Впрочем, наверное и сама Леонтьева, женщина опытная, зная о близости Александрины Долгорукой с великим князем Александром, ставшим теперь императором, несомненно, догадывалась об особенном интересе государя к Кате Долгоруковой и понимала, какую роль в этом деле играет Варвара Шебеко. Конечно, начальница Смольного тоже стремилась всячески заслужить доверие и протекцию государя.

Однажды, когда Катя простудилась и была отправлена в институтскую больницу, Варвара Шебеко устроила визит царя, конечно, инкогнито, к больной Кате, чего никак нельзя было сделать без содействия госпожи Леонтьевой. Этот визит Александра был первой встречей его с Катей наедине, и, конечно, она поняла, что самодержец Российской империи питает к ней особенные чувства.

Тем временем Вава — так звали Варвару Шебеко ее близкие — подружилась с княгиней Верой Долгоруковой, нашла для нее более приличную квартиру, одновременно одолжив княгине для этого необходимые деньги. Другие дети Долгоруковы, учившиеся в столичных гвардейских корпусах, а также родственники и знакомые княгини, несмотря на соблюдение ею тайны, знали, что ей помогает сам царь, но конечно не понимали, что это связано с интересом царя к Кате.

Впрочем, Вава настоятельно советовала княгине Вере никому не говорить об этом ни слова. "Очень может всему навредить, если об этом узнают при дворе и в высших столичных кругах, — постоянно повторяла Варвара,

— впрочем, это — ваше семейное счастье... Вы ведь знаете, что ваш прапрадед полковник Вишневский нашел в своем имении на Украине простого казака, который с его легкой руки стал фаворитом Елизаветы Петровны... Это у вас в семье...”

Обе женщины, единственные близкие Кати в Санкт-Петербурге, конечно, всеми силами внушали девушке быть нежной с царем и сердились на нее за ее слишком осторожное отношение к вниманию государя. Но Катя, истинно русская девушка, твердо решила оставаться целомудренной и не поддаваться соблазнам. Она, конечно, в душе была горда своим необыкновенным успехом, но инстинктивно противилась своему обожателю, а тот все более и более старался показать ей свою пламенную любовь.

При встрече с царем, о которой предупредила Варвара Шебеко, Катя держалась почтительно, но сознательно соблюдала дистанцию, не поощряя своего пламенного поклонника. Однако именно эта ее сдержанность еще более воспламеняла Александра. Между тем Варвара продолжала плести хитрую интригу: она убеждала государя, что Кате следует под предлогом нездоровья из-за сурового петербургского климата как можно скорее покинуть Смольный, пока не начались толки. То же самое она говорила матери Кати, убеждая ее, что счастье и карьера ее сыновей и обеих дочерей в руках государя и что она должна уговорить дочь быть более покладистой. Одновременно она сказала Кате, что выпускные экзамены будут весьма трудными и что преподаватели не ручаются за ее успех. Очевидно это обстоятельство более всего подействовало на Катю, и она решилась последовать советам матери и Варвары и покинуть Смольный. Впрочем, ничего не подозревавшие ее соученицы и преподаватели именно так и расценили ее уход из Смольного. У Кати были средние успехи, и слабое здоровье явилось хорошим предлогом. К тому же так поступали многие институтки перед выпускными экзаменами, боясь провалиться.

Итак, не дожидаясь выпускных экзаменов, Катя объявила о своем намерении вернуться домой. Но, ко-

Княжна Екатерина Долгорукова после своего ухода из Смольного института в 1866 г.

нечно, в Полтаву она не вернулась. Поселилась она в Санкт-Петербурге у матери, как советовала Вава. Более всех был доволен отчислением Кати из Смольного, где, впрочем, оставалась ее младшая сестра, конечно, сам Александр. Он был безмерно признателен Варваре Шебеко.

Однако посещения царем княгини Веры были бы крайне рискованны, потому что возбудили бы толки по всей столице, и изобретательная Вава посоветовала Александру встречаться с Катей в Летнем саду, находящемся лишь в нескольких шагах от Зимнего дворца. Царь любил отдыхать в саду от докладов и приемов, и это не могло вызвать подозрений. Сама она обещала ежедневно приходить туда с Катей. План этот очень понравился Александру.

Летний сад был одной из жемчужин Санкт-Петербурга. От Зимнего дворца до него было легко дойти пешком. В теплые летние дни жители столицы могли здесь отдохнуть в тени декоративных деревьев, привезенных со всех концов России и Европы. В конце весны начинали цвести пышные кусты сирени, жимолости и жасмина и благоухали клумбы, где весенние нарциссы, гиацинты и голландские тюльпаны сменялись летними левкоями, резедой и пахучим белым табаком. Тут же была специальная аллея, по обеим сторонам которой пестрели розы всех оттенков, вывезенные из Италии и Франции: их чудный аромат окутывал все вокруг. Однако гуляющих здесь бывало немного, потому что вблизи царского дворца находились богатейшие, утопающие в великолепных садах особняки, принадлежавшие столичной аристократии и высшим чиновникам.

Александр любил прогуливаться по дорожкам парка, посыпанным желтым песком и мелкими ракушками, которые приятно хрустели под ногами, останавливаться перед мраморными статуями или любоваться фонтаном, бьющим над бассейном, где резвились золотые рыбки. Приходили сюда гулять гувернантки со своими питомцами, но они обычно толпились перед клетками с диковинными заморскими птицами или бросали хлеб лебедям, плававшим в озере.

В те годы жизнь в Петербурге была сравнительно спокойной, еще продолжал царить николаевский порядок и не наступило смутное время, когда начали взрываться бомбы анархистов и террористов "Народной воли". Предусмотрительная Варвара Шебеко выбрала для свиданий этот земной рай, потому что инстинктивно понимала, что утонченному Александру необходима соответствующая обстановка для романа.

Император приходил на эти встречи с Катей всегда немного раньше. Окончив рабочий день, выходил он из боковых дверей своей резиденции, где не было часовых и ключ от которых был у него. Брал он с собой одного из молодых, но преданных ему адъютантов, который умел ничего не видеть и не слышать. Не спеша, словно гуляя, шли они к Летнему саду, говоря между собой о происшествиях дня или о газетных новостях. Молодой человек понимал, что государю необходимы эти банальные разговоры, чтобы скрыть внутреннее волнение перед встречей. Войдя в парк, Александр обыкновенно отправлялся со своим спутником к клеткам с попугаями, как будто его больше всего на свете интересовали их кувыркания и резкие крики, напоминающие человеческие голоса. Но Александр делал это совсем не из лицемерного желания обмануть встречных, впрочем, довольно редких в эти часы, а чтобы отвлечь себя от овладевшего им волнения. Его увлечение не было страстью пятидесятилетнего зрелого человека, это было чувство юноши, переживающего свою первую любовь. Ему трудно было овладеть собой в присутствии любимой девушки, и он смущался и робел каждый раз, когда встречался с ней.

Катя приходила всегда с "тетей Вавой", как она называла Варвару Шебеко. Любопытно, что ее почти не волновала встреча с властелином России, которого боготворили не только все ее близкие, но и седые генералы, и высокомерные мужи. Любовь императора была для нее еще чем-то нереальным и не осознавалась ею до конца. Это давало ей необыкновенное внутреннее спокойствие, которое удивляло и озадачивало ее собеседника и еще сильнее разжигало снедавший его внутренний огонь.

Впрочем, такое отношение царя к этой наивной, чистой девушке, почти ребенку, доказывает, что сам он не был ни развратником, ни даже эпикурейцем, а оставался глубоко порядочным человеком, не способным вести себя, как пошлый великосветский распутник.

Странны были их разговоры. Он пытался объяснить ей силу своей любви, чистой и возвышенной, не требующей от нее ничего. Она же, сохраняя почтительность, видела в нем лишь государя, которому все позволено и который ничего не требует. Конечно, если бы он проявил власть, возможно, она покорилась бы его страсти, но, будучи честной и целомудренной девушкой, она вела себя так сдержанно, что он порой принимал это за враждебность или обидное для него холодное безразличие. Разговоры эти вели они с глазу на глаз. Как только Катя появлялась, адъютант почтительно удалялся, то же делала и Варвара Шебеко, шепнув Кате на ухо: "Иди же! Видишь, государь пришел!"

Варвара Шебеко оставляла Катю, а сама направлялась к птичьим клеткам или к фонтану. Поговорив несколько минут о совсем неважных для них обоих вещах, о Смольном институте, о братьях Кати, о том, как она дома проводит время, император, поклонившись своей собеседнице, шел к аллее, где гулял его адъютант, а Катя направлялась к клеткам, где ее, по обыкновению, поджидала тетя Вава. Конечно, та каждый раз принималась ругать Катю, а дома жаловалась ее матери на ее безрассудство и "неприличное поведение по отношению к государю". Старая княгиня Вера еще строже бранила дочь, говоря, что по своей вине теряет она — и не только для себя, но и для всей семьи — то, что слепой случай ей поднес. Катя же молча садилась к столу и пила чай, казалось, не понимая, чего эти две женщины от нее хотят.

Все же постепенно Катя свыкалась с мыслью, что следует, хотя бы лишь "идеалистически", принять царскую любовь. Она начала отвечать Александру все более и более сочувственно, хотя у нее и в помыслах не было малейшего компромисса. Она просто начинала думать, что любовь царя — это что-то возможное.

Варвара уверяла царя, что, несмотря на свое "укра-

инское упрямство, унаследованное от матери", Катя начинает свыкаться со своим положением, что государь, в сущности, должен быть доволен, что у нее такие строгие моральные принципы, ведь это означает, что она никогда ему не изменит.

Царя радовали постепенные перемены в отношении к нему Кати, она стала привыкать к нему, встречала приветливой детской улыбкой, не проявляла прежней сдержанности, которая казалась ему враждебностью. В сущности ее сопротивление было лишь следствием ее девичьей чистоты. Теперь ему было ясно, что девушка не отвергает его чувство.

Однако стало казаться, что обычные посетители парка начали обращать внимание на статного пожилого красивого барина, который всегда в определенные часы встречался с привлекательной молодой барышней. Чужое внимание к этим не слишком частым встречам, хотя они не походили на свидания влюбленных, беспокоило Александра. Он опасался, что его узнают или, по крайней мере, им заинтересуются эти постоянные, хотя и редкие посетители Летнего сада. Варвару Шебеко тоже стали беспокоить невольные свидетели этих встреч, и она посоветовала переменить место свиданий.

Александр решил перенести свои свидания с Катей на живописные Каменный, Елагинский и Крестовский острова, где были частные особняки богатых петербуржцев, окруженные садами и обнесенные высокими кирпичными стенами с крепко запертыми калитками и воротами.

Александр и Катя приходили всегда в разные условленные заранее аллеи, где между деревьями стояли крашенные в зеленый цвет скамейки, на которых в эти послеобеденные часы не бывало посетителей. Они садились на одну из них и продолжали свои разговоры, становившиеся все более и более задушевными.

Так прошел 1865 год и наступил 1866. Встречи их продолжались и зимой. Когда погода не была слишком ненастной, император приезжал со своим неизменным адъютантом на санях, оставлял кучера у Невы, а сам удалялся со своим компаньоном к боковой аллее, куда на

извозчике прибывала и Катя с неизменной тетей Вавой.

В мае 1866 года скончалась мать Кати. Это было большим горем для молодой девушки. Умерла княгиня Вера внезапно, так и не успев продать свою полтавскую усадьбу и наделить приданым своих дочерей. Катя осталась в той же квартире, за которую теперь платила тетя Вава, она поселилась вместе с Катей и руководила ею во всем.

Брат Кати Михаил принял на себя управление Тепловкой, но своим неумелым и безалаберным руководством окончательно разорил усадьбу. Заплатив кредиторам, он оставил себе, братьям и сестрам ничтожное денежное содержание. Он посылал им едва по 50 рублей в год, чего, конечно, не могло хватить никому из них на жизнь в Петербурге. Князья Долгоруковы, окончив свои корпуса, при покровительстве царя получили должности в военном ведомстве, Муш продолжала получать из личных средств государя стипендию на свое содержание в Смольном, Катя также получила свою несколько увеличенную стипендию, хотя и покинула Смольный. Об этом позаботилась Варвара Шебеко, конечно, не забыв и себя.

Отношения царя с Катей становились все более близкими: они глубоко привязались друг к другу.

13 июля 1866 года праздновалась годовщина свадьбы императора Николая Первого. Хотя он сам умер еще в 1855 году, но вдовствующая императрица Александра Феодоровна сохраняла эту традицию. Центром празднеств был Петергоф — русский Версаль, как его называли. Гостями императора были не только все придворные, но и тысячи русских граждан считали себя "царскими гостями", участвуя в массовых обедах и ужинах, балах и приемах и присутствуя на фейерверке в Петергофском парке.

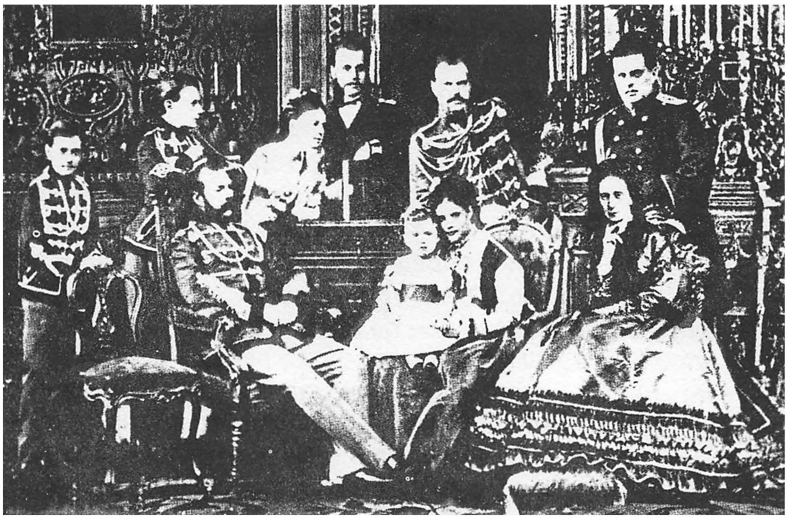
Верстах в трех от главного Петергофского дворца находился императорский замок Бельведер, его роскошные апартаменты император предоставил своим иностранным гостям и тем русским, которые пользовались его особенным расположением. Впрочем, в бельэтаже находилось несколько прекрасно меблированных комнат,

предназначенных для него лично, со всеми западными удобствами, включая майоликовые туалеты и ванные с холодной и теплой водой.

Сюда Варвара Шебеко 13 июля 1866 года привела ночевать Катю, а сама устроилась в соседних апартаментах, чтобы создать впечатление, что девушка была именно с ней. В этот вечер Катя отдалась своему возлюбленному, которого теперь страстно любила. Много лет спустя после трагической смерти Александра, став уже пожилой женщиной, морганатическая вдова царя писала: "Как все это случилось? Как могла я сопротивляться ему так долго? Как я не отдалась ему раньше? Я думаю, что это произошло лишь потому, что, видя его таким грустным и таким несчастным, я уступила и поддалась, — и наша взаимная любовь победила..."

Александр, глубоко тронутый, сказал своей возлюбленной в этот вечер со слезами на глазах: "Сегодня, увы, я не свободен, но при первой возможности я женюсь на тебе, отселе я считаю тебя моей женой перед Богом, и я никогда тебя не покину..." Эти слова императора Катя тогда же повторила Варваре Шебеко, которая позднее передала их дочери Кати и Александра.

После этой первой ночи Александр и Катя зажили семейной жизнью. Конечно, оба они старались, даже более он, чем она, окружать тайной эти свои встречи в Бельведере. Но соблюсти тайну, несмотря на все предосторожности, было практически невозможно. Катя, всегда с Варварой Шебеко, прибывала в Бельведерский дворец вечером. Александр же совсем переехал туда и утром выезжал в Зимний дворец, где регулярно принимал доклады министров и давал аудиенции. Этого нельзя было утаить. Великие князья, высшие сановники двора, члены администрации, всегда осведомленные о приездах и отъездах государя, и, конечно, слуги знали, что царь встречается по ночам с какой-то молодой особой в Бельведерском дворце и они ужинают наедине. Слухи эти доходили и до Александра и доставляли ему немало беспокойства, хотя, за редким исключением, почти все великие князья, кроме своих официальных жен, имели любовные связи, иногда весьма продолжительные и даже

Императорская семья при Александре Втором
Сидят в первом ряду: император Александр Николаевич. Около него великая княгиня Мария Федоровна, супруга наследника престола вел.кн. Александра Александровича, держит на коленях двухлетнего сына, будущего императора Николая Второго. Рядом с ними направо, в кресле, сидит императрица Мария Александровна. Стоят во втором ряду, слева направо: великий князь Павел Александрович, великий князь Сергей Александрович, великая княгиня Мария Александровна (вышедшая замуж за сына королевы Виктории, герцога Эдинбургского) и три старших сына царя: великий князь Алексей Александрович, наследник цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр Третий) и великий князь Владимир Александрович. (Официальный снимок 1870 г.)

нередко — побочных детей. Царь был осведомлен об этом, но, конечно, если не было шумных скандалов, просто закрывал глаза на слабости членов императорской семьи.

Все же следует отметить, что были коронованные особы в Доме Романовых, которых можно назвать примерными семьянинами. Таким был, например, император Николай Павлович, примерный отец и муж, крайне привязанный к своей супруге императрице Александре.

Таким слыл и, несомненно, был и великий князь Александр Александрович, сын Александра Второго, который всю жизнь был верен своей супруге, датской принцессе Дагмар, ставшей после брака с ним великой княгиней Марией Федоровной. Поэтому и он сам, и другие члены царской семьи весьма неприязненно смотрели на связь, которую позволил себе государь, и почти все они были обижены за императрицу Однако сама императрица Мария Александровна, которая обожала мужа, хотя и была с самого начала осведомлена о его отношениях с княжной Екатериной Долгоруковой, все ему прощала, считая причиной всему свое болезненное состояние.

Александр, человек по природе весьма деликатный и щепетильный, полагал, что следует хотя бы временно успокоить эту семейную бурю. Именно из-за этого, продолжая заботиться о Кате и считая ее своей "женой перед Богом", как он не раз ей говорил, он предоставил ей необходимые средства, чтобы она могла уехать с братом Михаилом и его женой княгиней Луизой, итальянкой, на лето в Италию. Он предложил ей отдохнуть в окрестностях Неаполя, а затем отправиться в Париж, куда сам он намеревался приехать, чтобы встретиться с ней и провести вместе несколько недель. Катя и сама сознавала необходимость уехать из Петербурга, где ее отношения с царем все более и более становились притчей во языцех. После трогательного прощания с возлюбленным она отбыла в Италию, а Александр остался в Петербурге с больной женой, которая теперь впала в крайний мистицизм и старалась найти в православии утешение от своей тяжелой личной драмы.

После отъезда Кати развернулась интрига, которую придумала все та же Варвара Шебеко. Ее невольной партнершей стала княгиня Мария Долгорукова, младшая сестра Кати. Детали этого происшествия известны из записок сына Марии — графа Бориса Берга.

В 1866 году Муш, сдав выпускные экзамены, окончила Смольный институт. Она была круглой сиротой и чувствовала себя очень несчастной и одинокой, а главное, у нее не было никаких средств, так как, окончив Смольный, она перестала получать царскую стипендию.

Младшая сестра княгини Екатерины Юрьевской – Мария замужем за графом Георгием Бергом, 1890 г.

Фактически княжна Мария Долгорукова почти оказалась на улице, забытая всеми, одна-одинешенька в чужом для нее Санкт-Петербурге. Даже родная сестра, теперь занятая своей собственной судьбой, а может быть, думая, что она все еще получает стипендию, забыла о ней. Временно она нашла приют у своего младшего брата Василия Долгорукова, женатого на сестре Варвары Шебеко. Несом-

ненно, Муш надеялась, что Варвара поможет ей выхлопотать у государя помощь и финансовую поддержку. Муш от покойной своей матери и от братьев, конечно, знала, что именно "тетя Вава устроила" связь Кати с императором.

Муш исполнилось 18 лет. Была она очаровательной девушкой. Современники описывают ее веселый и живой нрав и острый ум. Она очаровывала всех вокруг и умела нравиться. При этом она была еще красивее Кати: у нее были классически правильные черты, тело греческой статуи и такой же прекрасный цвет лица, как у старшей сестры. Особенно красивы были ее глаза, задумчивые и немного меланхоличные, с каким-то особенным блеском, оживляющиеся чарующей улыбкой и выражающие необыкновенную девичью чистоту.

Тетя Вава, увидев ее, была поражена этим очарованием, которого она раньше не замечала. У нее, практичной и беспринципной, когда она слушала сетования Муш, сразу возник поистине дьявольский план: свести эту пленительную восемнадцатилетнюю красавицу с царем. Конечно, Варвара Шебеко рассчитывала получить от государя немалый куш за эту свою услугу. Она прекрасно знала чувственность Александра, знала, как он влюбчив. "Конечно, был он, — думала она, — по уши влюблен в Катю, но ее здесь нет и все лето она пробудет в Италии, так что царь теперь один, свободен, скучает по Кате и, несомненно, нуждается в развлечении..." Очаровательная Муш, как она надеялась, может понравиться царю даже больше Кати.

Приведу выдержки из записок графа Бориса Берга, написанных уже в эмиграции: "Вава, — пишет он, — должна была родиться при дворе Борджиев, где она нашла бы подходящую для себя атмосферу... Вава, зная, что Катя будет отсутствовать почти все лето, скроила дьявольский план. Учитывая известную слабость императора, Вава решила, что царь был одиноким, томящимся этим и свободным теперь, и решила свести его с Муш, учитывая всю пользу, которую она получит за свою услугу..."

Решив действовать немедленно, хитрая интриганка

продиктовала Муш вполне невинное письмо к Александру, где она, жалуясь на свое одиночество, просила государя принять ее, чтобы она могла выразить ему свою преданность и искреннее восхищение. Как Вава и ожидала, царь вызвал ее и расспросил о молодой девушке. Она, конечно, умело описала ее, стараясь расположить к ней Александра. Царь весьма внимательно слушал свою собеседницу, иногда задавая ей вопросы, которые убедили Варвару Шебеко в полном успехе ее интриги. Более того, Александр назначил день встречи с Муш в Бельведерском дворце, настаивая, чтобы она привезла девушку вечером и оставила их наедине.

Царская закрытая карета приехала за ними на квартиру Василия Долгорукова, где жила Муш, и отвезла их обеих в Бельведерский дворец точно в назначенное государем время. Адъютант императора с почтительной обнадеживающей улыбкой пригласил Ваву в ту самую комнату, где она обыкновенно поджидала Катю во время ее встреч с царем, а дрожащую от волнения Муш провел в царский кабинет. Александр внимательно расспрашивал девушку о ее жизни, об окончании Смольного, о ее планах на будущее. Муш не скрыла от государя свое бедственное материальное положение и рассказала, что она всеми забыта и покинута, одна в этом громадном, незнакомом городе, что она никуда не выходит со дня смерти матери. Муш заметила у государя слезы на глазах и поняла, что ее рассказ растрогал царя.

Но затем произошло нечто совсем неожиданное для Варвары Шебеко. Просидев с девушкой целый час, Александр вдруг встал — он все это время сидел около нее на диване, — взял со стола кошелек, наполненный червонцами и, подав его смущенной девушке, сказал: "Я бывал у вас в Тепловке и был знаком с вашими родителями. Царство им Небесное. Я позволяю себе в их память поднести вам эту помощь. Простите мне, милая барышня, что я просто временно упустил вас из виду. Вы будете и в будущем получать мою стипендию. Благодарю вас за ваше милое письмо. Когда вам будет необходимо, вы всегда можете обращаться ко мне". Затем Александр отечески обнял ее, поцеловал в лоб и весьма сердечно

распрощался с княжной, очарованной и растроганной его благородством. Сделав почтительный реверанс, она покинула со слезами на глазах царский кабинет.

Варвару Шебеко просто ошеломил рассказ Муш, которая показала ей набитый червонцами кошелек, пожалованный ей государем. Она была удивлена, что Александр, обыкновенно столь неравнодушный к красивым молодым женщинам, оказался так сильно влюблен в Катю. Как сама Катя говорила ей, для него "не существует никакой другой женщины".

Я так подробно рассказываю об этом факте, потому что он убедительно раскрывает подлинный характер Александра — этого на редкость благородного и честного человека. (Позднее, в годы эмиграции, сама Муш, ставшая через два года после описанной встречи женой графа Георгия Берга, подробно рассказала своей близкой подруге об этом.)

Александр же скоро уехал во Францию, где должен был встретиться со своей возлюбленной. Отношения царя с императором Наполеоном Третьим были весьма холодными, прежде всего из-за участия Франции против России в Крымской войне, но также и из-за попыток Наполеона повлиять на русскую политику в отношении Польши, к чему побуждал императора Франции Папа Пий IX, обещая взамен поддержку французских католиков.

В 1865 году в середине апреля император Александр спешно прибыл во Францию, чтобы проститься в Ницце с умирающим сыном — наследником престола великим князем Николаем Александровичем, и оставался в Ницце до самой его смерти. Возвращаясь поездом, царь даже не остановился на день-два в Париже, чтобы посетить Наполеона Третьего, как этого требовал протокол. Он ограничился десятиминутным разговором с ним на парижском вокзале во время остановки экспресса. Конечно, это весьма огорчило французского императора, который с тех пор потерял всякую надежду добиться необходимого Франции сближения с Россией для объединения против Германии.

Однако весной 1867 года Наполеон собственноруч-

но написал Александру весьма сердечное приглашение посетить Парижскую Всемирную выставку и быть его гостем в Елисейском дворце. Царь принял это приглашение прежде всего потому, что собирался встретиться в Париже с Катей, которая должна была приехать туда из Италии. В начале июня этого года царь прибыл в Париж официально, чтобы посетить Всемирную выставку. Наполеон, торжественно встретив царя на парижском вокзале, сам отвез его в открытой карете в Елисейский дворец, где ему были предоставлены те же апартаменты, которые занимал в 1814 году Александр Первый до переезда в дом Талейрана.

Почти одновременно с царем прибыла и Катя, которая остановилась в маленьком, но весьма фешенебельном отеле на рю Басс дю Рампар. После нескольких месяцев разлуки они снова встретились в сказочном Париже и зажили счастливо, ничего не опасаясь. Они инкогнито каждое утро ездили кататься по Булонскому лесу, никем не узнаваемые — и это, несомненно, доставляло им огромное удовольствие. Потом, также инкогнито, посещали разные павильоны, выставки, гуляли по шумным парижским улицам, смешиваясь с веселой и пестрой парижской толпой. Потом возвращались в Елисейский дворец, входя, никем не замеченные, в боковую калитку, и проходили через дворцовый парк. Катя оставалась с Александром весь вечер и ночевала в его резиденции. Конечно, искусная и ловкая французская полиция тайно следила за ними и подробно докладывала обо всем Наполеону, но, повинуясь его строгим директивам, заботилась лишь о безопасности царя, причем так, что ни Александр, ни его спутница не замечали этой слежки.

Все же Александр был вынужден побывать на нескольких официальных приемах, данных императором Наполеоном и его супругой императрицей Евгенией в честь прибывших в Париж коронованных особ: короля и королевы Пруссии, принца и принцессы Уэльских, короля и королевы Бельгии, турецкого султана и многих других. В воскресенье 2 июня Александр присутствовал на официальном освящении русского собора на рю Дарю, строительство которого только что закончилось.

После обеда присутствовал царь на конных состязаниях, а вечером — на торжественном обеде и балу в Тюильрийском дворце в честь государей, прибывших на выставку. Наполеон и Евгения были особенно внимательны к царю, и императрица, конечно, не случайно представляла ему всех самых красивых и привлекательных дам Парижа.

Евгения, описывая этот прием, записала имена всех этих красавиц, возможно, потому, что, как она знала, ее супруг не был к ним равнодушен: маркиза де Галифе, графиня де Пурталес, герцогиня де Бассано — и несколько других самых блестящих французских аристократок. Царь был мил и очарователен со всеми, каждой из дам сказал несколько слов на своем прекрасном французском языке. На следующий день Александр с остальными коронованными особами, Наполеоном и Евгенией побывал в театре, в императорской ложе на спектакле парижской оперы. Был он в прекрасном настроении и изменил свое отношение к Наполеону под влиянием необычайного внимания к себе французской императорской четы.

Присутствие русского царя в Париже, симпатии к нему громадного большинства французов, особенно женщин, восторженные отзывы газет привлекли внимание польских политических эмигрантов и их французских друзей. Они негодовали, видя популярность царя во Франции, и намеревались своими враждебными демонстрациями нарушить эту дружественную атмосферу между Францией и Россией. Однако по строжайшему распоряжению самого Наполеона и его министра внутренних дел все намеченные поляками демонстрации были запрещены, и многие радикально настроенные польские эмигранты, участники восстания 1860-1863 гг., были временно выдворены префектом Парижа в провинцию.

Однако все же не обошлось без враждебных России и русскому императору инцидентов. Первый из них произошел во время официального посещения царем "Пале де Жюстис" — Дворца правосудия, где в тогах и мантиях встретили царя судьи и адвокаты Парижа. По француз-

ским законам полиция не имела доступа именно сюда, в этот центр французского правосудия, в силу традиционной судейской независимости. И вот, во время этого царского визита, организованного самим Наполеоном, вдруг поднялся недалеко от царя адвокат Шарль-Тома Флокэ и громовым голосом прерывая эту торжественную встречу, завопил, размахивая руками и с неприязнью глядя на русского императора: "Да здравствует Польша, господин..."

Эта выходка сорвала почтительную манифестацию французского судейства. Александр не дрогнул, не изменился в лице. Он лишь холодно поклонился председателю Кассационного суда, собиравшемуся приветствовать высочайшего гостя, и вышел из зала.

Царь не мог простить императору Наполеону, что он не предотвратил этого инцидента. Впрочем, зная заступничество Наполеона за Польшу — ведь не раз французский император пытался уговорить царя восстановить независимость этой страны, — Александр подозревал, что этот враждебный акт был подготовлен с тайного согласия французского императора.

Вечером он с горечью рассказывал Кате об "этом афронте" французов против него. Катя, недовольная тем, что Наполеон и Евгения постоянно отвлекают Александра балами и приемами, конечно, соглашалась с царем. Хотя они вместе успели посетить многие достопримечательности французской столицы, побывали в знаменитом соборе Парижской Богоматери и в гробнице Наполеона, куда был перенесен из Вены и прах его сына-"Орленка", Кате все же хотелось больше быть со своим возлюбленным и свободней жить во Франции.

Настроения Александра весьма непосредственно выражены в записке, которую послал он Кате в гостиницу 5 июня 1867 года. Она написана им собственноручно и, как всегда, по-французски: "Прости мне, дорогой друг, что докучаю тебе моими письмами, — писал Александр. — Я лишь хочу сказать тебе, отвечая на твой вопрос, когда мы сможем встретиться и увидимся ли мы завтра, как предполагали. Я просто забыл, что завтра наше Вознесение и что я должен буду присутствовать на Божест-

венной литургии в нашем храме в 11 часов. Так что, может быть, нам удастся увидеть друг друга там, хотя бы на расстоянии, а потом — на параде. Я безумно люблю тебя, и эти милые, проведенные вместе дни делают меня бесконечно счастливым. О, как я люблю Булонский лес! Ты совсем сводишь меня с ума. Я так счастлив любить тебя и остаюсь твоим навеки..."

Может быть присутствие на церковной службе в этот день спасло жизнь Александру, который официально должен был в это самое время посетить Всемирную выставку, на которой польские террористы легче всего могли устроить покушение на него.

После службы в русской церкви Александр поехал в Лонгшамп, где по приглашению Наполеона должен был присутствовать на военном параде. Тут произошел второй инцидент, который мог бы кончиться весьма трагично для императора и для России. Возвращаясь с парада через Булонский лес, император Александр сидел в открытом экипаже с Наполеоном Третьим, против них сидели наследник-цесаревич Александр Александрович и младший сын царя великий князь Владимир Александрович. За ними следовали несколько открытых карет с членами свит обоих императоров. Из-за огромной толпы, приветствовавшей кортеж, они ехали шагом. Вдруг к карете, в которой ехали оба императора, бросился какой-то субъект, без шапки, с револьвером в руках и выстрелил в Александра, но, к счастью, промахнулся. Пуля прошла через ноздри коня сопровождавшего экипаж офицера, потом, пролетев между двумя императорами, ранила женщину, стоявшую на противоположной стороне дороги. Террорист выстрелил в Александра второй раз, почти в упор. Но на этот раз револьвер взорвался в его руке, и он, раненый, упал на землю, где его схватили агенты французской полиции и надели на него наручники.

Присутствовавший при этой ужасной сцене корреспондент "Дэйли телеграф" оставил подробное описание происшествия: "Кровь раненого коня, — писал он, — обильно обрызгала русских князей, а Наполеон вскочил

со своего места и, сняв шапку, сказал царю: "Государь, мы вместе были под огнем сегодня..."

Французские газеты подробно описывали арестованного властями террориста, поляка Антона Березовского. После разгрома восстания 1863 года, в котором он участвовал, Березовский эмигрировал во Францию и даже получал маленькое денежное пособие, которое французы выдавали бывшим польским повстанцам, "чтобы они сидели тихо..." Террорист получил строгий приговор: пожизненная каторга на острове Новая Каледония.

Конечно, несмотря на принесенные Наполеоном и Евгенией извинения, после этих двух инцидентов настроение Александра было испорчено. Царь объяснял эти происшествия халатностью французского императора и вновь почувствовал к нему прежнюю неприязнь.

Многие его друзья, русские и французы, настоятельно советовали ему сократить пребывание в Париже и вернуться в Санкт-Петербург. Однако царь считал, что немедленный отъезд может показаться его врагам трусостью. И Александр пробыл в Париже еще несколько дней, до 11 июня, когда, довольно холодно попрощавшись с Наполеоном, он отбыл в Германию и остановился на несколько дней погостить у своей сестры Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Затем царь вернулся в Санкт-Петербург. Катя же, простясь с Александром в Париже, сразу же уехала поездом в Россию.

Несмотря на неприятные инциденты, как сам Александр, так и Катя, в письмах, которыми они обменивались, вспоминали о своем пребывании в Париже, как "о самых счастливых днях своей жизни".

Добавлю, однако, что события в Париже повлияли на отношения Александра с Наполеоном — проектируемый французским императором "франко-русский союз" не состоялся. Наполеон понимал, что в случае войны с Пруссией рассчитывать на союз с Россией ему не приходится.

После возвращения Александра и Кати на родину, их встречи продолжались. Однако теперь они соблюдали еще большую осторожность. Как это ни странно, абсолютный монарх, самодержец всея Руси был принужден

Княжна Екатерина Долгорукова в 1875 г.

вести тайную жизнь, почти такую же, как конспираторы-анархисты, укрывавшиеся от его полиции. Самое это обстоятельство указывает на то, что сожительство свое с Катей при живой, хотя и тяжело больной супруге сам он считал предосудительным. Располагая абсолютной властью, Александр подчинялся законам морали и не хотел поступать так, как в подобных случаях поступали Иван Грозный или Петр Великий, грубо попиравшие как административные законы своего государства, так и постановления русской Православной Церкви. Александр не позволял себе демонстративно нарушать законы морали, но он был убежден, что его отношения с Катей оправданы тем, что жена его, императрица Мария Александровна, была много лет тяжело больна.

Из его тайной переписки с Катей видно, что каждое утро, когда они были вместе, читали они Послания апостола Павла и вместе молились. Письма Александра пропитаны глубокой верой в Бога и постоянной надеждой, что Бог не оставит ни его, ни Катю и благословляет их супружескую жизнь, даруя им счастье и прекрасных, здоровых детей. При этом Александр был до конца своей жизни превосходным супругом и любящим, привязанным к своим детям отцом. Известно, что он никогда не изменял своей "жене перед Богом", хотя в его окружении было немало красивых женщин, готовых ему принадлежать.

Замечу, однако, что Катя, которая была всецело ему предана и не менее страстно любила его как человека и своего мужа, не имела его глубокой веры, а была скорее очень суеверной.

В Петербурге Александр не встречался с Катей только тогда, когда был перегружен государственной работой, ибо служение России ставил он выше своих личных интересов и даже своей страстной любви к Кате.

Как я уже сказал, встречи их были тайными. Сначала встречались они в весьма скромной квартире на Бассейной улице у княгини Луизы Долгоруковой, жены Катиного брата Михаила, вышедшего в отставку кавалергарда. Сохранилось несколько писем Александра к Луизе, в которых царь умоляет ее не отказывать ему и Кате

в гостеприимстве, столь необходимом для них обоих. Однако скоро молва об этих встречах разнеслась в обществе, и несмотря на настоятельные просьбы Александра, княгиня Луиза была вынуждена им отказать. Впоследствии воспользовались они приглашением преданного почитателя царя генерала Александра Рылеева и довольно долго встречались в его фешенебельном особняке.

Так продолжалась их совместная жизнь около 14 лет, когда вдруг 22 мая 1880 года ночью тихо скончалась во сне императрица Мария Александровна. Умерла государыня в своей спальне в Зимнем дворце, хотя ничто не предвещало ее конца. Как часто бывает с больными туберкулезом, перед самой смертью почувствовала она некоторое улучшение и даже поверила в чудо, которое приписывала молитвам православных монахов, считая их угодниками Божими...

Александр в традиционном манифесте сообщил о смерти своей супруги, погребение которой состоялось в царской усыпальнице Свв. Петра и Павла с традиционтой торжественностью при участии всех членов императорской семьи, двора и правительства. В траурном облачении следовали за императорским катафалком все члены Синода, специально прибывшие провинциальные архиереи и более ста священников. Все западные и местные русские газеты подробно описывали эти траурные торжества — шествие великих князей и княгинь во главе с императором, духовенства в черных и серебряных ризах, сотни венков, траурные марши духового оркестра гвардии и многочисленные хоры всех столичных церквей.

Уже 26 июня в пространном письме Александр спешил сообщить Кате, что теперь он считает себя обязанным исполнить свой долг по отношению к ней и к их троим детям, оформив их связь законным браком, благословленным Православной Церковью, хотя и морганатическим, т.е. не давая ни ей, ни ее детям каких-либо прав на русский престол.

Замечу, что все свои письма до сих пор Александр подписывал условными именами и адресовал их также

Княжна Екатерина Долгорукова в 1880 г., незадолго до бракосочетания с императором Александром Вторым.

не княжне Екатерине Михайловне Долгоруковой, а вымышленной мадам Даненберг.

И вот теперь, до истечения срока протокольного траура, 6 июля 1880 года в три часа пополудни в военной

часовне Царскосельского дворца состоялась брачная церемония.

Гувернантка их детей Вера, имя которой известно по их письмам, вспоминает, что все утро перед брачной церемонией Катя была очень возбуждена. Она попросила дать ей стакан воды и, когда Вера принесла его, спросила: "Ну что, ничего в воде нет?" Она имела в виду русский обычай гадания перед браком — нет ли в воде чего-либо, предсказывающего ее будущее. Гувернантка ответила отрицательно. Но когда Катя взяла стакан, она уронила присланное ей Александром золотое обручальное кольцо на пол. Гувернантка поспешила поднять его, побледнев от волнения: "Боже мой, — сказала она, — да ведь это очень плохая примета — смерть мужа". Эти слова еще более взволновали суеверную Катю.

В церкви император был в своем любимом мундире — голубом, шитом серебром, лейб-гвардии гусарского полка, которого он был шефом... Екатерина Михайловна была в голубом платье, вышитом померанцевыми цветами, как полагалось по русскому обычаю. Оно было приготовлено заранее и очень ей шло.

В церкви присутствовали лишь немногие приглашенные лица: со стороны царя свидетелями были ближайшие его друзья — генерал Александр Рылеев и генерал граф Эдуард Баранов. Со стороны Кати свидетельницами были ее сестра, во втором браке княгиня Мария Мещерская, и бессменная ее компаньонка Варвара Шебеко.

Любопытно, что присутствовавший на обряде граф Адлерберг, министр двора, счел необходимым, вопреки правилам, явиться в штатском платье, как будто желая подчеркнуть неофициальность своего присутствия. Присутствовал в церкви и великий князь Алексей Александрович, единственный из сыновей Александра, и оба брата царя — великие князья Николай Николаевич и Константин Николаевич, которые с уважением относились к Кате и всегда оказывали ей внимание. Присутствовали также дети царя и Кати и несколько близких слуг.

Обряд совершил дворцовый протопресвитер отец

Ксенофонт Никольский, который и подписал брачное свидетельство: "В лето Господне 1880, месяца июля, 6 дня в три часа пополудни — в Военной часовне Царского Села Его Императорское Величество Государь Император Александр Николаевич Всея Руси благосклонно благоволил заключить второй законный брак с придворной дамой княжной Екатериной Михайловной Долгоруковой". После церемонии состоялся в одном из залов Царскосельского дворца интимный обед, на котором присутствовали лишь упомянутые лица, принявшие участие в брачной церемонии.

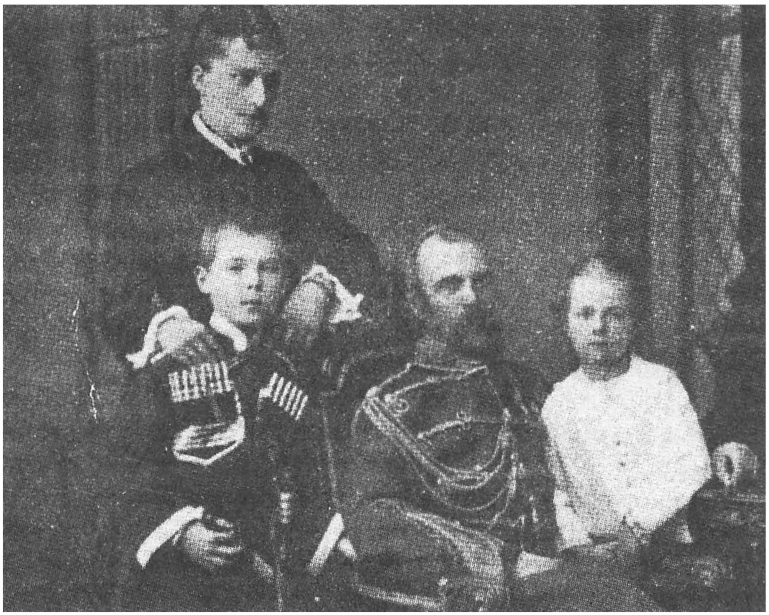
Наследник престола великий князь Александр Александрович и его супруга великая княгиня Мария Федоровна, бывшая датская принцесса Дагмар, демонстративно отсутствовали на брачной церемонии, считая, что император слишком поспешно заключил второй брак, не выждав даже минимального срока обязательного траура. Большинство остальных членов императорской семьи также игнорировали женитьбу императора на княжне Екатерине Долгоруковой. Против этого брака было большинство членов двора и русской аристократии, одни — потому что их возмутило нарушение установленного срока траура, другие — потому что считали неприемлемой женитьбу государя на молодой женщине, которая могла бы быть ему внучкой. Наконец, большинство дам высшего света просто завидовали счастью Екатерины Долгоруковой. Александр получил много писем от людей, которых считал своими доброжелателями, также осуждавших его за этот поспешный, неравный брак.

Александр 20 октября писал своей сестре Ольге, супруге Вюртембергского короля, с которой был очень близок: "Я бы никогда не женился раньше прошествия года положенного траура, если не жили бы мы в это опасное время и если бы не случайные покушения, которым я подвергаю себя ежедневно и которые могут неожиданно и внезапно окончить мою жизнь. Именно поэтому я весьма озабочен как можно скорее обеспечить будущее женщины, которая живет для меня уже в продолжение 14 лет, а также обеспечить счастье троих на-

ших детей. Несмотря на свою молодость, княжна Екатерина Долгорукова предпочитает отказываться от всех удовольствий и радостей светской жизни, которые столь существенны для молодой женщины ее лет, чтобы посвятить всю свою жизнь любви и заботам обо мне. Именно из-за этого она имеет полное право желать с моей стороны и мою любовь, и мое уважение, и мою благодарность. Она буквально никого не видит, кроме своей сестры, и никогда не общается ни с кем, несмотря на множество искушений. Некоторые, впрочем, нагло используют ее имя, даже когда она об этом вовсе не знает и никогда не давала им на это какое-либо разрешение. Она живет лишь для меня и посвящает все свое время воспитанию своих детей. Я, впрочем, могу уверить нашу семью, что Екатерина прекрасно понимает свое положение морганатической супруги и никогда не потребует чего-либо, что бы было против моей воли в моем качестве главы императорской фамилии или монарха. Я лишь желаю, чтобы остальные члены императорской фамилии помнили об этом и не заставляли меня напоминать им об этом..."

Однако злостные сплетни не прекращались и из столицы расходились по всей стране. Так, уже по всему Санкт-Петербургу ходили слухи, что в самом скором времени "княгиня Екатерина будет провозглашена императрицей и наследницей престола". Конечно, все эти интриги способствовали усилению недоверия и вражды к молодой жене царя.

Почти сразу после заключения брака император Александр дал своей морганатической супруге титул светлейшей княгини Юрьевской. Александр великолепно знал все подробности истории Романовых и между прочим то, что прадедом Романовых был почивший в начале 16 века боярин Юрий Захарьин. Так что в действительности подлинное имя русских царей должно было бы быть не Романовы, а Юрьевские-Захарьины. Память об этом их имени сохранялась до 1917 года, когда еще существовал в окрестностях Москвы Юрьевский уезд. Это единственное подтверждение теперешней принадлежности к роду Романовых, впрочем, вполне историческое, дал император Александр своей морганатической супру-

Александр Второй со своей морганатической супругой Екатериной Михайловной и их общими детьми.

ге, не имея, однако, поползновения посадить ее на русский престол.

Итак, 5 декабря 1880 года император Александр издал официальный указ, в котором говорилось, что "Княжна Екатерина Михайловна Долгорукова получает имя Юрьевской и титул Светлейшей княгини".

В то же время, предчувствуя свою близкую кончину, император писал своему старшему сыну и наследнику престола великому князю Александру Александровичу:

"Милый мой Саша!

В случае моей смерти я поверяю тебе мою супругу и моих детей. Моя жена никогда не получала никакого наследства и потому все, что ей принадлежит теперь, является ее личной собственностью, и ее родственники не могут иметь никаких прав или претензий на ее состояние в какой бы то ни было форме. По соображениям благонадежности она все приписала на мое имя. Также дом, ко-

торый ей принадлежит на Английской набережной и на Галерной улице № 47-48, дачи в Царском Селе и Петергофе и еще две другие дачи в Крыму, все являются ее собственностью.

Денежные средства, принадлежащие моей супруге, которые никогда не были объявлены до нашего брака, находятся на моем имени. Все предметы, которые она мне дала, после моей смерти должны быть снова отданы ей. Мое желание, чтобы в случае моей смерти занимаемые нами апартаменты в Зимнем дворце были предоставлены ей и ее детям... Это мое последнее желание, и я уверен, что ты его исполнишь по совести.

Господь благословит тебя за все твои заботы! Не забывай и молись за душу твоего искренно и нежно любящего Па..."

Александр предчувствовал свою близкую смерть — он был уверен, что не пройдет и двух лет, как русские террористы-фанатики убьют его, несмотря на то, что он всю свою жизнь искренне служил России. Поэтому он спешил обеспечить будущее Кати и ее детей. Он чрезвычайно ценил то, что она полюбила его и посвятила ему свою жизнь. По тогдашним понятиям человек, приближающийся к шестидесяти, считался уже стариком. Ей же было около тридцати, и она была молода и привлекательна.

Страсть Александра к Кате не только не слабела, а усиливалась с годами. Барон Николай Врангель, которого нельзя обвинить в антимонархических настроениях, будучи в качестве специалиста-искусствоведа членом Совета Эрмитажа, нашел в частном кабинете императора Александра Второго в Зимнем дворце целую коллекцию эротических рисунков, рисованных карандашом. Впоследствии исследователи нашли в том же кабинете рисованные им с натуры изображения обнаженной Кати. По оценке этих исследователей, рисунки эти весьма высокого качества и доказывают, что Александр был талантливым художником. Все эти рисунки теперь находятся в художественных коллекциях Зимнего дворца.

5 сентября 1880 года царь подписал удостоверение, что министр двора граф Александр Адлерберг вложил в

Генерал-адъютант граф А.В. Адлерберг, министр двора

государственный банк 3.302.910 золотых рублей, сумму, громадную по тому времени, на имя княгини Екатерины Михайловны Юрьевской и ее детей. Император добавил также собственноручно: "Сумма эта предоставляется ей лично, пользоваться этим капиталом во время моей жизни или после моей смерти..."

Добавлю, что письма царя к Кате и ее ответы представляют собой ценнейший источник для историка, так как они позволяют беспристрастно судить об Александре, а был он, несмотря на недостатки, человеком исключительно гуманным и честным во всем.

Глава тридцать первая

ЦАРЕУБИЙСТВО

Русские источники, как и доклады западных послов из Санкт-Петербурга единодушно свидетельствуют об очень плохом состоянии здоровья Александра Второго после его возвращения с болгарского фронта в 1878 году и о еще большем ухудшении его самочувствия после дипломатического неуспеха России на Берлинском конгрессе. И хотя русский министр иностранных дел считал мирный договор, навязанный России в Берлине, "миром с честью", русские славянофилы и представители русской Православной Церкви открыто выражали свое недовольство уничтожением под нажимом Англии, Австрии и Пруссии "братской Сан-Стефанской Болгарии" и осуждали императора Александра, допустившего эти успехи Запада в ущерб славянофильству и православию.

Вождь славянофилов И.С.Аксаков, женатый на бывшей влиятельной фрейлине Анне Федоровне Тютчевой, сын писателя С.Т.Аксакова и брат К.С.Аксакова, защищавший позиции славянофильства в таких влиятельных газетах, как "Московские ведомости", "Москва", после краха панславянских надежд стал обвинять императора Александра в слабости и уступках западным врагам России. Из-за этой своей гневной критики государя Акса-

ков был на несколько месяцев выслан из Москвы. Требования славянофилов объявить войну Западу, переполняли чашу терпения императора. Их критика и требования были плодом их неосведомленности. После кровопролитной, хотя и победоносной, русско-турецкой войны русская армия была измучена до предела: кроме тягот войны и потерь в боях, армия пережила страшную эпидемию тифа... К тому же громадные средства, истраченные на вооружение и обмундирование солдат, совершенно опустошили государственную казну. Именно эти реальные трудности заставляли Александра Второго идти на компромисс с Западом. Новая изнурительная война, которую Россия неминуемо проиграла бы, привела бы к анархии и революции. Несправедливость критики была одной из главных причин морального угнетения, сломивших волю и здоровье царя.

Все, кто видел его в эти годы, были поражены его болезненным видом: он стал совершенно седым, на лице появилось выражение постоянной усталости, в глазах читалась беспредельная грусть и безнадежность. Астма его значительно усилилась и причиняла ему большие физические страдания. Единственным утешением ему были княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская и трое их детей.

Может быть, более всего удручало Александра отношение к ней его братьев и сыновей, а еще более — их жен. Те были возмущены, что император даже не счел необходимым соблюсти год траура по своей первой жене, императрице Марии Александровне, о которой по всей России служили традиционные панихиды, об упокоении ее души молилась вся православная Русь.

Весьма реалистично, описывает отношения между императором, его тридцатичетырехлетней морганатической женой и родственниками царя родной племянник государя, сын его брата великий князь Александр Михайлович, крестный царя, которому тогда шел пятнадцатый год. На первом ужине после заключения морганатического брака император захотел представить супругу своей семье. "Когда Государь, — вспоминает Александр Михайлович, — вошел в столовую, где уже собра-

лась вся семья, ведя под руку свою молодую супругу, все встали, а великие княгини присели в традиционном реверансе, но отведя глаза в сторону... Княгиня Юрьевская элегантно ответила реверансом и села на место императрицы Марии Александровны! По любопытству я внимательно наблюдал за ней и ни на минуту не отвел глаз. Мне нравилось грустное выражение ее прекрасного лица, и я любовался великолепным блеском ее роскошных светло-золотистых волос. Она была явно очень взволнована. Часто она поворачивалась к императору и слегка пожимала его руку. Она, возможно, привлекла бы мужчин, если бы за ними пристально не наблюдали их жены. Ее усилия присоединиться к общему разговору встретили лишь вежливое молчание. Мне было жалко ее, и я просто не мог понять, почему ее подвергали остракизму за то, что любила она красивого, доброго и приветливого человека, который случайно был императором России..."

"К концу ужина, — продолжает Александр Михайлович, — трое его детей были приведены их гувернанткой в столовую. Старшему мальчику, Георгию, было восемь лет. Он вскарабкался на колени к императору и начал играть с его бакенбардами. "Скажи мне, Гого, как твое имя и фамилия?" — спросил Александр. "Я князь Георгий Александрович Юрьевский", — ответил мальчик. — "Хорошо, мы все очень рады с вами познакомиться, князь Юрьевский. Скажите, князь, хотели ли бы вы стать великим князем? — "Пожалуйста, Саша, не надо..." — нервно перебила княгиня...

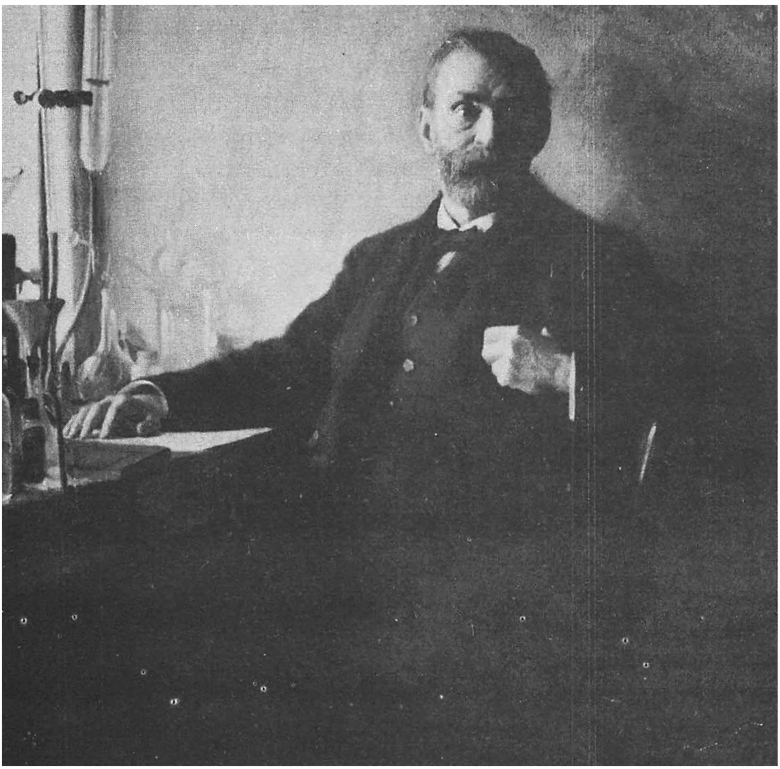
Когда мы возвращались домой, — заканчивает Александр Михайлович свой рассказ, — моя мать сказала отцу: "Мне неважно, что ты думаешь или делаешь, я никогда не признаю эту наглую авантюристку. Я ненавижу ее. Она просто заслуживает презрения... Можно ли было себе представить, что она назовет твоего брата "Сашей" в присутствии всех членов императорской фамилии?.."

Приведу еще одно весьма симптоматичное свидетельство о неприязни членов династии Романовых к княгине Юрьевской. Великая княгиня Марья Павловна, же-

на младшего сына царя великого князя Владимира Александровича, писала гессенскому принцу Александру, брату покойной императрицы: "...Эта женщина, которая уже четырнадцать лет занимает столь завидное положение, была представлена нам как член семьи с ее тремя детьми, и это так грустно, что я просто не могу найти слов, чтобы выразить мое огорчение. Она является на все семейные ужины, официальные или частные, а также присутствует на церковных службах в придворной церкви со всем двором. Мы должны принимать ее, а также делать ей визиты... И так как ее влияние растет с каждым днем, просто невозможно предсказать, куда это все приведет. И так как княгиня весьма невоспитана, и нет у нее ни такта, ни ума, вы можете легко себе представить, как всякое наше чувство, всякая священная для нас память просто топчется ногами, не щадится ничего."

Приведенные здесь свидетельства ближайших родственников царя достаточно ясно рисуют личную трагедию императора Александра, вся вина которого заключалась в том, что он поступил крайне человечно с женщиной, разделившей его судьбу, официально женившись на ней церковным браком и узаконив своих детей от этой связи. Большинство великих князей также имели любовниц и "вторые семьи", кроме официальных, — но они лицемерно молчали об этих своих связях ради общественного мнения и, конечно, прежде всего, чтобы не повредить своему престижу и положению. Александр же, узаконив свою связь с княжной Долгоруковой, нанес весьма серьезный удар по своей репутации в семейном кругу. И он, несомненно, глубоко переживал весь этот конфликт. Эти обстоятельства, может быть, даже больше, чем политические неуспехи России, преждевременно сломили этого гуманного и честного человека.

...Как причудливо и необъяснимо часто переплетаются человеческие судьбы... Незадолго до начала Крымской войны наследник русского престола Александр Николаевич встретился с членами семьи Нобелей, недавно переехавшей в Россию. Один из сыновей в этой семье — Альфред — с малолетства учился в Петербурге у част-

Альфред Нобель (1833-1896). Портрет Эмиля Естремана.

ных учителей языкам и химии. Полиция Николая Первого, бдительно следившая за иностранцами, не упускала из виду всю семью Нобелей — видных специалистов по химии и талантливых инженеров... В 1853-54 годах царь познакомил их с ведущими русскими учеными — профессорами Н.Н. Зининым и В.Ф. Петрушевским, специалистами в области взрывчатых веществ, которые, как и Нобели, занимались изысканиями в области применения нитроглицерина при постройке туннелей и железных дорог. Благодаря своим талантам и широким связям с учеными Европы, представители семейства Нобелей обладали обширнейшими знаниями и научной подготовкой, а кроме того, они обладали и хорошей практической жил-

кой, организуя изготовление динамита не только в России, но и в других странах. Наследник престола, будущий император Александр Второй, хорошо понимал значительность и ценность членов этого семейства и всячески стремился привязать их к России, сделать их союзниками русской империи. Особенно убедительными оказались их знания и практические способности в момент Крымской войны, когда они приняли участие в изготовлении морских и сухупутных мин, применение которых сыграло немалую роль в достижениях русской армии во время этой столь неблагоприятной для России кампании. В связи с этим желание Николая Первого и наследника Александра удержать при себе Нобелей крепло — и те получали от царя все новые и новые заказы, постепенно умножая свое состояние... Однако замкнутый мир такой еще мало индустриальной страны, как Россия, не мог предоставить достаточного поля деятельности для этих талантливых и энергичных людей, и они основывали фабрики динамита во многих европейских странах — Швеции, Франции, Германии, получая оттуда большие доходы и все дальше расширяя свой капитал.

Уже в те времена в семействе Нобелей стали обращать внимание на то, что большое количество студентов нигилистского вида очень интересовались секретами производства. Наверное им уже тогда приходило на ум, что пытливые молодые люди интересуются всем этим не ради науки, что их умы, настоянные на крамольных писаниях будущих классиков марксизма и анархизма, несут разрушение русскому государству и русской монархии. Может быть, все это и послужило причиной того, что семейство Нобелей не поселилось навсегда в России. И, как мы видим, они оказались правы в своих предположениях — будущее оказалось не менее зловеще, чем они предвидели...

Убийцы Александра Второго изготовили свои "адские машины" на нитроглицериновой основе по методу, внесенному в научные институты России учеными семейства Нобелей, в то время как сами эти ученые, передавшие русской науке свои знания и открытия, стремились лишь помочь России и русскому народу встать в об-

ласти технического оснащения на уровень передовых государств Европы. Так идеальные научные побуждения часто невольно искажаются нечистыми устремлениями группы людей. Сам Альфред Нобель, человек благороднейшей души, конечно, имел лишь самые лучшие намерения — доказательством этому служит то, что в конце своей жизни он оставил миру, как пример высшего человеколюбия, свое состояние, чтобы оно посредством его "Нобелевских премий" еще долго служило человечеству, поощряя науку, высоту человеческого духа и стремление к миру...

Александр также очень тяжело переживал все террористические акции, направленные против него. Конечно, когда террористами были поляки, как Антон Березовский в Париже, эти действия можно было понять и объяснить польским национализмом. Но покушения русских террористов глубоко ранили душу Александра: "Они охотятся за мной, как за диким зверем, — не раз говорил он своим близким. — За что же? Я даже не сделал им никакого личного благодеяния, чтобы они так ненавидели меня?"

Он сравнивал себя со своим отцом и со всеми своими предшественниками на троне. Никто из них не сделал столько добра русскому народу, как он: освобождение крестьян, отмена телесных наказаний, реорганизация образования в России, организация судов присяжных, ограничение коррупции и т. д. И вот, вместо всенародного признания, такая страшная ненависть и непримиримая вражда. Это, конечно, страшно огорчало этого просвещенного и демократичного монарха, мечтой которого было дать России конституцию и сделать из нее демократическое государство западного типа.

Его убивало горестное сознание несправедливого к себе отношения, когда, в сущности, он делал для России все, что было в его силах, хотел спасти страну от новой катастрофы. Лидер славянофилов Иван Аксаков твердил, что "Берлинский мир был для России и для династии Романовых гораздо более тяжким ударом, чем любой террористический акт нигилистов". Обвиняя импе-

Русские типы времени императора Александра Второго: священник и террорист Д.В. Каракозов, стрелявший в царя. Картина И.Е. Репина "Отказ от исповеди", 1879 г.

ратора в неоправданной слабости по отношению к Западу, Аксаков и его единомышленники утверждали, что Россия могла и должна была бросить вызов Западу, занять весь Балканский полуостров и заставить Европу принять ее требования во всех их полноте. Добавлю, что многие доблестные русские генералы, прославившиеся своими подвигами в русско-турецкой войне, открыто поддерживали тезисы славянофилов.

Следует отметить, что после покушения террориста Дмитрия Каракозова, который в Летнем саду в 1866 году стрелял в царя, но промахнулся и впоследствии был повешен, террористические акты надолго прекратились. Знаменательно, что покушения возобновились лишь после Берлинского конгресса и сопутствовали падению авторитета царя.

2 апреля 1879 года Александр Соловьев, народник-революционер, примыкавший к террористической организации "Земля и Воля", стрелял в императора, когда Александр, по своему обыкновению, гулял по Дворцовой площади один, без охраны. Поравнявшись с государем, террорист снял шапку и поклонился царю. Александр вежливо ответил ему, и именно в этот момент Соловьев выхватил револьвер и несколько раз выстрелил в императора, но промахнулся. Александр заметил движение террориста и успел уклониться от выстрела.

В этой ситуации Александр проявил самообладание, хладнокровие и личную смелость. Соловьев же, видя его спокойствие и, вероятно, ощущая всю низость своего лицемерного поклона, потерял самообладание и не мог попасть в свою жертву. В этот момент проходившая вблизи молочница, выпустив из рук свой бидон, бросилась на террориста и обхватила его своими могучими руками. Соловьев, тщетно пытаясь вырваться, уронил револьвер и сильно укусил женщину за палец. В это время подоспели другие прохожие, повалили террориста на землю и передали его подоспевшим полицейским. Собралась толпа, которая устроила государю овацию.

Александр, глубоко тронутый участием народа, поблагодарил собравшуюся толпу несколькими словами и удалился во дворец. Рассказав жене об этом инциденте,

он заключил: "Господь снова спас меня в Своем неоскудеваемом милосердии..."

Александр Соловьев после приговора Верховного уголовного суда был повешен в Санкт-Петербурге 28 мая того же 1879 года.

Этот неуспех, конечно, не остановил террористов, которые были убеждены, что со смертью императора неминуемо произойдет революция в России, которая покончит с монархией и установит левый марксистский режим. Это были фанатики-марксисты с явным анархическим уклоном. Лидером их был Андрей Желябов, виднейший представитель революционного народничества, сын крепостного крестьянина, родом из Феодосии. В 1869 году, окончив Керченскую гимназию, поступил он на юридический факультет Одесского университета. Однако уже в 1871 году был исключен за руководство студенческими беспорядками и отправлен полицией на жительство в Феодосию. С тех пор он начал "хождение в народ", но был выдан властям самими крестьянами, его арестовывали дважды: в 1874 и 1877 годах. В конце 70-х годов, разочаровавшись в пропаганде среди крестьянства, Желябов обратился к терроризму.

Позднее на суде он признал: "...Цель моей жизни была служить общему благу. Долгое время я работал для этой цели путем мирным и только впоследствии был вынужден перейти к насилию..."

В 1879 году он участвовал в Воронежском съезде народников, членов организации "Земля и воля", но после раскола этой группы стал одним из организаторов более радикальной террористической "Народной воли", которая поставила себе целью убийство императора Александра и организовала несколько покушений на него, последнее закончилось гибелью царя 1 марта 1881 года.

Самым деятельным членом этой террористической группы была аристократка Софья Львовна Перовская, дочь губернатора. Как многие выходцы из дворянского сословия, она стремилась к высшему образованию и еще в 1869 году поступила на так называемые "Высшие Аларчинские курсы" в Санкт-Петербурге, где в кружке

женщин занималась изучением политической экономии по теории Стюарта Милля с комментариями Н.Г. Чернышевского, которыми тогда увлекалась левая русская молодежь. В 1872-73 годах Перовская уже всецело занялась революционной деятельностью и даже вела активную пропаганду революционных идей между столичными рабочими. Несмотря на заступничество всесильного отца, была она осуждена на 6 месяцев тюремного заключения, после чего ее отдали ему на поруки. Однако Перовская продолжала заниматься революционной деятельностью и в 1878 году была опять судима, но оправдана в числе 90 других обвиняемых. Все же в административном порядке вместе с другими была она выслана на принудительное жительство в Олонецкую губернию. Однако, по пути в ссылку, со станции Волхов, Перовская бежала и перешла на нелегальное существование.

Перовская была активным членом народнической организации "Земля и Воля", после раскола которой в 1879 году примкнула к еще более радикальной организации "Народная Воля" и стала членом ее исполнительного комитета.

Третьим по влиянию членом этой террористической группы был Николай Кибальчич, сын священника, который с 1871 по 1875 гг. был студентом Института путей сообщения и одновременно Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Однако в 1875 году при обыске в его квартире полиция обнаружила большое количество нелегальной народнической литературы. По приговору уголовного суда пробыл он около трех лет в тюрьме, где еще более укрепились его левые анархо-марксистские убеждения. Постоянно преследуемый полицией, он перешел на нелегальное положение и сделался членом народнической организации "Земля и воля", а после раскола примкнул к организации Желябова и Перовской — "Народная воля". Еще будучи студентом Института путей сообщения, Кибальчич изучал взрывчатые вещества, необходимые для прокладки туннелей и горных дорог. Став опытным специалистом по взрывчатым материалам, он использовал свои технические познания для террористических актов "Народной

воли". Именно он изобрел метательные снаряды, которыми террористы убивали приближенных царя. Такой бомбой был убит и сам император Александр Второй.

Четвертым членом исполнительного комитета "Народной воли" был Тимофей Михайлов, выходец из бедной крестьянской семьи, родом из Смоленской губернии. Прибыл он в Санкт-Петербург в поисках заработка и стал чернорабочим на одном из столичных заводов, потом котельщиком. Под руководством Желябова вел он революционную пропаганду среди рабочих, организовал "боевую рабочую дружину" для участия в будущей революции. Желябов ввел его в организацию "Народная воля" и приобщил к подготовке покушения на императора.

Пятым членом "Народной воли" был Николай Рысаков, личный друг Желябова, завербованный им. Это он 1 марта бросил изготовленную Кибальчичем бомбу в карету императора. Александр не пострадал от взрыва, однако все же были убиты и ранены несколько человек.

Эта маленькая, но весьма сплоченная группа фанатиков фактически организовала большинство террористических актов против самого царя и многих его ближайших сотрудников.

Первая значительная террористическая акция "Народной воли" была задумана и исполнена, когда Софья Перовская узнала через мать, что в ноябре государь возвратится из Ливадии по железной дороге, идущей из Ялты через Одессу и Харьков на Москву. Желябов и Софья Перовская лично наблюдали за исполнением разработанного ими плана. Во всех трех пунктах — Одессе, Харькове и Москве — на вокзалах, где должен был останавливаться царский поезд, были установлены изготовленные Кибальчичем мощные мины. "Невозможно, — говорила Софья Андрею Желябову, — чтобы во всех трех пунктах получилась неудача. Хоть один из этих трех взрывов будет успешным, и царь погибнет неминуемо..." Однако в последний момент, по распоряжению самого государя, поезд миновал Одессу, а в Харькове из-за технической ошибки одного из конспираторов взрыв не произошел.

Софья Перовская лично руководила установкой

мощной мины на Курском вокзале в Москве. Однако император находился не в первом поезде, как предполагали террористы, а во втором. Хотя оба поезда совершенно одинаково выглядели, в первом из них находился императорский багаж и ехали слуги и придворные лакеи. Царские поезда поменялись местами по чистой случайности, из-за какой-то мелкой поломки локомотива, который пришлось сменить в Харькове. Итак, при остановке первого из царских поездов на Курском вокзале произошел страшной силы взрыв, который разрушил локомотив с тремя первыми вагонами. Несколько слуг было убито и множество других тяжело ранено. Государь, по счастливой случайности находившийся во втором поезде, спешно вернулся в Санкт-Петербург, сократив время своего пребывания в Москве.

Взрыв взбудоражил весь город: люди высыпали на улицы и бросились к университету. Молва обвиняла студентов в организации этого террористического акта. Полиции пришлось защищать студентов от разгневанной толпы москвичей, хлынувшей в Успенский собор на импровизированный молебен.

Однако этот неуспех лишь удесятерил волю Желябова, Перовской и их сподвижников. Они решили перенести террор в самый Зимний дворец — резиденцию царя.

Благодаря связям своей матери с графом Адлербергом, министром двора, Софья узнала, что в близком будущем царь ожидает прибытия на торжественный ужин брата императрицы Марии Александровны с сыном, принцем Александром Баттенбергским, недавно ставшим болгарским князем. Мать рассказала ей также, что в Зимнем дворце ремонтируются подвальные помещения, в частности, винный погреб, который находится точно под императорской столовой, где обычно обедает и ужинает вся царская семья.

Желябов и Перовская за некоторое время до этого привлекли в свой кружок столяра Степана Халтурина, приехавшего из Москвы в Санкт-Петербург в 1875 году. Плеханов, лично знавший Халтурина, так описывает его внешний облик: "Молодой, высокий и стройный, с хоро-

шим цветом лица и выразительными глазами, он производил впечатление очень красивого парня". Именно из-за этой его привлекательной внешности Софья Перовская послала его наниматься на работу по ремонту Зимнего дворца. Конечно, рабочие не подлежали контролю полиции и, по благоволению Адлерберга, Халтурину было разрешено даже жить в Зимнем дворце во время этих работ. Красивый столяр скоро подружился с жандармом-надзирателем, который со своей семьей жил рядом с ним в подвальном помещении дворца. Он особенно сблизился с ним, став любовником его дочери и обещав жениться на ней. В соседних помещениях были расквартированы солдаты полка финской пехоты, которые исполняли караульную службу во дворце.

По ночам Халтурин выходил к своим друзьям из "Народной воли" и Кибальчич снабжал его пакетами динамита, которые столяр беспрепятственно относил во дворец и прятал среди строительных материалов в винном погребе, стены которого он облицовывал. Так он носил во дворец взрывчатку всю вторую половину января и начало февраля 1880 года.

Софья узнала от своей матери, что 16 февраля в Зимнем дворце будет торжественный ужин, на котором должны были присутствовать все члены императорской фамилии. Поскольку подобные ужины императорской семьи обычно начинались в 6 часов вечера, конспираторы "Народной воли" назначили мощный взрыв на 6 часов 20 минут, рассчитывая убить не только царя, но и всех членов его семьи, включая наследника престола великого князя Александра Александровича.

Однако поезд с высочайшими гостями запоздал на 10 минут. При этом гессенский принц с сыном, попросили государя позволить им перед ужином повидаться с тяжелобольной императрицей Марией Александровной, которая уже не вставала с постели.

Император ожидал принца в соседней комнате — своем кабинете, а великие князья и княгини находились в смежном зале около парадной лестницы, куда должны были войти царь с обоими принцами, чтобы вместе с остальными членами царской семьи следовать в столовую.

И как раз когда все они еще были на лестнице, в столовой произошел страшный взрыв, посыпалась штукатурка и зазвенели выбитые стекла. Взрыв был слышен в столице, и многие ее жители с ужасом обратили свои мысли к Зимнему дворцу, ожидая рокового известия. Но ни сам государь, ни кто-либо из великих князей и княгинь не пострадали. Слышны были, однако, стоны раненых финских солдат. Одиннадцать из них были убиты, а тридцать из сорока четырех были ранены, некоторые тяжело. Столовая и прилегающая к ней желтая гостиная были совсем разрушены, осколки зеркал, фарфора и хрусталя в беспорядке валялись на коврах. Из подвала клубами шел дым.

Тот факт, что конспираторы смогли взорвать царскую столовую и проникнуть в самую резиденцию государя, доказывал, что они всесильны и что царская полиция не в силах их обуздать.

2 марта была годовщина отмены крепостного прано, но террористы расклеили по всей столице предупреждения, что "адские машины" будут взрываться по всему городу, на разных улицах и площадях Санкт-Петербурга. Все население, как сообщали иностранные послы из столицы, было охвачено паникой из-за бессилия полиции, которая не могла обуздать террористов. Многие состоятельные жители Санкт-Петербурга заколачивали окна и запирали двери своих домов, уезжая в провинцию. Никто не был уверен в завтрашнем дне.

Император в последнее время сблизился с генералом Михаилом Лорис-Меликовым, назначенным им генерал-губернатором Харькова, царь знал и ценил его за геройское участие в войне 1877-1878 гг. Он возглавлял Кавказский корпус и прославился взятием Карса — ключевой позиции на азиатском фронте. Александр уже тогда наградил его высокими орденами. Но больше всего Лорис-Меликов заслужил доверие императора тем, что, назначенный генерал-губернатором Харькова, он справился с террористами и успел восстановить порядок в своей губернии.

Накануне нового 1880 года под его личным руководством харьковская полиция арестовала террориста

Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов – министр внутренних дел с августа 1880 года. В 1881 году по указанию императора Александра Второго начал он составлять проект конституции, редакция которого была готова, а сам акт лежал на письменном столе государя, ожидая его подписи, к моменту, когда царь был убит в марте 1881 года...

Гольденберга, который убил князя Д.Кропоткина, бывшего до Лорис-Меликова генерал-губернатором Харькова. Лорис-Меликов лично руководил следствием и сумел своим гуманным обращением заставить Гольденберга сделать важнейшие признания о деятельности "Народной воли", членом которой он состоял. Так, он раскрыл, что

Желябов и Перовская организовали взрыв в Зимнем дворце, а также и их прежние акции против императорского поезда. Нетрудно себе представить, какое впечатление доклад Лорис-Меликова произвел на царя.

После акции в Зимнем дворце император созвал в своем кабинете для разработки мер против терроризма экстренный совет, в котором участвовали наследник престола великий князь Александр Александрович, военный министр Милютин, некоторые другие министры, все генерал-губернаторы, в том числе и Лорис-Меликов и другие лица. Наследник престола предложил немедленно создать специальный Верховный комитет, чья юрисдикция распространялась бы на всю империю. Все присутствующие одобрили это предложение и высказались за немедленное его создание.

Император обратился тогда лично к Лорис-Меликову и пригласил его высказаться. Генерал ответил, что он вполне соглашается с предложением наследника престола, однако добавил, что самое существенное — это немедленное проведение либеральных реформ по образцу западных государств: "Теперь во всей Западной Европе ширятся коммунистические идеи, проникли они и к нам. Но единственный правильный способ бороться с ними — это улучшить условия жизни и дать людям больше свободы, создав либеральное правление. Это, я уверен, самое полезное и для России: гуманное, теплое отношение, я бы уточнил — "сердечное" управление..."

Все слушали с большим вниманием этого героя войны с турками, который сумел привлечь к России симпатии населения Южного Дагестана, Дербента и Терской области еще в 1861-1875 гг. Говорил он, однако, без пафоса, иногда даже запинаясь, на своем ломаном русском языке, с сильным армянским акцентом. С тех пор члены Комитета прозвали Лорис-Меликова "диктатором сердца".

Александр призадумался на несколько минут, затем с благосклонной улыбкой сказал ему: "Дорогой Михаил Тариелович, вот мое решение: назначаю Вас с сегодняшнего дня "главным начальником, предложенной наследником престола Верховной распорядительной ко-

миссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия...” С этого дня Лорис-Меликов стал фактически диктатором России. Его правление отмечено, с одной стороны, проектом либеральных реформ, а с другой стороны, строжайшими мерами против революционеров-террористов. В августе 1880 года император Александр упразднил существовавшую с февраля Верховную распорядительную комиссию и назначил Лорис-Меликова министром внутренних дел. В январе 1881 года он представил государю составленный им по указаниям самого Александра проект конституции империи. Согласно этому проекту предполагалось немедленно учредить временные подготовительные комиссии с участием земств и городов России и преобразовать губернское управление с участием в нем представителей всех общественных слоев страны, а также в корне изменить земское и городское управление, фактически предоставив им участие в управлении страной.

Конспираторы ”Народной воли” пришли в ужас от самих слухов об этих либеральных реформах: если Россия получит конституцию, полностью потеряет смысл вся их борьба и террор. Перовская и Желябов решили немедленно покончить с Лорис-Меликовым, инициатором всех этих реформ. Конечно, для закладки бомб не было теперь ни времени, ни возможностей.

Они приказали студенту, примкнувшему к ним, снабдив его револьвером, убить министра, когда он будет выходить из министерства и, как обычно, пешком пойдет в Зимний дворец на доклад к государю. Террорист, поджидавший Лорис-Меликова на тротуаре, выпустил ему в спину три пули, целясь точно в упор. Но, к счастью, все три пули застряли в его медвежьей шубе и бобровом воротнике. Храбрый генерал, человек атлетического сложения, несмотря на свои пятьдесят лет, погнался за убегающим, настиг его, ловким ударом кулака свалил на землю, выбил револьвер из его рук и скрутил ему правую руку, прижав его коленом к тротуару. В это время подоспела охрана и арестовала террориста. Вся Россия с восхищением комментировала этот подвиг Ло-

рис-Меликова, популярность которого продолжала расти.

Желябов и Перовская были принуждены покинуть свою конспиративную квартиру, так как Софья узнала от матери, что террорист Гольденберг дал подробные показания в полиции и что столичная полиция усиленно ищет их. Получив от матери Софьи необходимые средства, Перовская и Желябов сняли на Малой Садовой улице магазин с прилегающей к нему квартирой под именем мужа и жены Кобожевых, сказав хозяевам, что собираются открыть молочную. Они уплатили лишь за три месяца, так как "хотели посмотреть, как пойдет их молочная торговля". Они выставили в витрине несколько жестянок с маслом, сметаной и сыром, однако в подвальном помещении начали копать подземный ход под Малой Садовой улицей, по которой, как они знали, почти каждое воскресенье утром проезжала карета царя, отправлявшегося после военного смотра к своей двоюродной сестре, великой княгине Екатерине Михайловне (лишь иногда царь проезжал не по Малой Садовой улице, а вдоль Екатерининского канала). Кибальчич установил "адскую машину", заряженную восьмьюдесятью фунтами динамита, в самой середине подземного хода под Малой Садовой.

Однако столичная полиция начала подозревать хозяев "молочной", так как, по доносам окрестных дворников, никто никогда не входил в магазин, а хозяева никогда не жаловались на свою неуспешную торговлю. И вот, к ужасу Перовской и Желябова, 28 февраля в молочную нагрянула полиция под предлогом "санитарной инспекции" их магазина. Однако полицейские осмотрели магазин весьма небрежно, увидев несколько бочонков и девять деревянных сундуков, наполненных сырами. У обоих террористов начали сдавать нервы, и они с ужасом ожидали нового визита полиции. Они тотчас же решили отказаться от подземного взрыва, а вместо него решили использовать приготовленные Кибальчичем метательные бомбы. Желябов и Перовская в тот же день устроили совещание, решив завербовать несколько добровольцев для организации акции с метательными бом-

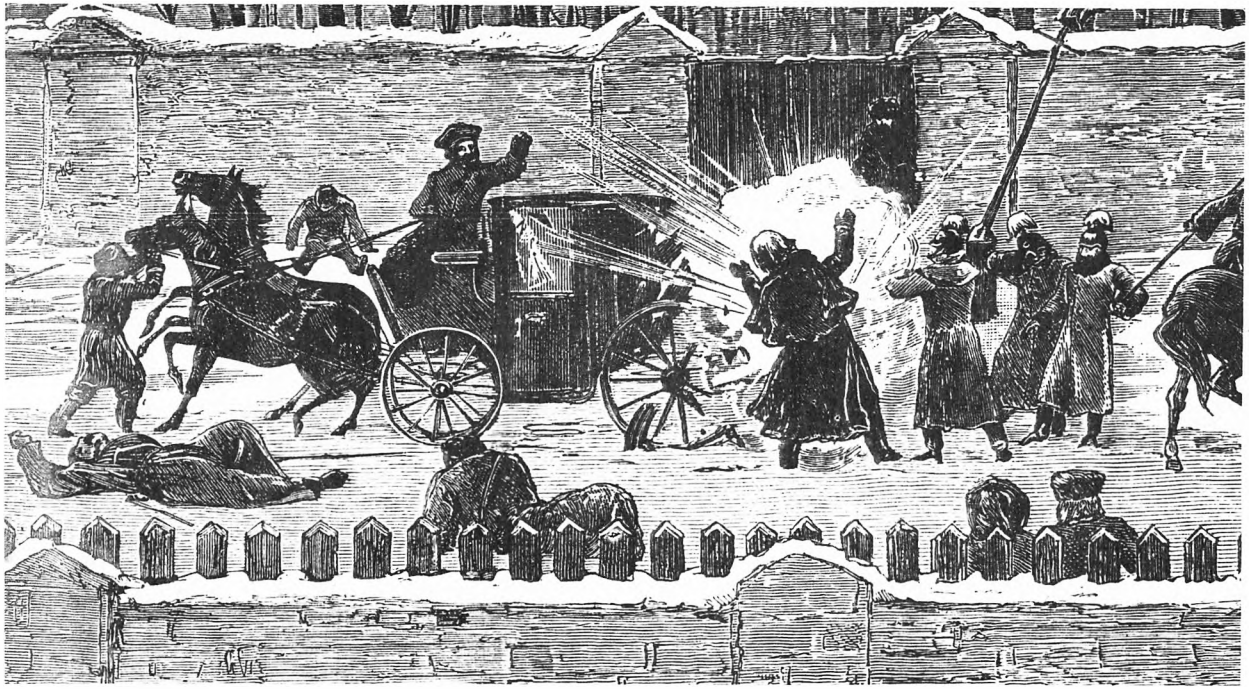
бами. Однако в этот самый вечер Андрей Желябов был задержан полицией на основании показаний Гольденберга о его участии во взрыве императорского поезда шестнадцать месяцев назад.

Известный террорист С.М. Кравчинский, конспиративная кличка которого была "Степняк", приводит в своих воспоминаниях рассказ польской террористки Рины, которая встретилась с Софьей Перовской на конспиративной квартире Оленина в Санкт-Петербурге на следующий день после ареста ее любовника: "Была Перовская бледнее полотна и с трудом передвигала ноги. Как только Софья вошла в комнату, она тяжело опустилась на диван. Она сказала, что истратила свои последние гроши, потому что ей пришлось несколько раз переменить извозчика, чтобы спастись от следившего за ней сыщика. Она добавила, что даже не уверена в том, что ей действительно удалось скрыться от него и вполне вероятно, что сейчас полиция нагрянет сюда к Оленину и арестует ее. Ей необходимо было уйти как можно скорее..."

Утром 28 февраля Лорис-Меликов подал императору на подпись манифест, объявляющий, что делегаты, выбранные земствами, вне зависимости от своего классового происхождения или экономического положения, будут приглашены войти в преобразованный Государственный Совет. Это было историческое решение государя и, как правильно считали террористы "Народной воли", — первый шаг к установлению в России парламентского правления. Государь дал свое согласие, чтобы манифест этот был немедленно опубликован во всех завтрашних утренних газетах.

Министр сообщил государю, что вождь террористов Андрей Желябов арестован накануне, но что Софья Перовская и остальные члены организации, около пятнадцати человек, все еще на свободе. Лорис-Меликов настаивал, что именно потому, что эта кучка опасных террористов "Народной воли" все еще на свободе, государь не должен присутствовать в воскресенье на военном параде в Михайловском манеже.

Но Александр, смеясь, ответил министру, что он все же не может "оставаться пленником в своем собствен-

Сцена убийства императора Александра Николаевича террористами "Народной Воли", воспроизведенная на самом месте злодеяния художником-современником, через несколько часов после убийства.

ном дворце". Уже самое это отношение императора Александра к весьма обоснованным предупреждениям Лорис-Меликова показывает отважный характер царя и его бескомпромиссное решение не поддаваться запугиванию террористов, хотя он великолепно понимал всю рискованность своего поведения.

Итак, на следующий день Александр в четверть первого выехал из дворца. По воспоминаниям Екатерины Михайловны Юрьевской, перед отъездом Александр посетил ее в ее квартире в Зимнем дворце. Как она впоследствии рассказывала д-ру Боткину, царь был в очень хорошем настроении. Его веселость никак не предвещала скорый трагический конец. Ехал царь в специальной бронированной карете, купленной в Париже, которая была сделана по заказу Наполеона Третьего незадолго до его падения. За царской каретой следовала охрана — конвой из шести казаков, которые ехали по обеим сторонам кареты. За каретой следовала пара саней, в которых разместились офицеры царской охраны во главе с полковником Дворжицким.

После военного смотра император, по своему обыкновению, остановился у Михайловского дворца, чтобы сделать очередной визит своей двоюродной сестре великой княгине Екатерине Михайловне, герцогине Мекленбургской, с которой из-за ее либеральных убеждений у царя были весьма дружеские отношения. Карета ехала галопом по Инженерной улице, которая по приказу Лорис-Меликова находилась под наблюдением полицейских агентов в штатском. Однако кучер, предупрежденный царем, что у него назначена встреча в Зимнем дворце в три часа после обеда, по своей собственной инициативе неожиданно свернул вправо и поехал по набережной Екатерининского канала, желая таким образом сократить путь.

Софья Перовская, одетая как рыбная торговка, стоя на углу Инженерной улицы, сделала условный знак своим сообщникам — махнула белым платком, указывая, что царская карета теперь едет по набережной Екатерининского канала по направлению к Зимнему дворцу. По описаниям современников набережная Екате-

ринского канала, по которой галопом ехала царская карета, была почти безлюдной. На ней было лишь двое прохожих: мальчик, несший корзину с хлебом, и молодой артиллерийский офицер. Неожиданно из-за угла выскочил какой-то человек с пакетом в руках. Поравнявшись с императорской каретой, он бросил свой пакет под ноги лошадям. Последовал страшный взрыв, отзвук которого был слышен в Зимнем дворце. Когда дым немного рассеялся, мальчик с корзиной и двое гвардейцев-казаков лежали на мостовой в луже крови. Около них бились в конвульсиях три раненые лошади. Козлы и передние колеса кареты были разбиты в щепы, но сам государь вышел из кареты невредимым. Охрана выскочила из саней и схватила террориста. Народ стекался отовсюду. Офицеры охраны и кучер умоляли государя пересесть во вторые сани полковника Дворжицкого и немедленно ехать в Зимний дворец.

"Да, да, но ведь надо позаботиться об этих несчастных тоже..." — отвечал царь, и, по своему обыкновению, невзирая на смертельную опасность, полный сострадания к раненным вместо него, пошел вдоль саней распорядиться, чтобы им была оказана необходимая помощь.

"Слава Богу, ваше величество, вы спасены..." — сказал государю один из офицеров охраны. "Да, я невредим, благодаря Господу, — отвечал император, — но посмотрите на них..."

Во время общего смятения какой-то человек, стоявший в толпе около саней, обращаясь к императору, сказал: "Еще рано благодарить Бога..." Одновременно он взмахнул рукой и бросил под ноги императору какой-то круглый предмет, напоминающий снежный ком. Второй, еще более мощный взрыв, отзвук которого был слышен от одного до другого конца набережной, потряс воздух. И когда дым немного рассеялся, толпившиеся прохожие увидели на окровавленном снегу среди более двух десятков убитых и тяжелораненых полулежащего на мостовой императора Александра. Лицо царя было залито кровью, огромная открытая рана зияла в области живота, ноги выше колен были раздроблены. "Скорее домой... умереть во дворце..." — тихо прошептал Алек-

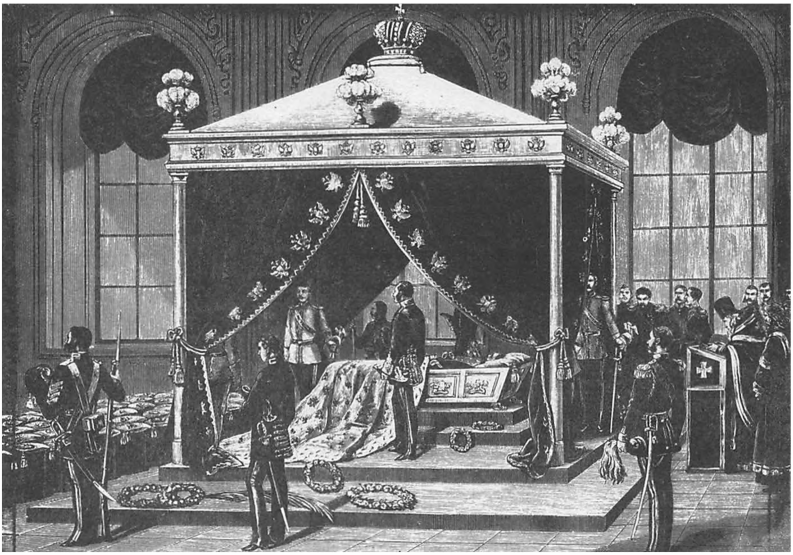
Император Александр Второй на смертном одре. (Современная фотография.)

сандр и потерял сознание. Он больше не приходил в себя...

"Тысячи толпились около Зимнего дворца, — вспоминал впоследствии племянник императора, тогда еще пятнадцатилетний юноша, великий князь Александр Михайлович, — никто не спрашивал ничего. Широкие пятна темной крови указывали путь по мраморным ступеням лестницы и по коридору, ведущему в кабинет императора. Государь лежал на кушетке возле своего письменного стола. Он был без сознания. Трое докторов суетились около него, однако, очевидно, наука не могла уже помочь. Через несколько минут императора не стало..."

Так окончил свою героическую, отданную России жизнь этот самый человечный и самый благородный царь не только из династии Романовых, но вообще из всех современных ему властителей.

На его письменном столе лежала составленная по его указаниям графом Лорис-Меликовым и лишь ожидавшая его подписи конституция, которую он собирался дать России. Дикие, тупые фанатики "Народной воли"

Панихида по убиенному императору Александру Второму в Зимнем дворце. (Современная литография.)

сделали свое разрушительное дело. На русский престол вступил ограниченный, но волевой император Александр Третий. Ученик и поклонник самого реакционного мыслителя России Константина Петровича Победоносцева, профессора гражданского права Московского университета, сенатора, члена Государственного Совета и с 1880 по 1905 год обер-прокурора Святейшего Синода. Был он сторонником неограниченного самодержавия, опирающегося на Православную Церковь, и врагом либеральных реформ Александра Второго — принципы, в которых он воспитал Александра Третьего и его сына Николая Второго и которые, несомненно, больше всего способствовали как гибели монархии в России, так и грядущей большевистской революции в октябре 1917 года.

Именно под влиянием Победоносцева Александр Третий разорвал приготовленную его отцом конституцию и стал проводить самую реакционную политику, отменив все либеральные реформы Царя-Освободителя.

К.П. Победоносцев, обер-прокурор Святейшего Синода. Этюд к картине Е.И. Репина "Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 г."

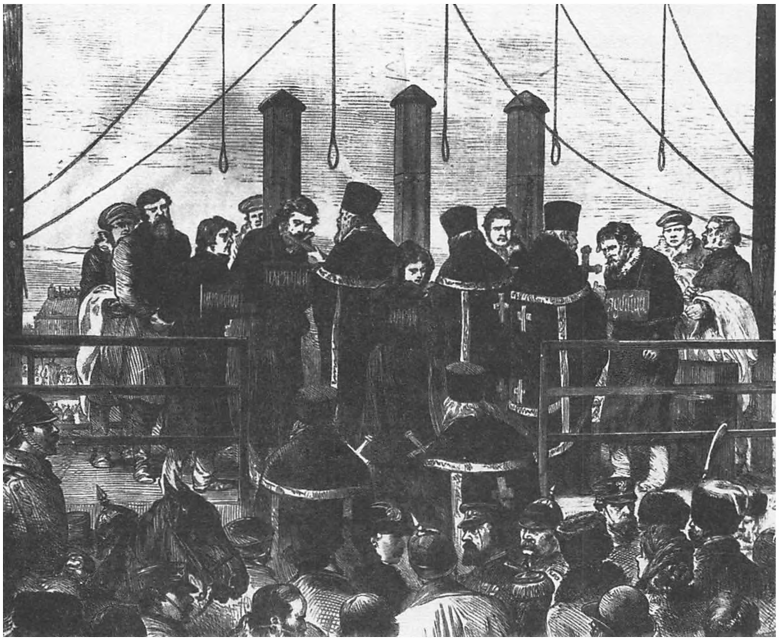
Император Александр Третий в момент своего восшествия на престол в 1881 году.

Конечно, после убийства Александра Второго, вопреки наивной вере фанатиков "Народной воли", что после смерти царя неминуема русская революция, всех их во главе с Перовской, Кибальчичем, Михайловым и Рысаковым в ближайшие дни арестовали и вместе с Желябовым по приказанию Александра Третьего судили специальным составом суда, членами которого были сенаторы из Специального комитета, созданного новым царем для рассмотрения особо опасных государственных преступлений.

Великий писатель Лев Толстой, современник этих событий, написал личное послание новому императору, прося его, несмотря на страшное преступление, помиловать осужденных на казнь через повешение террористов "Народной воли". "Хотя я даю себе отчет, — писал Толстой царю, — что это с моей стороны лишь презумпция и безрассудство просить Вас, Императора России и любящего сына, простить убийцам вашего отца и, несмотря на давление вашего окружения, ответить добром на зло, я осмеливаюсь настаивать на этом..." Великий князь Сергей Александрович, младший брат царя, положил это послание Толстого на письменный стол Александра Третьего.

Новый царь написал на полях письма Толстого: "Надеюсь, что никто больше не посмеет отправить мне подобное ходатайство, и я обещаю вам, что все они будут повешены..."

Приговор Специального комитета был приведен в исполнение 3 апреля 1881 года в 9 часов утра на плацу гвардейского Семеновского полка. Тысячная толпа собралась на площади, чтобы присутствовать при казни преступников. Террористов везли в двух телегах, связанными по рукам и ногам и привязанными к скамейкам, на которых они сидели. На груди каждого из них висел плакат с надписью "Цареубийца". На высоком эшафоте были установлены пять виселиц. Несколько священников, одетых в траурное погребальное облачение, предложили осужденным исповедаться, от чего никто из них не отказался. Все они поцеловали поднесенный им крест.

Осужденные террористы "Народной Воли" целуют крест перед казнью. На переднем плане: Перовская, Желябов, Рысаков, Михайлов, Кибальчич.

Палач, сам осужденный преступник, был привезен из тюрьмы, где он отбывал наказание. На нем была традиционная красная рубаха. Он завязал глаза каждому осужденному белым платком и подвел их к виселицам. Первым был повешен Кибальчич, после него Михайлов, Софья Перовская и Желябов. Последним был Рысаков, его казнили, несмотря на то, что он полностью раскаялся и выдал всех остальных. Лишь одна террористка Геся Мееровна Гельфман не была повешена, хотя работала она в подпольной типографии "Народной воли" и была хозяйкой целого ряда конспиративных квартир. Ее помиловали из-за беременности.

Так началось царствование Александра Третьего, который, отменив почти все либеральные реформы свое-

го отца, заявил, что последние события доказали, что русский народ еще не созрел для парламентарного управления и что сам он будет править Россией с непоколебимой твердостью своего деда, императора Николая Первого. Так, из-за трагического, бессмысленного убийства гуманного и либерального императора Александра Второго преступными фанатиками "Народной воли" царская Россия вновь стала на путь абсолютизма, который привел ее к революции 1917 года.

Конец

Приложение

О ЕВРОПЕИЗАЦИИ РУССКОГО КОСТЮМА В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА ВТОРОГО

Европеизация русского костюма (за исключением одежды черного и белого духовенства и в некоторой степени крестьян) началась еще во времена Петра Первого и продолжалась при его преемниках. Но массовый характер приобрела она лишь при Александре Втором, реформы которого еще более способствовали демократизации всех классов русского общества.

И это при том, что сословные и имущественные различия, несмотря на проведенные Александром коренные реформы, наглядно отражались в одежде различных классов.

Однако новые условия жизни, развитие техники и науки, личное обогащение членов общества в связи с оживлением торговли, строительства и т.п. – обусловливали преуспевание представителей всех классов Российского государства, стремившихся к более культурным условиям жизни. Следуя веянию времени, широкие слои населения все более стремились приобщиться к цивилизации и западному комфорту, при этом одежда играла, хотя и внешнюю, но весьма немаловажную роль.

Правящий дворянский класс – придворные, высшие чиновники министерств, дипломаты, поддерживавшие наиболее тесные контанты с западным миром, – стремились во всем подражать своим европейским коллегам и одеваться по новейшей моде Парижа, Лондона, Вены.

По свидетельству западных путешественников, русская придворная знать ни в чем внешне не уступала парижской, венской или берлинской аристократии, выписывая одежду из европейских столиц.

Не только высшая чиновная аристократия, но и высшие слои помещичьего и купеческого сословий тоже жили "по-европейски". При Александре Втором богатые купцы, в первую очередь, конечно, Москвы и Санкт-Петербурга, все чаще отказываются от своей традиционной одежды в пользу европейского платья и, рас-

полагая значительными денежными средствами, начинают конкурировать в этом с аристократией, стремясь даже перещеголять ее.

При Александре Втором одеваться "по моде" стали даже и выходцы из мещанского и крестьянского сословий, спеша сменить свои кафтаны, поддевки и армяки на пиджаки, сюртуки, пальто. Демократические реформы русского государя сопровождались и демократизацией одежды, по крайней мере, мужской: аристократ-барин и его лакей носят схожие пиджаки, жилеты и брюки, лишь качество материи и пошива отличает костюм хозяина от костюма слуги. Но, конечно, и такой по виду весьма непритязательный костюм, предполагавший, однако, белую крахмальную рубашку с твердым воротничком и пышный белый или черный галстук, был не по карману как мелким чиновникам, так и студентам, подвизавшимся гувернерами или дававшим уроки детям в богатых семьях.

Форменная одежда у студентов была отменена в 1863 году с той целью, чтобы дети освобожденных крестьян и мелких чиновников могли без особых затрат поступать в высшие учебные заведения (форма была восстановлена в середине 80-х гг.). Большинство малоимущих студентов носило дешевые блузы, подпоясанные ремешком, и брюки навыпуск или заправленные в высокие сапоги. В.Г.Короленко вспоминал, что студентов из имущих классов отличало от их бедных сокурсников лишь качество ткани, из которой была сшита их одежда, да то, что в их жилетных карманах лежали массивные золотые часы с цепочкой. И лишь идя на экзамены, студенты надевали темно-синий сюртук и брюки навыпуск. Но и в годы отмены общей формы студенчество носило фуражки. Университетские фуражки были темно-зелеными, студенты педагогических вузов носили темно-синие с черными бархатными околышами и т.д.

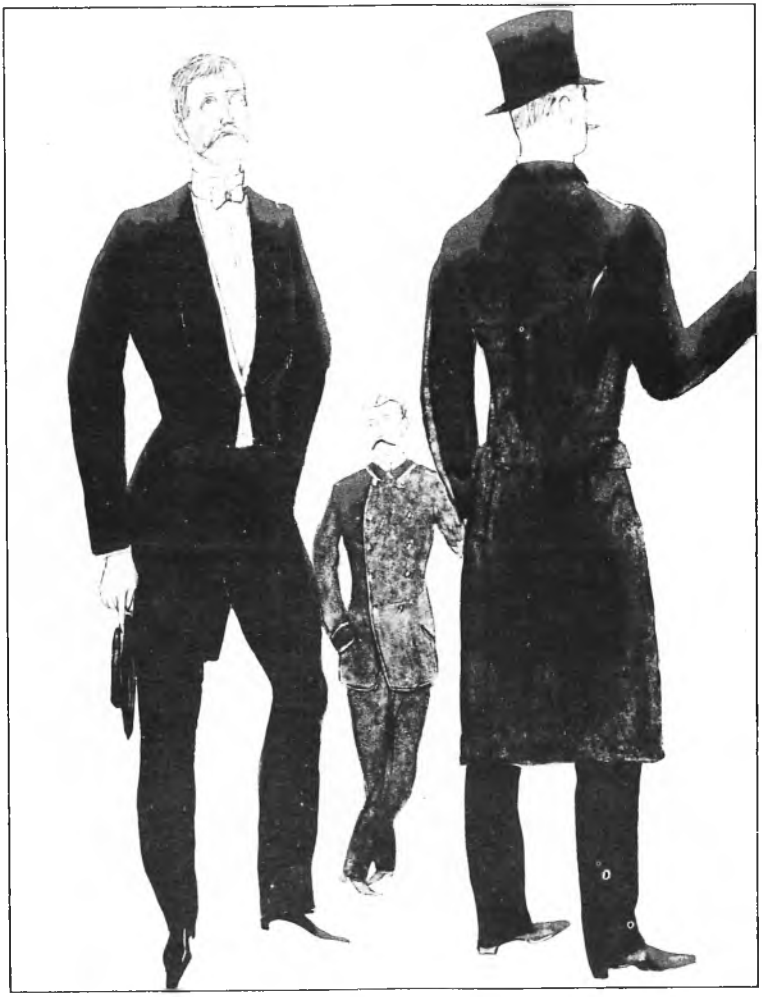
Модой пренебрегала лишь та часть студенчества и интеллигенции, которая называла себя "нигилистами". Они одевались весьма колоритно: черные широкополые шляпы, косоворотки под пиджаками. Синие или дымчатые очки, носимые некоторыми из них, были тогда в новинку. Нигилисты отпускали длинные волосы, бороды и усы. Они ходили с сучковатыми можжевеловыми тростями. Не менее колоритно выглядели и девушки-нигилистки: блузы или косоворотки ярко-красного цвета, черные юбки, черные шапочки с невысокой тульей и узенькими полями. Они коротко стриглись и тоже нередко носили очки.

Другая часть русской интеллигенции – славянофилы и народники – носила несколько стилизованную национальную одежду: косоворотки и штаны, заправленные в высокие сапоги. Пиджакам предпочитали поддевки. Уходившие "в народ" одевались

совсем скромно – по-крестьянски или по-мещански, чтобы не вызывать недоверия.

Курсистки и весьма немногочисленные женщины, имевшие тогда высшее образование, желая отличаться от "бездельничающих дам" высшего света, тоже демократизировали свое платье. К середине 80-х гг. турнюры и громоздкие драпировки вообще вышли из моды.

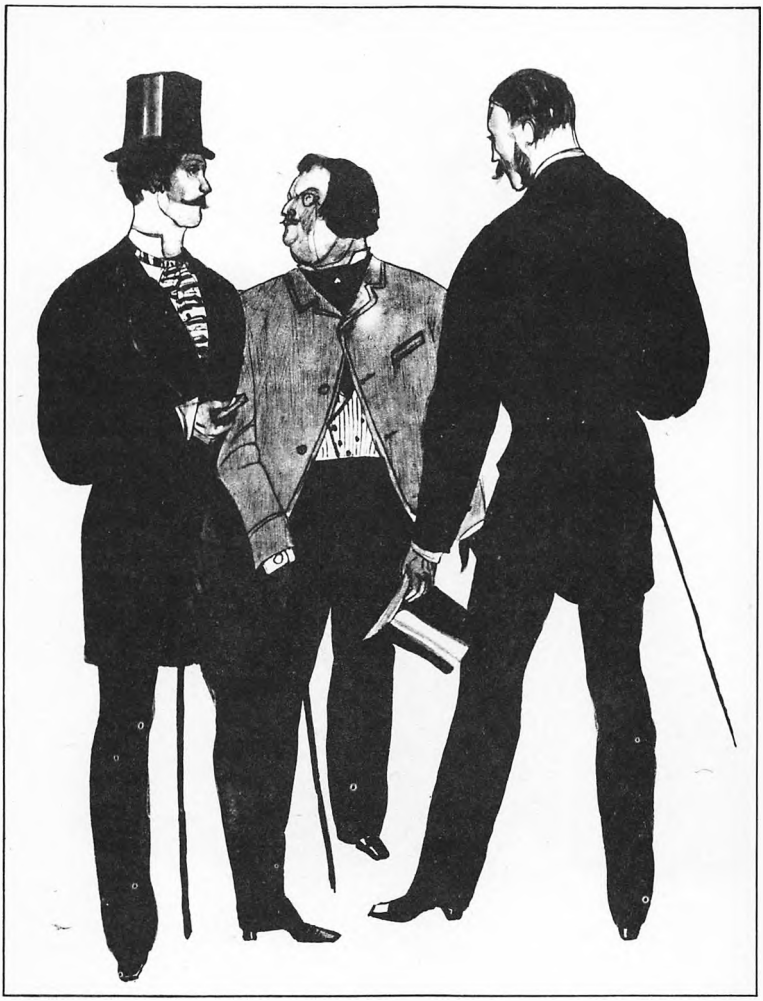
Как во Франции накануне революции 1789 года, так и в России во времена, предшествовавшие царствованию Александра Второго, мужчины носили цветные фраки и только лакеи – черные. Цвет в одежде был привилегией аристократии. Все это тоже изменилось при Александре Втором.

Одежда высших государственных чиновников времени императора Александра Второго. (Рисунок из модного журнала 1870 г.)

Дамские бальные платья времени императора Александра Второго. (Рисунок из модного журнала.)

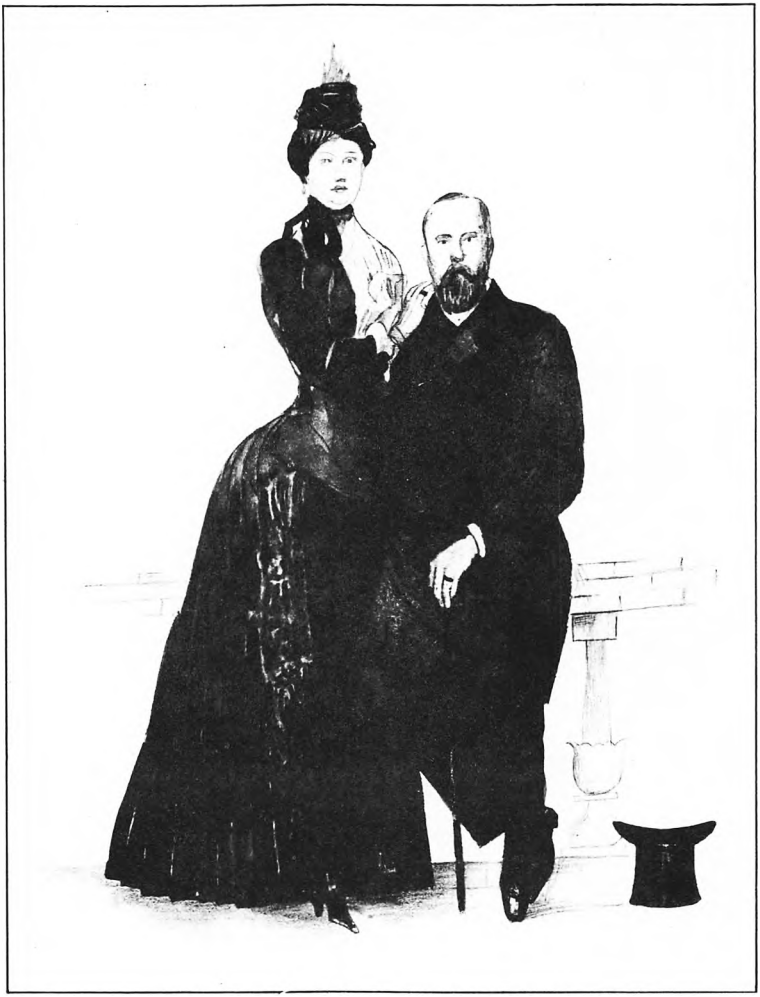
Дневные костюмы мужчин дворянского сословия времен императора Александра Второго. (Рисунок из модного журнала 1878 г.)

Дамские дневные платья времени императора Александра Второго (1880-е годы). Гос. Исторический музей.

Платье дамы высшего аристократического сословия времени императора Александра Второго (1883 г.). Гос. Исторический музей.

Костюм семейной пары дворянского сословия времени императора Александра Второго (1880 г.). По частной фотографии.

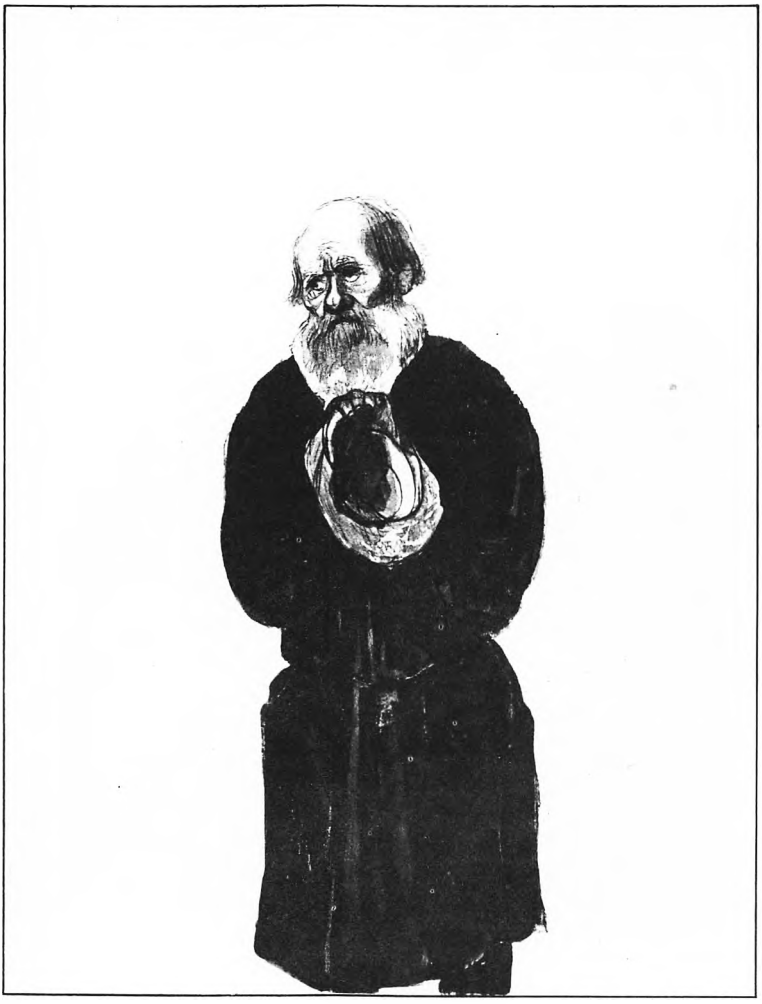
Московские купец и купчиха времени императора Александра Второго (1870 г.). Гос. Исторический музей.

Провинциальные купец и купчиха времен императора Александра Второго (1870 г.). Гос. Исторический музей.

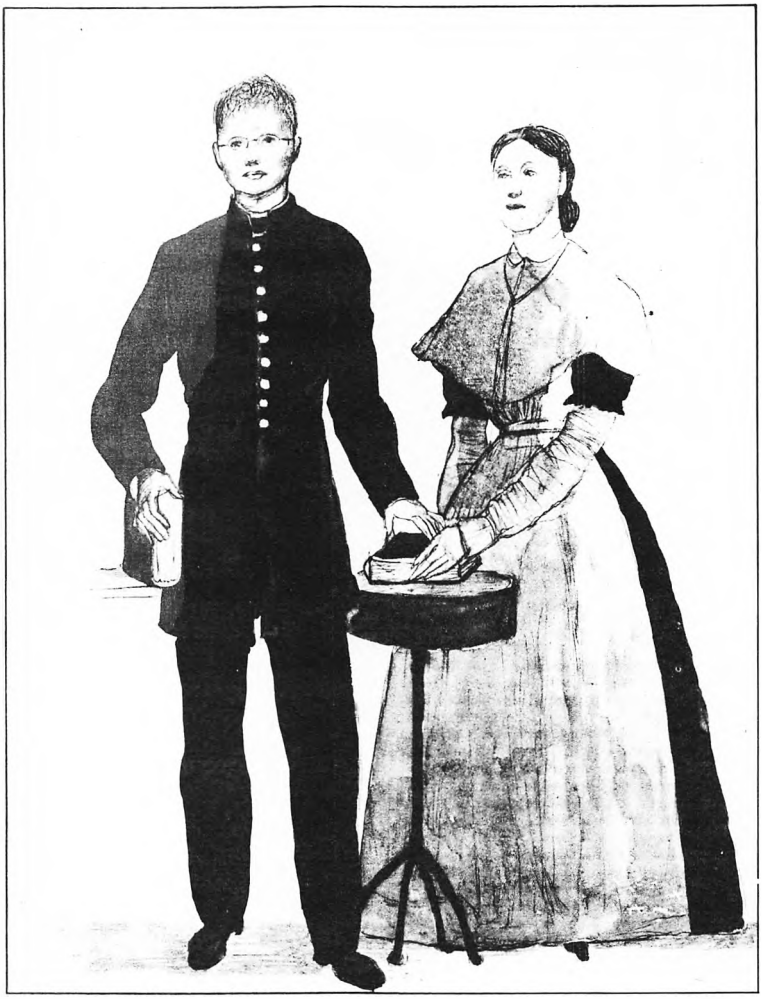
Провинциальные купец и купчиха времени императора Александра Второго (1870 г.). Гос. Исторический музей.

Крестьянская одежда времени императора Александра Второго (1870-1880 гг.). Гос. Исторический музей.

Полицейская форма урядника времени императора Александра Второго (1870-1880 гг.). Гос. Исторический музей.

Формы учащихся средних учебных заведений при императоре Александре Втором (1870-1880 гг.). Гос. Исторический музей.

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Александр Второй, император всероссийский (1818-1881). — Письма императора Александра II, писанные им в бытность его наследником цесаревичем к С.А. Юрьевичу в 1847 г. С.-Петербург, 1886 г.

Александр Второй. — Цесаревич Александр Николаевич. Письма к его воспитателю К.К. Мердеру. Русская Старина, 1886 г., XLIX.

Александр Второй. — Император Александр Второй в бытность его наследником цесаревичем в эпоху войны 1855 г., письма князю М.Д. Горчакову. Русская Старина, 1883 г., XXXIX, стр. 195-220 (сообщ. М.И. Богданович).

Александр Второй. — Записка императора Александра II — распоряжение князю М.Д.Горчакову. Русская Старина, 1883 г., XXXIX, стр. 299-330.

Александр Второй. — Переписка императора Александра Николаевича с князем Ф.И. Паскевичем и князем М.Д. Горчаковым в 1855 г. Русская Старина, 1881 г., XXXII.

Александр Второй. — Записка императора Александра II о Кавказе в 1860 г. Сообщение А.Берже. Русская Старина, 1882 г., XXXVI.

Александр Второй. — Речь императора Александра II в заседании Государственного Совета 28 января 1861 г. Русская Старина, 1880 г., XXVII.

Александр Второй. — Повеления Александра II и донесения князя М.Д. Горчакова во время Польской смуты в 1861 г. (Между Петербургом и Варшавой). Русская Старина, 1882 г., XXXVI, стр. 535-552.

Александр Второй. — Переписка императора Александра II по телеграфу с князем Мих. Дм. Горчаковым в 1861 г., с 14 февраля по 31 мая. Русская Старина, 1882 г., XXXVI, стр. 553-584.

Александр Второй. — Распоряжения императора Александра II князю М.Д. Горчакову во время последней польской смуты, по переписке с 14-го февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г. (Из Москвы, Петергофа, С.-Петербурга, Царского Села, Ливадии, Николаева и пр. в Варшаву). Русская Старина, 1882 г., XXXVI.

Примечание. Пространная переписка императора Александра Николаевича с его морганатической супругой княгиней Екатериной Долгоруковой-Юрьевской велась на французском языке и лишь изредка употреблял государь и его супруга некоторые русские выражения и отдельные слова. Впоследствии все эти письма были

переведены на английский язык известным переводчиком и лингвистом князем Николаем В. Орловым. Об этих письмах императора Александра на французском языке см. здесь в иностранной библиографии.

Барсуков, И.П. — Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Тт. I и II, Москва, 1891 г.

Берг, Н.В. — Записка о польских заговорах и восстаниях 1831 г. и 1862 г. Москва, 1873 г.

Бердяев, Н. — Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955 г.

Берже, А. — Записка императора Александра Второго о Кавказе 1860 года. Русская Старина, 1882 г., XXXVI.

Благовидов, Ф.В. — Император Александр II и цензурная реформа 1860 года. Исторический Вестник. С.-Петербург, 1905 г., т. 99, стр. 879-903.

Блиох, И.С. — Влияние железных дорог на экономическое состояние России. Тт. I-V, С.-Петербург, 1878 г.

Блиох, И.С. — Финансы России XIX столетия. История. Статистика. I-IV, С.-Петербург, 1882 г.

Богданович, М.И. — История Восточной войны 1853-1856 гг. Тт. I-IV, С.-Петербург, 1877 г.

Бржесский, С. — Государственные долги России. С.-Петербург, 1884 г.

Вадхольский, А.П. — Воспоминания бывшего гвардейского офицера. Русская Старина, 1903 г., стр. 543-551.

Валуев, граф П.А. — Дневник 1877-1884 гг. Петербург, 1919 г.

Валуев, П.А. — 8-го сентября 1862 г. Из воспоминаний. Русская Старина, 1888 г., LVII.

Валуев, П.А. — Дума русского. Русская Старина, V, 1891 г.

Васильева, Н.К. — Воспоминания об Императоре Александре II. Русская Старина, 1915 г., стр. 311-323.

Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Юбилейное издание, тт. I-IV, Москва, 1911 г.

Витте, граф С.Ю. — Воспоминания. Москва-Петроград, 1923 г.

Вяземский, князь И.А. — Полное собрание сочинений. Т. VII, С.-Петербург, 1882 г.

Годы учения императора Александра II. Сборник Имп. Русск. Истор. Общества, С.-Петербург, 1880 г., XXX и XXXI.

Гессен, И.В. — Судебная реформа, С.-Петербург, 1905 г.

Головачев, А. — Десять лет реформы 1861-1871 гг., С.-Петербург, 1872 г.

Гоппен, Н.С. — Венценосный Москвич. Очерк двадцатилетия цар-

ствования государя императора Александра II. С.-Петербург, 1880 г.

Горчаков, князь А.М. — Сборник в память двадцатипятилетия управления Министерством Иностранных Дел князем А.М. Горчаковым (1856-1881). С.-Петербург, 1881 г.

Горчаков, князь М.Д. — Записки о мерах в случаях восстания в Венгрии. Русская Старина, 1884 г., XLI.

Градовский, Г.К. — Встречи с Царем-Освободителем. Исторический Вестник, т. 90, С.-Петербург, 1901 г., стр. 933-944.

Григорович, Н.И. — Император Николай (с сыном) в Св. Синоде. Русский Архив, 1869 г.

Даневский. — История образования Государственного Совета в России. С.-Петербург, 1859 г.

Дворжицкий, К.А. — Первое марта 1881 года. Исторический Вестник, С.-Петербург, стр. 113-132.

Джаншиев, Г.А. — Эпоха великих реформ. Исторические справки, Москва, 1900 г.

Диковская А.В. (Якимова). — Из далекого прошлого. (Из воспоминаний о покушении на Александра Второго.) Каторга и ссылка, Москва, 1924 г., № 8, стр. 9-17.

Долгоруков, князь П.В. — Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта (1860-1867). Собрал и подготовил к печати П.Е.Щеголев. Дополнил и снабдил введением и примечаниями С.В.Бахрушин. Москва, 1934 г. Издательство "Север". (Записи прошлого.)

Дубровин, Н.Ф. — Восточная война 1853-1856 гг. С.-Петербург, 1878 г.

Еленев. — Первые шаги к освобождению крестьян в России. Русский Архив, 1886 г., II.

Жуковский, В.А. — Сочинения. Тт. II и VI, С.-Петербург, 1885 г.

Заблоцкий-Десятовский. — Граф П.Д. Киселев и его время. С.-Петербург, 1882 г.

Зарина, Я.И. — Черты из жизни императора Александра II. Исторический Вестник, С.-Петербург, 1885 г., т. XIX, стр. 573 и далее.

Зиссерман, А.Л. — Фельдмаршал князь А.И.Барятинский. Москва, 1890 г.

Иванов, Петр. — Законоучитель императора Александра II прот. Павский и митрополит Филарет. Возрождение, Париж, 1954 г., вып. 35 (сент.-окт., 1954 г.), стр. 148-164.

Иверсен, Ю.Б. — Медали, выбитые в царствование императора Александра II. Имп. Академия Наук, С.-Петербург, 1880 г.

Икскуль, В. (Соковнина). — К характеристике императора Александра II (Из воспоминаний моей матери). Исторический Вестник, т. 96, С.-Петербург, 1904 г., стр. 104-117.

Источники времен царствования императора Александра II:

Всеподданнейший ответ по Министерству Путей Сообщения с 1855 по 1860 гг. С.-Петербург, 1880 г.

Всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Св. Синода с 1855 по 1881 гг. С.-Петербург, 1881 г.

Всеподданнейшие отчеты министра Народного Просвещения с 1855 по 1881 гг. С.-Петербург, 1881 г.

Краткий отчет деятельности Министерства Внутренних Дел с 1855 по 1880 гг. С.-Петербург, 1881 г.

Исторический очерк деятельности военного управления в России с 1855 по 1880 гг. С.-Петербург, 1879-1881 гг.

Секретный всеподданнейший отчет по морскому ведомству с 1855 по 1880 гг. С.-Петербург, 1880 г.

Обзор деятельности морского управления в России с 1855 по 1880 гг. I-II, С.-Петербург, 1880 г.

Примечание автора: Здесь даны лишь важнейшие источники управления времени императора Александра II, которые были использованы автором при составлении настоящего труда.

Кантор, Р.М. — Прокламация "Южно-Русского Рабочего Союза" об убийстве Александра II. Каторга и ссылка, Москва, 1923 г., № 5, стр. 53-56.

Катков, М.Н. — Неизданные письма М.Н. Каткова Александру II и Александру III. Былое, Петроград, 1917 г., № 4, стр. 3-32.

Катков, М.Н. — Собрание статей по сельскому вопросу. I-II, Москва, 1887 г.

Катков, М.Н. — Собрание статей по польскому вопросу. I-II, Москва, 1887 г.

Квадри, Владимир Викторович. — Императорская главная квартира. История государевой свиты. Составил полковник В.В. Кварди. С.-Петербург, 1902-1914 гг., тт. I-IV.

Квадри, В.В. — Восемнадцатый век. Царствование Императора Александра II. Т. IV, С.-Петербург, 1914 г.

Коган. — Кончина императора Александра II. Исторический Вестник, 1913 г., стр. 133-135.

Коллинз, Е.А. — Из бумаг одного из преподавателей императора Александра II. Старина и новизна, Москва, 1917 г., кн. 22, стр. 3-17.

Колосов, А. — Александр II, его личность, интимная жизнь и управление. Лондон, 1902 г.

Комаров, В.В. — Дневник событий с 1-го марта по 1-е сентября 1881 года. С.-Петербург, 1882 г.

Комаров, В.В. — Суд над цареубийцами: дело о совершенном 1-го марта 1881 года злодеянии, жертвой коего пал в Бозе почивший император Александр Николаевич. (Заседание Особого присутст-

вия Правительствующего Сената для суждения дел о государственных преступлениях), С.-Петербург, 1881 г.

Дело 1-го марта 1881 года: процесс Рысакова, Михайлова, Гельфман, Кибальчича, Перовской и Желябова. (Правительственный отчет), Одесса, 1906 г. ("Освобождение труда").

Кондарский, В.Х. — Жизнь императора Александра II на левом берегу Крыма. Русская Старина, Петроград, 1913 г., № 8, стр. 251-278.

Корнилов, А.А. — Крестьянская реформа. С.-Петербург, 1905 г.

Корнилов, А.А. — Общественное движение при Александре II. Москва, 1909 г.

Коронование. Описание священнейшего коронования государя императора Александра Второго и государыни императрицы Марии Александровны Всея России. С.-Петербург, изд. Импер. Акад. Наук, 1856 г.

Крепостничество в России: отмена крепостного права. Статьи без авторов.

К истории отмены крепостного права. Русский Архив, 1884 г., III.

Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России. I-III, Берлин, 1861-1862 гг.

Крестьянское дело в Главном Комитете. Русская Старина, 1884 г., XLI.

Лаверецкий, Николай Акимович. — Фотографические снимки бюстов императоров Николая I и Александра II.

Лавров, Петр. — Из жизни императора Александра II. Исторический Вестник, С.-Петербург, 1882 г., том IX, стр. 598-605.

Ланской, граф С.С. — К истории отмены крепостного права. Русский Архив, 1884 г., III. См. также:

Ланской, граф С.С. — Записка. Русский Архив, 1869 г.

Лебедев, Д.П. — Воспитание императора Александра II. Исторический Вестник, С.-Петербург, 1891 г., том 6, стр. 341-364.

Лемке, М. — Политические процессы в России в 1860-х гг. Москва, 1923 г.

Лефло, А.Ш. — Император Александр II и Франция в 1875 г. (Перевод с французского В.В. Тимощук). Русская Старина, С.-Петербург, 1892 г., стр. 197-216.

Левшин, А.И. — Достопамятные минуты в моей жизни. Русский Архив, 1885 г., II.

Липранди, И.П. — Мысли по поводу события 25 мая 1867 г. Общество истории и древностей российских. Чтения. Москва, 1869 г. Кн. 4, Смесь, стр. 89-140.

Любимов, Н.А. — М.Н. Катков и его историческая заслуга. С.-Петербург, 1889 г.

Мердер, К.К. — Записки. Русская Старина, 1885 г., XLVI, XLVII, XLVIII.

Милорадович, Г.А. — Воспоминания камер-пажа Двора Его Величества о коронации императора Александра II. Из дневника графа Милорадовича. 1856 г., Киев, 1883 г.

Милютин, Дмитрий. — Дневник. Тт. I-IV, Москва, 1947-1950 гг.

Милютин, Н.А. — Письма к Ю.Ф. Самарину и Я.А. Соловьеву. Русская Старина, 1880 г., XXXVII.

Муравьев, Андрей Николаевич. — Воспоминание славного коронования. С.-Петербург, 1863 г.

Муравьев, граф М.Н. — Записки о мятеже в Северо-Западной России 1863-1865 гг. Русская Старина 1882 и 1883 гг., XXXVI, XXXVII, XXXVIII.

Муравьев, граф М.Н. — Четыре записки о Северо-Западном крае. Русский Архив, 1885 г., II.

Народовольцы. — Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльнопоселенцев. Кружок народовольцев. Литературная комиссия. — 1-го марта 1881 г. Подготовлено к печати Литературной комиссии Кружка народовольцев в составе А.Я. Якимовой-Диковской, М.Ф. Фроленко, М.И. Дрея, И.Н. Попова, П.Н. Ракитинкова и Е.И. Яковенко. Москва, 1933 г.

Николай Первый. — Последние часы жизни императора Николая I. С.-Петербург, 1855 г.

Никитенко, А.В. — Дневник 1804-1877 гг. С.-Петербург, 1904-1905 гг.

Ольшевский, М.Я. — Князь Александр Иванович Барятинский на Кавказе в 1859 году. Русская Старина, 1880 г., XXIX.

Ольшевский, М.Я. — Император Александр Николаевич на Западном Кавказе в 1861 году. Русская Старина, 1884 г., XLII.

Орлов, князь Н.А. — Об отмене телесных наказаний в Российской Империи и Царстве Польском (Записка). Русская Старина, 1881 г., XXXI.

Павлищев, Н.И. — Седмицы польского мятежа 1861-1864 гг. С.-Петербург, 1887 г.

Палеолог, Жорж-Морис. — Александр II и Екатерина Юрьевская. Перевод с французского Э.Ставрогиной. Предисловие Д.Заславского. Петроград, "Новелла", 1924 г.

Погодин, А.Л. — Император Александр II и его время в оценке сербского общественного мнения. Шестидесятые годы. Русский Научный Институт, Белград, 1934 г., Записки, вып. 13, стр. 1-37.

Последняя польская смута по переписке с 16 февраля 1861 г. по 15 июня 1862 г. Русская Старина, 1882 г., XXXVI и XXXVII.

Пушкарев, С.Г. — Россия в XIX веке (1801-1914). Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1956 г.

Расторгаев, Егор Иванович. — Посещение Сибири в 1837 году его

императорским высочеством государем наследником цесаревичем Александром Николаевичем. С.-Петербург, 1841 г.

Рембелинский, А. — К покушению 4 апреля 1866 года. Исторический Вестник, С.-Петербург, 1906 г., стр. 86-91.

Ростовцев, Я.И. — Предсмертная записка Я.И. Ростовцева о крестьянском деле. Русская Старина, 1880 г., XXVII.

Савин, А. — Николай I и царевич Александр Николаевич в переписке 1846-1847 гг. Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. Институт истории. Сборник статей. Москва, 1925 г., вып. I, стр. 117-159.

Сандомирский, Г. — Александр II и императрица Евгения. Былое. Петроград, 1923 г., № 22, стр. 142-149.

Сафонов, А.П. — Исторический очерк жизни и царствования императора Александра II. С.-Петербург, 1886 г.

Семенов, Н.П. — Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу. С.-Петербург, 1889-1892 гг., тт. I-IV.

Скребицкий, А.И. — Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян по официальным источникам. Бонн-на-Рейне, 1862-1868 гг.

Соллогуб, В.А. — Дневник высочайшего пребывания Императора Александра Второго на Дунае в 1877 году. С.-Петербург, 1878 г.

Татищев, С.С. — Император Александр Второй: его жизнь и царствование. Тт. I-II, С.-Петербург, 1911 г.

Тимирязев, В.А. — Двадцатилетняя служба России Царя-Освободителя. Исторический Вестник, С.-Петербург, 1903 г.

Титов, А.А. — Реформы Александра II и их судьба. Москва, 1910 г.

Толстой-Знаменский, граф. — Из записок. Русский Архив, 1885 г., II.

Тютчев, Н.С. — 1-го марта 1881 года. Прокламации и воззвания после цареубийства. Историко-революционная библиотека, Петроград, 1920.

Фроленко, М.Ф. — 1881 год. С планом места событий 1-го марта. Дешевая библиотека журнала "Каторга и ссылка", год I, Москва, 1923 г., № 11.

Чичагов, Л.М. — Дневник пребывания Царя-Освободителя в дунайской армии в 1877 году. С.-Петербург, 1885 г.

Шевцов, Г.М. — Венок Царю-Освободителю, бессмертному освободителю русских крестьян и славянских народов, христолюбивому всероссийскому Государю Императору Александру II Благословенному, величайшему из монархов всего мира и незабвенному другу человечества. Издание третье, дополненное. С.-Петербург, 1882 г.

Шилов, Алексей Алексеевич. — Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Историко-революционная библиотека, Петроград, 1919 г.

Юрьевич, Е.А. — Дорожные письма во время путешествия по России с Царевичем Александром Николаевичем в 1837 году. Русский Архив, 1887 г., I и II.

БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Alexander II, Czar of Russia. — Briefe des Czesarewitsch Alexander Nikolaewitsch an seinen Erzieher K.K.Mörder. Monatsschrift für die Kunde Russlands, B. XXVI, St. Petersburg, 1886, pp. 249-264.

Alexander II, Czar of Russia. — Letters to Princess Ekaterina Dolgorukaya (Yurievskaya). Three letters (In Oxford Slavonic papers.) Oxford, vol. II, 1964, pp. 94-100. (Edited by S.Konovalov.)

Alexander the Second, Czar of Russia. — Вся переписка между Императором Александром Николаевичем и его морганатической супругой княгиней Екатериной Михайловной Долгоруковой-Юрьевской велась на французском языке. Лишь редкие отдельные слова и выражения были русские, случайно включенные в эти письма. Письма императора Александра и княгини Юрьевской были переведены на английский язык и изданы Александром Тарсаидзе: Alexander Tarsaidzé. — Katia wife before God. New York, 1970, pp. 120-230 etc.

Abrikossow, D. — Revelations of a Russian Diplomat. (Edited by George Alexander Lensen.) Seattle, 1964.

Alexander Grand Duke of Russia. — Once a Grand Duke. New York, 1932.

Alice, Grand Duchess of Hesse, Princess of Great Britain and Ireland. — Biographical Sketch and Letters. (John Murray), London, 1884.

Almedingen, E.M. — The Emperor Alexander II. London, 1962.

Arnaud, C.A. de. — The Union and Its Ally Russia, Washington, 1890.

Aronson, Theodore. — Royal Vendetta. New York, 1966.

Athlone, Princess Alice. — For My Greatchildren. New York, 1966.

Aucaigne, Felix. — L'Alliance Russo-Américaine. Paris 1863.

Bailey, Thomas. — Why the United States Purchased Alaska? Pacific Historical Review, III, 1934.

Bancroft, Frederic. — William H. Seward. New York, 1900.

Beust, Fr.Ferd. Graf von. — Aus Drei Viertel Jahrhunderten Erinnerungen und Aufzeichnungen. Stuttgart, 1887.

Bismarck, Otto Fürst von. — Ausgewählte Reden 1862-1881. I-III, Berlin, 1882.

Bismarckbriefe — 1844-1870. Bielefeld und Leipzig, 1880.

Blanch, Lesley. — The Sabres of Paradise. New York, 1960.

Blinn, Harold. — Seward and the Polish Rebellion. American Historical Review, XLV, 1940.

Bolitho, Hector. — Reign of Queen Victoria. New York, 1948.

Bruce, Robert. — 1877, Year of Violence. New York, 1959.

Burton, Jean. — Hey-Day of a Wizard. New York, 1944.

Busch, Moritz. — Furst von Bismarck und seine Leute im Jahre 1870-1871. Leipzig, 1878.

Busch, Moritz. — Unser Reichskanzler. Leipzig, 1884.

Buxhoeveden, Sophie Baroness. — Before the Storm. London, 1938.

Byrnes, Robert. — Pobedonostsev on the Role of Changes in History. The Russian Review, XXVI, 1967, No 3, pp. 231-250.

Carr, Edward Hallett. — Studies in Revolution. London, 1950.

Carr, Edward Hallett. — Bakunin. London, 1937.

Carr, Edward Hallett. — The Romantic Exiles. London, 1933.

Charles-Roux, François-Jules. — Alexandre II, Gorchakov et Napoléon III. Paris, 1913.

Churchill, Randolph. — Winston Churchill Youth — 1874-1900. Vol. I, Boston, 1966.

Coleman, Marion M. — Eugene Schyler Diplomat Extraordinary from the United States to Russia, 1867-1876. Russian Review, VII, 1947.

Cookridge, E.H. — From Battenberg to Mountbatten. New York, 1966.

Creston, Dormer. — The Youthful Queen Victoria. New York, 1952.

Crimée. — Etude diplomatique sur la guerre de Crimee. Vols. I-II, Paris, 1874.

Custine, Astolphe Louis Lénor Marquis de. — Lettres de Russie. Paris, 1946.

Custine, Astolphe Louis Lénor Marquis de. — La Russie en 1839. Paris, 1943.

Documents diplomatiques sur les Affaires de Pologne (Livre Jaune). Paris, 1863.

Dolgorouky, Stéphanie Princesse. — La Russie avant la débacle. Paris, 1926.

Dugan, James. — The Great Mutiny. New York, 1965.

Eyeck, Frank. — The Prince Consort. Boston, 1959.

Figner, Vera Nikolayevna. — Das Attentat auf den Zaren Alexander II. Einleitung von J.Jussow. Berlin, 1926.

Figner, Vera Nikolayevna. — Mémoires d'une révolutionnaire. Paris, 1930.

Flô, General Le. — L'Empereur Alexandre II et la France en 1875. Révelations. Le Figaro, Paris, 1887.

Fletcher, Giles. — Of the Russe Common Wealth, London, 1859.

Footman, D.J. — Red Prelude: a Life of A.I. Zhelyabov, etc. London, 1963.

Geffeken, Heinrich. — Zur Geschichte des Orientalischen Krieges 1855-1856. Berlin, 1881.

Gide, André. — Back from the USSR. London, 1937.

Gilbert, Benjamin F. — Welcome to the Czar's Fleet: An Incident of Civil War Days in San-Francisco. California Historical Society Quarterly, March, 1947.

Graham, Stephen. — Tsar of Freedom: The Life and Reign of Alexander II. New York, 1935. (Reprinted in 1968.)

Greenberg, Louis. — The Jews in Russia. New Haven, 1944.

Greene, F.V. — Army Life in Russia. New York, 1880.

Grunwald, Constantin de. — Un grand tournant de l'Histoire Russe: l'avénement d'Alexandre III. Institut de France, Revue des Travaux, Paris, 1952, pp. 67-70.

Hansen-Taylor, Marie & Scudder, H.E. — Life and Letters of Bayard Taylor. Boston, 1885.

Herzen, A.I. — Memoirs in Constance Garnett edition. London, 1924.
Herzen, Alexander. — From the Other Shore and the Russian People and Socialism. London, 1956.

Herzen, Alexander. — My Past and Thoughts. Translated by Constance Garnett. London, 1924-1927, Vols. I-VII.

Hyde, H. Montgomery. — Princess Liven. Boston, 1938.

Jahn, Ludwig. — Fürst Bismarck, Sein politisches Leben und Wirken. Vols. I-IV, Berlin, 1878.

Jasmund, Dr. I. von. — Actenstücke zur Orientalischen Frage zusammengestellt. Vols. I-III, Berlin, 1855-1859.

Kelen, Betty. — The Mistresses. New York, 1966.

Kocherov, Samuel. — Courts, Lawyers and Trials under the Last Three Czars. New York, 1953.

Konovalov, Serge. — The Emperor Alexander II and Princess Ekaterina Dolgorukaya (Yurievskaya) nine letters. Princess E.Dolgorukaya to Alexander II — three letters. Oxford University Slavonic Papers, pp. 94-109.

Kropotkin, Prince Peter. — Memoirs of a Revolutionary. London, 1899.

Laserson, Max. — The American Impact on Russia 1784-1917. New York, 1950.

Laue, Teodore von. — Serguei Witte and the Industrialization of Russia. New York, 1963.

Liscicki, Henry. — Le Marquis Wielopolski, sa vie et son temps. Vols. I-II, Vienne, 1880.

Loubat, J.F. — Mission to Russia in 1886. New York, 1873.

Medicott, W.N. — The Congress of Berlin and After. London, 1963.

Metternich, Klemens Prince. — Mémoires. Paris, 1884.

Morny, Charles Duc de. — Un ambassade en Russie (Extrait des Mémoires). Paris, 1892.

Mosse, W.E. — Alexander II and the Modernization of Russia. New York, 1958.

Narishkin-Kurakin, Elizabeth. — Under Three Tsars. New York, 1931.

Obolensky, Serge. — One Man in His Time. New York, 1958.

Paléologue, Maurice. — Le Roman tragique de l'Empereur Alexandre II. Paris, 1923, Revue des deux mondes, tome XIII, pp. 202-314.

Paléologue, Georges Maurice. — Le roman tragique l'Empereur Alexandre II. Avec sept portraits. Paris, 1923.

Petrovich, M.B. — The Emergence of Russian Panslavism. New York, 1956.

Platt, Thomas Benjamin. — Russian-American Relations 1815-1867. Baltimore, 1930.

Pomeroy, Earl S. — The Visit of the Russian Fleet in 1863. New York History, XXIV, 1943.

Reid, Virginia. — The Purchase of Alaska. Contemporary Opinion. New York, 1940.

Robertson, James Rood. — A Kenttuckian at the Court of the Tsars. The Ministery of Cassius M. Clay (1861-1862; 1863-1869). Berea, 1935.

Seward, William H. — Autobiography and Selections from Letters. New York, 1877-1891.

Sinel, Allen. — The Classroom and the Chancellery. Cambridge, Mass., and London, 1975.

Straus, O.S. — The United States and Russia. Their Historic Relations. North-American Review, August, 1905.

Summer, B.H. — Russia and the Balkans, 1870-1880. London, 1937.

Summer, Charles. — The Cession of Russian America. A Speech made by the Senator from Massachusetts in the U.S. Senate during the Debate over the Purchase of Alaska. Washington, 1867.

Tolf, Robert W. — The Russian Rockefellers. (About Alfred Nobel brothers — Robert and Ludwig Nobel especially in the Russian Baku oilfields.) 1976.

Troyat, Henri. — Alexandre II Empereur de Russie. Son drame. Sainte Russie. Souvenirs et Reflexions. Paris, 1958.

Vassili, Count Paul. — Behind the Veil at the Russian Court. New York, 1914.

Venturi, Franco. — Il Populismo Russo. Torino, 1952.

Vucinich, Wayne S. — The Peasants in Nineteenth-Century Russia. Stanford, California, 1968.

Witte, Serge. — The Memoirs of Count Witte. Garden City, 1921.

Yourievsky, HSH. Princess Catherine. — My Book. London, 1924.

Zenkovsky, Serge. — The Emancipation of the Serfs in Retrospect. The Russian Review, XX, 4, 1961, pp. 280-293.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. Отзывы рецензентов и читателей о первом томе 7

Краткое введение ко второму тому 20

Часть первая: Детство и отрочество

Глава 1. Саша 31

Глава 2. Первые годы 41

Глава 3. Воспитание Саши 54

Глава 4. Отрочество Саши 76

Часть вторая: Юношество Александра Николаевича

Глава 5. Совершеннолетие наследника престола. 101

Глава 6. Высшее образование Александра 117

Глава 7. Путешествие по России. Встреча с Герценом 123

Глава 8. Личные переживания молодого человека . . . 138

Глава 9. Первая любовь английской королевы Виктории 159

Глава 10. Женитьба 180

Часть третья: Зрелые годы

Глава 11. Счастливые годы — 1841-1851 197

Глава 12. Тучи над Россией 205

Глава 13. Крымская война 214

Глава 14. "Le Roi est mort, vive le roi!" 222

Часть четвертая. Политика молодого императора

Глава 15. Дипломатическая подготовка мира 237

Глава 16. Парижский мир 246

Глава 17. Коронация 255
Глава 18. Александр в центре мировой политики ...269
Глава 19. Освобождение крестьян 275
Глава 20. Польская трагедия 330
Глава 21. Александр Второй спасает Соединенные Штаты от интервенции Англии и Франции 337
Глава 22. Либеральные законы Александра в защиту русских евреев 353
Глава 23. Рост общественных сил в России 360
Глава 24. Управление царя-освободителя 384
Глава 25. "Дружеское соглашение" между Россией Англией и Францией 404

Часть пятая: Последний период правления императора Александра Второго

Глава 26. Апрельское восстание в Болгарии в 1876 году 432
Глава 27. Американец Мак-Гахан и освободительная война 1877-78 гг. 445
Глава 28. Россия и Болгария перед освободительной войной 1877-78 гг. 467
Глава 29. Освобождение Болгарии 478
Глава 30. Личная драма Александра 525
Глава 31. Цареубийство 572

Приложение: О европеизации русского костюма в царствование Александра Второго 602

Библиография литературы на русском языке 617
Библиография литературы на иностранных языках 624